

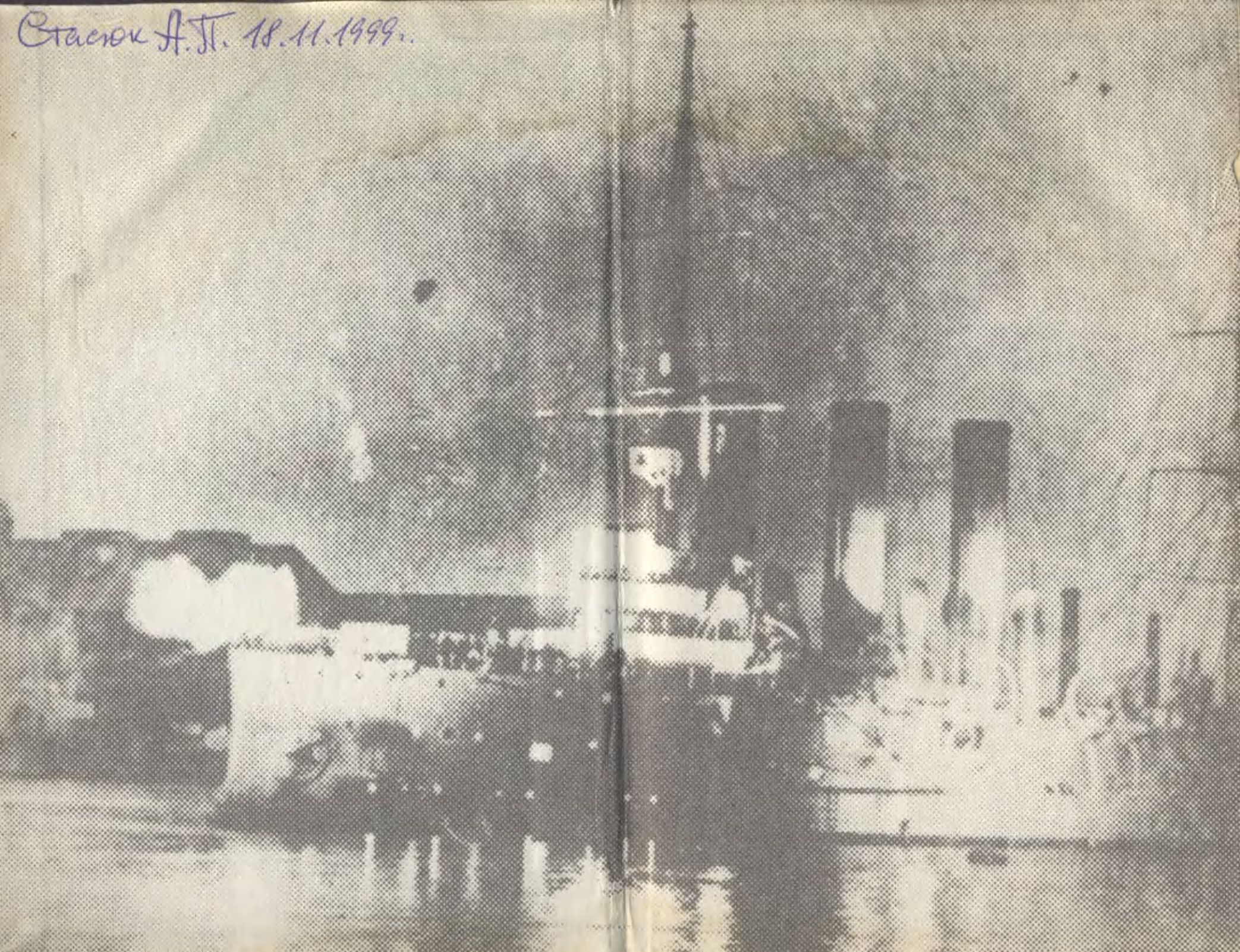
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

ЛЮДИ

ПРОБЛЕМЫ

ФАКТЫ

Старов А.И. 18.11.1999.

Государственный Комитет СССР
по народному образованию

НИИ содержания и методов обучения
Академии педагогических наук СССР

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

ФАКТЫ,
ПРОБЛЕМЫ,
ЛЮДИ

Москва
Издательство
политической
литературы
1989

Под общей редакцией
члена-корреспондента Академии педагогических
наук СССР
А. Т. Кинкулькина

Составители:
Г. В. Клокова
А. Г. Колосков
Е. А. Гевуркова
Л. И. Ларина

С83

Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди /Под общ. ред. А. Т. Кинкулькина; Сост.: Г. В. Клокова и др.— М.: Политиздат, 1989.— 447 с.
ISBN 5—250—01044—X

В сборник включены исследовательские статьи, проблемные очерки, освещающие переломные этапы истории советского общества
Книга издается в помощь учителю

С 0503020000—275
079(02)—89

ББК 63.3(2)7

ISBN 5—250—01044—X

© ПОЛИТИЗДАТ, 1989

ВВЕДЕНИЕ

В условиях перестройки всех сфер нашей общественной жизни, гласности и демократизации происходит подлинная революция сознания, без которой немислимы обновление социализма, его прогресс на новом историческом этапе. Один из зримых показателей этой революции сознания — возросший интерес к прошлому Отечества. Поистине всенародным стало стремление достоверно, глубоко изучить и осмыслить итоги семи советских десятилетий.

Общество ратует за то, чтобы были исследованы причины, сущность и вдохновляющих успехов, достигнутых на фундаменте, заложенном Великим Октябрем, и драматических (а часто трагических) испытаний в развитии страны. Никогда прежде не было таким острым желание ликвидировать «белые пятна», увидеть вплетенные в историю судьбы людей, эмоционально окрашенную картину постоянно изменяющейся жизни масс и личностей, ибо, как говорил французский историк-антифашист Марк Блок, «история — наука о людях во времени». Эта мысль особенно близка участникам нашей перестройки, ставящей человека в центр общественных интересов.

Удовлетворению интереса к прошлому, созданию правдивой и разносторонней картины сложного и противоречивого исторического развития пока еще мало помогают капитальные труды. Это и не удивительно: застой в науке был длителен. Выпущенные ранее монографии, очерки и курсы лекций не свободны от ошибок и фальши, во многом не соответствуют требованиям современного исторического видения, в основе которого — научный историзм, правда, борьба с догматизмом, возрождение творческих начал научного, гуманного социализма. Особенно отстают от подлинной науки учебники, учебные пособия для общеобразовательных школ и СПТУ, для техникумов и вузов. И это обстоятельство вдвойне огорчительно. Огорчительно прежде всего для учащихся,

чье по-юношески страстное стремление к правде вдохновляется и поддерживается всей политической и нравственной атмосферой в стране; деформированное изложение в учебниках вызывает у молодежи обоснованный скептицизм, снижает не только интерес к истории, но и доверие к науке. Огорчительно и для преподавателей, испытывающих большие затруднения, не только профессиональные, но и моральные: недостаточность материала сокращает возможности для исполнения их первейшего нравственного долга — дать достоверный и полный обзор событий, впечатляющий очерк деятельности людей. Ведь именно в молодежной аудитории особенно нужен яркий, насыщенный фактами и посильными обобщениями рассказ о преобразовании страны, особенно нужны правильная оценка периода культа личности и застойного периода, показ того, что извращало ленинский облик социализма.

Развернувшийся в нашем обществе небывалый доселе открытый, интеллектуально насыщенный разговор об истории и современности находит свое отражение преимущественно в периодической печати — в научных, литературно-художественных, публицистических, общественно-политических изданиях: они-то на ближайшие годы, пока не будут созданы новые учебники и научные труды, и останутся фактически единственным источником, могущим по самому своему характеру своевременно обнародовать результаты (хотя бы частичные) научных изысканий, оперативно удовлетворить многие запросы преподавателей, пропагандистов, молодежи, проявляющей особую заинтересованность в правдивом изложении истории. Разительны в этой связи данные бесед со старшеклассниками, проведенных в середине 1988 г. на тему, что является для них главным источником знаний о советской истории. Большинство учащихся (от 53 до 77 процентов) отдали предпочтение отнюдь не учебникам, а публикациям в периодической печати.

Однако регулярное обращение к периодике не всегда доступно. Да и трудно одному человеку уследить за публикациями десятков газет и журналов. Некоторые издания малотиражны, поэтому их массовое использование практически почти исключено. Вызывает определенные сложности и систематизация публикуемого. Даже если учитель прочитал многие статьи, он не может постоянно иметь их текст на своем рабочем столе (из-за плохой оснащенности школьных библиотек и кабинетов), лишен возможности предложить молодежи публикации для самостоятельного чтения, изучения, продумывания.

Облегчить использование в преподавательской, пропагандистской деятельности материалов периодической печати по вопросам советской истории — главная задача данной книги. Она построена по проблемно-хронологическому принципу. Первый раздел содержит материалы, способствующие выработке четкого методологического подхода к изложению фактов, событий, явлений. Здесь освещены проблемы, касающиеся, как правило, оценки всей послеоктябрьской истории страны. Последующие разделы соответствуют крупным хронологическим периодам: от победы социалистической революции в России до современности. Конечно, сборник статей из периодики не может претендовать на хотя бы относительную хронологическую и тематическую полноту. В книгу включены статьи лишь по части тех проблем, которые в последнее время (декабрь 1987 — декабрь 1988 г.) вызвали наиболее пристальное внимание исследователей и соответственно нашли отражение в печати. Помещенный в конце книги библиографический указатель поможет читателю ориентироваться в публикациях, которые в данное издание не вошли.

Включенные в сборник статьи во многом основаны на тексте первоначальных журнальных публикаций. Авторы несколько пересмотрели содержание статей, прежде всего с позиций обновления и уточнения материала, с учетом специфических требований школьных учебных программ. Несколько статей были специально написаны для данного сборника.

Поскольку книга ориентирована на преподавателей, выскажем несколько соображений об ее использовании в школе.

Содержание книги призвано содействовать прежде всего самоподготовке педагога. Часть материала может быть им текстуально или в пересказе приведена на уроках, факультативных занятиях, использована в работе политических клубов, при подготовке ученических конференций, Ленинских чтений и т. п. Вполне возможно и целесообразно чтение всей книги или ее отдельных частей старшеклассниками. Здесь уместна рекомендация педагога, особенно опирающаяся на известные ему или выявленные во время занятий интересы и запросы своих питомцев. Непосредственное обращение к книге расширит кругозор юношей и девушек, их возможности самостоятельного творческого использования публикуемых сведений (в частности, биографического характера), для подготовки сообщений как на уроках, так и конференциях, проводимых комсомольскими организациями. Один из возможных примеров такого использования книги — подго-

товка вечеров, конференций, посвященных тем или иным историческим периодам.

В статьях сборника нередко представлены различные научные точки зрения на одну и ту же проблему, не совпадающие друг с другом оценки исторических личностей. Это — свидетельство и продолжающегося научного поиска, и все более входящего в жизнь социалистического плюрализма мнений. Вполне допустимо, даже полезно разъяснять различные точки зрения учащимся, вместе с ними сопоставлять высказанные взгляды. Это будет способствовать интеллектуальному развитию личности, серьезному и объективному подходу к урокам истории, пониманию движения науки, того, что добывание истины — многотрудный процесс. Такой подход поможет и формированию умения думать самостоятельно, самому вырабатывать, излагать и отстаивать свою точку зрения, базирующуюся на знании определенной совокупности фактов о жизни общества, масс и отдельных людей, на анализе этих фактов с диалектико-материалистических позиций.

А. Кинкулькин

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

В ЦК КПСС

Под председательством М. С. Горбачева состоялось заседание комиссии ЦК КПСС по подготовке «Очерков истории КПСС».

Комиссия обсудила подходы к разработке концепции «Очерков». При этом подчеркивалось, что одним из важнейших требований при подготовке книги является безусловное соблюдение историзма, показ во всей сложности и противоречивости, правдиво, с предельной научной добросовестностью процесса становления и деятельности партии на всех этапах ее истории.

Ленинизм как течение общественной мысли, как идеологическая и теоретическая основа большевистской партии воспринял и усвоил огромный интеллектуальный и нравственный потенциал, накопленный Россией и Европой к концу XIX в. Революционность ленинизма опиралась на лучшие гуманистические традиции всего человечества. Этим и определялась беззаветная верность партии большевиков идеям социализма, демократии, коммунистической морали и товарищества. Это позволило ей стать подлинным авангардом, способным поднять рабочий класс, народы России на победоносную социалистическую революцию, возглавить строительство нового общества.

На заседании комиссии подчеркивалось, что при подготовке «Очерков истории КПСС» значительные усилия потребуются для изучения и осмысления действительного развития событий в послеоктябрьский период.

Подчеркивалась необходимость всестороннего анализа деятельности как руководящих органов, так и всей партии в процессе социалистического строительства, дать характеристику выдающихся партийцев и местных организаций, обобщить накопленный на различных этапах опыт в свете нынешних возможностей научного исследования, извлечь уроки для деятельности партии при решении задач, выдвигаемых развитием современного мира, требованиями обновления и прогресса социализма на новом этапе мировой истории.

Предстоит дать честный и откровенный анализ причин деформаций, отступлений от ленинской концепции социализма, исчерпывающе разобраться в том, почему в ходе преобразования страны под знаменем Октября, что явилось великим историческим

подвигом партии и народа, не были своевременно предотвращены возникновение и разрастание авторитарно-бюрократических извращений и их последствия.

Комиссия рассмотрела вопрос о характере и структуре «Очерков истории КПСС». Для подготовки издания привлекается значительный новый материал, который позволит объективно осветить сложные события, опираясь на документы и проверенные факты. «Очерки» в этом смысле могут стать научным ориентиром для дальнейшего углубления и всестороннего исследования истории партии и советского общества.

К работе будет привлекаться широкий круг авторов. Она будет организована на конкурсной, соревновательной основе. Комиссия будет приветствовать соображения и пожелания, которые могут быть присланы в ее адрес, по организации работы над «Очерками», по их содержанию, структуре, освещению отдельных вопросов.

Правда. 1988 13 окт

Г. Л. Смирнов

К ВОПРОСУ О ЛЕНИНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛИЗМА

Порой высказывается недовольство тем, что в наши дни слишком много пишут и говорят на исторические темы. Своеобразный бум интереса к прошлому, недавнему и далекому, особенно к истории советского периода, — отнюдь не мода и не каприз. Интерес этот действительно, можно сказать, неодолимо вызван глубинными запросами сегодняшней жизни, прежде всего потребностями обновления и перестройки социалистического общества. Столкнувшись с проявлениями предкризисного состояния, стагнации, застоя, каждый, кто обеспокоен судьбами страны, не может не задуматься об истоках этих явлений, не может не обратиться к истории.

И естественно также в этой связи наше обращение к В. И. Ленину, его идейно-теоретическому наследию. Как бы ни были сложны наши пути-дороги, как бы ни извращались ленинские заветы, Ленин всегда дорог советским людям, к нему обращались наши мысли, у него искали мы советов при решении жгучих вопросов, выдвигаемых жизнью.

Известно, что в партийные документы прочно вошла формула: цель перестройки — обеспечить новое качественное состояние советского общества, теоретически и практически полностью восстановить ленинскую концепцию социализма, приоритет человека труда с его идеалами, гуманистические ценности в экономике, социальных и политических отношениях, культуре.

Конечно, при этом возникают непростые вопросы: если речь идет о восстановлении ленинской концепции социализма, то в чем же состояло отступление от нее? Какими же путями в таком случае развивалось советское общество в течение десятилетий? Какие же причины — объективного и субъективного порядка — привели к отклонению от ленинской концепции социализма? И наконец, дает ли обращение к Ленину гарантию успешного решения накопившихся проблем? Известно, что кое-кто пытается на Ленина переложить ответственность за многие просчеты и драматические страницы нашей истории.

Разумеется, полностью раскрыть ленинскую концепцию социализма, ответить на все сложные вопросы в одной публикации невозможно. Но потребность в этом велика, дискуссии идут, и нам хотелось бы высказать свою точку зрения по этим проблемам.

Рассмотреть ленинскую концепцию социализма — значит дать характеристику основным элементам его представлений о социализме как системе, выявить ее ведущие идеи в развитии. В развитии, потому что ленинские представления о социализме отразили и унаследованное от К. Маркса, и накопленный при жизни Ленина опыт, прежде всего опыт созидания новых общественных отношений. Так, пришлось отказаться от ранних представлений о неизбежности замены при социализме товарно-денежного обращения прямым продуктообменом, признать обязательность товарно-денежных отношений, по-новому увидеть роль хозрасчета, кооперации, вместо всеобщего вооружения народа осознать необходимость создания регулярной армии социалистического государства. Хотя Ленин научно предсказал возможность победы социалистической революции в одной, отдельно взятой стране, он, как и его соратники, все же рассчитывал на развертывание мировой пролетарской революции. Поэтому первоначальные планы созидания нового общества выглядели в значительной мере иначе, чем те, по которым шло его строительство в действительности.

Обществоведы еще мало сделали, чтобы изучить эволюцию взглядов Ленина по вопросам теории социализма, показать то новое, что внес он по сравнению с Марксом. Еще меньше исследовано изменение взглядов самого Ленина. Представление, что Ленин мог их менять, от чего-то отказываться, даже ошибаться, считалось долгое время просто кощунственным. Между тем Ленин говорил в марте 1922 г. на XI съезде РКП(б), что «дело наше будет невероятно трудным, в котором будет, несомненно, ряд ошибок. Главное: надо трезво уметь смотреть, где такие ошибки допущены, и переделывать все сначала. Если не два, а даже много раз придется переделывать все сначала, то это покажет, что мы без предрассудков, трезвыми глазами подходим к нашей величайшей в мире задаче»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 75—76.

Но, ошибки ошибкам — рознь. Бывают ошибки-просчеты, которые происходили и происходят из-за недостаточного учета материальных возможностей, интересов слоев и групп населения. Но Ленина беспокоила надвигавшаяся опасность, чреватая серьезными политическими последствиями. В декабре 1922 г. в письме к XII съезду партии Ленин пишет о необходимости ряда перемен в нашем политическом строе¹, говорит об устойчивости ЦК и прямо заявляет: «Под устойчивостью Центрального Комитета... я разумею меры против раскола»².

К сожалению, ленинские советы относительно перемещения Сталина с поста генерального секретаря ЦК, его заветы, касающиеся развития партийной и государственной демократии, не были выполнены. За это в первую очередь несут ответственность члены тогдашнего Политбюро ЦК — Каменев, Зиновьев, Троцкий, Сталин и другие. Тем самым было положено начало отступлению от ленинского видения социализма, что привело затем к трагическим последствиям гигантских размеров.

Если отбросить в сторону различные нюансы в точках зрения, встречающихся в публицистических и научных материалах, посвященных нашей истории, то можно выделить, по крайней мере, два основных подхода к ее оценке.

Сторонники одного из них утверждают, что в результате огромных усилий партии и народа, несмотря на колоссальный ущерб, нанесенный делу социализма и авторитету партии репрессивной деятельностью Сталина, несмотря на глубокие отступления от ленинских заветов, основы социализма в нашей стране все же были построены. Возникли большие деформации в экономике и политике, которые привели в конце концов советское общество к застою, поставили его в предкризисное состояние. Разные авторы называют наш социализм по-разному: «ранним», «казарменным», «государственным», «деформированным» и т. д. Но они так или иначе признают факт создания реальных форм социалистических отношений, как говорят, общества с прочным фундаментом и надежными несущими конструкциями.

Другой подход выражается в утверждении, что никакого социализма в нашей стране нет и не было. Более того, встречаются и суждения, что сделанный партией и народом в 1917 г. выбор оказался неправильным.

Видимо, нельзя просто отмахнуться от подобных мнений. Перед нами встает во всей своей жестокости и бессмысленности трагедия массовых сталинских репрессий по отношению к миллионам коммунистов и беспартийных. Нельзя не признать свертыwanie социалистической демократии, хроническое пренебрежение к социальным потребностям людей. Разве все это не может не порождать горьких вопросов?

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 343.

² Там же. С. 344.

Более того, мы столкнулись с явлениями, которые вовсе не могли предвидеть, а именно с явлениями отчуждения человека от общественной собственности («ничейная» собственность), от политики, идеологии. Казалось, наоборот, тот энтузиазм, который проявился в ходе строительства нового общества, свидетельствует о преодолении отчуждения. Но командно-административная система с разросшимся бюрократическим аппаратом во многом лишила трудящихся права на самостоятельность и инициативу в общественном творчестве, обрекла людей на пассивность и апатию. Это и стало общим фронтом, на котором развились отвратительные явления коррупции, вседозволенности, перерождения. Все эти деформации отнюдь не прибавляют авторитета нашей стране.

Встает вопрос: кто же прав? В чем правда?

Исторический процесс многомерен, он базируется на разных социально-экономических укладах, захватывает десятки и сотни миллионов людей, следовательно, он никогда не бывает однороден. Поэтому нельзя подходить к оценке исторических форм и явлений с одномерных позиций, когда видят лишь позитивные или только негативные, драматические стороны. Определяющую роль в жизни советского общества сыграли социалистические преобразования, сильнейшее влияние идей Ленина, социализма, Октября.

Как бы ни были сильны авторитарно-бюрократические извращения, мы, несомненно, имеем социалистическую экономику, базирующуюся на общественной собственности на средства производства, с огромным опытом ведения планового хозяйства, со значительными завоеваниями. В советском обществе нет эксплуататорских классов — это общество трудящихся; общественные богатства обращены на удовлетворение общественных потребностей, подъем культуры народа. Хотя в распределении по труду имеется множество несовершенств, встречаются факты стихийного перераспределения доходов и даже подпольная (теневая) экономика, господствующее положение у нас занимает социалистический принцип распределения и социалистическое производство.

В народе всегда были сильны устремления к социалистическому укладу, социальной справедливости, коллективизму и интернационализму. Другое дело, что потребности наши гигантски возросли и они удовлетворяются не полностью, особенно если иметь в виду хроническую недооценку социальной сферы, наличие дефицита товаров и услуг. Но деформации не изменили основ социалистической идеологии и социалистического образа жизни.

Иначе говоря, социализм утвердился и развивался в нашей стране и в сознании масс, и в реальных общественных отношениях, хотя развитие шло неравномерно, подвергаясь и разрушительным воздействиям. Все это говорит о том, что в тяжелое, предкризисное состояние попало социалистическое общество и перестраивать нужно его, а не некую неизвестную реальность.

И еще одно соображение нельзя упускать из виду. С древнейших времен в рамках одной и той же социально-экономической

формации были разные политические режимы — более или менее диктаторские, абсолютистские, демократичные, либеральные. Это, несомненно, оказывало более или менее качественное или позитивное воздействие на развитие общества, но не меняло существа общественно-экономического строя. Примеров таких немало и в новейшей истории. Этого не следует забывать при оценке критериев развития социализма в СССР.

Посмотрим на этот же вопрос несколько шире. Если в Советском Союзе нет социалистического общества, то с таким же основанием можно сказать, что его нет в Венгрии, Чехословакии, ГДР и других странах, то есть вообще не существует в мире. И получится, что нет мировой системы социализма. Но ведь новый образец жизни — именно социалистический образец. Эта система играла и продолжает играть гигантскую прогрессивную роль в мире, и социалистический строй продолжает выступать инициатором наиболее авторитетных, притягательных, гуманистических идей, оказывает благотворное воздействие на развитие мировой цивилизации. Значит, тот, кто утверждает, что в мире нет социализма, не только берет на себя огромную моральную ответственность, но и находится в глубоком конфликте с реальной действительностью.

Некоторые пишущие (и печатающиеся!) даже берут под сомнение наличие у Ленина концепции социализма. Речь, очевидно, идет о том, стоит ли нам обращаться сейчас к Ленину, не лучше ли пойти каким-то своим, особым путем. Конечно, Ленин осторожно относился к прогнозам, конкретным высказываниям на тему, каким в деталях будет будущее социалистическое общество. Но некто иной, как Ленин, научно осмысливая практику своей страны, партии, высказал жизненно важные и фундаментальные положения о социалистических преобразованиях, охватывающих все основные стороны общественной жизни, пути и способы построения социализма. Это дает нам полное основание сказать: ленинская концепция социализма — реальность, она и ныне является ориентиром для нашей партии и других марксистско-ленинских партий. Разумеется, многое из современной действительности даже Ленину трудно было предвидеть, многие его практические советы были годны лишь для своего времени. Но разве это умаляет то главное, что составляло ленинское представление о социализме?!

И еще одно. Если, по утверждениям некоторых, не было концепции социализма у Ленина, то получается, что ее не было и у Маркса и Энгельса, ведь свое учение Ленин базировал именно на их учении. Согласно такой логике выходит, что вообще нет теории научного социализма.

Говоря о ленинской концепции, мы, конечно, не должны забывать, что она выступает в конечном итоге как идея построения социализма в одной, отдельно взятой стране. Перед Октябрьской революцией и даже во время революции Ленин и его соратники, исходя из учения Маркса и Энгельса, мыслили строительство

социализма в России в сотрудничестве с победившим пролетариатом ряда развитых стран Европы. Это диктовалось, помимо иных соображений, сложностью предстоящих задач: впервые речь шла о ликвидации эксплуататорского строя, для чего нужны были усилия пролетариев многих развитых стран капитализма. К концу гражданской войны стало очевидно, что пролетарские революции на Западе оказались подавленными (не без участия буржуазных демократий) и строить социализм придется в одной стране, со средним уровнем развития капитализма, разоренной войной, в условиях враждебного капиталистического окружения.

Вопрос о возможности построения социализма в России становится главным вопросом дискуссий в 20-х годах внутри партии. Убежденность Ленина в успехе такого строительства, а точнее, расчет Ленина зиждутся на ряде моментов: Россия являлась мировой державой с огромными природными ресурсами, в ней сформировался боевой рабочий класс, поддерживаемый крестьянскими массами. Во главе трудящихся масс страны стояла революционная партия нового типа. Надо полагать, что Владимир Ильич глубоко верил в гигантские возможности социалистического строя, неиссякаемый родник творческих сил народа, в его заинтересованность в социализме.

Отвечая своим оппонентам, в том числе и лидерам II Интернационала, которые отрицали возможность построения социализма в России, Ленин писал: «Для создания социализма, говорите вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму?»¹ Это, конечно, полемическая фраза, она не охватывает всей ситуации, в ней не отражен тот факт, что в России существовали и объективные, и субъективные предпосылки для социалистических преобразований, которые можно было использовать в полной мере. Жизнь подтвердила правоту Ленина и вместе с тем показала опасность отступлений от его заветов.

Следовало бы в связи с этим подчеркнуть, что в создание предпосылок цивилизованности, которые одновременно означали начало движения к социализму, для Ленина обязательно входила индустриализация Советской России, строительство современной промышленности и научной базы и перевод отсталого единоличного крестьянского хозяйства на рельсы кооперации, осуществление культурной революции, развитие социалистического самоуправления народа, укрепление федерации свободных наций.

Причина, в силу которой нам приходится восстанавливать ленинскую концепцию социализма, состоит в том, что она была глубоко извращена в теории и на практике Сталиным, а в ряде

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45 С. 381.

существенных моментов (роль социалистической демократии, кооперации и т. д.) просто отброшена.

Сам «великий вождь и учитель» публично никогда не отказывался от идей социализма. Наоборот, громогласно и настойчиво представлял себя защитником строительства социализма в одной стране, постоянно ссылаясь на ленинские идеи. Но при этом он понимал социализм по-своему, упрощенно, схематически, догматически. Для Сталина было в высшей степени характерно расхождение между тем, что он говорил и что делал. Он выступал под знаменем Ленина, но шел в сторону от Ленина. Разумеется, еще предстоит исследовать характер отступлений Сталина от ленинизма, но сегодня очевидно, что извращение им ленинизма глубочайшее.

Важно отметить еще одну, имевшую серьезные последствия для страны особенность взглядов Сталина, а именно понимание социализма как краткосрочной, промежуточной стадии между капитализмом и коммунизмом и стремление форсировать переход к коммунизму. Так, при определении задач второй пятилетки уже был выдвинут лозунг ликвидации классов в советском обществе, а на XVIII съезде партии в марте 1939 г. провозглашена идея перехода к коммунизму¹. С новой силой вопрос о переходе к коммунизму прозвучал у Сталина в его брошюре «Экономические проблемы социализма в СССР».

Но главное, почему мы сейчас возвращаемся к ленинской концепции социализма, состоит в том, что она содержит в себе такие прогрессивные, отвечающие интересам трудящихся идеи, которые до сих пор не воплощены полностью или основательно извращены. Далее мы как раз и рассмотрим эти составляющие ленинской концепции социализма, как они нам представляются.

Для Ленина ключевым принципом всей философии марксизма было положение о том, что самоцелью коммунизма должно быть развитие человека. Естественно, что он мыслил решение этой задачи на основе достижения всей предшествующей культуры, подчеркивая преемственность идеи социализма с идеями просветительства и гуманизма. И всегда резко выступал против попыток представить марксизм как сектантскую, заговорщицкую теорию. Взгляды Ленина базируются на достигнутом еще Марксом и Энгельсом понимании того, что социализм вырастает из необходимости преодоления противоречий капиталистического общества, основанного на эксплуатации человека человеком. Социализм выступает не как прекраснодушная мечта, оторванная от реальной действительности, и не как навязываемая ей конструкция, призванная одарить человечество одинаковым для всех счастьем. Вместе с тем социализм мыслился не как механический итог действия железной необходимости, а как результат сознательной творческой деятельности и борьбы масс под руководством Коммунистической партии.

¹ См. Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1947. С. 578—579.

Все творчество и практическая деятельность Ленина убеждают нас, что в основе его концепции социализма лежат гуманизм и философия активности масс. Будучи глубоким знатоком произведений Маркса, и прежде всего «Капитала», Ленин воспринял марксизм как учение гуманистическое, опирающееся на творческую активность масс. Он неоднократно подчеркивал, что социализм есть результат творческой деятельности и самодеятельности широчайших масс, что только с нового общества начинается подлинная активность миллионов трудящихся. Такова природа социализма: есть активность масс — общество развивается успешно, нет ее — наступает застой.

И какие бы стороны ленинизма мы ни брали, все они проникнуты заботой о развитии знаний, культуры трудящихся, буквально пропитаны вниманием, интересом к положению и поведению масс, повышению всех видов их самодеятельности.

Важно обратить внимание еще на одно положение Ленина, которое он сформулировал в работе «Проект программы нашей партии». Молодой Ленин тогда высказал глубоко гуманистическую мысль о том, что, «с точки зрения основных идей марксизма, интересы общественного развития выше интересов пролетариата, — интересы всего рабочего движения в его целом выше интересов отдельного слоя рабочих или отдельных моментов движения»¹. Именно эта ленинская мысль легла в основу иерархии приоритетов в нынешних сложных международных и экологических условиях, послужила фундаментом нового политического мышления, широко принята в мире не только среди прогрессивно настроенной части человечества, но и просто реалистически мыслящих людей.

В этой связи небезынтересно отметить то, как к этим вопросам относился Сталин, каким был его «гуманизм» на практике. Общеизвестно, что в своих теоретических высказываниях Сталин обходился без этого понятия. Что же касается активности масс, то он вместе с другими руководителями партии поднимал их на борьбу с царизмом и буржуазией до революции, на защиту социалистического Отечества в годы империалистической интервенции и гражданской войны. Разумеется, невозможно отрицать инициативы трудящихся во времена мирного строительства, в годы Великой Отечественной войны, в послевоенный период. На этой основе был заложен фундамент нового общественного строя, и страна вышла на передовые рубежи экономического и технического развития.

Но, утвердив режим личной власти к концу 20-х годов, Сталин не только стал мало считаться со своим окружением, не только подменял Политбюро и ЦК, но пренебрежительно, высокомерно относился к самой идее политической активности масс. Отношение Сталина к человеку как к простому винтику в государственном механизме и было идейным источником деформации социализма.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4 С. 220.

Вот почему сейчас нет более важной задачи, чем развитие целенаправленной активности масс во всех сферах общественной жизни, создание правовых гарантий демократических преобразований, формирование правового социалистического государства.

В. И. Ленин, как и К. Маркс и Ф. Энгельс, понимал социализм как ассоциацию трудящихся, как общество, в котором осуществляется власть народа. Открытие Лениным Советов как органов самоуправления народа, осуществления широчайшего народовластия помогло новому обществу в нашей стране обрести адекватную форму политической власти. Ленин уделял огромное внимание организации деятельности Советов, используя их для активизации трудящихся масс. Он заботился о систематическом проведении выборов в Советы даже в условиях империалистической интервенции и гражданской войны, интересовался тем, сколь широко в них представлены рядовые трудящиеся. И это внимание Ленина к Советам конечно же помогало им стать органами управления народным хозяйством, культурой, социальными процессами.

В. И. Ленин много думал о том, каким образом железная централизация, которая была необходима, особенно в условиях империалистической интервенции и гражданской войны, могла сочетаться с постоянным учетом местных особенностей, с развитием местной инициативы и предприимчивости. При этом Ленин рассматривал бюрократизм как злейшего врага Советской власти, вел с ним непримиримую борьбу.

Иным было отношение Сталина к Советам, демократии вообще. С помощью «сталинской» Конституции 1936 г., под прикрытием ее словесной демократичности утвердился формализм в избирательной системе, и народные массы лишились практического участия в определении того, кто должен представлять их интересы в Советах. Для Сталина власть, то есть прежде всего личная власть, стала самоцелью и высшей ценностью. Опираясь на нее, он осуществлял не только крупные государственные, политические, экономические и иные акции, но и реализовывал свои желания, симпатии, капризы, осуществлял расправу с неугодными людьми. Если для Ленина тончайший слой старой партийной гвардии был опорой в осуществлении социалистической политики, то для Сталина и его окружения он оказался помехой. Ленинские соратники стали нежелательными свидетелями извращения истории во имя прославления его личности. Отсюда — беспощадные репрессии по отношению именно к ленинской партийной гвардии, героям гражданской войны, многим тысячам коммунистов и беспартийных. Это было преступлением перед партией, перед социализмом, перед народом.

От Сталина пошли кардинальные изменения в распределении функций Советов и партии, в их взаимоотношениях. В одном из своих выступлений Сталин назвал партию своего рода *орденом меченосцев* внутри государства. Созданный в 1924 г. журнал «Большевик» он рассматривал как крепость, из которой партия, ее ЦК будут обстреливать идеологических противников. Заметим,

не сплачивать партию, не разъяснять теорию политики, а «обстреливать». Когда же Сталин переходил к хозяйственным делам, он говорил, что партия должна заниматься всем хозяйством, например делами сельского хозяйства, заниматься вплотную, в том числе пахотой, севом, уборкой. Многие знают это по собственному опыту, по долголетней практике, которая начинает исчезать только в ходе перестройки.

В известном постановлении ЦК КПСС 1956 г. о преодолении культа личности и его последствий говорилось о том, что съезды, пленумы, Политбюро при Сталине практически перестали функционировать. Когда во главе нашей партии стоял Ленин, то, как известно, съезды созывались ежегодно в сложнейших условиях. Партия была молодая, происходило ее становление, и даже небольшой промежуток времени, насыщенный сложнейшими событиями, по замыслу Ленина, нуждался в коллективном осмыслении. Сталин же органически не переносил коллективных обсуждений.

Еще одна сторона ленинского представления о социализме связана с общественной собственностью на средства производства. В этой связи обычно указывают на то, что первоначально Ленин мыслил ее как единую государственную собственность. И это верно. Но когда победила социалистическая революция и на повестку дня встал вопрос о национализации средств производства, молодое государство рабочих и крестьян должно было решать задачу: как в условиях общественной собственности развивать инициативу и предприимчивость? Ленин понимал, что без этого не будет и высшей производительности труда. И первый кратковременный в декабре 1917 г. отпуск, который Ленин провел в Сестрорецке, он посвятил, в частности, написанию статьи «Как организовать соревнование?». Затем в «Очередных задачах Советской власти» Ленин вновь возвращается к этим вопросам.

Когда кончилась гражданская война и вплотную встали проблемы замены продразверстки продналогом, Ленин уделил огромное внимание развитию тех экономических форм, которые позволили бы на базе общественной собственности на средства производства развить высокую хозяйственную активность. Восприняв идеи Маркса об отмене товарно-денежного обращения вместе с частной собственностью, о прямом распределении продуктов среди членов общества, Ленин под воздействием реального опыта вынужден был признать, что «без личной заинтересованности ни черта не выйдет»¹.

Важно иметь в виду, что позже он не мыслил общественную собственность только лишь как государственную. Ленин подчеркивал огромные возможности кооперации в ее самых различных формах. Допуская возможность использования государственно-капиталистических, концессионных форм предприятий, иных методов хозяйствования, он стоял за развитие частнопредпринимательской деятельности и частной торговли. Таким образом, Ленин

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 269.

предпочитал большое разнообразие управления госпромышленностью — посредством синдикатов, трестов, требуя их самостоятельности, инициативы, предприимчивости, советовал учиться хозяйничать у капиталистов. Ленинские взгляды на развитие материальной заинтересованности, личной и коллективной, хозрасчета легли в основу построения системы управления промышленностью по принципу синдикатов. Все эти представления не имеют ничего общего с формами командно-административной системы, развившейся при Сталине.

Казалось бы, марксистам, ленинцам недопустимо было отождествлять общественную собственность навсегда с централизацией, с управлением из Москвы всем и вся. Мы тем не менее десятилетиями пытались осуществлять именно эту практически неосуществимую идею. Лежащие ныне в основе экономической реформы, ставшие жизненно необходимыми аренда, хозрасчет, самофинансирование, подряд и т. д. являются формами организации экономической активности трудовых коллективов, хозяйственных организаций, кооперативов.

Уместно напомнить ленинскую мысль, согласно которой монополистический капитал дает полнейшую материальную подготовку социализму. Над этой формулой обществоведы мало задумывались, хотя и нередко повторяли ее. В результате, отвергая частное владение, эксплуатацию, мы не всегда считали нужным, особенно когда обострилась «холодная война», да и в иные времена, искать, находить и применять то ценное, что создается в сфере организации производства при капитализме. В результате мы в значительной степени оказались изолированными от мирового научно-технического прогресса.

Командно-административная система, созданная Сталиным, дала на первых порах определенный эффект. Опираясь на нее, партия и государство смогли сделать рывок, который вывел нас на первое место в Европе и на второе место в мире по промышленному производству. Но по мере усложнения хозяйства, всей общественной жизни эти формы управления все больше стали себя изживать. И они-то и составили тот объективный фундамент механизма торможения, который привел страну к предкризисному состоянию. В результате отсутствия материальной заинтересованности наша промышленность буквально отталкивала новейшие достижения научно-технического прогресса. Перестройке приходится преодолевать административно-командную систему не только в промышленности. Сталин использовал ее и в политической сфере, распространил на отношения с крестьянством. И наконец, командно-административная система сложилась таким образом, что она игнорировала во многих отношениях насущные интересы трудящихся.

Технократическая тенденция к непрерывному росту подразделения «А», наращиванию его мощностей без учета развития подразделения «Б», то есть потребностей социальной инфраструктуры, привела к созданию и поддержанию затяжного дефицита во всех

сферах, которые обслуживают элементарные, жизненно важные потребности трудящихся. Советское народное хозяйство попало в такую ситуацию, из которой не вышло еще и сейчас и которая тормозит и экономическое, и социальное развитие общества, прежде всего достижение наивысшей производительности труда.

Главное то, что в таких условиях мы не смогли добиться эффективного решения важнейшей проблемы — повышения уровня материального благосостояния трудящихся, а это в конечном итоге привело к падению авторитета и престижа на мировой арене как реального социализма, так и ленинской концепции социализма.

Подобная ситуация сложилась и с реализацией основного принципа социализма: от каждого — по способностям, каждому — по труду, а следовательно, и с осуществлением принципа социальной справедливости. Ленин, как известно, воспринял от Маркса его представление о распределении в соответствии с количеством труда и пошел дальше: развил идею материальной зависимости оплаты труда от результатов хозяйствования.

В реализации ленинских заветов в этом отношении было сделано немало, но некоторые вопросы не решены: оплата труда оставалась не связанной с результатами деятельности коллектива и рост производительности труда не обеспечивал достаточно быстрого повышения благосостояния народа. В области оплаты труда в промышленности мы не пошли дальше индивидуальной сдельщины, а затем широкого развития премиальной оплаты, фактически оказавшейся незаработанной зарплатой. Произошел отрыв оплаты труда работника от конечных результатов деятельности трудового коллектива. Известна, например, поистине трагическая судьба Шекинского объединения, которое было новатором, прокладывая путь к новым формам оплаты труда. Но ведь примерно в таком же положении оказалось множество других предприятий. В стране практически действовала уравнилельная система оплаты труда, особенно квалифицированного.

Сегодня социальная сфера в центре внимания партии и правительства. На всех уровнях партийного и государственного руководства продолжают ныне дискуссии о путях решения тех или иных социальных вопросов, намечаются меры, целью которых является улучшение условий труда и жизни людей. Все зависит теперь от того, каким образом их осуществить, а достижение их возможно лишь на путях применения многообразной практики.

Социализм немыслим без приобщения трудящегося человека к достижениям культуры, без всестороннего развития личности. Именно так мыслил себе Ленин социализм. Он высоко ценил достижения человеческой культуры, мечтал о том времени, когда народные массы овладеют ими, и много сделал для практической организации этого процесса. Ленин заложил фундамент советской общеобразовательной школы, деятельность которой дала прекрасные результаты уже к 40-м годам и затем в послевоенный период. Однако ее последующее развитие связано с крупными провалами и

промахами. Учитывая классовый характер культуры в современном обществе, Ленин видел, что сами ценности культуры нельзя жестко раскладывать лишь по чисто классовым «полочкам». Для него было ясно, что своим содержанием культура всегда отражает и общечеловеческие ценности, и классовые. Ленин проявлял большую терпимость к творческому поиску, но при этом всегда стоял на прочных позициях классового восприятия искусства.

Развитие культуры, всей духовной сферы общества было для Ленина непререкаемым условием решения главной задачи — всестороннего развития способностей человека, каждой личности. Развития, которое должно было осуществляться в процессе практического созидания социалистического общества и одновременно быть одним из краеугольных камней этого общества!

Для Сталина же культура представлялась лишь унифицированной сферой социальной жизни. Он не признавал и не терпел никакой независимости деятелей культуры, многообразия форм ее выражения, состязательности и демократизма в духовной жизни. Жестокое противопоставление «нашей» и «их» культуры, искусственная изоляция культурной жизни страны от лучших достижений зарубежной культуры, диктат некомпетентных чиновников в этой области, наконец, жестокие репрессии в отношении деятелей литературы и искусства — все это нанесло огромный ущерб развитию культуры советского общества, замедлило и исказило осуществление идеи культурной революции.

Таким образом, если суммировать ленинское теоретическое наследие по проблемам социализма, то мы получим систему принципиально новых решений организации общества, его управления, а также экономики, политики, образа жизни людей. А учитывая многие отступления от него, то ленинские представления о социализме необходимо воспринимать как задачу, как цель, которую еще надо осуществить. Дело в том, что советское общество, отойдя от них, канонизировало этот отход и стало выдавать не ленинские, по сути, решения за эталоны социалистического общества, за подлинно ленинские.

Означает ли все сказанное выше, что во взглядах Ленина не было представлений, не подтвержденных временем, что в трудах Ленина представление о социализме исчерпано? Разумеется, нет. В нынешних условиях интенсивного развития науки и техники, в современной сложной экологической ситуации, когда над человечеством нависла угроза термоядерной войны, многие представления меняются, уточняются. Это обязывает партию, ученых-обществоведов, науку в целом искать новые пути развития теории социализма.

Опираясь на ленинскую концепцию социализма, на опыт, накопленный нами, другими странами социализма, на достижения всего человечества, М. С. Горбачев на XIX партконференции сформулировал ряд концептуальных характеристик социализма, отвечающих современным реальностям: «Социализм мы видим как строй подлинного, реального гуманизма, при котором человек на

деле выступает «мерой всех вещей». Все развитие общества, начиная с его экономики и кончая духовно-идеологической сферой, направлено на удовлетворение потребностей человека, на его всестороннее развитие»¹.

Социализм видится как строй эффективной и динамичной экономики, непосредственно подчиненной удовлетворению потребностей общества, гибко приспосабливающейся к ним. Основой такой экономики выступают разнообразные формы общественной и личной собственности, организации производства, при которых трудящиеся реально выступают как его хозяева, обеспечивается прямая связь заработка с результатами труда. Плановое управление экономикой исходит из органичного сочетания роли центра при решении структурных вопросов с широкой самостоятельностью производственных единиц как товаропроизводителей, действующих на началах хозрасчета и самостоятельности и работающих на рынок.

Социализм — строй социальной справедливости, сочетающий социальные гарантии жизненно важных потребностей человека в труде, в охране здоровья, образовании, жилье, социальном обеспечении с последовательным проведением принципа распределения по труду, искоренением любых форм уравнительности и социального паразитизма. Это — строй высокой культуры и морали. В понятие высокой культуры включается и экологическая культура общества, бережное, разумное отношение к природным условиям жизни и производственной деятельности людей, сохранение и приумножение природных богатств.

Социализм означает подлинное народовластие, при котором всем трудящимся обеспечивается полная возможность для выражения своих потребностей и интересов, участие в управлении общественными процессами, преодолевается отчуждение человека от власти. Это — общество социалистического самоуправления народа, глубокого и последовательного демократизма в управлении экономикой, социальными процессами, общество законности, открытости и гласности.

Социализм видится как строй подлинного равенства всех наций и народностей, их социального, духовного расцвета и взаимообогащения, где нет места любым проявлениям межнациональной розни, националистическим и шовинистическим предрассудкам, где торжествуют интернационализм и братство народов.

Социализму органически присуще стремление к миру, к укреплению сотрудничества и взаимодействия с братскими социалистическими странами, налаживанию нормальных, цивилизованных отношений между всеми народами и государствами на основе демократических принципов равноправия, невмешательства в дела друг друга, признания суверенного права народов самим определять свою судьбу.

¹ Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 года. М., 1988. С. 87.

Именно такой демократический, гуманный облик социализма имеет в виду КПСС, говоря о качественно новом состоянии нашего общества как важной ступени в движении к коммунизму.

Политическое образование 1989 № 1. С 12—21

Ю. А. Поляков

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС МНОГОМЕРЕН

В 1987—1988 гг., ознаменовавшихся небывалым ростом общественного интереса к истории, появилось множество журнальных и газетных публикаций, посвященных истории советского общества и истории КПСС. Введены в научный оборот многие новые факты, цифры, биографические данные о находившихся ранее в «запретной зоне» деятелях партии.

В публикациях наряду с некоторыми правильными наблюдениями, соображениями, оценками заметны преобладание эмоционального подхода, односторонность выводов, имеются и грубые фактические ошибки. Так или иначе, можно констатировать, что в них отражается определенная концепция истории КПСС и советского общества. Эта концепция, несмотря на многообразие вариантов, формулировок, может быть сведена к следующим основным положениям.

В 1928—1929 гг. Сталин совершил контрреволюционный переворот (считает, например, А. А. Нуйкин¹). В результате, как явствует из статьи А. П. Бутенко, «рабочий класс был оттеснен от политической власти, которая была узурпирована И. Сталиным и его окружением... средства производства, превращенные в государственную собственность, были отчуждены от рабочего класса, оказавшегося совершенно непричастным к непосредственному управлению этими средствами производства»². Н. П. Попов пишет, что Сталин «создал идеальное тоталитарное государство»³. Восторжествовали, утверждает М. П. Капустин, «деспотический тоталитарный режим, тирания, кровавый террор»⁴. «В результате образуется отрицание в принципе культуры и цивилизации...»⁵ То есть мы имеем дело с «несомненно исторически новой социально-эко-

¹ См.: Нуйкин А. А. Идеалы и интересы? // Новый мир. 1988. № 1. С. 205. Иные авторы, не задумываясь о хронологии, пишут, что утверждение «грубого», «казарменного коммунизма» произошло «после смерти Ленина» (См.: Капустин М. П. От какого наследства мы отказываемся? // Октябрь. 1988. № 5. С. 151).

² Бутенко А. П. Как подойти к научному пониманию истории советского общества? // Наука и жизнь. 1988. № 4. С. 47. Эти взгляды А. П. Бутенко развивает также в своем письме в редакцию журнала «Вопросы истории КПСС» (см. № 7, 1988).

³ Попов Н. П. Кто выше власти? // Советская культура. 1988. 26 апр. С. 3.

⁴ Капустин М. П. От какого наследства мы отказываемся? // Октябрь. 1988. № 4. С. 188.

⁵ Октябрь. 1988. № 5. С. 151.

номической формацией»¹, или, как он же неопределенно поясняет, «полуфеодальным», «а порой и просто феодальным» социализмом»².

Эта, как мы видим, достаточно определенная концепция в нынешнем виде вызывает множество вопросов, содержит немало противоречий, теоретической и конкретно-исторической путаницы.

Если облик созданного в 30-е годы общества таков, каким он вырисовывается в указанных статьях, то можно ли его вообще называть социализмом? Возникает и главный, коренной вопрос: в каком государстве, в каком обществе мы живем сейчас?

Если в несоциалистическом, то что означает тогда лозунг «Больше социализма»? Как может быть «больше социализма», если его вовсе нет? Если же мы живем в социалистическом обществе, то откуда взялся социализм, после того как Сталин его ликвидировал? Что или кто возвратил народу социализм? Смерть Сталина? «Великое десятилетие» Хрущева? Брежневские застойные времена? Нетрудно заметить, что вопрос исторический перерастает в вопрос политический, в коренной вопрос нашей жизни.

Большинство авторов уходит от ответа. Но элементарная логика подводит к нему. Правда, кое-кто более определенно, чем другие, отвечает, что социализма «вообще после Ленина не было, по крайней мере до апреля 1985 года»³. Конъюнктурно простодушная мысль автора (социализм, не существовавший с 1924 г., возвращен к жизни через 60 лет решениями одного пленума ЦК) вряд ли может считаться научно обоснованной. Лишь Ю. Н. Афанасьев доводит мысль об отсутствии социализма до наших дней. Последствия длительного господства, пишет он, системы бесчеловечного казарменного «социализма» не изжиты «в своей подоснове (?) по сей день...»⁴.

Среди других вопросов, которые рождает изложенная выше концепция, — вопрос о героях нашей истории. Если судить по М. П. Капустину, то наше общество являло массу, обработанную в «единый монолит, — все на одно лицо»⁵. В таком случае как можно персонифицировать деятелей партии, героев войны и труда, деятелей литературы, науки, искусства? Значит, «все на одно лицо» — Г. К. Жуков и Н. Г. Кузнецов, Е. Д. Стасова и О. В. Куусинен, М. А. Шолохов и И. Г. Эренбург, Н. А. Изотов и А. Г. Стаханов, Л. Д. Ландау и И. В. Курчатов?

По этим вопросам, касающимся оценок путей и форм строительства социализма, его побед и поражений, вероятно, состоится множество дискуссий, будет сломано, думаю, немало копий, будут написаны тысячи томов. Ибо речь идет о величайшем в истории

¹ Октябрь. 1988. № 4 С. 189.

² См.: Октябрь. 1988. № 5 С. 152.

³ Цит. по: Октябрь. 1988. № 4. С. 189.

⁴ Афанасьев Ю. Н. Ответы историка // Правда. 1988. 26 июля.

⁵ Октябрь. 1988. № 5. С. 154.

социально-экономическом и общественно-политическом эксперименте, о пробах, опытах, имеющих в конечном счете значение для всех стран.

Множественность взглядов, естественно, не только возможна, но и необходима. Однако же концепции развития нашего общества, даже в условиях социалистического плюрализма, вряд ли могут быть противоположными. Между тем из суммы разноречивых мнений уже сегодня можно выделить две основные схемы развития нашего общества, поляризующиеся по признакам, о которых говорилось выше. Правда, при всем различии оценок их объединяет, роднит однозначность, одномерность понимания исторического процесса. А он, процесс, как мы постараемся показать дальше, оказался в своем поразительном своеобразии многомерным, многослойным, диалектически противоречивым.

Схема, базирующаяся на идее установления царства ужаса и бесчеловечности, в котором народ был придавлен и запуган, не вмещает в свои рамки многие несомненно исторические явления и события, входит с ними в противоречие.

«Сталин со своим окружением узурпировал власть...» А что значит «окружение» Сталина? Ответ совсем не так прост. Да, в окружение входили (на переломе 20-х и 30-х годов) беспринципные, но верные его соратники типа В. М. Молотова и Л. М. Кагановича. Среди сталинского окружения были и такие неоднозначные фигуры, как К. Е. Ворошилов и М. И. Калинин. Но надо учесть, что слова «сталинское окружение» вовсе не идентичны (для того времени) понятию «руководство партии». Хотя Сталин убрал из руководства к началу 30-х годов не только Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева, но и Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, М. П. Томского, на руководящих постах оставались сотни крупных честных деятелей, и они поддерживали тогда Сталина. Среди них были славные герои — С. М. Киров и Г. К. Орджоникидзе, процветавший во все времена А. И. Микоян и переживший «великого вождя» Г. И. Петровский. В руководстве партии были загубленные позднее ежовско-бериевскими палачами К. Я. Бауман, А. С. Бубнов, И. М. Варейкис, Ф. И. Голощекин, С. В. Косиор, Н. В. Крыленко, В. И. Межлаук, П. П. Постышев, И. А. Пятницкий, Я. Э. Рудзутак, А. П. Смирнов, Д. Е. Сулимов, С. И. Сырцов, В. Я. Чубарь, Я. А. Яковлев и другие. А разве не поддерживали Сталина руководящие военные деятели, многие из которых были членами или кандидатами в члены ЦК (Я. Б. Гамарник, А. И. Егоров, М. Н. Тухачевский, В. К. Блюхер, И. П. Уборевич, И. Э. Якир)? Все это цвет партии и народа. Или они, поддерживая Сталина, ничего не ведали о происходящем, или же были обмануты им, поддались его «обаянию»? Или были уже тогда запуганы и подавлены? Вряд ли на эти вопросы можно ответить утвердительно. А коли так, значит, люди, составлявшие цвет, честь, ум и совесть партии, либо участвовали прямо или косвенно в контрреволюционном перевороте, либо такого переворота не было.

Мне представляется более разумной и близкой к истине формулировка А. М. Борщаговского: «Установление Сталиным режима личной власти на исходе двадцатых годов — акт, враждебный социализму»¹. Да, нараставшее постепенно, из года в год, из месяца в месяц укрепление единоличной власти Сталина, оказавшееся необратимым, нанесло непоправимый ущерб социализму. Но большинство видных деятелей того времени не заметили именно момент качественного изменения ситуации, после которого общепризнанный лидер стал диктатором с неограниченной властью и получил возможность круто расправляться со своими оппонентами. Когда же некоторые из них поняли суть перемен, они эту власть ограничить уже были не в состоянии. Иными словами, они не смогли, не сумели представить всю глубину трагических последствий усиления власти Сталина для каждого из них, для партии и для страны в целом.

Можно предположить, что до определенного момента они не видели вреда в отождествлении Сталина с идеями социализма, а когда увидели — было поздно. Более того, они сами способствовали внедрению в народное сознание такого отождествления.

Иными словами: укрепление власти Сталина, оказавшееся в конечном счете пагубным, происходило постепенно, оно опиралось на поддержку руководящего ядра партии, сопровождалось широко и умело поставленной пропагандой, которая внедряла в умы советских людей тезис о том, что Сталин — это социализм, а социализм — это Сталин.

В рамки концепционной схемы о советском обществе 30-х годов как царстве ужаса, беззакония, отчуждения рабочих от средств производства, превращения всего населения в подневольных рабов не укладываются бесспорные факты трудового и политического энтузиазма значительной части населения СССР. Нельзя опровергнуть, что в конце 20-х и 30-е годы передовые рабочие, а также выросшая за эти годы (и в большинстве своем вышедшая из народных низов) интеллигенция в искреннем порыве боролись за выполнение пятилеток, повышение производительности труда. Было здесь уже и тогда немало парадности и показухи, но невозможно отрицать размах, массовость соревнования, ударничества, стахановского движения.

Подавляющее большинство народа искренне, одобрительно встретило принятие новой Конституции (1936 г.), первые выборы в Верховный Совет СССР (1937 г.), республиканские и местные Советы (1938 г., 1939 г.). Нельзя отрицать тот неподдельный энтузиазм, какой вызывали такие события, как спасение челюскинцев, папанинская эпопея, полеты В. П. Чкалова и М. М. Громова, В. К. Коккинаки и В. П. Гризодубовой. Они воспринимались народом не просто как проявления героизма отдельных лиц, а символизировали мужество и коллективизм всего общества, силу и справедливость советского строя. Неверно было бы рассматривать

¹ Борщаговский А. М. Очевидная несовместимость // Московские новости. 1988. № 17. С. 3.

все эти проявления народной активности и народных настроений как камуфляж, как отвлекающие маневры деспотической власти.

В схему «царства беззакония» не укладывается и факт величайшей самоотверженности, проявленной большинством народа во время войны против фашистской Германии. Конечно, правильно утверждение, что война была выиграна, несмотря на ошибки и просчеты Сталина. Конечно (это сейчас уже аксиома), чудовищные репрессии против кадров, в том числе военных, ослабили страну и армию, во многом явились причиной неудач и поражений, особенно в начале войны.

Но неизбежно встает вопрос: в чем же причина мужества, стойкости, верности долгу, проявленных в окопах Сталинграда и у мартеновских печей, в партизанских отрядах и на крестьянском поле? Простой и самый распространенный ответ таков: мы сражались за Родину. Да, конечно, это так. Но понятие родины отнюдь не однозначно, оно не сводится только к родному дому, и для людей разных национальностей — русских, которые составляли немногим больше половины населения, и нерусских — это понятие вызывает разные ассоциации. Представители всех народов страны защищали не просто родную землю, а социалистическую Родину. Именно она стала общим домом для всех народов. Именно Советская власть породила «чувство семьи единой». Но если социализм был только «царством беззакония», то как же люди могли столь беззаветно защищать его? Ведь речь шла не о поднятии рук на собрании, а о собственной жизни. И почему в войне 1914—1917 гг. идея родины не воодушевляла миллионы солдат и рабочих, хотя война и тогда шла не за морями и враг — немецкий империализм — и тогда топтал нашу землю?

И уж совсем бесспорно, что победа в Великой Отечественной войне укрепила в народе веру в силу нашего строя, в огромный потенциал социализма.

Еще одно обстоятельство, которое не укладывается в рамки схемы «казарменного социализма» и которое авторы этой схемы обходят.

Сталин и социализм несовместимы. Это очевидно. Сталин извратил суть социализма, разрушил его принципы, творил преступления. Но что произошло с социализмом после Сталина? Почему Н. С. Хрущев, первым поднявший завесу над сталинскими деяниями, начавший демократизацию общества, погряз в волюнтаристских ошибках? Почему Л. И. Брежнев за 18 лет своего пребывания у власти привел социалистическое общество к предкризисному состоянию? Возникает мысль о том, что существовали и существуют какие-то объективные факторы, мешающие развитию социализма, ведущие к его деформациям.

Если принять тезис о практической ликвидации социализма в 30-е годы, то каким образом в создавшихся условиях передавались эстафета Октября или фундаментальные ценности социализма, о которых мы говорим, которыми гордимся? Как, в каком виде они смогли остаться?

Сторонники этой концепции умалчивают о роли партии в «идеальном тоталитарном государстве», которое-де сложилось у нас при Сталине. Но по их логике получается: в таком государстве партия не могла быть ничем иным, кроме как инструментом для укрепления власти вождя, а ее члены, равно как и члены работавших под руководством партии профсоюзов и комсомола, — винтиками этого инструмента. У большинства авторов партия не упоминается вовсе. Партия в этих статьях остается лишь как арена борьбы за лидерство. Что же тогда позволило сохранить преемственность социалистических идей, что явилось базой для зарождения идей революционного обновления в наши дни?

О. Р. Лацис, автор одной из немногих по-настоящему глубоких и аналитических статей, посвященных концу 20 — началу 30-х годов, считает, что партия была разгромлена. Но «Сталин не мог ограничиться разгромом партии»¹, он «нарушил коренные интересы обоих трудящихся классов в целом»². В то же время О. Р. Лацис делает общий вывод: «Бонапартистский поворот в условиях социалистической революции не разрушил революционное государство, хотя и ослабил его»³. Этот вывод, сам по себе правильный, не согласуется с предыдущими положениями. Как же могло существовать революционное государство, если разгромлена партия — душа и главная сила этого государства?

Итак, мы видим, что концепция «бесчеловечного социализма», «царства страха и крови» не может в должной мере объяснить многие важнейшие факты и явления нашей истории. Она слишком схематична, не отражает всего богатства и многообразия, всей диалектики исторического процесса.

При этом сторонники названной концепции не вскрывают причин происшедшего. Бесчисленные заявления о коварстве, патологической жестокости, самодурстве Сталина и общие фразы о могуществе административно-приказной системы не позволяют понять, почему же *такое* могло произойти и произошло в нашей стране. Не раскрывается принципиальное положение, сформулированное на XIX Всесоюзной конференции КПСС: «...почему КПСС... не сумела воспрепятствовать процессам деформации социализма, связанным с культом личности Сталина?» Почему и как произошли «определенные деформации в самой партии, в содержании ее деятельности и связях с трудящимися, приведшие к утрате многих демократических большевистских традиций, которые были ей присущи изначально, закладывались многолетними усилиями Ленина и его соратников»⁴.

Лишь О. Р. Лацис делает интересную и убедительную попытку объяснить причины возникновения культа личности Сталина мелкобуржуазностью населения страны, слабостью старого рабо-

¹ Лацис О. Перелом//Знамя. 1988. № 6. С. 172—173.

² Там же. С. 175.

³ Там же. С. 178.

⁴ Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 года. С. 70, 71.

чего класса, интересами быстро выросшего в начале 30-х годов нового рабочего класса¹.

Однако и старая, традиционная концепция² нуждается в коренном пересмотре, хотя для этого требуется критический подход к решениям ряда съездов и конференций КПСС, другим партийным документам того времени. Естественно, что сейчас, с более значительной исторической дистанции, мы можем шире и глубже судить о социализме. Мы можем — и обязаны — пересмотреть сложившиеся представления о социализме, которых мы придерживались еще совсем недавно. Да, в свете революционных свершений перестройки, начатой после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, мы видим иначе, понимаем лучше. Современное понимание социализма, сформулированное на XIX партийной конференции³, дает основу для преодоления догматических клише о новом обществе. Новое видение необходимо для того, чтобы избавиться от деформаций и слабостей, всего, что сковывало творческие способности народа.

Оценивая исторический процесс, мы должны, соблюдая ленинские требования историзма, судить о прошлом и с высоты всех наших современных зданий, и с учетом условий, обстоятельств, возможностей тех времен. Не пересматривать старые партийные решения — это историку не дано, — а оценивать их объективно, вычленив содержащиеся в них неверные, преувеличенные, обусловленные влиянием Сталина положения.

Старая схема не отражает той борьбы за лидерство, которая развернулась в 20-е годы и наложила серьезный отпечаток на внутрипартийную жизнь. Эта схема явно недооценивает значение и масштабы сталинского террора. Завершая переходный период от капитализма к социализму второй половиной 30-х годов, она прямо подводила построение основ социализма к 1937 г., который стал нарицательным для всего народа, символом террора и беззакония. Эта концепция не дает должной оценки допущенного Сталиным грубого отхода от ленинских принципов социалистического строительства.

Характеризуя последующие годы как время дальнейшего развития и упрочения социализма, его полной и окончательной победы, старая концепция не учитывала масштаба и значения негативных явлений в жизни партии и общества, распространения административно-приказных методов руководства, роста бюрократизма.

¹ См.: Знамя 1988. № 6. С. 175—178. Представляет также большой интерес опубликованная в «Правде» от 31 июля 1988 г. статья И. Дедкова и О. Лациса «Путь выбран», продолжающая редакционный комментарий к статье Ю. Н. Афанасьева «Ответы историка» (см.: Правда. 1988. 26 июля).

² Я не излагаю основных положений о переходном периоде от капитализма к социализму, об итогах и достижениях этого и последующих периодов, поскольку эти положения отражены в нашей литературе самым широким образом. Считаю необходимым сказать, что в коллективных печатных трудах, выходивших при моем участии, эта схема также нашла свое отражение — Ю. П.

³ См.: Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 года. С. 87—89.

тического слоя, в котором складывался механизм, тормозивший поступательное движение страны, не учитывала того, что известное — хотя и преимущественно экстенсивное — экономическое развитие сопровождалось нарастанием тенденций, приведших в конце концов к предкризисному состоянию.

Прав Г. Л. Смирнов, отмечая, что отраженные в традиционной концепции развития советского общества «зауженные представления о социализме и путях осуществления социалистических преобразований... принижали значение таких сторон общественного развития, как социалистическое самоуправление народа, демократизация всех институтов общественной жизни, механизм хозяйствования, социально-классовые и национальные отношения»¹.

Обе названные выше концепции не дают ответа на многие коренные вопросы нашего исторического процесса, прямо выходящие на день нынешний, не отражают всей сложной диалектики истории.

Обе они исходят из недооценки роли масс. А между тем именно народные массы страны своей непогашенной верой в социализм обеспечили его выживание. И напротив, именно апатия масс и утрата идеалов создали самую серьезную угрозу социализму.

Думаю, что нам нужен многомерный подход к оценке исторического процесса. На протяжении всей истории советского общества развивались различные тенденции, сказывались различные обстоятельства.

Какие же обстоятельства надо иметь в виду? Ответ может быть дан только на основе понимания исторического процесса как многомерного, многопланового, состоящего из ряда потоков. Собственно говоря, исторический процесс всегда таков. Возьмем, например, времена Екатерины II. Один поток — это народная жизнь в эти годы, жизнь крестьян, описанная Радищевым, их страдания и их борьба за лучшую жизнь под знаменем Пугачева. Но ведь были солдаты, то есть те же крестьяне, которые защищали государыню-императрицу от крестьян-пугачевцев. Не отражая всей сложности и многоплановости исторического процесса, мы, историки, во многом не только засхематизировали и засушили его, но и создали в исторической науке немало крайне запутанных лабиринтов или тупиков. Ведь если, скажем, и Суворов — герой, и Костюшко — герой, и Пугачев — герой и дело каждого из них было правым, то почему же судьба их разводила по разным лагерям, которые приходили в непримиримые столкновения друг с другом?..

Многомерность процесса, противоречивость и даже противоположность потоков, его составляющих, с удивительной, не познанной нами силой выявились и в истории советского общества. Не увидев этой противоречивости, мы не выйдем из своих тупиков и лабиринтов.

Мне представляется, что в послеоктябрьской истории нашей страны можно выделить по меньшей мере четыре таких русла.

¹ Смирнов Г. Л. Исторический опыт Октября и перестройка // Вопросы истории КПСС. 1988. № 2 С. 27.

Что означают конкретно-исторические, часто повторяемые слишком общие положения, которые говорят о завоеваниях Октября, о наших фундаментальных ценностях? Ответ я вижу прежде всего в решении сформулированной Лениным задачи: «Поднять наинизшие низы к историческому творчеству...»¹ Кто сможет отрицать, что десятки миллионов представителей этих «наинизших низов» поднялись к реальному участию в деятельности партийных, советских органов, заняли офицерские посты в армии, органах государственной безопасности, в управлении промышленными, торговыми предприятиями, колхозами и совхозами, получили неограниченные возможности для овладения наукой и культурой?

Процесс выдвижения людей из народа во все сферы общественной, государственной, культурной жизни продолжался все 70 лет Советской власти. Этот процесс, демократический в самой своей основе, составляет, быть может; главное ядро истории советского общества. Конечно, он не был простым и однозначным. Его механически подрубали сталинские репрессии, идейно ослабили застойные явления в обществе, но его поразительная масштабность, непрерывность, неодолимость очевидны.

Другие достижения советского строя, связанные с этим, главным, также достаточно впечатляющи. Общество, ликвидировавшее помещиков и капиталистов, быстро развивавшее промышленность, уничтожившее безработицу, создавшее прогрессивную и бесплатную систему здравоохранения и народного образования, возвеличившее человека труда, осуществившее практически равенство всех народов, — такое общество обладало и обладает необходимыми возможностями для того, чтобы утвердить социальную справедливость и добиться процветания.

Все это, вместе взятое, и составляет главное — мощное и полноводное русло нашей истории.

Вместе с тем с первых дней существования Советского государства появились и негативные тенденции, которые, укрепляясь и расширяясь, образовали, по существу, другое русло нашей истории. Это прежде всего зарождение и усиление бюрократии.

Словари наши не слишком четки в определении бюрократии. «Бюрократ» — по новейшему академическому словарю русского языка — крупный чиновник феодального или капиталистического государства. У нас (по словарю) — это должностное лицо, выполняющее свои обязанности формально. То же и в отношении бюрократизма. В одном значении — это «система управления в классовом обществе, при которой государственная власть осуществляется через чиновников, оторванных от народа», в другом — «пренебрежение к существу дела ради соблюдения формальностей; формализм, канцелярщина». Бюрократия в одном значении отождествляется с бюрократизмом, а в другом является собирательным к словам «бюрократы», «чиновничество»².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 189.

² См.: Словарь русского языка. М., 1985. Т. 1. С. 131.

БСЭ понятие «бюрократизм», как, видимо, не заслуживающее внимания, обходит вовсе, а слово «бюрократия» трактует в качестве специфической формы «социальных организаций в обществе». Ее суть, во-первых, в отрыве центров исполнительной власти от воли и решений большинства членов этой организации; во-вторых, в главенстве формы над содержанием деятельности этой организации; в-третьих, в подчинении правил и задач функционирования организации целям ее сохранения и укрепления¹. Хотя это выражено и несколько заумно, но в принципе представляется правильным.

Но далее говорится, что бюрократия присуща только обществу, «построенному на социальном неравенстве и эксплуатации», то есть феодальному или капиталистическому. Применительно же к советскому обществу БСЭ констатирует, ссылаясь на Ленина, что социализм создает предпосылки для ликвидации бюрократизма, что борьба с ним, по Ленину, является не только борьбой с пережитками старого, но и служит предупреждением «бюрократических извращений, возможных в условиях социализма в результате нарушения норм социалистической демократии»². Из этих рассуждений остается неясным одно: есть ли бюрократия в советском обществе, относится ли к нему разумное соображение: «Коренным признаком бюрократии является существование и рост слоя бюрократов — привилегированной и оторванной от народа чиновничье-административной касты»³?

Думается, что все же понятия «бюрократизм» и «бюрократия» различаются между собой. На мой взгляд, бюрократия у нас — это представители советского, партийного, ведомственного аппаратов в центре и на местах в совокупности горизонтальных и вертикальных срезов. Бюрократизм — различные проявления деятельности бюрократии, главным образом в том негативном смысле, который правильно подмечают словари. Именно на эту сторону и обращает внимание резолюция XIX партийной конференции «О борьбе с бюрократизмом». В ней вскрыты наиболее уродливые проявления бюрократизма — «диктат, административный произвол в экономике, социальной и духовной сферах, казенное равнодушие к правам и нуждам людей, пренебрежительное отношение к общественному мнению и социальному опыту трудящихся»⁴.

Фактом является то, что на протяжении всей 70-летней истории роль государства возрастала и соответственно возрастала роль аппарата. Во время гражданской войны государство было вынуждено взять на себя управление всей промышленностью, заготовку всех сельхозпродуктов и их распределение. Госаппарат разрастался и бюрократизировался все больше, что вызывало

¹ См. Большая Советская Энциклопедия (далее: БСЭ). М., 1971. Т. 4. С. 209.

² Там же. С. 210.

³ БСЭ. Т. 4. С. 209.

⁴ Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 года. С. 128.

растущую тревогу, серьезное беспокойство Ленина, ибо в этом он видел угрозу делу социализма.

Осуществление индустриализации — трудная, но жизненно необходимая задача — привело к дальнейшему усилению государства, которое сосредоточивало финансы, материальные ресурсы, рабочую силу, распоряжалось ими в интересах скорейшего создания новых фабрик, заводов, электростанций. Из одного ВСНХ стали «вылупливаться» промышленные наркоматы. Этот неукротимый процесс привел затем к немыслимому размножению союзных и республиканских министерств. Соответственно росла роль планирования и роль планирующих органов. Госплан превращался в самодовлеющую силу. Колхозный строй — сам по себе в принципе прогрессивный и справедливый, но созданный с большими ошибками и перекосами — дал государству решающие рычаги для полного управления сельским хозяйством. Рост совхозов придал этому процессу еще большую юридическую оформленность. С конца 20-х годов в руках государства сосредоточились и основные рычаги торговли.

Во время Великой Отечественной войны роль государства значительно возросла. Это было необходимо. Война, показав силу и значение государства, тем самым еще больше укрепила его. Влияние государства усилилось и в нелегкие годы послевоенного возрождения.

А дальше — дальше все сильнее и сильнее стали сказываться проявившиеся ранее недостатки и отрицательные стороны непрерывного возрастания роли государства. Расширение функций государства вело к росту аппарата. Количественный рост порождает новые звенья, среди которых многие оказываются лишними. Раз лишнее — значит, бесполезное. Раз бесполезное — значит, вредное. Так складывался механизм торможения. Лишнее, бесполезное звено не работает, оно может создавать лишь видимость работы, а видимость работы не только не заменяет самой работы, а мешает ей.

Разросшаяся государственная система, породив множество ненужных звеньев, породила и огромную армию людей, для которых эти звенья стали жизненно необходимыми. Значительная часть аппарата все больше стала работать на себя, для себя, тормозя живое дело.

Возрастание масштабов производства, усложнение задач специализации и кооперации, оснащения производства новой техникой, освоения новых технологий делали все более трудным, а потому невыполнимым, бесполезным централизованное до крайности управление, гипертрофированное планирование.

Видимо, социализм не требует, чтобы государство взваливало на свои плечи непосильную ношу. Государство должно делать многое, но оно не должно делать все.

Бюрократический слой возник и в массовых общественных организациях (профсоюзы, комсомол), в творческих союзах, в научных учреждениях. И всюду бюрократизация влекла за собой окос-

тенение, застой, социальную несправедливость. Соответственно была деформирована и практика подбора и выдвижения кадров. В капиталистическом обществе в обстановке беспощадной конкуренции выдвигались и выдвигаются не только и не столько самые талантливые, не столько самые лучшие специалисты и организаторы, сколько люди деловые, жесткие и жестокие. Им приходится бороться за свое собственное существование, и они это прекрасно понимают: любой ценой «остаться на плаву», либо ты сомнешь других, либо тебя сомнут, — эти волчьи отношения заставляют вырабатывать специфические качества настоящего бизнесмена, требующие давить конкурента и не давать ему ни малейшей поправки, но не допускающие поправки и себе самому, исключая разболтанность, пустословие, некомпетентность, требующие максимальной интенсификации.

Отсутствие у нас закона джунглей — благо. Мы провозгласили гуманнейший принцип: «Человек человеку друг, товарищ и брат». Но гуманность человеческих отношений, отсутствие конкурентной борьбы показали оборотную сторону. У общества как бы исчезли правильные критерии для определения и проверки деловитости и компетентности руководителя, а у последнего — заинтересованность в подлинно деловом, результативном руководстве. Работников — особенно в условиях застоя — стали все чаще оценивать и продвигать по служебной лестнице по формальным, анкетным данным. Главным в оценке руководителя становилось его умение хорошо отчитаться для пресловутой «галочки», создать видимость дела вместо самого дела, угодить начальству, ввести «рапортосъемки», но бесполезные начинания. Все более массовым становился тип руководителя, мирившегося с ленью и разболтанностью, стремившегося поладить с коллективом так, чтобы не выносить сор из избы. Псевдогуманность делала руководство формальным, иллюзорным. Но иллюзорные, пустые для дела начальники всегда были весьма активными в отстаивании своих собственных интересов и постов. Активная безответственность и безответственная активность псевдоруководителей сковывали инициативу, тормозили выдвижение по-настоящему деловых работников, талантливых организаторов, компетентных специалистов. Общая безответственность мешала людям действительно ответственным. Деловые качества наряду с политическими (формулировка, ставшая загадочной) по-прежнему считались де-юре необходимым критерием, но настоящие критерии, определяющие способности, знание, деловую хватку, все больше отходили на второй план.

Таким образом, рост и укрепление бюрократического механизма торможения затрудняли становление и развитие полноценной экономической и социально-общественной системы социализма.

Октябрьская революция разрушила старую систему управления, старую систему общественных и экономических отношений. А новые, социалистические отношения не создаются в недрах

капитализма. Поэтому главной задачей, писал Ленин весной 1918 г., «является положительная или созидательная работа налаживания чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей»¹.

Ленин гениально предвидел одну из главных особенностей и трудностей социалистического строительства и функционирования общества. В условиях капитализма в жесточайшей конкурентной борьбе сохраняются наиболее жизнеспособные формы хозяйственной деятельности. А у нас новая система общественных и экономических отношений создавалась иным путем. Именно потому, что она не возникала ранее, не «обкатывалась» временем, не проверялась практикой, а рождалась в социалистическом государстве впервые, ей сопутствовали недостатки, которые устранялись лишь в ходе накопления опыта. Для правильного функционирования этой системы нужно не допускать застывания, закоренения отдельных форм, не оправдавших себя или устаревших, нужно гибко и своевременно освобождаться от всего отжившего, неудавшегося, поддерживать и развивать вырастающее из жизни и жизнью проверенное.

Ленин до конца своих дней не переставал неустанно бороться за совершенствование системы социалистических общественных и экономических отношений, беспощадно отбрасывая негодные формы, любовно и бережно поддерживая жизнеспособные, разумные, целесообразные. Особое место он отводил формированию социалистической организации общественного труда, налаживанию строжайшего и всенародного учета и контроля за производством и распределением продуктов.

Однако в дальнейшем довольно часто иные формы становились не просто старыми, они не менялись и окостеневали. Не менялись прежде всего из-за чиновничьего равнодушия, из-за привычки к сложившимся клише консерватизма, страха перед новым, из-за отсутствия научного подхода, из-за оглядки на начальство, чрезмерной централизации, ожидания предписаний сверху, из-за неумения найти альтернативу и отсутствия потребности и необходимости ее искать.

Отставание в поисках новых форм хозяйственности, абсолютизирование многих старых методов, распространение бюрократической неприязни к новому, веры во всемогущество административных (приказных) начал стали постепенно усиливаться со второй половины 20-х годов. В дальнейшем по мере разрастания бюрократических тенденций стали сильнее давать о себе знать и эти негативные явления. Не раз они подвергались критике, не раз предпринимались более или менее удачные попытки устранить нараставший груз отставания. А он, этот груз, продолжал накапливаться, особенно в 70-е годы, что привело в конце концов к предкризисной обстановке в начале 80-х годов.

¹ Ленин В И Полн собр соч Т 36 С. 171

Развитие бюрократии и бюрократизма, появление многочисленного слоя людей, кровно заинтересованных в сохранении складывающихся, сложившихся, утвердившихся порядков, приобрело столь широкие масштабы и столь важное значение, привело к столь серьезным отрицательным последствиям, что было бы непростительным недооценивать воздействие этого фактора на ход нашей истории. Не случайно резолюция XIX партийной конференции констатирует, что «бюрократизм разросся до опасных пределов, стал тормозом общественного развития»¹.

Эти явления послужили почвой, на которой выросли всевластие Сталина, единовластие Хрущева и Брежнева.

Можно ли отбросить этот негативный груз, или он является обязательным спутником социалистического государства? Да, конечно, можно и необходимо отбросить, преодолеть. И для этого есть единственное лекарство — демократизация общества, всех его институтов, подлинная гласность, которую не терпит бюрократ и которая не терпит бюрократизма. Это трудно, но это по плечу здоровым силам общества. Именно демократизация есть главное поле борьбы за подлинный социализм.

Из того, что сказано об обстоятельствах, влиявших на нашу историю и формировавших ее потоки, вытекает мысль о роли личности в нашей истории.

Мы недооценили все негативные последствия культа Сталина, волюнтаризма Хрущева, попустительства Брежнева. А действия руководителей государства, если иметь в виду масштаб их воздействия на все стороны жизни и деятельности народа, составили, по существу, целое русло исторического процесса.

Роль Сталина как личности огромна. Представляются беспредметными разговоры о том, что было бы, если бы на месте Сталина был другой человек. Мы не знаем этого человека. Многие имена, называвшиеся в 20-е годы и называемые сейчас, говорят о людях разных, со своими достоинствами и недостатками. Но никто не может сказать, как проявил бы себя тот или иной человек, оказавшись на посту руководителя великой партии и великой страны. Как повел бы он себя в начале своего руководства? Через 5 лет? Через 10 лет? Власть меняет людей, меняет их отношение к товарищам, к принципам коллективного руководства. Да, мы не знаем, как проявил бы себя на месте лидера другой руководитель. Но мы теперь достаточно хорошо знаем, как проявил себя Сталин. Безусловно, это оказался худший вариант, в своем роде уникальный по сумме и масштабности отрицательных качеств. Теперь уже очевидно, что личные свойства характера Сталина самым ужасным образом сказались на всей его деятельности и соответственно на жизни страны и народа. Патологическое властолюбие, сжимающая сердца и души беспощадность, презрение к человеческим судьбам, цинизм и коварство, вера во всемогущество волевых

¹ Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 года. С. 128.

решений, поразительное умение выдать поражение за успех, любую удачу представить как величайшую победу — все это наложило неизгладимый отпечаток на формы и методы социалистического строительства, на характер построенного социализма, на общественно-политическую жизнь. У Сталина имелись свои представления о социализме и коммунизме, о роли партии, государства, свое понимание демократии (вернее, полное пренебрежение к ней).

Несомненно, он сам стремился к созданию собственного культа, хотя порой лицемерно критиковал его и кичился скромностью (которая была паче гордости). В создании своего культа Сталин нашел надежных помощников среди политических деятелей и ученых, поэтов и композиторов, драматургов и кинематографистов.

Культом поддерживали те слои аппарата, которых устраивала крепкая власть, провозглашавшая демократию, но оставлявшая ее пустой формальностью, ратовавшая за критику и самокритику, но не допускавшая их в сферу, расположенную хоть на ступеньку выше управдомовского уровня.

Сталинская секира ударяла — притом весьма основательно — и по этим слоям. Но бюрократический аппарат как таковой не только оставался незыблемым, — он рос и креп. Эта незыблемость порождала у каждого уцелевшего надежду, что он не окажется в числе неудачников, а, напротив, упрочит свое положение. Так оно и было. Уцелевшие жили в страхе, но с надеждой: они получали освобождавшиеся кресла, словом и делом поддерживая вождю. На место репрессированных приходили новые аппаратчики, также со страхом и надеждой, также словом и делом верно служившие вождю.

Идол не существует без идолопоклонников. Сталинский культ питали и отсутствие подлинно демократических традиций, и свойственная мелкобуржуазной массе тяга к созданию и почитанию кумира, убежденность в необходимости мудрого, все понимающего и за все отвечающего вождю.

Н. С. Хрущев — смелый, импульсивный, эмоциональный, непоследовательный — своими действиями также оставил след на формах и методах социалистического строительства. Его попытки исправить сталинские деформации, проходившие в острой борьбе с твердыми сталинистами — Кагановичем, Маленковым, Молотовым, — вылились в деяние огромной важности — осуждающий культ личности Сталина доклад на XX съезде и широко развернувшуюся реабилитацию жертв сталинского террора. Хрущев, несомненно, искренне искал пути к осуществлению технического прогресса, улучшению дел в сельском хозяйстве, совершенствованию управления экономикой (создание совнархозов), сделал попытку перейти к открытому общению с народом, покончив со сталинским величавым безмолвием, говорил о необходимости коллективного руководства. Однако довольно скоро его благие намерения стали видоизменяться. Говорят, что наши недостатки суть продолжение наших достоинств. Это полностью относится к Хрущеву. Его стремление говорить с народом превращалось порой

в надоедливую болтливость. Энергия выливалась в желание всех поучать по любому поводу. Стремление осуществить необходимые перемены свелось к необоснованным перекройкам. От разговоров о коллективном руководстве он пришел к установлению полного единовластия, оформленного совмещением должностей Первого секретаря ЦК и Председателя Совмина. Поэтому было естественным, что Хрущев не сумел или не захотел осуществить действительную и действенную демократизацию, опереться на волю народа, выраженную через демократические механизмы, не смог или не захотел преодолеть механизм торможения.

Партийный и государственный аппарат, выросший за годы войны и в первые послевоенные годы, поддержал Хрущева, деятельно создавал ему престиж, пропагандируя «великое десятилетие», программу построения коммунизма за 20 лет. Но все же разоблачение культа личности — с пиками этого процесса на XX и XXII съездах КПСС (1956, 1961 гг.), — создание совнархозов, разговоры о самоуправлении, разделение парткомов внесли немало сумятицы в умы бюрократов, встревожили аппарат, лишили его уверенности в стабильности. Механизм торможения, работая против любых попыток что-то изменить, тем самым объективно работал против Хрущева. Этому способствовали его непоследовательность, перепады и зигзаги в его политическом поведении, неровность характера. Наверное, нет оснований считать, что аппарат восстал против Хрущева, однако он и не поддержал его в решающую минуту.

Л. И. Брежнев стремился к стабилизации и консервации сложившихся десятилетиями форм экономической, государственной, общественно-политической деятельности и тем самым способствовал их перерождению, загниванию, усилению и развитию практически в каждой сфере негативных тенденций. Бюрократизм и бюрократия получили дальнейший простор для роста и укрепления. Их отрицательное влияние на всю жизнь страны приняло угрожающие размеры, а коррупция аппарата стала массовой.

Что же в таких неблагоприятных условиях позволило сохранить преемственность социализма, пронести эстафету, поднять с апреля 1985 г. народ на перестройку, на преодоление застоя, на выход из предкризисного состояния?

Ответ один — вера подавляющего большинства народа в социалистические идеалы. Эта вера, воплотившая в себе вековые чаяния людей труда и их стремление к уничтожению неравенства, эксплуатации, торжеству социальной справедливости, получила реальные подтверждения в завоеваниях Октября, в фундаментальных ценностях социализма.

Революционный потенциал, рожденный Октябрем и борьбой за социализм, оказался необычайно мощным. Его влияние распространилось на все слои народа и оказалось продолжительным во временном отношении. Вера большинства советских людей в правоту коммунистического дела, в закономерность и неизбежность победы коммунизма основывалась на тех реальных завоеваниях

революции, о которых уже говорилось. Она приобрела мировоззренческий характер, стала убеждением, характерной чертой большинства советских людей, проникла в толщу миллионных масс, а, как известно, идеи, овладевшие массами, становятся материальной силой. Истоки народной убежденности в социалистических идеалах, ее реальное значение, бесчисленные проявления ее материализации составляют особое русло исторического процесса. В воспитании сознательности, убежденности в правоте революционного дела основную, решающую роль играла Коммунистическая партия. Это прежде всего и обеспечивало ее руководящую роль.

В годы сталинского террора партия, несмотря на тяжелейшие потери, сохранила свои позиции в основных слоях советского общества и, главное, сохранила в народе социалистические идеалы, хотя и со сталинской подсветкой. Сам Сталин смог стать вождем и приобрести власть только потому, что от начала до конца выступал как борец за социализм. Популярность Сталина в народе, вера в него объяснялись исключительно тем, что его имя отождествлялось с социализмом, с теми завоеваниями революции, о которых говорилось выше. Каким образом ему удалось добиться такого отождествления — это феномен, заслуживающий особого изучения. Но то, что ему удалось этого добиться, представляется фактом несомненным. Какой ужасный парадокс: вера народа в светлые идеалы позволяла Сталину творить черные дела!

Сейчас, когда люди узнают все больше и больше потрясающих их сердца сведений о сталинских расправах, часто возникает вопрос: как десятки миллионов граждан СССР 30-х годов могли верить в то, что Бухарин, Томский, Рыков, Тухачевский и многие другие видные деятели партии и Советского государства действительно являлись врагами народа, шпионами и диверсантами? Есть много причин, объясняющих это непонятное новым поколениям, но подлинное явление. Но главное заключалось в том, что Сталин использовал для укрепления своей власти и для расправы с противниками реальные трудности социализма и опасности, ему грозившие. Он сумел гипертрофировать до невероятных размеров действительно имевшие место разногласия о путях социалистического строительства, убедить большую часть партии и народа в том, что недавние оппозиционеры перешли в лагерь классового врага, на сторону мирового империализма. А агрессивность империализма, его антисоветская направленность не вызывали сомнений. Еще свежи были в памяти империалистическая интервенция, нанесящая нам неисчислимый урон, неоднократные дипломатические и военные провокации 20-х годов. Для людей 30-х годов реальностью был приход Гитлера к власти, захват Японией Маньчжурии и прямые военные вылазки японских милитаристов на Хасане (1938 г.) и Халхин-Голе (1939 г.). Через сердца граждан 30-х годов прошла горячая любовь к республиканской Испании, подвергшейся нападению фашизма. Наши люди видели, что и

западные демократии, предавшие Испанию, Австрию, Чехословакию, делают все, чтобы изолировать СССР и столкнуть его с Германией и Японией.

Грозные события обостряли опасения советских людей за судьбы социализма, а Сталин умело использовал это в своих целях.

Все это не оправдывает Сталина — его оправдать нельзя. А десятки миллионов людей, которые ему верили, не нуждаются в оправдании. Здесь делается лишь попытка объяснить, почему ему верили.

Это парадоксально, но соответствует историческим реалиям: делая практически все, чтобы извратить ленинское понимание социализма, Сталин одновременно не жалел усилий для пропаганды социалистических идей. Сталин не просто сам агитировал за социализм — на выработку коммунистического мировоззрения были направлены школы и вузы, средства массовой информации, все пропагандистские силы, государственные органы и общественные организации. Сталин делал это для возвеличения собственной персоны, но со временем эта истина стала понятной людям и обернулась против Сталина, ибо правая идея не может вечно служить неправому делу.

Вера советских людей в социализм, как уже говорилось, была проверена и доказана во время войны, которая в огромной степени укрепила убеждение в превосходстве советского строя.

Возрождение разрушенного, открывавшиеся перспективы быстрого мирного развития, успешного движения к социализму снова и снова подкрепляли решимость народа в правильности избранного пути.

Разоблачение Сталина, предпринятое по инициативе нашей партии, потрясшее народ, вызвавшее определенный раскол в обществе, было в конце концов принято большинством населения.

Оно было принято и поддержано по одной простой причине: разоблачение шло во имя социализма, для укрепления социализма. Отрицался не социализм, а его сталинская деформация, отлучался от социализма Сталин. Жизнь показала, что это отрицание отрицания не погубило веру в социалистические идеалы, оно очистило их, осветило.

Часто спрашивают: как же так, народ уважал Сталина, верил ему, Хрущев развенчал Сталина, а народ поверил Хрущеву, и это подняло его авторитет? Ответ прост: народ верил в социализм и оказывал доверие и уважение Сталину, не зная всей правды о нем. Народ поверил не Хрущеву, а нашел в словах Хрущева обновленную веру в социализм.

В дальнейшем с Хрущевым, а затем и с Брежневым произошел тот же парадокс, что и со Сталиным. Они сами отступали от социализма, но не переставали клясться его именем. Они понимали его неумирающее значение, его великую притягательную силу. Эта сила поднимала и поддерживала их, она же затем сокрушала их авторитет. Надо помнить огромную важность того фактора, что

во главе страны стояла и стоит партия, самым названием своим говорящая о своей сути и своей цели. Коммунистическая партия не просто правящая партия, не только руководящая сила общества. Она вобрала в себя самую активную, деятельную часть населения, являлась и является основным источником пополнения руководящих кадров на всех ступенях и во всех сферах нашей жизни. В партию — и при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневе — вступали люди, в своем большинстве преданные идеям коммунизма. Было бы кошунственным ставить под сомнение бескорыстие и честность людей, писавших заявления о вступлении в партию накануне смертельного боя, искренность миллионов рабочих, крестьян, ученых, деятелей литературы и искусства, представителей интеллигенции, пополнявших партийные ряды.

Но было бы наивно предполагать, что в партию шли (и идут) только беззаветно верящие в идеи коммунизма люди. К правящей партии карьеристы стали примазываться с того момента, как она стала правящей. А с годами эта тенденция, несомненно, усилилась. Время сталинского беззакония, хрущевских зигзагов, брежневского застоя не могло пройти бесследно. Люди беспринципные, равнодушные ко всему, кроме собственного благополучия, просто нечестные, вступая в партию, занимая руководящие должности, пополняли и укрепляли механизм торможения. Так возник невидимый, но весьма существенный водораздел, практически разделяющий партию на действительных коммунистов и людей, состоящих в ее рядах во имя собственных корыстных интересов. И наряду с этим — множество колеблющихся, безразличных, пассивных.

Значителен резерв, из которого вышли щелоковы и медуновы, рашидовы, адыловы, чурбановы. Но не будь в партии и стране потенциала веры, резерва чести, преданности, уверенности в обновлении, откуда бы взялись нравственно здоровые силы, готовившие и подготовившие перестройку, откуда бы взялись ее прорабы? Здесь, в неугасавшей вере, в социальном, моральном, политическом, нравственном потенциале социализма и сохранился заряд для нынешнего подъема. Здоровые силы партии и всего народа проявили себя в честном повседневном труде, в критике недостатков и извращений, в поисках новых форм хозяйствования, в борьбе против бюрократического засилья. Они позволили осуществить революционную преемственность поколений, не дали разорвать, несмотря на все трудности, нити социалистических идеалов. Живительный родник социализма не иссяк.

Однако в 70-е годы мутная струя, казалось, могла превратиться в преобладающую. На глазах росли наглые и высокомерные от сознания безнаказанности казнокрадство, взяточничество, спекуляция, махинаторство, ширились бесхозяйственность, разительная неэффективность производства, все сильнее сказывалось отсутствие должных стимулов для честных тружеников. Все больше выявлялись негативные стороны и провалы во всех областях жизни — в правосудии и народном образовании, здравоохранении и науке, литературе и искусстве.

Это порождало во всех слоях народа равнодушие, апатию, неверие. Разрыв между словом и делом вел к тому, что высокое значение слова падало, инфляция слова усиливалась с каждым годом. Стала очевидной угроза: мог погаснуть тот факел, который поколения советских людей пронесли сквозь ненастье. Из всех слагаемых застоя и предкризисного состояния общества утрата веры в идеалы социализма была особенно опасной и грозной.

Апрель восемьдесят пятого стал жизненно необходимым, и это подтвердил анализ итогов трех лет послеапрельского развития, отраженный в документах XIX Всесоюзной конференции, июльского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС, которые обогатили стратегию и конкретизировали тактику революционных преобразований с целью обеспечить углубление и необратимость перестройки.

Очищение и укрепление партии, освобождение от несвойственных ей административных и хозяйственных функций, правдивость партийного слова, реальное обновление социализма — все это повысит по существу, а не формально руководящую роль КПСС.

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И ПЕРВЫЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ

П. В. Волобуев

ОБРАЩАЯСЬ К ВЕЛИКОМУ ОПЫТУ

Остро затронув историческую науку, перестройка обнажила застойные зоны и в исследованиях проблематики Октября, монопольно охранявшиеся заинтересованными в их «незыблемости» историками. Стали очевидными низкий теоретический уровень многих работ, предвзятость историографических обобщений. Плохо обстоит дело с «заселением» трудов об Октябре живыми людьми — активными участниками событий. Неловко признаваться в этом на семьдесят первом году революции, но знаменитая книга Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир» все еще остается для нас, историков, недостижимым образцом объективного и вдохновенного подхода к величайшему событию XX в.

Ряду книг и статей по истории Октября, появившихся в последнее время, все еще присущи жесткий аксиоматизм, заданность выводов, уход от острых проблем или сглаживание их, приверженность расхожим схемам, в прокрустово ложе которых «закладывается» фактический материал, зачастую поданный сухо, невыразительно. А ведь живая история революции — это величайшая драма XX в., наполненная яростными схватками людей, партий, классов, кипением человеческих страстей, героическими свершениями, ошибками, падениями и страданиями, трагическими развязками для целых классов и социальных групп.

Но все же налицо и заметный отход от стереотипов, постановка новых проблем. Так, перспективным явилось обращение к русской революционной традиции, позволяющее полнее и глубже понять роль духовных предпосылок нашей революции, причины опережающего развития передовой общественной мысли в дореволюционной России по отношению к действительности. Хотя и с огромным трудом, через укоренившуюся привычку изображать исторический процесс как улицу с «запрограммированным» односторонним движением, пробивает себе дорогу идея и о многовариантности и противоречивости этого процесса. А следовательно, о необходимости видеть в объективной исторической

действительности разные возможности и альтернативы развития, борьбу общественных сил за выбор и решение тех или иных альтернатив, и прежде всего главной, вставшей в 1917 г. перед народами России: социализм или капитализм.

Анализ вышедшей к 70-летию Великого Октября исторической литературы свидетельствует, что она, хотя и несет на себе черты, так сказать, переходного периода, все же пополнила наши конкретные знания о тех или иных событиях и деятелях и позволила приступить к ликвидации отдельных «белых пятен». Значительно труднее дается теоретическое обобщение многогранного опыта Октябрьской революции — здесь нас более всего тянет вниз груз догматических представлений и универсальных схем. Приходится сталкиваться, к сожалению, со стойкой приверженностью части историков своего рода «псевдомарксистскому фундаментализму» с присущими ему черно-белым видением истории, методологией вульгарного социологизма и упрощенчества, не говоря уже о случаях явной профессиональной некомпетентности.

С другой стороны, мы не можем закрывать глаза на то, что за два десятилетия застоя на почве разочарования части советской общественности, особенно молодежи, возникли неверные представления о нашей революции. Обобщим их в виде ряда острых вопросов. Была ли революция закономерной и не совершили ли большевики насилия над историей, повернув развитие России с «нормального», буржуазно-демократического пути? Не оказалась ли она неудачным социальным экспериментом, затеянным группой фанатиков в 1917-м? Возможен ли был тогда, в 1917 г., не революционный, а реформистский выход из кризиса российского общества? Почему утвердилась в нашей стране однопартийная система? Не послужила ли Октябрьская революция той самой «черной дырой», через которую наша страна прямоком свалилась к сталинизму? Эти и другие вопросы требуют обоснованных научных ответов. Долг советских историков — специалистов по Октябрю — не только дать такие ответы, но и постараться воссоздать в народном сознании достоверный образ Октябрьской революции, сделать его прочной духовной опорой в наших нынешних перестроечных делах. Отсюда особая значимость исследования ее богатейших традиций, опыта и поучительных уроков.

И внутренняя логика развития науки об Октябре, и новые высоты и горизонты исторического видения настоятельно требуют новых концептуальных решений и подходов. Более того, по ряду направлений, особенно теоретико-методологических, мы остро нуждаемся в прорывах как теоретического, так и конкретно-исторического порядка. К исследованию истории революции пора научиться подходить не только ответственно, но и — не на словах, а на деле — с позиций марксистского принципа историзма. Надо отказаться от насаждавшегося десятилетиями «иконизирования» революции, исследовать ее такой, какой она была, — со всеми ее достижениями, противоречиями, трудностями и ошибками. Вспомним, как едко высмеивал Ленин тех революционеров, которые

возводили революцию «в нечто почти божественное» и «начинали писать «революцию» с большой буквы»¹.

Проблемы истории Октябрьской революции вопреки бытующим суждениям поистине неисчерпаемы. Обратим внимание лишь на те из них, разработка которых представляется автору наиболее важной. Думается, начать следует с восстановления во всей полноте и цельности ленинской концепции революции. Не перечеркивая сделанного в этой области раньше, надо признать, что в последние два десятилетия под пером иных историков ленинские взгляды стали просто неузнаваемыми. Одно время превозносились книги, в которых со ссылкой на Ленина доказывалось, будто большевики в октябрьские дни 1917 г., в сущности, не имели на своей стороне поддержки большинства народных масс и получили эту поддержку лишь после взятия власти. Понимание «механизма» завоевания масс не как длительного, постоянного и сложного процесса, а как одноразового акта плюс махровый догматизм — таков источник подобных рассуждений.

Трудно воспринимается многими историками сама суть ленинской концепции — о социалистической революции в стране, не завершившей еще формационного буржуазного преобразования и в связи с этим осуществившей ее до созревания необходимых материальных предпосылок социализма. Неправомерно сужаются, на мой взгляд, и хронологические рамки социалистической революции. Вопреки Ленину здесь часто ограничиваются периодом второй буржуазно-демократической революции (март — октябрь 1917 г.), взятием власти в ходе Октябрьского вооруженного восстания (собственно говоря, это только начало социалистической революции) и триумфальным шествием Советской власти (октябрь 1917 г. — февраль 1918 г.). Но ведь известно, что начало социалистической революции в деревне Ленин относил к лету 1918 г. (комбедовский период), а завершение — к его концу (точнее, ноябрю). Следует вернуться к ленинской периодизации Октябрьской революции, рассматривая весь период от февраля 1917 г. по ноябрь 1918 г. как непрерывную революцию, имевшую свои этапы: сначала перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, а затем в «городскую» и «деревенскую» в общем русле социалистической революции. Тогда станет возможным решить наконец в духе ленинских оценок и проблему перегруппировки классовых и политических сил в ходе Октябрьской революции, что у нас нередко до сих пор делается по Сталину. Словом, нужно новое прочтение ленинских трудов по истории революции.

Упрощенно анализируется и проблема теоретической подготовки революции. Из наших книг складывается впечатление, что Ленину, большевикам все заранее и наперед было ясно, что теоретические положения и лозунги, выдвинутые партией, воплощались в жизнь по всем пунктам на 100 и более процентов. Бесспорно, ни одна революция в мировой истории не была так основательно,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 223.

главным образом благодаря беспримерной по масштабу, интенсивности и глубине теоретической деятельности Ленина, обеспечена с научно-теоретической стороны, как Октябрьская. Поэтому она и предстает как синтез революционного порыва трудящихся масс и научной политики большевистской партии. Поучительный урок Октябрьской революции, когда впервые марксизм соединился с живой революционной практикой масс и стал проверяться ею, заключается в том, что на крутых поворотах истории от авангардной революционной партии требуется не просто применение разработанных ранее теоретических положений, а смелый отказ от старых концепций и выдвижение новых идей, то есть качественное обновление революционной теории.

Здесь в полную силу вступает принцип «обратной связи» в развитии марксистской теории — от теории к социальной практике масс как источнику опыта и критерию истины. Разве не благодаря этому стало возможным открытие Лениным в лице Советов формы пролетарской государственности и одновременно народного самоуправления? Припомним, от скольких, казалось бы, бесспорных положений марксизма ему пришлось отказаться ввиду их несоответствия новым историческим условиям или догматического перерождения. Это положение и о более или менее одновременной победе социалистической революции в Европе, и о необходимости для победы революции высокого уровня производительных сил и пролетаризации большинства населения в каждой данной стране, и о замене постоянной армии всеобщим вооружением народа и т. п. Попутно заметим, что за отступление от этого принципа «обратной связи» в течение многих десятилетий (с начала 30 — до середины 80-х годов) нам пришлось заплатить отставанием в творческой разработке марксистской теории.

В ходе революции события выдвигали новые проблемы и требовали новых теоретических и политических решений. Так, Ленин безбоязненно отложил в сторону большевистскую аграрную программу, выдвинутую им в Апрельских тезисах и принятую VII (Апрельской) Всероссийской конференцией РСДРП(б), и в основу знаменитого Декрета о земле легли крестьянские требования (по сути, эсеровская программа) — и все это ради упрочения союза пролетариата с трудящимся крестьянством. Подчас же суровая действительность сама, не спрашивая согласия теоретиков, решительно видоизменяла большевистские лозунги при их воплощении в жизнь. Так было, например, с лозунгом о союзе пролетариата с беднейшим крестьянством в социалистической революции на ее первом этапе. Благодаря соединению на практике пролетарской революции против буржуазии с крестьянской революцией против помещиков, пролетариат в решающий момент борьбы за власть Советов получил поддержку не только своего естественного союзника — бедняка, но и остальных слоев и групп крестьянства — среднего и зажиточного, то есть был поддержан крестьянством в целом. Вот почему Ленин, столь высоко ценивший значение революционной теории, писал: «Как будто можно делать величайшую

революцию, зная заранее, как ее делать до конца! Как будто это знание почерпается из книг! Нет, только из опыта масс могло родиться наше решение»¹.

Думается, прорыв в изучении Октября может быть достигнут уже в ближайшие годы в исследовании закономерностей политических и социально-экономических предпосылок социалистической революции. Необходимо прежде всего отрешиться от телеологического (исходящего из предопределенности) понимания исторического процесса, с одной стороны, и от представлений об автоматизме действия общественных закономерностей — с другой.

Важно овладевать в полной мере материалистическим пониманием истории как вероятностного процесса, а не предопределенного и запрограммированного. Альтернативы и возможность их выбора заложены в самой исторической действительности. И историк обязан видеть весь спектр реальных возможностей, фиксируя свое внимание не только на состоявшихся, но и на упущенных возможностях, объясняя, в силу каких причин это произошло. Тогда и закономерности революции предстанут не как абстрактные, безлюдные схемы, а как проявляющиеся в жизни через яростную борьбу классов и партий за выбор и реализацию отвечающих их интересам возможностей. Результат борьбы находит свое выражение в равнодействующей. Надо убедительно показать массовому читателю, что в 1917 г. конкретно-историческая ситуация с ее необычайной сложностью, динамичностью и крутыми поворотами содержала разные, часто сменявшиеся возможности развития. Контрреволюционная буржуазия, смотревшая не вперед, а назад, не обладавшая политическим опытом, не смогла направить развитие России по буржуазно-демократическому пути. Ее интересам соответствовали установление военно-террористической генеральской диктатуры и возврат к монархии.

Весьма слабые усилия к тому, чтобы реформистским путем выйти из войны, разрухи и кризиса, приложили партии мелкобуржуазной демократии — меньшевики и эсеры, считавшие своим идеалом западноевропейскую модель капитализма и буржуазной демократии. Но и они обанкротились, ибо натолкнулись на отказ буржуазии пожертвовать помещичьим землевладением и частью своих привилегий.

Осенью 1917 г. массы ходом событий были подведены к альтернативному выбору: либо диктатура пролетариата, либо диктатура контрреволюционной военщины. Угрожающе нарастала и другая перспектива: русский анархический бунт, «бессмысленный и беспощадный» (А. Пушкин). И большинство народа, поставленное перед таким выбором, вполне сознательно сделало его в пользу власти Советов, доверив революционному пролетариату и партии большевиков руководство страной. Следовательно, равнодействующая борющихся общественных сил прошла по линии интересов

¹ Ленин В. И. Полн собр. соч. Т. 38. С. 141

трудящихся масс. Так была решена историческая альтернатива: социализм или капитализм. История, несмотря на все трудности, жертвы и лишения, пережитые нашим народом, подтвердила правильность социалистического выбора в судьбоносные дни Октября 1917 г.

Однако правильное освещение вопроса о соотношении классовых сил требует сосредоточить внимание на изучении социальной структуры населения России, положении и численности классов и социальных слоев.

Если говорить об исторических предпосылках Октябрьской революции, то это понятие, на мой взгляд, должно быть расчленено на основные его составляющие: социальные, политические, материальные, культурные предпосылки, характер кризиса системы и т. п. В то же время нужен комплексный подход к их исследованию и, главное, учет последующего исторического опыта. А именно: строительство социализма в нашей стране обнажило убожество доставшегося нам наследства в экономике, образовательно-культурном уровне населения, классовой структуре.

Относительно социально-экономических предпосылок следует сказать, что в нашей историографии до сих пор не преодолена давняя тенденция к подтягиванию уровня и типа капиталистического развития России к западноевропейскому образцу. (В начале своей научной деятельности дань этой устоявшейся традиции отдал и автор статьи.) В последнее десятилетие историки грешили преувеличением уровня развития аграрного капитализма. При этом игнорировалось, что формирование социальных слоев буржуазного общества у нас тогда не завершилось, а тяжесть крепостнических пережитков возросла. Если и дальше идти по этому исследовательскому пути, то окажется, что столыпинская политика ускорения буржуазной эволюции русской деревни была близка к успеху. Но, как известно, она провалилась, да и вряд ли Столыпину удалось бы модернизировать Россию и тем предотвратить революцию.

Затянувшиеся споры о степени зрелости России для социализма, о роли многоукладности ее экономики будут беспредметными, если не учитывать по крайней мере двух объективных условий Октябрьской революции. Первое, связанное с отсталостью страны, тяготами первой мировой войны и порожденной ею хозяйственной разрухой, равнозначно было самодискредитации русского капитализма в глазах народных масс. Царизм и буржуазия довели страну до грани национальной катастрофы и по очереди должны были расплатиться за содеянное. Социалистическая революция оказалась в тех экстремальных конкретно-исторических условиях единственным выходом из тупика, в который завели страну господствующие классы (разумеется, выходом в интересах народных масс). Второе условие плохо воспринимают наши историки, и суть его состоит в том, что Февральская буржуазно-демократическая революция была не только прологом, но и залогом революции социалистической.

В самом деле. Невозможность или неспособность буржуазных и мелкобуржуазных политиков решить реформистскими средствами острейшие вопросы — о мире, о земле, о хлебе, о борьбе с хозяйственной разрухой, о демократическом устройстве государства — ставили социалистическую революцию в порядок дня. Ленин выразил эту диалектику истории следующим образом: «Так как буржуазия не может выйти из создавшегося положения, то революция и идет дальше»¹. В свою очередь, в обстановке демократической революции, когда били ключом самодеятельность, энергия и инициатива масс и ими владело неодолимое стремление к социальной справедливости, к обновлению своей жизни, нельзя было остановиться на полпути. Эту ситуацию точно охарактеризовал Ленин: «Стоять на месте нельзя... Надо идти либо вперед, либо назад. Идти вперед, в России XX века, завоевавшей республику и демократизм революционным путем, *нельзя*, не *идя* к социализму, не делая *шагов* к нему...»² Под таким углом зрения мы слабо исследуем соотношение в Октябрьской революции социалистических и общенациональных, общедемократических задач. А это одна из актуальнейших проблем, поскольку нерешенные общенациональные задачи послужили могучим катализатором революционного процесса.

Думается, что для верного решения проблемы социально-экономических предпосылок Октября надлежит вернуться к ленинскому подходу к российской действительности. А Ленин считал, что без известной высоты капитализма и свойственной ему группировки классовых сил социалистическая революция была бы невозможна. Но вместе с тем он ясно видел, что экономика страны не могла быть адекватной базой социалистического общества. Поэтому пришлось, опираясь на зрелость субъективного фактора — огромную силу революционных классов, избрать иную, чем в свое время передовые страны Западной Европы, возможность перехода к созданию основ цивилизации, начав «не с того конца» — с завоевания государственной власти. Это видоизменение обычного порядка исторического развития вполне вписалось в закономерности мировой истории. Но, решив проблемы, порожденные кризисом буржуазно-помещичьего общества, и утвердив новый, социалистический строй, оно выдвинуло новые проблемы. Корни их — в краткости и незавершенности курса буржуазно-капиталистической «школы», недостатке цивилизованности, силе государственно-бюрократического наследия, слабости демократических традиций и политической культуры и т. п. С этими проблемами мы столкнулись в ходе социалистического строительства. Над решением некоторых бьемся и поныне. Как показал исторический опыт, соединение демократии и социализма оказалось значительно более трудным делом, чем это представлялось Ленину и партии в первые послеоктябрьские годы.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 446

² Там же. Т. 34. С. 192.

А сколько нареканий слышится сегодня в адрес уравниловки! Но ведь корни ее восходят, во-первых, к уравнительным традициям крестьянской психологии, выплеснувшейся с громадной силой в 1917—1918 гг. и нашедшей отражение в Декрете о земле, а во-вторых, к уравнительным тенденциям всякой народной революции. Тяга масс к равенству и социальной справедливости обернулась требованием всеобщего поравнения. Сколько усилий потребовалось Ленину и Советскому правительству, чтобы доказать необходимость более высокой оплаты труда квалифицированных рабочих и научно-технических работников! Вряд ли кто возьмется утверждать, что эта задача не стоит в повестке дня и поныне.

Проблема «большевистская партия и революция» заслуживает особого разговора. Но обратимся хотя бы к некоторым ее сторонам. Начать с того, что в наших книгах руководящая роль партии и революции зачастую показывается декларативно; сама партия, ее организация предстают безликой массой, неким монолитом, действующим на всех уровнях не иначе как по команде сверху. Нет ничего антиисторичнее этой картины! Большевистская партия, став в 1917 г. массовой, преимущественно рабочей по составу, объединяла революционеров, спаянных не только сознательной дисциплиной, но и преданностью общему делу, интересам народа, идейной убежденностью. Каждый из большевиков был поистине самобытной личностью. Умение работать в гуще масс, убеждать их и вести за собой — отличительная черта ленинской партийной гвардии. Большевистская партия не только учила, политически просвещала и организовывала массы, но и сама училась у масс, впитывая их революционную решимость, энергию и опыт.

После выхода из подполья в марте 1917 г. партия перестроила свою деятельность на основе принципов демократического централизма. Местные парторганизации обладали большой самостоятельностью и в решающие моменты, руководствуясь общим стратегическим курсом партии, действовали удивительно слаженно, активно, смело и инициативно, сообразуясь с конкретными условиями. Борьба мнений и дискуссии в партии в центре и на местах были законом внутривнутрипартийной жизни, воспитывая коммунистов в духе самостоятельности мышления и сознательного идейного единства. В ходе революции бывали случаи, когда партия на крутых поворотах истории (после Февральской революции, в дни корниловщины) отставала от стремительного революционного потока событий, допускала отдельные ошибки (например, участие в Демократическом совещании). Но она быстро, в духе партийной самокритики исправляла их. Ленин придавал большое значение контролю партийных масс за деятельностью партийных «верхов». Накануне Октября, подметив, что «...не все ладно в «парламентских» верхах партии», он потребовал «...больше внимания к ним, больше надзора рабочих за ними...»¹. Тогда же он сформулировал

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 263.

своего рода правило: «...народ вправе и обязан в критические моменты революции направлять своих представителей, даже своих лучших представителей (речь шла о членах ЦК.— П. В.), а не ждать их»¹.

К сожалению, после кончины Ленина многие большевистские традиции были растеряны или даже преданы забвению. А удар Сталина по старой партийной гвардии ослабил преемственную связь между носителями идеалов Великого Октября и новыми поколениями коммунистов. Добавим к этому, что длительное пребывание партии в подполье, вынужденное превращение ее в годы гражданской войны в «воюющую партию», а затем ожесточенная внутрипартийная борьба 20-х годов, не говоря уже о весьма своеобразном понимании внутрипартийной демократии Сталиным, не способствовали развитию демократических начал в деятельности самой партии. Только сейчас, в период революционной перестройки, они начали возрождаться, ибо без демократии в правящей партии невозможна и демократизация общества.

Нет единства мнений и по такой важной проблеме, как особенности перегруппировки классовых и политических сил в преддверии и ходе Октябрьской революции. Часть историков считает, что боролись не три, а два политических лагеря — пролетарский лагерь революции и буржуазный лагерь контрреволюции. Такие взгляды, по моему мнению, есть рецидив сектантски-догматических стереотипов. Они противоречат как ленинским высказываниям, так и исторической действительности. Критикуя тех, кто ждал «чистой» социальной революции, Ленин иронически изображал их представления о революции так: «...выстроится в одном месте одно войско (политический лагерь.— П. В.) и скажет: «мы за социализм», а в другом другое и скажет: «мы за империализм» и это будет социальная революция!»² Трудно также оспорить ленинский анализ классового сдвига, происшедшего в стране после Февральской революции. В статье «Классовый сдвиг» он писал: «Кадеты (буржуазия как класс.— П. В.) заняли место монархии. Церетели и Черновы (мелкобуржуазная демократия.— П. В.) заняли место кадетов. Пролетарская демократия заняла место действительно революционной демократии»³. Итак, по Ленину, налицо три основные общественные силы, три политических лагеря: буржуазия, пролетариат и мелкая буржуазия, представленная в первую очередь крестьянством.

Самый общий взгляд на революционную историю 1917—1921 гг. убеждает, что в такой мелкобуржуазной стране, как Россия, мелкобуржуазная демократия играла громадную, иногда ключевую политическую роль, и поэтому нет никаких оснований лишать ее «статуса» третьего политического лагеря. Продолжительность, ход и характер классовой борьбы в стране были бы совсем иными, если бы мелкая буржуазия не подавляла своей числен-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34 С. 436.

² Там же. Т. 30. С. 54.

³ Там же. Т. 32 С. 386.

ностью и пролетариат и буржуазию, вместе взятые, и не проявляла свойственных ей гигантских колебаний между этими классами. Мелкобуржуазный характер населения России наложил заметный отпечаток на нашу революцию, да и в построенном социализме немало «мелкобуржуазных шлаков», однако историки обходят эту сторону проблемы. Очевидно, и тут назрела дискуссия.

Необходимо без предвзятости переосмыслить роль мелкобуржуазной демократии в революции на разных ее этапах. Нечего греха таить, понятия «меньшевики» и «эсеры» стали у нас ругательными словами, синонимами предательства. Конечно, наша революция как первый прорыв от капитализма к социализму провела глубокий водораздел между большевиками и партиями мелкобуржуазной демократии — меньшевиками и эсерами, которые, по сути, сами поставили себя на противоположную сторону баррикад. Но все же надо отказаться от упрощенных оценок, исследовать массовую социальную базу этих партий, объективные и субъективные причины их политического и идейного банкротства. Ленин отмечал, что эсеры и меньшевики, в отличие от буржуазии, защищали капитализм против социализма идейно, бескорыстно, из предрассудка и боязни нового¹. Как мелкобуржуазные политики, они нередко становились жертвами самообмана. Наконец, в иные периоды, при всех своих колебаниях и непоследовательности, они выступали как революционная демократия (в первые дни Февральской революции, в дни корниловщины). Неправильно, что мы валим в одну кучу меньшевиков и эсеров. Первые были рабочей партией, реформистским, мелкобуржуазным крылом рабочего движения и до поры до времени пользовались известным влиянием среди рабочих Петрограда, Москвы, Тулы и других городов. Меньшевики, вопреки мнению некоторых историков, считали себя истинной рабочей партией и ортодоксальными марксистами, отлучая от марксизма большевиков. Эсеры же являлись представителями неонароднического, крестьянского социализма и даже помышляли проложить России путь к «крестьянскому социализму». Следовало бы на основе привлечения новых источников, а также используя новую морально-психологическую атмосферу в науке, исследовать массовую социальную базу этих партий, ее динамику и уточнить количественный членский состав. Неверно, когда в нашей литературе вопреки действительности отрицаются лидирующая роль эсеров и меньшевиков в демократическом движении до осени 1917 г., их попытки, пусть робкие и непоследовательные, реформистскими средствами решить проблемы страны, неверно изображать их слепыми прихвостнями буржуазии. Слов нет, их погубили «синдром соглашательства», боязнь и неверие в творческие силы народа, догматизм в теории, в частности приверженность тезису о несовместимости понятий «Россия» и «социализм». Но нельзя забывать, подчеркивал Ленин, что в дни борьбы с корниловщиной сложился кратковременный союз между

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 169

большевиками, с одной стороны, и эсерами и меньшевиками — с другой¹.

Сейчас, когда порою ставится вопрос, могла ли Россия избежать братоубийственной гражданской войны, ответ может быть только положительным. Сошлюсь на авторитетное суждение Ленина. В самый канун Октября он писал: «Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной»². Эсеры и меньшевики отвергли такую возможность и не только взяли на себя ответственность за развязывание гражданской войны, но и стали ударным отрядом «демократической контрреволюции». Другая часть исторической правды состоит в том, что гражданская война не приобрела бы такого размаха и продолжительности, если бы не вмешательство империалистов во внутренние дела России.

В нашей литературе в общем неплохо исследован вопрос о союзе большевиков с левыми эсерами как революционно-демократической партией, представлявшей интересы трудящегося крестьянства. К опыту этого союза, в том числе правительственного сотрудничества двух партий — пролетарской и революционно-демократической, — мы не раз будем еще возвращаться, в частности в связи с возросшей ролью революционной демократии в странах «третьего мира». Представляется, что в литературе 60-х годов правильно решался вопрос о пределах правительственного блока с левыми эсерами — он служил решению не только демократических, но и социалистических задач. Но потом последовал откат назад от таких оценок, стали преувеличиваться трудности сотрудничества с левыми эсерами и возобладал старый тезис о невозможности правительственного блока с ними для решения задач социалистического строительства. Позволю себе высказать и такую мысль: несмотря на бесславную эволюцию левых эсеров после Брестского мира, все же следовало бы воздать им должное, отметив их заслуги перед Октябрьской революцией в решающие для нее дни, а не только указывать на их ошибки и колебания.

Отход левых эсеров от правительственного блока, с большевиками, их авантюристический мятеж против Советской власти 6 июля 1918 г. положили конец коалиционной форме Советского правительства. А переход меньшевиков и эсеров на контрреволюционные позиции привел к тому, что они постепенно лишились представительства в Советах. Вероятно, в связи с возросшим интересом общественности к этим вопросам следовало бы вернуться к освещению истории складывания однопартийной системы в нашей стране.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 221

² Там же. С. 222.

Нуждается в новых исследованиях проблема перегруппировки классовых и политических сил в ходе самой революции. До сих пор этому мешали две преграды. Первая — стойкое непонимание частью историков соотношения теоретической модели и результата логического и исторического. Вторая — приверженность иных историков старым стереотипам об Октябрьской революции как «чистой» социальной революции, совершенной пролетариатом в союзе с беднейшим крестьянством, хотя Ленин писал о том, что пролетариат в период борьбы за власть получил поддержку со стороны всего крестьянства и фактически на политическом этапе революции выступал в блоке (союзе) с крестьянством в целом¹. Иными словами, лозунг о союзе пролетариата с беднейшим крестьянством осуществился не в «чистом» виде и в полном объеме только на втором, комбедовском этапе революции. В итоге сложный, длительный и многотрудный процесс перехода от демократической системы союзов к социалистической нельзя считать глубоко изученным.

Особого внимания заслуживает исследование этих союзнических отношений, их объективных и субъективных основ (то есть совпадения интересов и поиска точек сближения, взаимовлияния, компромиссных решений), роли собственного политического опыта масс в укреплении такого союза и т. п. Известно, что ради получения поддержки крестьянства в борьбе за власть Советов и ее упрочение пролетариат пошел на серьезную уступку ему, дав согласие, по сути, на «черный передел» и уравнильное землепользование. Но не обернулось ли это дополнительными трудностями в последующем — парцеллизацией землепользования и утверждением мелкокрестьянского хозяйствования в аграрном секторе?

К числу слабо разработанных относится интереснейшая проблема — интеллигенция и революция. Известно, что в силу исключительных обстоятельств революция явилась для большинства интеллигентов подлинной драмой, а для многих и трагедией. Но надо отказаться от былого сглаживания углов и раскрыть эту драму во всей ее исторической правдивости, показав тернистый путь интеллигенции к сотрудничеству с Советской властью, равно как и обреченность немалой ее части, решившейся покинуть родину.

До сих пор поучительными остаются уроки социального творчества масс в эпоху революции. Далеко еще не исследованы все его формы и проявления. Нередко сказываются стереотипы бюрократического мышления — творчество масс изображается как производное от руководящей роли партии. И в то же время практически не изучается огромная деятельность партии по внесению социалистического сознания, научных знаний о социализме в массы трудящихся, особенно рабочего класса.

Многое предстоит сделать в области исследования истории Советов. Обычно мы изучаем их в ракурсе межпартийной борьбы

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 176—178, 192; Т. 41. С. 57

за завоевание большевиками Советов на свою сторону. Но ведь они выступали в 1917—1918 гг. органами революционной власти и народного самоуправления. Нельзя считать нормальным, что не проанализирован полностью партийный состав II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов — этого учредительного съезда Советской власти. Плохо изучено изменение партийных составов многих Советов, их исполкомов. Что касается социального творчества демократических масс в борьбе с разрухой и голодом, то тут сплошные «белые пятна». Получается в конечном счете несолидно: массы провозглашаются творцами истории, а вот конкретной картины их революционного творчества, по существу, нет. А как важен этот опыт социального творчества масс сегодня, когда партией взят курс на всемерное развязывание инициативы и самостоятельности народных масс!

В числе проблем, нуждающихся в основательной разработке, назвал бы и такую: экономическая политика Октябрьской революции. У нас есть книги и статьи о разных аспектах революционных преобразований в экономике, но теперь надо бы подняться на новый уровень исследования этой очень актуальной проблемы. Нам надо, подобно Ленину, ясно видеть и сильные, и слабые стороны нашей революции, и прежде всего те трудности и опасности, которые подстерегали социалистическую революцию в отсталой стране. Известно, что после окончания гражданской войны Ленин поставил задачу, которая вытекала из необходимости доделывания как за свергнутый капитализм, так и собственной «грубой топорной первоначальной постройки»¹. Весь этот комплекс проблем нуждается в новаторских исследованиях, ибо он высвечивает самые поучительные уроки Октября.

О цене революции. Как марксисты, мы, конечно, знали, что всякая революция — мирная или немирная — авторитарное явление, чрезвычайная форма разрешения общественных противоречий. Но долгое время считали проблему цены революции если и существующей, то только потому, что нам ее подбросили наши недруги. А если упоминали о цене революции, то всю ответственность перекладывали на контрреволюцию, что бесспорно, но не в абсолютных пределах. Попутно отметим, что социальная база контрреволюции у нас изучена слабо, еще хуже — социальная и экономическая политика «белого движения».

Ленин и большевики никогда не фетишизировали революционное насилие, но, будучи революционерами, не дрогнули перед его применением, когда свергнутые классы попытались силой восстановить свою власть и привилегии. Между тем напомним заявления Ленина перед Октябрем о намерении сломить сопротивление капиталистов революционным мерам в области экономики «бескровным путем»². Советская власть, по мысли Ленина, готова была на «частичные уступки (буржуазии.—П. В.)... в интересах

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 464.

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 224.

более постепенного перехода к новому порядку»¹. Не получилось. Революция переросла в ожесточенную гражданскую войну. Вековая ненависть к угнетателям, «одичание» части народа за годы войны, анархистские эксцессы — все это выплеснулось с огромной силой и, разумеется, увеличило цену революции. Ленин писал, что победа Октябрьской революции давалась «с невиданными тяжестями и трудностями, с неслыханными мучениями, с рядом громадных неудач и ошибок с нашей стороны»². Вероятно, эти ошибки, даже вынужденные, еще не выявленные вполне нашими историками, также увеличили цену революции.

К «белым пятнам» относится и такая проблема, как Октябрь и мировая революция. Мы как будто забыли о том, что поколение творцов и защитников Октябрьской революции вдохновлялось идеями мировой революции. Большевики рассматривали революцию в Россию как первый, начальный этап такой революции, как ее могучий детонатор. В мировой революции, в политической, материальной и технической помощи победившего пролетариата передовых стран виделось вождям российских большевиков средство разрешения трудных дилемм строительства социализма в отсталой стране. Планы у большевиков были глобальные. «А мы хотим перестроить мир», — писал Ленин в апреле 1917 г. Основания для таких планов были — в Европе сложилась революционная ситуация, и, казалось, нужна только искра, чтобы разгорелся мировой революционный пожар. Но этого не случилось, хотя «русский пример» вызвал мощную революционную волну, прокатившуюся в 1918—1921 гг. по всем континентам и потрясшую основы мирового капитализма. Исследований на тему о влиянии Октябрьской революции на мировое революционное движение множество — и у нас, и за рубежом. Но проблему нельзя считать исчерпанной. Почему не разразилась мировая революция? Вероятно, «виноваты» не только «сырые русские поленья», как писал М. Горький в 1918 г. в своих «Несвоевременных мыслях».

Сделав вид, будто лозунга мировой революции не существовало, будто не было в большевистском арсенале и идеи революционной войны, иные историки стали утверждать нечто совсем превратное. А именно: якобы наша партия пришла к Октябрю с уже разработанной концепцией мирного сосуществования и, мол, Декрет о мире явился ее первым проявлением. Между тем лишь Брестский мир послужил «холодным душем» для глобалистских революционных настроений той поры. Думается, от него и надо вести отсчет в развитии идеи мирного сосуществования с капитализмом.

По-новому предстает и такая традиционная тема, как международное значение Великой Октябрьской социалистической революции. Нельзя согласиться с теми, кто считает, будто ее влияние на мировое развитие, в том числе на мировое революционное

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 203.

² Там же. Т. 31. С. 183.

движение, угасает. Вероятно, нужен иной подход к изучению такого воздействия, с выявлением его волнообразного характера — отливов и приливов, их причин.

Может быть, пора возвратиться и к обсуждению типологии социалистических революций, а также их исторической зрелости применительно к революциям буржуазным. Такую проблему поставил К. Маркс. Эта тема обсуждалась нашими учеными в середине 60-х годов. Ее дальнейшая разработка, на мой взгляд, помогла бы прояснить кое-что и в судьбах социализма в нашей стране, и в перспективах мирового революционного процесса.

Коммунист. 1988. № 16. С 90—101

Ю. И. Кораблев

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА 1918—1920 годов: НОВЫЕ ПОДХОДЫ

НЕМНОГО ИСТОРИОГРАФИИ.
НАДО ЛИ ПЕРЕПИСЫВАТЬ ИСТОРИЮ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ?

Гражданская война... Произносятся эти слова, и в воображении сразу же одна за другой возникают батальные картины. Лавинная атака Первой Конной, отчаянный штурм Перекопского вала, ледяные укрепления Волочаевки и многое другое. Всплывают навеянные кинофильмами образы легендарных героев — крепыша и усача Семена Буденного, лихого Василия Чапаева, богатыря Григория Котовского. События гражданской войны воссоздавали в своих произведениях писатели и историки, поэты и художники. В память народа она вошла яркой, героической страницей нашей истории.

Да, даже в летописи всей мировой истории трудно найти такие подвиги, какие совершили в противоборстве с мировым империализмом рабочие и крестьяне России. Годы гражданской войны показали, на что способен народ, сбросивший иго эксплуататоров и защищающий свое право на свободу и счастье. Мы рассказывали и будем еще ярче рассказывать на уроках и в лекциях о том, как трудящиеся, преодолевая неимоверные лишения, голод, холод, эпидемии, нашли в себе силы, чтобы отбить походы внешней и внутренней контрреволюции и отстоять Советскую власть, о том, как рабочий класс, приняв на свои плечи основные тяготы войны, подавал примеры сознательности и героизма. О боевом, интернациональном содружестве в борьбе с общим врагом всех советских народов.

Гражданская война 1918—1920 гг. дала нашим народам опыт защиты революционных завоеваний. Опыт исканий, ошибок, но опыт победоносный, одержанный под руководством выдающегося организатора, гениального политического и военного стратега Вла-

димира Ильича Ленина. Это он сказал, что всякая «революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться, но не сразу революция «научается защищаться»¹. Эта трудная и сложная наука постигается на полях сражений.

Все это так. Героика гражданской войны, политический и боевой опыт партии и народа, вера в идеалы Октября, страстный революционный энтузиазм, преданность власти Советов будут и впредь направлять и вдохновлять поколения советских людей. Эти качества нужны и теперь революционной перестройке как противовес обывательщине, равнодушию, эгоизму. Этот момент хочется подчеркнуть и в связи с настойчивыми попытками некоторых публицистов выкрасить историю советского общества с его невиданными взлетами героизма народа только одной черной краской. Например, в гражданской войне 1918—1920 гг. увидеть только разгул террора, жестокостей, эксцессов и приписать это вырвавшемуся на свободу народу, прежде всего большевикам.

Литература о гражданской войне правильно высвечивала из истории прежде всего ее героические страницы. Но при этом мы, историки, по существу, умалчивали о другой стороне гражданской войны — о ее трагических страницах. Говорю «историки», потому что этот упрек не относится к «Тихому Дону» Михаила Шолохова, трилогии Алексея Толстого, «Необыкновенному лету» Константина Федина, «Доктору Живаго» Бориса Пастернака, к произведениям Михаила Булгакова. Мы же лишь упоминали, да и то не всегда, о миллионах погибших в боях, от голода и болезней, и такая сухая информация перестала восприниматься. Нельзя назвать ни одного труда историка, который раскрывал бы гражданскую войну и как подвиг народа, и как его трагедию. Огненная межа гражданской войны, говорил М. С. Горбачев, прошла не только по всей стране, по каждой семье, перепахала привычный уклад жизни, психологию и судьбы людей². Война заполонила города и села миллионами калек, сирот, ставших беспризорными, людей, потерявших семью и кров. Были и нравственные потери.

Только в последние годы отдельные историки и демографы (Б. Ц. Урланис, Ю. А. Поляков, В. П. Данилов) стали исследовать и публиковать свои изыскания об огромных, безвозвратных потерях в гражданской войне. По данным Ю. А. Полякова, они составляют 12 миллионов человек, по данным других исследователей, — около 15 миллионов. Причем на собственно военные потери, по неточным данным, падает около 800 тысяч человек. П. В. Волобуев правильно замечает, что если вычесть разницу между всеми погибшими и погибшими на фронтах, от тифа, голода и холода, то получается примерное число жертв насилия. «Мы пока еще не исследовали с достаточной полнотой и точностью, — справедливо замечает П. В. Волобуев, — историю контрреволюции, кровавый белый террор. В то же время отсутствие работ о красном терроре,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 122—123.

² См.: Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. С. 9.

возникшем как ответ на белый, само молчание историков вызывает немало спекуляций. Лучшее оружие против них — истина»¹.

Более того, в трудах о гражданской войне, в популярной литературе конкретные материалы о белом терроре вообще исчезли, хотя документы и материалы на этот счет в архивах огромные. Лишь профессор Л. М. Спирин в своей монографии о классах и партиях в гражданской войне уделяет несколько страниц специально белому и красному террору, да в книге Д. Л. Голикова «Крушение антисоветского подполья в СССР» рассказывается о борьбе ВЧК с белогвардейскими заговорами. Но трудно винить историков: тема о красном терроре входила в число «закрытых зон», а документы о деятельности чрезвычайных карательных органов исследователям и теперь недоступны. И сейчас, когда нужно рассеивать проникающие в печать ошибочные, порой фантастические сведения и утверждения, историки не располагают еще всеми необходимыми документами.

Известно, как затруднили и затормозили развитие нашей страны к социализму огромные жертвы и потери гражданской войны. Переход к мирному строительству пришлось совершать в условиях разорения, опустошений, страшного разрушения производительных сил. Положение нашей страны после окончания гражданской войны Ленин сравнивал с состоянием человека, «избитого до полусмерти».

Но тяжелые последствия гражданской войны сказались и в другом. «Военный коммунизм» способствовал становлению командно-административной системы управления. Необходимая в условиях войны и блокады, она была перенесена в условия мирного времени и довольно быстро встала на место тех демократических институтов, за которые народ проливал кровь в гражданской войне. Среди участников гражданской войны, партийных и советских работников, военных комиссаров, составлявших опытные кадры партии, было немало таких, которые не хотели отрешаться от методов гражданской войны, уверовали в силу репрессий. Война приучила их не стесняться в выборе средств для борьбы с теми, кто представлялся им врагами революции и народа. «Война и гражданская борьба, — отмечал М. И. Калинин, — создали громадный кадр людей, у которых единственным законом является целесообразное распоряжение властью. Управлять для них — значит распоряжаться вполне самостоятельно, не подчиняясь регламентирующим статьям закона»².

Именно на эти кадры опирался Сталин, сколачивая большинство в партийном аппарате, а затем и в партии.

В годы гражданской войны выдвинулись и проявили свои таланты не только такие как М. В. Фрунзе, В. К. Блюхер, М. Н. Тухачевский, Б. М. Думенко, С. М. Буденный, Ф. Ф. Раскольников, И. П. Уборевич, А. И. Егоров, Ф. К. Миронов и многие другие. В те

¹ Советская культура. 1988. 5 нояб.

² Калинин М. И. О социалистической законности. М., 1959. С. 166.

же годы оттачивал свои методы руководства И. В. Сталин. Те отрицательные качества, из-за которых Ленин считал безусловно необходимым отстранить Сталина от руководства партией, отшлифовывались у него в Царицыне и под Пермью в 1918 г., в Петрограде в 1919-м и под Львовом в 1920-м. Первая сталинская резолюция из одного слова — «расстрелять» — родилась в Царицыне. Оттуда же пошла его практика огульных репрессий. Если собрать все «сигналы» Сталина в ЦК и Ленину о предателях, шпионах и саботажниках, то получится, что уже в гражданскую у нас всюду сидели предатели, а у ЦК «не хватало мужества это признать».

Что стоит, например, его шифровка Ленину из Петрограда 4 июня 1919 г. с утверждением, что «не только Всероглавштаб работает на белых... но и Полевой штаб Реввоенсовета Республики во главе с Костяевым»¹. Разумеется, эти «данные» действительности не соответствовали.

Из гражданской войны вышло то «военное окружение» Сталина, которое прозвали «конармейским» и которое причинило немало бед Красной Армии и ее кадрам. Это прежде всего К. Е. Ворошилов, опубликовавший в 1929 г. лживую «оду» «Сталин и Красная Армия» в честь восшествия Сталина на «престол» диктатора, сдавший полностью свои большевистские позиции перед преступными намерениями Сталина и сам вошедший в роль палача; за ним Е. А. Щаденко — один из главных доносчиков на командиров и комиссаров в 30-е годы. И другие. Весьма показательно, что из восьми избежавших репрессий членов Военного совета при наркомате обороны (их было 86 высших командиров и комиссаров) шесть принадлежали к бывшим деятелям Первой Конной армии.

Разумеется, всех этих материалов нет и не могло быть в литературе по истории гражданской войны. Они появятся в новых трудах и учебниках. Но означает ли это, что надо отбросить как устаревшие все 17 тысяч книг и статей по истории гражданской войны?

Такое мнение есть, но с ним нельзя согласиться. Оно из области «зряшного отрицания». Политиздат, например, переиздает (и хорошо делает) 2-томный труд одного из первых советских военных историков — Н. Е. Какурина «Как сражалась революция» (1925—1926 гг.). Есть очерк истории гражданской войны А. И. Анишева, вышедший в 1925 г., не устарела книга А. В. Голубева «Гражданская война 1918—1920 годов» (1932 г.). Ценен написанный видными военными деятелями периода гражданской войны трехтомник «Гражданская война 1918—1921», вышедший в конце 20 — начале 30-х годов.

В 30—40-е годы вплоть до середины 50-х литература по истории гражданской войны оказалась пораженной культом личности Сталина. Среди литературы, увидевшей свет за последнее 30-летие, богатый фактический и документальный материал можно почерп-

¹ Центральный партийный архив (далее ЦПА), ф 558, оп 2, д 150.

нута из 3, 4 и 5-го томов «История гражданской войны в СССР 1917—1922». На документах Главного командования Красной Армии и Реввоенсовета написан Институтом военной истории двухтомник «Гражданская война в СССР. 1918—1922», вышедший в первой половине 80-х годов. Свежие документы и материалы в 2-томнике Института истории СССР «Великий Октябрь и его защита» (1987 г.). В тесной связи с современностью написана книга «Антивоенная интервенция и ее крах. 1917—1922» (1987 г.) под руководством Ю. А. Полякова. Интересно задуман историографический очерк о В. И. Ленине и партии в гражданской войне, выполненный Л. М. Спириным и А. Л. Литвиным (На защите революции. В. И. Ленин, РКП(б) в годы гражданской войны. Л., 1985).

Что же требуется? Взвешенный, критический анализ литературы. Инвентаризация «белых пятен». Выработка новых подходов на основе ленинской концепции истории гражданской войны. Обновление тематики. Координация усилий. Эту работу успешно начал Научный совет по истории Великой Октябрьской социалистической революции Академии наук СССР под руководством члена-корреспондента Павла Васильевича Волобуева. Архивисты должны помочь историкам и предоставить им максимум новых архивных материалов. Без этого новые подходы останутся дефинициями.

Итак, нельзя утверждать, что вся история гражданской войны фальсифицирована. Многие надо написать заново. Убрать все ненаучное, хорошо сказать о тех, кого мы обидели молчанием.

В одной статье сказать о всех новых подходах невозможно. Поэтому выбраны те, которые оказались в центре споров и дискуссий.

КОГДА НАЧАЛАСЬ И ОКОНЧИЛАСЬ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА?

В новой (1988 г.) программе по истории для средней школы интервенция империалистических государств и гражданская война выделяются как особый период в истории Советского государства, следующий за темой о победе Октябрьской революции. Хронологические рамки этого периода определяются так: лето 1918 г.—осень 1920 г. Такая периодизация принята большинством историков и превалирует в учебной и научной литературе. Но одновременно есть книги и статьи, в которых утверждается, что хронологические рамки гражданской войны шире, что периодизацию гражданской войны надо начинать с октября 1917 г. и заканчивать октябрем 1922 г. и что выделение особого периода 1918—1920 гг. неправомерно.

Почему сосуществуют эти две периодизации? Почему допускается разнобой? Я думаю, что здесь такой случай, когда мы можем сказать, что обе периодизации правомерны, но относятся они к различным понятиям. В первом случае — «1918—1920» — речь идет о выделении особого периода в истории Советского государ-

ства, периода интервенции и гражданской войны, когда военный вопрос стал главным, коренным вопросом, от решения которого зависела судьба революции, когда всю жизнь Страны Советов пришлось подчинить выдвинутой Лениным задаче: «Все для фронта, все для победы над врагом!» Обоснование началу нового периода Ленин дал в речи 29 июля 1918 г. Он говорил, что страна опять попала в войну, но уже не только с внешними, но и с внутренними, классовыми врагами и что «...исход революции зависит теперь всецело от того, кто победит в этой войне...»¹

Если мы станем сравнивать гражданскую войну периода триумфального шествия Советской власти (октябрь 1917 г. — февраль 1918 г.) и в последующий период — с лета 1918 г., то увидим существенные различия и в масштабах, и в остроте вооруженной борьбы, и в расстановке сил, и в характере помощи со стороны международного империализма. Главное заключалось в том, что на первоначальном этапе гражданской войны российский пролетариат имел дело с разрозненными силами внутренней контрреволюции, которая еще не успела получить помощи извне. Отсюда и легкость военных побед в условиях сочувствия большинства населения Советской власти.

Летом и особенно осенью 1918 г., когда международный империализм увидел укрепление диктатуры пролетариата в России, приобретающей международное значение, он стал организовывать борьбу с большевизмом в международном масштабе. «Только тогда в России, — говорил Ленин, — развернулась гражданская война, и все победившие страны целиком пошли на то, чтобы помочь в этой гражданской войне русским капиталистам и помещикам»².

Вторая периодизация — «1917—1922» — связана с понятием гражданской войны как формы классовой борьбы. А эту борьбу, как мы хорошо знаем, свергнутая буржуазия начала сразу после Октябрьской революции. Достаточно вспомнить мятеж Керенского — Краснова, калединщину, дутовщину, выступления генералов Корнилова и Алексеева — все это были очаги гражданской войны, которую свергнутым классам не удалось тогда раздуть во всеобщий пожар.

Если перелистать тома произведений Ленина, относящиеся к 1920—1922 гг., то можно заметить, что Ленин употребляет и те и другие хронологические рамки гражданской войны. Но больше у него все-таки высказываний, ограничивающих гражданскую войну 1918—1920 гг. В статье «Новые времена, старые ошибки в новом виде», написанной в августе 1921 г., Ленин определяет главные этапы революции. Третий этап охватывает период 1918—1920 гг. Звучит это так: «3-й этап. Гражданская война от чехословаков и «учредивловцев» до Врангеля, 1918—1920 годов»³. От чехословаков и учредивловцев — это значит от конца мая — начала

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 15.

² Там же. Т. 40. С. 303.

³ Там же. Т. 44. С. 103.

июня 1918 г. Вот этим временем и определяет Ленин начало периода гражданской войны.

Почему именно этим временем? Почему Ленин фиксирует внимание на чехословаках и учредилловцах? Мятеж Чехословацкого корпуса был не просто антисоветским мятежом крупной военной силы. Франция объявила Чехословацкий корпус частью своих вооруженных сил и своим ударным отрядом. Мятеж чехословаков, обработанных своим командованием и офицерами в антисоветском духе, послужил сигналом для целого ряда контрреволюционных восстаний и кулацких мятежей.

8 июня 1918 г., опираясь на помощь чехословаков, в Самаре захватил власть так называемый Комитет учредительного собрания (Комуч) — контрреволюционная организация, состоявшая в основном из меньшевиков и правых эсеров. Он объявил свою власть на территории Поволжья. Затем с помощью белочехов образовались «временные правительства» на Урале и в Сибири. Установлена была связь чехословаков с десантом Антанты, высаженным в Мурманске, с контрреволюционными восстаниями в других районах страны. Впервые получилось одновременное выступление сил внутренней и внешней контрреволюции, их слияние в единый антисоветский фронт.

«Кулацкое восстание, чехословацкий мятеж, мурманское движение, — это одна война, надвигающаяся на Россию»¹. Вот таковы были события, положившие начало периоду интервенции и гражданской войны. Как видим, отсчет этого исторического периода Ленин начинал с конца мая 1918 г. Предшествовали ему высадки войск Антанты на Севере и Дальнем Востоке в марте — апреле 1918 г.

Внутренняя периодизация истории интервенции и гражданской войны имеет больше вариантов, чем определение ее общих хронологических рамок. Здесь все зависит от критериев, берущихся в основу периодизации (вооруженная борьба, изменения в соотношении политических сил, военное строительство). Как вариант может быть принята периодизация из энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР». В ней выделяются четыре этапа: 1. Начало гражданской войны как периода в истории СССР. Развертывание военной интервенции Антанты (лето 1918 г. — октябрь 1918 г.); 2. Усиление интервенции Антанты и крушение ее попыток разгрома Советской Республики собственными силами (ноябрь 1918 г. — апрель 1919 г.); 3. Решающие победы над силами внутренней и внешней контрреволюции (1919 г.); 4. Советско-польская война и разгром белогвардейских войск Врангеля (1920 г.).

Ликвидация последних очагов интервенции и гражданской войны, относящаяся к 1921—1922 гг., находится уже за пределами периода гражданской войны, когда Советская страна перешла к миру.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 13.

Сталинская концепция трех походов Антанты, изложенная им в статье «Новый поход Антанты на Россию» (1920 г.), вплоть до последнего времени лежала в основе периодизации, да и всей истории интервенции и гражданской войны. Она полностью вошла в 1938 г. в «Краткий курс истории ВКП(б)» и с тех пор стала обязательной для всех историков.

Раньше сталинская схема трех «объединенных», «комбинированных» походов Антанты казалась нам образцом четкости и ясности в обобщении исторических фактов. О трех походах Антанты было написано множество статей и книг, защищены десятки диссертаций. Никому и в голову не приходило проверить ее историческими фактами. Наоборот, факты и документы подгонялись под сталинскую схему, а те, что выпадали из нее, отбрасывались. Без этой схемы не обошлась и написанная мной в конце 70-х годов глава о гражданской войне в учебнике для 9-го класса. Из нового издания учебника сталинская периодизация исключена.

Ради справедливости следует сказать, что историки не располагали тогда документами военных штабов Антанты.

Теперь в свете новых документов и критического отношения к наследству Сталина стала ясной несостоятельность, антинаучность концепции трех походов Антанты. В ней довольно ярко проявилась склонность Сталина к аксиоматическому мышлению, к схематизму, что, очевидно, было связано с особенностями его обучения в семинарии. Сталинская периодизация антинаучна потому, что она построена не на фактах и документах, а на догадках, предположениях, субъективных выводах, натяжках. Она не соответствовала действительным планам и действиям Антанты. Опять-таки ради справедливости надо сказать, что Сталин не располагал тогда секретными документами Антанты. А мы, историки, впервые могли познакомиться с некоторыми из них, взятыми из германских трофейных архивов, в 1960—1961 гг., когда был опубликован трехтомный сборник документов «Из истории гражданской войны СССР».

Сталин утверждал, что Антанта осуществила три комбинированных похода. Но если бы Антанте удалось действительно осуществить хотя бы один объединенный комбинированный поход, то Советская Республика была бы задавлена. Спасение наше тогда было именно в том, что империалистам не удалось достичь того единства, согласованности, которая предусматривалась стратегами Антанты.

Слабость Антанты, отмечал Ленин, в том, что они не были едиными, а наша сила в том, что мы могли быть и были едиными. «Нет сомнения, — говорил Ленин, — что во главе Антанты стоят люди чрезвычайно умные, превосходные политики, и эти люди делают глупость за глупостью. Они поднимают страну за страной, давая нам возможность бить их поодиночке... Почему это так происходит? Потому, что у них Лига наций — союз только на бумаге,

а на деле это группа хищных зверей, которые только дерутся и нисколько не доверяют друг другу»¹.

Да, заправила Антанты планировали антисоветские походы. На бумаге у них была очень четкая расстановка военных сил, действующих с разных концов России. Однако в жизни ни один из этих походов в задуманном виде не получился. Не получился и из-за противоречий в лагере самой Антанты, среди союзников, а также между генералами Антанты и белыми генералами, и противоречий в самом белом движении, и противоречий с пограничными государствами, которые не удалось поднять на антисоветский поход. Мешал осуществлению этих объединенных походов и международный пролетариат. Ленинское образное выражение о том, что как только международная буржуазия замахивалась на нас, ее руку схватывали ее собственные рабочие, я думаю, забывать не стоит.

Итак, походы Антанты были (Ленин в докладе на IX съезде партии говорил, что имел место «двукратный, трехкратный и четырехкратный поход империалистов Антанты...»), но они мало походили на те комбинированные и объединенные походы, о которых писал Сталин.

Теперь обратимся непосредственно к так называемым трем походам Антанты.

У Сталина и в «Кратком курсе истории партии» было сказано, что первый поход Антанты был начат весной 1919 г., но главную надежду Антанта возлагала тогда на адмирала Колчака, что ему якобы подчинялась вся контрреволюция в России, что Колчак начал свое наступление с полного согласия и при полной поддержке мирового империализма, что помогали Колчаку и должны были вместе с ним выступить войска Деникина, Юденича и других сил.

Но документы говорят, что главное командование Антанты вплоть до середины апреля 1919 г. не возлагало на Колчака главную надежду и не считало тогда возможным нанесение главного удара с востока. Во второй половине февраля стратеги Антанты делают вывод, что «в южной России должна быть создана для наступления на Москву основная масса национальных сил с помощью армии Деникина—Краснова, местных войск, набранных на Украине...»². В начале марта главное командование Антанты вновь подтверждает вывод о целесообразности наступления и использовании новых сил на Западном и Южном фронтах.

И даже в середине марта, когда начавшие 4 марта наступление войска Колчака уже достигли больших успехов на уфимском направлении, в Париже считали, что «фронт в Западной Сибири является... пока оборонительным фронтом, на котором не может быть предпринято никаких серьезных усилий»³...

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41 С 141—142.

² Из истории гражданской войны в СССР. М., 1961. Т. 2. С 7.

³ Там же. С. 19.

И лишь в середине апреля, только тогда, когда выявились непредвиденные крупные успехи Колчака, Клемансо пишет главнокомандующему войсками Антанты в Сибири, советнику Колчака французскому генералу Жанену: «Если нынешние благоприятные условия сохранятся, я считаю возможным поход Ваших основных сил в главном направлении на Москву, в то время как левый фланг обеспечит связь с Деникиным»...¹

В нашей литературе не отмечается, что советское политическое и военное руководство своевременно вскрыло замыслы противника и в начале 1919 г. принимало меры к тому, чтобы укрепить наш Южный фронт и западные рубежи. В январе-феврале 1918 г. был нанесен ряд сокрушительных ударов по армии Краснова. Войска вновь образованного Украинского фронта в марте освободили большую часть Украины и изгнали интервентов Антанты с северного берега Черного моря. Для отражения быстро нараставшей угрозы с Запада в середине февраля создается Западный фронт.

Изучая внимательно высказывания, переписку, указания Ленина периода марта-апреля 1919 г., убеждаешься, что именно он в итоге осмысливания всей информации сумел правильно определить замыслы Антанты и задачи Красной Армии. В начале апреля он говорил, что капиталисты «...как раз сейчас, несомненно, по заранее обдуманному плану, и с запада, и с востока делают попытки военным путем раздавить нас, чтобы спасти гибнущие банды Краснова... и чтобы как раз нынешней весной нанести нам сильный удар»².

Вопрос о Колчаке как главной опасности Ленин поставил только 7 апреля 1919 г. При этом все время повторяя, что мы не должны ослаблять юг, откуда ожидаются главные удары.

Авантюра Юденича была отбита в самом начале, Миллер вообще не выступил. Следовательно, комбинированного похода не было, да он и не планировался в таком виде и составе, как его сконструировал Сталин.

О втором походе Антанты. Известно, что 3 июля 1919г. Деникин подписал так называемую «Московскую директиву», провозгласив поход на Москву. Деникинская опасность приобрела грозный характер. 9 июля публикуется ленинское письмо «Все на борьбу с Деникиным!». Июльский пленум ЦК вырабатывает меры борьбы с Деникиным — главной опасностью.

Сталин же представлял события так, что опасность Деникина якобы обнаружилась в октябре, тогда и был брошен клич «Все на борьбу с Деникиным!» и партия послала на Южный фронт спасать положение Сталина, который отверг «вредительский» план Троцкого и командования Южного фронта и предложил свой план разгрома Деникина, благодаря которому он и был разгромлен наголову. Полное несоответствие этих утверждений действительности уже доказано.

¹ Из истории гражданской войны в СССР. Т. 2. С. 41

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38 С. 246.

Что касается «третьего» похода Антанты, то изображение нападения войск Пилсудского и выступления Врангеля в качестве нового комбинированного похода Антанты является упрощением. Дело в том, что взгляды Антанты на будущее Польши совпадали со взглядами царских генералов («единая неделимая Россия») и расходились со взглядами польских правящих классов, с их территориальными притязаниями. Поэтому Деникин не получил от Пилсудского ожидаемой поддержки.

Известно также, что Пилсудский уклонился от предложения Врангеля о действиях по единому плану, хотя и не возражал против формирования на польской территории «3-й русской армии». Так что говорить об объединенном комбинированном походе Пилсудского и Деникина оснований нет¹.

Вместе с тем, изучая новые документы, раскрывающие роль штабов Антанты в организации военной интервенции и военных походов белогвардейских сил, можно прийти к определенному выводу, что заправили Антанты после разгрома Германии, окончания первой мировой войны и провала попытки задушить Советскую Республику своими войсками, замыслили объединенный поход белогвардейских армий, войск интервентов стран Антанты, ряда пограничных с Советской Россией государств с целью окружения и уничтожения Советской власти. Вдохновитель планируемого похода военный министр Великобритании Уинстон Черчилль назвал его «походом 14 держав». Но этот, как говорил Ленин, «грандиозный и всеохватывающий план» развалился главным образом потому, что пограничные малые государства уяснили, что со стороны Советской России их независимости угрозы нет, а царские генералы в случае победы могут ее ликвидировать.

Историкам предстоит изучить новые документы и показать роль международного империализма в организации интервенции, в формировании белогвардейских армий, в планировании и координации боевых и подрывных действий против Красной Армии и Советской власти.

КТО ВИНОВНИК ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ? ЧТО ГЛАВНОЕ В ЕЕ ХАРАКТЕРЕ?

Трактовка этого вопроса вплоть до последнего времени не вызывала каких-либо разногласий и неясностей в среде историков. Марксистское понимание гражданской войны сводится к тому, что она является наиболее острой формой классовой борьбы за государственную власть между классами и социальными группами внутри страны. Гражданская война в нашей стране была навязана трудящимся помещиками и буржуазией. С помощью оружия они пытались при поддержке мировой буржуазии свергнуть установленную и принятую народом Советскую власть и восс-

¹ См.: *Яжборовская И. Между Киевом и Варшавой*//Новое время 1988 № 48 С 35—37.

тановить буржуазно-помещичий строй вплоть до реставрации монархии. Со стороны свергнутых эксплуататорских классов это была несправедливая, реакционная война в защиту отжившего строя.

Со стороны рабочих и крестьян России это была справедливая, прогрессивная война, в защиту революционных завоеваний, в защиту только что установленного по воле народа прогрессивного общественного строя. Она была вместе с тем и отечественной войной против угрозы расчленения страны империалистическими хищниками.

В мировой истории было немало прогрессивных и реакционных войн. Нашу гражданскую войну Ленин называл самой справедливой в истории человечества войной, ибо в ней решалась судьба социализма — нового общественного строя, способного впервые избавить трудящихся от нищеты, голода и истребительных войн, проложить дорогу к благополучию и счастью человека труда. Особенность гражданской войны в России заключалась еще и в том, что впервые в истории ранее угнетенный класс — пролетариат вел войну, имея в своих руках государственную власть, используя ее в интересах войны. Ленин называл также войну 1918—1920 гг. гражданской войной не только против «отечественной» буржуазии, но и против международной буржуазии, ставившей целью погасить вспыхнувший в России факел социализма.

Все это аксиомы. Но их приходится напоминать в связи с наметившейся в последние два года в публицистике со стороны авторов ряда статей тенденцией, если хотите, смазать вопрос о причинах и истинных виновниках гражданской войны и о ее классовом характере как войны между пролетариатом и беднейшим крестьянством и свергнутыми эксплуататорскими классами. В статьях «Литературной газеты», журналов «Новый мир», «Наш современник», «Наука и жизнь» и некоторых других изданий о гражданской войне 1918—1920 гг. говорится только как о братоубийственной войне, в которой брат шел на брата, русские люди убивали друг друга, и это трагическое явление оценивается лишь с нравственной точки зрения, более того, некоторые авторы безоговорочно осуждают ее по сути, с позиций философии непротивления злу насильем.

Доктор философских наук А. Ципко считает, что огромные жертвы гражданской войны — это та «страшная цена», которую заплатил народ за свой исторический выбор, за то, что он не смог найти иного пути, иных способов преодоления своих внутренних конфликтов и «опостылевшей ему жизни»¹. Другие авторы причины гражданской войны видят в разгоне Учредительного собрания, в продразверстке и политике «военного коммунизма» в целом, в ошибках большевиков. Л. Воскресенский, например, убежден, что гражданская война «во многом» на совести Л. Д. Троцкого и других «леваков», которые, как пишет он, «подливали масло

¹ Ципко А. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1988. № 12. С. 43.

не жалеючи, кидали ворохом сухие поленья в тлеющий, готовый вот-вот вспыхнуть костер гражданской розни»¹.

В печати пока еще не очень ясно, а на собраниях и заседаниях различных неформальных объединений открыто на Ленина, большевиков взваливается вина за ожесточенную и кровопролитную войну, за огромные потери, которые понесло население, высказываются сомнения в целесообразности Октябрьской революции, вызвавшей такую трагедию и такие жертвы. Обвинения эти не новы. С ними буржуазия и ее идеологические прислужники выступали еще 70 лет назад. Перелистайте работы Ленина — «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Пророческие слова», «Письмо к американским рабочим» и другие, — и вы найдете места, где Ленин уличает ренегатов во лжи и клевете на большевиков и Советы, в попытках представить большевиков апологетами насилия и виновниками гражданской войны.

Попытки некоторых литераторов и публицистов представить в одностороннем, а следовательно, в искаженном виде проблему о виновниках гражданской войны и ее жертвах заставляют поставить вопрос: а каково же было действительное принципиальное отношение Ленина, партии большевиков к средствам насилия, гражданской войне как самой острой форме классовой борьбы, к способам подавления классовых противников трудящихся?

Прежде всего надо сказать, что Ленин, большевики никогда не фетишизировали насилие, не отдавали ему приоритета. Насилие, говорил Ленин, не наш идеал.

Что касается способов завоевания и удержания пролетариатом политической власти, то еще в 1899 г. Ленин провозгласил от имени революционной социал-демократии, что рабочий класс «предпочел бы, конечно, *мирно* взять в свои руки власть...».

Но при этом уточнял: очень вероятно, даже наиболее вероятно, «...что буржуазия не сделает мирной уступки пролетариату, а прибегнет в решительный момент к защите своих привилегий насиліем»². Предвидение Ленина оправдалось после победы Октябрьской революции — российская буржуазия предпочла развязать гражданскую войну.

Вспомним корниловщину. Именно большевики решительными и смелыми действиями предотвратили в августе 1917 г. кровавую резню, которую намеревался развязать генерал Корнилов, чтобы установить в стране военную диктатуру. В начале сентября 1917 г., когда разгром корниловщины возродил возможность мирного развития и победы революции, Ленин предложил союз партиям меньшевиков и эсеров на основе лозунга «Вся власть Советам», который мог предотвратить в России гражданскую войну. Однако лидеры эсеров и меньшевиков предпочли коалицию с буржуазией и отвергли союз с большевиками. Этот отказ явился одним из корней будущей гражданской войны.

¹ Воскресенский Л 1921 год. урок правды//Знание — сила 1988 № 10
С 23

² Ленин В. И. Полн собр. соч Т. 4. С. 264

История говорит: там, где обстановка предоставляла выбор формы решающего классового противоборства буржуазии, она выбирала вооруженное насилие.

И наоборот, когда такой шанс предоставлялся пролетариату, он всегда предпочитал мирный путь овладения властью и ее закрепления, используя вооруженную борьбу только как вынужденную ответную меру против вооруженного натиска контрреволюции.

Однако шансы эти были очень редки. Пользуясь этим, буржуазные идеологи усиленно навязывают трудящимся идею о «непомерной цене» революции как средстве достижения социального прогресса.

Например, английский профессор Э. Хаймс, не отрицая позитивного влияния революции на социальный прогресс, пишет: «Революции побеждали... ценой величайших страданий, крови и жертв...» Американский социолог Р. Момбойс: «Революция ищет триумфа любой ценой, независимо от последствий. Победа революции требует абсолютного, безжалостного подчинения ума и тела, уничтожения всех препятствий, всех групп, всех индивидуальных, которые стоят на ее пути»¹.

Но при этом тщательно обходится вопрос об ответственности контрреволюции за жертвы, которые несут народные массы.

Социалистические революции во многих трудах на Западе представлены в качестве слепой и жестокой силы; силы, которая прокладывает себе дорогу лишь огнем и кровью.

Такое изображение революции призвано отвлечь массы от революционной борьбы.

Адвокаты капитализма, который причинил человечеству неисчислимые жертвы и страдания, сознательно затушевывают тот факт, что именно буржуазия стремится жестоко подавлять народные революции, организует против них военные заговоры, мятежи, гражданские войны и вооруженные интервенции. Удивительно, но факт, что и в статьях наших публицистов, о которых мы говорили выше, этот вопрос полностью обходится.

Жертвы, которые терпит народ в борьбе за свое освобождение, — это «цена» прежде всего не революции, а контрреволюции, ибо она первой с невероятным ожесточением бросается в бой за отнятый «рай».

Вот далеко не полный перечень цены контрреволюции.

Парижская коммуна стоила трудящимся 100 тысяч расстрелянных, казненных, сосланных на каторгу и заточенных в тюрьмы; первая российская революция — около 200 тысяч заключенных в тюрьмы и тысяч казненных по суду и без суда; Финляндская рабочая революция (1918 г.) — 30 тысяч убитых, умерших от пыток и голода и 90 тысяч брошенных в тюрьмы и концлагеря; Ноябрьская революция в Германии (1918 г.) — 15 тысяч убитых только коммунистов; Венгерская пролетарская революция

¹ Цит. по кн.: Исторический опыт трех российских революций. М., 1987 Т. 3. С. 280

(1919 г.) — 5 тысяч убитых и 70 тысяч заточенных в тюрьмы. Конечно, в ходе революций имели место эксцессы, ненужная подчас жестокость к представителям контрреволюционного лагеря, но это издержки революции, а не ее цена.

Кровавые преступления реакционной буржуазии продолжают и сегодня, о чем свидетельствуют события в Чили, Никарагуа, на Гренаде и в других местах планеты.

Коммунисты — не приверженцы гражданских войн, но они признают законность и справедливость гражданских войн со стороны трудящихся, если они становятся неизбежными.

В гражданских войнах трудящихся против эксплуататоров насилие осуществляется во имя интересов и прав большинства населения.

Ленин не раз отмечал, что революция не может обойтись без насилия, что она, как правило, связана с гражданской войной, которая является продолжением ее политики, политики экспроприации и подавления буржуазии, но он не абсолютизировал этого вопроса.

Известно, что Ленин, выбирая момент вооруженного восстания в октябре 1917 г., был на девять десятых уверен, что оно пройдет бескровно. Расчет Ленина оправдался. Известно, что в период триумфального шествия революции Советская власть, благодаря политике и тактике большевиков, в 79 городах из 97 установилась мирным путем.

Известно также, что накануне Октября большевики устами Ленина заявили о своем намерении сломить сопротивление капиталистов в области экономики революционным, но бескровным путем.

Советская власть сумела откупиться — правда, очень тяжелой ценой, ценой Брестского договора — от германского империализма, откупиться для того, чтобы покончить с войной и начать мирное строительство. Ленин говорил в мае 1918 г.: «...мы обещаем рабочим и крестьянам сделать все для мира. И мы это сделаем»¹.

Он также говорил не раз, что мы хотели после Октябрьской революции, а потом после заключения Брестского мира перейти к социалистическому строительству в наиболее мирных формах, осуществить переход к новым общественным отношениям наименее болезненно, по возможности постепенно, без особой ломки.

Известно, что Ленин выдвинул концепцию государственного капитализма для того, чтобы такой наименее болезненный переход осуществить. Имеется ряд высказываний Ленина и в отношении такого классового врага трудящихся, как кулачество, свидетельствующих о намерениях договориться с ним. Ленин говорил на VIII съезде партии, что в отношении кулаков Советская власть придерживается точки зрения Энгельса: в отличие от помещиков, их экспроприровать не надо, надо ограничить их эксплуататорские стремления. «Кулакам же мы говорим, — сказал Ленин в одной из речей, — мы и против вас ничего не имеем, но отдайте ваши

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36 С. 343.

излишки хлеба, не спекулируйте и не эксплуатируйте чужого труда. До тех же пор, пока этого не будет, мы будем с вами вести беспощадную борьбу»¹.

Но переход к новым общественным отношениям в мирных формах не получился. Как уже говорилось, летом 1918 г. по всей России начались вооруженные антисоветские мятежи, организаторами которых выступили кадеты, кулаки, не признавшие хлебной монополии, подпольные белогвардейские военно-заговорщические организации — кадетско-монархический «Национальный центр», офицерский «Союз возрождения России», душой которых являлось офицерство, и эсеровский «Союз защиты родины и свободы»².

В рядах активной контрреволюции была вера в то, что удачный военный заговор сразу может вернуть все, что потеряно было ими в октябре 1917 г. Как отмечал ЦК РКП(б), заговорщики опирались в своей работе на сочувствие и прямую поддержку не только всех буржуазных элементов России, но и активную денежную, материальную и моральную поддержку заграничных империалистов. В их руках были известные запасы оружия, несомненный боевой опыт и дисциплинированность, вынесенные из службы в армии³.

Белогвардейские и кулацкие восстания повысили накал классовой борьбы, но не имели крупных успехов. Наибольшую опасность для Советской власти представляли колебания среднего крестьянства, которое было недовольно мобилизациями, продовольственной диктатурой Советской власти. Значительная часть середняков выступила вместе с деревенской буржуазией, стала основной силой многих мятежей.

В момент наибольшего колебания середняка, когда массовые крестьянские восстания переплелись с мятежами белогвардейцев и эсеров, поддержанных меньшевиками, выступила и внешняя контрреволюция. Правящие круги Антанты и США приняли еще в марте 1918 г. решение перейти от скрытой формы интервенции в виде материальной помощи белогвардейским генералам и буржуазным националистам к открытой военной интервенции. 3 июня 1918 г. конференция военных представителей Антанты в Париже решила расширить интервенцию. Новые отряды войск Англии, США, Франции, Японии и других стран высадились в течение июля—сентября на севере и востоке России. Как уже говорилось, огромной поддержкой силам внутренней контрреволюции был мятеж Чехословацкого корпуса. Империалисты Антанты и США, а также германского блока сыграли роль катализаторов ожесточенной гражданской войны. Без их помощи и поддержки силы внутренней контрреволюции не смогли бы такую войну развязать.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 182.

² Сведения об их деятельности можно почерпнуть из книги Д. Л. Голикова «Крушение антисоветского подполья в СССР», книга 1 (М., 1987) и «Красной книги ВЧК», тома 1—2, которые выпустит Политиздат в конце 1989 г.

³ См.: Правда. 1919. 8 февр.

Вот почему Ленин сказал: «Всемирный империализм, который вызвал у нас, в сущности говоря, гражданскую войну и виновен в ее затягивании...»¹

Итак, кровопролитная и длительная гражданская война была развязана силами внутренней и внешней контрреволюции. Роспуск Учредительного собрания подтолкнул непролетарские партии к активной борьбе с Советской властью, но не мог быть причиной гражданской войны, поскольку подавляющая масса населения уже отдала предпочтение Советам, а Учредительное собрание, отказавшись признать Советскую власть, само вынесло себе приговор. Лозунг Учредительного собрания после его роспуска оставался популярным лишь в интеллигентских кругах. Не была причиной гражданской войны и продрозверстка: гражданская война началась и развернулась летом и осенью 1918 г., а продрозверстку Советская власть ввела только в начале 1919 г. Конечно, действия продотрядов, реквизиции, введение системы заложников, массовые расстрелы обострили и расширили гражданскую войну, но не были ее причиной. О начале гражданской войны и ее зачинщиках Ленин говорил: «В начале 1918 года мы старую войну (империалистическую.—Ю. К.) кончили и новой не начинали; все знают, что против нас пошли белогвардейцы на западе, на юге, на востоке только благодаря помощи Антанты...»²

Говоря о развертывании гражданской войны, втягивании в нее огромных масс народа, о ее ожесточенном характере, нельзя забывать, что в ней проявились такие факторы, как вековая ненависть к угнетателям, последствия империалистической войны, вызвавшей взрывы анархизма, одичание известной части народа, приверженность к решению любых вопросов с помощью оружия. Нельзя забывать, что революция, вспыхнувшая во время войны, представляет собой особенно тяжелый случай родов нового общества. Разве могла быть «чистой» наша революция, выросшая на земле, залитой кровью в четырехлетней империалистической войне, ставил вопрос Ленин в статье «Пророческие слова»³. Революция, возникшая среди миллионов и миллионов людей, измученных, истерзанных, одичавших в этой войне. В таких условиях трудно, видимо, невозможно было предотвратить анархистские эксцессы, проявления бессмысленной жестокости и произвола. «Война обнажила зверские инстинкты», — писал М. Горький в «Несвоевременных мыслях». Видеть причину всех этих эксцессов только в ошибках и злоупотреблениях революционеров-экстремистов и антиисторично, и безнравственно.

Но все это, разумеется, не оправдывает ошибок, которые допускались органами Советской власти и их представителями, а также партийными органами, чрезвычайными комиссиями на

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 343.

² Там же Т. 38. С. 51. Материал для подробного изложения этого вопроса можно найти в выпущенной Политиздатом в 1987 г. книге «Антисоветская интервенция и ее крах 1917—1922».

³ См. там же Т. 36. С. 476.

местах (по неопытности или приверженности к левачеству) при проведении хлебной монополии, взимании продразверстки, при реквизициях, в практике организации сельхозкоммун и т. п. Несомненно, например, что ряды казаков, участвовавших в гражданской войне на стороне контрреволюции, умножили ошибки, допущенные в отношении казачества в центре и на местах («расказачивание», директивы о применении репрессивных мер ко всем казакам, участвовавшим в антисоветских выступлениях). То же можно сказать о восстаниях крестьян, вызванных незаконными действиями продотрядов.

Замалчивание историками той неприглядной стороны истории гражданской войны, которая связана с ошибками, беззакониями и их последствиями, привело к тому, что гражданская война стала восприниматься в историческом сознании народа лишь как подвиг, как героическая страница нашей истории. Да, это был великий подвиг, но вместе с тем это была и трагическая страница в жизни народов нашей страны, имевшая немало тяжелых последствий. Эту сторону историкам и предстоит показать в своих новых исследованиях, не смазывая вместе с тем немеркнущие подвиги борцов того легендарного времени.

БЕЛЫЙ И КРАСНЫЙ ТЕРРОР: ВЫМЫСЛЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Вопрос этот тесно связан с уже рассмотренным вопросом о причинах и виновниках гражданской войны, но он нуждается в специальном освещении в связи с новыми публикациями в печати по этому поводу. Правда, в этих публикациях в костер острых вопросов о «белых пятнах» выплескиваются преимущественно эмоции без подкрепления точными фактами и цифрами. Надо быть признательными исторической публицистике за постановку вопроса о терроре в годы гражданской войны. Но статьи и интервью, в которых затрагивается этот вопрос (В. Кожина, Л. Воскресенского, В. Пикуля и других), могут создать одностороннее представление о терроре и о большевиках как якобы его апологетах.

Начнем с того, что партия большевиков на протяжении всей своей дооктябрьской истории принципиально осуждала террор как средство политической борьбы.

После победы Октябрьской революции Советская власть в течение 8 месяцев не прибегала к расстрелам по суду или без суда своих политических противников. Ленин, Советское правительство сурово осуждали отдельные факты самосудов над представителями старой власти (убийство матросами двух бывших министров Временного правительства, находившихся в Петропавловской крепости, убийство в Могилеве главковерха старой армии генерала Н. Н. Духонина солдатами, возмущенными до предела его приказом выпустить из тюрьмы генерала Корнилова и его сподвижников — Деникина, Лукомского и других).

До лета 1918 г. не был расстрелян ни один политический противник Советской власти. Как уже говорилось, Советская власть не стремилась к разжиганию гражданской войны и поначалу весьма гуманно относилась к своим врагам. Отпущенный под «честное слово» Совнаркомом генерал П. Н. Краснов возглавил весной и летом 1918 г. казачью контрреволюцию на Дону, а отпущенные на свободу юнкера в большинстве своем стали активными участниками белого дела.

Историк Л. М. Спирин еще в 1968 г. справедливо писал, что летом 1918 г. «буржуазия перешла к массовому и индивидуальному террору, преследуя цель, с одной стороны, запугать рабочих и крестьян многочисленными убийствами, а с другой — вырвать из рядов революции ее вождей и лучших активистов»¹.

Белый террор особенно широкий размах принял на Дону, Кубани, в Поволжье, Оренбургской губернии, Сибири, то есть в тех местностях, где больше была прослойка кулаков, зажиточного казачества, где скопилось немало белых офицеров. На севере и Дальнем Востоке массовый террор творили интервенты и белогвардейцы. Сотни и тысячи «иногородних» крестьян, составлявших опору Советской власти в казачьих областях, пали от рук богатых казаков. В деревнях жертвами кулацкого террора стали сотни рабочих-продотрядников. Офицеры охотились за коммунистами и советскими работниками.

Наглядна хроника событий Новоузенского уезда Самарской губернии за несколько дней мая 1918 г., которую приводит Л. М. Спирин.

5 мая — село Александров-Гай занято уральскими казаками, в селе растерзан председатель волостного Совета Чугунков; расстреляны многие советские работники.

6 мая — кулацкий съезд в Новоузенске постановил расстрелять всех большевиков.

9 мая — в Александров-Гае казаки убили всех сдавшихся в плен красноармейцев (96 человек), раненых засыпали землей в общей яме. Всего белые расстреляли в селе 675 человек².

Разгулом белого террора сопровождался мятеж в Ярославле, поднятый в ночь с 6 на 7 июля главарями «Союза защиты родины и свободы». Мятежникам удалось захватить Ярославль и удерживать его 16 дней. По всему городу белогвардейцы разыскивали партийных и советских работников и чинили над ними расправу. Один из активных участников мятежа — бывший полковник Б. Веверн впоследствии писал: «Попавшихся в руки восставших комиссаров, разного рода советских дельцов и пособников их стали свозить во двор ярославского отделения государственного банка. Здесь творилась кровавая месть... расстреливали без всякой жалости»³. Были зверски убиты комиссар Ярославского военного округа видный большевик С. М. Нахимсон, председатель испол-

¹ Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне М., 1968. С. 210.

² Там же

³ Там же

кома городского Совета большевик Д. С. Закгейм и многие другие работники. Более 200 советских работников были помещены на баржу, стоявшую посреди реки Волги, и обречены на голод и мучения. При попытке узников бежать с этой «баржи смерти» в них стреляли. Только на тринадцатый день узникам плавучей тюрьмы удалось сняться с якоря и привести баржу в расположение советских войск. Из заключенных в живых осталось 109 человек¹.

Осуществленный по прямой указке дипломатов и агентов Антанты белогвардейцами террор вызвал сотни жертв и принес огромный ущерб городу и его жителям. Из «чистого, уютного и красивейшего волжского города,— сообщалось в отчете о разрушениях,— Ярославль превратился в грязный, наполовину уничтоженный город с громадными площадями-кладбищами, покрытыми развалинами и остатками пожарищ...»²

В захваченных белогвардейцами и интервентами районах развязывался массовый террор. По далеко неполным сведениям Народного комиссариата внутренних дел РСФСР, за июнь—декабрь 1918 г. только на территории 13 губерний белогвардейцы расстреляли 22 780 человек³.

На второе место вышел кулацкий террор. Подсчитано, что только в июле 1918 г. кулаки более 200 раз выступали против Советской власти и что при подавлении кулацких мятежей погибло около 4,5 тысячи продотрядников⁴.

Наряду с массовым террором против советских людей подпольные заговорщические организации при руководящем участии агентов Антанты приступили к организации убийств видных деятелей Коммунистической партии и Советской власти. Это была лишь часть нового грандиозного заговора против Советской власти, во главе которого встали английский дипломат Локкарт, французский генконсул Гренар, начальник французской военной миссии генерал Лавернь, английский военно-морской атташе капитан Кроми и специальный агент английской военной разведки лейтенант Рейли. Заговор ставил целью свержение Советского правительства и провозглашение военной диктатуры, убийство В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, Я. М. Свердлова и других советских руководителей. С целью маскировки своих контрреволюционных действий заговорщики подготовили для опубликования поддельную переписку и фальшивый договор между советским и германским правительствами. «Мы были центром контрреволюционного движения»,— отмечал Локкарт⁵.

¹ Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Книга 1. С. 178.

² Клименко В. А. Цит. по кн.: Борьба с контрреволюцией в Москве. 1917—1920 гг. М., 1978. С. 94.

³ Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления (далее: ЦГАОР), ф. 393, оп. 4, ед. хр. 51, л. 99—114

⁴ Спирин Л. М., Литвин А. Л. На защите революции. В. И. Ленин, РКП(б) в годы гражданской войны. Л., 1985 С. 177.

⁵ См.: Волков Ф. Д. Тайны Уайт-холла и Даунинг-стрит. М., 1983 С. 70.

Заговорщики разработали подробный план свержения Советского правительства. Вначале предполагалось арестованное правительство во главе с Лениным отправить в Архангельск. Но учитывая огромное влияние Ленина на народные массы и не надеясь на конвойных, Рейли предложил расправиться с ними сразу после ареста. «Было бы более верным,— инструктировал Рейли,— Ленина после ареста немедленно расстрелять»¹.

ВЧК удалось раскрыть заговор (хотя и не полностью) и принять упреждающие меры. 31 августа ВЧК произвела аресты и обыски в помещении британского посольства в Петрограде, где во время перестрелки был убит разведчик Кромби. В Москве были задержаны Локкарт и его помощник капитан Хикс.

Совнарком опубликовал обращение «Ко всему цивилизованному миру», в котором клеймил позором происки дипломатов-заговорщиков. В нем говорилось:

«Неслыханные, чудовищные преступления совершаются на нашей земле. Английская и французская буржуазия, кичащаяся своим мнимым демократизмом, взяла на себя задачу восстановления монархии в России... Англо-французскими шпионами кишмя кишат наши родные города. Мешки англо-французского золота употребляются на подкуп различных негодяев... Мы получили совершенно точные данные, что официальные английские представители подготавливают взрыв железнодорожных мостов около Званки и Череповца для того, чтобы отрезать нас от Перми и Вятки и тем оставить нас совсем без хлеба. Они... готовят ряд взрывов наших фабрик и заводов, подготавливают крушения поездов, подготовили ряд террористических покушений... Мы не можем молчать, когда посольства превращаются в конспиративную квартиру заговорщиков и убийц, когда официальные лица, живя на нашей территории, плетут сеть кровавых интриг и чудовищных преступлений против нашей страны»².

Заговор иностранных дипломатов был сорван, но подготовка террористических актов продолжалась. Роль исполнителей взяли на себя правые эсеры, обладавшие опытом в этом деле.

20 июня 1918 г. в Петрограде террорист Сергеев убил комиссара по делам печати, пропаганды и агитации видного большевистского трибуна В. Володарского. Обнаружить убийц тогда не удалось.

Негодование питерских рабочих было готово вылиться в террор против контрреволюционеров. Партийные и советские организации сдержали рабочих. Ленин считал их линию, тормозящую правильную революционную инициативу масс, ошибочной³.

30 августа бывший юнкер Михайловского артиллерийского училища «народный социалист» Л. Канегиссер по заданию подпольной группы правого эсера Филоненко застрелил председателя Петроградской чрезвычайной комиссии большевика М. С. Урицкого.

¹ Известия ВЦИК 1918 3 дек

² Там же 5 сент

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 106

го. В это же время произошло крушение поезда Высшей военной инспекции, в котором чудом уцелел председатель ВВИ Н. И. Подвойский.

Группа эсеровских террористов, прибывшая в Москву после убийства Володарского, под руководством боевика Семенова начала слежку за В. И. Лениным. Город был разбит на несколько секторов, в каждый из которых назначался террорист-исполнитель. Среди них была Ф. Каплан, привлеченная в группу Семенова уже в Москве. 30 августа 1918 г. она тяжело ранила Ленина двумя пулями, выстрелив в тот момент, когда Ленин, окруженный рабочими, шел к автомобилю. Схваченная на месте преступления, Каплан признала совершенное злодеяние и заявила, что признает лишь власть самарского Комуча (Комитета учредительного собрания, о нем говорилось выше) и «одобряет действия англичан и французов»¹. ЦК партии правых эсеров, принявший в мае 1918 г. решение о терроре против видных большевиков, официально в печати заявил, что «ни одна организация партии к этим актам отношения не имеет»². Но как показал процесс над правыми эсерами в 1922 г., это было лживое заявление.

Злодейское покушение на Ленина было последней каплей, переполнившей терпение трудящихся. Террористические акты, зверства белогвардейцев и интервентов вызвали бурю негодования. Повсюду выносились гневные резолюции с требованием ответить на белый террор красным террором. Партийные и советские органы уже не смогли сдержать ярости рабочих. Последние по своей инициативе начали ответный красный террор против контрреволюционеров. В Петрограде в ответ на убийство Урицкого было расстреляно, по разным данным, не менее 500 заложников. Среди них было и немало таких, которые были убиты только за то, что принадлежали к офицерскому или буржуазному сословию. Ведь классовая ненависть тогда вскипела до предела. Газета «Правда» 31 августа 1918 г. призывала:

«Рабочие! Настало время, когда или вы должны уничтожить буржуазию, или она уничтожит вас... Надо очистить города от буржуазной гнили. Надо взять всех буржуа на учет, как это сделали с господами офицерами, истребить всех опасных для дела революции. Стреляя в Ленина, эти негодяи стреляли в сердце пролетариата. Выстрелами ответим им и мы. Гимном рабочего класса отныне будет гимн ненависти и мести!...»

Предательский выстрел в Ленина ВЧК с полным основанием расценила как преступление против рабочего класса в целом. «Преступная авантюра с.-р., белогвардейцев и всех других лже-социалистов заставляет нас,— говорилось в заявлении ВЧК,— на преступные замыслы врагов рабочего класса отвечать массовым террором»³.

2 сентября 1918 г. Всероссийский Центральный Исполнитель-

¹ Известия ВЦИК 1918. 1 сент.

² Там же 6 сент.

³ Там же. 1 сент.

ный Комитет, заслушав доклад Я. М. Свердлова о покушении на В. И. Ленина, принял резолюцию, в которой предупредил прислужников российской и союзнической буржуазии, что «за каждое покушение на деятелей Советской власти... будут отвечать все контрреволюционеры и все вдохновители их»¹.

5 сентября 1918 г. Совнарком принял постановление, которое вошло в историю как постановление о красном терроре, подписанное народным комиссаром внутренних дел Г. И. Петровским, народным комиссаром юстиции Д. И. Курским и управляющим делами СНК В. Д. Бонч-Бруевичем. В нем говорилось:

«Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад председателя Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией о деятельности этой комиссии, находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью; что для усиления деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии и внесения в нее большей плановости необходимо направить туда возможно большее число ответственных партийных товарищей; что необходимо обеспечить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; что необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры»².

В числе репрессированных по декрету от 5 сентября было немало ярых контрреволюционеров, отличившихся своей жестокостью по отношению к революционерам во времена царизма. Среди них монархисты — министр внутренних дел А. Н. Хвостов, директор департамента полиции С. П. Белецкий, министр юстиции И. Г. Щегловитов, крупные чины жандармерии и охранных отделений. Под репрессии и даже расстрелы попали и те служители старого режима, которые не принимали активного участия в контрреволюции.

Правительство считало красный террор временной исключительной акцией рабочего класса в ответ на террор контрреволюции. Массовый красный террор имел место главным образом в начале сентября 1918 г., в дальнейшем он в таких масштабах и в форме взятия заложников не применялся.

Даже такой антикоммунист, как Леонард Шапиро, в своей работе «Коммунистическая партия Советского Союза» писал: «Однако в первые месяцы террор применялся лишь от случая к случаю и не принимал организованного характера вплоть до лета 1918 г. — начала гражданской войны, убийства нескольких большевистских лидеров и покушения на Ленина». В июне 1918 г. расстреляно было 56 человек, из них — один по политическим мотивам (контр-адмирал А. М. Щастный). В июле — августе 1918 г. — 937 человек. В сентябре — это был пик красного террора — 2600 человек. С середины

¹ Декреты Советской власти Т. 3. С. 267

² Там же. С. 291—292.

осени 1918 г. репрессии резко сократились. В октябре был расстрелян 641 человек, в ноябре — 210, в декабре — 302, в январе 1919 г. — 144, в феврале — 34 человека. Снижение цифр было связано с ослаблением накала классово-политической борьбы. Сопротивление буржуазии в тылу было в основном сломлено, сократилось число заговоров, мятежей, диверсий, ВЧК стала чаще предупреждать преступления.

Осуждая красный террор, некоторые авторы, пишущие на эту тему, не только не сравнивают белый и красный террор, но вообще о первом не упоминают — как бы его и не было. Между тем сравнение показывает, что белый террор отличался большей массовостью и невероятной жестокостью. За девять месяцев (июнь 1918 — февраль 1919 г.) чрезвычайные комиссии по приговорам расстреляли на территории 23 губерний 5496 преступников, в том числе около 800 уголовников. Белогвардейцы же за семь месяцев 1918 г. только в 13 губерниях уничтожили в 4 с лишним раза больше рабочих и крестьян, и число казненных постоянно возрастало. Только в одной Сибири весной 1919 г. колчаковцы расстреляли несколько десятков тысяч рабочих и крестьян¹.

Были случаи, когда для изъятия излишков хлеба, а иногда и не излишков, реквизиционные отряды применяли террор не только к кулакам, но и к середнякам или подвергались артиллерийскому обстрелу мятежные казачьи станицы, а иногда и деревни. Осенью 1918 г. неоправданно широко применялась система заложничества. Причем она выливалась не только во временную изоляцию в концлагерях потенциально опасных для Советской власти групп населения, но, как правильно пишет Р. Медведев, и в «физическое уничтожение одних людей за проступки и преступления других людей», о чем говорилось в приказе наркома внутренних дел Г. И. Петровского в сентябре 1918 г.²

Но подобные ошибки и извращения не являлись системой. Партия не только не ориентировала, но и предостерегала органы ЧК от возврата к методам массового террора. Уже 6 ноября 1918 г. постановлением VI съезда Советов была объявлена первая всероссийская амнистия. Из заключения освобождались все заложники, кроме тех из них, временное задержание которых было необходимо как условие безопасности товарищей, попавших в руки врагов. Отныне брать заложников могла только ВЧК. Подлежали освобождению все лица, задержанные органами борьбы с контрреволюцией, которым в течение двух недель со дня ареста не предъявлено или не будет предъявлено обвинение в непосредственном участии в заговоре против Советской власти, или в организации белогвардейских сил, или в содействии тем партиям и группам, которые явно поставили себе целью вооруженную борьбу против Советской власти³.

¹ См.: *Спирин Л. М.* Классы и партии в гражданской войне С. 216.

² *Медведев Р.* О соотношении цели и средств в социалистической революции // Вопросы философии. 1988. № 8 С. 167

³ Декреты Советской власти. Т. 3. С. 529—530.

VI съезд Советов принял постановление, требовавшее точного соблюдения выработанных законов. Отступления учреждений или должностных лиц от законов, вызванные чрезвычайными обстоятельствами, должны были четко обосновываться в письменном заявлении в Совнарком. Любой гражданин мог обжаловать действие должностных лиц и советских учреждений.

С улучшением положения на фронтах гражданской войны, с ликвидацией крупных заговоров работники советской юстиции, а также ряд партийных комитетов поставили вопрос об ограничении компетенции чрезвычайных комиссий, усилении партийного контроля за их деятельностью. Поднимался также вопрос о повышении роли обычных судебных органов в борьбе с контрреволюцией, о смягчении жесткой карательной линии после введения в сентябре 1918 г. красного террора. 4 февраля 1919 г. ЦК РКП(б) заслушал вопрос о чрезвычайных органах и поручил специальной комиссии разработать новое положение о чрезвычайных комиссиях, внося следующие изменения: «1. Право вынесения приговоров должно быть передано из ЧК в ревтрибуналы, причем ревтрибуналы должны состоять из трех человек; 2. Аппарат ЧК должен остаться в качестве, во-первых, розыскных органов и, во-вторых, органов непосредственной борьбы с вооруженными выступлениями (бандитскими, контрреволюционными и т. п.); 3. За ЧК сохраняется право расстрелов при военном положении (если это право предусмотрено самими постановлениями об объявлении той или иной местности на военном положении)...»¹ 25 октября 1918 г. было принято постановление ВЦИК «О Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях», которое закрепило эти положения законодательно. По предложению В. И. Ленина Совет Обороны предоставил право народным комиссариатам, губернским и городским комитетам партии участвовать через своих делегатов в следствии по делам граждан, арестованных органами ВЧК. ЧК должны были освобождать из-под ареста тех лиц, за которых давали письменное поручительство два члена комиссариата или два члена партийного комитета².

К сожалению, и после этих постановлений деятельность местных чрезвычайных комиссий на местах не обходилась без ошибок и случаев необоснованных репрессий. Но это были не правила, а исключения.

Р. Медведев в вышеупомянутой статье «О соотношении цели и средств в социалистической революции», приводя мнение некоторых чекистов, восхвалявших в журнале «Еженедельник ЧК» пытки и предлагавших подвергать арестованных контрреволюционеров ради получения признания «самым ужасным пыткам, от описания которых холод ужаса охватил бы контрреволюционеров», не отмечает, что статья «Почему вы миндальничаете?»

¹ В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов. 1917—1922. М., 1987. С. 118.

² См. там же С. 99.

(Еженедельник ЧК. 1918. 6 октября. № 3. С. 7) была решительно осуждена центральными партийными и советскими органами, а журнал решением ЦК партии был закрыт.

ЦК назначил политическую ревизию ВЧК комиссией от ЦК в составе Каменева, Сталина и Курского, поручив ей «обследовать деятельность чрезвычайных комиссий, не ослабляя их борьбы с контрреволюционерами»¹. ВЦИК в специальном постановлении отметил, что высказанные в статье мысли «о борьбе с контрреволюцией находятся в грубом противоречии с политикой и задачами Советской власти. Прибегая по необходимости к самым решительным мерам борьбы с контрреволюционным движением, помня, что борьба с контрреволюцией приняла формы открытой вооруженной борьбы, в которой пролетариат и беднейшее крестьянство не могут отказаться от мер террора, Советская власть отвергает в основе как недостойные, вредные и противоречащие интересам борьбы за коммунизм меры, отстаиваемые в указанной статье»².

Член коллегии ВЧК, председатель ЧК Восточного фронта М. Я. Лацис в издававшемся в Казани журнале «Красный террор» высказался о нецелесообразности строгой правовой регламентации деятельности ВЧК (ноябрь 1918 г.). В статье содержались следующие указания местным органам ЦК: «Не ищите в деле обвинительных улик; восстал ли он против Советов с оружием или на словах. Первым долгом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия. Вот эти вопросы и должны разрешить судьбу обвиняемого». После критики этой статьи в «Правде» Ем. Ярославским М. Я. Лацис, отвечая ему, утверждал, что «в момент самой отчаянной классово-борьбы нельзя добиваться вещественных доказательств. Когда класс целиком восстал против класса, тогда самыми ценными сведениями для следствия являются как раз данные о принадлежности (теперешней) к классу, о происхождении...»³.

Ленин назвал эти ошибочные указания Лациса нелепостями. «...Товарищ Лацис, один из лучших, испытанных коммунистов... хотел сказать, что красный террор есть насильственное подавление эксплуататоров, пытающихся восстановить их господство, а вместо этого написал на стр. 2 в № 1 своего журнала «не ищите (!!?) в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом...»⁴

Сборник «В. И. Ленин и ВЧК» содержит лишь часть запросов Ленина в ВЧК с требованиями сообщить причины ареста того или иного деятеля, проверить обоснованность предъявленных арестованным обвинений, правильность расследования и применения мер пресечения и наказания в отношении виновных и т. п. Требуя

¹ В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов 1917—1922. С. 87

² Декреты Советской власти Т 3 С 451; В. И. Ленин и ВЧК Сборник документов. 1917—1922. С. 88.

³ Правда. 1918. 25 и 29 дек.

⁴ Ленин В. И. Полн собр. соч. Т 37 С 410

беспощадного подавления активных контрреволюционеров, Ленин в то же время добивался от органов ВЧК соблюдения революционной законности. В результате вмешательства Ленина в разное время органами ВЧК был освобожден ряд лиц, обвинения в адрес которых оказались необоснованными. Разить действительных врагов пролетарской революции — злостных контрреволюционеров — таково было требование Ленина к органам ЧК. Другое отношение, учил он, должно быть к тем рабочим и крестьянам, которые оказались втянутыми во враждебную деятельность по неопытности, политической незрелости, вследствие обмана.

Ленину, Центральному Комитету партии приходилось также решительно выступать против попыток дискредитации органов ВЧК, которые делали и агенты вражеского стана и обывательски настроенные люди. На этом вопросе Ленин специально остановился в речи перед сотрудниками ВЧК 7 ноября 1918 г. «Когда мы взяли управление страной,— говорил он,— нам, естественно, пришлось сделать много ошибок и естественно, что ошибки чрезвычайных комиссий больше всего бросаются в глаза... У нас выхватывают отдельные ошибки ЧК, плачут и носятся с ними.

Мы же говорим: на ошибках мы учимся. Как во всех областях, так и в этой мы говорим, что самокритикой мы научимся. Дело, конечно, не в составе работников ЧК, а в характере деятельности их, где требуется решительность, быстрота, а главное — верность. Когда я гляжу на деятельность ЧК и сопоставляю ее с нападками, я говорю: это обывательские толки, ничего не стоящие»¹. Над этими ленинскими словами не мешало бы подумать авторам тех публикаций, которые склонны свести всю деятельность ВЧК к террору, ошибкам, произволу. Такие утверждения, как видим, не новы, и они далеки от действительности.

Говоря о белом и красном терроре, непростительно забывать их противоположную классовую направленность. Карательная политика Советской власти, в том числе и террор, направлялась против свергнутых и разбитых, но сопротивляющихся эксплуататорских классов, против белогвардейщины. Белый же террор — это террор буржуазии, монархистов и их прислужников против рабочих и крестьян, против большинства народа.

Ленин, большевики считали насилие в революции неизбежным. Они не вставили в свою программу требование отмены смертной казни. Ленин писал, что ни одно революционное правительство без смертной казни не обойдется и что «весь вопрос только в том, против какого класса направляется данным правительством оружие смертной казни».

Признавая смертную казнь неизбежной в острейшие периоды классовой борьбы, когда стоит вопрос «кто кого?», Ленин, партия большевиков стремились ограничить применение крайних мер.

¹ Ленин В И Полн собр. соч. Т. 37 С. 173

17 января 1920 г. ВЦИК и СНК приняли постановление об отмене смертной казни по отношению к врагам Советской власти. В нем говорилось: «Революционный пролетариат и революционное правительство Советской России с удовлетворением констатируют, что разгром вооруженных сил контрреволюции дает им возможность отложить в сторону оружие террора.

Только возобновление Антантой попыток путем вооруженного вмешательства или материальной поддержки мятежных царских генералов вновь нарушить устойчивое положение Советской власти и мирный труд рабочих и крестьян по устройению социалистического хозяйства может вынудить возвращение к методам террора, и, таким образом, отныне ответственность за возможное в будущем возвращение Советской власти к жестокому методу красного террора ложится целиком и исключительно на правительства и правительствующие классы стран Антанты и дружественных ей русских помещиков и капиталистов»¹.

«ИСТОРИЧЕСКОЕ ЧУДО»

Так называл В. И. Ленин нашу победу над мировым империализмом и его ставленниками. Почему она стала возможной? Ведь противник, отмечал Ленин, превосходил материально Страну Советов «в сто раз».

В грешившей схематизмом «доперестроечной» литературе все причины наших побед были «занумерованы», начиная от советского общественного и государственного строя. Все они верны, но в перечислении часто не выделялись главные, решающие факторы.

В. И. Ленин, отвечая на вопрос о причинах исторического чуда, говорил: оно состоялось потому, что «лучшие люди всего рабочего класса и всего крестьянства» России проявили в этой неравной схватке чудеса героизма, храбрости и стойкости, а большевистская партия сумела объединить и повести за собой миллионы благодаря тому, что была централизована, «строжайше дисциплинирована» и показывала в лице коммунистов и передовых рабочих «неслыханное самопожертвование»².

Победа над регулярными войсками Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля была немыслима без Красной Армии. Создание в разоренной, истерзанной войной стране, где сам народ разрушил старую армию, всего лишь за год образцовой трехмиллионной регулярной армии Ленин также расценивал как «чудо». Оно могло произойти потому, что впервые в истории строилась армия, солдаты которой знали, что идут воевать за справедливое, благородное дело, за свою, народную власть. Поэтому и энергия, сплоченность и желание победить у красноармейцев были выше, чем в любой другой буржуазной армии. Красная Армия

¹ Декреты Советской власти. Т. 7. С. 104—105.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 116, 232, 240—241.

побеждала своих многочисленных врагов не благодаря «красному террору» и массовым беспощадным карательным мерам против красноармейцев (так клеветала тогда буржуазная пресса), а благодаря сознательной дисциплине и массовому героизму.

О теме героизма Красной Армии нельзя сказать, что она была забыта. С начала 30-х годов ей уделялось внимание в исторической и художественной литературе, в искусстве. Героизм красноармейцев, командиров, партизан запечатлен в широко известных произведениях советских писателей. Достаточно назвать «Чапаева» Д. Фурманова, «Конармию» И. Бабеля, «Железный поток» А. Серафимовича, «Бронепоезд 14-69» В. Иванова, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Кочубей» А. Первенцева и другие произведения. В благодарной памяти народа остались имена многих героев гражданской войны. На их подвигах воспитывались будущие герои Великой Отечественной...

К сожалению, сталинская историография надела шапку-невидимку на тех славных героев гражданской войны, которые оказались жертвами абсолютно необоснованных репрессий и нашли мученическую смерть не в белогвардейских застенках и не на поле брани, а в ежовско-бериевских застенках. В летопись гражданской войны входили только немногие деятели, полководцы, редкие герои — по выбору Сталина. Зато были канонизированы имена К. Е. Ворошилова и С. М. Буденного. Слов нет, это были видные и храбрые военачальники, герои гражданской войны, народ с благодарностью называл их имена. Но справедливость требует сказать, что они своей славой заслоняли боевые дела и подвиги многих не менее достойных героев. К тому же их деятельность раскрывалась исключительно в апологетическом духе. Наверное, на долю всех других героев приходилось меньше официальной славы, чем на двух деятелей Первой Конной армии.

Начиная со второй половины 50-х годов усилиями историков, честных юристов и чекистов в писаную историю гражданской войны стали возвращаться имена оклеветанных и забытых ее участников. С них снято сталинское клеймо шпионов, заговорщиков, вредителей и «врагов народа». Вышли десятки биографических книг и сборников. Энциклопедия «Гражданская война и военная интервенция в СССР» (1983, 1987 гг.) дала краткие биографии более 900 участников гражданской войны. Но нужная и благодарная работа в этой области идет неровно, преодолевая препятствия со стороны Главархива и его учреждений, а также со стороны хотя и немногочисленных, но нередко влиятельных сторонников старых подходов. Да и биографический жанр до сих пор у нас не удостоился статуса научного и поэтому стал уделом преимущественно краеведов и любителей истории.

Издательство «Книжная палата», полнее которой никто не знает о книжной продукции, в 1987 г. выпустило рекомендательный библиографический справочник о строителях и полководцах Советских Вооруженных Сил. Учтены книги, вышедшие за последние

10—15 лет в центральных издательствах. Среди 52 фамилий заслуженных людей нет Думенко, Миронова, Свечникова, Хаханьяна, Левандовского, Каширина, Саблина, Лашевича, Снесарева, Шляпникова и других военачальников и героев, оклеветанных при Сталине.

Зато авторы сборника поддерживают уже почти угасшую легенду о К. Е. Ворошилове, аттестуя его как одного из легендарных командиров и талантливых полководцев гражданской войны. В действительности кратковременная деятельность Ворошилова в 1918 г. на посту командующего 10-й армией (1918 г. — Царицын) и командующего 14-й армией (1919 г. — Украина) была неудачной, с обоих постов он был освобожден и только в Первой Конной армии Ворошилов нашел свое место, но не в роли командира, «полководца», а члена Реввоенсовета. Разумеется, речь идет не о «развенчании» К. Е. Ворошилова, а лишь о необходимости объективной биографии и оценки деятельности человека, который десятилетиями воспевался не иначе как «первый красный офицер» и «первый маршал».

Другой пример. Долгое время в литературе заслуги в отстаивании Астрахани и обороны устья Волги в 1919 г., в организации борьбы против Колчака и Деникина на юго-востоке признавались лишь за С. М. Кировым и Г. К. Орджоникидзе, которых якобы окружали одни предатели. После посмертной реабилитации по партийной и советской линии бывших членов Реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта (конец 1918-го — 1919 г.) А. Г. Шляпникова (председатель), М. С. Свечникова (командующий) и К. А. Мехоношина (член РВС) прошло уже более четверти века. И тем не менее вплоть до настоящего времени в работах отдельных историков и в художественных произведениях эти видные деятели и военачальники гражданской войны объявляются агентами Троцкого (взгляд на Троцкого старый — враг партии и Красной Армии), а Реввоенсовет фронта характеризуется как «гнездо предателей». Например, в книге И. П. Осадчего «За власть трудового народа» (Краснодар, 1987 г.) говорится, что в РВС Каспийско-Кавказского фронта сидели «сообщники и единомышленники Троцкого», и деятельность Реввоенсовета подается лишь в негативном плане. И это уже после того, как один из историков, И. Ф. Кондрашев, допустивший в своей кандидатской диссертации клевету, вынужден был по требованию комиссии принести через печать извинения перед старыми большевиками и родственниками Свечникова, Шляпникова и Мехоношина.

Несколько слов об одном из них — М. С. Свечникове, деятельность которого мало известна.

Еще до Октябрьской революции полковник Михаил Степанович Свечников, будучи начальником 106-й пехотной дивизии, контролирующей железные дороги Финляндии, выполнял поручения ЦК большевиков и самое важное из них — обеспечение безопасного проезда В. И. Ленина с группой эмигрантов от Торнео до Белоострова 2 и 3 апреля 1917 г.

Выпускник Академии Генерального штаба, причисленный к последнему, полковник М. С. Свечников в мае 1917 г. вступил в ряды партии большевиков. Его дивизия (он был избран солдатами начальником дивизии в августе 1917 г.) входила в состав революционных сил Октября. После победы революции М. С. Свечников — главком революционных войск Западной Финляндии, главный военный специалист финской Красной гвардии. С мая 1918 г. — начальник управления формирования войск Петрограда, затем — командующий войсками Каспийско-Кавказского фронта и т. п. В последние годы жизни в звании комбрига находился на преподавательской работе, автор военно-исторических трудов. Арестован и расстрелян в 1938 г.

Ни в одной из книг о гражданской войне не встретишь фамилии Макарова Павла Васильевича. Между тем его книга воспоминаний «Адъютант генерала Май-Маевского. Из воспоминаний начальника отряда красных партизан в Крыму» с 1929 г. выдержала пять изданий. В 1960 г. Воениздат выпустил его новую книгу — «Партизаны Таврии». Миллионы телезрителей с неослабеваемым интересом смотрели не раз телесериал «Адъютант его превосходительства», сделанный на основе воспоминаний Макарова. Адъютант командующего деникинской армией выполняет задания большевиков по части разведки, по сценарию погибает. Но в жизни штабс-капитану Макарову, после того как он был раскрыт как разведчик красных, удалось бежать из тюрьмы, перебраться в Крым и стать командиром партизанского полка в Крымской повстанческой армии матроса А. В. Мокроусова. Боевая деятельность П. В. Макарова возобновилась в годы Великой Отечественной войны снова в Крыму, где он командовал 3-м Симферопольским партизанским полком, и снова его партизанским начальником был легендарный Мокроусов. Недавно книга воспоминаний Макарова о гражданской и Отечественной войне переиздана, но уже посмертно.

Нам предстоит достойно показать в новых трудах по истории гражданской войны ту блестящую плеяду партийных, военных и государственных деятелей, которые составили ленинский «штаб» борьбы партии, армии и трудящихся с внешней и внутренней контрреволюцией и взяли на себя всю тяжесть руководства этой борьбой. Среди них должен быть Л. Д. Троцкий — председатель Реввоенсовета Республики и народный комиссар по военным и морским делам; А. И. Рыков — председатель ВСНХ и Чрезвычайный уполномоченный СТО по снабжению Красной Армии и Флота; Л. Б. Каменев — председатель Московского Совета и чрезвычайный уполномоченный Совета Обороны, который, между прочим, по поручению Советского правительства осуществил успешные переговоры с Нестором Махно о совместных боевых действиях против белых (май 1919 г.); И. Т. Смилга — начальник Политуправления Реввоенсовета Республики и другие.

Несколько слов об Л. Д. Троцком. В большинстве откликов, полученных журналом «Политическое образование» на мою статью

«Почему Троцкий?» (№ 2, 1989 г.), ставится один вопрос: кто не прав — историк, оценивающий положительно роль Троцкого в гражданской войне, или писатель А. Знаменский, который в романе «Красные дни» дает ему сугубо отрицательную характеристику? В упомянутой статье все оценки подтверждены документами, у Знаменского — вымыслы, причем такие, до которых даже не доходили Сталин и Краткий курс истории партии. И хуже всего, что против этих вымыслов, не имеющих ничего общего с ленинскими высказываниями, с документами ЦК партии, не ополчились историки, хвалебные рецензии которых на роман Знаменского даны в «Роман-газете» (№ 2, 1989 г.). Об этом следует сказать потому, что в ходе перестройки появилась тенденция заменять одну неправду другой, подчас худшего толка.

Я затронул вопрос о героизме и героях гражданской войны не потому, что эта тема — «белое пятно». По ней сделано немало. Но в последнее время эту всегда актуальную тему заслонили эмоциональные суждения о красном терроре и других отнюдь не героических проявлениях гражданской войны. Нередко писатели и публицисты, затрагивая тему гражданской войны, принимают лишь одну позу — позу безоговорочного морального осуждения ее участников и войны в целом, видя в ее событиях только убийства друг друга, необоснованные расстрелы, самосуды, бесчинства продотрядов и другие эксцессы.

Да, летопись истории гражданской войны — не только перечень подвигов, самоотверженности, самопожертвования и других проявлений высокого духа. Это и факты ненужной жестокости, вызванной ослеплением классовой ненавистью, и элементы бессмысленного и беспощадного бунта, и просто преступления подонков, бандитов, озверевших и одичавших людей. Об этом уже говорилось.

Но разве эти явления определяли характер и лицо гражданской войны — войны, в которой миллионы вчера унижаемых и оскорбляемых людей, пробудившись к новой жизни, с величайшим энтузиазмом творили благороднейшее дело строительства и защиты первого подлинного Отечества всех трудящихся? Разве не они, точнее, лучшие из них передали нам эстафету борьбы за подлинные идеалы Октября, за справедливость, за революционное обновление общества? Перестройка, как и революция и ее защита, требует людей честных, высокоидейных и не слепых фанатиков и бездушных исполнителей, а сознательных творцов своего счастья. О таких людях мы и должны писать и рассказывать в первую очередь.

ДВАДЦАТЫЕ—ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ

В. П. Наумов

ЛЕНИНСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ¹

Документальный репортаж посвящается записям, которые продиктовал В. И. Ленин в конце декабря 1922 г. и начале января 1923 г. Они вошли в Полное собрание сочинений В. И. Ленина под общим названием «Письмо к съезду»². Родные, близкие, соратники Владимира Ильича называли их завещанием. Но «Письмом к съезду» политическое завещание не исчерпывается. Завещание — это совокупность последних ленинских работ, таких, как «О придании законодательных функций Госплану», «К вопросу о национальностях или об «автономизации», «Странички из дневника», «О кооперации», «О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова)», «Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложение XII съезду партии)», «Лучше меньше, да лучше»³.

СТРОГО ЗА ФАКТОМ

«Письмо к съезду» следует рассматривать в общем контексте всех последних работ Владимира Ильича Ленина, посвященных практическому построению социализма. Возьмите сорок пятый том Полного собрания сочинений Ленина, прочитайте их. И вы убедитесь, что все они органически связаны между собой. Но это вовсе не значит, что каждую из этих работ не надо рассматривать детально, глубоко. В том числе и «Письмо к съезду».

Скажу прямо: этот документ непрост. Не только для непосвященного читателя, но и для специалиста-историка. Он требует очень скрупулезного, вдумчивого, диалектического и объективного, даже, не побоюсь сказать, объективистского анализа. Что это значит? Строго — за фактом. Строго — за документом. Строго — за добротным свидетельством очевидца. Ни в коем случае не опровергать историю, ни в коем разе не накладывать на нее поздние мерки, а тем более стереотипы, ярлыки. Исходить из тех

¹ Данная публикация подготовлена доктором исторических наук В. П. Наумовым на основе материалов «Правдинских пятниц» (Правда. 1988. 26 февр и 25 марта), где напечатана его беседа с корреспондентом Л. Л. Куриным. Так же как статья В. П. Данилова «Коллективизация как это было», она была опубликована под редакцией академика Г. Л. Смирнова.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 343—348.

³ Там же С. 349—406.

условий политической обстановки, из тех идейных разногласий, а также личной борьбы за власть. Учитывать, что обусловлено объективными условиями, а что порождено субъективным фактором. Значит, ни от чего не отворачиваться, ничего не скрывать, не бояться никакой правды. Значит, не обходить ни острых углов (а их будет предостаточно), ни диалектически разносторонних оценок, ни тех кажущихся на первый взгляд противоречий и загадок, которые встретятся в этом ленинском документе.

Будем рассматривать этот документ как один из последних уроков, данных Владимиром Ильичем Лениным и своим современникам, и нашим отцам, и нам, и нашим детям, и нашим внукам. Пусть не завещание, но урок мужества, мудрости, прозорливости, принципиальности, высокой нравственности. И добавлю, что немаловажно по нынешним временам,— урок доброжелательства, высокоинтеллигентной деликатности.

МУЖЕСТВО

Возьмем с полки сорок пятый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина. Так вот, в конце сорок пятого тома начиная со страницы 455 публикуется «Дневник дежурных секретарей В. И. Ленина». Он содержит записи поручений Ленина, приема им посетителей и других фактов с 21 ноября 1922 г. по 6 марта 1923 г. Записи в дневнике вели секретарь СНК и СТО Л. А. Фотиева, помощник секретаря СНК и СТО М. А. Володичева, секретари Н. С. Аллилуева, М. И. Гляссер, С. А. Флаксерман и библиотекарь Ш. М. Манучарьянц.

Затем откроем двенадцатый том Биографической хроники Владимира Ильича Ленина, где расписан каждый день Ильича. И еще нам понадобится книга Л. А. Фотиевой «Из воспоминаний о В. И. Ленине (декабрь 1922 г.— март 1923 г.)». Выпущена эта книга в 1964 г. Политиздатом.

И вот эти три доступных всем источника лежат перед нами. Читая их, составим своеобразный дневник. Начнем с 12 декабря 1922 г.

Должен сказать, что записи наши будут неполными, а потому рекомендуем читателям прочитать все эти источники полностью.

12 декабря 1922 г. Утром Владимир Ильич приехал из Горок в Москву и пришел в свой кабинет в Кремле в 11 часов 15 минут. Побыл недолго и ушел домой, в свою квартиру. В 12 часов вернулся в кабинет и до двух часов беседовал со своими заместителями по СНК и СТО А. И. Рыковым, Л. Б. Каменевым и А. Д. Цюрупой... Вечером Ленин пришел в кабинет в 5 часов 30 минут, говорил по телефону. С 6 до 6 часов 45 минут беседовал с Ф. Э. Дзержинским, только что вернувшимся из Тифлиса, о конфликте между Закавказским крайкомом партии и членами ЦК КП(б) Грузии. Эта беседа сильно взволновала Владимира Ильича. После этого он занимался вопросом о монополии внешней торговли. Ушел домой в 8 часов 15 минут вечера. Никто не думал, что 12 декабря

1922 г. станет последним днем работы В. И. Ленина в его кабинете в Кремле.

13 декабря у Владимира Ильича было два приступа болезни. Но, несмотря на это, врачам лишь с большим трудом удалось уговорить его на время совершенно отказаться от работы. Ленин сказал, что сегодня же начнет ликвидировать свои дела, что надо спешить, чтобы болезнь не застала врасплох.

Все три следующих дня — 13, 14, 15 декабря — спешил: разговаривал по телефону, принимал дома товарищей, готовился к выступлению на X съезде Советов, написал несколько писем и записок о монополии внешней торговли, распределении обязанностей между заместителями председателя СНК и СТО, интересовался заготовкой хлеба урожая 1922 г., социальным обеспечением, переписью населения и другими вопросами.

В ночь с 15 на 16 декабря резкое ухудшение здоровья. Новый приступ болезни. Несмотря на это, утром 16 декабря, до прихода врачей, Владимир Ильич продиктовал Надежде Константиновне еще одно письмо. С 11 до 11 часов 45 минут были врачи В. В. Крамер и А. М. Кожевников. На их предложение выехать в Горки Ленин отвечал отказом, он решил остаться в Москве. Ленин поручает Крупской передать Сталину, что по состоянию здоровья не сможет выступить на X Всероссийском съезде Советов. Вынужденный отказ от выступления сильно опечалил Владимира Ильича.

18 декабря заседает Пленум ЦК РКП(б). Принимается решение сообщить Ленину по согласованию с врачами текст резолюций Пленума. Специальным постановлением Пленум возлагает на Сталина персональную ответственность за соблюдение режима, установленного для Ленина врачами.

20 декабря Ленина посещает профессор О. Ферстер. Владимир Ильич радушно его приветствует, спрашивает, как он доехал.

Весьма важно привести высказывание этого известного немецкого врача-невропатолога, который консультировал врачей, лечивших Ленина. «Болезнь Ленина, — говорил профессор, — была обусловлена в первую очередь внутренними причинами, она развивалась по внутренним законам, независимо от внешних факторов, с беспощадной закономерностью... Если бы Ленина в октябре 1922 г. и дальше оставляли бы в бездеятельном состоянии, он лишился бы последней большой радости, которую он получил в своей жизни. Дальнейшим полным устранением от всякой деятельности нельзя было бы задержать ход его болезни. Работа для Владимира Ильича была жизнью, бездеятельность означала смерть».

21 декабря Ленин с разрешения профессора Ферстера диктует Крупской письмо Троцкому, выражает свое удовлетворение решением Пленума ЦК РКП(б) по вопросу о монополии внешней торговли, предлагает провести постановление о постановке на партийном съезде вопроса об укреплении внешней торговли и о мерах к улучшению ее проведения, огласить это его предложение на комфракции съезда Советов.

После этого Сталин, узнав об этом письме, грубо обругал Крупскую по телефону и угрожал ей Контрольной комиссией за то, что она записала под диктовку названное выше письмо. В связи с этим Н. К. Крупская 23 декабря 1922 г. направила Л. Б. Каменеву следующее письмо:

«Лев Борисович, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина... Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности. *Н. Крупская*»¹.

Надежда Константиновна сразу ничего не рассказала Ленину об этом факте. Так что он никоим образом не мог повлиять на ту характеристику Сталина, которая дана в записи от 4 января 1923 г. Лишь в начале марта 1923 г. Ленин узнал о происшедшем и продиктовал письмо Сталину:

«Уважаемый т. Сталин!

Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения.

С уважением *Ленин*.

5-го марта 23 года»².

Сталин, как писала позднее М. И. Ульянова в своем письме президиуму июльского (1926 г.) Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), на котором был поднят этот вопрос, извинился.

Этот конфликт никак не мог отразиться на «Письме к съезду». Но взятый отдельно, сам по себе достаточно ясно характеризует в нравственном отношении участвующих в этом эпизоде лиц. Грубость, холодность, бездушие Сталина и предельная выдержка, деликатность, вежливость Ленина и Крупской.

21 декабря Ленин поручает Н. П. Горбунову попросить члена коллегии НТО ВСНХ М. Я. Лапирова-Скобло, находящегося в командировке за границей, выписать срочно пару диктофонов и прислать с дипкурьером. Ленин борется со своей болезнью. Ленин не сдается.

В ночь на 23 декабря болезнь обострилась. Мария Ильинична Ульянова сообщила горькую весть: болезнь Владимира Ильича

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54 С. 674—675.

² Там же С. 329—330.

распространилась дальше, правая рука и правая нога поражены параличом. С этих пор Владимир Ильич больше не мог сам писать.

23 декабря. Ленин просит врача А. М. Кожевникова разрешить ему продиктовать стенографистке в течение пяти минут, так как его «волнует один вопрос» и он боится, что не заснет. Получив разрешение, вызывает (в начале 21-го часа) на квартиру М. А. Володичеву.

Запись Володичевой:

«В продолжение 4-х минут диктовал. Чувствовал себя плохо. Были врачи. Перед тем, как начать диктовать, сказал: «Я хочу Вам продиктовать письмо к съезду. Запишите!» Продиктовал быстро, но болезненное состояние его чувствовалось. По окончании спросил, которое число. Почему такая бледная?..»

Так Владимир Ильич диктует первую часть «Письма к съезду», в которой говорится о пополнении состава ЦК рабочими.

24 декабря. В ответ на требование врачей сократить переговоры Владимира Ильича со своим секретарем и стенографисткой он поставил вопрос ультимативно: или ему будет разрешено диктовать свой «дневник» хотя бы в течение короткого времени ежедневно, или он вовсе откажется лечиться. Владимир Ильич, вероятно, полагал, что такое невинное название — «дневник» позволит быстрее получить разрешение.

В тот же день — 24 декабря — после совещания И. В. Сталина, Л. Б. Каменева, Н. И. Бухарина с врачами принимается решение: «1. Владимиру Ильичу предоставляется право диктовать ежедневно 5—10 минут, но это не должно носить характера переписки и на эти записки Владимир Ильич не должен ждать ответа. Свидания запрещаются. 2. Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений».

Ленин вызывает (между 18 и 20 часами) на квартиру М. А. Володичеву и диктует (в течение 10 минут) вторую часть «Письма к съезду», которая содержит личные характеристики видных деятелей партии.

М. А. Володичева записывает в дневнике: «Предупредил о том, что продиктованное вчера (23 декабря) и сегодня (24 декабря) является абсолютно секретным. Подчеркнул это не один раз. Потребовал все, что он диктует, хранить в особом месте под особой ответственностью и считать категорически секретным».

Добавим к этому, что немаловажно, как окажется впоследствии. В 1929 г. М. А. Володичева писала: «Черновики копий мною сжигались. На запечатанных сургучной печатью конвертах, в которых хранились, по его желанию, копии документов, он просил отмечать, что вскрыть может лишь В. И. Ленин, а после его смерти Надежда Константиновна. Слова: «а после его смерти» на конвертах я не писала».

Ленин не хотел, чтобы кто-либо, включая и членов Политбюро, преждевременно узнал о тех личных оценках, которые были высказаны в этих документах. Это понятно. Можно представить себе,

что влекло за собой преждевременное разглашение ленинских записей.

Что же произошло? Первая часть «Письма к съезду» в записи от 23 декабря, касающаяся увеличения числа членов ЦК, как и предназначалось, была в тот же день послана в ЦК РКП(б). Об этом имеется запись в «Книге регистрации писем, записок и поручений В. И. Ленина».

В литературе господствовало убеждение, что только в мае 1924 г., когда Крупская передала комиссии ЦК бумаги Ленина, — только тогда стало известно содержание всех ленинских записей, в том числе и записей, сделанных в конце декабря. Однако документы свидетельствуют о другом. О всех записях до 29 декабря по крайней мере Фотиева проинформировала Сталина и некоторых других членов Политбюро. В объяснении, написанном 29 декабря 1922 г. на имя Каменева, она оправдывала свой поступок тем, что будто бы Володичева не предупредила ее о строжайшем указании точно выполнить волю Ленина. Но достаточно обратиться к записям в Дневнике дежурных секретарей Ленина, которые мы только что процитировали, чтобы поставить под сомнение эти объяснения Фотиевой.

Следовательно, члены Политбюро и часть членов ЦК были осведомлены о тех строго секретных личных характеристиках, данных Лениным некоторым деятелям партии. Трудно себе представить, что они никак не реагировали на эти оценки.

О грубейшем нарушении воли Ленина ему не сообщили, понимая, какую это вызовет реакцию, и учитывая состояние его здоровья. И Владимир Ильич был твердо убежден, что завещание его сохранится до съезда партии в строжайшей тайне.

25 декабря Ленин продолжает диктовать М. А. Володичевой вторую часть «Письма к съезду».

26 декабря Ленин диктует Л. А. Фотиевой (в течение 15 минут) последнюю часть «Письма к съезду».

29 декабря — добавление к «Письму к съезду» — «К отделу об увеличении числа членов ЦК».

Врачи разрешают Ленину читать книги.

4 января 1923 г. Ленин диктует Л. А. Фотиевой добавление ко второй части своего «Письма к съезду» от 24 декабря 1922 г., дает в нем характеристику Сталина, рекомендует обдумать способ перемещения его с поста генерального секретаря ЦК РКП(б).

ОБСТАНОВКА

Общий стратегический план строительства социализма был намечен Лениным ранее. Но опыт последних лет требовал корректировки, дополнения, существенных изменений. Те выводы, которые Ленин сделал из обобщения социалистического строительства на путях новой экономической политики, заставляли

признать «коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм».

Неожиданная болезнь захватила В. И. Ленина на важнейшем переломном рубеже в истории нашей партии и государства.

Только что кончилась гражданская война, отживали нормы и правила «военного коммунизма», страна переходила на новую экономическую политику. Это был перелом. Замечу: крутой перелом. Во всем: политике, экономике, идеологии, психологии людей. Далеко не сразу и далеко не все сумели принять этот перелом, понять его важность, осознать неизбежность. В том числе и члены Политбюро, члены ЦК партии.

Следует учитывать и насущную задачу, которая определена в резолюции X съезда по вопросам партийного строительства. Цитирую:

«Нужно вновь *собрать* партию, которая за период войны была разбита на отдельные отряды. Нужно сблизить «верхи» и «низы», военных работников и гражданских, профессионалистов и советских, старых и новых членов партии, «молодых» и «стариков». Без решения этой *основной* задачи не может быть выполнена гигантская строительно-хозяйственная роль пролетарского авангарда»¹.

Чтобы уяснить роль этого пролетарского авангарда, приведу еще цитату. Закрывая XI съезд партии, Ленин говорил:

«Весь гвоздь теперь в том, чтобы авангард не побоялся поработать над самим собой, переделать самого себя, признать открыто свою недостаточную подготовленность, недостаточное уменье»².

Вот в этом и ключ к тем словам, которыми открывается первая часть «Письма к съезду». Откройте, пожалуйста, сорок пятый том Полного собрания сочинений на странице 343. Читаем:

«Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе».

РАДИ ЧЕГО ПЕРЕМЕНЫ?

В. И. Ленин объясняет: «Такая реформа значительно увеличила бы прочность нашей партии и облегчила бы для нее борьбу среди враждебных государств, которая, по моему мнению, может и должна сильно обостриться в ближайшие годы. Мне думается, что устойчивость нашей партии благодаря такой мере выиграла бы в тысячу раз»³.

Читаю фразу, с которой начинается запись, продиктованная 24 декабря 1922 г.:

«Под устойчивостью Центрального Комитета, о котором я говорил выше, я разумею меры против раскола, поскольку такие меры вообще могут быть приняты»⁴.

¹ КПСС в резолюциях... М., 1983. Т. 2. С. 326

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 137.

³ Там же С. 344

⁴ Там же.

Необходимо было сосредоточить все силы и средства, которыми располагала партия, наш народ, на решение великих задач. Однако в этот ответственный, исторически переломный момент болезнь оторвала Ленина от партийного и государственного руководства. Владимир Ильич хорошо осознавал это. Знал он, видел, что в первые же дни, месяцы его болезни в штабе партии не налаживалась дружная работа. И дело было не только и не столько в отдельных конфликтах. Они были и ранее. Реальной угрозой стала перспектива раскола Центрального Комитета, руководства партии в целом. Вот это больше всего и тревожило Ленина.

Именно поэтому серия работ, созданных Лениным, когда он был тяжело болен, по справедливости получивших название политического завещания, открывается «Письмом к съезду». Это ключевой документ, который помогает нам многое правильно раскрыть и понять в истории нашей партии. Потому он и приобрел особое значение. Дело даже не только и не столько в многочисленных версиях, которые вроде бы объясняют появление документа или пытаются выяснить обоснованность той или иной характеристики. И даже не в том, что этот документ с момента появления стал предметом острых дискуссий в партии. Был — и это надо признать — орудием во внутрипартийной борьбе. И вполне естественно, что «Письмо к съезду» обросло мифами и легендами. Очевидно, тому в немалой степени способствовало и то, что впервые он был обнародован в открытой печати лишь в 1956 г. Среди так называемых «белых пятен» «Письмо к съезду», история его создания, его содержание, суть его занимают одно из первых мест.

Добавлю. Положения этого документа, характеристики, которые там есть, используются сейчас в публикациях, в художественной литературе, в научных трудах. Не всегда при этом в своих суждениях авторы опираются на документы, на подлинные факты. Часто полагаются на чей-то домысел, предположения, догадку. Все это затемняет суть важнейшего ленинского документа.

РАСШИРИТЬ ЦК

Откройте 346-ю страницу того же сорок пятого тома. С чего начинается запись от 26 декабря?..

«Увеличение числа членов ЦК до количества 50 или даже 100 человек должно служить, по-моему, двоякой или даже троякой цели: чем больше будет членов ЦК, тем больше будет обучение цекистской работе и тем меньше будет опасности раскола от какой-нибудь неосторожности».

Ленин так и пишет: «Мне думается, что 50—100 членов ЦК наша партия вправе требовать от рабочего класса и может получить от него без чрезмерного напряжения его сил»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 343.

Возникает вопрос: а почему и зачем именно рабочими надо пополнять состав ЦК? И на этот вопрос отвечает Ленин в записке, составленной 26 декабря. Читаем: «Привлечение многих рабочих в ЦК будет помогать рабочим улучшить наш аппарат, который из рук вон плох»¹.

И далее Владимир Ильич разъясняет, как это должно быть: «Я представляю себе дело таким образом, что несколько десятков рабочих, входя в состав ЦК, могут лучше, чем кто бы то ни было другой, заняться проверкой, улучшением и пересозданием нашего аппарата. РКИ, которой принадлежала эта функция вначале, оказалась не в состоянии справиться с нею и может быть употреблена лишь как «придаток» или как помощница, при известных условиях, к этим членам ЦК»².

Ленин дает пояснение: «Рабочие, входящие в ЦК, должны быть, по моему мнению, преимущественно не из тех рабочих, которые прошли длинную советскую службу (к рабочим в этой части своего письма я отношу всюду и крестьян), потому что в этих рабочих уже создались известные традиции и известные предубеждения, с которыми именно желательно бороться»³.

Какова их роль? Цитирую Ленина (страница 348): «Я думаю, что такие рабочие, присутствуя на всех заседаниях ЦК, на всех заседаниях Политбюро, читая все документы ЦК, могут составить кадр преданных сторонников советского строя, способны, во-первых, придать устойчивость самому ЦК, во-вторых, способных действительно работать над обновлением и улучшением аппарата».

Подведем итоги этой части «Письма». Коллективное руководство в партии, приобщение рабочих к руководству — вот к чему стремился Ленин. Создать такой штаб, в котором были бы условия для того, чтобы:

- обезопасить влияние отрицательных качеств отдельных руководителей партии;

- уменьшить влияние чисто личных, субъективных факторов, а также случайных обстоятельств в решении важнейших вопросов;

- понизить опасность раскола;

- обезвредить политические и теоретические колебания, ошибки отдельных руководителей;

- создать условия, при которых содержание работы строго централизованной высокоавторитетной группы Центрального Комитета партии было бы заключено в рамки и формы, соответствующие ее авторитету.

Ленин указывал также, что политика партии определялась громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Подчеркивая значение единства партии, Ленин говорил, что достаточно неболь-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 347

² Там же.

³ Там же. С. 347.

шой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет зависеть не от него¹.

ЛИЧНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Это прежде всего не свойства характера, а отношение к делу партии, мировоззренческие позиции, преданность марксизму, умение диалектически анализировать обстановку.

Сталин

Вот возьмем характеристику Сталина. С нее начинается добавление к письму от 24 декабря 1922 г., сделанное 4 января 1923 г. Эта фраза хорошо известна: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека»².

Думаю, что здесь дан точный ответ. Ленин никогда не рассматривал нравственность, черты характера абстрактно, в отрыве от дела, которому служишь, от поста, который занимаешь. В этом ключ ленинской методологии. Это еще один ленинский урок. Урок в том, как оценивать людей, политических деятелей в особенности.

Весной 1922 г. Сталин был избран генеральным секретарем ЦК РКП(б). До этого он, будучи членом Политбюро с марта 1919 г., возглавлял Народный комиссариат по делам национальностей и рабоче-крестьянскую инспекцию.

Со второй половины 1921 г. Политбюро поручает ему вести организационную работу в Центральном Комитете. Ему вменялась подготовка пленумов ЦК, сессий ЦИК и другое, то есть, по существу, он исполняет обязанности секретаря ЦК.

Ленин был главой Советского правительства. Формально Владимир Ильич не имел должности в партии, в ЦК. Но он вел заседания пленумов ЦК, Политбюро. Таким образом, Ленин был фактически не только руководителем Совнаркома, но и Центрального Комитета партии. А фактическим помощником выступал секретарь ЦК, руководитель Секретариата. Официально такая должность не утверждалась, но практически выделялся один из секретарей, который возглавлял работу Секретариата.

Когда здоровье Ленина ухудшилось, возник вопрос об укреплении Секретариата. Потребовалась кандидатура авторитетного руководителя, который мог бы вести партийные дела в отсутствие Ленина. Выбор пал на Сталина. Тогда и было решено для поднятия престижа и авторитетности этой должности дать ей название — генеральный секретарь. То есть выделить из числа других секретарей. Конечно, существенно повышалась и роль этой должности. Вот на нее и был выбран Пленумом ЦК Сталин.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 20.

² Там же. С. 346

Этот пост стал приобретать ключевое значение во всей системе партийной и государственной власти. Ленин увидел это, понял это. Вот отсюда и следуют слова Ленина:

«Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью»¹.

Все это — необъятная власть в одних руках, возможность использовать ее без достаточной осторожности плюс грубость, частые вспышки озлобленности, капризности, нетерпимости, которые замечал и отмечал Владимир Ильич Ленин, и вынудил его предложить товарищам «обдумать способ перемещения Сталина с этого места»².

Зиновьев и Каменев

Во второй части «Письма к съезду» сказано, что «октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но что он также мало может быть ставим им в вину лично». Тут что ни слово, то требуется объяснение.

Откройте тридцать четвертый том Полного собрания сочинений на странице 502. Читайте:

10(23) октября 1917 г. на заседании ЦК РСДРП(б) обсуждался вопрос о вооруженном восстании. Зиновьев и Каменев выступили против него. Потерпев поражение на заседании ЦК, они на следующий день — 11(24) октября обратились с заявлением в ЦК и с письмом, озаглавленным «К текущему моменту», которое было адресовано Петербургскому, Московскому, Московскому областному, Финляндскому областному комитетам РСДРП(б) и в большевистские фракции ЦИК Советов и съезда Советов Северной области. В этом письме они выступали против принятого решения ЦК о вооруженном восстании. Не получив никакой поддержки на расширенном заседании Петербургского комитета 15(28) октября, на котором было зачитано их письмо, и на расширенном заседании ЦК 16(29) октября, Каменев от своего имени и от имени Зиновьева в газете «Новая жизнь» 18(31) октября высказался против вооруженного восстания, разгласив секретное решение партии.

В тот же день Ленин написал «Письмо к членам партии большевиков», а 19 октября (1 ноября) «Письмо в Центральный Комитет РСДРП(б)».

Эти ленинские документы помещены в том же тридцать четвертом томе.

Письмо Ленина в ЦК обсуждалось на заседании Центрального Комитета 20 октября (2 ноября). Ф. Э. Дзержинский, выступивший первым, предложил «потребовать от Каменева полного отстранения от политической деятельности». В отношении Зиновьева он сослался на то, что последний скрывается от властей и участия в партийной работе не принимает. Я. М. Свердлов указал, что

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.

² Там же. С. 346

поступок Каменева ничем не может быть оправдан, но что ЦК не имеет права исключать из партии. Он предложил принять отставку Каменева из ЦК. И. В. Сталин дважды выступал на заседании. Вначале он предложил перенести обсуждение этого вопроса на Пленум ЦК, а когда это предложение не было принято, он во втором выступлении заявил, что «исключение из партий не рецепт», и предложил обязать Зиновьева и Каменева подчиниться решениям ЦК, оставив их в составе ЦК. Эта же точка зрения была выражена Сталиным и на страницах газеты «Рабочий путь» в заметке «От редакции», опубликованной 20 октября (2 ноября), до принятия решения Центральным Комитетом. В этой заметке Сталин писал, что резкость тона В. И. Ленина не меняет по отношению к Зиновьеву и Каменеву того, «что в основном мы остаемся единомышленниками». Эта заметка была напечатана уже после того, как Каменев выступил в газете «Новая жизнь» и в письмах В. И. Ленина была дана оценка поведению Каменева и Зиновьева.

ЦК принял отставку Каменева. Зиновьеву и Каменеву было вменено в обязанность не выступать ни с какими заявлениями против решений ЦК.

К тому времени, о котором идет речь, Каменев и Зиновьев были в составе ЦК и Политбюро. Каменев был заместителем председателя СНК и СТО, а Зиновьев — председателем Исполкома Коминтерна. Но Ленин хорошо знал их прежние проступки, хорошо изучил их образ мыслей, мировоззренческие позиции и еще яснее понимал, чьи интересы, чьи взгляды представляют и выражают эти люди.

Вернемся немного назад, в апрель 1917 г. На седьмой (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) при выдвижении кандидатур в состав ЦК кандидатуру Каменева отвела большая группа делегатов. Выступил Ленин и сказал, что Каменев отражает настроения определенных слоев масс. А потому важно иметь в составе ЦК выразителя этих настроений. И добавил при этом: «То, что мы спорим с т. Каменевым, дает только положительные результаты. Присутствие т. Каменева очень важно, так как дискуссии, которые веду с ним, ценны. Убедив его, после трудностей, узнаешь, что этим самым преодолеваешь те трудности, которые возникают в массах»¹.

Вот отсюда отгадка диалектически сложного словосочетания — «что... также мало может быть ставим им в вину лично». Ленин говорит, что их мировоззрение отражает настроения определенных слоев масс, которые надо все время учитывать, полемизировать с ними, преодолевать их, раз они реально фактически существуют. Хотя это и создает немалые трудности. И здесь Ленин выступает как блестящий боец, полемист, реалист, учитывающий трудности, противоречия в жизни партии.

¹ Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП(большевиков). Апрель 1917 года. Протоколы. М., 1958. С. 322

Троцкий

Примерно так же следует, пожалуй, трактовать высказывание Ленина о небольшевизме Троцкого. Ленин учитывает долгий путь борьбы Троцкого с большевизмом. Сложный, извилистый путь, который привел его в ряды большевистской партии. Откройте справочный том к Полному собранию сочинений Владимира Ильича Ленина, найдите в именном указателе фамилию Троцкого и по сноскам на тома проведите небольшое исследование. Почитайте высказывания Ленина о Троцком и троцкизме в разные периоды истории партии, истории революционного движения. Подумайте. Поразмышляйте.

Я лишь добавлю, что долгие годы борьбы с большевиками, с Лениным не только оставили свой след, но, более того, они были далеко не случайными, они отражали определенную систему взглядов, мировоззрения Троцкого. И дело тут, конечно, не только и не столько в отрицательных чертах характера этого человека, чрезмерно хватающего, как говорил Ленин, самоуверенностью. Троцкий тоже имел сторонников в партии, в массах. Своим артистизмом, талантом оратора умел увлечь на свою сторону определенную часть масс, пораженную ультралевой фразеологией. А «левые» настроения были широко распространены в те годы, особенно среди молодежи. И с этим как ни тяжело, как ни трудно, но приходилось считаться.

Троцкий в 1922 г. был членом Политбюро, наркомом по военным и морским делам, председателем Реввоенсовета Республики. В это время Троцкий успешно выполнил ряд поручений партии в области народного хозяйства, но с чрезмерным увлечением «чисто административной стороной дела», как отмечает Ленин, что и приводило его, в конечном счете, к борьбе против ЦК.

Бухарин

Вызывает разные суждения оценка этого, по словам Владимира Ильича, ценнейшего и крупнейшего теоретика партии. Ленин тут же отметил, что «его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским»¹.

Противоречие есть, но оно диалектично, как противоречива сама жизнь. Вспомните позицию Бухарина, когда заключался Брестский мир, вспомните его позицию во время дискуссии о профсоюзах. Ведь эта позиция и объяснима непониманием диалектики. В чем признавался сам Бухарин. Загляните в ленинский сороковой сборник, который вышел в 1985 г. Там начиная со страницы 383 опубликованы замечания Владимира Ильича на книгу Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода». Масса точных пометок! Ленин отмечает недостаточно глубокий анализ общественных явлений, схоластику, эклектицизм. И в то же время высоко оценивает те места и те главы, в которых правильно излагаются закономерности переходного периода. Изучение этих пометок —

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345

очень полезное занятие для всех, кто интересуется политэкономией, научным коммунизмом, диалектическим материализмом. Очень полезное занятие!

Поэтому Ленин тут же в «Письме к съезду» оговорился, что его оценка Бухарина относится к настоящему времени и что он верит, что Бухарин пополнит свои знания и изменит «свои одно-сторонности»¹.

П я т а к о в

К выдающимся и преданным работникам Ленин относит и Пятакова — человека «несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей»², но слишком увлекающегося администраторством. Но и здесь Ленин выражает надежду, что и он исправит свои недостатки.

Помимо чисто познавательного, все эти оценки имеют большое методологическое значение. По ним можно судить, насколько был Ленин строг и доброжелателен, принципиален и деликатен, неприимим к недостаткам и полон надежды, что они исправятся.

СУДЬБА ЗАВЕЩАНИЯ

Пленум ЦК 21 мая 1924 г. по докладу Каменева принял решение произвести оглашение «Письма к съезду» не на заседании съезда, а по делегациям. При этом оговаривалось, что ленинские документы воспроизведению не подлежат. Поэтому опубликованы они не были.

Перед отдельными делегациями съезда выступали Каменев, Зиновьев, Сталин. В их интерпретации получалось, что Ленин говорил лишь о *возможности* перемещения Сталина с поста генсека. А ведь Ленин говорил не о *возможности*, а о *способе перемещения*. Для Ленина вопрос о возможности перемещения и не стоял. Он говорил об этом перемещении как вполне определенном, решенном деле. Судя по словам Каменева, на первый план выступали лишь личные качества характера Сталина.

После чтения документа Каменев заявлял, что Сталин учтет критику. И Сталин давал слово в полной мере учесть критику Ленина. Но дело-то, как мы уже убедились, не только в личных качествах характера генсека, а в том, что он сосредоточил в своих руках слишком большую власть и вряд ли сможет пользоваться ею с осторожностью. А потом Ленин не ставил вопроса о выводе Сталина из Политбюро. Он предлагал лишь переместить на другой пост.

В литературе высказывается точка зрения, что члены Центрального Комитета боялись, что пост генсека может занять Троцкий. Возможно, что этого и боялись, учитывая его притязания на лидерство. Но надо иметь в виду, что для Ленина и других членов ЦК меньшевизм Троцкого напрочь отсекал его кандидатуру.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 346.

² Там же С. 345

Сейчас ходят и другие версии, предположения. Дескать, тогда представлялись другие, более достойные кандидатуры на пост генсека. Но это никак не подтверждается документально.

Конечно, очень важный политический документ требовал не только вдумчивого чтения, но и серьезного обдумывания, обмена мнениями, размышления вслух. Но никто из делегатов съезда не держал его в руках. А потому — никаких обсуждений.

Развернулась дискуссия лишь по поводу предложений Ленина об организационном строении руководящих органов партии. Вопрос обсуждался в ЦК. Решительно против пополнения Центрального Комитета рабочими выступил Троцкий.

Формально ленинское предложение было принято. XII съезд РКП(б) увеличил число членов ЦК с 27 до 40. Кроме того, был создан объединенный орган ЦКК — РКИ. XIII съезд партии увеличил число членов ЦК с 40 до 53. Как видим, состав ЦК расширился незначительно. Во всяком случае, не в тех масштабах, которые завещал Ленин. Да и расширился состав отнюдь не рабочими. Вовлечение рабочих в деятельность Центральной контрольной комиссии не сопровождалось теми мерами обучения и помощи, которые предусматривал Ленин. Все это не позволило осуществить замысел Ленина — приобщить рабочих к руководству партией, чтобы ничей авторитет не мог помешать сделать запрос, добиться осведомленности, проверки строжайшей правильности дела.

В 1927 г. XV съезд ВКП(б) принял решение приложить «Письмо к съезду» к стенограмме, а также опубликовать в Ленинском сборнике. Текст «Письма к съезду» был опубликован в закрытом бюллетене. В Ленинском сборнике не печатался.

В октябре 1927 г. состоялся Пленум ЦК и ЦКК. В речи Сталина частично цитировалось и комментировалось «Письмо к съезду», в том числе и запись от 4 января 1923 г. В Собрании сочинений Сталина эта речь была включена с сокращениями, запись о перемещении Сталина полностью не цитировалась.

В открытых изданиях все три части «Письма к съезду» вместе со всеми дополнениями были опубликованы в журнале «Коммунист» № 9 за 1956 г. Они вошли полностью в пятое издание Полного собрания сочинений В. И. Ленина.

УРОКИ

Подведем итоги. Сейчас в условиях перестройки, демократизации ленинское учение о партии, ее деятельности должно быть возрождено в полном объеме. «Письмо к съезду» как раз помогает нам возродить ленинский облик партии коммунистов, нового социалистического строя, очистить его от наслоений и деформаций, освободить от всего того, что сковывало общество и не давало в полной мере реализовать его потенциал. Завещание Ленина помогает нам снять с ценностей и идеалов социализма ржавчину бюрократизма, субъективизма, и честолюбия, очистить

от всего бесчеловечного. Поэтому высвободить лучшие созидательные силы человека.

Ленин вел непримиримую борьбу против отчуждения рабочего человека от власти, от государственных интересов, от решения вопросов экономики, политики, идеологии, культуры. Именно об этом красноречиво и свидетельствует «Письмо к съезду». И эту заповедь Ленина следует сегодня взять на вооружение.

«Письмо к съезду» Ленина помогает нам отрешиться от догматического, бюрократического и волюнтаристского наследства, ибо учит реальной диалектике классового и общечеловеческого в нынешних конкретных условиях. В политическом завещании огромный, далеко не полностью раскрытый методологический потенциал.

Ленинский документ помогает понять, что такое субъективный фактор в истории и как он может повлиять на развитие общества. Бороться с чрезмерным централизмом и администрированием, вседозволенностью.

Словом, уроки более чем 60-летней давности мы должны хорошо усвоить. Это жизненно необходимо.

Хотелось бы, чтобы читатели познавали историю нашей партии и государства в первую очередь по Ленину. Причем не выдергиванием цитат, не бездумным заучиванием их, не раскавычиванием на сиюминутную потребу, не отточиями бесконечными, а овладением ленинской методологией, умением глубокого, диалектического анализа конкретной действительности.

СУДИТЬ ИЛИ УЧИТЬСЯ?

Ленин никогда, ни при каких обстоятельствах не переходил на прокурорский, обвинительный тон. Он никогда не выносил приговоры, как судья. И нам завещал то же. Так что давайте лучше будем не судьями, не прокурорами, не адвокатами, а прилежными учениками истории. Ленин сам учился у своих предшественников, сам брал уроки у истории и учил других диалектически применять уроки и закономерности исторического развития, теорию научного коммунизма к живой, сложной, многогранной, все время меняющейся, быстротекущей жизни. И сам учился и учил других вносить поправки в саму теорию. Ленин никогда не был ни догматиком, ни ортодоксом. Он, по воспоминаниям Крупской, был очень эмоциональным человеком. Но умел подниматься над эмоциями.

Ленин не только не использовал авторитет власти, но даже власть авторитета. Впрочем, послушаем лучше, что сказал по этому поводу нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин:

«Он никогда не действовал голым авторитетом, а только аргументами и убеждениями, и он никогда не пускал в ход факта своего беспримерного влияния, чтобы преодолеть сопротивление инакомыслящих, а всегда аргументировал, убеждал и не успокаивался,

пока не убедит других. Я получал от него несколько последовательных записок с новыми аргументами, когда он старался меня в чем-нибудь убедить. Я помню его спор по одному большому личному внутрипартийному вопросу с очень видным товарищем. Изложив свои аргументы, Владимир Ильич сказал: «Я убежден, что пред всяким партийным собранием я докажу, что вы неправы, и что всякое партийное собрание с этим согласится». Он никак не мыслил иначе победу над инакомыслящими, кроме как в форме победы своей аргументации в пределах организации.

Пусть подрастающая молодежь учится на его живом примере. В лице Владимира Ильича мы имеем действительно неподражаемый образец представителя пролетарской культуры, культуры, основанной на точности знания, на рациональности всей человеческой работы — одним словом, на господстве разума над природой и общественно урегулированного производства — над слепой стихией».

Эти слова сказаны 3 февраля 1924 г. Из них не следует, что при социализме уже нет совершенно стихийных сил, как это изображают некоторые авторы. Есть, и они дают знать о себе. Их надо изучать и находить эффективные средства управления ими. Так давайте же учиться у Ленина революционной диалектике. Давайте извлекать творчески, не догматически, не начетнически те уроки, которые преподавал нам Ленин в своих последних работах.

Ленин, решая текущие, очередные задачи, заглядывал далеко вперед.

Надо сказать, что в течение длительного времени в нашей научной и популярной литературе этот комплекс ленинских работ рассматривался только как план социалистического строительства. Более того, в этом плане вычленяли три момента: конкретные предложения Ленина, направленные на индустриализацию страны, на социалистическое преобразование сельского хозяйства, на осуществление культурной революции. Мне думается, что тем самым чрезвычайно суживалось и принижалось значение этих неисчерпаемой глубины документов. Ленинская концепция социализма охватывает не только указанные три направления, но и сферу социальных отношений, и демократические формы управления, и хозрасчет, и подъем науки и культуры. И везде просматривается приоритет интересов человека труда. Вот почему цель нынешней перестройки — теоретически и практически полностью восстановить ленинскую концепцию социализма.

Ведь последние работы Ленина — это не только марксистский, диалектический анализ объективных реальностей того времени, но и смелый взгляд в будущее, концепция социализма на многие десятилетия вперед. Политическое завещание Ленина — это методологический ключ к пониманию и развитию основных принципов социализма, путей его строительства в целом. Это ключ к пониманию современных процессов социалистического строительства.

Ленин предстает здесь как мыслитель, который смог проникнуть своим взором в глубь десятилетий. Его мечты и замыслы были настолько грандиозны, настолько неоглядны, дерзки, что им порой не верили не только фантасты, но и его близкие друзья, соратники.

«НЕБО» И «ЗЕМЛЯ»

Встреча Уэллса с Лениным произошла в 1920 г. На следующий год вышла книга «Россия во мгле». Владимир Ильич читал лондонское издание. И не только читал, но и, как всегда, подчеркивал, отчеркивал, ставил пометы. Вот одна из них. Уэллс пишет:

«Марксистская теория подвела русских коммунистов к идее «диктатуры классово сознательного пролетариата», а затем внушила им представление,— как мы теперь видим, весьма смутное,— что в России будет новое небо и новая земля. Если бы так случилось на самом деле, это было бы подлинной революцией в жизни человечества. Но, судя по тому, что мы видели в России, там попрежнему старое небо и старая земля».

Владимир Ильич отчеркнул на полях этот абзац. А слова «будет новое небо и новая земля» подчеркнул и поставил против них знак вопроса. Ленин был великим мечтателем. Но, как писал один из публицистов 20-х годов, Ленин никогда не качался на качелях своей мечты. Он всегда твердо стоял на земле. Он и в фантазиях, в мечтах своих всегда оставался реалистом. Это еще одна примета ленинской диалектики. В чем ее суть? Заглядывая в далекое-далекое «небо», Владимир Ильич видел не только находящиеся тучи, но и видел, чувствовал, знал «землю» — до последней кочки, до последней рытвины. Да, такой, какой увидел землю английский фантаст,— «огромной равниной, покрытой лесами»; «населенной неграмотными крестьянами», «не имеющей технически грамотных людей»; землю, «в которой почти угасла торговля и промышленность». Только, заметим, видел еще больше, еще глубже, еще дальше, чем фантаст за краткосрочный визит. От этого, согласитесь, не только не уменьшается грандиозность замыслов Ленина, а стократ увеличивается. Выходит, Ленин видел «небо» и «землю», а фантаст не разглядел ни того, ни другого.

Возьмем утопистов. Томас Мор, Кампанелла... Они мечтали об идеальном обществе, где будут царить справедливость, свобода, равенство, братство. Красивые мечты? Да, очень красивые. Но это были лишь грезы, мечтания. Потому что утописты, образно говоря, настолько запрокидывали голову, глядя на небо, что не видели, не чувствовали грешной земли. Поэтому и не знали, как осуществить мечту. Они хотели достичь «неба», не покопавшись в грязной «земле». Как осуществить мечту? Вот в чем вопрос.

Анархисты тоже мечтали. О полной, абсолютной свободе, об уничтожении всякого насилия, об уничтожении государства насилия — «с сегодня на завтра». Но какими средствами?.. Как они

хитроумно говорили, «тактикой прямого действия». То бишь стихийным бунтарством, террором, бомбой, гранатой. И подрывали не только своих противников, но и свою мечту.

А волюнтаристы всех времен и видов... Разве они не хотели въехать на белом коне в коммунизм «с сегодня на завтра»? Как еще хотели, как еще мечтали. Вспомните-ка очень красивый тезис о том, что нынешнее поколение будет жить при коммунизме. Это о нашем с вами поколении. А сейчас, услышав или прочитав этот тезис, недоверчиво улыбаются наши дети. Скоро подрастут внуки и тоже, наверное, будут так же улыбаться. Почему? Да потому, что этот очень красивый, очень заманчивый, очень завлекательный тезис был продиктован лишь мечтой, не подкреплен реальными расчетами. Потому что между «небом» и «землей» была дистанция огромного размера.

Волюнтаристам не откажешь в энергии, в действии, в силе воли. Скорее наоборот. Они действовали порой сверхэнергично. Только эта сверхэнергия и сила были направлены главным образом на принуждение. И действовали они преимущественно приказом, командой, нажимом, «завинчиванием гаек», окриком. Действовали не властью авторитета, а авторитетом власти. Их мало интересовали мнение, интересы и потребности масс. Для волюнтариста верно только одно мнение — его собственное мнение. А все остальное — ересь. Для масс остается роль «винтиков», только послушание и бездумное заучивание непререкаемых догм, положений — выводов, указаний.

А Ленин как говорил?.. Раскройте, пожалуйста, тридцать пятый том Полного собрания сочинений. Читаем:

«Социализм не создается по указам сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс».

«Только тот победит и удержит власть, кто верит в народ, кто окунется в родник живого народного творчества»¹.

Взгляните на дату. Когда сказаны эти слова? 4 (по старому календарю), 17 (по новому) ноября 1917 г. На заседании ВЦИК. Советской власти было всего-навсего десяток дней. И «земля» у Советской власти была весьма зыбкой, весьма шаткой. А какая уверенность, какая убежденность звучат в словах Ленина!

Почитайте Биографическую хронику Владимира Ильича Ленина, почитайте воспоминания о Ленине. Множество непринужденных бесед с рабочими, крестьянами, солдатами, интеллигентами, коммунистами зарубежных стран. В простых житейских разговорах он черпал мудрость из родника живого народного творчества. И его мечты, замыслы базировались на знании разнообразнейших запросов, забот, чаяний народных масс. И эти интересы, запросы, заботы — простые, житейские, немудреные, — глубоко обдуманные, обобщенные, отшлифованные диалектическим мышлением, мудростью ученого, взвешенные и отточенные

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 57, 61.

острым умом политика, возвращались сторицей народу. Эту уникальную способность Ленина-мыслителя, Ленина-реалиста отметил в свое время Николай Иванович Бухарин. Выступая на траурном заседании, посвященном пятилетию со дня смерти Ленина, он сказал:

«Эти главнейшие вопросы политики Ленин развивал не с точки зрения моментальной и быстро преходящей конъюнктуры: он ставил их с точки зрения «большой политики», широчайших перспектив, генеральных путей, столбовой дороги нашего развития. Его анализ — не крохоборческий анализ маленького участка, а громадное полотно, на котором с необычайной мощью, убедительнейшей простотой и выразительностью изображена тяжелая поступь исторического процесса. Из этого анализа Ленин делает громадные выводы, но этому же анализу он соподчиняет и сравнительно второстепенную организационную деталь»¹.

Говоря о главнейших вопросах политики, Бухарин имел в виду, как раз политическое завещание Ленина, то есть работы, которые мы рассматриваем.

Вот еще очень примечательный документ. Живой и человеческий. Беспартийный крестьянин Осип Иванович Чернов в 1921 г. два месяца добирался из Сибири в Москву, чтобы встретиться и поговорить с Владимиром Ильичем. Он встретился с Лениным, говорил с ним. А потом вспоминал об этой беседе так:

«Чем велик Ленин?

А вот чем. Он не меня, конечно, слушал, как персону необыкновенную, *а через меня он слушал все крестьянство, и через меня он учел всю сложность обстановки на низах...* Владимир Ильич не похож был на многих, его не сковывала теория, он хватал жизнь, события, революцию, направлял ее.

Он творил волю массы, как старший, он есть душа массы, богатая всеми изгибами».

А вот как выразил ту же мысль поэт, публицист, революционер Поль Вайян-Кутюрье:

«Ленин-интеллигент умел мыслить как рабочий. Ленин-оратор говорил без пустых фраз и трескотни. Человек, потрясший весь мир, в чьем сознании беспрерывно переваривалось все, чем жил и дышал этот мир, этот человек сохранил в себе до конца сознательной жизни удивительную способность чувствовать и мыслить, как китайский кули, как носильщик-негр. Угнетенный аннамит, индус были ему так же понятны, были такой же открытой книгой, как петроградский металлист, как парижский текстильщик, как шахтер из Новой Виргинии. Ленин — это законченный тип нового человека, он являлся для нас прообразом будущего».

« НЕ МОГУТ ЗАПРЕТИТЬ МНЕ ДУМАТЬ »

Обратимся к документам, воспоминаниям, достоверным фактам. Вот воспоминания Лидии Александровны Фотиевой:

¹ Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988. С. 420.

«Постепенно время для диктовки Владимира Ильича было увеличено до 20 минут в день, а затем до 40 минут в два приема, утром и вечером.

Случалось, что Владимир Ильич переступал и эти границы, продолжая диктовать начатую статью. Фактически Владимир Ильич работал значительно больше положенного ему времени.

Во время диктовки он иногда прочитывал продиктованное им раньше и переписанное на машинке...

Можно с уверенностью сказать, что многие часы днем и в бессонные ночи Владимир Ильич думал о том, что он считал необходимым безотлагательно сказать партии и что ему приходилось втискивать в тесные рамки времени, отведенного для диктовки врачами.

Необходимость диктовать, а не писать самому, несомненно, сильно затрудняла Владимира Ильича. Он и до болезни не любил диктовать. Владимир Ильич говорил, что привык видеть перед глазами написанный текст и отсутствие этого условия при диктовке затрудняет его. Его стесняло, что в те минуты, когда он, продиктовав фразу, он останавливался, обдумывая дальнейшее, стенографистка бездействовала, ожидая продолжения.

Пытаясь приучить себя к диктовке, Владимир Ильич просил, чтобы стенографистка имела при себе какую-либо книгу для чтения в перерывах».

Вспоминает Мария Игнатьева Гляссер:

«И раньше всегда характерным для Владимира Ильича было стремление как бы все ускорять темп своей работы, как будто он боялся, что не успеет переделать все то, что себе наметил. За период же своей последней работы — с декабря 1922 года по март 1923 года, имея в своем распоряжении лишь по полчаса ежедневно, редко — больше, а иногда и меньше, он страшно торопился успеть сказать и сделать все, что нужно. По мере же того как, хотя бы немного, улучшалось его состояние, — возвращалась его прежняя энергия и инициатива, и оставаться в рамках «спокойно выздоравливающего больного» он явно не мог. А это, в свою очередь, вызывало ухудшение».

Снова записи Володичевой:

«За весь этот период, с конца декабря 1922 года до начала марта 1923 года, когда болезнь положила конец работе Владимира Ильича, он никогда не давал почувствовать, что он болен. Это был тот же Владимир Ильич, которого все мы знали, Владимир Ильич, глаза которого так зорко и неустанно смотрели далеко вперед, мысль которого работала так глубоко и сердце которого билось для трудящихся. Так ярко было обаяние силы его духа, что то, что он лежал, диктовал, а не работал, как обычно у себя в кабинете, — это казалось временным, незначительным препятствием, с которым, думалось, несомненно, Владимир Ильич скоро справится, потому что трудности были созданы не для того, чтобы Владимир Ильич не мог их преодолеть».

Вот так диктовал Ленин свои последние работы. С конца декабря 1922 и по март 1923 г. Однажды он сказал шутливо стенографистке: «Мы с вами уже две зимы пишем».

Обстановка... Что сказать о ней? Много не скажешь. Все тот же строгий режим врачей. Все тот же неусыпный и жесткий контроль нового генсека, который со свойственной ему холодной волей и железной логикой, лишенной всяких сантиментов, выполнял предписание Политбюро: переписка запрещается, свидания запрещаются, ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни. Вот запись Фотиевой: «...29 января, Сталин звонил, что материалы без Политбюро дать не может. Спрашивал, не говорю ли я Владимиру Ильичу чего-нибудь лишнего, откуда он в курсе текущих дел?»

Мария Ильинична Ульянова вспоминала:

«Когда Владимир Ильич был уже болен и врачи старались всячески ограничить его работу, а мы пытались убедить его в необходимости меньше работать, он как-то на мои уговоры сказал мне: «У меня ничего другого нет». *«Ничего другого нет»*, и это была сущая правда. Он был весь в революции, в революционной работе и без этой работы чувствовал себя, как рыба, выброшенная на берег. И еще позднее, когда Ильич не мог уже вставать, врачи, видя его тяжелое состояние духа, решили сделать ему некоторое послабление и предложили свидания с товарищами, но с условием, чтобы он не говорил с ними о политике. Но Владимир Ильич наотрез отказался. «Какие чудачки,— говорил он нам, когда врачи ушли,— они думают, что политические деятели, встретившись после долгой разлуки, могут говорить о чем-либо другом, кроме политики». И еще позднее, когда он захотел диктовать свои записки, свои последние статьи и врачи было воспротивились этому, Владимир Ильич заявил, что, если ему откажут в этом, он вообще не будет лечиться».

И совсем короткая выдержка из воспоминаний Крупской: «Ильич часто говорил мне: «Ведь они же (и я сам) не могут запретить мне думать».

Да, Ленин оставался все таким же — волевым, часто улыбающимся, близким к запросам, нуждам, настроениям людей. Теперь его можно было бы назвать «кремлевским затворником». Но он был рад каждому новому человеку и сразу же вступал с ним в беседу.

Он никогда никому не жаловался. Только иногда сожалел, что не может сделать все, что задумал.

1 февраля 1923 г. Фотиева записывает в Дневнике дежурных секретарей:

«Владимир Ильич сказал: «Если бы я был на свободе (сначала оговорился, а потом повторил, смеясь: если бы был на свободе), то я легко бы все это сделал сам».

Да еще в разговоре с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной признался полушутя-полугрустя: «В 1917 году я отдохнул в шалаше у Сестрорецка благодаря белогвардейским

прапорщикам; в 1918 году — по милости выстрела Каплан. А вот потом — случая такого не было...»

Этот разговор произошел в начале марта 1923 г. Несколько дней спустя после диктовки последней работы — «Лучше меньше, да лучше». У Ленина были новые замыслы, новые мечты. Да не сбылось...

МЕЩАНАМ И НЕ СНИТСЯ

Теперь вам ясно, где и как, в каких условиях диктовал Владимир Ильич свои последние работы, куда был направлен его взгляд, какие «небо» и «землю» он видел, о чем мечтал? Это ведь очень важно при конкретном анализе политического за-вещания, его составных частей. Есть общее, что их объединяет. Это — позиция революционера, позиция диалектика-мыслителя. Это прежде всего — озабоченность всесторонним развитием социалистических отношений, углублением их гуманистической направленности, их демократизма. И здесь все тот же ленинский взгляд на разные стороны жизни, но диалектикой жизни тесно связанные, туго переплетенные. Поэтому мы не будем подробно раскрывать содержание всех работ, перечислять все проблемы, которые там ставятся. Мы лишь проследим за тем, куда был направлен ленинский взгляд. Проследим позицию Ленина по основным вопросам. Причем позицию не созерцателя, не утописта, не реформиста, а именно борца. Готового самому ввязаться в бой и повести за собой других. Готового самому взяться за работу и убедить в необходимости этой работы других. Готового самому создавать условия для успешного завершения дела. Готового завоевать эти условия.

В работе «О нашей революции» есть такое место:

«Для создания социализма, говорите вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму?»¹

В этом суть. Почему Ленин пришел к этой мысли? Почему он убежден в ней? А вот читайте:

«И никому не приходит в голову спросить себя: а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистическую войну, не мог ли он, под влиянием безвыходности своего положения, броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации?»²

Да, такое изменение порядка развития вызывает невероятные трудности и политического, и социального, и культурного характе-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 381.

² Там же С. 380

ра. Ленин, как революционный диалектик, предвидел, понимал это, видел трудности. Рассматривая объективные возможности, которые имелись в России, он делает вывод, что мы располагаем всем необходимым для построения социалистического общества. Гарантией решения этой всемирно-исторической задачи Ленин считает укрепление союза рабочего класса с трудовым крестьянством, вовлечение его в дело строительства социализма.

Ленин и здесь остается верен себе. Ленин и здесь, полемизируя с меньшевиком Сухановым, с мелкобуржуазными демократами, с трусливыми реформистами, опирается в своей полемике, в своем споре на народ, на его устремления, на его чаяния.

Суханов — это псевдоним меньшевика Н. Н. Гиммера. Он написал «Записки о революции», изданные в 1922 г. Все книжные новинки попадали к Ленину. В Дневнике дежурных секретарей 24 декабря 1922 г. помечено: «Владимиру Ильичу взяли Суханова «Записки о революции», тома III и IV». А 29 декабря отмечается: «Врачи разрешили читать. Владимир Ильич читает Суханова «Записки о революции» (III и IV тома)». Ленин прочитал эти тома и начал диктовать 16 января 1923 г., а 17 января продолжил. Статья была передана Надеждой Константиновной Крупской в редакцию «Правды». И была напечатана в газете 30 мая 1923 г.

Это была не просто рецензия на книгу Суханова. Это — ленинский взгляд на революцию, на теорию марксизма. Надеюсь, что читатели изучат эту работу Ленина, подумают, поразмышляют, сделают для себя выводы. Просил бы обратить при этом особое внимание на два ленинских положения. Прочитую их

Обращаясь к лидерам II Интернационала, Ленин говорит: «Они все называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики»¹.

Далее Ленин приводит по-французски изречение Наполеона. И продолжает:

«В вольном русском переводе это значит: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет». Вот мы и ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидели такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир или нэп и т. п.».

Но Ленин бросает взгляд еще дальше. Читаем следующий абзац:

«Нашим Сухановым, не говоря уже о правее их стоящих социал-демократах, и не снится, что иначе вообще не могут делаться революции. Нашим европейским мещанам и не снится, что дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить им, несомненно, больше своеобразия, чем русская революция»².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45 С. 378.

² Там же. С. 381.

Анализ международного положения, соотношения сил на мировой арене позволил Ленину нарисовать перспективу мировой истории, показать те силы, которые смогут изменить соотношение сил в пользу социализма.

Ленин говорит, что путь развития будет иной, чем это было до Октябрьской революции. Раньше все взоры были обращены на Запад. Ленин бросает свой взгляд на Восток. Ленин последовательно раскрывает огромный революционный потенциал, который имелся у народов Востока. Они втянулись в такое развитие, отмечает Ленин, которое не может не привести к кризису всего всемирного капитализма.

Вот этот вывод Ленина: «Исход борьбы зависит, в конечном счете, от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена»¹. Эта цитата уже из другой работы — «Лучше меньше, да лучше». Это еще раз подтверждает, что работа «О нашей революции» является ключевой для всего комплекса последних статей и писем Владимира Ильича, что мысли Ленина, заложенные в ней, развиваются, детализируются, обогащаются, обретают плоть и кровь в других работах, составляющих политическое завещание Ленина.

«НАДО ВОВРЕМЯ ВЗЯТЬСЯ ЗА УМ»

Ленин вел непримиримую борьбу против отчуждения рабочего человека от власти, от государственного аппарата, равно как и государственного аппарата от рабочего человека. В этом смысл трех работ Ленина: «О придании законодательных функций Госплану», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше». Следует заметить, что некоторые ученые-историки и публицисты пытаются свести смысл этих ленинских работ лишь к реформе госаппарата, лишь к конкретным пожеланиям улучшить его, избавить от косности, бюрократизма, волокиты, бесхозяйственности, расхлябанности, неаккуратности и тому подобного. Да, действительно Ленин придавал большое значение борьбе с этими недостатками. В многочисленных записках, письмах, статьях, речах, в своих последних работах Ленин сурово критиковал невзирая на лица, невзирая на дружеские отношения, тех «сановников, особенно из коммунистов», которые больше всего должны были бы действительно бороться с бюрократизмом и волокитой, «действительно добиваться немедленного улучшения положения и облегчения судьбы тех несчастных граждан, кои вынуждены

¹ Ленин В. И. Полн собр соч. Т. 45 С. 404.

иметь дела с нашим никуда не годным советским аппаратом»¹. Подобные цитаты из Собрания сочинений Ленина мы в прошлом слышали не раз. В течение десятков лет они кочевали из доклада в доклад. Цитаты оскомины набили. Аппарат же оставался прежним — громоздким, неуправляемым, бюрократическим. Разве в связи с этим не актуально звучала в не столь отдаленные времена застоя и волюнтаризма мысль Ленина:

«Мы уже пять лет суетимся над улучшением нашего госаппарата, но это именно только суетня, которая за пять лет доказала лишь свою непригодность или даже свою бесполезность, или даже свою вредность. Как суетня, она давала нам видимость работы, на самом деле засоряя наши учреждения и наши мозги»².

Ленин ведет речь не об абстрактном аппарате, а о государственном аппарате — подчеркиваю — социалистического государства. Государства, в котором власть принадлежит трудящимся. Вот в чем смысл этих трех ленинских работ.

Каков же способ коренного обновления аппарата? И на этот вопрос отвечает Ленин:

«Для этого нужно, чтобы действительно лучшее, что есть в нашем социальном строе, с наибольшей осторожностью, обдуманностью, осведомленностью было прилагаяемо к созданию нового наркомата»³.

Как видите, и здесь Ленин в своих замыслах опирается на народные массы, на передовых рабочих, во-первых, и, во-вторых, на «элементы,— как говорил Ленин,— действительно просвещенные, за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести...»⁴. Как видите, и здесь Ленин обращается к глубочайшему, светлейшему, родниковому источнику Советской власти.

Теперь о создании нового объединенного органа ЦКК — РКИ. По замыслу Ленина, это было одной из форм для осуществления контроля, проверки исполнения, для участия широких масс трудящихся в государственной работе, в решении важных вопросов хозяйственной, социальной, политической жизни. Ленинский взгляд был направлен на *действительное участие действительных масс*.

Дело, разумеется, не в самой форме. Дело в сути. А суть была такова: «Научить массу управлению, не книжному, не лекциями, не митингами, научить опытом, сделать так, чтобы на место того передового слоя, который пролетариат дал из своей среды... пришло десять таких же»⁵. Эту задачу Ленин сформулировал еще на VII съезде партии в докладе о пересмотре программы и изменении названия партии. К этой идее он возвращался не раз. Например, в статье «Как организовать соревнование?» Ленин писал: «Учет и контроль, которые необходимы для перехода к социализ-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 155.

² Там же С. 392.

³ Там же. С. 391.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Т. 37. С. 451.

му, могут быть только массовыми. Только добровольное и добросовестное, с революционным энтузиазмом производимое, сотрудничество *массы* рабочих и крестьян в учете и контроле за *богатыми, за жуликами, за тунеядцами, за хулиганами* может победить эти пережитки проклятого капиталистического общества...»¹

Именно в вовлечении масс в управление Ленин видел как раз действенное средство улучшения всей работы советского государственного аппарата, испытанный способ борьбы с бюрократизмом, косностью, чванством, чинопочтением. Недаром Ленин называл вовлечение трудящихся в повседневную работу управления «чудесным средством», которое удешевляет силу государства и которым никогда ни одно буржуазное государство не располагало и располагать не может.

После Октябрьской революции это был второй аналогичный шаг не формального, а действительного расширения подлинного народовластия. И это привлечение народных масс, по замыслу Ленина, касалось всех эшелонов власти, всех государственных и партийных органов.

Вернемся к работе Ленина «Письмо к съезду». Вот первая фраза этого документа: «Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе».

Вот в чем состоял главный замысел Ленина. Речь шла, по сути дела, о глубокой демократизации власти.

Записи Ленина «О придании законодательных функций Госплану» рассматривались на заседании Политбюро. Политбюро не разрешило их печатать, так как там даются личные характеристики Кржижановскому и Пятакову.

До публикации статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин» в Центральном Комитете партии высказывались соображения о том, что, может быть, напечатать эту статью в номере газеты с тиражом... в одном экземпляре — специально для Владимира Ильича, чтобы, дескать, не волновать, успокоить его. Но Ленин все же настоял на своем. И статья появилась в «Правде».

Но вскоре после ее публикации во все губкомы партии было направлено письмо Политбюро и Оргбюро. В этом циркуляре Политбюро и Оргбюро считали необходимым довести до сведения губкомов те обстоятельства, при каких написана статья. То есть имелось в виду болезненное состояние Владимира Ильича. В этом письме сообщалось, что Ленину из-за переутомления не разрешено читать газеты; что он не принимает участия в заседаниях Политбюро и ему не посылают протоколы; что врачи сочли возможным ввиду невыносимости для него полной умственной бездеятельности вести нечто вроде дневника, куда он заносит свои мысли по разным вопросам; что отдельные части этого дневника по указанию и настоянию самого Владимира Ильича появляются на страницах печати. Таким образом, недвусмысленно давалось знать, как следует относиться к этим ленинским работам.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 200

Подписали это письмо Андреев, Бухарин, Дзержинский, Калинин, Каменев, Куйбышев, Молотов, Рыков, Сталин, Томский, Троцкий 27 января 1923 г.

На 569-й странице Биографической хроники Владимира Ильича Ленина написано:

«Позднее 25 января.

Ленин, прослушав рассказ Н. К. Крупской о беседе с В. Н. Каюровым и К. Орловым, которые зашли справиться о здоровье Владимира Ильича, выражает сожаление, что она не спросила, читали ли они его статью «Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложения XII съезду партии)», понятна ли она рабочим, своевременна ли и чего в ней не хватает.

По поручению Ленина на следующий день Крупская вновь беседует с Каюровым и Орловым, которые сообщают, что идея статьи Ленина им понятна. «Это то самое, чего передовые рабочие так долго добивались...» — говорят они».

«НЕЛЬЗЯ НАЖИМАТЬ»

В работе Ленина «О кооперации» речь идет не о создании каких-либо отдельных кооперативов. Взгляд Ленина и здесь куда пристальнее, куда глубже. Ленина волновал вопрос, как привлечь огромные массы крестьянства к строительству социализма. Для многих специалистов этот вопрос был камнем преткновения. Считалось, что для перехода общества к социализму необходимо достичь пролетарского большинства населения страны. А как быть в России? Ведь революция победила в стране, население которой в своей преобладающей массе мелкобуржуазное, крестьянское... Крестьянин же, как известно, по своей природе и труженик, и собственник. Как же увязать эту вторую сторону его сущности — собственник — с возможностью участия в строительстве социалистического общества? И Ленин нашел выход. Ленин-диалектик нашел такой метод, такие средства, которые позволяли всякому мелкому крестьянину участвовать в социалистическом созидании. Вот этот метод и есть кооперация. Он идет от жизни. Все та же проблема «неба» и «земли», о которой мы уже говорили. Кооперация открывала переход к новым — социалистическим — порядкам «путем возможно более *простым, легким и доступным для крестьянина*».

«Одно дело,— говорит Ленин,— фантазировать насчет всяких рабочих объединений для построения социализма, другое дело научиться практически строить этот социализм так, чтобы *всякий* мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении».

Поэтому Ленин ставит задачу всемерной поддержки кооперации:

«Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 370, 371.

Ленин предостерегал, что поспешность внедрения коммунистических идей и отношений в деревне может принести только вред. Добровольность и постепенность в движении деревни от низших к высшим формам кооперации, от сбытовых, снабженческих, кредитных — к наиболее высоким формам производственного кооперирования. Таковы, по мнению Ленина, пути движения к коммунизму.

«Никоим образом нельзя понимать... будто мы должны нести сразу чисто и узкокоммунистические идеи в деревню. До тех пор, пока у нас в деревне нет материальной основы для коммунизма, до тех пор это будет, можно сказать, вредно, это будет, можно сказать, губельно для коммунизма.

...Начать следует с того, чтобы установить общение между городом и деревней, отнюдь не задаваясь предвзятой целью внедрить в деревню коммунизм. Такая цель не может быть сейчас достигнута. Такая цель несвоевременна. Постановка такой цели принесет вред делу вместо пользы»¹.

Ленин очень осторожен в отношении сроков. Он не называет конкретных дат. По этому поводу Владимир Ильич говорил так:

«Политика кооперативная, в случае успеха, даст нам подъем мелкого хозяйства и облегчение его перехода, в неопределенный срок, к крупному производству на началах добровольного объединения»².

Лишь однажды Ленин назвал примерный срок, но и то со значительной амплитудой — десять — двадцать лет нормальных отношений.

Ленин не сводил проблему только к объединению сельскохозяйственных тружеников. Ленин смотрел шире. Он ставил вопрос о таком виде «предприятий, которые раньше не имели самостоятельности с точки зрения принципиального значения, именно: о предприятиях кооперативных...».

«При нашем существующем строе,— говорил Ленин,— предприятия кооперативные отличаются от предприятий частнокапиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу»³.

Эта же ленинская мысль, как видим, легла в основу недавно опубликованного проекта Закона «О кооперации в СССР». Кооперативы могут создаваться в сельском хозяйстве, в промышленности, строительстве, на транспорте, в торговле и общественном питании, в сфере платных услуг и других отраслях производства и социально-культурной жизни.

Статья была передана Крупской в ЦК в мае 1923 г. Политбюро 24 мая приняло решение о необходимости быстрее напечатать

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 367.

² Там же. Т. 43. С. 227.

³ Там же. Т. 45. С. 374—375.

ния статьи. 26—27 мая она была напечатана в «Правде». Ленинские идеи о кооперировании крестьянства легли в основу резолюций XIII съезда РКП(б) «О кооперации» и «О работе в деревне». В последней указывалось, что кооперирование мелкого производителя должно сыграть «гигантскую роль в деле строительства социализма».

Так что с публикацией и с принятием решения вроде было все в порядке. А вот с выполнением этого решения получилось далеко не все ладно. И в специальной литературе, и в публицистике неоднократно, с цифрами и фактами, убедительно показано: в 20-е годы кооперация развивалась весьма успешно, но затем она начала хиреть. Ее роль либо практически отрицалась, либо — в лучшем случае — низводилась до второстепенной. Даже такая форма кооперирования сельских тружеников, как колхоз, со временем лишилась кооперативной сущности. Сейчас, как известно, мы возвращаемся к ленинским принципам, к ленинскому взгляду на кооперацию. Разумеется, в новых условиях.

«СУГУБАЯ ОСТОРОЖНОСТЬ»

В процессе подготовки объединения советских республик комиссией ЦК был принят проект, разработанный Сталиным. Этот проект предусматривал вхождение национальных советских республик в Российскую Федерацию на правах автономных республик. После вмешательства Ленина, который выступил против идеи об «автономизации» самостоятельных национальных советских республик, процесс их объединения был осуществлен на принципиально иных основах. По предложению Ленина создавался Союз Советских Социалистических Республик.

Ленин внимательно следил за процессом строительства союзного государства. Особенно беспокоило его, насколько последовательно будут соблюдаться при этом принципы пролетарского интернационализма.

Основания для тревоги были. Они заключались в отношении Сталина к созданию союзного государства. Сталин совершенно неправильно отнесся к ленинской критике по его адресу и, самое главное, к предложению Ленина об объединении советских республик на основе равноправия и сохранения их суверенитета. В письме членам Политбюро от 27 сентября 1922 г. Сталин, не уяснив интернационалистской сущности создания СССР, расценил позицию Ленина как «национальный либерализм». Но, понимая, что ЦК партии поддержит Ленина, Сталин не решился настаивать на своей точке зрения и переработал резолюцию комиссии Оргбюро ЦК в соответствии со всеми предложениями Ленина. Новый проект за подписями Сталина, Орджоникидзе, Мясникова и Молотова был разослан членам и кандидатам в члены ЦК. Однако в вводной части к проекту умалчивалось, что он был переделан на основании принципиальных положений Ленина. Кроме того, в проекте смазывалась коренная разница между проектом «автономи-

зации» и ленинским проектом образования союза социалистических республик. Утверждалось, что новая резолюция представляет собой лишь «несколько измененную, более точную формулировку» резолюции комиссии Оргбюро ЦК, которая (цитирую) «в основе правильная и безусловно приемлемая».

Здесь дело не в формулировках. Суть в отношении к архитектоническому, архишпетильному вопросу. Как к нему подходить? Вытравлять каленым железом, давить гидру национализма?.. Или подходить к национальному вопросу сугубо осторожно, сугубо предупредительно? В связи с этим просто необходимо продолжить ленинскую мысль насчет сугубой осторожности. Ленин говорит:

«Тот грузин, который пренебрежительно относится к этой стороне дела, пренебрежительно швыряется обвинением в «социал-национализме» (тогда как он сам является настоящим и истинным не только «социал-националом», но и грубым великорусским держимордой), тот грузин, в сущности, нарушает интересы пролетарской классовой солидарности, потому что ничто так не задерживает развития и упроченности пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость, и ни к чему так не чутки «обиженные» националы, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства, хотя бы даже по небрежности, хотя бы даже в виде шутки, к нарушению этого равенства своими товарищами пролетариями»¹.

Конфликт возник между ЦК Компартии Грузии и Закавказским краевым комитетом партии. В конце 1921 г. Мдивани и другие руководители Компартии Грузии выступили против вхождения в Закавказскую федерацию. Ленин тогда критиковал их за это. Пленум ЦК РКП(б) в октябре 1922 г. признал необходимым создание Закавказской федерации. Тем не менее ЦК Компартии Грузии настаивает на самостоятельном вхождении в Союз ССР, минуя Закавказскую федерацию. Ленин снова поправляет Мдивани.

Затем ЦК Компартии Грузии выступил против проекта Сталина об «автономизации», приняв на своем заседании решение: «объединение в форме автономизации независимых республик считать преждевременным». Эту позицию поддержал Ленин.

Некоторые исследователи этого вопроса делают попытку доказать, что Ленин, дескать, хотя и был против группы Мдивани, но поддержал ее, так как считал, что «лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить»². Эти слова действительно принадлежат Ленину, но они никоим образом не применимы к оценке его отношения к группе Мдивани осенью и зимой 1922/23 г. Делать такие выводы — значит не понимать смысла и духа ленинской статьи — этого решительного и бескомпромиссного боя с великодержавным шовинизмом, за последовательное проведение принципов интернационализма. Именно этим объясняется поддержка группы Мдивани,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 360.

² Там же

выступившей с критикой Заккрайкома и его руководителя Орджоникидзе, в вопросе об автономизации. В этой политической дискуссии Орджоникидзе, справедливо выступая против проявлений национализма, не проявил должной выдержки. Ведь дело дошло до того, что Орджоникидзе, будучи оскорблен одним из участников этой группы, ударил его. Вот как расценивает этот проступок Ленин:

«Орджоникидзе был властью по отношению ко всем остальным гражданам на Кавказе. Орджоникидзе не имел права на ту раздражаемость, на которую он и Дзержинский ссылались». И далее Ленин предлагает: «...нужно примерно наказать тов. Орджоникидзе (говоря это с тем большим сожалением, что лично принадлежу к числу его друзей и работал с ним за границей в эмиграции), а также доследовать или расследовать вновь все материалы комиссии Дзержинского на предмет исправления той громадной массы неправильностей и пристрастных суждений, которые там несомненно имеются»¹.

25 ноября 1922 г. Политбюро своим решением направило в Грузию комиссию во главе с Дзержинским. Ленина очень беспокоил «грузинский вопрос», и он, как это видно из Дневника дежурных секретарей, с нетерпением ждал возвращения Дзержинского. 12 декабря тот вернулся в Москву и сразу же имел продолжительную беседу с Владимиром Ильичем. Из этой беседы Ленин сделал предположение, что комиссия Дзержинского не проявила должного беспристрастия в расследовании «грузинского конфликта». Все эти сведения взяты из примечания к работе «К вопросу о национальностях или об «автономизации» в сорок пятом томе Полного собрания сочинений Ленина. Жаль только, что в этом примечании сквозит мысль, что группа Мдивани всегда была не права и Ленин всегда выступал против нее. Это не так. Приведу только письмо Ленина (кстати, его последнее письмо), которое он направил Мдивани и Махарадзе:

«Уважаемые товарищи!

Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь.

С уважением *Ленин*.

6-го марта 23 г.»².

Записку и речь Ленин подготовить не сумел. Помешало резкое ухудшение здоровья. Но письмо все же, как видим, продиктовать успел. Последнее, повторяю, письмо, которое он продиктовал в своей жизни.

Этот эпизод и имел в виду Сталин, когда спустя три года говорил на заседании VII расширенного пленума Исполкома Коминтерна: «Ленин не знал и не мог знать этих фактов, так как он болел,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 358, 361.

² Там же. Т. 54. С. 330.

лежал в постели и не имел возможности следить за событиями». Далее Сталин называет этот инцидент «незначительным»¹.

Как видно из всего предыдущего, Ленин внимательно следил за событиями, знал все подробности этого эпизода. Более того, ему пришлось, как это ни тяжело, как ни горько, извиняться за грубость и нетактичность товарищей по партии, которых он уважал, с которыми многие годы дружил. Да, ему было очень тяжело, но не потому, что он болел, а потому, что он вынужден был это сделать. Это был его долг. Долг пролетарского интернационалиста.

И нельзя никоим образом сводить содержание статьи «К вопросу о национальностях или об «автономизации» к «незначительному инциденту». Статья Ленина была направлена на укрепление союза социалистических республик, на строжайшее соблюдение принципов интернационализма.

5 марта 1923 г. наступило резкое обострение болезни.

16 апреля 1923 г. Фотиева направила статью Ленина в Политбюро. На XII съезде РКП(б) эти записи, как и «Письмо к съезду», были оглашены по делегациям, но в печать не попали. Лишь спустя тридцать три года статья появилась в журнале «Коммунист». Тридцать три года понадобилось для того, чтобы читатели прочитали: «Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого «социал-национализма». Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль»².

Остается только добавить, что Ленин был решительным, принципиальным противником национализма — во всех его формах, во всех его проявлениях. Но Ленин тонко улавливал ту малозаметную грань, которая отделяет национальное самосознание от национализма. Ленин поддерживал национальное самосознание и решительно выступал против национализма. И так же решительно действовал, когда национальное самосознание переходило в национализм. Именно в этом — ленинская диалектика в отношении к национальному вопросу. Именно этой диалектике мы и должны учиться. Потому что корни национализма весьма и весьма живучи.

«ВО СТО КРАТ БЫСТРЕЕ»

Под «культурничеством» Ленин понимал повышение политической культуры, производственной культуры, грамотности, культуры демократии, культуры управления. Очень широкий спектр понятий вкладывал в это слово Ленин. Причем это понятие он разрабатывает во многих своих работах, в том числе и последних.

Культурному строительству вот в таком широком понимании посвящена работа «Странички из дневника».

Ленин считал, что культура должна пронизывать все стороны

¹ Сталин И. В. Соч Т 9. С. 66.

² Ленин В. И. Полн собр соч Т. 45. С 357.

жизни. И тогда «мы начнем наверняка двигаться во сто крат быстрее»¹.

Ленин был уверен в том, что молодая Советская страна вырвется из бескультурья. Откуда бралась такая уверенность? Ведь в России 319 человек из тысячи были неграмотны в 1920 г., то есть треть населения...

Ленин прямо отвечает на этот вопрос:

«...Нигде народные массы не заинтересованы так настоящей культурой, как у нас»;

«нигде вопросы этой культуры не ставятся так глубоко и так последовательно, как у нас»;

«нигде, ни в одной стране, государственная власть не находится в руках рабочего класса, который в массе своей прекрасно понимает недостатки своей, не скажу культурности, а скажу грамотности; нигде он не готов приносить и не приносит таких жертв для улучшения своего положения в этом отношении, как у нас»².

Вот в чем уверенность Ленина.

* * *

Учиться демократии по Ленину. И здесь политическое завещание Ленина окажет нам неоценимую помощь. Ведь это самый надежный ключ к разрешению многих проблем, которые волнуют сегодня советское общество.

Ю. С. Борисов

ЭТИ ТРУДНЫЕ 20—30-е ГОДЫ

1. НЭП: РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ДЕМОКРАТИИ (1921—1927 гг.)

С о ц и а л и з м и г у м а н и з м. В последнее время в публицистике получил распространение тезис о том, что понятие социализма является функцией времени. Он верен в том смысле, что представления о социалистическом обществе развиваются. Но это не значит, что понятие социализма не имеет устойчивых критериев, независимых от времени.

Социализм как идеал, как теория и как реальный общественный строй имеет гуманистическую природу. Ею определяется уровень развития социализма. В полной мере осознать это нам помогло новое мышление, которое диктует не только предстоящие задачи, но и потребность переосмысления всей истории советского общества. Наиболее сложным и актуальным это стало сегодня применительно к истории 20—30-х годов.

Этот этап состоит из двух периодов — годы нэпа, когда партия руководствовалась ленинскими, гуманистическими принципа-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45 С. 368.

² Там же. С. 364—365

ми, и последующие годы, когда Сталин и его окружение от этих принципов отказались.

20-е годы, особенно первая их половина, привели к возникновению первых ростков нового политического мышления, хотя сам термин родился в наше время. Но именно 20-е годы на практике дали сочетание новой экономической политики, демократизации, плюрализма с успехами мирного сосуществования. Был открыт путь к ненасильственному миру и строительству социализма в СССР без социальных катастроф, на основе «гражданского мира». То и другое могло быть успешным лишь во взаимосвязи.

Такой подход дался партии тяжелым опытом: преодолением «военного коммунизма», исторически ставшего первой, во многом вынужденной формой командно-административной системы. Она привела тогда страну на грань катастрофы.

Создававшиеся в 1920 г. территориальные посевные комитеты должны были заставлять крестьян сеять в соответствии с «обязательными правилами», издаваемыми в губерниях под надзором Наркомата земледелия. При этом запасы семян у крестьян объявлялись неприкосновенным семенным фондом, которым владелец самостоятельно распоряжаться не мог. По сути, это была попытка почти полного огосударствления крестьянских хозяйств.

Этой «военнокоммунистической» утопии в определенной мере противоречил довольно робкий пункт о материальном стимулировании. Наиболее «старательных» крестьян имелось в виду премировать, например, предметами личного потребления, домашнего обихода.

Естественно, что в целом такая направленность политики лишь усугубляла положение деревни и продовольственную проблему в целом. Стало очевидным, что она не отвечала ни экономическим потребностям страны, ни расстановке классовых сил в борьбе за социализм, особенно при переходе от войны к миру.

«Внутренний политический кризис». Так публично и остро определил Ленин возникшую в феврале 1921 г. ситуацию в стране¹. Хотя причины ее лежали на поверхности, она была неожиданной для Советской власти, ибо явилась на фоне не поражений, а побед в гражданской войне. Крестьянство по мере изгнания белогвардейцев и интервентов избавлялось от опасений реставрации помещичьей собственности и все резче требовало полной реализации предоставленного ему революцией права распоряжаться землей и продукцией своего труда. Выражением этого чувства хозяина стала борьба против «военнокоммунистической» политики всевозможных «разверсток» сверху. Ленин впоследствии отмечал, что полное запрещение торговли в годы гражданской войны было вредным². В крестьянской среде получил поэтому широкое распространение лозунг «свободной торговли». Поскольку командная система объявляла его противоречащим сути социализма,

¹ См.. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 282.

² См. там же. Т. 43. С. 63.

им пользовались в своих политических целях мелкобуржуазные партии эсеров и меньшевиков. «Это было,— говорил Ленин,— в первый и, надеюсь, в последний раз в истории Советской России, когда большие массы крестьянства, не сознательно, а инстинктивно, по настроению были против нас»¹. Чтобы понять угрозу, достаточно сказать, что 77 процентов из 3,5 миллиона человек состава Красной Армии были крестьяне.

Ослабел союз рабочего класса и крестьянства. Недовольство проявлялось и среди рабочих, жизненный уровень которых снизился примерно в 3 раза. Рабочий класс уменьшился численно. Многие рабочие, чтобы прокормиться, уезжали в деревню, становясь кустарями. Шел, таким образом, процесс деклассирования рабочего класса, сужалась социальная база Советской власти.

Дело дошло до забастовок в городах и мятежей в деревне. Крестьянские восстания охватили часть Сибири, Украины, Тамбовскую губернию и ряд других районов.

В основе своей требования крестьянства были справедливы и указывали единственный путь к спасению Советского государства от экономического краха. Противоречивость ситуации состояла в том, что ею попыталась воспользоваться отступившая было контрреволюция, которая учла уроки своего поражения. Был подхвачен кадетский лозунг «Советы без коммунистов», выражавший общую тактику почти всех политических противников большевизма (кроме монархистов). Она была рассчитана на «передвижку» власти в руки любой буржуазной группировки не с помощью оскандалившейся интервенции, а путем взрыва советского строя изнутри. Назревала новая гражданская война. За рубежом сочли началом ее кронштадтский мятеж, показавший, что зерна конфликта проникли и в армию.

Приехавшему туда председателю ВЦИК М. И. Калинину не удалось унять страсти в гарнизоне. Мятежники захватили руководство крепостью. И здесь обнаружилась попытка контрреволюции погреть руки в огне конфликта внутри советского общества. Характерно, что еще до этого в печати ряда стран появились статьи о «восстании Балтийского флота против Советской власти». Такое «упреждение» событий обнаружило намерение антисоветских кругов за рубежом использовать любой повод для вмешательства во внутренние дела Советской страны. Зарубежная пресса сообщала, что белоэмигранты и их западные покровители начали снаряжать корабли. Ожидали лишь освобождения моря ото льда. При дальнейшем нагнетании страстей могла возникнуть угроза новой иностранной интервенции.

В Петрограде было введено осадное положение. Мятеж пришлось подавлять силой. Первый штурм оказался неудачным, в частности, потому, что красноармейцы некоторых частей отказывались идти в бой, ибо разделяли лозунги крестьянских восстаний и кронштадтских мятежников. Создавалась чрезвычайная

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45, С. 282.

ситуация. В подготовке второго штурма, закончившегося падением мятежной крепости, приняла участие большая группа делегатов только что открывшегося очередного X съезда партии (8—16 марта 1921 г.). Это были опытные военные и политработники. Командующим войсками был назначен талантливый полководец М. Н. Тухачевский.

На штурм крепости по льду Финского залива шли под огнем тяжелых орудий и пулеметов ветераны революции, видные работники партии — А. С. Бубнов, В. П. Затонский, Г. Л. Пятаков, М. Н. Рютин и молодые делегаты партийного съезда: Иван Конев — будущий Маршал Советского Союза, Иван Тевосян, ставший впоследствии крупным организатором социалистической промышленности. Осколки и пули не щадят бойцов. Тяжело ранен юный Александр Фадеев — будущий писатель, убит Герасим Фейгин — поэт, секретарь Иваново-Вознесенского губкома комсомола, погиб известный врач И. В. Русаков — член партии с 1904 г. От батальона, взявшего шестой форт, осталось в строю 18 человек. Большие жертвы были и среди мятежников. «Несчастливые кронштадтцы»¹, — говорил Ленин. Он учил отличать контрреволюционеров, боровшихся за реставрацию дореволюционных порядков, от обманутых контрреволюцией участников движений против деформаций социализма или устаревших методов политики. Ликвидация кронштадтского мятежа стала наглядным примером трагедии разобщения трудящихся командной системой.

Однако мятежи в стране продолжались. Вопрос «Что делать?» не был снят.

Стал необходим срочный пересмотр сложившихся в годы войны методов руководства обществом. Ленин напряженно думает об этом. Год спустя в рабочем блокноте он лаконично выразит проделанную им гигантскую работу мысли двумя фразами: «1921: экономический подход к крестьянству. *Поиски экономической политики*»². Но в партии еще не было четких реалистических представлений о необходимых переменах, хотя на протяжении нескольких месяцев (ноябрь 1920 г. — март 1921 г.) шла острая дискуссия. Но касалась она лишь одного из важных вопросов — роли профсоюзов в советском обществе. Фактически речь шла о методах партийного руководства народными массами в переходный период от капитализма к социализму.

Спектр предложений был велик. К партийному съезду было выдвинуто восемь проектов постановлений о профсоюзах (их называли платформами). Выборы делегатов съезда проходили на основе этих платформ.

В широкой, демократической дискуссии сталкивались взаимоисключающие планы: от передачи профсоюзам непосредственно управления экономикой (платформа А. Г. Шляпникова и других участников «рабочей оппозиции») до «огосударствления» проф-

¹ Драккина Е. Я. Воспоминания // Новый мир. 1987. № 11 С. 153.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45 С. 417.

союзов (объединенная платформа Л. Д. Троцкого, Н. И. Бухарина и других). Большинство поддержало «платформу десяти», под которой стояло десять фамилий и партийных псевдонимов, известных революционерам еще со времен подполья: В. Ленин, Г. Зиновьев, М. Томский, Я. Рудзутак, Л. Каменев, М. Калинин, А. Лозовский, Г. Петровский, Артем (Сергеев), И. Сталин. Здесь развивалась ленинская идея о профсоюзах как «школе коммунизма» — массовой общественной организации, призванной защищать социальные права трудящихся и вовлекать их в управление социалистическим обществом.

К весне 1921 г. партия и страна стояли накануне кардинальных решений долговременного значения. Глубокие перемены требовались во всех сферах общественной жизни, внутренней и внешней политики. Политический кризис показал неприемлемость полумер и косметического ремонта командно-административной системы управления обществом.

К р у т о й п о в о р о т. «Нэп». Это короткое слово быстро стало образом, которому суждено было навсегда остаться в памяти народа символом противоречивой, поучительной, хотя и очень короткой полосы в истории страны. А когда понятие «нэп» родилось, в нем было и энергичное «нет» недавнему прошлому, и созвучие с главным, чего тогда не доставало: «хлеб». Именно нэп, говорил Ленин, открывал путь к избавлению «от нашего нищенства, от беспрерывных голодовок...»¹.

Переход от «военного коммунизма» к новой экономической политике (нэп) был совершен резко, как бы прыжком от пропасти, куда толкали страну экономический и политический кризисы весны 1921 г. Необходимость поворота понимали как будто все, а вот его глубинную сущность — очень немногие. Так нередко бывает в моменты радикальных перемен. Но вскоре явственно обнаружились разные позиции, хотя все продолжали единодушно одобрять сам поворот.

Началом перехода к нэпу стал X съезд РКП(б) (март 1921 г.). В его повестке одним из самых важных оказался вопрос, внесенный в нее в отличие от других лишь на самом съезде: «О замене разверстки натуральным налогом». Выступил с этим докладом (как и с Политическим отчетом ЦК) В. И. Ленин.

Речь, казалось бы, шла о частных делах: отменялась разверстка, предусматривавшая безвозмездное изъятие у крестьян всех излишков сельскохозяйственной продукции сверх того, что минимально необходимо для потребления семьи. Вместо этого вводился натуральный налог, который, во-первых, был меньше разверстки и, во-вторых, объявлялся заранее (накануне посевной). Он не мог быть увеличен в течение года. Следовательно, все излишки продукции после выполнения налога оставались у крестьянина, получавшего материальный стимул для развития производства.

Подобные предложения выдвигались некоторыми руководителями партии и в 1918, и в 1920 гг. Но они не соединялись тогда с

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44 С. 312.

крестьянским лозунгом свободной торговли. Суть же нэповского хозяйственного механизма состояла именно в таком соединении.

Смысл нововведения, следовательно, далеко выходил за пределы ликвидации разверстки — этого стержня политики «военного коммунизма». Экономическая политика стала гарантировать крестьянину свободное развитие хозяйства. В этом заключался принцип продналога, *позволявший включить в строительство социализма подавляющее большинство трудящихся страны путем соединения личного интереса с общественным.*

Таким образом, вопрос о налоге представлял собой лишь часть проблемы. В самом деле, как мог крестьянин реализовать оставшуюся у него продукцию? Только путем торговли. И Ленин решительно заявил на съезде, что нужно перейти к «свободе оборота». Делегаты замерли, услышав эти слова. Еще бы! Некоторым они показались отказом от завоеванных позиций, ниспровержением основных понятий о социализме. Не понимая, что свертывание товарно-денежных отношений в условиях гражданской войны было вынужденным, они вспоминали, что немногим более года назад сам Ильич говорил по поводу эсеровского лозунга «свободы торговли», что «...на это мы не пойдем никогда, скорее ляжем все костями, чем сделаем в этом уступки»¹.

Но в том-то и состояло величие Ленина как теоретика и политика, что он не превратил в догму вывод, сделанный в иной конкретной ситуации.

Больше всего волновало делегатов неизбежное при восстановлении частной торговли в тех условиях оживление капитализма. Ведь ни государство, ни даже кооперация, которую тогда не принимали всерьез, еще не имели ни должного экономического механизма, ни опыта, ни товарных резервов, чтобы успешно соревноваться с массой частных торговцев, вышедших из подполья, как только позволила обстановка.

Этому наиболее острому вопросу Ленин отвел в своем докладе большое место: «...можно ли до известной степени восстановить свободу торговли, свободу капитализма для мелких земледельцев, не подрывая этим самым корней политической власти пролетариата?.. Можно, ибо вопрос — в мере»². И пояснил, что при сохранении командных высот экономики в руках государства свободная торговля поможет оживить хозяйство, получить продовольствие и сырье, необходимое для восстановления национализированной промышленности. Следовательно, подчеркнул Ленин, мы прибавим к своей политической власти экономическую силу.

Осторожность, умеренность, торговля, экономическое соревнование с частником... Как мало согласовывались эти понятия с только что отгремевшей; но еще живо стоявшей перед глазами эпохой гражданской войны.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 407.

² Там же. Т. 43. С. 62.

В сознании многих революционеров долго еще жило убеждение, что свойственная им самоотверженность в борьбе за социализм должна стать нормой поведения каждого. А того, кто не понимает этого, не грешно и принудить. Так возникало представление, будто самым простым и надежным средством организации труда является не «презренный» личный интерес, а всеобщая воинская дисциплина, которую поддерживает «товарищ маузер». Немало авторитетов того времени уверяли, что новое общество не построить «без установления такого режима, при котором каждый рабочий чувствует себя солдатом труда, который не может собою свободно располагать: если дан наряд перебросить его, он должен его выполнить, если он не выполнит, он будет дезертиром, которого качают». Эти установки Троцкого разделялись тогда многими, и никто еще не называл их «аракчеевщиной под красным флагом», как обоснованно говорили позже.

На X съезде партии Ленин еще считал, что допустить торговлю можно лишь в пределах местного хозяйственного оборота. Вскоре он уйдет дальше и в своих размышлениях, и в реальной политике. Но пока перед ним гора записок, на которые трудно ответить даже ему. Будучи убежденным, что нэп — *развивающаяся политика*, он подчеркивает, что ответы даст жизнь, коллективный опыт народа и партии.

Прямой полемики с Лениным по вопросу о замене разверстки налогом на съезде не было. Но степень отторжения установок «военного коммунизма» не была одинаковой у разных людей. Так, один из ближайших соратников Ленина, его заместитель в правительстве и нарком продовольствия, А. Д. Цюрупа утверждал, что кооперация по-прежнему должна быть непосредственно подчинена государству в лице Наркомпрода. Это, конечно, помешало бы ее развитию как самостоятельной хозяйственной организации масс, которая могла бы соревноваться на рынке и с государством, и с индивидуальным товаропроизводителем. Цюрупа считал конкуренцию угрозой социализму. Вскоре он убедился, что был неправ. Нэп, раскрепощавший хозяйственную инициативу трудящихся, вел к упрочению социальной основы советского строя — союза рабочего класса с крестьянством.

Т р у д н о с т и н а ч а л ь н о г о э т а п а . Осуществление новой экономической политики началось в чрезвычайно неблагоприятных условиях. Топливный кризис превращал города и поселки в скованные стужей, почти безжизненные нагромождения домов. Он обострял и транспортный кризис, вызванный полной изношенностью парка вагонов и паровозов. Поезда ходили редко, ползли медленно, без расписаний. На станциях скапливались огромные толпы голодных и полурасдетых людей. Все это усиливало продовольственный кризис.

Для борьбы с голодом были приняты чрезвычайные меры: помощь голодающим со стороны трудящихся других районов, организация широкой сети детских домов, мобилизация медицинского персонала против эпидемий, усиление милиции для борьбы

с преступностью. Использовались и международные, не очень еще разветвленные связи: поддержка международного пролетариата, содействие филантропических организаций, закупка зерна. Лишь благодаря сверхъестественным усилиям государства и народа удалось пережить это страшное время. 1922 год был урожайным. Деревня понемногу начала становиться на ноги.

Эволюция нэпа: возрождение торговли. Х о з р а с ч е т. Принятые X съездом партии решения о переходе к новой экономической политике дали эффект не сразу. И дело не только в трудностях, связанных с преодолением засухи, с голодом, но и с неполнотой самих решений, что потребовало нового переосмысления сущности социализма и путей движения к нему. Об этом писал Ленин в газете «Правда», анализируя путь, пройденный народом и партией после Октября и гражданской войны вплоть до перехода к нэпу. «Мы рассчитывали, поднятые волной энтузиазма, разбудившие народный энтузиазм сначала общеполитический, потом военный, мы рассчитывали осуществить непосредственно на этом энтузиазме столь же великие (как и общеполитические, как и военные) экономические задачи. Мы рассчитывали — или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета — непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку»¹. Долго еще и после перехода к нэпу в действиях людей, в политике сказывались представления «военного коммунизма». Такая половинчатость приводила к пробуксовке курса X съезда партии, создавала впечатление, что нэп является лишь маневром. Как констатировал Ленин, в партии в связи с нэпом на всех уровнях «...колебаний было немало, неуверенности было немало»².

Тщательный анализ этой противоречивой ситуации привел Ленину к мысли о необходимости дальнейшего развертывания новой экономической политики, торговли, а значит, и к фундаментальному выводу о необходимости использования товарно-денежных отношений для строительства социализма. Это было принципиальным шагом в развитии его собственных воззрений и теории научного коммунизма в целом. Ленин твердо обосновал вывод о том, что нэп — это «политика, подлежащая проведению всерьез и надолго»³, и пояснил: «Частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля»⁴. Нэп, следовательно, логически вел к полной легализации торговли и воссозданию охватывающего всю страну внутреннего рынка, без которого невозможно было никакое — а значит, и социалистическое — развитие экономики. С 1921 г. свободная торговля вновь стала выполнять органически присущую ей функцию

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44 С. 151.

² Там же. Т. 43. С. 354.

³ Там же. С. 340 (курсив мой — Ю. С.).

⁴ Там же Т. 44. С. 208

наглядного и беспристрастного «взвешивания» всех поступавших на рынок товаров по их ценности для потребителя.

Конечно, рынок сам по себе не мог выразить всего многообразия нужд в той или иной продукции. Поэтому государство вносило в его деятельность поправки своей политикой цен, призванной стимулировать производство трудоемких, но важных для общества (приоритетных) товаров. Переходя к нэпу, страна стала выходить из экономического кризиса. Постепенно ликвидировался дефицит, «подпольная торговля», «теневая экономика» и т. п.

Но маневрирование ценами с учетом конкретной хозяйственной ситуации было трудной наукой и требовало упорного обучения. Недаром овладение экономическими методами руководства Ленин сравнивал со школой. Особая роль здесь отводилась организации оптовой государственной торговли. Ленин писал, что Советское «...государство должно стать осторожным, рачительным, умелым «хозяином», исправным *оптовым купцом*, — иначе оно мелкокрестьянскую страну не может экономически поставить на ноги...»¹. Гибкое сочетание государственного плана с рынком открывало возможность совмещения интересов производителей и потребителей.

Нэп, таким образом, возрождал торговлю как соединительное, посредническое звено народного хозяйства, способствовавшее сопряжению всех его элементов в единый экономический комплекс.

Огромную роль в развитии нэпа и в последующей перспективе сыграло открытие *хозяйственного расчета* как политэкономического метода развития социалистических предприятий. Начавшееся с 1922 г. внедрение этого метода стало одним из важнейших, хотя и затянувшихся процессов в истории советской экономики.

Хозрасчет открывал путь к созданию *рациональной и строгой системы социалистического хозяйствования, дающей участникам производства только действительно заработанные ими деньги*. Такая система способствовала постепенному переходу предприятий к самоокупаемости, самофинансированию, а значит, и к самоуправлению. *Хозрасчет, таким образом, при последовательном его внедрении становился материальной основой социальной справедливости и совершенствования демократии.*

Все это создавало условия для трезвой переоценки многих принципиальных явлений.

Против огульной национализации Управление хозяйством. Долгое время социализм в экономике отождествлялся лишь с государственной собственностью на средства производства. Это, с одной стороны, привело к экономически нецелесообразному ее (и государственного аппарата) разбуханию, а с другой — породило недооценку и даже отрицание всего возможного многообразия форм социалистической собственности. В результате в 1920 г. в государственную собственность были переданы даже крохотные ремесленные мастерские. Государство совершенно не имело возможности их содержать.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 152.

Это приводило к падению производства, уничтожению производительных сил.

В декабре 1921 г. был принят декрет о денационализации этой части промышленности, а также ряда средних предприятий. Они были возвращены прежним владельцам. Была разрешена с 1921—1922 гг. и аренда средств производства (помещений и целых предприятий в торговле и промышленности, земли и техники — в сельском хозяйстве). Более трети всей массы промышленных заведений (преимущественно мелких и средних) было сдано в аренду. Из них более половины получили частные лица (в том числе бывшие владельцы). Часть предприятий (в основном пищевой промышленности) взяли в аренду кооперативы.

Определенный толчок был дан и привлечению иностранного капитала. Возникли концессии (аренда советских государственных предприятий зарубежными предпринимателями). Первая концессия была учреждена в 1921 г. Их количество было в дальнейшем невелико (в 1926—1927 гг. — 65 предприятий). Но в отличие от отечественного частного капитала концессии были крупными предприятиями и действовали в основном в капиталоемких отраслях тяжелой промышленности РСФСР и Грузии: в горной, горнозаводской, деревообрабатывающей и др.

Возникали и смешанные предприятия с участием средств Советского государства и иностранных фирм (например, советско-английское и советско-голландское объединения по эксплуатации лесных богатств северных районов страны).

Концессии и смешанные предприятия развития не получили, но оставили поучительный опыт.

В целом капиталистический сектор в промышленности был невелик — в 1923—1924 гг. около 20 процентов промышленных предприятий, в основном мелких. Производили они менее 5 процентов всей продукции.

Гораздо интенсивнее развивалась частная инициатива в розничной торговле (около 53 процентов товарооборота). Деревня же оставалась в основном мелкотоварной. Крестьяне-единоличники производили 98,5 процента продукции сельского хозяйства.

С переходом к нэпу начала возрождаться кооперация как разветвленная система самостоятельных хозяйственных организаций. До этого она была фактически огосударствлена, ее самоуправленческие начала ликвидированы. Кооперация угасала, превращаясь в подсобный аппарат Наркомпрода. Нэп открыл путь к оптимальному сочетанию личных и общественных интересов трудящихся. На этой основе ширилось добровольное кооперативное движение, развевталась деятельность промысловой, потребительской, сельскохозяйственной, кредитной и других видов кооперации. В промышленности к середине 20-х годов 18 процентов предприятий были кооперативными. Они производили 6 процентов всей промышленной продукции. Кооперация давала возможность частично устранить неблагоприятные для потребителя последствия монопольного положения государственных предприятий.

Поставленные в условия конкуренции, они должны были работать более эффективно. Такой переход в те годы начался, но не был проведен последовательно.

Стало очевидно, что существовавшие ранее сверхцентрализованные бюрократические главные управления (главки) по руководству отдельными отраслями тормозят новую экономическую политику. Современники имели основания горько шутить: «Вместо соли — Главсоль, вместо стекла и спичек — Главстекло и Главспичка... хозяйственные нули числились хозяйственными единицами».

Вместо ликвидированных один за другим главков были созданы центральные и губернские тресты, которые позволили преодолеть бюрократический «главизм» военного времени. Они получили большую хозяйственную самостоятельность.

Для решения через рынок хозяйственных проблем (закупка сырья, сбыт продукции) тресты добровольно могли объединяться в синдикаты. Таким образом, государственная промышленность после перехода к нэпу совершила резкий поворот лицом к рынку. И все же он остался незавершенным, так как хозрасчет коснулся только объединений, а на положении входящих в них предприятий сказался гораздо меньше. Промышленные предприятия и их трудовые коллективы не получили той хозяйственной самостоятельности, которую дал деревне продналог.

К тому же тресты создавались преимущественно сверху и нередко представляли собой лишь слегка реорганизованные главки военного времени. Это вызывало вполне обоснованное возмущение, сопровождавшееся революционными, но порой поспешными предложениями. Ленин терпеливо доказывал, что метод кавалерийских атак не может стать правилом в общественной жизни. Получив, например, письмо молодого коммуниста М. Ф. Соколова, Владимир Ильич обратил внимание на такие слова: «Самодетельность масс *возможна* лишь тогда, когда мы *сотрем с лица* земли тот нарыв, который называется бюрократическими главками и центрами». Соглашаясь с тем, что бюрократизм тормозит развитие инициативы снизу, Ленин предупредил: наивно думать, будто его можно устранить хирургической операцией. «Борьба с бюрократизмом в крестьянской и архинищенной стране требует долгого времени, и надо эту борьбу вести настойчиво... «Главки» *сбросить*? Пустяки. Что вы поставите *вместо* них? Вы этого не знаете. Не *сбрасывать*, а чистить, лечить, лечить и чистить десять и сто раз. И не падать духом»¹. Да. Развитие революции преподнесло новую неожиданную проблему: тормозом социалистического строительства становилось бюрократическое окостенение собственного аппарата управления.

Преодоление консервативных сил. Переход от «военного коммунизма» к нэпу был настолько крут, что не мог не породить у многих людей противоречивые суждения. Когда на

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 194.

уездном Арзамасском съезде Советов заговорили о мире, наконец наступившем после трехлетней гражданской войны, а затем о концессиях, то один беспартийный крестьянин-делегат сказал: «Мы готовы еще три года голодать, холодать, нести повинности, только Россию-матушку на концессии не продавайте». Высокое чувство патриотизма соседствовало здесь с непониманием такого сложного и оправданного в то время явления, как концессии. Крестьяне прекрасно понимали смысл продналога. Другие же аспекты нэпа требовали разъяснений. Однако у нэпа были и принципиальные противники, в том числе в партии. Не разобравшись в сути новой политики, они утверждали, что она рушит завоевания Октября, реставрирует капитализм. Заявляя, что не могут поступиться принципами, они сеяли сомнения в нэпе. Это был воинствующий консерватизм, прикрываемый флагом революции, а на деле несший ее бюрократическое перерождение.

Ленину пришлось выдержать полемику с теми, кто заявлял, что критиковать командную экономику якобы «было вредным, потому что распространяло уныние и возбуждало подавленное настроение». Спустя годы подобные обвинители нашли для критики особое определение: «очернительство». Ленин дал ответ немедленно: а как же исправлять ошибки, если их не вскрывать? Коммунисты не имеют права делать вид, что ошибки их не касаются. «Вот это было бы вреднейшим унынием, совершенно отчаянным настроением и сделало бы невозможной всякую работу»¹.

Были среди противников новой экономической политики и такие, кто публично не возражал, но на деле саботировал ее. Ленин выводил их «на чистую воду»: «Когда я вам в глаза смотрю, вы все будто бы со мной согласны и говорите «да», а отвернусь — говорите «нет».

«Левацкий» консерватизм был средством самосохранения бюрократических кругов.

Обнаружились, таким образом, принципиальные разногласия в понимании задач партии и ее роли в условиях нэпа. Ленин доказывал, что коммунисты должны профессионально освоить экономические методы хозяйствования, чтобы грамотно строить и понимать политику. Но немало было и тех, кто считал, что партийность сама по себе дает право на руководство, которое в этом случае неизбежно отрывалось от жизни и опиралось преимущественно на административные рычаги. Ленин называл позицию подобных вельможных митрофанушек «комчванством».

Когда в ответ на свой призыв «Коммунисты должны научиться торговать!» Ленин услышал высокомерное: «В тюрьмах нас торговать не учили!» — он тут же парировал: «А воевать нас в тюрьмах учили? А государством управлять в тюрьмах учили?.. Многому, чему нас не учили в тюрьмах, мы оказались вынуждены учиться после революции...»² Именно с этой учебой, с освоением хозрасчета

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 217.

² Там же. С. 216, 217—218.

Ленин связывал переход от вынужденного «отступления» в политике, когда государство вело нэп, но еще не могло эффективно действовать на рынке, к последующему наступлению, основанному на постепенном овладении экономическими методами.

Нэп удивительно быстро принес благотворные перемены. С 1921 г. происходит робкий вначале рост промышленности. Начиналась ее реконструкция: разворачивалось строительство первых электростанций по плану ГОЭЛРО. В следующем году был побежден голод, стало расти потребление хлеба. В 1923—1924 гг. оно превысило довоенный уровень.

Новая задача внешней политики — «не только торговое, но и политическое соглашение с буржуазным пацифизмом». Мировая война породила тяжелую обстановку во всех принимавших в ней участие государствах. Трудности усугублялись выпадением из сферы мирового хозяйства такой огромной страны, как Россия, с ее богатейшими естественными ресурсами и необъятным потенциальным рынком. Поэтому независимо от своего отношения к Октябрьской революции руководители западных держав не могли не считаться с необходимостью хотя бы частично восстановить с ней отношения.

В начале 1922 г. Москва получила приглашение руководителей Антанты принять участие в конференции глав правительств европейских держав в Генуе. К тому времени в рядах большевистской партии были уже изжиты многие наивные представления, характерные для первых шагов революции. Ленин называл их «детскими болезнями «левизны» в коммунизме». В 20-е годы уже никто всерьез не обсуждал вопрос, допустимо ли революционерам сесть за один стол с «буржуями», как это было в ходе споров о Брестском мире.

Подготовка к конференции проходила под непосредственным руководством Ленина, сформулировавшего все основные предложения и принципы поведения советской делегации. Ленин подчеркивал, что наша позиция должна быть конструктивной, то есть направленной на поиск того, что объединяет, а не разъединяет участников переговоров. Однако, разумеется, «на сделку, невыгодную нам, *не пойдём*». Добиваясь четкого понимания задачи, Ленин выделял ключевые, то есть самые важные, понятия: на конференцию мы идем «*как купцы*»¹. Но речь в данном случае шла не столько о торговле, сколько о политической трезвости и умении достигать взаимовыгодные соглашения. Программа наша состоит в том, чтобы, не скрывая наших коммунистических взглядов, считал Ленин, найти точки соприкосновения прежде всего с теми буржуазными партнерами, которые стремились к миру, с пацифистами. Таким образом, «главная наша политическая задача в Генуе, выделить это крыло буржуазного лагеря... объявить допустимым, с нашей точки зрения, и желательным соглашением с ним не только торговое, но и политическое...»².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45 С. 34

² Там же Т. 44 С. 407—408

Утверждая такой подход, Ленин преодолевал сопротивление людей, мыслящих старыми категориями «мировой революции», которую якобы нужно двигать всеми средствами, включая «революционную войну». Установка на такую «мировую революцию» противоречила линии мирного сосуществования. Именно с этой концепцией были связаны предложения использовать Генуэ лишь как трибуну для пропаганды коммунистических идей.

В своих поправках к проекту заявления советской делегации в Генуе Ленин потребовал «безусловно выкинуть» из международного прогноза рассуждения о «неизбежном насильственном перевороте и применении кровавой борьбы», развернув там иную аргументацию — о том, что «мы безусловно считаем своим долгом всемерно поддержать всякие попытки мирного решения спорных вопросов». Столь же решительно Ленин настоял на удалении из документа заявления, будто «наша историческая концепция безусловно предполагает неизбежность новых мировых войн»¹. Требуя «ни в каком случае подобных страшных слов не употреблять, ибо это означало бы играть на руку противнику»², Ленин имел в виду не только тактику. Он формулировал принципы новых международных отношений, исключая войну как средство решения межгосударственных споров. Таким образом, была конкретизирована мысль, высказанная Лениным еще до революции, — о приоритете общественного развития перед классовыми интересами.

Новая экономическая политика внутри страны («гражданский мир») и новая внешняя политика (мирное сосуществование) были взаимосвязаны в ленинской концепции строительства социализма и развития человечества. Формирование этих политических принципов и понимание их глубокого внутреннего единства стало первым в мировой истории подходом к новому политическому мышлению в дядерную эпоху.

На этой основе были быстро нормализованы торговые и политические отношения СССР с ведущими европейскими державами.

Обобщение всего этого огромного положительного опыта и вместе с тем анализ недостатков, угрозы перерождения демократического централизма в бюрократический стали предметом последних работ В. И. Ленина — его политического завещания.

2. СССР В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК.

РАСЦВЕТ КОМАНДНО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ (1928—1941 гг.)

Демонтаж нэпа и установление режима личной власти. В конце 1929 г. на конференции аграрников-марксистов Сталин высказал мысль, которая активно обсуждалась в то время: «По-новому ставится теперь вопрос о нэпе, о классах, о темпах строительства, о смычке, о политике партии».

¹ Ленин В И Полн. собр. соч Т 45. С 63

² Там же.

Но как «по-новому»? Ответы на этот вопрос давались разные. Сталин уточнил: «Мы «отбросим нэп к черту», когда уже не будем нуждаться в допущении известной свободы частной торговли»¹. Хотя намерение было высказано в будущем времени, на деле оно уже осуществлялось путем уничтожения всякой индивидуальной хозяйственной деятельности. Широко пользуясь выражением «частник» и придав ему негативный оттенок, Сталин сознательно стер принципиальную для подлинного марксизма-ленинизма разницу между частнокапиталистическими предприятиями и индивидуально-семейными хозяйствами. С той же целью допустил он и смешение более конкретных понятий: «кулаки» и «зажиточные элементы деревни». Преднамеренная путаница в терминологии становилась теоретической основой для направления карательной политики государства не только против тех, кого статистика относила к эксплуататорским элементам общества, но против значительной части трудящегося населения страны, прежде всего из среды крестьян-середняков. А ведь именно они составляли главную базу формирования слоя «цивилизованных кооператоров», о котором как о будущем нашей деревни мечтал Ленин.

Отход от нэпа был облегчен неразработанностью теории научного социализма, переживавшей тогда как бы возраст отрочества. Однако именно на этой стадии она была догматизирована Сталиным. Ленинский теоретический прорыв, связанный с переходом к нэпу, был отброшен.

Непосредственным поводом к демонтажу нэпа стал хлебозаготовительный кризис 1927—1928 гг. В сущности, эти трудности были преодолимы путем разумной, сбалансированной политики цен. Но она требовала большого хозяйственного искусства и экономических знаний. Однако ими владели не все, от кого зависело решение. В январе 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) сочло возможным в виде исключения применить административный нажим в отношении тех наиболее крупных кулаков, из которых каждый придерживал более 30 тонн «излишков» зерна. Фактически же Сталин настоял на применении административных мер против всех, кто отказывался продавать государству хлеб. Это означало отказ от исходного принципа нэпа, давшего крестьянству гарантированное право распоряжаться по своему усмотрению излишками сельскохозяйственной продукции, оставшимися после уплаты налогов. Теперь крестьянин обязан был сдавать эти излишки по низким государственным ценам. В случае отказа он объявлялся кулаком, привлекался к суду по обвинению в спекуляции, а хлеб конфисковывался. Это напоминало разгрома кулаков.

Некоторые юристы Сибири пытались разъяснить Сталину, что так действовать незаконно, ибо отказ продавать свою продукцию не является спекуляцией. Это закончилось плачевно для защитников правопорядка. Сталин потребовал, чтобы «эти господа» были «вычищены» и «заменены другими»². И прокатилась волна

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 12. С. 143, 187.

² Там же. Т. 11. С. 4.

смещений наиболее трезвых, принципиальных, смелых людей в местных партийных, советских, хозяйственных, судебных органах. Эти волны вначале шли редко, затем стали учащаться, а последствия их становились год от года губительней. Их целью была замена характерной для большевиков самоотверженной преданности революционному долгу своекорыстным служением начальству.

Аресты, обыски, избиения провоцировали рост антисоветских настроений. В ряде мест сопротивление крестьян вылилось в бунты (в 1929 г. их было около 1,3 тысячи). Над страной вновь нависла угроза широкого хозяйственного и политического кризиса.

Против администрирования решительно выступила в Политбюро ЦК ВКП(б) (его членами были тогда 9 человек) группа авторитетных партийных и государственных руководителей: члены Политбюро ЦК ВКП(б) Н. И. Бухарин — главный редактор газеты «Правда», А. И. Рыков — председатель Совнаркома СССР, М. П. Томский — председатель ВЦСПС и кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК и МК партии Н. А. Угланов. Частично разделяли их взгляды и некоторые другие члены Политбюро, например председатель ЦИК СССР М. И. Калинин.

Критика командно-административных методов была развернута Бухариным и его сторонниками на заседаниях Политбюро, а затем на Пленуме ЦК и ЦКК партии в апреле 1928 г.

Однако опасность подмены экономической политики командно-административными методами не была осознана в полной мере ни теоретически, ни политически. Это привело к новому укреплению положения Сталина, использовавшего в своих интересах контроль над кадровой политикой партии и насаждавшего своих сторонников в партийных и государственных органах.

Весной 1929 г. Бухарин и Томский, оставаясь членами Политбюро, были сняты с других руководящих постов. Угланов был выведен из кандидатов в члены Политбюро и из Секретариата ЦК. Так был подготовлен политический переворот, который произошел осенью 1929 г. Он выразился, во-первых, в изменении персонального состава руководства; во-вторых, в сломе прежней политики и методов ее проведения; в-третьих, во внедрении чуждых ленинизму идеологических установок.

В ноябре 1929 г. Бухарин был выведен из Политбюро. В 1930 г. перестали входить в него Рыков и Томский. Это означало, что из высшего руководства партии устранялись политические оппоненты Сталина, которые были в состоянии противопоставить его стратегии иной курс строительства социализма. Сталин остался единственным членом из состава Политбюро, существовавшего при Ленине.

В том же направлении происходили изменения и в правительстве. В 1929 г. был удален из Наркомпроса РСФСР А. В. Луначарский. В 1930 г. перестал работать в Госплане СССР Г. М. Кржижановский. Совершались и другие аналогичные перемены в центре и на местах.

Резко изменилась политика. Нэп окончательно был отброшен.

Трезвое, требующее большого искусства планирование, как и предвидел Бухарин, сменилось «организованной бесхозяйственностью», отбивавшей у людей возможности, желание и умение эффективно работать. Предусмотренные только что принятым пятилетним планом расчеты и пропорции были забыты. Ноябрьский (1929 г.) Пленум ЦК ВКП(б) определил задачи по-новому: «форсирование процессов коллективизации и строительства совхозов», «форсирование развития индустрии». На этом была построена левацко-утопическая установка: *«дело построения социализма в стране пролетарской диктатуры может быть проведено в исторически минимальные сроки»*¹.

Изменение политики потребовало и иных методов достижения поставленных целей. Нэп с его установкой на хозрасчет, на материальные стимулы, из которых вырастают инициатива и энтузиазм людей, заменялся командно-бюрократической системой руководства. В рамках этой системы главный удар делался на дисциплину приказа и использование того энтузиазма, который был разбужен у трудящихся Великой Октябрьской революцией и свершениями народа на пути строительства социализма. Однако чем дальше, тем больше эти победы достигались вопреки расширявшей свою сеть командной системе управления.

Все более существенную роль среди методов политического руководства начали играть незаконные политические репрессии. Рассуждая о средствах организации людей и средствах принуждения, Сталин подчеркивал, что «репрессии в области социалистического строительства являются необходимым элементом наступления...»².

Для обоснования необходимости репрессий все шире стал использоваться тезис об обострении классовой борьбы. Он совершенно не соответствовал реальному удельному весу буржуазных элементов в обществе и их истинным возможностям и склонности к конфронтации с государством. Сталин выдвигал именно этот тезис в борьбе с группой Бухарина, приписав «правым» защиту интересов буржуазии. В 1928 г. был проведен шумный политический процесс над группой старых специалистов, обвиненных во вредительстве на угольных шахтах Донбасса. В 1930 г. состоялся процесс над группой крупных специалистов, работавших в ряде хозяйственных ведомств («процесс Промпартии»). Тогда же без открытого процесса были осуждены по сфабрикованному обвинению в принадлежности к никогда не существовавшей «Трудовой крестьянской партии» крупные специалисты сельского хозяйства. Поиски и аресты «вредителей» начались повсеместно! В 1930 г., незадолго до ухода из Госплана, Г. М. Кржижановский ставит перед председателем ОГПУ В. Р. Менжинским вопрос о том, что аресты оголили важнейшие участки плановой работы. Ответ Менжинского был неутешителен: такое же положение в Наркомземе, в Наркомфине, в других государственных органах. «Надо стиснуть

¹ КПСС в резолюциях... М., 1984. Т. 5. С. 17.

² Сталин И. В. Соч. Т. 12. С. 309.

зубы и работать», — пишет Менжинский, давая понять, что и он не властен изменить ситуацию.

Политический переворот, таким образом, свел все главные рычаги руководства, а следовательно, и главную ответственность к одному человеку — Сталину. Но он, единственный, не только оставался теперь вне публичной критики, а, наоборот, начал изображаться пропагандой как мудрый и безошибочно действующий вождь. В 1929 г. впервые проводится шумное празднование 50-летия Сталина. К этому юбилею был издан и первый сборник статей в его честь, написанных видными работниками партии (в том числе членами Политбюро ЦК Калинин, Куйбышевым, Ворошиловым, кандидатами в члены Политбюро Кагановичем и Микояном). Роль Сталина здесь была безмерно преувеличена и приукрашена. Так начинался и внедрялся сверху всеми средствами пропаганды культ личности.

Все это пагубно отразилось на жизни страны, осложнило выполнение грандиозных задач, стоявших перед народом.

И н д у с т р и а л и з а ц и я с т р а н ы: ш т у р м и ш т у р м о в щ и н а. К началу первой пятилетки уровень промышленного развития дореволюционной России был не только восстановлен, но и превзойден на 32 процента. Много это или мало? Достаточно, если учесть, что Россия находилась на пятом месте в мире по общему объему промышленной продукции, хотя вступила на путь индустриализации с запозданием. Но очень мало, если судить по потребностям нового, советского общества. До революции страна не успела пройти стадию индустриального развития, застряв в начале пути. Она оставалась аграрной. К концу 20-х годов более 80 процентов людей жило в деревне. Около половины населения было неграмотно. И поэтому понятно, что индустриализация заняла центральное место во внутрипартийных дискуссиях в 20-е годы и в планах первых пятилеток. Острота споров была обусловлена недостатком средств для одновременного развития всех основных отраслей народного хозяйства и культуры.

«Левые» (сторонники Троцкого, Каменева, Зиновьева) на протяжении 20-х годов поднимали вопрос о «сверхиндустриализации» путем резкого ускорения темпов за счет перекачки средств из сельского хозяйства в промышленность. Сторонники Бухарина также отстаивали курс на индустриализацию, но с учетом взаимных экономических интересов промышленности и сельского хозяйства. Отсюда их требование скорейшего достижения самоокупаемости предприятий индустрии, повышения качества продукции. Это было связано с ориентацией производства на рынок, на потребителя.

Сталин с конца 20-х годов проявил себя как сторонник быстрых темпов и преимущественного развития тяжелой индустрии путем перекачки в нее средств, накапливаемых в сельском хозяйстве, легкой промышленности и т. д. Внешне это напоминало предложения «левых». Однако их установки базировались на поиске неких общих закономерностей индустриализации, выявленных

опытом предшествующей эпохи (таких, как первоначальное накопление капитала). Сталин же подходил к индустриализации крайне упрощенно. Отсюда та беспринципность, с какой он в политических целях пользовался аргументами, взятыми то у «левых», то у «правых». Не видя глубоких взаимосвязей индустриализации со всеми сторонами жизни общества, он не понимал и не мог предвидеть, что недооценка товарно-денежных отношений, систематическое пренебрежение интересами деревни, откладывание решения социальных проблем (обеспечения жильем, товарами бытового спроса и т. д.) непременно ударит по развитию самой промышленности. Такая недооценка была характерна для донэповского состояния теории научного социализма. Однако вместе с политикой нэпа были отброшены и ленинские прозрения, позволявшие трактовать социализм как товарное общество.

Это, естественно, отразилось на судьбе первого пятилетнего плана, принятого на высшем партийном и государственном уровне весной 1929 г. План предусматривал оптимальное сочетание тяжелой и легкой индустрии, сельского хозяйства, обобщественного и индивидуального труда, рост жизненного уровня трудящихся. Однако, едва получив столь подробный и тщательно обсужденный план, народное хозяйство тут же его лишилось.

«Оптимальный вариант превратился в минимальный». Сталин не увидел двойного смысла этих слов в своей статье «Год великого перелома», появившейся в «Правде» 7 ноября 1929 г. Ее цель состояла в резком форсировании индустриализации и колхозного строительства. Не успели еще высохнуть чернила подписей, утвердивших первый пятилетний план, как его задания, даже в их максимальном варианте, были объявлены устаревшими. Это привело к дезорганизации всей работы, к срыву не только новых, но и первоначальных замыслов. И пришлось вместо действительно оптимальной программы бороться за то, чтобы достичь хотя бы минимальных ее рубежей. Но и это оказалось невозможным. Пятилетний план был сорван.

Пересмотр плана Сталиным заключался в изменении системы его главных целей. Пятилетний план исходил из идеи индустриализации при одновременном повышении жизненного уровня трудящихся. В этом сочетании его составители видели одно из наиболее существенных выражений социалистического характера индустриализации СССР. Сталин, однако, даже в теории, а тем более на практике сводил экономическую сущность социализма к общественной собственности на средства производства. Такое узкое и формальное толкование приводило к пренебрежению материальным благосостоянием масс и даже к противопоставлению его борьбе за социализм. «В чем состоит экономическая суть и экономическая база социализма? Не в том ли, чтобы насадить на земле «рай небесный» и всеобщее довольство?» — саркастически вопрошал Сталин. И отвечал: «Нет, не в этом. Это есть обывательское, мешанское представление...»¹

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 9. С. 22.

Оскорбительные ярлыки вместо аргументов — характерный стиль рассуждений Сталина.

Но из них он делал практические выводы. Вглядимся в небольшую таблицу, отражающую стадии планирования и конечный результат.

Продукция индустриального производства	Произведено в 1928 г	План на 1932 г	Поправки Сталина	Фактически произведено в 1932 г
Чугун (млн т)	3,3	10	15—17	6,1
Тракторы (тыс.)	1,8	53	170	50,8
Автомашины (тыс.)	0,8	100	200	23,9

Последняя цифра в каждом ряду не была, разумеется, известна, когда был сломан пятилетний план. Но она была логически неизбежным результатом экономической безграмотности и авантюризма тех, кто не желал уважительно отнестись к труду большого коллектива специалистов — разработчиков плана.

Тот же субъективистский подход был проявлен и при составлении второго пятилетнего плана — на 1933—1937 гг., в который был включен ряд нереальных, экономически не обоснованных заданий. Были повторены и сталинские цифры, приведенные выше. И снова они не были достигнуты. Твердо встать на уровень, предусмотренный первым и вторым пятилетними планами, черная металлургия и тракторостроение смогли только в 1949 г. Серьезные срывы были характерны и для предвоенных лет незавершенной третьей пятилетки (1938 г. — июнь 1941 г.). Корень многих просчетов планирования состоял в неумении обеспечить грамотное финансирование, в непонимании объективных законов экономики.

Больше всего пострадало крестьянство. Помимо обычных налогов для деревни был установлен еще и «сверхналог», «нечто вроде дани», как выразился Сталин. Протестовавший против этого Бухарин дал иную, чрезвычайно резкую характеристику: «военно-феодалная эксплуатация крестьянства». Речь шла об установлении неблагоприятного для деревни соотношения цен на промышленные и сельскохозяйственные товары: цены на промышленные товары постоянно росли, а на сельскохозяйственную продукцию занижались. По первоначальному расчету, такое положение должно было сохраняться в течение нескольких лет. Группа Бухарина в конечном счете согласилась с этим. Однако неэквивалентный объем между городом и деревней на деле превратился из чрезвычайной меры в правило.

Индустриализация требовала жертв и от самой промышленности: в тяжелую промышленность шел перелив средств из легкой промышленности, которая держалась на голодном пайке.

Возросла роль государственных внутренних займов. Они стали ежегодными. Изменился порядок их реализации: ранее они распространялись банковскими учреждениями на совершенно добровольной основе, а теперь размещались организованно, по подписке среди населения, под контролем общественных организаций.

В целом к началу 40-х годов трудящиеся дали займы государству около 50 миллиардов рублей.

Чрезвычайным инструментом для пополнения государственной казны стало также большое увеличение выпуска бумажных денег, которые все меньше обеспечивались товарами.

Превышение ввоза товаров над вывозом приводило к сокращению запасов иностранной валюты, порождало спекуляцию. Чтобы в какой-то мере пресечь утечку валюты в частные руки, в 1928 г. золотой рубль (червонец) перестал быть свободно конвертируемым (то есть беспрепятственно обмениваемым на деньги других государств по официальному курсу). В обращении остались только бумажные деньги и мелкая разменная монета. Реальная стоимость рубля быстро падала. За первую пятилетку она снизилась более чем на 60 процентов. Происходил быстрый рост цен. За время первых пятилеток, к началу 40-х годов, государственные розничные цены на хлеб выросли в 11 раз, на сливочное масло — в 7, на сахар — в 6, на мыло — в 5, на сукно — в 13 раз и т. д. Рыночные цены были значительно выше. Реальная заработная плата рабочих и служащих к концу первой пятилетки снизилась не менее чем на 20 процентов.

В 20 — начале 30-х годов происходила в определенной мере натурализация экономических отношений. В 1928 г. была введена карточная система на хлеб, а затем и на другие продовольственные, а также промышленные товары народного потребления. Ожились не только методы, но и взгляды времен «военного коммунизма». Свертывание товарно-денежных отношений стали трактовать как важный шаг на пути к коммунизму.

К середине 30-х годов денежное обращение было введено в более нормальные рамки. С 1935 г. начала ликвидироваться и вскоре исчезла карточная система.

Однако по-настоящему нормализовать источники накопления не удавалось, поскольку сама тяжелая индустрия почти не давала должной прибыли и требовала огромных государственных дотаций.

Все трудности и просчеты прямо или косвенно отражались на положении трудящихся. И тем не менее именно их стойкость, терпение, самоотверженный труд позволили преодолеть невиданные препятствия на пути индустриализации. Чем был обусловлен этот героизм?

К началу первой пятилетки была в основном восстановлена до-революционная численность рабочего класса, а в дальнейшем он стал стремительно увеличиваться: за годы довоенных пятилеток — в 2,7 раза. В 1940 г. в советской промышленности трудилось 8,3 миллиона рабочих. Подавляющее их большинство были недавними выходцами из деревни. Это имело огромное экономическое и политическое значение.

Хлынувшая из коллективизируемой деревни в город неквалифицированная рабочая сила была дешева, что несколько ослабляло финансовую напряженность планов индустриального роста.

Превращение крестьян в рабочих было для них шагом в новую цивилизацию. Первое время они не имели больших социальных потребностей. Это позволяло экономить и на социальных программах, что, впрочем, превратилось потом в плохое правило.

Но в 30-е годы минимум тех социально-культурных благ, которые предоставлял город, был для многих вчерашних крестьян ценным даром советского строя. Видели положительные перемены и кадровые рабочие: рост индустрии начал быстро рассасывать безработицу. С 1930 г. в СССР было покончено с этим социальным бедствием. На фоне бушевавшего в капиталистических странах в 1929—1933 гг. экономического кризиса все эти перемены были особенно яркими.

Рабочий класс начинал видеть и непосредственные результаты своих усилий: в годы первой пятилетки почти каждый день вступало в строй действующих одно новое или реконструированное предприятие, а во второй пятилетке ежедневно — два, а то и три завода.

Широко использовалось моральное стимулирование труда. Был поднят престиж рабочих профессий, связанных с новой техникой. Государство организовало за свой счет производственное обучение рабочих. Активно велась политико-воспитательная работа. На каждом предприятии действовали красные уголки, ширилась сеть клубов, а затем и дворцов культуры на крупных предприятиях. Новизна социалистических перемен, ощущаемых каждым, была такой необычной, что перебивала в сознании людей неурядицы жизни, порождала высокий оптимизм и энтузиазм.

Огромное значение приобрело развитие массового социалистического соревнования. Оно превратилось в широкое самодеятельное, неформальное движение, которое имело не только производственное, но и политическое значение. По существу, это была политическая армия поддержки и осуществления социалистической реконструкции страны, организованная партией, подобно политической армии периода подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Однако субъективистская политика Сталина и его окружения, подмена штурмовщиной вполне реальных программ ускоренного развития привели к тому, что *превращение СССР в индустриальную державу произошло позже, чем предусматривал план, и значительно позднее, чем провозгласил Сталин*. Он утверждал, что уже в результате «досрочного» якобы выполнения первого пятилетнего плана СССР стал индустриальной державой, то есть страной, в которой продукция промышленности по стоимости существенно превышает сельскохозяйственную. Однако планы первой и второй пятилеток не были выполнены. Это было скрыто от народа путем сознательного искажения статистической отчетности по прямому указанию Сталина и Молотова. Последующие расчеты показали, что удельный вес промышленности превзошел долю сельского хозяйства в национальном доходе страны не в 1932 г. и даже не в 1940 г., а лишь к 60-м годам. Тогда же, кстати, удельный вес

городского населения превысил удельный вес сельского. Лишь это в полной мере превратило СССР в подлинно индустриальную державу. Первые пятилетки внесли в достижение этого результата огромный и незабываемый вклад.

Ревизия ленинского кооперативного плана. Сплошная коллективизация сельского хозяйства. В трудах Ленина кооперация, «которую мы прежде третировали, как торгашескую»¹, впервые получила трактовку как одно из главных направлений социалистического преобразования общества. Это дало возможность партии опираться в своей политике кооперирования на огромный потенциал специальных исследований в области экономики и организации кооперативного производства. Мировой уровень науки по этим вопросам во многом определялся блистательными трудами таких ученых, как А. В. Чаянов, Н. Д. Кондратьев, Н. П. Макаров, А. А. Рыбников и другие. Ими была доказана целесообразность кооперирования, не разрушающего, а использующего материальное стимулирование семьи как производственной ячейки сельского хозяйства. Трезвый и глубокий вывод о полезности соединения индивидуально-семейной и коллективной организации производства открывал широкую перспективу социалистического преобразования деревни на добровольной и выгодной для общества и крестьян основе. Это гарантировало страну от широких социальных потрясений, подобных политическому кризису весны 1921 г.

Время не умалило, а увеличило значение этих выводов, которые через 60 лет способствовали обоснованию семейного подряда в колхозах и совхозах. Незабываем и нравственный пример служения этих людей науке и народу. «Все будущее нашей Родины, вся прочность нашей демократической государственности,— говорил А. В. Чаянов,— будет зависеть от энергичного и быстрого подъема нашего земледелия.

Многим коммунистам самым безболезненным методом «ликвидации кулачества как класса» представлялось принятие кулаков в колхозы. «Как наиболее полезно поступить с кулаком, можно ли навсегда закрыть перед ним двери колхоза? Я думаю, что было бы неправильно навсегда закрыть эти двери»,— говорил М. И. Калинин весной 1929 г.

Вскоре прозвучало категорическое «нет». Созданная нэпом добротная основа развития социалистической кооперации в дальнейшем не только не была использована, но оказалась разрушенной. Ленинские идеи были извращены, а задания первого пятилетнего плана в конце 1929 г. пересмотрены в духе представлений «казарменного социализма». Это породило негативные явления и в теории, и в массовом сознании, и в реальной жизни.

С осени 1929 г. был взят курс на ликвидацию разнообразия форм кооперирования, на фактическое огосударствление нескольких оставшихся кооперативных систем (потребительской,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 370.

производственной и др.), на подмену широкого кооперативного плана Ленина колхозным строительством, происходящим к тому же не добровольно, а путем «насаждения» сверху, как выразился Сталин.

Нажим еще более усилился после принятого 5 января 1930 г. постановления ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». Работники на местах, еще не остывшие от выполнения заданий по искоренению у себя «правого уклона», с тревогой читали последний пункт постановления от 5 января 1930 г. о необходимости «решительной борьбы со всякими попытками сдерживать развитие коллективного движения». Правда, здесь же говорилось и о противоположной «левой опасности», расцениваемой не более как игра в коллективизацию. Но это мимолетное замечание снималось призывом к организации «социалистического соревнования по организации колхозов». И соревнование началось.

Ленинский принцип добровольности был нарушен. Кулаком или подкулачником объявлялся тот, кто не хотел вступать в колхоз. Наказание за это полагалось обоим одинаковое: лишение избирательных прав и раскулачивание, то есть конфискация имущества и лишение свободы. Это коснулось нескольких миллионов людей. Такими средствами удалось за первые три месяца 1930 г. увеличить число записанных в колхоз крестьянских хозяйств еще почти в 3 раза, доведя их «охват» до 60 процентов. Ограничивалось и право выбора крестьянами форм колхозного строительства. Постановление от 5 января 1930 г. было ориентировано на создание сельскохозяйственных артелей, рассматривавшихся как форма перехода к коммуне. Это нанесло удар по ТОЗам, которые в спешном порядке, вопреки желанию крестьян, начали преобразовываться в артели, а то и сразу в коммуны. В связи с этим происходило принудительное обобществление домов, мелкого скота и даже домашней птицы.

Все это вызвало недовольство крестьян. По стране вновь покатилась волна вооруженных выступлений крестьян. За те же три первых месяца 1930 г. их было более двух тысяч.

Обеспокоенное этим руководство партии принимает решение остановить «гонку» коллективизации. 2 марта в «Правде» появляется статья Сталина «Головокружение от успехов», где такое указание было дано публично. Однако статья полна умолчаний и противоречий. Вся вина за случившееся была возложена на местных работников. Вопреки логике Сталин требует «закрепить» достигнутый к тому времени уровень коллективизации.

Неискренность и непоследовательность статьи вызвали критику снизу. Некоторые критические документы появились в печати. Характерно письмо в «Правду» рабочего Мамаева: «У кого же закружилась голова?.. Выходит, «царь хорош, а чиновники на

¹ См.: Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства 1927—1935 М., 1957 С. 260

местах негодные»?.. Постановляем одно, а на деле проводим другое».

Чтобы пресечь вызванную статьей Сталина дезориентацию, ЦК ВКП(б) опубликовал в середине марта 1930 г. постановление «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». Перегибы временно прекратились.

Все, кто был записан в колхозы против воли, вышли из них. Колхозное движение медленно начало расти на добровольной основе. Однако колхозники продолжали отстаивать свое право быть хозяевами в своих артелях и распоряжаться хотя бы частью произведенной продукции. Отдавая значительную часть своей продукции государству по твердым ценам, колхозы были заинтересованы в том, чтобы хотя бы частично возместить затраты на рынке. Такое разрешение было получено в 1932 г.

Эти стихийные попытки перестроить на хозрасчетной основе отношения с государством были истолкованы Сталиным как проявление классовой борьбы со стороны проникших в колхозы и совхозы кулаков. В этом же духе объяснялись и отдельные неудачи, срывы в деятельности совхозов и колхозов, вызванные отсутствием опыта, низкой квалификацией их руководителей. В 1933 г. Сталин снова под видом развития теории высказывает одно из коренных положений для его системы воззрений: по мере успехов социализма классовая борьба якобы неизбежно обостряется. Эти выводы стали своего рода инструкцией для созданных тогда же в МТС и колхозах политических отделов — чрезвычайных органов, соединявших в одних руках партийную, административную власть, источник местной информации (многотиражную газету) и следственные функции (в каждом политотделе была предусмотрена должность заместителя начальника политотдела по вопросам ОГПУ). Положение в деревне вновь обострилось. Тысячи председателей колхозов, руководителей совхозов и МТС, бригадиров и механиков, агрономов и рядовых колхозников в 1933—1934 гг. были без серьезных оснований обвинены во вредительстве и арестованы.

Параллельно продолжались изменения в положении колхозов. В 1933 г. были введены обязательные поставки колхозами продукции государству по низким ценам. МТС получали за обработку полей натуральную оплату с колхозов также в больших количествах. Колхозники перестали фактически быть хозяевами произведенной ими продукции. Нарушались и принципы колхозной демократии. Колхозы, таким образом, в сравнении с годами до сплошной коллективизации утратили зажиточные свои кооперативные права и фактически оказались огосударствлены. В 1940 г. в колхозах было объединено фактически все советское крестьянство — 96,9 процента крестьянских дворов. Неиспользование колхозом хозяйственного потенциала крестьянской семьи превращало их в механические объединения.

В конце 1932 г. в СССР была введена паспортная система. Паспорта выдавались гражданам от 16 лет и старше во всех

городах, рабочих поселках, районных центрах, новостройках, совхозах, МТС, а также в 100-километровой полосе вдоль европейской границы СССР и в нескольких пригородных зонах. Во всех прочих местностях население (колхозники) паспортов не получало и учитывалось по спискам, которые велись сельсоветах. Это лишало колхозников возможности свободного изменения места жительства, административно прикрепляло их к колхозам. Такое положение существовало до начала 60-х годов.

Сложные, трагические годы форсирования колхозного строительства сопровождались большими потерями. Это в первую очередь коснулось главной производительной силы сельского хозяйства — крестьянина. В ходе борьбы за колхозы был в значительной степени распылен и изъят из деревни тот еще очень небольшой слой «цивилизованных кооператоров», с которым Ленин связывал будущее сельского хозяйства. Эти люди отстаивали принцип хозяйственной самостоятельности колхозов и потому вошли в конфликт с практикой огосударствления кооперации. В условиях 30-х годов их чаще всего причисляли к противникам колхозов, к социально чуждым элементам.

Какова же цена сплошной коллективизации? В 1929 г. кулаки составляли примерно 3 процента крестьянских хозяйств. А число «раскулаченных» доходило до 15 процентов. Количество же «лишенцев» (незаконно лишенных избирательных прав из-за отказа вступить в колхозы) поднималось до 20 процентов. Раскулачивание влекло за собой конфискацию имущества и отправку на принудительные работы.

Одновременно та же кампания шла в городах: ликвидировались последние частные кустарные мастерские, магазины и лавки, а также индивидуальная розничная торговля. В целом статистика насчитывала в это время в населении СССР около 5 процентов людей, принадлежавших к городской и сельской буржуазии, включая мелких торговцев, которые, строго говоря, капиталистами не были. Реальный процесс изъятия всех этих элементов из экономики далеко выходил за эти рамки, продолжался в деревне до конца первой пятилетки, а в некоторых районах и позже. Поэтому общее число репрессированных (в основном высланных в лагерь) как «классово враждебные элементы» составило более 10 миллионов человек. Это были главным образом крестьяне.

Такая политика проводилась сознательно. Она не была следствием только случайностей или «перегибов», допущенных ретивыми организаторами на местах. Обвинение местных работников понадобилось лишь в качестве громоотвода. Политика же с помощью этих ошельмованных позже исполнителей достигла именно тех целей, которые ставила. Прежде всего, она призвана была в минимальный срок создать крупные хозяйства, которые, пусть ценой собственного оскудения, помогли бы дать за бесценок тот минимум товарной продукции, который можно было бы использовать для распределения по карточкам в городах, а также для экспорта.

Другая цель состояла в обеспечении новых индустриальныхстроек, а также отдаленных районов дешевой рабочей силой. При этом речь шла не только о свободном переходе крестьян в промышленность при наборе рабочей силы в колхозах по договорам. В 30-е годы начал широко использоваться бесплатный принудительный труд миллионов заключенных в лагерях (в частности, по заготовке леса для обеспечения экспортных планов).

Деревня же, лишившаяся стольких рабочих рук, начала приходить в упадок. Он вызван был и многолетней перекачкой средств из сельского хозяйства в промышленность через государственный бюджет. Катастрофическим было сокращение поголовья скота в 30-е годы, падение сборов зерна и т. д. Резко снизилось душевое потребление мяса, молока и многих других продуктов. В 1932—1933 гг. в ряде крупных сельских районов разразился голод. Он унес несколько миллионов жизней.

Все это потребовало введения карточной системы, существовавшей с 1928 по 1935 г. Лишь в конце 30-х годов сельскохозяйственное производство вновь подошло к своим высшим достижениям периода нэпа, а по некоторым отраслям и превысило их. Однако сельское хозяйство так и не смогло набрать темп, чтобы ликвидировать тяжелые последствия той разрушительной бури, которой стали практика и методы сплошной коллективизации в 30-е годы. Коллективизация превратилась в одно из крупнейших политических преступлений в мировой истории.

Политическое развитие страны. Последствия свертывания демократии. Рожденная социалистической революцией, советская демократия создала для трудящихся широкие возможности строительства нового общественного строя. Активность масс приобрела невиданный размах и организованность. Почти ежегодно происходили съезды Советов, партии, профсоюзов, многочисленных самостоятельных организаций. Это вызвало колоссальный рост инициативы снизу.

Жизнь показала, что социализм не только рождается как результат революционного порыва широчайших масс, но и может развиваться лишь как демократическое общество.

Однако во второй половине 20-х годов, когда интересы экономики потребовали усиления централизации, планирования, произошло возвращение к административно-командным методам управления. Процесс оказался быстрым и для большинства современников малозаметным.

Дело в том, что прежний социальный опыт выработал одну модель централизации — бюрократический централизм. Большевики еще до революции впервые открыли другую — демократический централизм.

Однако в сравнении с первой, очень давней и глубокой, практика демократии в нашей стране была еще небогата. Она не успела стать образом жизни людей. Вот почему так велика была опасность трансформации новой модели в старую. Ленин видел эту опасность и в последние годы жизни упорно искал способ ее

предотвращения. С этим связан его призыв осуществить «ряд перемен в нашем политическом строе»¹. Но путь к таким переменам был пресечен Сталиным и его окружением. Отсечение от руководства всех оппонентов Сталина привело к резкой деинтеллектуализации руководства партии и страны, снижению уровня его политической культуры. Сталин не столько возглавил, сколько обезглавил политическое руководство. И оно лишилось способности проводить столь сложную, гибкую политику, как нэп. Для создания «строга цивилизованных кооператоров», например, недостаточно было иметь организаторские способности и понимать внутреннюю логику жизни государственного и партийного аппарата. Нужны были компетентность, большие знания в области политэкономии, собственный исследовательский (не только пропагандистский) опыт и связанное с ним умение понять суть предложений ученых-экспертов (таких, как Н. Д. Кондратьев, А. В. Чаянов и другие).

Так, в 20-е годы становился все более ощутимым диссонанс между объективными требованиями социалистического строительства и способностью политического руководства дать на них компетентный ответ. Отсюда те шатания в политике и связанные с ними хозяйственные кризисы (1923, 1927—1929 гг.), которые порождали в интеллектуально слабевшем высшем эшелоне власти тоску по более «простым», приказным методам руководства. Чем более ясной становилась некомпетентность и неспособность Сталина и его окружения решать усложнявшиеся задачи по-ленински, тем более глубоким смыслом наполнялся совет Ленина о замене Сталина на посту генсека. Владимир Ильич рекомендовал выдвигать на первый план политических деятелей, способных принимать компетентные хозяйственные, политические и другие решения, сплывая для их выработки талантливых специалистов. И наоборот, на второй план в руководстве должны были отойти люди, главной способностью которых было умение администрировать, склонность впадать в «фельдфебельство», особенно нетерпимое «при недостаточно солидной научной подготовке»².

Более 70 процентов секретарей райкомов и горкомов партии к началу 40-х годов имели лишь начальное образование, а среди секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик таких было 40 процентов. Естественно, что большинство этих людей испытывали большие затруднения в работе и нуждались в подробных инструкциях сверху.

Еще ниже был уровень общей и политической культуры в основании этой пирамиды. Даже в партии неграмотные составляли 3 процента. К началу 40-х годов почти пятая часть населения все еще оставалась неграмотна. Пережитки старых, «царистских» иллюзий, традиционные патриархальные представления о формах руководства, отсутствие гласности и дезинформация сделали широкое основание пирамиды власти косным.

¹ Ленин В. И. Полн собр соч Т 45 С. 343.

² Там же. С. 350.

И все-таки строительство социализма вызывало, несмотря на все трудности, огромный энтузиазм. Не располагая информацией, честно и много работая, советские люди не допускали и мысли о преступности человека, которого пропаганда ставила на одну ступень с Лениным. Их труд и подвиг были истинны, и свои победы они считали результатом «мудрой сталинской политики». Но видели они и горе, жестокость, бесхозяйственность. Однако недостатки они связывали с конкретными людьми, а успехи — лишь со Сталиным и его окружением. И тем не менее народ внушал этому руководству страх. Поэтому уничтожался всякий, кто покушался на интересы системы, созданной Сталиным. А отсутствие гласности становилось для командно-бюрократической системы как бы шапкой-невидимкой. Культ личности позволял не просто скрывать преступления, но и делать их главного виновника символом социализма.

В ряде случаев государственные органы совершали действия, в том числе осуществляли карательную политику, без каких-либо законных оснований. Это в первую очередь коснулось значительных групп специалистов старой школы — инженеров, агрономов, экономистов. Их рекомендации резко расходились с бездумным распылением средств и левацкими установками. Квалифицированные специалисты, знатоки рыночной конъюнктуры оказались не ко двору в командной экономике. Многие из них были объявлены шпионами, диверсантами и осуждены. Многие погибли. Впрочем, некоторым дали возможность работать в заключении.

Репрессиям подверглись также значительные слои крестьянства при проведении сплошной коллективизации сельского хозяйства. Множились факты и иного рода. Молодые рабочие на новостройках, наскоро обученные механизаторы в деревне нередко становились виновниками поломки техники. Это также стало расцениваться как диверсии классового врага. Репрессии нарастали как снежный ком.

Обвинения против тех, кто был отнесен к классово враждебным элементам, уже с 1929 г. начали рассматривать так называемые «тройки» (первый секретарь райкома партии, председатель райисполкома и начальник местного отделения ГПУ). Рассмотрение дел было чрезвычайно упрощено. Осужденные направлялись на принудительные работы в северные и отдаленные районы.

До начала 30-х годов репрессии разворачивались главным образом под флагом борьбы с классово враждебными элементами — кулаками, нэпманами, буржуазными специалистами. Правда, число осужденных значительно превосходило реальный удельный вес этих групп населения.

С 1934 г. репрессии гораздо шире, чем раньше, захлестнули партию. Сигналом стало убийство в Ленинграде, в Смольном, 1 декабря 1934 г. члена Политбюро ЦК, секретаря ЦК и Ленинградского горкома партии С. М. Кирова. В этом деле до сих пор многое остается неясным. Все непосредственные свидетели были вскоре уничтожены. Но вполне очевидно, кто воспользовался этим.

В этот же день в Москве было принято постановление Президиума ЦИК СССР о порядке рассмотрения обвинений в подготовке или совершении террористических актов, которое поставило следствие и суд по этим делам в условия, исключавшие объективное выяснение всех обстоятельств дела. На следствие по этим делам отводилось не более 10 дней. Дела рассматривались без прокурора и адвоката. Обжалование и помилование не допускались. Приговор к высшей мере наказания приводился в исполнение немедленно.

Этот же порядок в 1937 г. был распространен на дела о вредительстве и диверсиях. Максимальный срок лишения свободы по делам о государственных преступлениях был повышен с 10 до 25 лет. По предложению тогдашнего секретаря ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановича дела по политическим обвинениям стали рассматриваться во внесудебном порядке, но с применением высшей меры наказания. О численности этих дел (их было очень много) говорит предложение Председателя Совнаркома СССР В. М. Молотова — выносить наказания по спискам (то есть без разбора дела). На каждое дело отводилось несколько минут. Этого времени хватало лишь на анкетный опрос, формальное выяснение, признает ли обвиняемый себя виновным, и объявление заранее готового приговора.

В 1934 г. ОГПУ было преобразовано в Наркомат внутренних дел (НКВД). Во главе этих органов стоял сначала Г. Г. Ягода, затем Н. И. Ежов и, наконец, Л. П. Берия. Впервые один за другим были превращены из исполнителей в козлов отпущения и уничтожены недолго управляемой ими машиной. Лишь Берия пережил Сталина.

В утвержденном II съездом Советов списке первого Советского правительства первым идет Ленин, последним — Сталин. Между ними 13 человек. Из них лишь трое после Ленина умерли своей смертью (причем А. В. Луначарский — уже будучи смещенным с поста наркома). Остальные 10 были объявлены «врагами народа» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Конституция 1936 г.: противоречие между словом и делом. С конца 20-х годов жизнь советского общества стала как бы двойной. Одна — тяжелая, трагическая судьба миллионов несправедливо обвиненных людей, поставленных на конвейер уничтожения. Другая — упорный и преисполненный больших надежд труд по преобразованию страны. Противоречия друг другу, они составляли единую жизнь народа. И каждая из этих сторон имела свой закон. Те, кто проходил через внесудебные «тройки», но кому сохраняли жизнь, получали один закон — «Положение об исправительно-трудовых лагерях». Те, кого эта чаша миновала, продолжали жить по закону, который предусматривал (пусть с нарушением сроков) выборы депутатов, съезды и конференции партии, комсомола, профсоюзов. Эту двойственность отразила и Конституция 1936 г.

Конституционную комиссию возглавил Сталин. В ее состав вошел ряд крупных политиков и теоретиков. Раздел о правах со-

ветских граждан готовил Бухарин. Это лучший раздел. В нем обозначены не столько фактически реализованные права, сколько показатели того советского общества, каким оно должно было быть без наслоений и деформаций сталинщины. В этом смысле принятая в декабре 1936 г. Конституция СССР, названная сталинской, была на деле антисталинской. Она хранила в себе и огонь Великого Октября, и реальные свершения на пути к социализму, и желание верить, что, несмотря ни на что, окружающая жизнь прекрасна.

Конституция стала шагом вперед в разработке форм советской демократии. Она отменила ограничения прав граждан по классовому признаку. Существенно обновилась избирательная система: выборы стали всеобщими, прямыми, при тайном голосовании. Значительно был расширен и прекрасно сформулирован перечень прав и свобод граждан. Особое значение имело закрепление социально-экономических прав.

Таким образом, Конституция 1936 г. во многом противоречила практике сталинщины и публично делала ее противозаконной.

Конституция и жизнь резко и сразу разошлись. Противоречия между словом и делом стали характерны для общественно-политической жизни в целом. Февральско-мартовский (1937 г.) Пленум ЦК ВКП(б) принимает решение о разворачивании внутрипартийной и советской демократии и тут же — постановление по докладу Сталина, где акцент сделан на якобы широком вредительстве и необходимости репрессий. На этом пленуме Сталин в развернутом виде формулирует свой вывод о постоянном обострении классовой борьбы по мере успехов социализма. Он настойчиво выдвигал его еще в 1928 г., но тогда против него восстал Бухарин. А теперь самого Бухарина объявляют классовым врагом.

Подготовка, обсуждение и принятие Конституции, выборы в Верховный Совет СССР, Верховные Советы союзных и автономных республик, в местные Советы — вся эта большая работа в 1935—1939 гг. проходила под трагический аккомпанемент фальсифицированных политических процессов и самоубийств видных деятелей партии, пришедших к последней черте в отношениях со сталинщиной.

Январь 1935 г. — процесс так называемого «Московского центра» во главе с Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым.

Август 1936 г. — процесс так называемого троцкистско-зиновьевского террористического центра во главе с теми же недавними вождями партии. На следующий день по завершении процесса все обвиняемые были расстреляны.

Вскоре застрелился М. П. Томский.

Январь 1937 г. — процесс так называемого антисоветского троцкистского центра, по которому проходят видные руководители партии и государства при Ленине: Г. Л. Пятаков, К. Б. Радек, Г. Я. Сокольников, Л. П. Серебряков и другие. В день окончания процесса были расстреляны все, кроме Радека и Сокольникова. Их уничтожили позже.

Февраль 1937 г.— накануне Пленума ЦК ВКП(б) ушел из жизни нарком тяжелой промышленности и член Политбюро ЦК Г. К. Орджоникидзе, которому Сталин поручил доклад на пленуме о вредительстве в его ведомстве. Не мог этого пережить Серго. Он хорошо знал своих людей: среди них не было вредителей.

Июнь 1937 г.— застрелился начальник Политуправления Красной Армии Я. Б. Гамарник. Он знает, что уже арестованы и сидят в пыточных камерах маршал М. Н. Тухачевский и другие блестящие советские командармы. Он знает, что названо и его имя.

Июнь 1937 г.— в течение одного дня проходит суд над восемью военными (М. Н. Тухачевский и другие). В тот же день все они были расстреляны.

Март 1938 г.— процесс так называемого антисоветского «правотроцкистского блока», которого не только не было, как и предыдущих, но по природе своей, по сочетанию понятий быть не могло. По процессу проходят: Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, Н. Н. Крестинский, Х. Г. Раковский, А. И. Икрамов, Ф. У. Ходжаев, Г. Г. Ягода — единственный, кто не заслужил реабилитации, проведенной через полвека.

С о п р о т и в л е н и е с т а л и н щ и н е. Расхождения Сталина с сущностью социализма были настолько глубокими, что на всем протяжении его правления не затихала борьба за реализацию завещания Ленина. Ее вели все новые и новые поколения коммунистов и беспартийных советских людей. Те, кто начинал эту борьбу позже, порой не знали о ленинском завещании ничего. Но тем примечательнее их поступки: на борьбу поднимала их никогда не умиравшая в партии ленинская принципиальность.

Широкое сопротивление сталинщине характерно для всех слоев советского народа. Особенно проявилось это в борьбе с насильственной коллективизацией. Волна сопротивления крестьян, местных партийных работников, специалистов сельского хозяйства заставила сторонников нажима временно отступить, и это спасло страну от глубочайшего политического кризиса.

Не могли примириться с утверждавшимся режимом выдающиеся деятели советской культуры и науки. Они не были политиками, не вели общих идеологических дискуссий. Но мертвящая атмосфера грубого политиканства и некомпетентного вмешательства в тонкую область творческой работы была пагубна для культуры. Поэтому такие деятели, как Н. И. Вавилов, М. Е. Кольцов, режиссер-новатор В. Э. Мейерхольд и другие, каждый в своей области героически отстаивали свои убеждения. И погибли в застенках.

В ходе необоснованных репрессий погибло около 20 тысяч советских чекистов. Они внесли огромный вклад в борьбу с реальными действиями зарубежных разведок. Но они до конца верны были завету Дзержинского: чекист должен иметь ясный ум, горячее сердце и чистые руки. В партии нарастало сопротивление рвавшемуся к единоличной власти Сталину. Вот несколько фактов:

1929 г.— выступления против Сталина на ряде районных партийных конференций в Москве.

1930 г. — выступление против Сталина кандидата в члены Политбюро ЦК, председателя Совнаркома РСФСР С. И. Сырцова, а также члена ЦК В. В. Ломинадзе.

1932 г. — призыв группы московских работников (М. Н. Рютин и другие) к свержению власти Сталина.

1933 г. — обсуждение Н. Б. Эйсмонтом, Н. Г. Толмачевым, членом ЦК А. П. Смирновым необходимости смещения Сталина с поста генсека.

1934 г. — голосование 300 делегатов XVII съезда партии против Сталина при выборах ЦК.

1938 г. — открытое письмо Ф. Ф. Раскольникова, разоблачающее Сталина.

Почему же эта борьба не увенчалась успехом? Дело не только в большой репрессивной силе сталинщины. Многие связаны с тем, что выступления против Сталина были разобщены, не организованы. Вместе с тем их политическое и нравственное значение велико. Они сохраняли честь партии, передавали от поколения к поколению преданность подлинным идеалам социализма, самоотверженную готовность устранить связанные со сталинщиной деформации, искажения социализма.

СССР в предвоенные годы. Вторая мировая война готовилась исподволь. Уже в 30-е годы стали очевидны ее поджигатели — германский и итальянский фашизм, японский милитаризм. В 1936 г. Германия и Япония подписали антикоминтерновский пакт-договор, оформивший союз двух агрессоров за передел мира под видом сотрудничества против Коминтерна. На следующий год под пактом появилась подпись Италии. А с 1939 г. к «оси Берлин — Рим — Токио» стали одно за другим присоединяться малые государства, в том числе граничившие с СССР: Венгрия, Финляндия, Румыния, Болгария и др.

СССР пытался прорвать сеть плетущихся против него интриг. Весной 1939 г. начались англо-франко-советские переговоры о взаимной помощи против агрессии. Кончились они безрезультатно.

А обстановка в мире и на советских границах осложнялась. Захватчикам был дан отпор, хотя это оказалось нелегко.

Но главный путь оздоровления международной обстановки Советское правительство видело в создании эффективной системы коллективной безопасности. В августе 1939 г. в Москве открылись переговоры представителей Англии, Франции и СССР о заключении договора о взаимопомощи.

Сталин и его ближайшее окружение не видели принципиальной разницы между фашистской Германией, с одной стороны, и Англией, Францией и другими государствами буржуазной демократии — с другой. Характеристика этих стран как империалистических казалась им достаточной. Поэтому целесообразность политического договора с тем или иным капиталистическим государством должна была определяться лишь конъюнктурой.

Иначе смотрел на это М. М. Литвинов — нарком иностранных дел. Он считал необходимым создание антифашистского блока

государств и стремился к взаимопониманию в отношениях с Англией и Францией. Его позиция вызвала недовольство Сталина. В мае 1939 г. Литвинов был снят с поста наркома, а затем выведен из ЦК. Наркомом иностранных дел стал В. М. Молотов.

Несмотря на провал весной 1939 г. политических переговоров о взаимной помощи, в августе того же года по инициативе СССР в Москве открылись военные переговоры представителей Англии, Франции и СССР о заключении договора о предотвращении агрессии со стороны Германии и планах взаимопомощи. Исторически здесь был упущен последний шанс не допустить мировую войну.

У партнеров по переговорам не было главного для успеха — взаимного доверия. Западные страны рассчитывали продолжать политику Мюнхена. Кроме того, после массовых репрессий в СССР они считали сомнительным договор с заведомо ослабленным партнером. Их представители на московских переговорах не имели даже необходимых полномочий.

СССР, со своей стороны, опасался возможного (и вполне реального) сговора за его спиной, как это уже было в Мюнхене год назад. Тогда Советский Союз оказался бы не только в одиночестве, но и перед опасностью войны на два фронта — в Европе и на Дальнем Востоке.

Обе стороны, таким образом, упустили возможность своевременного создания антигитлеровской коалиции. Потом за ее формирование пришлось платить огромную цену: Англии и СССР — жизнями своих граждан, Франции, кроме того, — позором гитлеровской оккупации. Впрочем, Англия создала прецедент. За несколько месяцев до переговоров в Москве она подписала с Германией декларацию о ненападении.

Эту ситуацию использовал Гитлер. С начала года немецкая дипломатия безуспешно стремилась укрепить пошатнувшиеся после утверждения фашизма отношения с СССР. 20 августа 1939 г. Гитлер направил Сталину телеграмму-ультиматум. Он подтвердил то, чего с тревогой ждал весь мир: нападение Германии на Польшу вот-вот состоится, СССР окажется втянутым в конфликт, если не согласится заключить с Германией договор о ненападении. Далее в телеграмме говорилось: «Поэтому я еще раз предлагаю Вам принять моего министра иностранных дел во вторник 22 августа, самое позднее — в среду 23 августа».

Сталин принял предложение. В это время в другом помещении продолжались переговоры с представителями Англии и Франции. Возглавлявший советскую военную делегацию К. Е. Ворошилов получил написанную по поручению Сталина записку, составленную явно не в дипломатических выражениях: «Клим! Коба сказал, чтобы ты сворачивал шарманку!» И Ворошилов объявил о прекращении переговоров.

23 августа в Москве между СССР и Германией был подписан пакт о ненападении, а 31 августа он уже был ратифицирован на четвертой, внеочередной, сессии Верховного Совета СССР. Есте-

твенно, что в ходе переговоров партнеры договорились о судьбе польских земель.

Возвращение западноукраинских и западнобелорусских земель советским республикам — Украине и Белоруссии в тех условиях было исторически обоснованно. Но санкционирование Сталиным и его окружением юридического упразднения Польского государства противоречило нормам международного права.

1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу. Началась вторая мировая война. СССР объявил о своем нейтралитете.

После заключения пакта о ненападении это было единственно правильной политикой. Однако в отношениях с Германией Сталин и Молотов переступили меру допустимого и разумного.

28 сентября 1939 г. между СССР и Германией был подписан договор о дружбе и границе. Комментируя его, Молотов высказал чудовищную мысль о необходимости примирения с идеологией фашизма: «Не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война «за уничтожение гитлеризма», прикрываемая фальшивым флагом борьбы за «демократию».

Это заявление привело к дезориентации коммунистов во многих странах, вызвало недоумение у друзей СССР за рубежом, у советских людей.

Недопустимым было и подписанное Молотовым с министром иностранных дел Германии Риббентропом заявление, перекладывающее всю ответственность за начало войны на Англию и Францию. В случае продолжения ими войны, говорилось в заявлении, «правительства Германии и СССР будут консультироваться друг с другом о необходимых мерах».

Обстановка продолжала оставаться чрезвычайно напряженной. В 1939 г. СССР вновь, теперь на западной границе, проходит школу «малых войн». На этот раз с Финляндией. Она, как и большинство внешнеполитических кризисов, не была фатально неизбежна. Ее причины — в упущенных правительствами возможностях мирного решения спорных, в том числе пограничных, проблем.

Переговоры велись в течение полутора лет (апрель 1938 г. — ноябрь 1939 г.). Советская страна предлагала на усмотрение Финляндии разные варианты решения — от выработки договора о взаимопомощи до обмена территориями и т. д. Однако согласие достигнуто не было.

СССР денонсировал договор о ненападении, существовавший у него с Финляндией с 1932 г. Советские дипломаты были отозваны из страны. Оставались еще считанные часы для мирного решения вопроса. Обе стороны стремления к компромиссу не проявили. Советское правительство отдало приказ о начале боевых действий.

В этот момент серьезная ошибка была допущена советской стороной. Под нажимом Сталина в пограничном районе было создано Временное народное правительство «Финляндской Демократической Республики» из представителей левых сил, находившихся в эмиграции в СССР. С этим правительством был

подписан договор о взаимопомощи и дружбе. Однако признания в народе эта политическая импровизация не получила.

Тем не менее подписавший договор Молотов отклонил предложение о мирных переговорах со стороны правительства Финляндии, продолжавшего функционировать в стране.

Война приняла довольно ожесточенный характер. Советское правительство поставило себя в политически невыгодное положение. Война стала трагедией обоих народов, и ее сознание помогло найти путь к миру. Он был подписан в марте 1940 г. и выбил почву из-под обвинений СССР в намерениях уничтожить независимость Финляндии. Главным итогом договора было восстановление в основном той границы, которая существовала до присоединения Финляндии к Российской империи (1809 г.). Впоследствии правительства обеих стран обоюдно признали свои политические ошибки, приведшие к этой совсем не обязательной войне.

Пакт о ненападении Германии мог лишь отсрочить войну. Все дело теперь заключалось в том, кто сумеет эффективнее использовать оставшееся до схватки время — СССР или Германия. Его старались не терять обе страны.

В декабре 1940 г. Гитлер подписал план «Барбаросса», задача которого определялась так: «Победить путем быстрой военной операции Советскую Россию».

Менялся территориальный состав страны. Ее границы были отодвинуты на запад. В 1939 г. произошло воссоединение земель и населения Украины и Белоруссии. Румыния в 1940 г. вернула в состав СССР Бессарабию, отторгнутую в 1918 г. Это привело к образованию Молдавской ССР вместо автономной республики. В результате сложных процессов международного и внутреннего развития, победы социалистических революций и внутреннего развития была восстановлена Советская власть в Латвии, Литве, Эстонии, вошедших в 1940 г. в состав СССР.

Однако в новых районах, вошедших в состав СССР, наряду с демократическими, революционными преобразованиями были допущены характерные для тех лет злоупотребления властью, нарушения законности. Все это усложняло положение в этих районах, отрицательно сказывалось на психологическом состоянии людей, а тем самым и на обороноспособности СССР.

Характерно положение в Литве. После ее вхождения в состав СССР республика остро нуждалась в людях, в опытных руководителях, в консолидации сил. Однако в 30-е годы многие революционеры Литвы и других республик Прибалтики, искавшие политического убежища в Советской стране, были репрессированы. Погибли шесть из восьми членов временного революционного правительства, созданного когда Литва впервые стала советской после Великого Октября. Трагична, в частности, судьба З. Алексы-Ангаретиса. Он погиб в застенках Берии всего за несколько недель до вхождения республики в состав СССР.

В подготовке страны к обороне накопилось немало противоречий. Нарастало производство оружия. Совершенствовалась

организация армии, в которой к середине 1941 г. было более 5 миллионов человек. С 1 сентября 1939 г. действовал новый закон «О всеобщей воинской обязанности».

Наращение угрозы войны вынуждало отвлекать на оборону все больше средств. В первой пятилетке ассигнования на Вооруженные Силы составили 5,4 процента во всех расходах государственного бюджета, во второй пятилетке — 12,6, за три года третьей пятилетки (1938—1940 гг.) — 26,4 процента. В 1941 г. они выросли до 43,4 процента.

Вместе с тем огромный удар по обороноспособности нанесли массовые репрессии против военных, инженеров, конструкторов, дипломатов, разведчиков, партийных, советских и хозяйственных руководителей в центре и на местах. Не доверяя разведке, добывавшей ценные сведения о военных планах гитлеровской Германии, Сталин с 1936 по 1940 г. репрессировал одного за другим пять начальников Главного разведывательного управления (ГРУ) Генштаба Красной Армии.

Чрезвычайно отрицательную роль сыграла уверенность Сталина, что он «переиграет Гитлера». Между ними шла «доверительная переписка» в 1941 г. И фюреру удалось внушить Сталину определенное доверие к себе. Просчет в определении времени нападения гитлеровской армии на СССР повлек огромные жертвы.

Когда вся мировая печать шумела, что германская армия вот-вот перешагнет границы, по указанию Сталина было опубликовано сообщение ТАСС от 14 июня, в котором говорилось, что «Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз». Это сообщение привело как бы к массовому ослеплению советских людей в армии и тылу. До этой публикации люди острее чувствовали приближение войны.

22 июня 1941 г. было воскресным днем. Многие военнослужащие приграничных военных округов получили увольнительные. А в 4 часа утра началась война — самая страшная в истории нашей страны.

Слово лектора. 1989. № 1—2

Л. А. Гордон, Э. В. Клопов

ФОРСИРОВАННЫЙ РЫВОК КОНЦА 20-х и 30-х ГОДОВ: ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ РЕШЕНИЙ

Главное, что, на наш взгляд, нужно для понимания периода с конца 20-х до конца 30-х годов, — это осознать взаимосвязь протекавших в то время социально-экономических про-

цессов, их общую обусловленность историческим выбором пути развития, сделанным в нашей стране в то время. Конечно, этот выбор возник не на пустом месте: он стал продолжением выбора, сделанного раньше, в середине 20-х годов, когда партия решала вопрос о возможности или невозможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране. Но коль скоро идея социалистического строительства в СССР победила, возникла необходимость определить пути и методы этого строительства.

Возможности и даже неизбежность противостояния различных вариантов социально-экономической стратегии в конце 20—начале 30-х годов вытекали из сложности задач, которые предстояло решить обществу на этом этапе развития, внутренней и международной обстановки.

По уровню народнохозяйственного развития — по состоянию производительных сил и их технико-экономической организации — Советский Союз в конце 20-х годов находился на начальных этапах индустриализации. В крупной, современной промышленности к началу первой пятилетки производилось лишь 20—25 процентов национального дохода СССР, тогда как в сельском хозяйстве, лесоводстве, рыболовстве и т. п. — около 50 процентов. В аграрном производстве было занято едва ли не 80 процентов работающего населения страны, а велось оно почти исключительно домашним способом. Объем промышленной продукции, выпускавшейся в нашей стране в то время, даже по абсолютной величине существенно уступал соответствующим показателям всех ведущих индустриальных держав. В СССР в конце 20-х годов производилось ежегодно 3—4 миллиона тонн чугуна, 4—5 миллионов тонн стали, 35—40 миллионов тонн угля, 5—6 миллиардов киловатт-часов электроэнергии — в 2—3 раза меньше, чем в Германии, Англии или Франции, и во много раз меньше, чем в США. Уровень производства советской промышленности в расчете на душу населения был в 5—10 раз ниже душевого производства в индустриально развитых странах. Многие, прежде всего наиболее сложные, промышленные изделия у нас вообще не производились. Отставание Советской страны имело, так сказать, стадийный масштаб: в экономически развитых капиталистических государствах уже утвердился индустриальный, технологический способ труда, наше же народное хозяйство, взятое в целом, оставалось еще по-прежнему на доиндустриальной стадии.

Существенным показателем доиндустриального состояния народного хозяйства СССР второй половины 20-х годов служат социальные и культурные характеристики населения. Доля сельских жителей в его составе была тогда в 4 раза выше доли горожан (81—82 процента против 18—20 процентов), а доля крестьян и членов их семей — в 6—7 раз выше доли рабочего населения (примерно 75 процентов против 11—12 процентов). Свыше половины взрослого населения не знало грамоты (в 1926 г. к числу неграмотных принадлежало 57 процентов жителей 9—49 лет и большинство людей старших возрастов).

Потребность в решительных и быстрых индустриальных преобразованиях с абсолютной необходимостью диктовалась этим состоянием производительных сил. Всеобъемлющая индустриализация, предполагающая не просто увеличение роли промышленности, но переход во всех отраслях экономики от домашнего технологического способа труда к индустриальному, становилась главной объективной задачей народнохозяйственного развития.

Однако состояние народного хозяйства объясняет лишь часть условий, в которых возникла необходимость выбора экономической стратегии и совершился поворот рубежа 30-х годов. Страна находилась в переходном периоде своего развития от капитализма к социализму. Основным выражением переходного характера общественных отношений являлось сочетание политического строя диктатуры пролетариата, осуществляемой под руководством Коммунистической партии, со смешанной экономикой, в которой переплетались и взаимодействовали элементы социалистического, государственно-капиталистического, капиталистического, мелкотоварного, патриархального уклада. Решающее значение и по распространенности, и по роли в воспроизводственном процессе имели в 20-е годы крупная государственная промышленность, а также принадлежащие государству финансово-экономические учреждения, с одной стороны, и мелкотоварное крестьянское хозяйство — с другой. Экономические связи между ними и связи государственных предприятий и единоличных хозяйств друг с другом строились по преимуществу на рыночной, товарно-денежной основе.

Безраздельная политическая власть, а также сосредоточение в руках государства «командных высот» в народном хозяйстве создавали условия, в которых экономическое развитие, несмотря на преимущественно рыночную природу хозяйственных связей, теряло стихийный характер. Партия получила возможность сознательно направлять рост экономики в определенное русло, ограничивая перерастание мелкотоварного хозяйства в капиталистическое и тем самым сводя к минимуму опасность чрезмерного расширения капиталистического уклада. Эти же факторы обеспечивали переход к индустриальной экономике, осуществляемой социалистическими методами, что предполагает — в отличие от стихийной капиталистической индустриализации — предварительное общественное планирование преобразований, сознательный выбор того или иного варианта. При этом, обладая политической властью и ключевыми финансово-экономическими механизмами, партия как руководящее ядро общества реально была способна направить развитие по избранному пути.

Иными словами, если состояние производительных сил диктовало необходимость индустриализации, то социально-экономическое и общественно-политическое развитие страны открывало возможность ее осуществления в ходе социалистических преобразований. Принятый партией курс на строительство социализма

в одной стране предполагал, что эта возможность будет реализована в полной мере. Но проводить этот курс в жизнь можно было по-разному.

Спору нет, при реализации стратегии социалистической индустриализации спектр возможных решений не безграничен и выбор их в конечном счете не произволен. Однако международный опыт реального социализма подтверждает достаточно широкую вариантность и многообразие форм социалистического строительства, социалистических индустриальных преобразований в том числе. Применительно к нашей теме особенно важно подчеркнуть, что на протяжении последнего полувека такие преобразования проводились в одних условиях преимущественно внеэкономическими, административными методами, в других — с помощью широкого использования средств товарно-денежного и финансового регулирования. В первом случае они сочетались с командно-административным планированием и всеобщим обобществлением, включающим сплошную коллективизацию, во втором — с сохранением взаимодействия секторов экономики, находящихся на различных ступенях обобществления, с развитием планирования, ведущегося с учетом законов рынка.

Хотя руководители советского общества в конце 20-х годов, конечно же не обладали нашим историческим опытом и не представляли себе всего многообразия путей социалистического строительства, сама объективная возможность подобного многообразия создавала условия, в которых неизбежно выдвигались различные варианты социально-экономической стратегии, возникала ситуация выбора. Трудность выбора правильных решений усугублялась достаточно сложным составом социальных и политических сил, выступавших за социалистические индустриальные преобразования. В СССР борьбу за социализм активно поддерживали и городские промышленные рабочие, и деревенская беднота, и кадры партийно-государственного аппарата, и комсомольская молодежь. Будучи едины в главном, эти группы были далеко не тождественны по своим текущим предпочтениям, опыту, культуре, непосредственным интересам и устремлениям.

Свой отпечаток на выбор стратегии социалистического строительства наложили и особенности международного положения СССР в 20—30-е годы. Атмосфера капиталистического окружения, нарастающей военной угрозы во многом определяла политический и идеологический климат эпохи. И хотя на сегодняшний взгляд обстановка тех лет, когда совершался поворот к социалистической индустриализации, как будто не указывала на непосредственную опасность, последующие события подтвердили, что ощущение близящегося столкновения с внешним врагом было уже тогда гораздо более обоснованным и оправданным, чем это кажется, если принимать в расчет одни только факты 20-х годов. В тогдашнем мире действительно тянуло «порохом со всех границ».

Выработка альтернативных вариантов индустриализации и создания материальной базы социализма в СССР происходила в достаточно сложных и противоречивых формах, не всегда и во всем очевидных самим участникам связанных с ними столкновений. Прошедшее время позволяет по-новому взглянуть на хорошо известные материалы, отвлекаясь от наполняющих эти материалы подробностей, пристрастий, случайностей тогдашней политической борьбы. При таком взгляде в общедоступных документах прочитывается не только содержание стратегической линии, которая возобладала в ходе борьбы 20-х годов и была реализована в 30—40-е годы под руководством И. В. Сталина, но и схема неосуществившейся (или, вернее, оборванной в самом начале) альтернативной стратегии, обычно связываемой с именами Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, М. П. Томского и других.

Фактически, впрочем, в развернутом виде была выдвинута и обоснована именно вторая стратегия. Как видно из имеющихся материалов, в частности из резолюции XV съезда ВКП(б) «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства», принятой по докладам А. И. Рыкова и Г. М. Кржижановского, в основу данной стратегии была положена идея достижения в ходе социалистической индустриализации «наиболее благоприятного сочетания» нескольких важнейших взаимообусловленных целей. Одна из этих целей (первая по важности) — индустриальная реконструкция экономики, обеспечение «расширенного воспроизводства (накопления) в государственной индустрии на основе расширенного воспроизводства в народном хозяйстве вообще»¹. В самой индустрии особое внимание должно уделяться развитию производства средств производства, отраслям тяжелой промышленности, которые могут поднять экономическую мощь и обороноспособность СССР. Вторая цель — непереносимое и систематическое повышение удельного веса социалистического сектора экономики, достигаемое повышением роли социалистической промышленности и социалистической торговли в народном хозяйстве, с одной стороны, и социалистическим кооперированием крестьянского производства — с другой. Однако социалистическим при этом считалось лишь такое кооперирование, которое имело вполне добровольный характер и обеспечивало бы реальные экономические преимущества по сравнению с единоличным мелотоварным производством. Наконец, третья цель — одновременное с народно-хозяйственным ростом повышение жизненного уровня и культуры народа.

Необходимость одновременного движения к этим целям, в свою очередь, обуславливала другие элементы этого варианта стратегии

¹ КПСС в резолюциях. М., 1984 Т. 4. С. 276

социалистического строительства. Отсюда, в частности, вытекали установки на решение главной практической проблемы всякой индустриализации — проблемы накоплений. В обстановке 20—30-х годов, когда у СССР отсутствовали какие бы то ни было внешние источники накоплений, эта проблема приобретала форму вопроса о соотношении между производством и потреблением. Считая необходимым обеспечить одновременное расширение индустриального строительства и рост уровня жизни, сторонники рассматриваемой стратегии стремились найти своего рода компромиссные пропорции распределения национального дохода на фонд потребления и фонд накопления. В сущности, именно поиск такого компромисса выражала принятая XV съездом формула о том, что нельзя одновременно достичь «максимальной цифры того и другого... ибо это неразрешимая задача», нельзя также «исходить из одностороннего интереса накопления... или исходить из одностороннего интереса потребления...», но нужно «исходить из оптимального сочетания обоих этих моментов»¹.

Стремление одновременно решить задачи индустриализации и роста потребления определило также требование «оптимального сочетания» тяжелой и легкой промышленности. В этом выражалось признание опасности «увязки» государственных капиталов в крупном строительстве, дающем результаты «на рынке лишь через ряд лет», и пониманием того, что «более быстрый оборот в легкой индустрии (производство предметов первой необходимости) позволяет использовать ее капиталы и для строительства в тяжелой индустрии при условии развития легкой индустрии»².

С признанием равной значимости хозяйственного роста, подъема благосостояния и расширения социалистического уклада на основе добровольного кооперирования были связаны важнейшие установки принятой XV съездом стратегии в отношении крестьянства, составлявшего в то время подавляющее большинство населения. В установках XV съезда намечалось продолжение линии на охват всех бедняцких и середняцких групп деревни многообразными формами кооперации. При этом в них делался особый упор на сочетание всеобщего распространения снабженческо-сбытовых и торгово-посреднических кооперативных объединений с ускоряющимся развитием производственной кооперации — коммун, колхозов, артелей, производственных товариществ, кооперативных заводов и т. п. Однако имелось в виду, что государственной и общественной поддержки заслуживают только добровольные и экономически жизнеспособные формы коллективного хозяйства. Реальные экономические преимущества должны были стать главным средством вовлечения масс в производственную кооперацию и главной формой наступления на кулака. В этом смысле намеченное съездом наступление на кулачество прямо противопостав-

¹ КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 277

² Там же. С. 277—278

лялось методам так называемого «раскулачивания»¹. Добровольный переход основных масс к коллективному хозяйствованию открывал перспективу сначала относительного сокращения роли кулаков и вообще частнокапиталистических элементов в экономике (при сохранении и даже абсолютном увеличении размеров их хозяйственного оборота), а затем и полного их вытеснения, в том числе и через разные виды срастания с государственным и кооперативным социалистическим производством.

Разумеется, проводимое такими методами кооперирование крестьянства и вытеснение кулачества должно было занять немалое время. Значительную часть этого времени частнобывшие деревни оставались бы держателем большой доли товарной продукции сельского хозяйства. Тем самым сохранялась вероятность возникновения затруднений при проведении государственных хлебозаготовок, угроза использования зажиточными слоями рыночной конъюнктуры в целях классового нажима на рабочую власть, сохранялась почва для попыток борьбы с социалистической политикой государства и т. п. Однако последовательному соблюдению принципа добровольности и экономической оправданности кооперирования, экономической обоснованности взаимоотношений с крестьянством вообще придавалось в рамках рассматриваемой стратегии такое исключительное значение, что даже при возникновении таких ситуаций чрезвычайные внеэкономические меры — административный произвол, нарушения революционной законности, возврат к методам продразверстки — рассматривались как совершенно недопустимые. Вместо внеэкономических мер предлагалось прибегать к рыночному маневрированию (включая ввоз сельхозпродуктов из-за границы), применять кредитно-финансовые рычаги и другие экономические приемы. Сторонники подобного подхода считали, что невыгоды неизбежного в подобных случаях сокращения фонда накопления и замедления промышленного роста в том или ином году будут перекрываться преимуществами здоровых отношений в деревне и расширением внутреннего рынка, обеспечивающими сохранение высоких темпов индустриализации в долгосрочной перспективе.

Естественной предпосылкой и своего рода гарантией одновременного развития промышленности, жизненного уровня, добровольной и хозяйственной жизнеспособной кооперации является использование товарно-денежных отношений в качестве важнейшего регулятора экономических взаимосвязей в обществе. Поэтому сохранение принципов нэпа составляет здесь фундамент, исходную основу социально-экономической стратегии. Весь этот вариант социалистического строительства исходит из убеждения, что нэп есть тот путь, на котором «только и возможно социалистическое преобразование хозяйства страны»².

¹ См.: КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 352.

² Там же. С. 320.

Так в основных чертах выглядит один из вариантов стратегии индустриализации и строительства социализма в СССР, отчетливо прочитывающийся во многих партийных документах 1927—1928 гг. Вместе с тем в те же годы начал формироваться, а в последующие несколько лет получил полное развитие и абсолютное преобладание другой вариант стратегии социалистического строительства и индустриальных преобразований. Его зародыши можно найти уже в некоторых документах XV съезда ВКП(б), например в постановлении съезда по отчету ЦК, представленному И. В. Сталиным, или в резолюции «О работе в деревне», принятой по докладу В. М. Молотова. Развернутое обоснование этой стратегии, фактически противопоставленной курсу, вытекающему из резолюции XV съезда партии «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства», дано в документах последующих лет, в частности в решениях XVI и XVII съездов партии, в докладах и выступлениях Сталина, относящихся к 1928—1934 гг.

Надо, правда, признать, что в обоих вариантах теоретически провозглашались одни и те же конечные цели намечаемых преобразований — индустриализация народного хозяйства, кооперирование крестьянства и превращение социалистического уклада в абсолютно преобладающий, подъем благосостояния и культуры трудящихся. На деле, однако, Сталин и его сподвижники в своих построениях исходили из убеждения, что одновременное и более или менее равномерное движение ко всем главным целям практически нереально. Принцип равнозначности они заменили идеей решающего значения ускоренного роста промышленности и реконструкции народного хозяйства на промышленной основе. Причем в этом случае речь шла не просто о форсировании индустриального развития, но о его «подхлестывании» (по выражению Сталина), то есть о навязывании объективным процессам своей воли. Это выразилось, например, в попытке уже в ходе выполнения первого пятилетнего плана увеличить в 2—3 раза его и без того крайне напряженные задания. Во имя этой поистине авантюрной попытки была непомерно расширена доля накоплений в расходовании национального дохода — с 10—15 процентов в середине 20-х годов до 40—45 процентов к концу первой пятилетки. И хотя народное хозяйство страны буквально надорвалось из-за стремления таким образом «ускорить» ее экономическое развитие, а первая пятилетка была фактически не выполнена, в официальных документах, а затем и в «Кратком курсе истории ВКП(б)» утверждалось, что сталинская стратегия была единственно возможной (и даже, что первая пятилетка была выполнена за 4 года и 3 месяца — здесь, разумеется, не обошлось без «лукавых цифр»).

Но чем же аргументировали сторонники курса на «подхлестывание» индустриализации и всего экономического развития страны

свои установки? С точки зрения внутреннего положения форсированное развитие промышленности диктовалось, по мнению Сталина, необходимостью создать предпосылки для скорейшей коллективизации крестьянства. Сталин и его сподвижники руководствовались убеждением (представляющимся, в особенности с учетом позднейшего опыта других стран, не слишком обоснованным), что нельзя сколько-нибудь долго базировать Советскую власть одновременно на крупной государственной промышленности и единомличном мелкотоварном сельском хозяйстве, что мелкое частное производство не может мирно подчиняться социалистическому укладу и постепенно срачиваться с ним.

С точки зрения международного положения — и здесь сталинские доводы выглядят более убедительными — необходимость первоочередного развития промышленности определялась неотвратимым, как считал И. В. Сталин, приближением войны и недостаточностью промышленной базы для ее успешного ведения. Правда, свои доказательства он подкреплял ничем не аргументированными утверждениями о гигантском отставании нашей страны от наиболее развитых капиталистических государств — на 50—100 лет. Не было никаких оснований считать, что уровень экономического развития СССР на рубеже 20—30-х годов XX в. соответствовал состоянию экономики Англии, Германии, США, Франции в 70—80-е годы и тем более в 20—30-е годы XIX в., зато такое утверждение позволило Сталину заявить в 1931 г.: «Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»¹.

Оппоненты сталинской линии тоже хорошо понимали, что кооперирование деревни, преобладание социалистического уклада и в особенности обеспечение обороноспособности Советского государства могут быть достигнуты лишь при условии индустриальной перестройки экономики. Они, однако, считали, что без повышения жизненного уровня народа, без соблюдения добровольности и экономической обоснованности кооперирования индустриализация теряет подлинно социалистический характер, сокращается внутренний рынок, возникает недовольство масс, появляется угроза подрыва социальной основы нашего строя — союза рабочего класса и крестьянства.

Напротив, сторонники сталинского курса — в данном пункте находится исток разногласий — полагали, что политическая система диктатуры пролетариата, авторитет Советской власти и Коммунистической партии, беззаветная вера миллионов людей в социализм, их энтузиазм и готовность к самопожертвованию ради социалистического будущего открывают возможность «освободиться» от товарно-денежных факторов, сосредоточить все ресурсы на первоочередном наращивании промышленного потенциала и добиться здесь успеха вне зависимости от того, как скажется подобная концентрация народных сил на других сторонах

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 39.

общественной жизни. При этом любые формы форсированного развития государственной промышленности отождествлялись с ростом социализма и объявлялись исторически оправданными.

С убеждением, что преодоления промышленной отсталости следует добиваться, каких бы социально-экономических, политических, идейно-нравственных издержек это ни стоило, а также с уверенностью, что индустриализацию можно провести, несмотря на подобные издержки, просто сосредоточив на ней все ресурсы страны, связаны остальные черты стратегии, выдвинутые Сталиным в конце 20— начале 30-х годов. Стратегия ускоренного индустриального развития открыто требовала от советских людей «серьезных жертв» и призывала трудящихся, рабочий класс в первую голову, сознательно пойти на них. Но сталинский вариант стратегии социалистической индустриализации строился отнюдь не только в расчете на одни лишь добровольные и сознательные усилия народа. Необходимость быстрее преодоления отсталости оправдывала в глазах защитников этого варианта применение принудительных, насильственных мер там, где энтузиазма и добровольной готовности к жертвам оказывалось недостаточно. «Репрессии в области социалистического строительства,— призывал Сталин,— являются необходимым элементом наступления...»¹ Правда, он подчеркивал, что это элемент вспомогательный, не главный. Но возможность перерастания насилия за пределы вспомогательного средства имела и, как показала история, была реализована.

Особое значение возможному дополнению добровольности принуждением придавалось в той части сталинского плана, которая касалась сельского хозяйства и крестьянства. Крестьянство, напомним, охватывало тогда свыше трех четвертей населения, так что расширение накоплений за счет потребления могло быть достигнуто главным образом посредством ограничения прежде всего крестьянского потребления. Именно поэтому сталинский план форсированной индустриализации с самого начала включал меры экономического принуждения крестьянства. Государство, владеющее ключевыми позициями и определяющее положение на рынке, устанавливало относительно высокие цены на промышленные товары, потребляемые деревней, и относительно низкие на сельскохозяйственную продукцию, вынуждая крестьян платить «нечто вроде «дани», своего рода сверхналог, дающий средства для индустриализации»².

Подобная перекачка средств из фонда потребления деревни в фонд промышленного накопления неизбежно должна была повлечь за собой попытки крестьянства, в особенности кулачества, сократить продажу сельхозпродукции государству и добиться таким путем изменения цен. В соответствии с курсом, вытекающим

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 12. С. 171.

² Там же. Т. 10. С. 327.

из директив XV съезда о составлении первого пятилетнего плана, возникающие затруднения следовало преодолевать экономическими методами — закупками зерна за рубежом, рыночным маневрированием с целью ослабления экономического принуждения, то есть ценой временного уменьшения фонда накопления. В отличие от этого в сталинском варианте предлагалось в подобных случаях дополнять экономическое принуждение применением по отношению к деревенской верхушке чрезвычайных мер внеэкономического принуждения. «...Лучше,— утверждал Сталин,— нажимать на кулака и выжать у него хлебные излишки... чем тратить валюту, отложенную для того, чтобы ввезти оборудование для нашей промышленности»¹. Более того, поскольку основной объем сельскохозяйственной продукции производился середняком, было признано возможным принуждение и в отношении его.

Фактически формой такого принуждения стало осуществление разработанного Сталиным и его окружением курса на полную и ускоренную коллективизацию деревни, заменившего ленинскую концепцию постепенного и всемерного развития разнообразных видов кооперации, строящейся на добровольном объединении крестьян. Опираясь на реальный поворот в сторону колхозов значительной части крестьянства (но не всего, видимо, даже не большинства его), Сталин с осени 1929 г. стал говорить о необходимости в ближайшие годы осуществить сплошную коллективизацию деревни с применением для этого насилия. «...Чтобы мелкокрестьянская деревня пошла за социалистическим городом,— утверждал он,— необходимо еще, кроме всего прочего, *насаждать* в деревне крупные социалистические хозяйства в виде совхозов и колхозов... Социалистический город может *вести* за собой мелкокрестьянскую деревню не иначе, как *насаждая* в деревне колхозы и совхозы...»² План сплошной коллективизации включал в себя поворот к раскулачиванию, ликвидации кулачества как класса. «...Без проведения в жизнь политики ликвидации кулачества как класса,— отмечал Сталин,— невозможно добиться преобразования деревни на началах социализма»³. «Раскулачиванию», то есть экспроприации имущества, сопровождавшейся лишением гражданских прав и высылкой из мест постоянного проживания в отдаленные районы страны, подверглись также миллионы середняков, прежде всего те из них, кто не сразу соглашался вступать в колхозы. Эта политика представляла составную часть коллективизации. Она означала такое повышение уровня насилия (его эскалацию, сказали бы сегодня), что чрезвычайные административные меры прежних лет выглядели сравнительно с ней «пустышкой», по выражению Сталина⁴.

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 12. С. 92

² Там же. С. 149

³ Там же. С. 359.

⁴ См. там же. Т. 13. С. 14.

Закономерным продолжением принятия максимальных темпов индустриализации и коллективизации выступает в сталинской стратегии линия на перестройку методов управления народным хозяйством — отмена основных положений нэпа и сведение к минимуму роли товарного хозяйства и товарных связей.

Признавая значение нэпа как политики, принятой «всерьез и надолго», Сталин одновременно подчеркивал, что «всерьез и надолго» не значит навсегда. Когда новая экономическая политика, говорил он в 1929 г., «перестанет служить делу социализма, мы ее отбросим к черту»¹. Видимо, восемь лет осуществления нэпа представлялись Сталину достаточно серьезным и долгим временем. Правда, формально в сталинском плане первоначально речь шла не о полной отмене нэпа «по всему фронту», а об отмене его начальной стадии, тех форм и порядков, которые были характерны для периода расцвета новой экономической политики. От нэпа предлагалось оставить только некоторые элементы частной торговли и «свободного» товарооборота, то есть сохранить товарно-денежные отношения главным образом в сфере обращения и резко ограничить их в производственной.

Вместо этого в сталинском варианте развития основное место должны были занять административно-командные формы управления народным хозяйством. В свете последующего опыта известное утверждение Сталина (сделанное еще в 1927 г.) о том, что «наши планы есть не планы-прогнозы, не планы-догадки, а планы-директивы, которые обязательны для руководящих органов»², прочитывается как декларация принципиальной целесообразности директивных, административно-командных методов управления экономикой. По убеждению Сталина и тех, кто разделял его точку зрения, установка исключительно на директиву, приказ, выполняемый любой ценой, могла обеспечить преодоление отсталости и тот темп развития, от которого, по их мнению, зависели судьбы страны.

В целом сталинский план, по сути дела, предлагал вернуться к идеям сверхиндустриализации, которые сам И. В. Сталин в середине 20-х годов называл «фантазией», но которые в конце 20-х признал реальными и необходимыми для того, чтобы быстро преодолеть отсталость и во всеоружии встретить надвигающуюся войну. После нелегкой и очень сложной борьбы выбор был сделан в пользу плана форсированной индустриализации. К сожалению, он был сделан не в ходе дискуссий и сопоставления альтернативных вариантов, но путем прямого и грубого навязывания партии сталинской стратегии, поскольку ее противники были политически ошельмованы и фактически устранены с арены партийной деятельности. Но как бы то ни было этот выбор и определил «великий перелом» на рубеже 20—30-х годов, а вместе с ним весь характер развития страны в течение нескольких последующих десятилетий.

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 12. С. 171.

² Там же. Т. 10. С. 327.

ИТОГИ И ЦЕНА ФОРСИРОВАННОГО РЫВКА

Правильность избранного курса, как известно, проверяется и подтверждается его результатами. Какими же были результаты форсированного рывка 20—30-х годов и какую цену пришлось заплатить за них?

В исследованиях предшествующих перестройке лет внимание акцентировалось исключительно на позитивных итогах — на возникновении новых отраслей промышленности, на коренной реконструкции материально-технической базы, на росте объемов промышленного производства, изменении места СССР в Европе и мире по показателям индустриального развития. Успехи здесь действительно были значительными. По данным официальной статистики того времени, за годы довоенных пятилеток Советский Союз по объемам промышленного производства вышел на первое место в Европе и второе в мире. Был создан ряд новых отраслей индустрии — авиационная, автомобильная, алюминиевая, апатитовая, калийная, тяжелое машиностроение, качественная металлургия, подшипниковая, приборо- и станкостроение. В десятки раз выросли объемы промышленного производства, особенно в отраслях, производящих средства производства. Была ликвидирована безработица, полностью устранены экономические возможности эксплуатации человека человеком. Осуществлялась невиданная по своим масштабам программа развития здравоохранения и просвещения.

Если же говорить шире — о социально-экономических итогах поворота на рубеже 20—30-х годов, — то самым важным из осуществленных в то время преобразований явилось создание реальной социалистической экономики, возможности планомерно развивать народное хозяйство, основанной на обобществлении средств производства. Трудом и социальной активностью советского народа была доказана практическая возможность уничтожения капитализма и замены его принципиально иным, социалистическим строем.

Вместе с тем нельзя не видеть, что создание социалистической экономики в СССР есть итог всего социалистического строительства, начиная с Великой Октябрьской социалистической революции, всей борьбы рабочего класса и всей деятельности Коммунистической партии в процессе революционного преобразования советского общества. Перелом конца 20-х годов означал не вообще поворот к социализму как таковому. Современные исследования показывают, что продолжение процессов, протекавших в 20-е годы, также вело к складыванию экономики социалистического характера¹. Этот поворот был выбором особенного, конкретного варианта социалистического строительства, предопре-

¹ См.: *Лацис О.* Проблема темпов в социалистическом строительстве// *Коммунист.* 1987. № 18.

делившего конкретный же тип тех социалистических общественных отношений, социалистической экономики и хозяйственного механизма, которые сложились в нашей стране в 30—40-е годы.

Сегодня есть основания считать, что в советской экономической системе того времени преобладали отнюдь не высшие, зрелые формы социализма. Как известно, возможности и преимущества социализма не реализованы полностью до сих пор, а уж экономика 30—40-х годов, во всяком случае, отражала главным образом свойства и закономерности раннего неразвитого социализма. Мало того, советская экономическая система этого периода представляла собой, на наш взгляд, особый, специфический тип раннесоциалистической экономики. Пользуясь современной терминологией, можно сказать, что это была по преимуществу административная, «командно-нажимная» экономическая система, жестко подчиненная прямому и сильно централизованному планированию, связанная с резким ограничением сферы действия товарно-денежных отношений с почти полным устранением самостоятельного начала в деятельности предприятий, господством директивных, по сути, внеэкономических методов управления народным хозяйством. По функционированию данной системы, ее достижениям и издержкам, по ее явным и скрытым, ближайшим и дальнейшим следствиям, а не по всеобщим свойствам социализма следует оценивать фактические итоги преобразований 30—40-х годов.

В реальной действительности достижения и издержки административно-командной модели раннесоциалистической экономики были сплетены друг с другом, образуя в конце концов разные проявления одних и тех же процессов. Успехи достигались здесь ценой издержек, и в этом смысле издержки выступали одной из предпосылок достижений. Но в аналитическом разборе целесообразно отделить — хотя бы мысленно, условно — достижения от издержек и рассмотреть их последовательно.

О достижениях было сказано выше. Каковы же были издержки, какова была цена сталинской стратегии форсированного рывка? Говоря о них, надо различать, с одной стороны, издержки, связанные с самим избранным курсом, и издержки, обусловленные особенностями его реализации, — с другой. Так, неизбежным следствием курса на ускоренную индустриализацию и сплошную коллективизацию стало утверждение в нашей стране административно-командной системы управления.

Некоторые историки высказываются в том смысле, что без такой системы было бы невозможно осуществить курс на форсированную индустриализацию, на создание экономического фундамента социализма, но они при этом забывают добавить, что ценой за его осуществление было крайнее перенапряжение народных сил; что в 30-е годы уровень жизни советских людей оставался крайне низким; что именно для того времени были характерны периоды ухудшения питания значительных слоев населения (а жестокий голод 1932—1933 гг. свел в могилы сотни тысяч,

если не миллионы, людей); что жизнь десятков миллионов членов семей рабочих и служащих была постоянно отягощена затяжным жилищным кризисом.

Следствием утверждения административно-командных методов управления в условиях усиления личной власти Сталина, в свою очередь, стали ограниченный подход к демократии и подмена выборных органов их исполнительным аппаратом, фактическое отчуждение трудящихся, народа от власти — те явления, которые мы стремимся преодолеть в ходе перестройки, возобновляя прерванное движение социалистической демократии от концепции власти для трудящихся к представлениям о власти «через» самих трудящихся.

По-видимому, не все вожди большевизма верили в возможность и целесообразность перехода от управления *«для трудящихся»* к управлению *«через трудящихся»* с той же силой, что и Ленин¹. В частности, Сталин с первых лет Советской власти представлял себе политическое управление по преимуществу как управление аппаратное. Страной, говорил он в 1920 г., «управляют на деле не те, которые выбирают своих делегатов в парламенты при буржуазном порядке или на съезды Советов при советских порядках. Нет. Страной управляют фактически те, которые овладели на деле исполнительными аппаратами государства, которые руководят этими аппаратами»². С подобным, в сущности, антидемократическим пониманием государственности вполне согласуется сформулированный в те же годы сталинский подход к Коммунистической партии и ее роли в советском обществе. Как записал Сталин в 1921 г. в набросках к не написанной им брошюре о политической стратегии и тактике русских коммунистов, партия составляет «своего рода орден *меченосцев* внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность»³. Эти представления, сформулированные в условиях вынужденно ограниченного понимания демократии, превратились в теоретическую основу формирования режима личной власти Сталина, практики сталинского самовластия, противоречащего демократии и законности, попиравшего последние, несмотря на их формальное совершенствование и усиление.

В обстановке самовластия не просто слабела и деформировалась демократическая сущность социализма. Сталинское самовластие резко повышало уровень насилия, используемого в управлении, приводило к безграничному произволу. В итоге политические действия центральной власти то и дело оказывались источником невосполнимых человеческих потерь, сопоставимых по размерам с национальными катастрофами. Все это — и установление режима личной власти, и беззакония, и истребление людей —

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 170.

² Сталин И. В. Соч. Т. 4. С. 366.

³ Там же. Т. 5. С. 71.

никак нельзя отнести к неизбежным (и поэтому оправданным) последствиям курса на ускоренную индустриализацию и сплошную коллективизацию. Это результат сталинского осуществления этого курса сталинской политики.

Сегодня часто задают вопрос: «Какие человеческие потери понесло наше общество в результате реализации этой политики?» В общем виде тот факт, что эти потери 30—40-х годов исчислялись миллионами, достаточно определенно подтверждают простейшие данные государственной статистики народонаселения (и их умолчание). Опубликованные к настоящему времени материалы свидетельствуют, что население СССР составляло в конце 1926 г. 147 миллионов человек, в начале 1929 г.—153,4 миллиона, в конце 1930 г.—160,5 миллиона человек. Они сообщают также, что к концу 1936 г. оно не превышало 164 миллиона человек. (Официальные сведения о численности населения СССР в 1931—1935 гг. не публиковались.) Если предположить, что рост населения в эти годы происходил теми же темпами, которыми он шел накануне периода форсирования индустриализации и сплошной коллективизации и по его окончании, то в СССР к концу 1936 г. должно было бы жить (учитывая отсутствие сколько-нибудь значительной эмиграции и иммиграции) не менее 175—180 миллионов человек. Таким образом, демографические потери в рассматриваемый период составили, считая округление, по меньшей мере 10—15 миллионов человек.

Разумеется, условные демографические потери нельзя отождествлять с реальными человеческими жертвами. Реальный ущерб, нанесенный трудовым ресурсам страны массовыми репрессиями, раскулачиванием, смертным голодом, который в 1932—1933 гг. обрушился на сельское население Украины, Дона, Кубани, Поволжья, Южного Урала и Казахстана, был несколько меньше. Но все же он был огромен.

Не менее чудовищны данные, отражающие репрессии 30-х годов в отношении партии. Достаточно взглянуть на следующие данные о числе членов и кандидатов партии (в миллионах человек на 1 января соответствующего года):

1933..	3,6	1936.....	2,1	1939	2,3
1934.....	2,7	1937	2,0	1940.	3,4
1935.....	2,4	1938.....	1,9	1941.....	3,9

В 1933—1935 гг. в партии проходили чистка и обмен партийных документов. Прием новых членов и кандидатов в это время был полностью прекращен. Но даже после возобновления приема численность в 1936—1938 гг. падала. Партия в своей подавляющей части состояла тогда из нестарых людей, так что почти все уменьшение ее состава в эти годы (около 1,5 миллиона человек, почти 40 процентов общей численности) приходится на долю исключенных. Многие из них были так или иначе репрессированы. Вместе же с комсомольцами и беспартийными общее число жертв кровавого террора и незаконных арестов достигало нескольких

миллионов человек, оказываясь сравнимым с числом жертв голода и раскулачивания.

Одно из самых ужасных сталинских беззаконий было связано с возрождением практики древних и средневековых деспотий, объявлявших целые народы виновными и подвергавших их коллективному наказанию. В 40-е годы такая практика коснулась в нашей стране балкарцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, немцев и других народов. Все они были насильственно выселены из родных мест и на десятилетия превращены в ссыльнопоселенцев, лишенных всяких гражданских прав и свободы передвижения. В канун войны численность репрессированных народов составляла примерно 2,5 миллиона человек (1,4 миллиона немцев, свыше 1 миллиона остальных).

Ужас многомиллионных людских потерь, вызванных в 30—40-е годы репрессиями и голодом (в ряде районов искусственно вызванным), усугубляется их бессмысленностью, так сказать, бесполезностью с точки зрения социально-экономического развития страны и укрепления ее обороноспособности. За все эти последствия сталинского осуществления курса форсированного рывка в итоге пришлось платить еще раз многомиллионными потерями, понесенными в годы Великой Отечественной войны.

Но двойственность этого времени видеть нужно: и то, что в ту пору были заложены основы нашего военно-политического и индустриального могущества, и то, что в те же годы была создана политическая система, во многом затормозившая наше последующее движение. Поэтому мы видим в периоде 20—30-х годов и этап динамичного развития, и урок, который стремимся извлечь из событий того времени, возрождая ленинское понимание социалистической демократии, и предостережение, заставляющее нас сегодня размышлять о возможных путях и методах обновления социализма и искать среди них действительно оптимальный вариант.

Политическое образование. 1988 № 15. С. 23—31

В. С. Лельчук

КУРС НА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЮ И ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ

О том, как наша страна становилась мощной промышленной державой, написано немало научных трудов и популярных работ. Казалось бы, все основное уже известно. Тем примечательнее тот интерес, который сегодня, в условиях перестройки, проявляется к истории советской индустриализации. Сказывается не только общее усиление внимания к прошлому, к связи времен. Главное в том, что возрождается ленинская концепция социалистического строительства. Всем своим существом этот

процесс требует не просто пополнения знаний, а нового осмысления накопленного опыта. Нужен смелый пересмотр устаревших схем и положений, отказ от лжи и фальши, ставших нормой многих исторических работ в условиях господства сталинских оценок индустриализации.

Речь, конечно, не идет о главном. Совершенно ясно, что лишь на путях ускоренной индустриализации можно было преодолеть былую отсталость, укрепить обороноспособность, решить задачи перехода от капитализма к социализму. Однако на нынешнем этапе развития советского общества проблема требует более глубокого анализа и разностороннего освещения. Теперь уже нельзя ограничиваться показом того, что было сделано. Не менее важно сказать и о том, как это было достигнуто, какой ценой. А все ли удалось? В чем коренятся основные трудности и просчеты? Может быть, избранный путь вообще не имел альтернатив? Вопросы, вопросы, вопросы... Один актуальней другого, ведь мы, помимо всего прочего, снова решаем задачу ускорения и делаем это в условиях НТР, которая логически и исторически является продолжением индустриализации.

С учетом сказанного и ведется данная беседа. Рамки ее ограничены, поэтому наиболее целесообразным представляется такой разговор, который позволит в хронологической последовательности показать, как ставились и решались основные задачи нашей индустриализации на всем протяжении 20—30-х годов. При этом в центре внимания рассмотрение взглядов В. И. Ленина на пути подведения прочной экономической базы под Советскую власть, анализ внутрипартийных споров, вопрос об ускорении промышленного развития в условиях нэпа конца 20-х годов и срыве темпов в начале 30-х, вызванных победой сталинских методов руководства; далее речь пойдет о развитии административно-командной системы управления, ее приобретениях, утратах, традициях.

ВТОРАЯ ПРОГРАММА ПАРТИИ

Если посмотреть учебную литературу, то почти в любой книге индустриализация характеризуется как создание и развитие крупной промышленности, в первую очередь тяжелой, как строительство материально-технической базы социализма и т. п. Человеческий фактор из поля зрения авторов чаще всего выпадает. Превалирует, выражаясь нынешним языком, технократический взгляд. Тем важнее подчеркнуть, что изначально дело обстояло принципиально иначе. Изначально — это на заре Советской власти, это в условиях, когда составлялся первый долгосрочный проект преобразования экономической жизни нашего общества, вошедший в историю как государственный план электрификации России, план ГОЭЛРО.

Общеизвестна роль В. И. Ленина в его возникновении и разработке. Однако не все еще знают, что именно в этом плане воплотились ленинские положения об индустриализации, сформулиро-

ванные еще на исходе прошлого столетия. Работая в ту пору над книгой «Развитие капитализма в России», В. И. Ленин конкретно показал масштабы промышленной революции, охватившей страну после отмены крепостного права. Более того, на материалах о добыче нефти в районе Баку, каменного угля в Донбассе он сделал вывод о том, что в России «особенно быстро возрастают те отрасли промышленности, которые изготовляют *средства производства*, т. е. предметы не личного, а производительного потребления»¹. Аналогичным образом он оценил подъем химической отрасли, металлургии, быстрое распространение железных дорог, которое сопровождалось разворачиванием отечественного машиностроения, в частности выпуском паровозов на Коломенском и Людиновском заводах, в Петербурге, Брянске, Сормове, Харькове, Луганске.

Наш экскурс в дореволюционное прошлое имеет прямое отношение к теме разговора. Дело в том, что уже в 20-е годы распространилось утверждение о громадной отсталости старой России от Запада, недоразвитости ее индустриального потенциала. Сталин узаконил тезис «Россия — полуколония», в результате в обиход вошли рассуждения, будто после Октября крупную промышленность приходилось создавать чуть ли не на пустыре, с нуля. В 1946 г. главное отличие советского метода индустриализации от капиталистического Сталин сформулировал так: буржуазия начинала с легкой промышленности, а потом, с ее помощью скопив деньги, приступала к строительству промышленности. Советская власть отвергла «обычный» путь и начала дело индустриализации страны с разворачивания тяжелой промышленности. Отсюда, мол, и короткие сроки того скачка, который произошел в довоенные пятилетки.

Расхождение с Лениным было разительным, ведь, по существу, отрицались вполне определенно достижения капиталистической индустриализации, а следовательно, и степень развития рабочего класса. Качественно (вопреки действительному положению вещей) принижался тот исходный уровень, на базе которого в основном и пришлось уже после социалистической революции проводить курс на промышленное преобразование страны.

Спору нет, в экономике буржуазно-помещичьей России преобладало сельское хозяйство, продукция которого по отношению к продукции промышленности составляла примерно 60:40. В рамках фабрично-заводской индустрии превалировало производство предметов личного потребления. К тому же капиталистический сектор был опутан пережитками крепостничества, феодализма. На долю горожан приходилась лишь пятая часть жителей империи. Численность наемных рабочих, занятых во всех отраслях промышленности, в торговле и на транспорте, не превышала 12 миллионов человек, и лишь 4 миллиона из них работали на заводах и фабриках, на шахтах и рудниках, в железнодорожных

¹ Ленин В. И. Полн собр. соч. Т. 3. С. 493.

депо. Говорить о завершенности индустриализации, конечно, не приходилось.

Но не следовало шарахаться и в другую крайность, сводить российскую индустрию к «оазисам», которые тонули в море крестьянских хозяйств. Ленину не довелось услышать эти откровения Сталина. Но когда в 1920 г. он прочитал в книге Бухарина, что крах мировой капиталистической системы начался с наиболее слабых народнохозяйственных систем, он выразил свое несогласие и добавил: «Без известной высоты кап[итали]зма у нас бы ничего не вышло»¹.

Действительно, накануне первой мировой войны по объему промышленной продукции Россия занимала пятое место в мире, в том числе по добыче нефти, вывозу древесины, производству пиломатериалов — второе, по выработке хлопчатобумажных тканей — третье, по продукции машиностроения, выпуску кокса и сахарного песка (из отечественного сырья) — четвертое, по выплавке стали, производству чугуна, железной руды, цемента — пятое и т. д. Кроме того, в мировом сельском хозяйстве России принадлежало первое место по сбору пшеницы, ржи, ячменя, льноволокна и второе — по поголовью крупного рогатого скота. Одним словом, отсталость России была относительной. Уже после революции Ленин писал, что пролетариат Советской России «воспитан десятилетиями очень молодой, но все же современной крупной машинной промышленностью...»²

Учет данных обстоятельств имел важное значение сначала для составления плана ГОЭЛРО, а позднее при разработке первого пятилетнего плана. Было ясно, что в ходе восстановления легкой промышленности и сельского хозяйства возникнут достаточно благоприятные условия для подъема тяжелой индустрии. Столь же большое внимание уделялось анализу данных о численности и составе населения, прежде всего рабочего класса. Поступая таким образом, плановики снова шли за Лениным, который понимал индустриализацию, во-первых, как процесс превращения страны из аграрной в промышленно развитую, во-вторых, как быстрый рост городов, торгово-промышленного населения, прежде всего пролетариата (Ленин называл это индустриализацией населения)³.

Теоретические положения Ленина в полной мере были воплощены в плане ГОЭЛРО. Правда, в современной литературе его очень часто сводят к заданиям по сооружению электростанций. Тем важнее отметить, что авторы 20-х годов сплошь и рядом ставили знак равенства между понятиями «электрификация» и «индустриализация». И были правы.

Ученые и практики, работая над планом, обстоятельно проанализировали масштабы дореволюционной индустриализации.

¹ Ленинский сборник XI. С. 397.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44 С. 5.

³ См. там же. Т. 3. С. 590.

Изучив диспропорции и слабости народного хозяйства, они, однако, решительно выступили против тех, кто привык рассматривать будущее страны лишь в связи с развитием аграрного сектора. В разделе, написанном Г. М. Кржижановским, отвергалась антинаучная классификация К. Каутского, который, характеризуя так называемые аграрные государства, ставил Россию в один ряд с Персией, Турцией, Китаем¹.

По подсчетам Кржижановского, стоимость промышленной продукции в дореволюционной России лишь немного уступала стоимости товаров сельскохозяйственного производства. Аналогичные выкладки делались и прежде. Публиковались, например, следующие данные о масштабах экономического развития ведущих держав мира (в миллиардах немецких марок):

	Промышленность	Сельское хозяйство
Соединенные Штаты Северной Америки	24,6	10,0
Великобритания	10,7	2,8
Германия	8,0	5,1
Франция	6,8	5,1
Россия	5,0	6,6

Иначе говоря, будучи страной аграрно-индустриальной, Россия существенно отставала по размерам промышленной продукции от Северной Америки и Великобритании, но была близка к Франции. А по объему сельскохозяйственного производства она уже в начале XX в. заметно превосходила Великобританию, Германию, Францию и лишь на одну треть уступала Соединенным Штатам Америки.

Реальная оценка ранее достигнутых рубежей (с учетом потерь, вызванных войнами, интервенцией, разрухой) имела важное значение для разработки основных направлений индустриального преобразования народного хозяйства Советской России.

План, рассчитанный на 10 лет, предусматривал первоочередное развитие промышленности. При общем увеличении продукции на 80—100 процентов приоритет получали машиностроение и металлургия, химия, производство строительных материалов, которые должны были расти еще быстрее. Менее высокие темпы (около 46—48 процентов) намечались для текстильной и пищевой отраслей. Нелишне добавить, что как раз на VIII съезде Советов, где рассматривался план ГОЭЛРО, было принято постановление «О тяжелой индустрии» — первый советский правительственный документ, в котором употреблен этот термин, символизирующий главную линию всего последующего наращивания нашей экономики.

¹ План электрификации РСФСР. Доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. М., 1955. С. 94—95, 101.

Одновременно из работ Маркса и Ленина в план ГОЭЛРО, а затем в другие подобного рода материалы вошло понятие «интенсификация». И это было естественно, ибо «вторую программу партии» Ленин характеризовал как план работ по воссозданию всего народного хозяйства и доведения его до современной техники¹. Такой замысел предполагал перевод экономики на новую энергетическую базу — на массовое использование электричества; ставились задачи механизации производства и рационального размещения предприятий, энергосистем, транспортных линий, сырьевых баз. Провозглашался принцип: «Подъем в возможно более короткий срок производительности труда с расходом минимума трудовых единиц и материальных ресурсов страны».

Читая эти строки на исходе XX столетия, когда всемерная интенсификация является для нас наипервейшей задачей, нельзя не заметить преемственность современной политики КПСС по отношению к плану ГОЭЛРО. Но, быть может, такой курс на заре Советской власти был забеганием вперед, порывом революционных романтиков? Опасений для подобных выводов нет. Ленин, Кржижановский, трудившиеся под их началом патриоты и энтузиасты делали ставку не просто на восстановление прежних предприятий, а на их реконструкцию, модернизацию, оснащение передовой техникой. Развертывание этой работы мыслилось в сочетании с сооружением новых заводов, шахт, нефтепромыслов, транспортных линий, крупных электростанций и энергосистем. Другим важнейшим фактором должно было стать использование квалифицированной рабочей силы, численность которой предстояло увеличить за 10 лет всего на 17 процентов, то есть прирост продукции намечалось наращивать в 4—5 раз быстрее увеличения общей численности занятых на производстве.

Обоснованность наметок подкреплялась сопоставлением с опытом индустриализации России периода 1908—1912 гг.². Темпы предстоявшего десятилетия лишь ненамного обгоняли показатели предвоенного времени. О сверхвысоких скоростях еще никто не говорил.

Одним словом, составители программы осторожно подходили к определению темпов предстоящего роста. Много неясного таила международная обстановка. Открытым оставался вопрос о концессиях, зарубежных кредитах и т. п. Существовало четкое понимание того, что в условиях переходного периода к социализму коренные преимущества советского строя начнут проявляться и действовать не автоматически, а лишь по мере вовлечения все более широких масс трудящихся в соревнование, упрочения плановых начал, реорганизации сельского хозяйства, общекультурного подъема страны. И чем всеохватнее будут эти процессы,

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42 С. 157.

² Здесь уместно привести вывод составителей плана ГОЭЛРО о том, «что уже в довоенное время наша индустриализация шла более ускоренным темпом чем где бы то ни было...». См.: План электрификации РСФСР Доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. С. 49.

писал Кржижановский, чем быстрее они сольются в единый поток, тем скорее возникнут условия для гораздо более решительного подъема хозяйственной жизни.

Достоинства и значение плана ГОЭЛРО становятся особенно весомыми при знакомстве с другими попытками предвосхитить будущее Советской России. Наибольшую известность получила в те годы книга крупного специалиста профессора В. И. Гриневецкого. Ее автор обнаружил большое знание фактического материала, а концептуально он оказался весьма беспомощным. По мнению Гриневецкого, сельскохозяйственная отсталость, слабость городов и культуры обрекли страну на положение, при котором лишь иностранные капиталы смогут спасти ее, вернуть на путь возрождения и развития. Даже в случае благоприятного исхода, писал он в 1919 г., на это понадобится 10—12 лет. В книге ни слова не говорилось о новой энергетической базе, а тем более об индустриализации. Понятно, почему в перспективе автору виделось «ослабление рабочего класса» и «укрепление буржуазных групп крестьянства»¹.

Подобные взгляды имели тогда широкое хождение. Многие ученые и специалисты, сформировавшиеся в прежних условиях, искренне связывали возможный прогресс экономики и благополучие населения с преимущественным ростом сельского хозяйства. Выдвигались и такие проекты: во имя будущего экстренно развернуть массовое производство минеральных удобрений, дабы в течение 5—10 лет резко поднять урожайность полей, а на проданную за границей продукцию сельского хозяйства закупить оборудование для взлета промышленности. По мнению же профессора Л. К. Рамзина, максимальный эффект мог быть получен на путях первоочередного развития нефтедобычи и нефтепереработки при одновременной продаже соответствующих продуктов на мировом рынке; приобретенная таким образом валюта сулит в ходе ближайшего десятилетия индустриальный подъем страны с помощью импорта.

На фоне подобных предложений, имевших чаще всего «отраслевой» характер, программа ГОЭЛРО выгодно отличалась своей комплексностью. Ее объектом было народное хозяйство в целом, она охватывала все основные регионы страны: ставка делалась главным образом на внутренние источники накопления, из числа которых категорически исключалась торговля водкой. Наконец, — и это особенно важно — план имел ярко выраженную социальную направленность. Цель задуманных преобразований в полном соответствии с духом Великого Октября нашла свое отображение в чеканной формулировке: «*Выравнить фронт нашей экономики в уровень с достижениями нашего политического уклада*»². Вот почему Ленин и считал план электрификации второй программой

¹ Гриневецкий В. И. Послевоенные перспективы русской промышленности. М., 1922. С. 38—39, 99

² План электрификации РСФСР. Доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. С. 36.

партии. Ее осуществление означало прежде всего промышленное преобразование страны, подведение передовой технической базы под всенародное хозяйство, надежное укрепление экономической и тем самым политической мощи пролетарского государства.

Сказанное, на наш взгляд, поможет нам вести дальнейший разговор о том, как стратегический курс на социалистическую индустриализацию воплощался в повседневной политике партии и государства, в практике рабочего класса.

ЧТО ПОКАЗАЛ ПЕРЕХОД К НЭПУ

Весной 1921 г. на X съезде партии В. И. Ленин говорил: «Только по окончании войны мы увидели всю ту степень разорения и нищеты, которые надолго осуждают нас на простое только излечение ран»¹. Стало ясно, что политика «военного коммунизма» требует немедленной замены. Введение нэпа сопровождалось разворачиванием товарно-денежных отношений, рыночных связей, появлением частных лавок, кафе, ресторанов, предприятий и т. п. Все это не отменяло плана ГОЭЛРО. Иным становился лишь подход к его осуществлению, то есть к подведению прочных экономических основ под диктатуру пролетариата, и преодолению былой отсталости страны. В сложившихся тогда условиях первоочередное восстановление крупной индустрии (прежде всего тяжелой) было невозможно. Реальная действительность помешала организовать массовую закупку орудий труда, машин, оборудования за рубежом. Истощение рабочих и крестьян достигло предела. Чтобы их срочно поддержать, подчеркивал Ленин, «нужно золотой фонд бросить на предметы потребления, вопреки нашей прежней программе»².

На первое время приоритет был отдан текущим делам. Предстояло немедленно решать продовольственную проблему. Даже начало хозяйственного и бюджетного года правительство отнесло на 1 октября, то есть к тому рубежу, когда подводятся итоги сельскохозяйственных работ, завершается сбор урожая. В интересах оздоровления экономики принимались меры для оживления и подъема мелкой промышленности, кустарно-ремесленного производства.

Но менялась не только последовательность восстановления отдельных отраслей народного хозяйства. Принципиально иными становились способы и приемы хозяйствования, связанные прежде всего с существованием многоукладной экономики, деятельность капиталистических элементов в городе и деревне. Надо было торговать и конкурировать с нэпманом, осваивать хозрасчет и бороться за рентабельность. С этой целью правительство перестроило управление промышленностью. В ведении ВСНХ остались лишь наиболее крупные предприятия, объединенные в тресты,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43 С. 9.

² Там же С. 69

призванные добиваться самоокупаемости и приносить прибыль. Так появились «Югосталь», «Химуголь», «Азнефть», Гомза — Государственное объединение (трест) машиностроительных заводов, Сахаротрест, Льюноуправление и др. Сбытом произведенной ими продукции занимались, как правило, синдикаты, действовавшие также самостоятельно, на договорных началах.

Стратегическая цель партии при этом оставалась неизменной: крепить смычку с крестьянством, удовлетворяя его неотложные хозяйственные потребности, налаживать общий подъем производительных сил, восстанавливать крупную, то есть фабрично-заводскую, промышленность. Особое внимание уделялось тяжелой индустрии, которая нуждалась в государственных субсидиях. «Если мы их не найдем,— предупреждал Ленин,— то мы, как цивилизованное государство,— я уже не говорю, как социалистическое,— погибли»¹. Тем с большей радостью он сообщил участникам IV конгресса Коминтерна (это было в конце 1922 г.), что на рельсах нэпа удалось накопить первый «капитал» — 20 миллионов золотых рублей. И тут же добавил: сумма предназначена только для тяжелой индустрии².

Как и прежде, строительство социализма Ленин связывал с претворением в жизнь плана электрификации. Новое же состояло в том, что теперь это надо было делать на путях нэпа, в условиях многоукладной экономики, конкуренции с частником. Чтобы выстоять в капиталистическом окружении (заметьте, эта тема в плане ГОЭЛРО еще отсутствовала), придется, говорил Ленин, пройти «необыкновенно трудный и долгий путь», «скапливать понемногу сбережения, увеличивать налоги»³. Но только так можно было пересесть с одной лошади на другую, с лошади крестьянской, обнищавшей на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации.

Как же начинался этот путь? Уже в 1922/23 г. металлопромышленность получила от государства свыше 33 миллионов золотых рублей; почти столько же удалось выделить на электростроительство, около 52 миллионов — на угольную и нефтяную отрасли... Сдвиг был очевидным. Однако по масштабам и темпам восстановления впереди шла деревня. Кустарно-ремесленное производство росло также быстрее, чем крупная промышленность. Поскольку в деревне господствовало мелкое единоличное хозяйство, а в городе продолжалась активизация частного капитала, обстановка складывалась, конечно, не простая.

Вопрос о промышленности решено было обсудить на XII съезде партии. Докладчиком выступил Л. Д. Троцкий. Обеспокоенный ростом мелкобуржуазной стихии, он настаивал на принятии мер, в короткий срок обеспечивающих приоритет государственной промышленности над сельским хозяйством. Призывая к хозяйственному наступлению, Троцкий говорил: «Мы собираемся

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 288.

² См. там же.

³ Там же. С. 209.

проходить через стадию *первоначального социалистического накопления*». (Подчеркнутые слова выделил сам докладчик.) Члены Политбюро шестью голосами против одного не поддержали такую линию. В принятой резолюции съезда отмечалось «первенствующее значение» сельского хозяйства в экономике страны на данном этапе ее развития. Поэтому XII съезд указал: «Только по мере действительных успехов фабрично-заводской промышленности и восстановления тяжелой индустрии, этой единственно прочной базы диктатуры пролетариата, а также приближения реального завершения работ по электрификации возможно и неизбежно изменение удельного веса сельского хозяйства во всей экономике страны и перемещение центра тяжести от крестьянского хозяйства к промышленности»¹.

Итак, весной 1923 г., на XII съезде, термин «индустриализация» еще не фигурировал, не формулировалась в качестве главной повседневной задачи и политика ускоренного превращения СССР в социалистическую промышленную державу. Но уже тогда впервые в условиях мирного строительства партия вплотную подошла к практической постановке этого вопроса, к разработке конкретных мер, нацеленных на осуществление качественных изменений в структуре народного хозяйства СССР. И сразу же выявились серьезные разногласия. Никто не сомневался в том, что крупная промышленность, объединяя самый передовой класс общества, есть производственная база, единственная материальная основа социализма, способная реорганизовать и земледелие.

Столь же единодушно на первое место ставились уголь, нефть, металл — отрасли, обеспечивающие «хозяйственное процветание республики и ее внешнюю безопасность». Камнем преткновения становился вопрос об источниках финансирования промышленного строительства, о путях и приемах изыскания средств для возрождения индустрии. Но споры еще лишь начинались. Общими усилиями — и это зафиксировала резолюция съезда — было решено: «Победоносной может оказаться только такая промышленность, которая дает больше, чем поглощает»².

Следовательно, ставка делалась на интенсивную работу предприятий, которая будет сопровождаться, во-первых, систематическим расширением выпуска товаров, во-вторых, снижением их себестоимости, улучшением качества. Мыслилось, что рентабельность и рост производительности труда будут регулярно увеличивать объем прибылей, а это обеспечит расширенное воспроизводство государственного сектора, индустриальное преобразование страны.

Практика, однако, внесла свои коррективы. Еще осенью 1922 г., выступая с докладом от Комиссии по установлению цен на Президиуме Госплана, Г. Л. Пятаков (заместитель председателя ВСНХ СССР) говорил: «Ввиду того что в общей эконо-

¹ КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 57.

² Там же. С. 58

мике страны позиция промышленности крайне неблагоприятна и без поддержки государства мы рискуем превратиться в чисто аграрную страну, поэтому политика государства, и в том числе и всех хозяйственных органов, должна быть направлена в противоположную сторону, чтобы этому неблагоприятному соотношению между промышленностью и сельским хозяйством положить предел путем повышения цен изделий нашей промышленности».

Вскоре после XII съезда ВСНХ от слов перешел к делу и разослал приказ, подписанный Пятаковым, где прямо говорилось об обязанности хозяйственников добиваться наибольшей прибыли. Такой призыв в условиях нэпа многие руководители предприятий встретили, можно сказать, восторженно. Опыта работы «на началах коммерческого расчета» они не имели. Хозяйственники, выросшие в обстановке «военного коммунизма» со свойственной ему жесткой централизацией, административно-волевым стилем руководства, охотно применили прежние методы. Приказ, полученный от ВСНХ, привел к немедленному (чаще всего необоснованному) повышению цен на товары массового спроса.

К этому времени сельское хозяйство страны было восстановлено примерно на 70 процентов (к довоенному уровню), а крупная промышленность — на 39 процентов. Столь большое несоответствие в темпах восстановления вело, с одной стороны, к удорожанию изделий фабрично-заводского производства, а с другой — к удешевлению деревенских товаров. Покупательная способность крестьян снизилась. В результате, если в 1913 г. крестьянин мог за один пуд ржи приобрести 5,7 аршина ситца, то в 1923 г. — только 1,5 аршина, то есть почти в 4 раза меньше. Примерно втрое меньше крестьянин мог приобрести сахара. В среднем покупательная способность ржи (по отношению к подобного рода товарам) упала за десятилетие до 25—40 процентов от уровня 1913 г.

Плуг, который в 1913 г. обходился крестьянину в 6 пудов пшеницы, в 1923 г. требовал расходов вчетверо больших, а цена сенокосилки подскочила со 125 пудов до 544 и т. д. Фактически на этом расхождении (как говорили тогда, «на ножницах») деревня теряла 500 миллионов рублей, то есть половину своего платежеспособного спроса.

Повышение цен на промышленные товары, вызванное в значительной мере ретивостью сторонников получения наибольших прибылей, отрицательно сказалось и на самой промышленности. Так, увеличение цен на суперфосфат первоначально обрадовало руководителей химической отрасли (в 1913 г. пуд этого важного удобрения стоил примерно на 20 процентов дешевле пуда ржи, а через 10 лет соотношение в корне изменилось: теперь пуд суперфосфата был на 40 процентов дороже пуда ржи). Предприятия надеялись на значительный рост прибылей. Но такое вздорожание обернулось отнюдь не прибылями. Спрос на удобрения резко упал, началось массовое затоваривание. То же самое произошло и в других отраслях промышленности.

Кризис сбыта больно ударил по финансовой системе государства, которое и без того испытывало колоссальные затруднения в деле поддержки тяжелой индустрии. Болезненно отразился он и на жизни широких слоев населения. Рассмотрев в январе 1924 г. вопрос об ошибках в проведении политики цен, XIII конференция РКП(б) в специальной резолюции констатировала: «В погоне за покрытием убытков, понесенных промышленностью за первый год нэпа, ряд хозорганов неправильно применил директиву XII съезда о необходимости стремиться к прибыльности и чрезмерно поднял цены до уровня, доступного лишь более платежеспособному рынку»¹. С точки зрения социалистического строительства, указывала конференция, нельзя осуществлять накопление, которое в данный момент не под силу основной массе населения страны; темп развития промышленности предлагалось строго согласовывать с общим ходом расширения емкости крестьянского рынка.

Казалось бы, сама жизнь подводила итог спорам о путях изыскания средств для ускоренного подъема промышленности. Тем не менее в 1924 г. они развернулись с новой силой. Поводом послужили выступления профессора Е. А. Преображенского (несколько ранее он работал секретарем ЦК партии). Согласно его рассуждениям, социалистическое производство «может начаться лишь после того, как советское хозяйство пройдет стадию первоначального накопления». Автор не боялся прямой аналогии такого процесса с первоначальным накоплением капитала, которое в буржуазных странах состояло в массовой эксплуатации мелких производителей, прежде всего в разорении крестьянства. Наоборот, отталкиваясь от нее, он утверждал, что, чем более экономически отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, тем больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на эксплуатацию досоциалистических форм хозяйства. Отсюда вытекал практический лозунг: «Задача социалистического государства заключается здесь не в том, чтобы брать с мелкобуржуазных производителей меньше, чем брал капитализм, а в том, чтобы брать больше...» А кто ж не знал, что большинство мелкобуржуазных производителей в Советской России составляют крестьяне. С них и предлагалось «брать больше».

Справедливости ради нужно признать следующее. Предлагая увеличить налоги, Преображенский исходил из того, что в стране ликвидирован буржуазно-помещичий строй и в условиях нэпа мелкий производитель имеет возможность жить лучше, чем до 1917 г., а потому и отдавать государству относительно больше. Однако в реальной обстановке середины 20-х годов, когда накал внутривластной борьбы становился все сильнее, эти суждения были оценены прежде всего как антикрестьянские. По свидетельству очевидцев, председатель Совнаркома СССР А. И. Ры-

¹ КПСС в резолюциях. . Т. 2. С. 164.

ков был просто вне себя: «Теория Преображенского возмутительна. Это черт знает что!.. Можно ли придумать большее, чтобы смертельно скомпрометировать социализм?.. У него деревня только дойная корова для индустрии».

Столь же страстно против взглядов Преображенского выступил Бухарин. На страницах «Правды» и в журнале «Большевик» он охарактеризовал их как экономическое обоснование троцкизма. Конечно, промышленность, разъяснял Бухарин, получает добавочные ценности со стороны крестьянства. Но при чем тут первоначальное накопление? Буржуазия в период своего становления действительно грабила мелких производителей и воспроизводила на расширенной основе капиталистические отношения. А в СССР помощь деревни городу была призвана укрепить государственный сектор, дать импульс подъему индустрии в интересах ликвидации всяких видов неравенства и эксплуатации...

На этом полемика не закончилась. Она показала наличие в партийно-хозяйственном руководстве противоположных точек зрения на пути и методы экономического развития страны в условиях нэпа. Можно даже сказать, что сама трактовка нэпа была различной. Большинство членов Политбюро и Центрального Комитета того времени не осознало всей глубины и важности призыва Ленина «признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»¹. Во всяком случае, руководство не встало на путь реализации ленинских предложений, изложенных в его последних работах. На практике это приводило к тому, что даже в середине 20-х годов многие элементы политики «военного коммунизма» продолжали здравствовать. Борьба с засилием бюрократизма не получила должного размаха и целенаправленности. Негласно сохранялся стиль, чуждый задачам нэпа, мало поощрявший предприимчивость, осложнявший поиск альтернатив и хозяйственных вариантов. В итоге тормозилась, а то и срывалась реализация важнейших постановлений, направленных на использование рыночных отношений, развитие хозрасчетных связей.

Получалось даже так, что Рыков по линии правительства ориентирует промышленность на снижение розничных цен, а Пятаков от имени ВСНХ по-прежнему толкает тресты на получение максимальной прибыли. Да и в Госплане некоторые сотрудники одобряли нэп лишь постольку, поскольку он содействовал быстрому накоплению средств в руках государственного сектора. В частности, будущий академик С. Г. Струмилин просчеты 1923 г. оценивал так: «Выпущенные на хозрасчет, наши тресты, оказавшись на время без узды, слегка «перенэпили». Здесь все примечательно: и вера видного экономиста в «узду», в командную экономику, и непонимание того, что руководители промышленности, в том числе директора трестов, скорее «недонэпили», ибо вели дело отнюдь не «купцовским способом». Чрезмерно повысив цены,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 376.

они недальновидно жили сиюминутными интересами, не думали о завтрашнем дне.

Спор об источниках, о средствах и путях накопления, конечно, не был случайностью. Завершалось восстановление народного хозяйства. Предстояли огромные расходы на новое строительство, да еще в капиталистическом окружении. Индустриальный пролетариат был еще малочислен — всего 4 миллиона человек (примерно столько насчитывалось и служащих). В состав страны уже не входили Прибалтика, Польша, Финляндия, где размещалась почти пятая часть крупной промышленности, примерно шестая часть кадровых рабочих бывшей империи. Как одолеть мелкобуржуазную стихию города и деревни? Троцкий и его сторонники стояли за резкое усиление плановых начал и административных мер, ускоряющих рост индустрии. Бухарин отстаивал путь использования крестьянства как равноправного партнера в строительстве социализма. Он делал акцент на развертывание демократии, самодеятельности масс, углубление нэпа.

На такой же позиции стоял тогда и Сталин. Но, защищая эти взгляды, с их помощью укрепляя собственный авторитет, он одновременно все более жестко вел борьбу за лидерство, применял сплошь и рядом недозволенные приемы. Все чаще верные выступления генерального секретаря ЦК, рассчитанные на широкую аудиторию, расходились с его конкретными действиями. Это выражалось и в перестановке кадров партийного и государственного аппарата, подборе их по принципу личной преданности Сталину, и в устранении всех, кто имел собственную точку зрения. Закулисная игра велась тонко, исподволь; ее ход и механику видели и понимали поначалу немногие. А когда дело доходило до сколько-нибудь серьезной критики проводившейся политики, в ответ сыпались обвинения в подрыве единства, в стремлении к фракциям, расколу, в пособничестве классовому врагу.

Ограничения демократии, гласности мешали и выработке верной хозяйственной политики, сдерживали инициативу творчески мыслящих ученых, инженеров, рабочих. Суживались сами возможности экономической состоятельности, использования хозрасчета, самокупаемости, товарно-денежных отношений в целом.

Не будь подобных препон, дрожжи нэпа дали бы ко второй половине 20-х годов больший эффект. Наши современники, обращаясь к тому периоду, связывают нэп почти исключительно с сельским хозяйством. Долю вины за такой подход к прошлому должны взять на себя и историки. У нас еще слабо показано, почему и в силу каких причин восстановление крупной промышленности приняло бурный характер примерно с 1923 г. Ведь дело не только в том, что деревня снабдила рабочий класс хлебом, а заводы и фабрики — сырьем. Нэп быстро оживил кустарно-ремесленное производство, мелкую промышленность.

Особо нужно сказать об успешном проведении в 1922—1924 гг. финансовой реформы, без чего нормальное развитие товарно-де-

нежных отношений было бы невозможным. Сегодня это трудно представить, но в начале 20-х годов большая группа хозяйственников и политиков энергично ратовали за непрерывную эмиссию бумажных денег. Их не пугало обилие обесцененных купюр; они опасались нехватки денег на выплату зарплаты, на рост оборотных средств и т. п. Активнее других такую линию отстаивали Е. А. Преображенский, Г. Л. Пятаков, Ю. Ларин. С ними солидаризировались секретарь ВЦСПС А. А. Андреев, нарком труда В. В. Шмидт. В результате, вопреки замыслу нэпа, в соответствии с которым тресты и предприятия переводились на самоокупаемость, на хозрасчет, выдвигалась идея всемерной поддержки крупной промышленности главным образом с помощью государственного бюджета.

XI съезд РКП(б) принял резолюцию «О финансовой политике», положив в ее основу тезисы Г. Я. Сокольникова, нацеливавшие на прекращение бумажноденежной эмиссии, развертывание налоговой политики, увеличение государственных доходов от промышленности, призванной регулярно повышать производительность труда. В постепенной стабилизации рубля, во введении в оборот червонца, имевшего твердое золотое обеспечение, В. И. Ленин увидел сдвиги, имеющие «величайшее значение для торговли, для свободного товарооборота, для крестьян и громадной массы мелких производителей»¹. Ярким тому доказательством стали хлебные (а затем и сахарные) займы. Крестьяне, покупая облигации этих займов, сохраняли свои деньги от обесценивания, поскольку их стоимость была выражена в пудах ржи, сахара и т. д. А уплачивая продналог облигациями, они получили дополнительные выгоды, в частности, не несли расходы на доставку продуктов в счет налога.

В 1923/24 г. общим правилом стал единый сельскохозяйственный налог, который повсеместно мог вноситься деньгами. Простор для хозяйственного маневрирования резко возрос; был сделан крупный шаг на пути преодоления последствий «военного коммунизма». Денежное обращение становилось нормой и для города, и для деревни. Более того, оно, как и намечалось, в короткий срок превратилось в действенное средство возрождения и подъема советской экономики. Опасения, будто диктатура Наркомфина вытеснит диктатуру пролетариата, обнаружили свою полную несостоятельность. Система денежных налогов позволила не только ликвидировать натуральное обложение, что сразу же активизировало стремление крестьянства участвовать в рыночной торговле, но и содействовала введению прогрессивно-подоходного обложения в деревне. Финансовая реформа создавала условия и для упрочения плановых начал в работе промышленности, для аккумуляции денежных ресурсов в руках государства с целью осуществления политики индустриализации, укрепления обороноспособности страны, наращивания ее духовной мощи.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 284—285.

Вслед за Госбанком, который возник в канун 1922 г., были учреждены Торгово-промышленный банк, Электробанк, Всероссийский кооперативный банк и ряд других центральных и местных банков с целью обслуживания государственных и кооперативных предприятий и организаций. Все они имели право предоставлять краткосрочный кредит, а также контролировать хозяйственную и финансовую деятельность тех, кто получал ссуду. Одновременно через специальные фонды государство кредитовало бедняцкие и середняцкие хозяйства.

В целом финансовая политика государства в условиях нэпа строилась таким образом, чтобы в «кратчайший срок укрепить завоеванную политическую власть, подводя под созданный в процессе борьбы государственный аппарат прочную финансовую базу»¹. Этот курс, зафиксированный партией в 1922 г., позволил сформировать весьма действенную в рамках многоукладной экономики систему налогообложения. Она включала в себя 86 видов платежей и носила четко выраженный классовый характер. С ее помощью удалось обеспечить бюджет регулярно поступающими и устойчивыми доходами. Под контролем государства находился весь процесс накопления (независимо от того, осуществлялся он в обобщественном или частном секторе). Множественность форм изъятия денег помогала в специфических условиях того времени охватить налогом все звенья продвижения товара от производства к потребителю. Забегая вперед, замечу, что такой порядок был ликвидирован в 1930 г., когда все прежние платежи были соединены в два крупных вида: налог с оборота и отчисления от прибыли. Это был уже этап властного упрочения административно-приказных методов руководства.

Вплоть до 1930 г. широкое распространение имел и коммерческий кредит. Практика его осуществления способствовала внедрению хозрасчета, развитию инициативы и самостоятельности руководителей предприятий и возглавляемых ими коллективов.

Одним словом, как и намечал В. И. Ленин, нэп открывал широкие возможности такого использования товарно-денежных отношений, которое обязывало коммунистов как правящую партию учиться торговать, вести предприятия «купцовским способом» и тем самым поднимать экономику на уровень ускоренного строительства социалистического общества. В этом смысле важнейшая задача нэпа состояла в накоплении средств для промышленного преобразования страны, для развертывания капитального строительства в интересах индустриализации СССР. И хотя трудностей было действительно много, подчеркну главное для рассматриваемой темы. Уже в 1926 г. деревня дала государству дополнительно к прямым налогам более миллиарда рублей, «происхождение» которых было связано с узаконенной переплатой на товары промышленного производства.

¹ КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 498.

К сожалению, в нашей литературе почти нет исследований, показывающих, что же удалось сделать в сфере крупной промышленности в этих условиях. Историки словно торопятся рассказать об успешной борьбе с частником, с нэпманом, о быстром преодолении рыночной стихии, о торжестве государственных начал в экономике. Значит, до сих пор мы во многом верны традициям тех политиков, мнение которых в 1929 г. прямолинейно выразил Сталин, когда он со свойственной ему резкостью выражений пообещал отбросить нэп к черту.

Между тем именно на рельсах новой экономической политики вслед за оздоровлением сельского хозяйства по мере оживления деятельности ремесленников, кустарей, активизации отраслей, выпускавших предметы потребления, наступал час тяжелой индустрии. Одна за другой возвращались в строй шахты Донбасса, набирали силу машиностроительные заводы страны. Более того, само понятие «восстановление» во многом становилось условным.

Еще и сейчас можно встретить ветеранов, которые помнят, как в праздничный Первомай 1924 г. по Ленинграду прошли тракторы, лишь накануне выпущенные на заводе «Красный путиловец». Впереди рабочие гордо несли плакат: «Берегись, соха, — трактор идет!» А 7 Ноября на улицах Москвы появились первые 10 грузовиков, собранных в бывших мастерских Рябушинского, где теперь возникал первенец советского автостроения. Подобно ленинградцам, москвичи шли с транспарантом: «Рабочий-хозяин строит автопромышленность, которой не было у капиталиста-хозяина». Газеты тем временем рассказывали о завершающем этапе работ по сооружению Волховской ГЭС, о реконструкции на нефтепромыслах Баку, о начальных шагах электротехнической отрасли и т. д.

Сомнений не было: страна возрождается, промышленность пошла в гору, численность рабочих стала вновь увеличиваться. В мае 1924 г. XIII съезд партии, отметив сдвиги в укреплении топливной базы, транспорта, указал на очередную задачу — металл. В резолюции говорилось: «Наладить производство средств производства внутри Союза означает создать действительно прочную базу для социалистического хозяйства и в значительной степени освободить себя от необходимости передачи больших заказов за границу. Съезд поручает Центральному Комитету обратить серьезное внимание на эту проблему»¹.

ОТ XIV СЪЕЗДА ПАРТИИ К ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКЕ

XIV съезд партии, заседавший в декабре 1925 г., в нашей литературе уже несколько десятилетий неизменно фигурирует как съезд индустриализации. Однако немногие знают, что именно так почти пять лет спустя, в 1930 г., его впервые охарак-

¹ КПСС в резолюциях. Т. 3. С. 208.

теризовал Сталин. Позднее, в «Кратком курсе истории ВКП(б)», вышедшем в 1938 г., говорилось, что на этом съезде был принят «сталинский план социалистической индустриализации».

А вот в материалах, увидевших свет непосредственно после съезда, этих оценок у Сталина вы не найдете. Так, в утвержденной Политбюро «Схеме доклада» для пропаганды решений XIV съезда, к которой был приложен обширный текст, о курсе на индустриализацию не говорилось ни слова. Даже термин такой не упоминался, хотя о хозяйственном строительстве речь шла. Характерно, что и в начале 1926 г., выпуская в свет работу «К вопросам ленинизма», Сталин оценивает итоги съезда, но ничего не пишет о курсе на индустриализацию...

Чем же объясняется расхождение в оценках? Обратимся к анализу событий и фактов.

К середине 20-х годов экономика, как уже отмечалось, приближалась к показателям 1913 г. Политика восстановления быстро завершалась. На очередь вставала задача не столько переоснащения действующих заводов, шахт, нефтепромыслов, сколько строительства новых предприятий. Ведь страна по-прежнему оставалась преимущественно аграрной, крестьянской, основная масса работающих была занята ручным трудом; в городе росла безработица, деревня оказалась перенаселенной. «Если исходить из имевшихся у нас заводов — социализма нам никогда не создать, — писал тогда председатель ВСНХ СССР Ф. Э. Дзержинский. — И количественно, и качественно они для этой цели не годятся...»

Необходимость расширения масштабов индустриализации, поворота к новому строительству нашла отражение в решениях XIV партийной конференции, III съезда Советов, в документах Госплана, в газетных и журнальных публикациях 1925 г. Наиболее ревностным поборником концентрации сил в сфере государственной промышленности выступал Л. Д. Троцкий, в это время работавший в ВСНХ СССР. Успехи восстановления, считал он, подводят нашу страну к «старту», с которого начинается подлинное экономическое состязание с мировым капитализмом, а потому особое значение приобретает проблема темпов. По его подсчетам, совокупность преимуществ, которыми располагала Советская власть, позволяла вдвое-втрое, если не больше, ускорить промышленный рост по сравнению с дореволюционной Россией. Речь, следовательно, шла примерно о 18—20 процентах ежегодного увеличения продукции. Оппоненты Троцкого увидели в такой постановке вопроса яростный призыв к сверхиндустриализации, чреватый большим изъятием денег из деревни, отрывом промышленности от сельского хозяйства, разрушением союза рабочего класса и крестьянства.

Доклад «Об очередных вопросах хозяйственного строительства» по решению Политбюро к XIV съезду готовил Л. Б. Каменев. Им же написан проект тезисов, которые предварительно были опубликованы в печати. Тезисы получили одобрение Пле-

нума Цетрального Комитета, но доклад не состоялся, поскольку непосредственно на съезде Каменев голосовал против резолюции по отчету ЦК. Борьба за лидерство все более осложняла деятельность Политбюро, Центрального Комитета, партии в целом.

В результате вопреки назревшим потребностям съезд не обсуждал проблемы экономического развития страны; вопрос о ближайших перспективах народного хозяйства, о путях перехода к его реконструкции, по существу, не был проанализирован.

Каких-либо конкретных заданий на ближайшее время или длительную перспективу, указаний насчет источников накопления, темпов роста промышленности, соотношения отраслей, организации нового строительства, подготовки кадров и т. д. ни в отчетном докладе, ни в резолюциях съезда нет. Более того, политический отчет съезду содержал ряд формулировок, которые плохо или даже совсем не согласовывались с определением курса на индустриализацию. Например, отмечая, что промышленность, завершив восстановление, не может развиваться прежними темпами, Сталин в то же время уверял, будто сельское хозяйство «может двигаться на известное время быстрым темпом и при нынешней технической базе» (эти слова — из опубликованного доклада Сталина, им же собственноручно отредактированного. А на съезде он говорил, что сельское хозяйство «может двигаться семимильными шагами вперед»). Отсюда и его вывод: «Поэтому несоответствие баланса промышленности балансу сельского хозяйства в дальнейшем на ближайший ряд лет будет еще расти...»

Такое утверждение противоречило тезису, что страна уже вступила в период «прямой индустриализации», давало оппозиции повод в одних случаях говорить о продолжающейся аграризации, в других — о недостаточном внимании к созданию промышленной базы.

Масло в огонь подлил Н. И. Бухарин. Остро и горячо критикуя Зиновьеву и Каменеву за их неверие в возможность построения социализма в нашей стране, он говорил, что «мы можем строить социализм даже на этой нищенской технической базе, что этот рост социализма будет во много раз медленнее, что мы будем плестись черепашьям шагом, но что все-таки мы социализм строим и что мы его построим». Фраза о «черепашьях темпах» вошла в арсенал тех, кто считал Бухарина идеологом зажиточного крестьянства, противником ускоренного роста промышленности.

Очевидно, к 1925 г. ни Сталин, ни Бухарин, ни их сторонники еще не имели сложившегося плана экономического преобразования страны, ясных представлений о темпах и методах индустриализации. Сталин, например, резко возражал против разработки проекта Днепростроя — скорее всего, в пику Дзержинскому и Троцкому. Он высказался против прокладки нефтепровода в Закавказье и сооружения новых заводов и фабрик в Ленинграде и Ростове, где имелись квалифицированные кадры, однако считал целесообразным развернуть промышленное строительство,

в частности в Тамбове, Воронеже, Курске, Орле, где их тогда почти не было.

Мог ли кто-нибудь тогда говорить о каком-то «сталинском плане социалистической индустриализации»?! Думается, сам Сталин это отлично сознавал. Вот и не было в послесъездовских выступлениях ни слова о курсе на индустриализацию. Для Сталина и его приверженцев в то время на первом плане была борьба за власть — разгром группы Зиновьева — Каменева, их дискредитация, низведение до уровня второстепенных руководителей. Потому-то и в упомянутой «Схеме доклада» с обширным набором установок, предназначенных для широкой партийной аудитории, тема поражения оппозиции была основной. Потому-то работу «К вопросам ленинизма» Сталин заканчивал словами: «Историческое значение XIV съезда ВКП(б) состоит в том, что он сумел вскрыть до корней ошибки «новой оппозиции», отбросил прочь ее неверие и хныканье, ясно и четко наметил путь дальнейшей борьбы за социализм, дал партии перспективу победы и вооружил тем самым пролетариат несокрушимой верой в победу социалистического строительства»¹.

Новые, подправленные оценки, возможность утвердить свой «приоритет» появились позже, когда был разгромлен и Бухарин с его сторонниками, когда «мнению» Сталина уже никто не мог противостоять.

Сказанное не меняет того, что на XIV съезде партии Сталин впервые говорил о курсе на индустриализацию как о генеральной линии партии в противоположность той, согласно которой, по его же определению, «наша страна должна остаться еще долго страной аграрной»². Тогда же была сформулирована главная задача индустриализации: превратить СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, в страну, производящую машины и оборудование, чтобы в обстановке капиталистического окружения СССР представлял собой экономически самостоятельное государство, строящееся по-социалистически. Речь шла, таким образом, о сознательно планируемой партией и государством деятельности трудящихся, призванной обеспечить самостоятельность и технико-экономическую независимость диктатуры пролетариата. Но вот что примечательно. Если в плане ГОЭЛРО говорилось о необходимости подведения машинной техники под все отрасли народного хозяйства, то на XIV съезде партии разговор касался исключительно сферы производства средств производства, точнее, лишь тяжелой промышленности. Как будет показано далее, такое представление об индустриализации возобладало не сразу, во всяком случае, не ранее первой пятилетки. Поэтому не случайно в 1946 г., говоря о превращении страны из аграрной в индустриальную, Сталин отмечал: это был скачок, по времени охвативший три довоенные пятилетки, начиная с 1928 г.

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 8. С. 90.

² Там же. Т. 7. С. 298.

Ограничив названный скачок периодом примерно в 13 лет, Сталин тем самым еще раз подтвердил, что на практике политика индустриализации была всецело связана с массовым строительством новых предприятий, предназначенных прежде всего и главным образом для выпуска средств производства. Реальное развертывание этого процесса он справедливо относил к 1928/29 хозяйственному году, а не ко времени XIV съезда. Остается напомнить, что по отмеченным выше причинам вопрос о конкретном плане индустриализации, о путях и методах осуществления структурных перемен в народном хозяйстве, мобилизации средств, об организации массового соревнования и других подобных мероприятиях в 1925 г. еще не рассматривался.

Но поворот, необходимый для разработки такого курса, вскоре произошел. В апреле 1926 г. проблемы хозяйственной политики специально рассматривались на Пленуме ЦК ВКП(б). Основной доклад делал А. И. Рыков, который предварительно с помощью анкет опросил ряд видных экономистов, партийных работников, практиков. Оказалось, и теперь часть из них твердо высказывалась в пользу форсированного развития сельского хозяйства, считая, что такой путь требует наименьших затрат, сулит расширение хлебного экспорта и возможностей закупки за рубежом оборудования и сырья для подъема промышленности. Напротив, Е. А. Преображенский считал намеченное расширение индустрии недостаточным, обрекающим промышленность на отставание от запросов деревни и всего народного хозяйства. По его мнению, ассигнования из госбюджета на новое строительство были «позорно малы».

В пользу аграризации на Пленуме никто не высказывался. Более того, все единодушно подчеркивали прямую связь между курсом на социализм с борьбой за промышленное преобразование страны. Спор шел о темпах и масштабах индустриализации, о формах и методах получения средств для сооружения новых предприятий. О концессиях уже не говорили, весьма слабыми оказались надежды и на иностранные кредиты. Характерно и то, что все выступавшие отмечали важность смычки между рабочим классом и крестьянством. Однако выводы делались порой прямо противоположные.

Рыков подробно рассмотрел сложности предстоящей индустриализации в «наиболее аграрной и отсталой стране в Европе». Успех политики, отмечал он, зависит от размеров накоплений внутри самой промышленности и от помощи, оказываемой ей другими отраслями народного хозяйства, прежде всего деревней. Рыков признавал, что при эквивалентном обмене между промышленностью и земледелием индустриализация не получится; деревня — главный источник, но нельзя брать с крестьян столько, сколько забирали до 1917 г. Одобряя расчеты Госплана СССР, Председатель Совнаркома считал приемлемым прирост выпуска валовой продукции промышленности на 23 процента в 1926/27 г., на 15,5 процента в 1928/29 г., на 14,7 процента в 1929/30 г. Такая

перспектива трактовалась как быстрое, форсированное развитие индустрии.

Троцкий, который на XIV съезде не выступал, на апрельском Пленуме сделал, по существу, содоклад. Лейтмотив его рассуждений: продолжается недооценка возможностей ускоренной индустриализации. В противовес «минималистским установкам» Госплана Троцкий предложил увеличить объем капитальных работ в предстоявшем году до суммы более 1 миллиарда рублей, а в ближайшее пятилетие до таких размеров, которые позволили бы уменьшить диспропорцию между сельским хозяйством и промышленностью до минимума. Солидаризируясь с Преображенским, он отмечал, что страна находится в периоде первоначального социалистического накопления и это предполагает высшее напряжение сил и средств для индустриализации. Как молодая буржуазия в соответствующий период первоначального накопления жилы из себя тянула, пуритански урезывала себя во всем, отказывая каждую копейку на промышленность, так должна действовать и Советская Россия. Это поможет, продолжал Троцкий, преодолеть бедность и передвинуть средства на увеличение промышленных программ. Аналогичные суждения высказали Каменев, Зиновьев, Пятаков и ряд других участников Пленума.

Большинство, включая Сталина, Микояна, Калинина, Орджоникидзе, Дзержинского, Рудзутака, поддержало Рыкова и резко критиковало Троцкого. Наиболее полно это сделал Сталин. Его основной тезис был предельно ясен: «Индустрия должна базироваться на постепенном подъеме благосостояния деревни». Не считаться с наличными средствами, разъяснял он, значит впасть в авантюризм. «Тов. Троцкий думает подхлестывать наши центральные учреждения расширенными планами, преувеличенными планами промышленного строительства. Но преувеличенные планы промышленного строительства — плохое средство для подхлестывания. Ибо, что такое преувеличенный промышленный план? Это есть план, составленный не по средствам, план, оторванный от наших финансовых и иных возможностей». Сталин несколько раз возвращался к мысли о «предельном минимальном темпе развития индустрии, который необходим для победы социалистического строительства».

Зная, как развернутся события в дальнейшем, когда Сталин будет настаивать на максимальных темпах индустриализации любой ценой, трудно поверить, что именно он в 1926 г. произносил такую речь. Впрочем, ни тогда, ни после войны, когда началось издание его сочинений, Сталин не счел нужным ее опубликовать.

Сейчас, по прошествии десятилетий, нельзя, однако, не заметить, что сторонники и тех, и других подходов еще не имели достаточно ясной, глубоко, комплексно и до конца продуманной программы превращения страны в мощную индустриальную державу, создания индустрии, способной реорганизовать на социалистических началах жизнь советской деревни. Например, Микоян, критикуя позицию Троцкого, уверял, что в первые годы диктатуры

пролетариата «нужно строить такие предприятия, которые дают ближайший, скорейший экономический и политический эффект». Поэтому, говорил он, не нужен Днепрострой, а лучше намечаемые средства выделить на сооружение в Украинской ССР сотни крупных заводов. Говорил, явно не зная, во что обойдется Днепрогэс, какова стоимость «сотни заводов»... Калинин в пылу полемики заявил, будто Ленин завещал: «Быстро не пересаживайтесь на пролетарского рысака, подольше задержитесь на крестьянской кляче». А посему, продолжал Калинин, «если мы лишний год отстанем в индустриализации, это еще не так страшно...».

Не опирались на точные расчеты и те, кто ратовал за укрепление плановых начал вообще, за усиление внимания к промышленности, за ужесточение режима экономии, совершенствование налоговой политики и т. п. Так, еще в конце 1925 г., когда обнаружили просчеты в хозяйственной политике, Каменев выдвинул по отношению к промышленности лозунг: «Реже шаг». Теперь же, в 1926 г., в рамках, по существу, прежней ситуации он настаивал на решительном повороте к промышленности, главный резерв которого видел в крестьянском хозяйстве. Он предложил взять в деревне дополнительно 30—50 миллионов рублей, хотя обсуждался вопрос о развертывании политики, требующей миллиарды рублей капитальных вложений.

Нарком финансов Сокольников считал, что подъем промышленности зависит либо от получения заграничных займов, либо от экспортных операций, но ничего конструктивного не предложил. А Троцкий, который советовал брать пример с буржуазии, должен был знать, какими путями шло первоначальное капиталистическое накопление, что решающую роль играла эксплуатация трудящихся: из них тянула буржуазия жилы, а не из себя...

Объективно оценивая споры середины 20-х годов, нельзя, как это делалось в течение десятилетий, воспринимать разные точки зрения упрощенно: одни, дескать, чуть ли не обладатели абсолютной истины, другие — сугубо злонамеренные лица, противники социалистического строительства. При самых существенных различиях во взглядах все они были членами руководства партии первопроходцев, участниками напряженных поисков, коллективных раздумий, выявления альтернатив и их тщательного обдумывания. И пока преобладал именно такой подход, удавалось принимать взвешенные решения, накапливать опыт, углубляя представления о путях и методах проведения советской индустриализации.

Если в первой половине 20-х годов процесс индустриализации связывали главным образом с возрождением промышленности, улучшением работы действовавших предприятий, то во второй половине на первый план все более властно выходила задача массового строительства новых заводов, шахт, нефтепромыслов и т. д. Соответственно иное звучание приобретал вопрос о размерах накоплений, о роли госбюджета, о соотношении плана и рынка. Мнение о том, что главные трудности позади (оно исходило

прежде всего от Сталина и Бухарина), становилось анахронизмом. Так же как и идея Троцкого и Пятакова, считавших возможным за пять лет ликвидировать товарный голод.

Осенью 1926 г. XV партконференция сочла возможным выдвинуть лозунг, призывающий наш народ в исторически кратчайший срок догнать и перегнать капиталистический мир. Значит, разговоры о «черепашьем шаге», о «предельно минимальных» темпах роста сдавались, как говорится, в архив. Вложения в капитальное строительство, запланированные на 1926/27 г., были существенно увеличены — до 1 миллиарда 50 миллионов рублей. Вопреки прежним разногласиям, конференция высказалась за сооружение Днепрогэса...

Уместно добавить, что при этом позиция большинства ЦК выглядела предпочтительнее. Его лидеры активно отстаивали нэп, союз рабочего класса с крестьянством. Выдвигая лозунги решительного продвижения вперед, они в то же время неукоснительно предостерегали против «нетерпения», «сверхчеловеческих» прыжков в развитии народного хозяйства и даже против обострения классовой борьбы. И Сталин, и Бухарин, и Рыков призывали к индустриализации, но по средствам, в меру наличных ресурсов и при непременно улучшении благосостояния всех слоев трудящихся. Последнее расценивалось как одно из важнейших качеств социалистического метода индустриализации.

Упор на бескризисное развитие сделан и в резолюциях XV съезда партии (декабрь 1927 г.). Принятые им директивы по составлению пятилетнего плана по сей день восхищают экономистов. В директивах торжествует принцип равновесия, провозглашено соблюдение пропорциональности между накоплением и потреблением, между промышленностью и сельским хозяйством, производством средств производства и предметов потребления.

Означала ли такая установка отрицание курса на ускорение? Конечно нет. Наоборот, она нацеливала на научное осмысление природы и возможностей такого курса, выявление его наибольшей эффективности. Социализм нельзя было строить без преодоления антагонистических противоречий. Но точно так же нельзя было идти вперед, отвлекаясь от капиталистического окружения. Предстояло не просто догнать, как говорил Ленин, цивилизованные народы; надо было обеспечить технико-экономическую независимость завоеваний Октября. Со всех точек зрения проблема темпа развития была очень сложной и требовала мудрого решения. XV съезд предложил своего рода оптимальный вариант, поучительный и сегодня. «Здесь,— говорилось в директивах,— следует исходить не из максимума темпа накопления на *ближайший* год или несколько лет, а из такого соотношения элементов народного хозяйства, которое обеспечивало бы *длительно* наиболее быстрый темп развития»¹.

¹ КПСС в резолюциях.. Т. 4. С. 277

Эмоции в устах историков считаются неуместными. Но как не порадоваться за тех, кто сформулировал такие положения, кто голосовал за их реализацию. И как не горевать, зная, что на практике совершилось иное, произошел отход от ленинских принципов руководства. Борьба Сталина за единоличное лидерство, за утверждение своей точки зрения как единственно правильной мешала творческой работе партийного и хозяйственного аппарата, различных ведомств. Это стесняло и нервировало кадры на местах. В то же время усложнялась и костенела бюрократическая система управления. Нездоровая атмосфера затрудняла и без того небывало сложную деятельность ВСНХ, Госплана, Наркомфина.

Вспомним драматическую судьбу Ф. Э. Дзержинского. Пламенный чекист, он одновременно в начале 20-х годов возглавлял Наркомат путей сообщения, а с февраля 1924 г. — ВСНХ СССР. При нем штаб советской индустрии стал ревностным поборником такого разворачивания нэпа, которое обеспечивало смычку города и деревни, бескризисное возрастание роли промышленности в жизни страны. Невозможно представить, сколько энергии потратил Дзержинский на осуществление политики снижения розничных цен, на борьбу за опережающий рост производительности труда по отношению к зарплате, на подготовку планов большого капитального строительства.

Увы, не меньше сил ушло на преодоление совсем иных препятствий. Сохранилось письмо Дзержинского Куйбышеву, датированное 3 июля 1926 г. Анализируя недостатки в управлении, он пишет: «Существующая система — пережиток. У нас сейчас уже есть люди, на которых можно возложить ответственность. Они сейчас утопают в согласованиях, отчетах, бумагах, комиссиях... У нас сейчас за все отвечает СТО, П/бюро. Так конкурировать с частником и капитализмом, и с врагами нельзя. У нас не работа, а сплошная мука». Особенно больно давалась ему полемика с теми членами ЦК и Политбюро, которые втянулись в соперничество и вопреки своему партийному положению занимались не столько политикой, сколько (по выражению Дзержинского) политиканством. Складывалась крайне противоречивая ситуация: критика руководства ЦК означала укрепление позиций Троцкого, Зиновьева, Пятакова, чего Дзержинский не хотел. «Как же мне, однако, быть?» — горестно вопрошал он своего старого товарища и со всей откровенностью выражал опасение: если не найдем правильной линии в управлении страной и темпа, «страна тогда найдет своего диктатора — похоронщика революции, — какие бы красные перья ни были на его костюме...» В том же месяце «железного Феликса» не стало. Он умер через несколько часов после взволнованного выступления на Пленуме ЦК ВКП(б), где, по сути дела, изложил те же мысли.

Вскоре председателем ВСНХ СССР стал В. В. Куйбышев. Работал он много, старательно; сослуживцы запомнили его как внимательного, отзывчивого человека. Знали и то, что он всегда неукос-

нительно, как и на постах секретаря ЦК партии и наркома РКИ, идет за Сталиным. В наибольшей мере это проявилось в процессе составления первого пятилетнего плана, в споре с председателем Госплана Г. М. Кржижановским.

Еще в 1927 г. Куйбышев, выступая против оппозиции, не боялся возложить главную тяжесть борьбы за накопление денег для индустриализации на промышленность. «Мы должны,— говорил он,— обратить внимание не на приток средств со стороны, а на то, чтобы использовать свои собственные возможности». В этом солидаризировался с ним и Кржижановский. Но были у них и принципиальные расхождения, о которых стоит сказать в свете нынешнего интереса к вопросу об альтернативах.

Имея большой опыт изучения теории и практики плановой работы, Кржижановский долгое время считал, что индустриализация в СССР должна пройти четыре основных этапа: 1) развитие добывающей промышленности и расширение производства технических культур в сельском хозяйстве; 2) реконструкция транспорта; 3) обеспечение правильного размещения производительных сил и общий подъем товарности сельского хозяйства; 4) развернутый фронт энергетики. Переплетаясь между собой, сливаясь в единое целое, эти процессы, писал в 1927 г. руководитель Госплана СССР, выведут индустриализацию страны на уровень, предшествующий развернутой фазе социализма. Таким образом, индустриализация мыслилась как политика, охватывающая все отрасли народного хозяйства и рассчитанная на длительные сроки.

ВСНХ трактовал задачу индустриализации иначе, выделяя ударное направление — промышленность с упором на производство средств производства. Сюда предлагалось направить наибольшие вложения, здесь сосредоточить главные силы, чтобы выиграть время в соревновании с капиталистическим окружением. И хотя о скачке еще никто не говорил, фактически руководители ВСНХ отстаивали этот вариант. На XV съезде партии присоединился к нему и Кржижановский. Несколько позднее он уже прямо говорил о целесообразности проведения прежде всего «индустриализации промышленности», то есть насыщения новейшей техникой в первую очередь этой отрасли народного хозяйства и ее приоритетного развития. Таким образом, круг задач, намеченных планом ГОЭЛРО, к исходу 20-х годов резко уменьшился. Курс на превращение нашей страны из ввозящей машины и оборудование в производящую их самостоятельно приобрел реальные очертания в контрольных цифрах пятилетки.

КТО ДИКТУЕТ ТЕМПЫ

Обсуждение и доработка пятилетнего плана проходили в весьма противоречивых условиях. В промышленности наблюдался заметный подъем; причиной было улучшение работы восстановленных предприятий. Нэп все более властно становился

нормой их жизнедеятельности. Не секрет, многие до сих пор понимают нэп, мягко выражаясь, упрощенно: частные лавочки, кафе, рестораны, буйство рыночной стихии и частного предпринимательства, их яркое проявление во всех сферах труда и быта. Но, кроме подобной пены, был нэп, связанный с утверждением хозрасчета в практике промышленных трестов и торговых синдикатов, товарных бирж и ярмарок, с проведением всесоюзных и местных съездов биржевой торговли и т. д. Полистайте журналы и газеты 20-х годов. Они полны самого разного рода реклам и объявлений, которые заманивают на традиционно популярные ярмарки, проводившиеся, например, в Нижнем Новгороде и Баку. Хозяйственникам предлагают всевозможное оборудование, сырье, техническую помощь. Акционерные общества (государственные и смешанные, то есть с участием также кооперативов и частных) сулят своим вкладчикам несомненные выгоды...

По общему мнению специалистов, начало второй половины 20-х годов прошло под знаком расцвета специфически нэповских принципов, широко использовавшихся в развитии промышленности. (Попутно заметим, что именно в ту пору потенциал концессионной политики эффективно раскрыл ныне всем известный А. Хаммер. Построенная им в Москве фабрика быстро удовлетворила спрос на перья и карандаши. Выпуск их измерялся уже в 1926 г. десятками миллионов штук. Цены были довольно низкими. Часть продукции пошла на экспорт в Европу и Азию.)

Конечно, самым важным показателем успехов был общий рост фабрично-заводской промышленности; ее продукция и в 1927 г., и в 1928 г. превысила плановые наметки, причем подъем неуклонно нарастал. Два года подряд шло снижение себестоимости продукции, увеличивались прибыли. Государство с помощью разветвленной финансовой системы своевременно собирало налоги, аккумулируя в своих руках все более значительные доходы. Расширение индустрии уже почти на 40 процентов происходило за счет собственных вложений, то есть ресурсов предприятий, которые оставались у них после выплаты всех налогов в госбюджет.

В нашей литературе все еще преобладает мнение, будто дальнейший подъем промышленности на рельсах нэпа не имел перспектив. Довод прост: начиналось новое строительство в таких масштабах, которые требовали иных способов изыскания средств и принципиально других методов управления. Идет этот довод от тех времен, когда было принято ссылаться только на Сталина и на его сподвижников. Цитаты наконец исчезли. А вывод остался:

Родился он еще в 1928 г., когда хлебозаготовительные трудности сопровождалась, как известно, применением жестких чрезвычайных мер в деревне с целью обеспечить город хлебом, обезопасить промышленность от кризисной ситуации. Можно ли было поступить иначе? Думается, надо внимательнее изучить опыт преодоления аналогичных трудностей в 1925/26 г. Тогда пришлось уменьшить вложения в промышленность, временно снизить темп

ее развития. Это способствовало оздоровлению обстановки, а затем, в 1926 и 1927 гг., росту производства как в деревне, так и в городе:

Маневр 1928 г. оказался совсем иным. Освещая его, историки рассказывают обычно лишь о чрезвычайных мерах в области сельского хозяйства. В стороне остается другое — пересмотр планов промышленного развития. Причем и здесь приоритет был за Сталиным. Выступая весной 1928 г. с разъяснением положения на хлебном, как он говорил, фронте, Сталин предостерег от любых мыслей насчет замедления темпов развития индустрии. Наоборот, ставилась задача сохранить намеченные темпы и развить их дальше. А ведь в крупной промышленности подошли вплотную к 25 процентам роста. Дальнейшее форсирование темпов обостряло проблему накоплений. Выход был предложен Сталиным в речи на июльском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП(б), опубликованной впервые только после войны. В ней он не просто затронул вопрос о переплатах деревни за подъем индустрии, но заговорил о «дани», о «сверхналоге» с крестьян и связал эту проблему с необходимостью «сохранить и развить дальше нынешний темп развития индустрии»¹. Одновременно в речи получил обоснование тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения страны к социализму. Так все оказалось завязанным в один узел.

Историкам еще предстоит проанализировать единство подхода Сталина к вопросам индустриализации, переустройства сельского хозяйства, использования «дани», проведения политики обострения классовой борьбы. А вот Куйбышев понял его линию еще в 1928 г. и сразу стал ее энергичным проводником. Не случайно именно ВСНХ было поручено составление промышленной части пятилетнего плана. «Вопрос о темпах,— говорил Куйбышев,— является важнейшим вопросом нашей партийной политики. Это принципиальный вопрос, по которому наша партия большевиков не должна делать ни малейших уступок». В той же речи, которая была произнесена в Ленинграде 19 сентября 1928 г., он повторял вслед за Сталиным: «...Чем успешнее будет идти дело социалистического строительства, тем в большей степени будет нарастать сопротивление и противодействие со стороны враждебных нам сил как внутри, так и извне.

Отмирание классов — конечный результат всего нашего развития — должно и будет, конечно, протекать в обстановке обостряющейся борьбы классов»².

Значит, линия намечалась единая и для города, и для деревни. Методы ее реализации тоже совпадали: административный нажим, директивное планирование, безусловное подчинение центру, применение, если требуется, экстраординарных мер. Что ж тут оставалось от нэпа?

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 11. С. 159, 188—189.

² Правда. 1928 25 сент.

Главным оппонентом выступил Бухарин. Сначала на заседаниях Политбюро, потом на пленумах ЦК в апреле и в июле 1928 г., наконец, в открытой печати. Речь идет о статье, названной спокойно, даже нейтрально «Заметки экономиста. К началу нового хозяйственного года». Автор ее твердо отстаивал решения XV съезда партии, ленинские идеи использования нэпа в интересах строительства социализма. Он по-прежнему стоял за возможно более бескризисное общественное воспроизводство в интересах пролетариата и его многомиллионного союзника. Наивно полагать, писал Бухарин, будто максимум годовой перекачки из крестьянского хозяйства в промышленность обеспечит максимальный темп индустриализации. Нет, длительно наивысший темп получится лишь при таком сочетании, когда промышленность подымается на активно растущем сельском хозяйстве, обеспечивающем быстрое реальное накопление. «Социалистическая индустриализация — это не паразитарный по отношению к деревне процесс... а средство ее величайшего *преобразования и подъема*»¹.

Вопреки тем, кто потом долгие годы числил его лидером так называемого «правого уклона», Бухарин в своих выступлениях конца 20-х годов призывал «к возможно более быстрому темпу индустриализации», выдвигая на первый план проблему капитального строительства. Но это же обстоятельство побуждало его гневно разоблачать волюнтаризм, пренебрежение к науке, к анализу объективных трудностей и субъективных просчетов. Он справедливо писал о дисбалансе между планами сооружения новых предприятий и наличием стройматериалов, о том, что деньги сами по себе не могут толкать промышленность вперед. Нужны кадры, техника, время на овеществление замыслов, иначе произойдет перенапряжение капитальных затрат, что повлечет за собой снижение темпов, свертывание начальных работ, усиление диспропорций между различными производствами и отраслями. Так можно лишь обострить товарный голод, а не изжить его.

«Заметки экономиста» заканчивались глубокими рассуждениями об общих сложностях реконструктивного периода, о наличии бюрократических преград, излишней гиперцентрализации, то есть о препятствиях, сдерживающих творчество масс. «У нас, — заключает автор, — должен быть пущен в ход, сделан мобильным максимум хозяйственных факторов, работающих на социализм. Это предполагает сложнейшую комбинацию личной, групповой, массовой, общественной и государственной инициативы»².

В статье Бухарина практически отвергается предложенный Сталиным в 1928 г. путь последующего преобразования экономики. Бухарин ратовал за приверженность решениям, принятым на высшем партийном форуме в 1927 г., Сталин же открыто порывал с ними и толкал к насильственной ломке нэпа и ускорению с помощью административно-командного нажима. Оправдывая

¹ Бухарин Н. И. Избранные произведения С. 410.

² Там же. С. 417.

политику добиваться цели любой ценой, он преотлично знал истинную суть «шахтинского дела», сфабрикованного и обнародованного весной 1928 г. для искусственного разжигания классовой вражды.

Алогизм сталинских призывов подтверждала повседневная практика хозяйственной и общественной жизни. Судите сами. 1 октября 1928 г. официально началось выполнение плана, намеченного на 1928/29—1932/33 гг. Но задания не были еще опубликованы, они не были даже утверждены. Что касается раздела по промышленности, то работа над ним находилась в разгаре. 7 октября 1928 г. Куйбышев в доверительном письме к жене рассказывает: «Вот что волновало меня вчера и сегодня: баланса я свести не могу и, так как решительно не могу пойти на сокращение капитальных работ (сокращение темпа), придется брать на себя задачу почти непосильную в области снижения себестоимости».

Быть может, кому-то покажется, что Куйбышев, действуя из лучших побуждений, пренебрегал трудностями или даже не видел их масштаба, возможных последствий. Но, по его признанию, чувство ответственности было велико, трудности понятны. Тем удивительнее очередное письмо, написанное 12 октября 1928 г., где он рассказывает, как после нескольких дней неудачных поисков получил задание — за ночь «да еще с обязательством к утру свести баланс по контрольным цифрам (легко сказать!)». Кто же, спрашивается, мог давать такое императивное указание председателю ВСНХ СССР? Ответ напрашивается только однозначный.

В ноябре на заседании правительства снова обсуждается проблема темпов, возможность максимального увеличения вложений в тяжелую индустрию. Рыков, руководивший обсуждением, бросил реплику насчет сохранения при этом рыночного равновесия. Куйбышев не согласился: «Говорить о полном равновесии спроса и предложения — значит коренным образом переворачивать соотношение между тяжелой и легкой промышленностью, делать кардинальную ошибку с точки зрения перспектив развития... Несоответствие между спросом и предложением толкает промышленность на быстрое развитие, оно свидетельствует о росте благосостояния, являясь стимулирующим моментом для индустриализации». Несостоятельность такого утверждения сегодня более чем очевидна. А в 20-е годы руководители партии и страны видели в нехватке товаров характерную черту, даже определенное преимущество социалистической экономики. Некоторый избыток денежного спроса, считали они, не сдерживает подъем экономики, а, наоборот, заставляет промышленность увеличить выпуск продукции ради удовлетворения спроса. Экономисты, работники Наркомфина, ряд ученых отвергали такой тезис. С ними не посчитались. В результате открывался дополнительный простор для проявления волюнтаризма в практике планирования и ценообразования. Некоторые диспропорции тем самым как бы узаконивались.

Дискуссии вокруг заданий на пятилетку продолжались, когда в ноябре 1928 г. состоялся Пленум ЦК ВКП(б), рассмотревший контрольные цифры на 1928/29 г. Доклады Рыкова, Кржижановского, Куйбышева свидетельствовали о единодушии в определении темпов роста промышленности. Упор делался на ускорение, но с учетом реальных возможностей самой промышленности и других отраслей народного хозяйства. «Мы должны,— отмечал Кржижановский,— идти еще по тому фарватеру, который намечен предшествующими годами нашей работы, поворот руля нашей экономической политики сейчас не нужен».

Куйбышев подтверждал, что основные средства для нового строительства даст сама промышленность. Касаясь предложений с мест о дополнительном увеличении заданий по чугуну, он выразил сомнение в целесообразности поправок («нужно в этом отношении быть осторожным, потому что ошибка в данном случае посеет лишние иллюзии у остальных отраслей промышленности и может запутать их программы на этот год»). К удивлению ряда делегатов, знавших Куйбышева как ревнителя интересов тяжелой индустрии, руководитель ВСНХ выразил сожаление в связи с урезкой ассигнований на текстильные фабрики. Он же отметил снижение удельного веса расходов на жилищное строительство.

Председатель Совнаркома Рыков, одобряя высокие темпы первого года пятилетки (да и последующих), высказался за увязку этого вопроса с проблемой качества выпускаемой продукции, снижения ее себестоимости, выразил тревогу в связи с нехваткой стройматериалов, с трудностями в решении зерновой проблемы. Он же высказал протест против утверждения, будто обострение классовой борьбы неизбежно. Имея в виду общие сложности 1928 г., Рыков подчеркнул: «Эти затруднения не могут иметь возрастающего характера и во всяком случае не вытекают из самой сущности советской экономики и переходного периода».

Теперь, по прошествии десятилетий, легко увидеть явную тенденциозность многих ораторов. Тема обострения классовой борьбы поистине затмевала у них все остальные проблемы. Самые большие трудности в проведении хозяйственной политики Косиор усматривал в «бешеном классовом сопротивлении кулака и нэпмана». Его дружно поддерживали Эйхе, Голощекин, Шеболдаев. Апеллируя к речи Сталина на XV съезде, Гамарник тоже критиковал Рыкова, который якобы не понял смысл лозунга «догнать и перегнать» капиталистические страны. Сам же Гамарник истолковал его так, что необходимо «подстегивание нас в деле индустриализации». Большинство вышедших на трибуну одобрительно относилось к призывам форсировать подъем промышленности. Причем чаще всего сделанные предложения расчетами не подкреплялись.

Проявились и более сдержанные настроения. Представитель Наркомфина Брюханов опасался чрезмерной эмиссии, то есть выпуска в оборот денежных знаков, не подкрепленных товарными запасами. Сулимов расценивал задания по транспорту как

«волевое напряжение». Скрипник требовал существенно изменить отношение к вопросам просвещения, его беспокоил разрыв между темпом хозяйственных работ и культурным строительством. А когда Шварц на примере Донбасса заговорил об острой нехватке жилья, об отсутствии денег на школы, на обучение рабочих, в зале заседания раздались голоса: «Правильно!»

Пленум принял взвешенные решения. Вопреки безоглядным призывам, раздававшимся прежде и звучавшим уже на самом Пленуме, приоритет был сохранен за принципом пропорционального развития промышленности и сельского хозяйства, недопущения чрезмерной перекачки денег. Партия вновь подтвердила приверженность решениям своего XV съезда.

ПОД ЗНАКОМ УСКОРЕНИЯ

Успехи первого года начавшейся пятилетки превзошли ожидания. Промышленность уверенно выполняла и перевыполняла планы. Новизна заключалась в существенном увеличении продукции отраслей группы «А», то есть производящих средства производства. А ведь еще в 1927 г. обе группы промышленности росли фактически одинаковыми темпами, в 1928 г. легкая индустрия даже несколько обогнала тяжелую. 1929 год дал качественный сдвиг, положив начало длительному первоочередному росту отраслей, выпускающих орудия труда, машины, оборудование, предопределяющие технический прогресс и экономическую независимость страны. Многие уже тогда это стали связывать с преимуществами социализма.

Произошло численное увеличение рабочего класса, занятого в сфере тяжелой индустрии: если в 1927 г. прирост не достигал 14 тысяч человек, то в 1928 г. он составил 151 тысячу, в 1929 г. превысил 314 тысяч человек.

Расходы на новое строительство составляли теперь до одной трети средств, выделяемых на капитальные работы в промышленности. Наконец, обобществленный сектор народного хозяйства впервые произвел свыше половины материальных благ.

В качественных сдвигах 1928/29 г. организаторы и разработчики пятилетнего плана вполне резонно усматривали подтверждение своей гипотезы, построенной на признании товарно-денежных отношений, рыночных связей, принципов хозрасчета и других элементов экономической политики, официально утвержденной и проводимой партией и государством. Подъем творческой активности рабочего класса также воспринимался ими в контексте общего комплекса мероприятий, порожденных борьбой за социализм, общим курсом поощрения инициативы, оперативности, самостоятельности.

20 января 1929 г. газета «Правда» впервые опубликовала статью В. И. Ленина «Как организовать соревнование?». Как известно, уже весной 1929 г. соревнование охватило половину общей численности рабочих, то есть свыше 2 миллионов человек, в том

числе 650 тысяч металлистов, 600 тысяч горняков, 450 тысяч текстильщиков, значительную часть железнодорожников. Обязательства передовиков могут показаться неприятными: на столько-то процентов поднять производительность труда, на столько-то добровольно снизить расценки, не допускать брака, не опаздывать и т. д. Только не нужно забывать, что тогда еще каждый седьмой рабочей не умел читать и писать, многие верили в бога, справляли церковные праздники, ради чего могли и не выйти на работу; уход в деревню, например, на сенокос или уборку урожая кое-где был массовым явлением. Даже среди лучших, приехавших в конце 1929 г. в Москву на Всесоюзный съезд ударных бригад, примерно половина людей прошла только начальное обучение, а примерно пятая часть вообще никогда в школе не училась.

Ленин не зря предупреждал о том, что рождение новой дисциплины труда не произойдет без тренировок, трудностей, конфликтов, без насилия по отношению к закоренелым туземцам и их прихвостням. «Разве классовая борьба в эпоху перехода от капитализма к социализму, — указывал он, — не состоит в том, чтобы охранять интересы рабочего класса от тех горсток, групп, слоев рабочих, которые упорно держатся традиций (привычек) капитализма и продолжают смотреть на Советское государство по-прежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже, — содрать с «него» денег побольше»¹.

Приход в ряды рабочего класса новых пополнений в конце 20-х годов (главным образом, из единоличной деревни), общие условия того времени, вызванные во многом и гримасами нэпа, наличием безработицы, требовали укрепления трудовой дисциплины. И такие меры в первой половине 1929 г. правительством были приняты. С их помощью удалось урезонить немало лодырей и прогульщиков, особенно после того как руководители предприятий получили право оперативно наказывать нарушителей дисциплины (штрафовать, переводить на другую работу, увольнять и т. д.).

Будем откровенны. В нашей литературе эта сторона повседневной жизни тех лет явно замалчивается. И напрасно, ибо получается излишне радужная, а правильное сказать, искаженная картина прошлого, мешающая объективно анализировать успехи и трудности первой в истории индустриализации, проводившейся на путях социалистического строительства. Это принижает значение и подлинный масштаб поистине титанического труда партии, авангарда рабочего класса для успешного выполнения заданий первого года пятилетки.

А они были весомы. При общем выполнении годовых заданий многие из намеченных показателей были превышены — по добыче нефти, выпуску машиностроительной продукции, электротехнических изделий, цемента, некоторых видов тканей. Отличились работники цветной металлургии, бумажного производства и ре-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37 С. 90

зинщики и т. д. Продолжался рост производительности труда, шло снижение себестоимости продукции. Заметно улучшилось использование оборудования. Впервые строительные работы перестали носить сезонный характер. Все это давало достаточные подтверждения обоснованности основных заданий, которые вошли в пятилетний план, представленный в апреле 1929 г. на рассмотрение XVI конференции ВКП(б), а затем в мае на утверждение V съезда Советов СССР.

Важнейшие наметки плана на 1928/29—1932/33 гг. хорошо известны, и повторять их нет смысла. Индустриализация рассматривалась как ведущее начало социалистического строительства в масштабах всей страны и во всех сферах народного хозяйства. При опережающем росте промышленности наивысшие темпы предусматривались для отраслей группы «А»; сюда направлялось 78 процентов всех капиталовложений в промышленность, валовая продукция крупной индустрии должна была увеличиться более чем в 2 раза, а в отраслях группы «А» — в 3 с лишним раза.

Подробное изложение программы развития всего народного хозяйства заняло три обширных тома, дважды изданных Госпланом в четырех книгах. Впоследствии столь детальных, скрупулезно обоснованных пятилетних планов наша общественность не получала. Задания второй пятилетки (1933—1937 гг.) практически были изложены в одной книге (кстати сказать, их утвердили лишь осенью 1934 г.). А третий пятилетний план, рассчитанный на 1938—1942 гг. и принятый в 1939 г., в развернутом виде опубликован не был. Читателю предложили лишь «изложение проекта», изданное в небольшом объеме и тиражом всего в 3 тысячи экземпляров.

Первый пятилетний план в отличие от последующих базировался на принципах нэпа. Намечалось дальнейшее развертывание хозрасчета, доведение его до каждого предприятия (а не треста, как полагалось по закону 1927 г.). Составителям удалось добиться сбалансированности всех важнейших заданий между собой. При этом речь шла не только о взаимоувязке отраслей промышленного производства, но и о должной согласованности в развитии индустрии и сельского хозяйства. В рамках последнего при опоре на промышленность, призванную увеличить поставки тракторов, удобрений и другой продукции, предполагалось объединить в колхозах до пятой части всех крестьянских хозяйств, значительно расширить посевы, поднять урожайность. В свою очередь, деревня, вставшая на путь социалистической реконструкции, стабильного подъема экономики, рассматривалась как равноправный партнер пролетарского города в строительстве новой жизни. Коллективными усилиями двух основных классов общества и предполагалось решить проблему накоплений для крупномасштабного строительства современной (по понятиям тех лет) индустрии.

Расходы предстояли грандиозные. Если в 1926—1927 гг. со- оружались, как правило, небольшие фабрики и заводы (средней

стоимостью менее 2 миллионов рублей), то теперь начиналась полоса возведения большой группы гигантов машиностроения, металлургии, химии, каждый из которых требовал вложений не менее 100 миллионов рублей. Но при всей напряженности планов верх брала забота о реальности намеченных темпов, об обеспечении социальной программы пятилетки, предусматривавшей пропорциональное увеличение численности рабочих (в соответствии с потребностями народного хозяйства), рост их квалификации, зарплат, улучшений условий труда, быта и т. д.

Пением «Интернационала», громом аплодисментов сопровождали делегаты XVI партконференции и V съезда Советов доклады и резолюции по пятилетнему плану. Из двух вариантов — от правного и оптимального — они поддерживали последний, который был примерно на 20 процентов объемнее. И это был не просто порыв энтузиастов, увлеченных великой целью. Правильнее сказать, это был порыв, подкрепленный научным расчетом, плановой работой, которая сама по себе знаменовала становление и упрочение социалистических начал в жизни советского общества.

Важное достоинство плана заключалось и в том, что он давал четкое представление о ходе соревнования двух мировых систем и, следовательно, о задачах, которые надо было решать в борьбе за выживание на мировой арене. К началу пятилетки разрыв между уровнем индустриального производства СССР и Северной Америки был велик, он был даже несколько больше, чем до революции. «Если сопоставить наши показатели за 1927/28 год, — писали составители плана, — по национальному доходу и мощности капитала с Соединенными Штатами, чтобы дать представление о том, какое расстояние нас отделяет в настоящее время от передовых стран, то окажется, что мы отстаем от Соединенных Штатов на 50 лет»¹. Более конкретное представление о достигнутых рубежах и перспективах соревнования давали и подсчеты, с помощью которых в одну группу выделялись «старые» отрасли промышленности (уголь, железо, хлопок и т. п.) и «новые», быстро поднимавшиеся в XX в. Так вот, в рамках первой группы СССР энергично догонял капиталистический мир, и можно было надеяться на скорое выравнивание. Более сложным оказывалось положение с «новыми» отраслями. Часть из них (электроэнергетика, нефтяная индустрия), несмотря на высокие темпы роста в СССР, еще значительно отставала от мировой динамики. А некоторые (например, автомобилестроение, производство ряда важнейших химикатов и т. п.) надо было создавать впервые.

Проделанный таким образом анализ нацеливал на деловой подход к проблеме соревнования двух систем, помогал понять необходимость и важность ускорения советской индустриализации, содействуя одновременно выбору оптимальных путей решения столь ответственной задачи.

¹ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. М., 1929
Т 2 Часть 2 С 409

Сегодня нередко задается вопрос: были ли альтернативы этому курсу, пронизанному идеей ускорения социалистического социализации? Не раз приходилось слышать в этой связи об альтернативе Бухарина. Споры нет, его предложения были интересны. Но разве в принципе они не совпадали с общей направленностью плана, законодательно утвержденного весной 1929 г.? И в том, и в другом случае экономический прогресс мыслился на рельсах нэпа при органическом единстве интересов рабочего класса и крестьянства; акцент делался на максимальные темпы индустриализации при общем подъеме благосостояния. Практически различия были минимальны, касались они, на наш взгляд, лишь отдельных заданий, связанных, как правило, с развитием различных отраслей экономики.

И все же вопрос об альтернативе (не о частных расхождениях) логичен. Быть может, в конце 20-х годов в числе первых, если не первым, это уловил именно Бухарин, что подтверждают его конфликты со Сталиным на протяжении всего 1928 г. Спор шел уже не столько о методах преодоления хлебозаготовительного кризиса, изживания товарного голода, темпах и масштабах промышленного преобразования, сколько о последствиях глобального характера, к которым вел наметившийся отход Сталина от ленинских норм руководства. Бухарин, судя по всему, опасался существенных для социализма потерь. Его страстная речь на апрельском Объединенном пленуме ЦК ВКП(б) в 1929 г. напоминает последнее выступление Дзержинского в июле 1926 г. Оба были необычайно встревожены положением дел в Политбюро и в ЦК, видели, как это сказывается и на хозяйственной политике, каждого из них пугала мысль о «похоронщике революции».

Впрочем, весной 1929 г. широкие партийные массы, рабочий класс этого еще не знали. А вот повседневные трудности им были хорошо знакомы. С осени 1928 г. в городах началось введение карточек на хлеб. Безработица не сокращалась, достигая 1,5 миллиона человек и более. Реальная зарплата практически не росла. Где выход? Ответ давали четкие установки партии, соединявшие борьбу за пятилетку с борьбой за социализм. И это единство придавало особый настрой рабочему классу. Трудовой накал авангарда чувствовался во всех промышленных центрах страны. Масштабы нового строительства ширились. А главное — оживилась работа на уже начатых стройках.

В нашей литературе чаще всего рассказывается о завершающей стадии, о предпусковом периоде известных предприятий. И порой складывается впечатление, будто действительно на пустыре в считанные месяцы вырастали большие заводы в Сталинграде, в Свердловске и т. д. В реальной жизни было много сложнее. Так, будущий Турксиб — железнодорожная трасса протяженностью около 1500 километров — начинался в 1927 г. Первый приказ в качестве руководителя Уралмашиностроя А. П. Банников подписал в декабре того же года. Торжественная закладка тракторного завода на Волге тоже состоялась в 1926 г. История Днеп-

рогэса начинается на рубеже 1926 и 1927 гг. ...Ушло, однако, не менее трех лет, прежде чем 1929 год стал важнейшим рубежом в развертывании массовых работ на стройках, давших долгую жизнь первенцам индустриализации. И тем, что уже названы, и химическим комбинатам под Москвой, в Хибинах, Березниках, Соликамске, металлургическим предприятиям в Сибири и на Украине, новым шахтам в Донбассе, автомобильным заводам страны, рудникам Казахстана... Заметьте, каждый раз мы говорим о группе «А», о предприятиях, решавших судьбу курса на превращение нашей страны из ввозящей машины и оборудование в производящую их самостоятельно. В этом смысле уже начало пятилетки воочию свидетельствовало, во-первых, о рывке, об ускорении работ по первоочередному развитию тяжелой промышленности, во-вторых, о том, что само создание этой промышленности стало центром и даже сутью политики индустриализации.

Итак, возьмем ли мы сдвиги в выпуске валовой продукции или изменения в численности рабочих действовавших предприятий, посмотрим ли на перемены в капитальном строительстве, вывод напрашивается один: первая пятилетка, как и планировалось, началась под знаком ускорения. Это проявилось не только в темпах роста, но — что еще более важно — в качественных переменах, которые характеризовали промышленный подъем, новое строительство, трудовой энтузиазм передовой части рабочего класса.

НА ПУТЯХ «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»

Что же случилось дальше? Почему, обращаясь сегодня к итогам первой пятилетки, мы вынуждены говорить не только о достижениях и победах, но и о крупных просчетах, ошибках, о том, что сталинское «подхлестывание» страны принесло нашему народу немало бед?

До недавних пор миллионы советских людей убежденно считали, что первый пятилетний план был выполнен досрочно, за 4 года и 3 месяца. Еще бы! Так говорилось в официальных документах, в учебниках — с того дня, как в январе 1933 г. об этом заявил Сталин. Да и можно ли было сомневаться, если именно в те годы начал действовать Днепрогэс, вступали в строй Магнитка и Кузнецкий металлургический колосс, множилось количество автомашин, выпущенных в Москве, Нижнем Новгороде, Ярославле, мы первыми в мире налаживали производство синтетического каучука... Кто мог бы оспорить реальность появления новых городов, крупных индустриальных центров! О ярких победах, о динамизме преобразования, о стремительном движении вперед писали тогда свои книги, пьесы, очерки В. Катаев, Н. Погодин, Ф. Панферов, М. Шагинян, И. Эренбург, М. Кольцов. А каким оптимизмом были проникнуты публицистика Горького или стихи Маяковского, посвященные рабочим Кузнецка!

Конечно, сегодня несложно упрекать писателей и публицистов тех лет, не раскрывших всю остроту проблем первой пятилетки.

Но каждый ли мог подняться на уровень А. Платонова, книги которого пришли к нам лишь в условиях перестройки? Всем ли дано разобраться в действительных противоречиях жизни? Лишь немногие имели в ту пору полное представление о подлинной картине происходящего в стране, о горьких драмах и трагедиях. И еще меньше был круг высоких должностных лиц, получивших за подписью Сталина секретную телеграмму, текст которой повторял постановление, принятое Политбюро ЦК ВКП(б) 1 февраля 1933 г.:

«Воспретить всем ведомствам, республикам и областям до опубликования официального издания Госплана СССР об итогах выполнения первой пятилетки издание каких-либо других итоговых работ, как сводных, так и отраслевых и районных, с тем что и после официального издания итогов пятилетки все работы по итогам могут издаваться лишь с разрешения Госплана. Обязать все ведомства представить в Госплан СССР все имеющиеся у них материалы и работы по итогам выполнения первой пятилетки...»

Почему не желали огласки генеральный секретарь и заседавшие в тот день вместе с ним члены Политбюро Калинин, Куйбышев, Молотов, а также кандидат в члены Политбюро Микоян? Ныне покров таинственности снят, и мы не можем не поразиться мастерству Сталина выдавать желаемое за действительное. Подводя итоги пятилетки, он с пафосом сообщил народу и партии, что по выпуску валовой продукции промышленность, по существу, выполнила план досрочно — за 4 года и 3 месяца, причем тяжелая индустрия на 108 процентов. Данные о двукратном увеличении объема произведенных товаров, конечно, впечатляли. Что касается натуральных показателей (не в рублях, а в килограммах, тоннах, метрах, штуках), то до них Сталин не снизошел. Стоило ли на фоне глобальных выводов говорить о том, что по добыче угля или нефти, выработке электроэнергии, выпуску тракторов, автомобилей, минеральных удобрений, выплавке чугуна, стали и т. д. рубежи, намеченные пятилетним планом, не были достигнуты.

В наихудшем положении оказались отрасли, работа которых предопределялась состоянием сельского хозяйства. Так, выпуск хлопчатобумажных тканей достиг лишь 59 процентов намеченного, шерстяных тканей — 34, сахара-песка — 32 процентов. Хуже того, в 1932 г. продукция этих отраслей по объему заметно уступала показателям кануна пятилетки. Произошел серьезнейший спад, тяжело отразившийся на материальном положении народа.

Но при подведении итогов речь шла совсем о другом. Сталин уверял, будто в промышленности (а с этого он начал свой доклад) сделано больше, чем ожидалось, больше, «чем могли ожидать самые горячие головы в нашей партии». Далее последовало ставшее знаменитым противопоставление: у нас не было — у нас теперь есть... Прием логичный, убедительный, если, разумеется, сопоставление научно. Но разве к началу пятилетки СССР совсем

не имел черной металлургии или в стране «не было станкостроения»? А по производству электроэнергии, угля, нефтяных продуктов «мы стояли на последнем месте»? Однако именно так утверждалось с самой высокой трибуны; потом множество раз, десятки раз переходило из книги в книгу, из учебника в учебник, от одного поколения к другому...

Столь же прочно утвердилась и другая догма: вывод докладчика о том, «что страна наша из аграрной стала индустриальной, ибо удельный вес промышленной продукции в отношении сельскохозяйственной поднялся с 48% в начале пятилетки (1928 г.) до 70% к концу четвертого года пятилетки (1932 г.)»¹. Только в обстановке удушения гласности и процветания авторитарной власти Сталина можно было беззастенчиво утверждать подобное, начисто уходя от малейших упоминаний о тяжелом голоде в деревне, возникшем тогда отнюдь не стихийно и поразившем уже значительную часть сельского населения страны. Кроме того, цены на продукцию земледелия и животноводства были в те времена искусственно занижены, причем основательно. Индустриальная же продукция, прежде всего предприятий группы «А», оценивалась много выше ее подлинной стоимости. А общий объем сельскохозяйственной продукции, произведенной на исходе пятилетки, был ниже, чем в 1928 г. Сталин заведомо говорил неправду партии и всему народу.

Мы уже отмечали, что планом пятилетки намечалась более скромная задача: «обеспечить значительный шаг вперед в деле превращения нашей страны из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную». Его составители, продолжая традицию времен ГОЭЛРО, не занижали исходный уровень, не считали страну чисто аграрной. Да так оно и было. Но Сталин беззастенчиво манипулировал фактами: чем ниже оценивалось «наследство», тем внушительнее можно было представить сделанное под его водительством. Если бы подсчитывали итоги научно, в ценах, близких к реальной стоимости продукции, пришлось бы признать, что доля промышленности в начале 30-х годов еще не превзошла долю сельского хозяйства в национальном доходе страны. Это произошло куда позже, примерно через три десятилетия, в 60-е годы. Следовательно, рубеж, якобы достигнутый к 1933 г., не стал реальностью ни в следующую пятилетку, ни даже в третью, которую прервала война.

Зачем же потребовалась Сталину и его окружению фальсификация итогов первой пятилетки? Ведь по любым меркам и реальные сдвиги были огромными. Стоит назвать только удвоение промышленного потенциала, в рамках которого на первое место вышла тяжелая индустрия, самая современная для тех лет. Существенно изменилось размещение производительных сил. В орбиту индустриального прогресса втягивались бывшие окраины. При общем удвоении численности рабочих и служащих шло

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 178, 179.

быстрое формирование трудовых коллективов в Средней Азии, Казахстане, в районах Поволжья и других национальных регионах, где сплошь и рядом еще совсем недавно люди понятия не имели о современной технике. Небывалые для России размеры принял процесс урбанизации. Выросли десятки новых городов и промышленных поселков. Преображались старые центры. Коренным образом менялась культура труда миллионов тружеников. Индустриализация населения, о значении которой писал Ленин, поистине меняла облик страны и все более властно вторгалась во все сферы материальной и духовной жизни общества. В середине пятилетки было покончено с безработицей.

Даже убежденные противники за рубежом при всей их неприязни к большевизму не могли не признать масштабы достижений, качественных перемен в Советской России. Катаклизмы мирового кризиса лишь подтверждали контрастность развития двух систем. Сравнение «там, у них» и «здесь, у нас» вошло в повседневный обиход советских людей, вселяло чувство уверенности и гордости, помогало переносить трудности.

Как ни печально, но руководители страны не встали на путь прямого партийного разговора с народом, пошли на сознательное приукрашивание сделанного. Попросту говоря, на фальсификацию. Можно ли согласиться с теми, кто усматривает в этом стремление поддержать моральный настрой трудящихся, стимулировать ударный труд? Можно ли оправдать ложь во спасение? Нет, обман призван был укрепить авторитет проводимой Сталиным политики, дальновидность и непогрешимость вождя. Он имел целью скрыть грубейшие просчеты и произвол, по сути дела, преступления, совершенные на волне того подъема, который ознаменовал начало пятилетки. Скрыть от партии и народа, что вопреки сталинским прогнозам уже в 1931 г. проявилось снижение темпов роста промышленности, резкое ухудшение всех качественных показателей работы предприятий, невыполнение планов. Признать это — значило признать правоту Бухарина, «уклонистов», которые предупреждали об опасности волюнтаристского подхлестывания страны и которых он заклеил как капитулянтов, обвинив в непонимании задач индустриализации. После отстранения Бухарина от руководства, полного разгрома так называемого правого уклона в апреле 1929 г. надо было уже на практике хозяйственного строительства доказать их некомпетентность, продемонстрировать плодотворность своей политики.

Политика «подхлестывания страны» (так называл ее сам Сталин, и, разумеется, одобрительно) проявилась в том, что уже через несколько недель после утверждения пятилетнего плана в рабочем порядке начался энергичный пересмотр важнейших заданий. Сначала в металлургии, потом в машиностроении, химии и т. д. Председатель ВСНХ СССР Куйбышев, находясь в это время в отпуске, стороной узнал о развернувшемся пересмотре плановых заданий, о том, что «берется значительно больший размах», чем в его варианте пятилетки.

Вернувшись из отпуска, Куйбышев и сам активно включился в эту работу. 14 августа 1929 г. в докладе на Президиуме ВСНХ СССР он признал возможным поднять во втором году пятилетки выпуск валовой продукции крупной промышленности уже на 28 процентов, а не на 21,5, как проектировалось планом. Призывы досрочно выполнить намеченную на пять лет программу заняли центральное место в газетах. Мотивы были просты. Рождается невиданное в истории общество, в его распоряжении такие рычаги, как план, соревнование, энтузиазм первопроходцев, вера в собственные силы. Следовательно, потребности народного хозяйства не только нужно, но и можно удовлетворить в минимальные сроки.

Сейчас, зная все последующие перипетии форсированной индустриализации, мы можем более или менее спокойно анализировать эти шаги. Участники тех событий такой возможности не имели. Они шли в атаку, и каждое продвижение вперед оптимистично расценивали как успех, как залог новых достижений.

Сама обстановка тех лет связывала надежды с решительными шагами. Давали себя знать противоречия многоукладной экономики. Среди части рабочих существовало недовольство, вызванное ростом безработицы, продовольственными затруднениями, нехваткой жилья. Многие коммунисты и прежде воспринимали нэп как своего рода «крестьянский Брест», а товарно-денежные отношения связывали с рыночной стихией, создававшей ощущение определенного неравенства и усиливавшей социальную напряженность. Трудности периода «военного коммунизма» забывались, а настрой прямой борьбы с капиталом был очень живуч и понятен.

Да, стремление как можно быстрее преодолеть многоукладность в народном хозяйстве, ликвидировать эксплуататорские элементы рождалось не на пустом месте. Оно подогревалось и тем, что во второй половине 1929 г. разразился кризис, охвативший весь капиталистический мир. Крепло представление о приближающемся крахе буржуазного строя, его неспособности справиться с новыми потрясениями. Призыв к максимальному напряжению сил, к форсированному осуществлению скачка, обеспечивающего в минимальный срок построение социализма, становился не просто заманчивым. Такой призыв, такой скачок многим представлялся уже единственно верным решением.

Самое главное — так считал Сталин, а его голос был уже решающим. К двенадцатой годовщине Октября он опубликовал статью с характерным заголовком «Год великого перелома». В ней вопреки фактам Сталин писал о *решительном переломе* в области производительности труда, о том, что мы «с успехом решили своими собственными силами проблему накопления, заложив основы тяжелой индустрии». Третий признак великого перелома, по Сталину, — поворот крестьянских масс к сплошной коллективизации — органически связан «с двумя первыми достижениями»¹.

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 12. С. 119, 122, 124

Трудно сказать, как отнеслись современники к этой статье. Но великий перелом они почувствовали. За полтора месяца до своего 50-летия, которое уже официально отмечалось как юбилей вождя партии и народа, Сталин четко определил стартовый рубеж и суть начинавшейся политики подхлестывания.

Пленум ЦК ВКП(б) в ноябре 1929 г. прошел уже под знаком такой политики. Разговор шел почти исключительно о тяжелой промышленности, о новом строительстве, о необходимости любыми силами, любой ценой (именно так и говорилось) ускорить развитие машиностроения, выпуск тракторов, различных видов сельхозтехники. Когда же Куйбышев в своем докладе в очередной раз сказал о предстоящем увеличении капиталовложений в развертывание индустрии, Микоян не выдержал и крикнул: «Нарушаем пятилетку на каждом шагу. Что это такое?» В ответной реплике все услышали: «Да, пятилетка нарушается по всем швам».

Общий тон выступлений был оптимистичен. Результаты первого года ободряли, и ряд участников Пленума твердо выразил уверенность в досрочном выполнении пятилетки. Угольщики с учетом достигнутого полагали справиться с заданием в четыре года. Тракторостроители не сомневались в большем: они считали возможным обогнать Америку в три года. Шло как бы соревнование за провозглашение наивысших обещаний. В итоге постановили резко увеличить в 1929/30 г. темп развития крупной промышленности по сравнению с наметками пятилетки. Причем даже не до 28 процентов, как не без колебаний предложил Куйбышев, а до 32 — именно эту цифру еще до Пленума назвал в своей статье Сталин. Никаких аргументов при этом он не приводил.

Отступления от пятилетнего плана, по сути, отказ от него касались и программы переустройства сельского хозяйства на социалистических началах.

Политику индустриализации и процесс создания колхозно-совхозного строя нельзя, на наш взгляд, рассматривать отдельно — их взаимосвязь, взаимозависимость была более чем очевидной. Тем более в условиях «великого перелома». Ни о каком стремлении к возможно более бескризисному развитию экономики говорить уже не приходилось. В 1929 г. карточная система распределения продуктов распространилась на население всех городов страны. Государство обеспечивало хлебом примерно 40 миллионов рабочих, служащих и их иждивенцев. Численность же получавших по карточкам масло, сахар была в несколько раз меньше.

Миграция охватила огромные массы людей, перемещавшихся главным образом из деревни в город, из одного промышленного центра в другой. Текучесть рабочей силы в короткий срок приняла небывалые размеры. Нехватка техники, преобладание ручного труда, а больше всего преувеличенные задания, чаще всего не подкрепленные должным расчетом, толкали руководителей предприятий и строков на внеплановое расширение штатов. Это вело

к обострению жилищной проблемы, к срывам в снабжении рабочих и служащих продовольствием.

25 января 1930 г. ЦК ВКП(б) принял обращение к партии, ко всем трудящимся с призывом еще более напрячь силы для выполнения контрольных цифр, утвержденных в ноябре 1929 г. Члены ЦК были распределены по важнейшим индустриальным районам с целью повседневного контроля за работой промышленности. Тем же самым под руководством Г. К. Орджоникидзе занимались работники Центральной контрольной комиссии. Принимались своего рода чрезвычайные меры, но рубежей, декларированных руководством, достичь все-таки не удавалось.

Можно ли было еще исправить положение? В известной статье «Головокружение от успехов» (март 1930 г.), имея в виду положение не только в деревне, Сталин писал о том, что среди части коммунистов имеют место «головотяпские настроения»: «Мы все можем!», «Нам все нипочем!» Автор призывал образумиться людей, которые под воздействием успехов «лишились на минутку ясности ума и трезвости взгляда». Были в статье и другие призывы, к которым стоило прислушаться всем нетерпеливым «подхлестывателям» событий: «Искусство руководства есть серьезное дело. Нельзя отставать от движения... Но нельзя и забегать вперед, ибо забежать вперед — значит потерять массы и изолировать себя»¹.

Эти слова Сталину следовало бы адресовать прежде всего самому себе. Однако последующие события еще раз показали, сколь велико расхождение у него между словом и делом. В его докладе на XVI съезде партии, летом 1930 г., объективный анализ опять был подменен громкими фразами да перечнем данных, на этот раз о росте промышленности за два года пятилетки (хотя до итогов второго года оставалось еще три месяца), о сдвигах по сравнению с 1926/27 годом и даже дореволюционным уровнем. Как и прежде, речь шла о выпуске валовой продукции. Знал ли докладчик, что уже ликвидировано ЦСУ, что цены на продукцию определяют, как правило, ведомства, которые ее производят, и официальная стоимость оборудования, машин, всей выпускаемой техники растет намного быстрее, чем их производство в натуре? Конечно, знал. Документы свидетельствуют, что Сталин точно знал и о невозможности достигнуть 32 процентов роста промышленности во втором году пятилетки. Однако и это ничуть не умерило призывов к дальнейшему пересмотру оптимального варианта пятилетнего плана. Высмеивая «скептиков из оппортунистического лагеря», Сталин утверждал, что пятилетка в области нефтяной промышленности выполнима «в каких-нибудь 2¹/₂ года», в торфяной — даже раньше, в общем машиностроении в два с половиной — три года и т. д. Поистине знакомые по статье «Головокружение от успехов» настроения: «Мы все можем!», «Нам все нипочем!» А чтобы исключить малейшую возможность иных,

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 12. С. 199.

более трезвых суждений и подходов, Сталин предупреждает: «...Люди, болтающие о необходимости снижения темпа развития нашей промышленности, являются врагами социализма, агентами наших классовых врагов»¹.

После такой артиллерийской подготовки кто мог возразить против его установок-директив «во что бы то ни стало» выплавить в конце пятилетки 17 миллионов тонн чугуна (вместо 10 миллионов тонн по плану), собрать 170 тысяч тракторов (планировалось 55 тысяч), выпустить 200 тысяч автомашин — вдвое больше, чем предусматривалось раньше. На 100 процентов увеличивалось задание работникам цветной металлургии, сельхозмашиностроения и т. д. По выпуску продукции в третьем году пятилетки предписывалось вдвое (и даже больше) превзойти плановое задание.

Некоторые авторы сегодня усматривают в этом стремление Сталина «перетроцкистить» Троцкого. Повод таким оценкам дал сам Сталин, решивший на XVI съезде показать свое превосходство над «крохоборческой мудростью троцкистов», которые, «с точки зрения темпов, являются самыми крайними минималистами и самыми поганенькими капитулянтами»². Они, мол предлагали 18 процентов годового прироста, а он... Объективности ради надо признать, что и в этом случае Сталин боролся не с троцкизмом как определенным политическим течением, а лично с Троцким. Отсюда и та нравственная неразборчивость, легкость, с какой он заимствовал у «левых» (да и не только у них) некоторые приемы, лозунги, идеи. Но попытки причислить Сталина к идущим в «фарватере Троцкого» лишены, на наш взгляд, сколько-нибудь серьезных оснований, они уводят в сторону от научного анализа проблемы. Стремясь оправдать свое стремление узурпировать власть, скрыть от партии и народа отступление и сознательное извращение ленинской концепции социалистического строительства, Сталин намеренно создавал образ врага и гипертрофировал в личных целях внутрипартийные разногласия. Сталин в полной мере несет ответственность за все содеянное им — и не в роли ученика Ленина, за кого он себя прилежно выдавал, и не как последователь Троцкого, кем его представляют иные авторы. Недаром мы говорим о сталинизме, имея в виду те взгляды, политику, практику, которые наиболее полно воплощены в деятельности самого Сталина.

«Великий перелом», обозначенный генеральным секретарем в 1929 г., нашел свое закрепление в документах XVI съезда. К сожалению, на нем было много парадности, подменившей деловой разговор о пройденном пути и первых уроках большого капитального строительства, о достижениях ударников и о проблемах подготовки квалифицированных кадров, об усилении административных методов управления в ущерб нэпу и об уроках и драмах коллективизации...

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 12. С. 274.

² Там же. С. 349.

Скажем прямо: реализовать сверхвысокие наметки не удалось. Волонтаризм сопровождался ломкой всей налаженной системы управления, планирования, снабжения. Именно в это время права гражданства получила административно-командная система управления. И уже тогда, в начале 30-х годов обнаружились ее коренные пороки.

Характерен пример с производством чугуна. Вместо 17 миллионов тонн удалось выпустить всего 6,2 миллиона тонн — даже меньше, чем предусматривал пятилетний план. К срыву привели разбазаривание средств, распыление ресурсов, штурмовщина. Экономика оказалась в положении лошади, которую заставили везти непосильный груз. Трудовой порыв передовиков, соревнования, борьба за укрепление дисциплины позволили только локализовать некоторые трудности, но не предотвратить общий срыв. В 1931—1933 гг. темпы развития индустрии быстро упали с 23,7 процента в 1928/29 г. до 5 процентов в 1933-м. «Подхлестывание» слишком дорого обошлось стране, оно фактически сбивало с курса на ускоренную индустриализацию в интересах социализма.

К тому же сверхмаксимальная концентрация сил и средств на главном участке — развитии тяжелой промышленности — усугубила и без того тяжелое положение в отраслях группы «Б» и на транспорте. Это существенно сказалось на социальной политике, на положении трудящихся.

По признанию Сталина, вторая пятилетка уже не требовала «подхлестывания». В известном смысле так и было, если, конечно, сводить этот метод руководства к повышению темпов роста промышленности. Предполагалось, что в 1933—1937 гг. прирост продукции составит в среднем 16,5 процента в год, то есть намного меньше, чем в первой пятилетке. При этом отрасли группы «Б», то есть предприятия, выпускающие предметы потребления, должны были по темпам роста заметно превзойти отрасли группы «А», то есть тяжелую промышленность. Руководители государства видели в этом одну из специфических черт политики индустриализации на новом этапе социалистического строительства, который они связывали с усилением внимания к подъему жизненного уровня трудящихся.

Планы и теперь неоднократно менялись, подвергались корректировке, но прежнего произвола, как правило, не было. В годы второй пятилетки Г. К. Орджоникидзе (в 1930 г. он возглавил ВСНХ СССР вместо В. В. Куйбышева, ставшего председателем Госплана СССР) стал гораздо более реалистично оценивать хозяйственные ситуации, возможности нашей экономики в целом. Работники ВСНХ больше не ратовали за увеличение выплавки чугуна «любой ценой». Нередко их руководитель шел даже на уменьшение ряда заданий. Технократический подход еще сохранялся, но уже не говорили: «Сначала завод, а потом город», сначала — станки, уголь, нефть, а потом, дескать, будем заботиться о жилье и школах (экономия на этом еще совсем недавно

считалась нормальной). Качественно новым стало отношение к соревнованию, к материальному стимулированию, что отразилось в рождении стахановского движения.

Все это дало свои плоды. В строй вступило еще 4500 крупных предприятий. Подъем производительности труда (она выросла вдвое) стал решающим фактором роста производства, произошло заметное усиление его интенсификации. Валовая продукция увеличилась в 2,2 раза.

Вот некоторые общие цифры, которые дают наглядное представление о направленности и специфике промышленного развития СССР в годы первой и второй пятилеток. Если в первой пятилетке произошло более чем удвоение основных производственных фондов, числа обслуживающих их рабочих и служащих, а также объема валовой продукции, то во второй пятилетке валовая продукция увеличилась еще больше, но при этом число рабочих и служащих росло в 4 раза медленнее, чем в годы предыдущей пятилетки. Такая же картина и по другим показателям: энерговооруженность увеличивалась в 4 раза быстрее, чем в годы первой пятилетки, производительность труда — в 2 раза. Подчеркнем главное: шло упорное освоение новой техники, вытеснение экстенсивных методов становилось отличительной чертой нового периода. Промышленность уже не приносила убытки, как это было до середины 30-х годов. Что особенно важно, быстро повышался технический уровень промышленности, связанный и с распространением самого современного оборудования, и с выучкой кадров. Прогрессивное изменение структуры производства сопровождалось становлением и упрочением таких важнейших отраслей, как автомобильная, тракторная, самолетостроение, электротехника, радиопромышленность, и ряда других, призванных играть особо важную роль в укреплении обороноспособности СССР.

Принципиально важным результатом осуществления в 1933—1937 гг. политики индустриализации стал сдвиг в преодолении технико-экономической отсталости СССР. За годы второй пятилетки наша страна, по существу, прекратила ввоз сельскохозяйственных машин и тракторов, покупка которых за рубежом в предыдущую пятилетку обошлась в 1150 миллионов рублей. Столько же средств было тогда истрачено и на хлопок, теперь также снятый с импорта. Затраты на приобретение черных металлов с 1,4 миллиарда рублей в первой пятилетке сократились в 1937 г. до 88 миллионов рублей. В 1936 г. удельный вес импортной продукции в общем потреблении страны снизился до 1—0,7 процента. Торговый баланс СССР к исходу второй пятилетки стал активным и принес прибыль.

Фиксируя общие сдвиги и достижения, приходится признать, что широко известные выводы о досрочном выполнении плана второй пятилетки истине не соответствуют. Как и при оценке итогов прежней пятилетки, руководство вновь пошло на приукрашивание общей картины, правильнее сказать, на искажение полученных результатов. По подсчетам экономистов, это относится не только

к данным об увеличении национального дохода и подъеме материального уровня жизни трудящихся, их потребления. Проанализировав 46 важнейших показателей плана, намеченного на 1933—1937 гг., исследователи пришли к печальному выводу о том, что только по 10 задания были выполнены. Если же взять полный набор показателей, то уровень выполнения составит примерно 70—77 процентов¹.

Работники статистических органов не раз представляли руководству страны информацию, которая объективно отражала итоги промышленного развития. Сохранились архивные материалы, в полной мере отражающие реальное положение дел в различных отраслях. Однако общественность ничего о них тогда не знала. На съездах, совещаниях, в газетах и по радио — всюду речь шла о триумфальных победах, о досрочном выполнении планов и т. д.

Бесспорно, подобного рода обман противоречил призывам к критическому осмыслению успехов в развитии нашего общества, мешал правильно понять достигнутые рубежи в движении к социализму. Это было тем более противоестественно, что перемены становились поистине громадными и очевидными.

Одним из интегральных показателей таких перемен явились, в частности, результаты, связанные с индустриализацией населения. В ходе промышленного преобразования страны, охватившего все республики и регионы, вырос рабочий класс, на долю которого в 1939 г. приходилась треть населения, а вместе со служащими рабочие составляли уже свыше половины трудящихся. В 1926 г., как и до революции, в городах проживало примерно 18 процентов граждан СССР, в 1939 г. — фактически уже треть населения страны.

Впечатляло и другое. По структуре промышленного производства Советский Союз вышел на уровень развитых стран мира. По объему промышленной продукции он обогнал Англию, Германию, Францию и занял второе место в мире, уступая лишь США. А по темпам индустриального роста впервые превзошел и показатели развития американской экономики.

Третья пятилетка проходила в условиях, когда начиналась новая мировая война. Ассигнования на оборону пришлось резко увеличить; в 1939 г. они составляли четвертую часть государственного бюджета, в 1940-м — уже до одной трети, а в 1941 г. — 43,4 процента. Страна опиралась при этом на собственную промышленность.

Так, претворяя в жизнь политику индустриализации, партия и советский народ превратили нашу страну из ввозящей машины и оборудование в государство, которое самостоятельно вырабатывало все необходимое для строительства социалистического общества. В любом учебнике по истории КПСС или советского общества можно найти цифры, раскрывающие масштабность

¹ См.: Вопросы экономики 1988. № 12 С. 50—51.

промышленного потенциала, созданного главным образом за годы довоенных пятилеток с помощью внутренних источников накопления. История таких прецедентов не знала, и хорошо, что об этом тоже сказано в учебной литературе. Но ограничиться только таким выводом нельзя, ибо накопленный опыт несравненно богаче и поучительнее. Сегодня разговор о том, что дала сталинская политика индустриализации, требует осмысления и того, что она не дала, чего лишила нас и почему. Иначе анализ будет неполный, проще сказать, неверный.

СТАЛИНСКАЯ «АЛЬТЕРНАТИВА»

События, связанные с «великим переломом», думается, мы вправе рассматривать как сталинскую «альтернативу» ленинским идеям о путях и формах социалистического строительства, ленинской концепции социализма.

Она в полной мере проявилась и в методах индустриализации по-сталински, в методах преобразования экономики в целом.

В обиход входили все более жесткая централизация, администрирование, приказы. На рубеже 1929—1930 гг. в промышленности были созданы крупные объединения, концентрировавшие в своих руках все вопросы, относящиеся к производству, сбыту и к снабжению.

Вскоре были закрыты товарные биржи и ярмарки. Государство перешло к централизованному распределению принадлежавших ему средств производства (а еще раньше в связи с введением карточек — и предметов потребления). Численность банковских учреждений сократилась с 1175 в 1926 г. до 764 к апрелю 1930 г. Такое уменьшение было оценено как явно недостаточное. Встал вопрос о закрытии Торгово-промышленного банка, Электробанка, Кооперативного, Сельскохозяйственного и ряда других аналогичных центров, возникших по мере развертывания нэпа.

Чем объяснялась такая линия? Орджоникидзе, мотивируя на XVI съезде позицию ЦК ВКП(б), трактовал ее как путь к единому государственному банку с его отделениями при каждой фабрике и волости. Дабы придать убедительность своим словам, он цитировал Ленина, который еще в 1917 г. писал, что такой единый Госбанк — «это уже девять десятых *социалистического аппарата*. Это — общегосударственное *счетоводство*, общегосударственный *учет* производства и распределения продуктов, это, так сказать, нечто вроде *скелета* социалистического общества»¹.

Отсюда мы видим, как в 1930 г. руководители страны понимали характер новой полосы развития советского общества. На том же XVI съезде Сталин уверял, что СССР уже вступил в период социализма. Вот и представлялось уже странным сохранение акцизов, существование нескольких десятков видов налога, типичных для нэпа. Утверждалось мнение о необходимости оставить

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 307.

несколько видов и сократить налоговый аппарат, а заодно свести к минимуму и кредитную систему. К осени 1929 г. численность сельскохозяйственных кредитных товариществ уменьшили по сравнению с 1926 г. в 3 с лишним раза (осталось менее 3 тысяч). В одном из принятых тогда постановлений ЦК ВКП(б) прямо ставилась задача «организации планового продуктообмена между городом и деревней». Речь шла о заключении договоров, с помощью которых (без участия денег) деревня дает городу сельскохозяйственные продукты, а государство снабжает крестьян средствами производства и предметами потребления.

Что ж тут удивляться появлению в печати статей об отмирании денег, о переходе от торговли к прямому безденежному распределению продуктов. Само существование карточек трактовалось при этом не как вынужденная, временная мера, а как ступень на пути к более высокой стадии развития экономики, к социализму. Аналогично оценивалось решение, позволившее отныне только государству (притом в централизованном порядке) продавать, точнее, распределять средства производства.

Так представление о ликвидации нэпа входило в сознание масс, которые видели и ощущали жесткое и быстрое свертыwanie рыночных отношений, вытеснение экономических методов управления административными. В памяти миллионов еще жило то время, когда в условиях гражданской войны и интервенции, в обстановке «военного коммунизма» сложилась и господствовала система командного руководства всеми сферами жизни общества. Ее главный результат был известен: выстояли, победили, не отступили от революционных завоеваний. Возвращение к прежним, проверенным приемам наступления на капитал многие рабочие встречали с одобрением, если не сказать больше.

Впрочем, можно лишь гадать, в какой мере Сталин и его окружение считались с таким фактором. Бесспорно главное: коренной поворот в политике они совершили сразу же после принятия пятилетнего плана, не сочтя нужным даже посоветоваться с партией. В современных разговорах об альтернативах, возможных в конце 20-х годов, это обстоятельство далеко не всегда учитывается. Между тем политика Сталина (и чем дальше, тем больше) строилась в расчете на беспрекословное подчинение партийного аппарата и всей партии. Здесь он с самого начала уходил от Ленина и принципиально не мог получить поддержку группы Бухарина. Избавление от последней предопределило окончательное утверждение его взглядов, в рамках которых принуждению, насилию, репрессиям (даже незаконным, поначалу организованным тайком от Политбюро) отводилась очень важная роль.

Единоличное лидерство в партии и стране было альфой и омегой взглядов Сталина. И как только он почувствовал себя «в седле», взял энергичный курс на максимальное обобществление и огосударствление всех сторон экономической жизни. Общее кредо большинства членов Политбюро выразил Молотов: «Ведь в этом, собственно говоря, и заключается социализм — управлять

государственным хозяйством». Скачок к такому царству Сталин и его соратники связывали с высокими, самыми высокими, сверх-высокими темпами индустриализации. Ради этого они действительно не пожалели ничего.

Они дружно отвергли ленинскую идею политических реформ, совершенствования партийно-государственного руководства, демократизации общества. Им была чужда сама мысль о превращении крестьянства в равноправного партнера рабочего класса в деле строительства социализма. «Революция сверху» дала тому лучшее подтверждение. Вынужденным, временным злом считалась ставка на хозрасчет в промышленности, на развертывание товарно-денежных отношений, на самостоятельность в экономике. О том, чтобы отбросить нэп к черту, мечтал не только Сталин.

Иначе говоря, курс «великого перелома» явился прямым отходом от ленинской концепции нэпа, гражданского мира, от его призыва действовать в интересах социалистического строительства, по правилу «лучше меньше, да лучше». По существу, в ходе пересмотра пятилетнего плана генеральным курсом оказалась линия генсека; ее по праву (без вопросительного знака) можно назвать сталинской альтернативой. Была ли она обязательной? На наш взгляд, отказ от продуманных установок плана, намеченных в нем пропорций и темпов, был вызван не столько внутренними противоречиями социально-экономического развития времен нэпа, сколько выбором путей их преодоления (правильнее сказать, насильственным решением этого вопроса).

В подтверждение обратимся к фактам истории. Начало 30-х годов прошло под знаком невиданного роста вложений в тяжелую промышленность. По официальным данным, за период с 1 октября 1928 г. до 1 января 1933 г. затраты на ее развитие примерно на 45 процентов превысили предварительно намеченные расходы. Откуда же появились дополнительные средства, исчисляемые многими миллиардами рублей? Вопрос тем более важный, что внутрипромышленные накопления оказались намного меньше запланированного (с 1931 г. промышленность стала нерентабельной и оставалась такой до конца десятилетия). Да иначе и быть не могло в условиях резкого (внепланового) расширения фронта работ, массового вовлечения в производство миллионов вчерашних крестьян, впервые попадавших в город, на стройки, на завод.

Пришлось пойти на размещение новых больших займов среди населения. Крупнейшим источником доходов стала продажа водки. Еще совсем недавно Сталин заверял, что алкоголь, с помощью которого царская Россия имела полумиллиардный доход, не будет в Советской России иметь распространения. Чуть позже он изменил свою точку зрения: наивно, мол, думать, будто социализм можно построить в белых перчатках. А в сентябре 1930 г. он уже прямо писал Молотову: «Нужно, по-моему, увеличить (*елико возможно*) производство водки. Нужно отбросить ложный стыд и прямо, открыто пойти на *максимальное* увеличение производства водки...» И это было сделано.

Еще одним источником явилась эмиссия. В 1930 г. денежная масса, находившаяся в обращении, увеличилась в два с лишним раза быстрее, чем продукция, произведенная отраслями промышленности группы «Б». Аналогичная тенденция действовала до конца первой пятилетки со всеми вытекающими отсюда инфляционными последствиями.

Экстраординарными мерами проводился экспорт зерна. Об этом много говорилось раньше, да и теперь нередко можно услышать, будто именно данная статья экспорта играла особо важную роль в обеспечении государства валютой для закупки техники.

Статистика, однако, не столь категорична. Наибольшую выручку за вывоз хлеба удалось получить в 1930 г. — 883 миллиона рублей. В тот же год продажа нефтепродуктов и лесоматериалов дала более 1 миллиарда 430 миллионов рублей. Пушнина и лен добавили почти полмиллиарда и т. д. В последующие годы цены на зерно упали на мировом рынке. Экспорт большого количества хлеба в 1932—33 гг., когда голодный мор косил советских людей, суммарно составил всего 389 миллионов, а лесоматериалов — почти 700 миллионов, нефтепродуктов — еще столько же. Продажа пушнины в 1933 г. позволила выручить средств больше, чем за вывезенный в том же году хлеб.

Сказанное заставляет еще раз подумать над тем, как Сталин, Молотов, Каганович и другие руководители проводили политику изыскания средств на нужды индустриализации. В 1926 г. Сталин убеждал партию и народ, что нравы помещичье-буржуазной России («Сами недоедим, а вывозить будем») ушли в прошлое. Он и позднее регулярно говорил о преимуществах социалистической индустриализации, связанных, в частности, с неуклонным ростом благосостояния рабочих, всех трудящихся. Какая же катастрофа вынудила его изменить мнение в годы пятилетки, особенно в 1932—33 гг.? Неуемное желание поддерживать провозглашенные темпы? Но выручка за хлеб уже не могла ничего изменить, а сохранение зерна внутри страны в тот трагический час спасло бы жизнь многим нашим людям.

Напрашивается и другая тяжелая мысль. Зерно изымалось у крестьянства по баснословно низкой цене, а увеличение экспорта нефтепродуктов и других видов прибыльной продукции требовало иных расходов и усилий. Вот и шли по линии наименьшего сопротивления. Вряд ли даже ультрасовременные ЭВМ позволят теперь подсчитать, во что обошлись подобные перекосы и преступные ошибки советскому народу, который действительно не жалел сил и средств для успешного строительства нового общества.

Существенным изменениям подверглась финансовая система. Теперь все накопления изымались в госбюджет. Отпала необходимость в тех видах платежей предприятий государству, которые были нормой в 20-е годы. Вместо 86 видов платежей нормой стали всего два вида отчислений: отчисления от прибыли и налог с

оборота. В сочетании с другими мерами это позволило правительству иметь огромные средства для нового строительства, для бесплатного предоставления предприятиям фондов, для узаконенного существования и развития нерентабельных предприятий и даже планово-убыточных отраслей.

Одновременно все звенья воспроизводства, все его факторы, все его участники, все задания, ресурсы для их выполнения, нормы оплаты труда — буквально все становилось объектом прямого централизованного регламентирования. Особое значение в этих условиях приобретали такие показатели, как досрочность выполнения заданий, превышение уровня роста к предыдущему периоду.

Таким образом, в проведении индустриализации решающее значение приобрели иные, чем в 20-е годы, методы. Существует мнение (которое разделяют многие): в сложившихся тогда условиях, когда предстояло в одиночку и в кратчайший срок создать технико-экономический фундамент социализма, следовало на определенный срок отдать предпочтение административным методам. Тем более, дескать, что речь шла о власти социалистического государства.

Принимать эти суждения или отвергать? Сторонники утвердительного ответа приводят немало фактов, особенно тех, которые характеризуют сдвиги на главном направлении. Действительно, в 1930—1932 гг. ВСНХ сосредоточил свое внимание на тяжелой промышленности (пищевые предприятия уже в 1930 г. перешли в ведение Наркомснаба). Упор был сделан на ускоренное сооружение ударных объектов, к их числу было отнесено всего 50—60 строек. В конечном счете они получили почти половину средств, выделенных на сооружение примерно 1500 предприятий, вошедших в строй в годы первой пятилетки. Из группы ударных объектов Орджоникидзе выделил 14 наиважнейших. Вместе взятые, они составляли менее одного процента сооружавшихся предприятий, но именно они обеспечивались лучше и полнее всех остальных, в том числе зарубежной техникой. Недаром каждый из таких первенцев индустриализации получил известность не только в СССР, но и далеко за его пределами. Военная угроза, а потом война подтвердили необходимость такой концентрации сил и средств народа. Примерно так размышляют сторонники административной системы.

Как ни странно, но никто из них не замечает другого. Только первые полтора-два года пятилетки дали превышение намеченного плана. А ведь это как раз было время, когда еще действовала прежняя система, характерная для нэпа. Резервы ее были велики. На наш взгляд, они еще не изучены. Но вот началась полоса волюнтаризма, требований ежегодно поднимать производство на 32, на 45—47 процентов и т. п. Соответственно ломается вся система управления, планирования, снабжения. К тому же страну сотрясают драмы и трагедии коллективизации. Не помогли никакие призывы к организации соревнования, к укреплению дисциплины. Трудовой порыв передовых рабочих позволил лишь локали-

зировать некоторые трудности. А в целом произошел срыв. Нереальными оказались темпы, не только «назначенные» сверху, но и те, которые были зафиксированы в утвержденном плане. Достаточно вспомнить перипетии, связанные с курсом на 17 миллионов тонн чугуна. Они были типичны для всей первой пятилетки.

Нельзя обойти молчанием и довод о военной угрозе. Безусловно, капиталистическое окружение постоянно было чревато опасностями. Но как ни удивительно, расходы на оборону и управление оказались в годы первой пятилетки несколько даже меньше, чем предусматривалось планом. По признанию самого Сталина, исключение пришлось сделать только в 1932 г. Но и оно не меняет того, что названная статья расходов была единственной в пятилетнем плане, по которой контрольные цифры оказались выше отчетных данных об исполнении.

Характеризуя в 1933 г. «политику наиболее ускоренных темпов развития промышленности», Сталин не постеснялся назвать ее подхлестыванием страны. Время показало, что, насколько необходимой была форсированная индустриализация страны, намеченная первым пятилетним планом (и развернувшаяся в начале его выполнения), настолько ошибочными и вредными оказались установки и приказы, направленные на еще большее ускорение. Дело не ограничилось пересмотром заданий, рассчитанных на 1928/29—1932/33 гг. В 1931 г. Сталин заявил, будто наша страна отстала от наиболее развитых капиталистических государств на целое столетие. Правда, при подготовке своей речи к печати он внес симптоматичный корректив: написал об отставании на 50—100 лет. Видимо, и сам понимал условность приведенных цифр (которые, кстати сказать, существенно отличались от соответствующих подсчетов Госплана, частично приводившихся нами выше). Но Сталин не ограничился такой постановкой вопроса и призвал советский народ ликвидировать этот разрыв за 10 лет, иначе «нас сомнут»¹.

Еще дальше пошел Председатель Совнаркома Молотов. Он в марте 1931 г. выступал с докладом на VI съезде Советов Союза ССР и, руководствуясь указанием вождя, заявил о необходимости «в течение этого десятилетия, но и во всяком случае не позднее догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны»².

Не будем сейчас спорить о причинах появления приведенных выводов и лозунгов, о характере их последствий. Главное в другом. Нас не смяли. Весь мир признает решающую роль Советского Союза в разгроме фашизма. Но разве за 30-е годы был преодолен разрыв между СССР и странами Запада? При всей масштабности промышленного преобразования, ставшего реальностью в это десятилетие, до рубежей, провозглашенных Сталиным и Молото-

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 39.

² Молотов В. М. В борьбе за социализм. М., 1934. С. 186.

вым, было еще очень далеко ¹. Во всяком случае, на XVIII съезде ВКП(б), проходившем в 1939 г., где речи, произнесенные в 1931 г., уже никто не вспоминал, пришлось вновь выдвигать задачу догнать и перегнать... В официальных докладах приводилось множество цифровых показателей, свидетельствовавших о значительности нашего отставания в сфере индустрии. При этом Молотов, немало не смущаясь, говорил даже о более чем вековой отсталости России и ратовал за то, «чтобы разжечь стремление к ускорению темпов роста промышленности, особенно тяжелой промышленности»².

Можно ли после этого утверждать, что создатели и вдохновители административной системы должным образом анализировали собственный опыт? Однако в литературе такие суждения не единичны. Особенно магически на некоторых действует высказывание о вековой отсталости, о крайней необходимости ликвидировать ее за 10 лет. Именно здесь многие до сих пор ищут оправдание политике подхлестывания, ускорения темпов любой ценой. Ищут, закрывая глаза на то, что планы первой и второй пятилеток в значительной мере были сорваны. Темпы роста промышленности оказались ниже законодательно утвержденных (не говоря уже о пересмотренных), и в этом также нельзя не видеть одно из самых тяжелых последствий сталинизма.

Отход от ленинских принципов руководства достиг своего апогея по мере того, как ограничение советской демократии переросло в чудовищные беззакония, организованные Сталиным и его окружением. С массовыми репрессиями работники промышленности столкнулись едва ли не раньше всех, еще в конце 20-х годов, одновременно и вслед за «шахтинским делом».

Почти похваляясь, Сталин, Молотов, Каганович докладывали тогда о вредительстве буквально на всех участках индустриализации. По их признанию, численность врагов измерялась уже многими тысячами. А ведь речь шла в основном еще только о руководителях, инженерах, экономистах. В 1930 г., потрясенный арестами своих коллег, покидает Госплан Кржижановский. Он спрашивает перед этим своего старого товарища В. Р. Менжинского: как быть, сотрудники попали на скамью подсудимых. В ответ председатель ОГПУ пишет, что враги народа обнаружены и в ВСНХ, и в Наркомфине, и в НКПС...

В считанные годы трагедия, всколыхнув всю страну, опустошила наркоматы и директорский корпус, бросила в пучину бедствий множество партийных работников, инженеров, рабочих.

Все это крайне болезненно сказалось на состоянии работников промышленности времен первых пятилеток. Нарушения закон-

¹ В 1940 г. производство чугуна составило 14,9 млн т против примерно 5 млн в 1930 г., выпуск стали соответственно поднялся до 18,3 млн т с 5,8 млн т, угля — до 165,9 млн т с 47,8 млн т. Добыча нефти — до 31,1 млн т с 18,4 млн т. См. Народное хозяйство СССР в 1958 г. Статистический сборник М., 1959. С. 188, 201, 208.

² XVIII съезд ВКП(б). 10—21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 288, 292.

ности, репрессии, произвол превращали административно-командное управление в административно-карательное. Атмосфера подозрительности, боязнь ответственности, нервотрепка лихорадили людей на всех уровнях. Еще Дзержинский не раз просился в отставку, потом — Куйбышев. Удивительно, но о замысле реорганизации ВСНХ СССР, который в 1932 г. был разделен на три наркомата, Орджоникидзе, будущий нарком тяжелой индустрии, узнал, по его признанию, случайно, от посторонних и не поверил в это. Вот и уходили они из жизни, сгорая и недоделав задуманное: Дзержинский умер на 49-м году, Куйбышев, когда ему было 47, Орджоникидзе трагически погиб в 50 лет.

Урон был поистине невосполним. И не только из-за прямой гибели людей. Снижались трудовой настрой коллективов, творческая активность миллионов рабочих и служащих. И это в то время, когда опасность фашистской агрессии становилась день ото дня реальнее. Обстановка культа личности наложила тяжелый отпечаток на общий ход подготовки нашей индустрии к обороне. Вполне реально предположить, что при иных условиях мы вообще не отошли бы к предместьям Москвы и берегам Волги.

Факт остается фактом: к зиме 1941 г. противник оккупировал территорию, на которой до войны проживало около 40 процентов населения, добывалось 63 процента угля, выплавлялось 68 процентов чугуна, 58 процентов стали, производилось 84 процента сахара и т. д. В целом выпуск валовой продукции промышленности сократился с июня по ноябрь 1941 г. в 2,1 раза¹. И хотя многое ценой невероятных усилий потом было исправлено, но победу пришлось ковать не с помощью того мощного потенциала, который столь дорогой ценой партия, рабочий класс, весь советский народ создавали на путях индустриализации, к тому же в условиях подхлестывания.

Историкам еще предстоит осмыслить эту проблему, научно проанализировать пятилетние планы ускоренного развития промышленности, сопоставить с практикой их претворения в жизнь, показать степень обоснованности и пригодности применявшихся методов ускорения, соответствие этих методов принципам и духу строительства социализма.

Такой подход к рассматриваемой теме открывает новые возможности дальнейшего изучения политики индустриализации, разработанной и проводившейся в 20—30-е годы. Теперь уже нельзя определять ее место в истории нашего общества, беря за основу критерии, утвердившиеся в обществоведении в 40-е годы. Достаточно напомнить, что даже в канун Великой Отечественной войны удельный вес сельского хозяйства в национальном доходе СССР превышал долю промышленности. Не только в деревне, но и в сфере строительства превалировал ручной труд. Представление о неуклонном росте благосостояния трудящихся на всех

¹ См.: Слово лектора. 1988. № 9. С. 27.

этапах индустриализации научной критики не выдерживает. Осталось нереализованным обещание освободить сельское население от так называемой «дани», от сверхналога, связанного с переплатой за промышленные товары.

Сказанное не умаляет всей важности скачка, который по праву оценивается как промышленное преобразование страны, обеспечившее технико-экономическую независимость СССР в капиталистическом окружении, суверенность и оборонную мощь государства, первым в истории вставшего на путь социалистического строительства. В то же время объективный взгляд на приобретенный опыт необходим не только для правдивого рассказа о том, что было. Очищая этот опыт от наслоений, ненужного лака, а то и прямой фальши, мы лучше начинаем понимать природу сегодняшних достижений и трудностей, во многом порожденных политикой и ходом индустриализации еще в 20—30-е годы. Именно тогда сложилась административно-командная система, утвердился технократизм, нормой стала ориентация на затратный механизм, на экстенсивное развитие и т. п. И в те же годы в строй вступали миллионы новых рабочих, техников, инженеров, ученых, партийных руководителей и хозяйственников, способных на невиданный энтузиазм во имя революционного переустройства общества. Вопреки всякого рода препятствиям они построили Турксиб, Днепрогэс, Магнитку, Уралмаш, сотни индустриальных центров и более 9 тысяч промышленных предприятий. Они победили фашизм, вывели СССР на уровень крупнейших достижений НТР. Можно ли одно отделять от другого? Разумеется, нельзя. Процесс промышленного преобразования страны, создания основ ее экономической мощи был необычайно сложным и противоречивым. Сегодня мы знаем это лучше, чем когда-либо раньше. Но тем нужнее правдивый анализ, раскрывающий уроки прошлого, связь времен, воздействие традиций периода индустриализации на нашу борьбу за перестройку и демократизацию.

В. П. Данилов

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ: КАК ЭТО БЫЛО¹

Правдивый анализ уроков прошлого поможет решать сегодняшние проблемы, в том числе и подъема сельской экономики. Сегодня, пожалуй, главное — вернуть крестьянину утраченное в прежние годы положение хозяина земли, пробудить чувство любви к ней, уверенность в завтрашнем дне. И различные формы

¹ Данная статья подготовлена на основе материалов «Правдинских пятниц» «Коллективизация: как это было», представлявших собой запись беседы журналиста А. А. Ильина с доктором исторических наук В. П. Даниловым при участии кандидата экономических наук Н. В. Тепцова (Правда. 1988. 26 авг. и 16 сент.).

подряда, и аренда, и меры социального развития деревни призваны обеспечить успех в решении этих задач, но как не просто идет обновление села!

Социалистическое преобразование сельского хозяйства на основе коренной технической реконструкции, подъема общей культуры деревни, который был бы равноценен подлинной культурной революции, как это и намечал ленинский кооперативный план, было исторической необходимостью. К концу 20 — началу 30-х годов объективный ход социально-экономического развития поставил эти вопросы в повестку дня. Хозяйствование на мелких клочках земли с помощью примитивных орудий обрекало крестьян на тяжелый ручной труд, обеспечивая им всего-навсего поддержание существования, бесконечное воспроизводство все тех же отсталых условий труда и быта. Низкий уровень сельскохозяйственного производства сдерживал общее экономическое развитие страны, ставил серьезные преграды начинавшейся индустриализации, строительству социализма в целом. Положение страны в мире повелительно диктовало ускорение развития всех отраслей народного хозяйства, в особенности индустрии. Вместе с тем эта необходимость не требовала проведения «сплошной коллективизации» за два или три года и любыми средствами. Никакие объективные условия не могут оправдать того насилия над крестьянством, которое было совершено при проведении коллективизации и раскулачивания по-сталински.

Круг вопросов, связанных с историей коллективизации, весьма широк. Здесь и развитие сельского хозяйства в условиях нэпа, и расслоение крестьянства, сохранение в его среде кулачества на одном полюсе, бедноты и батрачества — на другом, и развитие кооперации, и внутрипартийная борьба вокруг вопросов, связанных с путями и темпами социалистических преобразований, и многое другое. По ходу изложения мы так или иначе их затронем.

Начнем же с вопроса о состоявшемся в декабре 1927 г. XV съезде ВКП(б). До сих пор прочно сохраняется один из исходных стереотипов сталинской концепции, будто этот партсъезд провозгласил «курс на коллективизацию». Однако такая трактовка его решений соответствует скорее последующей практике, а не их подлинному содержанию. В действительности же на съезде речь шла о развитии всех форм кооперации, о том, что перспективная задача постепенного перехода к коллективной обработке земли будет осуществляться «на основе новой техники (электрификации и т. д.)», а не наоборот: к механизации на основе коллективизации¹. Ни сроков, ни тем более единственных форм и способов кооперирования крестьянских хозяйств съезд не устанавливал.

Точно так же решение съезда о переходе к политике наступления на кулачество имело в виду последовательное ограничение

¹ КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 261, 299.

эксплуататорских возможностей и устремлений кулацких хозяйств, их активное вытеснение экономическими методами, а не методами разорения или принудительной ликвидации. Задачи наступления на капиталистические элементы и в городе и в деревне формулировались с большой осторожностью: обеспечить относительное сокращение при «возможном еще росте» абсолютном.

В целом XV партсъезд никак не может быть назван «съездом коллективизации сельского хозяйства». Эти вопросы занимали важное место в его работе, однако в рамках постановления и решения всего комплекса проблем социально-экономического развития страны в целом. Обсуждались задачи ускорения реконструктивных процессов и в промышленности, и в сельском хозяйстве на основе нэпа, при сохранении и дальнейшем совершенствовании его принципов. Применительно к деревне это означало осуществление весьма многообразной системы мер, направленных на производственный подъем многомиллионной массы крестьянских хозяйств, увеличение их товарной продукции и вовлечение в русло социалистического развития. Это вполне обеспечивалось на пути их кооперирования.

В стране складывалась крепкая система сельскохозяйственной кооперации (в 1927 г. она объединяла уже третью часть крестьянских хозяйств). Рядом с ней действовали не менее развитая потребительская и растущая кустарно-промысловая кооперативные системы. Вместе они охватывали свыше двух третей товарооборота между городом и деревней, обеспечивая тем самым прочную экономическую связь («смычку») между крестьянскими хозяйствами и социалистической промышленностью, чему, как известно, В. И. Ленин придавал важнейшее значение. Развитие капиталистических элементов и в торговле, и в производстве находилось уже под достаточно полным и эффективным контролем. Таким образом, были все условия для того, чтобы на основе общего производственного подъема деревни (а тем самым и экономического роста страны в целом) в обозримый период — всего за две пятилетки — осуществить кооперирование крестьянских хозяйств и создать при этом мощный сектор коллективного земледелия. Трудности на этом пути были неизбежными (особенно в связи с задачами индустриализации), но и преодолимыми, без насилия над крестьянством.

В 20-х годах был действительно заметным подъем крестьянского хозяйства, свидетельствуя о благотворных результатах национализации земли, освобождения крестьян от помещичьего гнета и эксплуатации со стороны крупного капитала, а также об эффективности новой экономической политики. За три-четыре года крестьяне восстановили сельское хозяйство после сильнейшей разрухи. Однако в 1925—1929 гг. производство зерна колебалось на уровне чуть выше довоенного. Рост производства технических культур продолжался, но был умеренным и неустойчивым. Хорошими темпами увеличивалось поголовье скота: с 1925 по 1928 г. примерно на 5 процентов в год. Словом, мелкое

крестьянское хозяйство отнюдь не исчерпало возможностей для развития. Но, конечно, они были ограниченными с точки зрения потребностей страны, вступившей на путь индустриализации.

Кризис хлебозаготовок в конце 1927 г. возник как результат рыночных колебаний, а не как отражение кризиса сельскохозяйственного производства, а тем более социального кризиса в деревне. Конечно, сокращение государственных заготовок хлеба создавало угрозу планам промышленного строительства, осложняло экономическое положение, обостряло социальные конфликты и в городе, и в деревне. Обстановка к началу 1928 г. серьезно осложнилась, требовала взвешенного подхода. Но сталинская группа, которая только что добилась большинства в политическом руководстве, не проявила ни государственной мудрости, ни понимания ленинских принципов политики по отношению к крестьянству как союзнику рабочего класса в строительстве социализма. Больше того, она пошла на прямой отказ от этих принципов, на слом нэпа и широкое применение чрезвычайных мер, то есть насилия над крестьянством. На места последовали подписанные И. В. Сталиным директивы с угрозами в адрес партийных руководителей и требованием «поднять на ноги партийные организации, указав им, что дело заготовок является делом всей партии», что «в практической работе в деревне отныне делается ударение на задаче борьбы с кулацкой опасностью». Таким языком с партийными работниками и организациями ЦК не вел разговоров с гражданской войны.

Тон был задан сталинской поездкой по округам Сибири в январе — феврале 1928 г. Во время этой инспекции были сняты с работы и подвергнуты наказаниям, вплоть до исключения из партии, многие десятки местных работников — за «мягкотелость», «примиренчество», «срастание» с кулаком и т. п. Волна замены партийных, советских, судебных и хозяйственных работников прокатилась тогда по всем районам. На Урале за январь — март 1928 г. были отстранены 1157 работников окружного, районного и сельского аппарата. Все это нагнетало обстановку нервозности и административного произвола. Началось закрытие рынков, проведение обысков по крестьянским дворам, привлечение к суду владельцев не только спекулятивных хлебных запасов, но и весьма умеренных излишков в середняцких хозяйствах. Суды автоматически выносили решения о конфискации как товарных излишков хлеба, так и запасов, необходимых для производства и потребления. Изымали часто и инвентарь. Аресты в административном порядке и тюремные заключения по приговорам судов довершают картину произвола и насилия, чинимого в деревне зимой и весной 1928 г. Волна массового недовольства прокатилась по районам хлебозаготовок уже весной 1928 г. Во многих местах были отмечены демонстрации крестьян в городах, случаи прямого обращения делегаций из села к шефским организациям на промышленных предприятиях, учтено около 150 массовых выступлений на Украине, Северном Кавказе, в Сибири, Казахстане и других

районах. Казалось, эти факты были учтены июльским Пленумом ЦК ВКП(б), подтвердившим сохранение нэпа и запретившим применение чрезвычайных мер. Однако «чрезвычайщина» на заготовках хлеба в дальнейшем приобретала все более широкие масштабы. В следующей хлебозаготовительной кампании, особенно к весне 1929 г., под давлением непосильных заданий местные организации становились на путь невольных обысков и арестов. Нарушения законности, произвол, насилие вызывали открытые протесты крестьян, вплоть до вооруженных восстаний. В 1929 г. было зарегистрировано до 1300 «кулацких» мятежей. Эти мелкие и разрозненные выступления часто затухали сами собой — они были настолько не противоестественны в условиях советского общественного строя, насколько противоестественным было насилие над крестьянами.

Анализ происхождения кризиса хлебозаготовок и путей его преодоления был в центре внимания апрельского и июльского Пленумов ЦК ВКП(б) в 1928 г. На этих Пленумах выявились коренные расхождения в позициях Бухарина и Сталина в предлагаемых ими решениях возникших проблем. Для Сталина кризис хлебозаготовок объяснялся «кулацкой стачкой» — выступлением выросшего и окрепшего в условиях нэпа кулачества против Советской власти, так же как «шахтинское дело» (первый неправедный процесс над «вредителями» в промышленности) было якобы свидетельством выступления против Советской власти технической интеллигенции — «агентуры» международного капитала. Вообще все трудности, по Сталину, создавались врагами: «Мы имеем врагов внутренних. Мы имеем врагов внешних. Об этом нельзя забывать... ни на одну минуту»¹. И средства преодоления трудностей виделись ему в беспощадном уничтожении врагов, среди которых на первом месте стояли кулаки.

Бухарин при анализе тех же явлений делал акцент на имеющихся недостатках и ошибках в работе органов власти: «Мы знаем, что главнейшие рычаги хозяйственного воздействия находятся в наших руках, и владение этими рычагами делает нас непобедимыми с точки зрения внутренних отношений, если только мы не будем делать крупных ошибок. Кулак же представляет опасную силу в первую очередь постольку, поскольку он использует наши ошибки». Уроки зимы 1928 г. Бухарин видел в том, что она выявила недостатки, лежащие в сфере управления обществом — «в нас самих»². Отсюда и альтернатива: сталинской линии с упором на насилие в борьбе с врагами, на административно-волевые методы противостояла бухаринская — на совершенствование работы партии и государства, на осуществление индустриализации страны и социалистического кооперирования сельского хозяйства в меру созревания объективных и субъективных усло-

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 11. С. 63.

² Бухарин Н. И. К итогам апрельского Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) // Правда. 1928. 19 апр.

вий, на сохранение и совершенствование экономического механизма, складывавшегося в годы нэпа. Фактически вопрос стоял так: будет или не будет осуществляться ленинский план построения социализма, основой которого являлся подлинный союз рабочего класса и крестьянства, исключавший применение насилия по отношению к трудящимся массам деревни. В этом и состояла суть борьбы Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и их сторонников против сталинского варианта решения проблемы.

Их предложения о выходе из ситуации, созданной кризисом хлебозаготовок, на путях нэпа (отказ от «чрезвычайных» мер, сохранение курса на подъем крестьянского хозяйства и развитие торгово-кредитных форм кооперации, повышение цен на хлеб и др.) были отвергнуты как уступка кулаку и проявление правого оппортунизма. Перевод сельского хозяйства на путь крупного обобщественного производства стал рассматриваться как средство решения хлебной проблемы в самые короткие сроки и одновременно ликвидации кулачества как главного врага Советской власти. Такая трактовка задач кооперирования крестьянских хозяйств и преодоления социального расслоения деревни была принципиальным нарушением ленинской концепции строительства социализма, прямым отказом от ленинского кооперативного плана.

Бухаринский вариант решения проблем не был единственной альтернативой сталинскому варианту. Не менее важным, а главное, привязанным ко времени был вариант, предусмотренный первым пятилетним планом развития народного хозяйства СССР (1928/29—1932/33 гг.). Этот план был одобрен XVI партконференцией в апреле и принят V съездом Советов СССР в мае 1929 г. Намечался огромный шаг по пути индустриализации страны. В то же время и процесс кооперирования в деревне получал мощный толчок: к концу пятилетки все формы сельскохозяйственной кооперации должны были охватить до 85 процентов крестьянских хозяйств, 18—20 процентов из них предполагалось вовлечь в колхозы. Планировались реальные меры, направленные на подъем производства в «индивидуальном секторе», то есть у основной массы мелких крестьянских хозяйств. Все это подкреплялось необходимыми материальными ресурсами, производством техники, подготовкой кадров. Это был очень напряженный, требующий больших усилий, но реальный план. В его основе лежали принципы нэпа и кооперативного развития.

Выбор пути совершился в конце 1929 г. и нашел свое выражение прежде всего в осуждении группы Бухарина как якобы правооппортунистической и в отстранении ее от участия в политическом руководстве, что завершилось на ноябрьском Пленуме ЦК партии. В то же самое время был фактически отброшен и первый пятилетний план: продуманные и взаимосвязанные задания стали произвольно пересматриваться в сторону увеличения без учета реальных условий и возможностей. Начиналась безумная и бездумная гонка «за темпом».

Трансформация политики всемерного развития кооперации во всех ее формах в «курс на коллективизацию» началась в ходе хлебозаготовок и в непосредственной связи с ними. Вслед за сталинской директивой от 13 февраля 1928 г., требовавшей «поднять на ноги партийные организации» на ликвидацию кризиса хлебозаготовок, на места последовало подписанное секретарем ЦК В. М. Молотовым циркулярное письмо «О весенней посевной кампании» от 1 марта 1928 г. В нем объявлялось, что «вся работа местных парторганизаций по проведению посевной кампании будет расцениваться в зависимости от успехов в деле расширения посевов и коллективизации крестьянских хозяйств».

Резко возрастают масштабы государственной помощи колхозам — кредитование и снабжение машинами и орудиями, передача лучших земель, налоговые льготы. Партийные, советские, кооперативные организации развертывают активную пропаганду коллективного земледелия, работу по практической организации колхозов. Однако начавшееся весной 1928 г. форсирование организации колхозов с течением времени становилось все более откровенным и сильным. Летом 1929 г. провозглашается лозунг «сплошной коллективизации» крестьянских хозяйств целых округов (первым среди них стал Хоперский округ Нижневолжского края).

Тенденция к безоглядному форсированию коллективизации отражала позицию Сталина и его окружения. В основе этой позиции лежало пренебрежение к настроениям крестьянства, игнорирование его неготовности и нежелания отказаться от собственного мелкого хозяйства. Игнорировались и ленинские принципы, партийные решения о недопустимости и пагубности торопливости и насилия при кооперировании деревни. «Теоретическим» обоснованием форсирования коллективизации явилась статья Сталина «Год великого перелома», опубликованная 7 ноября 1929 г. В ней утверждалось, что в колхозы якобы пошли основные, середняцкие массы крестьянства, что в социалистическом преобразовании сельского хозяйства уже одержана «решающая победа»¹ (на самом деле в колхозах тогда состояло 6—7 процентов крестьянских хозяйств, при том, что свыше третьей части деревни составляла беднота).

Следующий шаг на пути усиления гонки за «темпом коллективизации» был сделан на ноябрьском Пленуме ЦК ВКП(б) того же 1929 г. Задача «сплошной коллективизации» ставилась уже «перед отдельными областями». Сообщения членов ЦК, сигналы с мест о спешке и принуждении при организации колхозов не были учтены. Между тем они требовали серьезного внимания. На Пленуме было оглашено письмо Баранова — председателя комиссии Колхозцентра в Хоперском округе: «Местными органами проводится система ударности и кампанейства. Вся работа по организации колхозов проходила под лозунгом: «Кто больше!»

¹ См.: Сталин И. В. Соч. Т. 12. С. 133.

На местах директивы округа иногда преломляются в лозунг: «Кто не идет в колхоз, тот враг Советской власти!»

Совокупность этих причин дает формально пока на 61 процент, а может быть, пока пишу письмо, и 70 процентов коллективизации... Если сейчас же не принять мер к укреплению колхозов, дело может себя скомпрометировать. Колхозы начнут разваливаться. Необходимо учесть, что в округе идет сильнейшая распродажа скота...»

По поводу этого письма Сталин бросил характерную реплику: «Что же, вы хотите все предварительно организовать?» Чем обернулась коллективизация без «предварительной» организации, вполне выяснится зимой — весной 1930 г. Написанное в октябре и зачитанное на Пленуме в ноябре 1929 г. письмо давало почти полную картину того, что через два-три месяца стало происходить едва ли не повсеместно.

Руководители парторганизаций Северного Кавказа, Нижней и Средней Волги, Украины стали брать своего рода «обязательства» по проведению коллективизации за «год-полтора», к лету 1931 г. Но и эти «обязательства» были признаны недостаточными. Вот как выступил В. М. Молотов: «Мы имеем основание утверждать — а я лично в том не сомневаюсь, — что летом 1930 г. коллективизацию Северного Кавказа в основном мы закончим. Будущей весной мы наверняка сможем уже сказать, что в основном коллективизация будет завершена не только на Северном Кавказе». И далее: «...в теперешних условиях заниматься разговорами о пятилетке коллективизации — значит заниматься ненужным делом. Для основных сельскохозяйственных районов и областей, при всей разнице темпов коллективизации их, надо думать сейчас не о пятилетке, а о ближайшем годе». Неудивительно, что А. А. Андреев и другие, возвратившись на места, провозглашали лозунг «бешеных темпов коллективизации».

Попыткой внести элементы разума, понимания сложившейся обстановки были рекомендации Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросам коллективизации (в ее составе были руководители ряда краевых и областных парторганизаций, центральных органов управления).

Комиссия, естественно, исходила из установок ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б). Однако выработанный ею проект постановления предлагал решить задачу коллективизации «огромного большинства крестьянских хозяйств» на протяжении первой пятилетки: в основных зерновых районах за два-три года, в потребляющей полосе — за три-четыре года. Завершение коллективизации в экономически отсталых национальных республиках отодвигалось на вторую пятилетку. Комиссия рекомендовала считать основной формой колхозного строительства сельскохозяйственную артель, в которой «коллективизированы основные средства производства (земля, инвентарь, рабочий, а также товарный продуктивный скот), при одновременном сохранении в данных условиях частной собственности крестьянина на мелкий инвентарь,

мелкий скот, молочные коровы и т. д., где они обслуживают потребительские нужды крестьянской семьи». Намечались конкретные принципы и порядок образования неделимых фондов и оборотных средств в колхозах и т. п. К сожалению, даже эти рекомендации, сделанные с учетом практического опыта и элементарного понимания положения в деревне, были отброшены. Хотя необходимость в них была предельно острой — сплошная коллективизация крестьянских хозяйств уже шла полным ходом.

5 января 1930 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». Как и предлагалось комиссией, зерновые районы были разграничены на две зоны по срокам завершения коллективизации. Но Сталин внес свои поправки, и сроки были резко сокращены. Северный Кавказ, Нижняя и Средняя Волга должны были в основном завершить коллективизацию «осенью 1930 г. или во всяком случае весной 1931 г.», а остальные зерновые районы — «осенью 1931 г. или во всяком случае весной 1932 г.». Столь сжатые сроки и признание «социалистического соревнования по организации колхозов» находились в полном противоречии с указанием о недопустимости «какого бы то ни было «декретирования» сверху колхозного движения». Хотя постановление характеризовало артель как наиболее распространенную форму колхозов, но как всего лишь переходную к коммуне. Были исключены положения о степени обобществления скота и инвентаря, о порядке образования неделимых фондов и т. д.

Под сильнейшим нажимом сверху не только в передовых зерновых районах, но и в Черноземном центре, и в Московской области, и даже в республиках Востока выносились решения завершить коллективизацию «в течение весенней посевной кампании 1930 года». Разъяснительная и организационная работа в массах подменялась грубым нажимом, угрозами, демагогическими обещаниями. Раскулачивать стали не только кулаков, но и середняков — тех, кто еще не хотел вступать в колхозы. Число раскулаченных во многих районах достигало 10—15 процентов крестьянских хозяйств, число «лишенцев» (лишенных избирательных прав) — 15—20 процентов. Грубейшие извращения допускались при обобществлении средств производства. Товарищества по обработке земли (тозы) в административном порядке переводились на уставы артелей и коммун. В артелях добивались максимального обобществления — включая единственную корову, мелкий скот и птицу.

Уровень коллективизации стремительно повышался, к началу января 1930 г. в колхозах числилось свыше 20 процентов крестьянских хозяйств, к началу марта — свыше 50. Конечно, среди них было немало «дутых», значившихся лишь на бумаге. Однако главным последствием насилия при создании колхозов стало массовое недовольство и открытые протесты крестьян, вплоть до антисоветских вооруженных выступлений. С начала

января до середины марта 1930 г. их было зарегистрировано более 2 тысяч. Истребление скота приобрело массовый характер.

Неверно было бы отрицать наличие в деревне этого времени сторонников коллективизации, ее подлинных энтузиастов, борцов за колхозы. Они были представлены беднотой и частью середнячества. Без их активной поддержки ни коллективизация, ни ликвидация кулачества были бы просто невозможны. Но и самый убежденный сторонник коллективного земледелия не мог понять и принять того разгула бюрократического насилия, который ворвался в деревню зимой 1929/30 г.

О том, что происходило в деревне на первом этапе сплошной коллективизации, знали все, включая, разумеется, Сталина и его непосредственное окружение. Не говоря уже об обычных каналах партийной и государственной информации, отметим, что за осень и зиму на имя Сталина и Калинина поступило из деревни 90 тысяч писем с жалобами, протестами, описаниями творившихся безобразий. И тем не менее нажим на местные организации продолжал нарастать. 3 февраля 1930 г., когда насилие над крестьянами достигло предела, в передовой статье «Правды», написанной по прямому указанию Сталина, заявлялось: «Последняя наметка коллективизации 75 процентов бедняцко-середняцких хозяйств в течение 1930—1931 гг. — не является максимальной». В «Ответе товарищам свердловцам», опубликованном 10 февраля 1930 г., Сталин требовал «усилить работу по коллективизации в районах без сплошной коллективизации» в качестве средства борьбы против самоликвидации кулацких хозяйств и «растраниживания» их имущества¹.

Однако уже во второй половине февраля 1930 г. ЦК партии дал директивы о ликвидации спешки при организации колхозов, прекращении раскулачивания там, где сплошная коллективизация еще не началась, о необходимости учета местных условий в национальных республиках. 2 марта «Правда» опубликовала переработанный Примерный устав сельскохозяйственной артели, учитывающий возможности и настроения крестьян (хотя и не столь полно, как это предлагалось ранее в проекте Комиссии Политбюро).

В том же номере газеты появилась статья Сталина «Головокружение от успехов», в которой осуждались перегибы, подчеркивалась необходимость соблюдения принципов добровольности коллективизации. При этом вся ответственность за допущенные «искривления» перекладывалась на местных работников, обвиненных в «головотяпстве». Тем не менее достигнутый к 20 февраля 50-процентный уровень коллективизации объявлялся в этой статье успехом, свидетельствующим, что *«коренной поворот деревни к социализму можно считать уже обеспеченным»*. Местные работники обязывались *«закрепить достигнутые успехи и планомерно*

¹ См.: Сталин И. В. Соч. Т. 12. С. 188.

использовать их для дальнейшего продвижения вперед»¹. Оставалось загадкой, что же нужно делать: исправлять создавшееся положение или закреплять его?

Местные организации, активисты колхозного строительства были поставлены в крайне тяжелое положение. На многих обрушились суровые наказания, вплоть до судебных репрессий. Причем эти карательные меры проводились теми же лицами и органами, которые сами и навязали нелепую и пагубную гонку темпов коллективизации. Не случайно в мае — июне 1930 г., когда шла подготовка к XVI партсъезду, на партийных собраниях в первичных организациях многие коммунисты выступили с резкой критикой сталинской политики коллективизации, развязанного сверху насилия над крестьянами и отсутствия честности в оценках происхождения и характера допущенных ошибок и перегибов. Для настроений коммунистов характерно письмо рабочего Мамаева «К XVI съезду партии», опубликованное «Правдой» 9 июня 1930 г. С подлинной смелостью в письме ставился вопрос: «У кого же закружилась голова? На деле получилось так, что к середняку применили политику, направленную против кулака». И еще: «Выходит, «царь хорош, а чиновники на местах негодные». Напомнив партийные решения о недопустимости насилия над середняком, Мамаев писал: «Постановляем одно, а не деле проводим другое. Так нечего наводить тень на ясный день. Надо сказать о своих собственных прострелах и не учить этому низовую партийную массу».

Мамаев и другие коммунисты, выступившие тогда с открытой критикой сталинского руководства, были прямо обвинены в том, что они выступают «против внутрипартийного режима и руководства ЦК», ошельмованы как правые уклонисты, что автоматически вело к исключению из партии.

В марте — апреле 1930 г. ЦК ВКП(б) принял ряд важнейших документов, направленных на преодоление извращений в коллективизации и нормализацию общей обстановки в деревне. «Прилив» в колхозы сменялся «отливом» из них крестьян. Исчезли «бумажные» и насильственно созданные колхозы. В августе 1930 г., когда «отлив» прекратился, колхозы объединяли 21,4 процента крестьянских хозяйств.

Итоги первого этапа сплошной коллективизации требовали правдивого анализа, извлечения уроков из «перегибов» и «борьбы с перегибами», укрепления и развития тех колхозов, которые сохраняются в условиях подлинной свободы выбора у крестьянина. А значит, полного преодоления последствий «великого перелома» по-сталински, выбора путей социалистического преобразования сельского хозяйства на основе восстановления ленинских принципов нэпа, всего разнообразия форм кооперации.

Конечно, коррективы, по крайней мере на первых порах, были внесены. Стали более активно применяться экономические рыча-

¹ См.: Сталин И. В. Соч. Т. 12. С. 191—192.

ги. На решении задач коллективизации по-прежнему сосредоточивались основные силы партийных, государственных и общественных организаций. Возросли масштабы технической реконструкции в сельском хозяйстве — главным образом через создание государственных машинно-тракторных станций (МТС). За 1931 г. было создано 1040 МТС. Уровень механизации сельскохозяйственных работ заметно поднялся. Был упорядочен процесс обобществления крестьянских средств производства, хотя «недоразумения» с крестьянкой из-за коровы, как позднее признавал Сталин, еще продолжались. Лишь 26 марта 1932 г. вышло постановление ЦК, которое обязывало местные организации не только прекратить принудительное обобществление скота, но и помочь колхозникам в обзаведении пользовательным скотом.

Государство в 1930 г. оказывало колхозам большую помощь, им предоставлялись существенные налоговые льготы. Зато для единоличников были увеличены ставки сельскохозяйственного налога, введены взимаемые только с них единовременные налоги. Рос также объем государственных заготовок, которые приобретали обязательный характер.

Состоявшийся в декабре 1930 г. объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) объявил, что в области сельского хозяйства за *«первые два года пятилетки мы успели уже превзойти вдвое всю пятилетнюю программу»* и даже разрешить *«в основном»* зерновую проблему (!) в результате *«крупнейших успехов, достигнутых в области колхозного и совхозного строительства, и неуклонно проводимой на базе сплошной коллективизации ликвидации кулачества как класса»*. Никакого напоминания об уроках предыдущей зимы здесь не было. В резолюции были указаны контрольные цифры по коллективизации для всех групп районов страны. Для Северного Кавказа, Нижней и Средней Волги, степной Украины устанавливалось задание объединить в колхозах *«не менее 80 процентов крестьянских хозяйств»*. Для Центрально-Черноземной области, Сибири, Урала, лесостепной Украины и зерновых районов Казахстана предписывалось *«обеспечить 50 процентов коллективизации крестьянских хозяйств»*, *«для потребляющей полосы по зерновым хозяйствам — 20—25 процентов»*, а по Союзу в целом — *«не менее половины крестьянских хозяйств»*¹. Причем, как указывалось в сталинской телеграмме секретарю Восточно-Сибирского крайкома Ф. Г. Леонову (март 1931 г.), местным организациям *«не только не возбраняется, но, наоборот, рекомендуется перевыполнять задание»*. И оно, в общем, действительно было *«выполнено»* и даже *«перевыполнено»*: по стране в целом к июню 1931 г. в колхозах состояло уже 52,7 процента крестьянских хозяйств.

1932 г. был объявлен *«годом завершения сплошной коллективизации»*. При этом несколько понижался критерий завершения коллективизации в *«основном»*: объединение в колхозах

¹ См.: КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 231, 233—234.

60—70 процентов крестьянских хозяйств. Осенью в колхозах значилось 62,4 процента крестьянских хозяйств. Крупное коллективное хозяйство, таким образом, становится одной из основ нашей экономики и всего общественного строя.

Коллективизация затрагивала интересы и судьбы всего крестьянства. Но, естественно, различные социальные слои деревни по-разному воспринимали переход к коллективным формам хозяйствования. Чтобы представить влияние коллективизации на судьбы бедноты, середняцких масс и кулачества, нужно оценить глубину социального расслоения деревни перед коллективизацией. По данным Комиссии СНК СССР по изучению тяжести налогового обложения (ее иногда называли «комиссией Рыкова»), в 1927 г. среди крестьянских хозяйств было 3,9 процента кулацких, 62,7 процента — середняцких, 22,1 процента — бедняцких и 11,3 процента пролетарских. Основную массу, как видим, составляли середняки, треть — бедняки и батрачество.

Для последних была характерна безлошадность, поэтому, даже имея землю, хозяйствовать самостоятельно они не могли, находились в сильнейшей зависимости от зажиточных слоев деревни, в особенности от кулачества. Собственный опыт «сидения вольными хозяевами на вольной земле» показал им, что у них нет реальной перспективы в одиночку вырваться из нищеты и кабалы. Эта часть деревни увидела выход для себя в объединении. Она-то и стала той социальной силой, которая активно поддержала и сплошную коллективизацию, и ликвидацию кулачества.

Более сложным и противоречивым было отношение среднего крестьянства. Условия его жизни и труда также оказались весьма нелегкими. Большинство середняков начинало понимать ограниченность возможностей мелкого хозяйства. Но и переход к коллективным формам хозяйствования означал для них коренную ломку привычного уклада жизни. Неизбежными были поэтому их сомнения и колебания. Прежде чем решиться на этот шаг, они хотели видеть практические, наглядные доказательства преимуществ колхозов, получить возможность самим, без принуждения, в соответствии со своими интересами строить новые формы жизни. При этих условиях середняк делал выбор добровольно.

Вниманию к интересам трудового крестьянства учил В. И. Ленин. В написанной им в 1919 г. резолюции VIII съезда партии был сформулирован важнейший вывод: «Лишь те объединения ценны, которые проведены самими крестьянами по их свободному почину и выгоды коих проверены ими на практике»¹.

Борьба против кулачества как эксплуататорского класса началась уже в ходе Великой Октябрьской социалистической революции. Тогда в число средств этой борьбы было включено

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 208.

и раскулачивание, то есть прямая и насильственная экспроприация (полностью или частично) средств производства в кулацких хозяйствах. Однако даже в годы революции и гражданской войны, когда классовая борьба в деревне часто доходила до вооруженных столкновений, а тем более в период нэпа перед кулаком не закрывалась дорога в новое общество. Он имел право вступать в сельскохозяйственные кооперативы всех типов, включая колхозы. Было, правда, и ограничение: кулаки не могли выступать учредителями кооперативов и избираться в их правления.

Такая политика вполне отвечала марксистско-ленинской постановке вопроса о путях ликвидации эксплуататорских классов. Она предусматривала уничтожение эксплуататорских отношений, замещение их отношениями сотрудничества, но не уничтожение хозяйств, а тем более людей.

В условиях нэпа имел рост кулацких хозяйств. Их насчитывалось в 1927 г. около 900 тысяч — это максимальная численность за послереволюционное время. Однако этот процесс находился под весьма жестким контролем государства, проводившего политику ограничения и вытеснения эксплуататорских устремлений кулачества.

В 1928—1929 гг. наблюдалось быстрое сокращение численности хозяйств кулацкого типа. Это было следствием чрезвычайных мер при хлебозаготовках, конфискации хлебных запасов и части средств производства у кулаков. Многие из них были осуждены по обвинению в спекуляции. Проведенное в 1928—1929 гг. изъятие земельных излишков, принудительный выкуп тракторов и сложных машин, сокращение, а потом прекращение кредитования и снабжения средствами производства, усиление налогового пресса — все это также подрывало экономические и политические позиции кулака. Введение индивидуального обложения, изымавшего весь годовой доход, а часто и сверх него, прямо разоряло эти хозяйства. Начались свертывание в них производства, распродажа скота и инвентаря, сельхозмашин. Кулацкие семьи переселялись в города, уезжали на промышленные стройки. По данным ЦСУ СССР, доля кулацких хозяйств по РСФСР сократилась с 3,9 процента в 1927 г. до 2,2 процента в 1929 г., по Украине — с 3,8 до 1,4 процента. К осени 1929 г. их суммарный удельный вес едва ли превышал 2,5—3 процента, а численность — 600—700 тысяч семей.

Обстановку в деревне и весь ход событий резко обострило принятое летом 1929 г. решение о запрещении принимать в колхозы кулацкие семьи. Это сразу и полностью отделило и противопоставило их всему крестьянству, вызвало крайнее озлобление, до предела ожесточило сопротивление кулачества. Раскулачивание захватило и значительную часть середняков.

О переходе к политике ликвидации кулачества как класса Сталин объявил 27 декабря 1929 г. в речи на научной конференции аграрников-марксистов. Объявил как уже о свершившемся факте. 11 января 1930 г. в «Правде» была опубликована

передовая статья «Ликвидация кулачества как класса становится в порядок дня». В ней прозвучал призыв «объявить войну не на жизнь, а на смерть кулаку и в конце концов смести его с лица земли».

Выработка конкретных мер и способов осуществления этой политики была поручена специальной комиссии под председательством В. М. Молотова. 30 января Политбюро утвердило постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Предписывалось провести конфискацию у кулаков средств производства, скота, хозяйственных и жилых построек, предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции и семенных запасов. Хозяйственное имущество и постройки передавались в неделимые фонды колхозов в качестве взноса бедняков и батраков, часть средств шла в погашение долгов кулацких хозяйств государству и кооперации.

Раскулачиваемые делились на три категории. К первой относился «контрреволюционный актив» — участники антисоветских и антиколхозных выступлений (они сами подлежали аресту и суду, а их семьи — выселению в отдаленные районы страны). Ко второй — «крупные кулаки и бывшие полупомещики, активно выступавшие против коллективизации» (их выселяли вместе с семьями в отдаленные районы). И, наконец, к третьей — «остальная часть кулаков» (она подлежала расселению специальными поселками в пределах районов прежнего своего проживания).

Постановление определяло, что число раскулачиваемых по районам не должно превышать 3—5 процентов всех крестьянских хозяйств. И все же это было намного больше, чем сохранилось к зиме 1930 г. кулацких хозяйств. Для районов сплошной коллективизации (Северный Кавказ, Нижняя и Средняя Волга, Центрально-Черноземная область, Урал, Сибирь, Украина, Белоруссия и Казахстан) в постановлении указывались цифры «ограничительных контингентов», подлежащих высылке в отдаленные районы страны: 60 тысяч хозяйств (семей) первой категории и 150 тысяч — второй. 25 февраля были установлены «ограничительные контингенты» раскулачиваемых для Ленинградской, Западной, Московской, Иваново-промышленной областей и Нижегородского края: 17 тысяч первой категории, 15 тысяч — второй. Для союзных республик Средней Азии и Закавказья численность выселяемых по обеим группам — около 3 тысяч семей.

Жесткая разверстка сверху заданий по районам, предписываемый порядок проведения крупномасштабной насильственной акции, вся тональность постановления, как и инструкций центральных советских органов и конкретных указаний на места, по сути, перечеркивали содержащиеся в них предупреждения против «увлечений», «отрыва от масс»...

Нельзя, конечно, отрицать ни объективных трудностей, ни грубых ошибок местных работников, которые подчас слишком усердно «проявляли инициативу», прибегали к необоснованным угрозам, прямому насилию. Но напомним, что тон этим перегибам

был задан еще во время зимней поездки Сталина в районы Сибири, о которой мы уже говорили. В день его отъезда, 14 января 1928 г., была разослана директива, в которой сложившаяся ситуация, прежде всего рост цен, объяснялась тем, что «частник и кулак использовали благодушие и медлительность наших организаций, прорвали фронт на хлебном рынке, подняли цены и создали у крестьян выжидательное настроение...». В директиве обосновывалось требование чрезвычайных мер, содержалось прямое указание «арестовывать спекулянтов, кулачков и прочих дезорганизаторов рынка и политики цен». И судить их «в особо срочном и не связанном с формальностями порядке».

Чрезвычайные меры были с тех пор превращены в систему. Не только против кулачества, но и против середняков действовали приемами времен гражданской войны и «военного коммунизма». Это нашло выражение и в практике раскулачивания. Так, зимой 1930 г. широко применялся перевод раскулачиваемых из третьей категории во вторую. Стремление к «перевыполнению» спущенных сверху «норм», «контрольных цифр», «заданий» приобрело повсеместное распространение. Причем нужно иметь в виду, что начиная с весны 1930 г. речь шла о ликвидации, по существу, бывших кулацких хозяйств, ибо постановлением ЦИК и СНК СССР от 1 февраля они уже были лишены возможности арендовать землю и эксплуатировать чужой труд.

Взрыв крестьянского возмущения заставил сталинское руководство дать отбой, принять меры к исправлению наиболее грубых актов произвола и насилия. Была проведена и «реабилитация» части раскулаченных и предназначенных к раскулачиванию. Об итогах исправления «перегибов» в это время имеются пока лишь отдельные сведения. В Курском округе, например, из 8949 раскулачиваемых хозяйств было восстановлено 4453, в Львовском округе — 2390 из 4487, то есть больше половины.

С февраля по сентябрь 1931 г. прошла новая, наиболее широкая волна ликвидации кулацких хозяйств. Общее руководство осуществлялось специальной комиссией, которую возглавлял А. А. Андреев. Раскулачивание производилось и в дальнейшем — и после того, как в марте 1932 г. эта комиссия прекратила свое существование. Оно все больше принимало характер репрессий за невыполнение заданий по хлебозаготовкам, за хищения колхозной продукции, за отказ от работы...

Лишь 8 мая 1933 г. партийным и советским организациям была разослана инструкция, предписывающая ограничить наконец масштабы репрессий в деревне. Этот документ, подписанный Сталиным и Молотовым, констатировал, что с мест «все еще продолжают поступать требования о массовом выселении из деревни и применении острых форм репрессий. В ЦК и СНК имеются заявки на немедленное выселение из краев и областей около ста тысяч семей». В инструкции разъяснялось, что хотя «классовая борьба в деревне будет неизбежно обостряться» и в дальнейшем, тем не менее ее старые методы «изжили себя»: «В результате

наших успехов в деревне наступил момент, когда мы не нуждаемся в массовых репрессиях, задевающих, как известно, не только кулаков, но и единоличников и часть колхозников».

В связи с этим принималось решение: «Немедленно прекратить всякие массовые выселения крестьян». Однако на деле речь шла всего лишь об ограничении масштабов выселений — они должны были производиться «только в индивидуальном и частичном порядке и в отношении только тех хозяйств, главы которых ведут активную борьбу против колхозов и организуют отказ от сева и заготовок». Та же инструкция «допускала» выселение 12 тысяч хозяйств и давала их «разнарядку» по республикам и районам.

Пока трудно определить численность раскулаченных хозяйств и пострадавших при этом людей. К сожалению, некоторые авторы стремятся называть как можно большие цифры, не заботясь об их достоверности и аргументированности. Хотят шокировать читателя гибелью 13 или 15 миллионов человек: как будто цифра «всего» 4 или 5 миллионов недостаточна, по их мнению, чтобы со всей решительностью осудить сталинское насилие над крестьянством.

Точные данные имеются лишь о численности семей, высланных в отдаленные районы страны (то есть о тех, которые постановлением от 30 января 1930 г. отнесены к первой и второй категориям). К октябрю 1930 г. выселена 115 231 семья, в 1931 г. — 265 795 семей. За два года, следовательно, была отправлена на Север, на Урал, в Сибирь и Казахстан 381 тысяча семей. Часть кулацких семей (200—250 тысяч) успела «самораскулачиться», то есть распродать или бросить свое имущество и бежать в города или на стройки. В 1932 г. и после специальные кампании выселения не проводились. Однако общее число высланных в то время из деревни составило не менее 100 тысяч. Примерно 400—450 тысяч семей, которые должны были расселяться отдельными поселками в пределах краев и областей прежнего проживания (третья категория), после конфискации имущества и разных мытарств в массе своей также ушли из деревни на стройки и в города. В сумме получается около одного миллиона — миллиона ста тысяч хозяйств, ликвидированных в ходе раскулачивания.

Одной из самых запретных тем в истории советской деревни до самого последнего времени являлся голод в зерновых районах страны, разразившийся в 1932—1933 гг. Правда, из произведений Михаила Алексева и Ивана Стаднюка советский читатель в начале 60-х годов узнал о вымирании от голода деревень в Поволжье и на Украине. Однако только в условиях гласности историки получили возможность обратиться к изучению этой трагедии. Первые же результаты конкретно-исторического анализа показали, что голод, унесший столько жизней, был самым страшным преступлением Сталина и его окружения.

В печати уже появлялись утверждения, что голод — простое следствие коллективизации по-сталински. Дескать, раз трагедия произошла после коллективизации — значит вследствие этого. Как же было на самом деле?

Обратимся к цифрам и фактам. В целом урожай 1931 и 1932 гг. были лишь немного ниже средних многолетних и сами по себе не грозили голодом. Беда пришла потому, что хлеб принудительно и, по сути, «под метелку» изымался и в колхозах, и в единоличных хозяйствах ради выполнения нереальных, произвольно установленных сталинским руководством в 1930 г. (вопреки пятилетнему плану) заданий индустриального развития.

Для закупки промышленного оборудования требовалась валюта. Получить ее можно было лишь в обмен на хлеб. Между тем в мировой экономике разразился кризис, цены на зерно резко упали. Однако сталинское руководство и не подумало пересматривать установку на непосильный для страны индустриальный «скачок». Вывоз хлеба за границу все возрастал. В 1930 г. было собрано 835 миллионов центнеров хлеба, что позволило экспортировать 48,4 миллиона центнеров. В 1931 г. сбор составил намного меньше — 695 миллионов центнеров хлеба, а на внешний рынок было вывезено больше зерна — 51,8 миллиона центнеров. У многих колхозников был изъят весь хлеб, включая семенной фонд. В Сибири, Поволжье, Казахстане, на Северном Кавказе и Украине возникли серьезные продовольственные трудности, местами начинался голод. И колхозники и единоличники (иногда целыми селами) снимались с места, уходили в города, на стройки. Ряд колхозов распался. В тот год все же были приняты меры по нормализации обстановки в деревне (продовольственная и семенная ссуда и т. п.), предотвратившие массовый голод.

В 1932 г. валовой урожай зерновых составил 699 миллионов центнеров, но часть его осталась на корню. Сказались, конечно, и объективные трудности. Однако главное состояло в другом. После горького опыта 1931 г. колхозники вынуждены были искать любые заработки на стороне, уклоняясь от колхозных работ. Они хорошо помнили, как выращенный ими в том году хлеб шел по «конвейеру» — с поля на молотилку, затем сразу на заготовительный пункт, минуя колхозные амбары.

К лету 1932 г. деревня зерновой полосы России и Украины после полуголодной зимы вышла физически ослабленной. На еще не вызревших полях появились «парикмахеры» — чаще всего отчаявшиеся при виде голодных детей женщины. Они ножницами срезали колосья на кашу для семьи (на колхозных полях это делалось обычно тайком, воровски, по ночам). Когда началась уборка — а первые обмолоты вновь полностью вывозились на заготовительные пункты, — появились «несуны». Зерно несли с токов в карманах, за пазухой...

И вот 7 августа 1932 г. принимается Закон об охране социалистической собственности, написанный собственноручно Сталиным. Он вводил «в качестве меры судебной репрессии за хищение

(воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты — расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества». Амнистия по делам этого рода была запрещена. Действительный смысл того закона — закона, вводившего беззаконие, — был современникам вполне ясен. «Закон о пяти колосках» — так называли его в деревне. Его осуждали и в партийной среде.

К началу 1933 г. за неполные пять месяцев по этому закону было осуждено 54 645 человек. Из них 2110 — к высшей мере наказания. Приговоры приведены в исполнение примерно в тысяче случаев. Судьи заявляли, что у них «рука не поднимается...».

А страшный голод уже стучался в избы крестьян...

На Северном Кавказе, Нижней и Средней Волге, Украине колхозы не смогли в 1932-м выполнить заданий по сдаче хлеба. Когда Сталину доложили, что руководители Ореховского района Днепропетровской области разрешили колхозам оставить себе фонды на посев, засыпать страхфонд, он впал в неистовый гнев. 7 декабря 1932 г. за его подписью всем партийным органам был разослан циркуляр, в котором Сталин объявил этих руководителей «обманщиками партии и жуликами, которые искусно проводят кулацкую политику под флагом своего «согласия» с генеральной линией партии». Он потребовал «немедля арестовать и наградить их по заслугам, то есть дать им от 5 до 10 лет тюремного заключения каждому». Такой же срок по его требованию давался «саботажникам» хлебозаготовок и в других районах. Тогда же в Сталинградский округ была послана подписанная Сталиным и Молотовым телеграмма, требовавшая «преступников», повинных в прекращении сдачи хлеба, «немедленно судить и дать 5, лучше 10 лет тюремного заключения».

В эти районы были командированы чрезвычайные комиссии. На Северный Кавказ выехала группа в составе Л. М. Кагановича (руководитель), А. И. Микояна, М. Ф. Шкирятова, М. А. Чернова, Т. А. Юркина, Г. Г. Ягоды и других. На Украину по делам хлебозаготовок выезжал В. М. Молотов. Репрессии стали средством проведения хлебозаготовок. Многие колхозы, первичные, а нередко районные партийные организации объявлялись кулацкими, секретари райкомов, председатели райисполкомов, колхозов, директора МТС объявлялись саботажниками и перерожденцами. Их арестовывали и расстреливали, публикуя сведения об этом в печати. В результате чистки по Северо-Кавказскому краю было исключено из партии 26 тысяч человек, или 43 процента сельских коммунистов. На Кубани население целых станиц выселялось в северные районы страны в наказание за невыполнение плана хлебозаготовок.

О возмутительных методах действий при заготовках в Вешенском и других районах М. А. Шолохов 16 апреля 1933 г. написал Сталину. В ответном письме Сталин обвинил колхозников в том,

что они вели «саботаж» и даже «войну на измор» против рабочих и Красной Армии. О бедственном положении самой деревни — ни слова...

Деревню захлестывала волна административного произвола и насилия. Позднее, в упоминавшейся уже инструкции от 8 мая 1933 г., Сталин и Молотов признавали: «Арестовывают председатели колхозов и члены правлений колхозов. Арестовывают председатели сельсоветов и секретари ячеек. Арестовывают районные и краевые уполномоченные. Арестовывают все, кому не лень и кто, собственно говоря, не имеет никакого права арестовывать. И неудивительно, что при таком разгуле практики арестов органы ОГПУ и особенно милиция теряют чувство меры и зачастую производят аресты без всякого основания, действуя по правилу: «сначала арестовать, а потом разобраться». Инструкция запрещала «производство арестов лицами, на то не уполномоченными по закону», а также «заключение под стражу до суда за маловажные преступления». Однако осужденный слишком поздно «разгул практики арестов» был сам следствием произвола, который учинило сталинское руководство в обескровленной деревне при хлебозаготовках из урожая 1932 г.

Зимой 1932/33 г. в селах зерновых районов страны — на Украине, Северном Кавказе, Нижней и Средней Волге, Южном Урале и в Казахстане — разразился массовый голод. Имелись случаи вымирания целых селений.

Особое место среди преступлений, совершенных сталинским руководством против народа, против социализма, занимает казахстанская трагедия.

В районах зернового земледелия Казахстана (с преимущественно русско-украинским населением) картина была такой же, как и в других названных выше краях: насильственное изъятие хлеба и в колхозах и в единоличных хозяйствах обрекло на вымирание от голода многие тысячи людей. Особенно велика была смертность в поселках спецпереселенцев Карагандинского района. Вывезенные сюда для освоения угольного бассейна раскулаченные семьи не имели ни хозяйственного инвентаря, ни каких-либо запасов продовольствия, ни сколько-нибудь сносного жилья. В моих руках письмо Н. Ф. Бабенкова — члена семьи бывшего спецпереселенца. Он пережил здесь все несчастья, выпавшие на долю этих людей, а впоследствии выучился и не один десяток лет проработал инженером-электриком. Его свидетельству можно верить. В поселке Центральный, где к осени 1931 г. оказалось 12—13 тысяч человек (в том числе и семья Бабенковых), к концу 1933 г. погибло до 9 тысяч — почти 75 процентов жителей. Смерть косила людей и в других 23 поселках.

А какие бедствия обрушились на кочевые и полукочевые казахские аулы... Хлебозаготовки, понятно, в скотоводческих хозяйствах не проводились (хотя в порядке «перегибов» иной раз бывало и такое). Однако изъятие продукции земледельческих хозяйств тяжело сказывалось и на положении скотоводов. Ведь кочевое

скотоводство невозможно в условиях хозяйственной изоляции, «автаркии», без взаимодействия с оседлым земледелием, прежде всего без непосредственного обмена продуктами. Хлебозаготовки же 1931—1932 гг. практически прекратили традиционный продуктообмен между кочевым и оседлым населением. Это в огромной степени подорвало хозяйственную устойчивость казахского аула, причем именно тогда, когда его жизнь подвергалась коренной ломке.

Бездумная гонка темпов коллективизации, как уже говорилось, везде приводила к тяжелым последствиям. Но в районах с наиболее отсталыми формами хозяйства они приобретали прямо разрушительный характер. Такая беда постигла районы кочевого скотоводства в Казахстане и ряде других республик и областей.

Познал Казахстан и «приливы» и «отливы» зимы 1929/30 г., уже тогда началось истребление скота — основы благополучия казахского аула. Однако катастрофический характер события приобрели в 1931—1932 гг., когда сталинское руководство объявило кампанию за «разрешение животноводческой проблемы в кратчайший срок (1—2 года)» путем ускоренного обобществления скота и создания животноводческих ферм в колхозах и совхозах. Руководство крайкома партии, возглавлявшееся Ф. И. Голощекиным — ярким проводником сталинской политики, — поставило перед животноводческими районами задачу: «выйти на линию более высоких темпов коллективизации» и даже завершить ее в 1932 г., провозгласило «основной формой колхозного движения в ауле... животноводческую сельскохозяйственную артель», обеспечивающую «полное обобществление... всего продуктивного скота». Такая установка на практике сразу преломлялась в лозунг: «Ни одного козленка в индивидуальном пользовании!» Словом, в животноводческих районах Казахстана в 1931—1932 гг. повторился начальный этап коллективизации зимы 1930 г., но в еще более грубых формах, с еще более тяжелыми последствиями.

«Плановое оседание» было плановым лишь в том бюрократическом смысле, что соответствовало спущенным сверху «предначертаниям»: к какому сроку какое количество кочевых аулов и хозяйств должны стать оседлыми. Не было реальной заботы о создании элементарно необходимых условий — жилья для населения, хозяйственных построек и, главное, кормовой базы для миллионов голов скота. Согнанные по приказу к местам, где предполагалось создавать поселки, стада были обречены на бескормицу и гибель.

Но и «преобразование» кочевого хозяйства в оседлое в административно-приказном порядке не исчерпало бедствий, обрушившихся на казахский аул. С 1931 г. сталинское руководство начало осуществлять заготовку мяса теми же методами, какими проводились хлебозаготовки. Так же спускались не соответствовавшие реальным возможностям «плановые задания», которые «выкола-

чивались» беспощадно. И в результате — подрыв животноводства, ухудшение жизненных условий людей.

В письме И. В. Сталину, написанном 20 апреля 1932 г., М. А. Шолохов рассказывал о том, что происходило в Вешенском районе на Дону: «Для того, чтобы выполнить мясозаготовительный план, надо будет сдать примерно 4883 коровы и 8410 овец. На 13 629 дворов, имеющих в районе, останется коров (за исключением обобществленного стада) 2420 штук, овец и коз, со всем обобществленным поголовьем, 1390». Иными словами, район должен был сдать почти половину поголовья коров (с учетом обобществленной части) и почти девять десятых овец в ходе одной заготовительной кампании!

К чему это привело? «И с первых же дней,— писал Шолохов,— по всем колхозам колхозники стали оказывать решительное сопротивление: коров начали запира́ть в сарай, постоянно держать под замком, а покупающих встречать с кольями... На собраниях селькомиссии стали просто обязывать того или иного колхозника сдать корову. Колхозники отказались от добровольной сдачи, тогда соответственно перестроились и сельсоветские работники. Покупка коровы обычно производилась таким порядком: к колхознику приходило 7—8—12 «покупателей», хозяина и хозяйку связывали или держали за руки, тем временем остальные из «покупателей» сбивали замок и на рысях уводили корову.

По хуторам происходила форменная война — сельисполнителей и других, приходивших за коровами, били — чем попало, били преимущественно бабы и детишки (подростки), сами колхозники ввязывались редко, а где ввязывались, там дело кончалось убийством».

Следует отметить вот какое важнейшее обстоятельство. Сталинская антикрестьянская политика не знала национальных границ, она была направлена и против русского мужика, и против украинского, и против казахского, и против любого другого. Но понятно, что мясозаготовки по-сталински нанесли смертельный удар именно по животноводству Казахстана. В течение каких-то двух-трех лет от многомиллионного поголовья скота не осталось почти ничего: потери составили девять десятых имевшегося в 1928 г. стада. Это означало лишение основной массы казахского населения средств существования, обрекло его на голод.

В конце ноября 1988 г. тему «Коллективизация сельского хозяйства в республиках Средней Азии и Казахстане» обсуждала научная конференция в Алма-Ате. Это был первый в условиях гласности диспут о коллективизации. Среди многих интересных выступлений всеобщее внимание привлекли доклады историка Ж. Абылхожина и демографа М. Татимова, посвященные Казахстану. Они опубликовали в республиканской прессе статью с анализом приведенных выше фактов. По подсчетам авторов, потери казахского населения за 1930—1933 гг. от голода, болезней и других лишений составили около 1,7 миллиона человек. Кроме того, из республики, где командно-репрессивные порядки достигли

предела, свыше миллиона казахов ушли в Узбекистан, в Киргизию, в РСФСР и за рубеж, преимущественно в Синьцзян¹.

Таковы истоки, масштабы и характер казахстанской трагедии, выделяющейся даже на фоне общих народных бедствий того времени.

Чрезвычайно трудно установить количество погибших в результате голода. Научных исследований советских историков-демографов пока еще нет — по причинам, о которых уже говорилось. Зарубежные советологи приписывают сплошной коллективизации сельского хозяйства уничтожение 13 миллионов крестьян, в том числе более 7 миллионов человек, умерших от голода. Однако эти цифры вызвали критику даже в англо-американской научной литературе. Достаточно убедительно показано, что в основе приведенных расчетов — использование «темных источников», «ничем не оправданные интерпретации», а главное, стремление вызвать «возмущение» против Советского Союза, против социализма вообще. По более объективным оценкам статистических данных в работах историков Роберта Дэвиса и Стивена Уиткрофта, демографов Барбары Андерсен и Брайана Сильвера, число жертв голода составило 3—4 миллиона человек. Советским обществоведам еще предстоит провести большую исследовательскую работу, чтобы сказать свое слово.

Начало второй пятилетки было крайне тяжелым для сельского хозяйства. Валовой сбор зерновых культур в 1933 и 1934 гг. в среднем составлял около 680 миллионов центнеров — самые низкие урожаи после 1921 г. Однако государственные заготовки зерновых были крайне высокими — 233 миллиона центнеров в 1933-м и 268 миллионов центнеров в 1934 г. Из-за насилия при организации колхозов, установки на максимальное обобществление скота и пережитого деревней голода было подорвано животноводство. поголовье крупного рогатого скота сократилось с 60,1 миллиона голов в 1928 г. до 33,5 миллиона в 1933 г., поголовье свиней — с 22 миллионов до 9,9 миллиона, овец — с 97,3 миллиона до 32,9 миллиона (в 1934 г.), лошадей — с 32,1 миллиона до 14,9 миллиона (в 1935 г.). Деревня влачила полуголодное существование.

Преодоление кризисной ситуации требовало огромных усилий и времени.

В этих условиях положительную роль сыграл принятый в феврале 1935 г. новый Устав сельскохозяйственной артели. Он обобщил и оформил новые отношения в колхозной деревне, определил главные принципы организации производства и распределения в колхозах, гарантировал существование личного подсобного хозяйства колхозников.

Восстановление сельскохозяйственного производства началось в 1935—1937 гг. Стали увеличиваться урожаи, возобновился рост поголовья скота, улучшилась оплата труда. Сказывались

¹ См.: Абылхожин Ж., Татимов М. Коллективизация в Казахстане: о чем молчат учебники // Ленинская смена (Алма-Ата). 1988. 19 окт

результаты и технического перевооружения сельского хозяйства. В 1937 г. система МТС обслуживала девять десятых колхозов. Однако прирост производства за эти три года не покрыл потерь первых двух лет.

Что касается коллективизации единоличных крестьянских хозяйств, которых к началу второй пятилетки насчитывалось около 9 миллионов, то события 1932—1933 гг. ее фактически приостановили. В партийной среде распространялись мнения о необходимости серьезного пересмотра. Высказывались, в частности, рекомендации о расширении личных подсобных хозяйств колхозников (увеличение приусадебных участков, разрешение иметь двух коров и т. п.), о стимулировании единоличных хозяйств.

Но 2 июля 1934 г. в ЦК ВКП(б) состоялось совещание по вопросам коллективизации, на котором выступил с речью И. В. Сталин. Он объявил о начале нового, завершающего этапа коллективизации. Предлагалось перейти в «наступление» на единоличника путем усиления налогового пресса, ограничения землепользования и т. п. В августе — сентябре 1934 г. были повышены ставки сельхозналога с единоличников и, кроме того, введен для них единовременный налог, на 50 процентов увеличены нормы обязательных поставок продукции государству по сравнению с колхозниками.

К 1937 г. коллективизация завершилась. В стране насчитывалось 243,7 тысячи колхозов, объединявших 93 процента крестьянских хозяйств.

Нельзя не воздать должное колхозному крестьянству, которое столько сделало для страны, для укрепления ее экономической и оборонной мощи, что особенно проявилось в годы войны.

И наш и — позднее — зарубежный опыт показал, что крупное коллективное хозяйство открывает широкие возможности экономического и социального прогресса. Но эти возможности реализуются в полной мере, когда трудовой коллектив на деле является хозяином — самостоятельным, инициативным, когда отношения строятся на демократических началах. Именно к этому мы и стремимся сегодня.

Долгое время эти принципы нарушались. Самодеятельность колхозов с самого начала была резко ограничена, что тормозило их инициативу, хозяйственный рост. Из колхозной деревни шла постоянная мобилизация человеческих и материальных ресурсов на различные государственные нужды. В январе 1933 г. после провала хлебозаготовок вводятся обязательные поставки колхозной продукции государству, имевшие характер и силу налога. Цены на зерно и большую часть других сельскохозяйственных продуктов были установлены в 10—12 раз ниже рыночных.

Важнейшие средства производства — практически вся машинная техника, — а также квалифицированные кадры были сосредото-

точены в системе государственных МТС, обрабатывающих колхозные поля за натуральную плату, причем размеры ее устанавливались сверху.

Это также способствовало отчуждению производителя и от средств производства, и от результатов труда. Параллельно складывалась система директивного планирования и бюрократического командования колхозами со стороны аппарата. К тому же колхозники не имели паспортов, что лишало их возможности свободного перемещения, юридически привязывало к колхозу, придавало их труду принудительный характер. Происходило раскрестьянивание деревни.

Командно-бюрократическая система управления колхозами, несмотря на существенные изменения конца 50 — начала 60-х годов, дожила и до наших дней. Она фактически стала тормозом развития колхозного производства, реализации его возможностей. В ней надо искать и объяснение причин отставания сельского хозяйства от потребностей страны, а также бегства крестьян от земли и запустения деревень. Окончательный слом командной системы, развитие подлинной самостоятельности трудовых коллективов, как подчеркивалось на XIX Всесоюзной партконференции, и составляют ныне основу перестройки в колхозном секторе экономики.

Современная аграрная политика КПСС в соответствии с ленинскими идеями о кооперации направлена на осуществление глубокой демократизации экономики. Речь идет о возрождении и дальнейшем развитии колхозов, как кооперативных объединений, о перестройке их внутренней структуры и деятельности на кооперативных началах. Колхозы становятся объединениями первичных коллективов (бригад, звеньев, семей и др.), работающих на подрядных, арендных, вообще хозрасчетных принципах, — своего рода кооперативами кооперативов. Они объединяются с другими колхозами, совхозами и разного рода предприятиями в межхозяйственных кооперативах — производственных, сбыто-снабженческих и др. Таким образом, возникает кооперативная общественно-экономическая структура. Ее создание и развитие станет крупным шагом на пути практического осуществления ленинской идеи о социализме как строе цивилизованных кооператоров.

Крупнейшим шагом вперед на пути перестройки общественных отношений в деревне явились решения мартовского (1989 года) Пленума ЦК КПСС, сущность которых состоит в обеспечении, во-первых, широкого многообразия форм сельскохозяйственного производства, и, во-вторых, их самостоятельности и самоуправления. И то, и другое относится к главнейшим признакам кооперации как самостоятельной экономической организации трудящихся. Принципиально важное значение имеет признание равноправными формами хозяйствования, наряду с колхозами, совхозами и перерабатывающими государственными предприятиями, различных кооперативных организаций арендаторов и других граждан, от-

дельных крестьянских хозяйств и личных подсобных хозяйств. Свободные от бюрократического командования, прежде всего от волюнтаристского вмешательства в производственную деятельность и в распоряжение продукцией, доходами и имуществом вообще, они смогут с наибольшей полнотой и эффективностью использовать все наличные силы и средства для подъема сельского хозяйства и для возрождения деревни на новой основе. В своей практической хозяйственной деятельности они найдут самые целесообразные и отвечающие их подлинным интересам формы кооперативных объединений как в производстве, так и в обмене, обслуживании и т. п. Многообразие и самостоятельность кооперативных организаций — вот путь полного преодоления командно-бюрократической системы управления, путь становления строя цивилизованных кооператоров. Это и будет действительное осуществление ленинского кооперативного плана в нашей стране.

ГОДЫ ПРЕДВОЕННЫЕ И ВОЕННЫЕ

А. С. Якушевский

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЙ ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ГОДЫ

Ни одно из предвоенных дипломатических событий не вызывает сейчас такого интереса, как советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г. О нем много написано советскими историками. Нет ни одного произведения по новейшей истории, истории Великой Отечественной и второй мировой войн, в котором бы в большей или меньшей степени не освещался этот договор. В той или иной мере о договоре говорится в книгах и статьях, посвященных причинам второй мировой войны, подготовке фашистской Германии к нападению на Советский Союз. Проблемы договора затрагиваются в ряде воспоминаний советских дипломатов и общественных деятелей. Важное место занял договор в советских работах, посвященных анализу и критике буржуазной историографии второй мировой войны.

Большое внимание советско-германскому договору о ненападении уделяется учеными в Польской Народной Республике. Там в 1987 г. и начале 1988 г. еженедельник «Политика» опубликовал серию статей о советско-польских отношениях в 1939 г., в том числе и о советско-германском договоре. В еженедельнике «Жиче литератке» увидели свет отрывки из книги польского историка В. Ковальского «Пакт Риббентроп — Молотов» и некоторые другие материалы.

Еще больше внимания советско-германскому договору о ненападении уделяют советологи Запада.

Несмотря на обилие публикаций, возникает необходимость вновь вернуться к проблемам советско-германского договора о ненападении. В нашей историографии по этому вопросу еще многое недосказано. Долгое время договор трактовался односторонне, только как правильный, «мудрый» внешнеполитический шаг Советского правительства в сложившейся тогда обстановке. Лишь в последнее время, в условиях нового политического мышления, советские авторы стали высказывать и другие мнения о договоре. Он уже перестал считаться безупречным. Появились даже статьи, преподносящие договор только как негативный акт, причинивший Советскому Союзу и всему миру непоправимый вред. В них все, что связано с договором, окрашивается в черный цвет, подобно тому, как раньше все предподносилось в розовых тонах. Подобные крайности затрудняют достижение истины. При рассмотре-

нии договора важно исходить из той реальности, которая была при его заключении, а не руководствоваться соображениями, вырванными из контекста времени.

Что касается буржуазных публикаций, то здесь прослеживаются две тенденции. Одни ученые хотят разобраться в смысле событий того очень сложного периода. Порой им нелегко это сделать, так как вокруг вопроса о договоре нагромождено много дезинформации. Другие же продолжают активно использовать договор для клеветы на предвоенную внешнюю политику СССР. Идя по стопам мюнхенских соглашателей, они утверждают, что Советский Союз при заключении договора с Германией преследовал «зловещие цели», нанес «удар в спину силам демократии», выдвигают против нашей страны другие абсурдные и необоснованные обвинения.

Так, на заседаниях секций XVI Международного конгресса исторических наук, который состоялся в августе 1985 г. в Штутгарте (ФРГ), СССР обвинили в том, что он в 1939 г. якобы пошел на сговор с гитлеровской Германией против мира. В связи с 45-летием нападения фашистской Германии на СССР западно-германский журнал «Шпигель» писал, что летом 1939 г. Советский Союз якобы пытался «склонить гитлеровскую Германию к доверию», заключить с ней пакт, в результате которого была «создана обстановка для Гитлера, чтобы начать вторую мировую войну».

Антисоветчики активно наступают, с большой выгодой для себя используя тот факт, что у нас при освещении этой очень острой проблемы имеют место замалчивание, недоговоренности; у нас большинство материалов, относящихся к германо-советским переговорам накануне заключения договора о ненападении и к самому договору, еще недоступно для исследователей.

Занимаемая советскими историками иногда позиция умолчания порождает сомнения в правдивости того, что пишется нами о договоре. При публикации материалов по этому вопросу у нас исходят прежде всего из того, как он будет воспринят за рубежом, не нанесет ли вреда международному престижу СССР. На самом же деле умолчание подрывает доверие к нашей науке у зарубежных друзей и даже у советских читателей. Сомнения в правдивости изданных работ возникали даже тогда, когда они полностью соответствовали исторической истине. Только опубликовав все документы, можно ликвидировать «белые пятна», имеющиеся еще в освещении советско-германского пакта о ненападении.

* * *

Советские историки стремятся эффективнее использовать уже опубликованные документы и материалы для создания объективной картины прошлого, для опровержения антисоветских вымыслов, распространяемых империалистической пропагандой по поводу советско-германского договора о ненападении. Это прежде всего относится к тезису о том, что, заклю-

чая договор, СССР якобы не руководствовался «мотивами самообороны», а стремился «преднамеренно спровоцировать войну».

Однако, как свидетельствуют исторические факты, к этому стремился не Советский Союз, а фашистские государства, в первую очередь нацистская Германия. Власть здесь захватила партия, выражавшая интересы наиболее агрессивных кругов монополистического капитала, главной целью которых было установление мирового господства германского империализма. Сразу после прихода к власти в 1933 г. гитлеровцы стали готовиться к войне за передел мира.

Правда, в соответствии с первоначальными наметками к основному военным операциям по обеспечению «жизненного пространства» гитлеровцы планировали приступить в 1942—1945 гг. Но сложившаяся обстановка приблизила начало этих операций. Во-первых, милитаризация Германии, быстрый рост ее вооруженных сил создали для гитлеровцев внутренние трудности: стране грозил финансово-экономический кризис, который мог вызвать недовольство населения. Самый простой и быстрый способ преодоления возникших трудностей гитлеровцы усматривали в расширении экономической базы за счет захвата богатств других стран, а для этого нужно было скорее начать войну.

Во-вторых, к более быстрому переходу к агрессивным акциям Германию и другие фашистско-милитаристские государства подталкивало попустительство им со стороны правящих кругов англо-франко-американского лагеря. Безнаказанно прошло для нацистской Германии вторжение ее войск в Рейнскую демилитаризованную зону в марте 1936 г. Когда летом 1936 г. началась итало-германская интервенция в Испанию, западные державы заявили о своем «невмешательстве» и тем самым потворствовали агрессорам. Не встретило противодействия со стороны западных держав и нападение Японии на Китай в июле 1937 г.

Особенно наглядно податливость правящих кругов западных держав фашистским агрессорам была продемонстрирована Мюнхенским соглашением в сентябре 1938 г. Пожертвовав Чехословакией, Англия намеренно толкала Германию против СССР. В этом ее поддерживала Франция¹.

В соответствии с принятой военно-политическим руководством концепцией завоеваний Германия предполагала нанести последовательные удары по противникам с целью разгрома их одного за другим, сначала более слабых, а затем и сильных. Имелось в виду использование не только военных средств, но и различных методов из арсенала политики, дипломатии и пропаганды с задачей не допустить объединения противников Германии.

Зная об экспансионистских замыслах фашистской Германии, западные державы стремились направить ее агрессию против СССР. Их пропаганда неустанно твердила о слабости Красной Армии, о непрочности советского тыла, представляла СССР «ко-

¹ Подробно см.: *Фалин В.* Почему в 1939-м? // Новое время. 1987. № 39. С. 19.

лоссом на глиняных ногах», стремилась втянуть социализм в огонь войны.

В нацистской печати тоже можно было встретить немало утверждений о слабости СССР. Этим подогревались надежды правящих кругов англо-франко-американского лагеря на то, что германская экспансия будет направлена на восток. Однако германский генеральный штаб в 1938—1939 гг. (в отличие от 1940—1941 гг.) оценивал Красную Армию как очень серьезного противника, столкновение с которым считал пока нежелательным. «Русские вооруженные силы военного времени,— говорилось, например, в сводке 12-го отдела генштаба от 28 января 1939 г.,— в численном отношении представляют собой гигантский военный инструмент. Боевые средства в целом являются современными. Оперативные принципы ясны и определены. Богатые источники страны и глубина оперативного пространства — хорошие союзники (Красной Армии)»¹.

Характерно в этой связи мнение генералов — начальника штаба верховного главнокомандования вермахта В. Кейтеля и главнокомандующего сухопутными войсками В. Браухича. На вопрос Гитлера, чем кончится дело, если рейх нападет на Польшу, а Франция и Англия придут ей на помощь, оба генерала ответили, что Германия покончит с Польшей в течение месяца, Кейтель полагал также, что Германия разгромит затем также Францию и Англию. В случае же если против Германии выступит и Советский Союз, то, по мнению Браухича, она «потерпит поражение»².

Основываясь на оценке силы своих противников, фашистское руководство наметило Польшу в качестве первой жертвы агрессии, хотя еще незадолго до этого Риббентроп предлагал польскому правительству проводить «общую политику в отношении России»³. А когда Польша отказалась быть вассалом Берлина, то гитлеровцы решили расправиться с нею военным путем⁴, учитывая тот факт, что война с Советским Союзом, как с очень сильным противником, откладывалась ими на более поздний срок.

С начала 1939 г. в Германии развернулась интенсивная подготовка военного похода против Польши. Был разработан план, получивший наименование «Вейс». Он предусматривал нанесение «неожиданных сильных ударов» и достижение «быстрых успехов». Распоряжением начальника штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии В. Кейтеля от 3 апреля 1939 г. осуществление плана «Вейс» должно было начаться «в любое время, начиная с 1 сентября 1939 г.». Политическое руководство Германии стремилось «по возможности изолировать Польшу»,

¹ Цит. по: *Безыменский Л.* Особая папка «Барбаросса». М., 1972. С. 95.

² См.: *Сиполс В. Я.* Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1979. С. 273.

³ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г.— август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971. С. 63.

⁴ См.: *Сиполс В. Я.* Советский Союз в борьбе за мир и безопасность 1933—1939. М., 1974. С. 276—277.

не допустить вмешательства в польские дела Англии, Франции и Советского Союза¹.

28 апреля 1939 г. Гитлер заявил о расторжении польско-германской декларации о ненападении и дружбе 1934 г. и англо-германского морского соглашения 1935 г. 22 мая между Германией и Италией был подписан военный союз («стальной пакт»). В Германии в это время осуществлялись мобилизационные мероприятия. 23 мая Гитлер провел совещание руководящего состава вооруженных сил Германии, на котором был дан анализ военно-политической обстановки и поставлены задачи вермахту.

Фюрер потребовал от него быть в полной готовности к военному вторжению в Польшу. «...Польский вопрос,— вещал Гитлер,— обойти невозможно; остается лишь одно решение — при первой подходящей возможности напасть на Польшу». При этом учитывалась возможность и войны с Западом, в первую очередь с Англией и Францией².

Осуществлявшиеся Германией мероприятия по подготовке нападения на Польшу не были секретом для правительств Англии, Франции, СССР и других стран. В мире сознавали опасность фашистской агрессии. Искренне стремясь к созданию коллективного фронта защиты мира, к сплочению сил неагрессивных стран, Советское правительство 17 апреля 1939 г. обратилось к Англии, а затем и к Франции с конкретными предложениями заключить соглашение о взаимной помощи, включая и военную конвенцию, на случай агрессии в Европе. Оно исходило из того, что нужны самые решительные и эффективные меры для предотвращения войны³, в особенности твердая позиция великих держав в отношении проблемы коллективного спасения мира.

Правительства Англии и Франции встретили советские предложения сдержанно. Сначала они занимали выжидательную позицию, а затем, осознав опасность, угрожавшую им со стороны Германии, несколько изменили тактику и дали согласие на переговоры с Москвой, которые начались в мае 1939 г. Наша делегация прилагала максимум усилий для создания мощного заградительного вала, который преградил бы дорогу войне.

Непреклонная решимость СССР достичь равноправного соглашения о военном сотрудничестве с Англией и Францией особенно проявилась на специальных переговорах военных миссий трех держав, начавшихся 12 августа 1939 г. в Москве. Наша страна предоставила подробно разработанный план, согласно которому СССР обязывался выставить против агрессора в Европе 136 дивизий, 9—10 тысяч танков и 5—5,5 тысячи боевых самолетов. План предусматривал три конкретных варианта совместных действий вооруженных сил СССР, Англии и Франции⁴.

¹ См. Документы и материалы кануна второй мировой войны 1937—1939 гг. М., 1981. Т. 2. Январь—август 1939 г. С. 64, 66—68.

² См. там же. С. 98.

³ См. там же. С. 72.

⁴ См. там же. С. 240—242.

В противоположность Советскому Союзу правительства Англии и Франции на переговорах в Москве действовали неискренне, вели двойную игру. Ни Лондон, ни Париж не хотели установления равноправных союзнических отношений с СССР, так как полагали, что это приведет к усилению социалистического государства. Их враждебность к нему осталась прежней. Согласие на переговоры было лишь тактическим шагом, но не отвечало сути политики западных держав. От увещевания и поощрения фашистской Германии уступками они перешли к ее запугиванию, стремясь заставить Германию пойти на соглашение с западными державами. Поэтому на переговорах с СССР Англия и Франция предлагали такие варианты соглашений, которые бы лишь поставили Советский Союз под удар, а их обязательствами по отношению к СССР не связывали. В то же время они старались обеспечить себе его поддержку на тот случай, если Германия вопреки их желаниям двинется сначала не на восток, а на запад. Все это свидетельствовало о стремлении Англии и Франции поставить Советский Союз в неравное, унижительное положение, об их нежелании заключить с СССР договор, который бы отвечал принципам взаимности и равенства обязательств. Провал переговоров был предопределен позицией, занятой правительствами западных стран. «Британское правительство,—говорилось в утвержденной на заседании комитета имперской обороны Англии 2 августа 1939 г. инструкции для делегации на переговорах,—не желает быть втянутым в какое бы то ни было определенное обязательство, которое могло бы связать нам руки при любых обстоятельствах. Поэтому в отношении военного соглашения следует стремиться к тому, чтобы ограничиваться сколь возможно более общими формулировками», «вести переговоры весьма медленно», «соблюдать осторожность», «не вести переговоры по вопросу обороны Прибалтийских государств...»¹ Фактически это была рекомендация не на заключение военного соглашения с Советским Союзом, а на его срыв, к чему она и привела. Министр иностранных дел Англии Э. Галифакс, зная об отсутствии полномочий на заключение каких-либо важных соглашений у главы британской делегации адмирала Р. Дракса, со скрытым удовлетворением говорил своим коллегам по кабинету: «Военные переговоры будут тянуться бесконечно, тем самым мы выиграем время и наилучшим образом выйдем из трудного положения, в которое мы попали»².

Некоторые буржуазные авторы критикуют Советский Союз за «несговорчивость», «отсутствие гибкости» в ходе трехсторонних переговоров военных миссий в Москве, нежелание пойти на уступки в вопросе о проходе советских войск через территорию Польши.. Но о какой «несговорчивости» можно говорить, если

¹ Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937—1939 Т. 2. Январь—август 1939 г. С. 168—169.

² Цит. по: Жилин П. А. и др. Критика основных концепций буржуазной историографии второй мировой войны. М., 1983. С. 79.

Советский Союз требовал лишь права воспользоваться территорией Польши и других соседних с ним государств для того, чтобы его войска могли войти в соприкосновение с войсками агрессора? Без этого разве смог бы СССР выполнить свои обязательства по договору о взаимной помощи? Такое требование с нашей стороны было вполне законным. Именно поэтому советская делегация называла его «кардинальным вопросом» переговоров. Только при положительном решении этого, в сущности главного, вопроса и имели смысл дальнейшие переговоры. Обоснованность советских требований признают и трезвомыслящие буржуазные исследователи. «Единственный шанс избежать войны,— писал английский историк Б. Лиддел Гарт об обстановке лета 1939 г.,— теперь заключался в том, чтобы заручиться поддержкой России — единственной страны, которая могла оказать Польше непосредственную помощь и служить сдерживающей силой для Гитлера. Однако... Пагубную роль сыграли также возражения правительств Польши и других малых стран против помощи со стороны России...»¹

* * *

Безрезультатность англо-франко-советских переговоров сводила на нет усилия правительства СССР по созданию коалиции неагрессивных государств. Советский Союз продолжал оставаться в международной изоляции. Ему грозила опасность войны на два фронта с очень сильными противниками: Германией — на западе и Японией — на востоке. Продолжала также существовать опасность антисоветского сговора всего лагеря империализма. В этой исключительно сложной и чреватой тяжелыми последствиями обстановке Коммунистической партии и правительству СССР приходилось думать прежде всего о безопасности собственной страны.

Наше правительство встало перед альтернативой: или пассивно ожидать, пока Германия начнет у западных границ СССР агрессию, которая могла перерасти в войну против Советского Союза, или же попытаться по возможности сохранить для страны мир, отодвинув как можно дальше сроки вооруженного столкновения с Германией. В этих условиях советское руководство все больше задумывалось о достижении какого-то соглашения с Германией, тем более что с ее стороны предпринимались активные дипломатические шаги в этом направлении. Германия, конечно, преследовала свои корыстные цели, но ее предложения представляли для СССР определенный выход из создавшейся тупиковой ситуации.

С мая 1939 г., когда начались переговоры СССР с Англией и Францией, работники внешнеполитического ведомства Германии настойчиво вступали в контакты с представителями СССР в Берлине, различными неофициальными и официальными спо-

¹ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война М., 1976. С. 651.

собами давали понять о готовности Германии пойти на сближение с СССР. Вплоть до середины августа 1939 г., пока существовала надежда на заключение англо-франко-советского договора о взаимной помощи, Советское правительство оставляло осуществлявшийся германской стороной зондаж без ответа, но одновременно внимательно следило за ее действиями. От советских дипломатов и разведчиков в Москву поступала информация о германских намерениях. Так, в середине июня агентурная разведка сообщила, что Берлин намерен радикально решить германо-польский конфликт, независимо от того, каковы будут результаты англо-франко-советских переговоров. 4 июля в советское полпредство в Берлине поступило анонимное письмо, в котором предлагалось, чтобы правительства Германии и СССР заключили соглашение о судьбе Польши и Литвы. Германская сторона, говорилось в письме, исходила при этом из предположения, что оба правительства питают естественное желание восстановить свои границы 1914 г.

Хотя письмо было анонимным, его содержание не оставляло никаких сомнений в том, что оно исходило из ведомства иностранных дел Германии. Анонимность письма снимала с германского правительства ответственность за сделанное предложение, но предоставляла ему возможность узнать реакцию советского руководства на это предложение. Письмо было своеобразной приманкой в надежде, что на нее клюнут в Москве. Надежды Берлина оправдались. Советский поверенный в делах СССР в Германии Г. А. Астахов немедленно отправил письмо в Москву, где его текст был доведен до сведения членов Политбюро ЦК ВКП(б). В Берлине в это время состоялось несколько неофициальных встреч Г. А. Астахова с работниками министерства иностранных дел Германии, во время которых поднимался вопрос об улучшении германо-советских отношений. Немецкая сторона стремилась достичь соглашения с СССР как можно быстрее, до нападения Германии на Польшу. Занятая Советским правительством выжидательная позиция противоречила интересам германского руководства. Тогда 2 августа германский министр иностранных дел Риббентроп пригласил к себе Г. А. Астахова и уже официально заявил, что СССР и Германия могли бы без труда договориться по всем проблемам, имеющим отношение к территории от Черного моря до Балтийского¹.

В соответствии с просьбой немецкой стороны 15 августа 1939 г. нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов принял германского посла Ф. Шуленбурга, который зачитал заявление Риббентропа. В нем утверждалось, что Германия не имеет «агрессивных намерений» в отношении СССР, и предлагалось урегулировать «к полному удовлетворению обеих сторон» все имеющиеся спорные проблемы, для чего в Москву в самое ближайшее время был готов

¹ См.: *Сиполс В. Я.* Внешняя политика Советского Союза 1936—1939 гг. М., 1987 С. 318—319

прибыть германский министр иностранных дел. В. М. Молотов не дал конкретных ответов на поставленные вопросы.

В Берлине проявляли явное нетерпение. Шуленбургу поступали все новые инструкции. Гитлер заявил своим приближенным, что в случае необходимости он и сам готов поехать в Москву.

Советское правительство не поддавалось нажиму из Берлина, но решило использовать начавшиеся 15 августа переговоры об улучшении советско-германских отношений для оказания дипломатического воздействия на западные державы, в первую очередь на Англию. С этой целью, надо полагать, В. М. Молотов 16 августа принял посла США в СССР Л. Штейнгардта и проинформировал его о визите Ф. Шуленбурга и внесенных правительством Германии предложениях заключить советско-германский договор о ненападении, а также предоставить вместе с СССР гарантии суверенитета Прибалтийским государствам. Как и рассчитывало Советское правительство, посол немедленно сообщил об этом в Вашингтон. 17 августа заместитель государственного секретаря США С. Уэллес передал английскому послу Р. Линдсею полученную из Москвы информацию о возможности соглашения между СССР и Германией. Последний, видимо, хорошо знал позицию своего правительства, его нежелание идти на какие-либо уступки Советскому Союзу ради создания единого англо-франко-советского фронта против гитлеровской Германии, и поэтому посчитал ненужным спешить с уведомлением Лондона о полученных от Уэллеса сведениях. Свое донесение об этом он послал авиапочтой, а не телеграфом, и оно попало в министерство иностранных дел Англии только 22 августа, когда уже не могло оказать какого-либо существенного воздействия на ход событий. Сейчас, конечно, невозможно предсказать, что предприняло бы правительство Англии, если бы донесение Линдсея поступило в Лондон на четыре дня раньше. Но, судя по реакции английского посла в США и поведению английской делегации на переговорах в Москве, позиция Лондона вряд ли бы изменилась.

17 августа германский посол в Москве снова посетил В. М. Молотова и подтвердил готовность Берлина заключить пакт о ненападении и вместе с СССР гарантировать суверенитет Прибалтийских государств. Германское правительство обещало также оказать влияние на Японию с целью нормализации ее отношений с нашей страной. Шуленбургу был дан ответ, что улучшение отношений СССР с Германией должно осуществляться постепенно, а приезд Риббентропа в Москву требует предварительной подготовки.

20 августа Гитлер обратился с личным посланием к И. В. Сталину, предложив принять 22 или самое позднее 23 августа министра иностранных дел Германии, который «будет облечен всеми чрезвычайными полномочиями для составления и подписания пакта о ненападении»¹. Таким образом, на принятие исключитель-

¹ Андросов И. На перекрестке трех стратегий. М., 1979. С. 172

но важных решений был отведен минимум времени. На Советскую страну надвигался тайфун войны, охватившей уже значительную часть планеты. Чтобы уйти в сторону от этого тайфуна, требовались срочные действия, основанные на правильной оценке создавшейся обстановки.

Перед Советским правительством встал вопрос: отклонить германское предложение или принять?

Предложение, как известно, было принято. Утром 23 августа в Москву прилетел Риббентроп. Переговоры между ним, Сталиным и Молотовым завершились в течение одного дня. К исходу 23 августа был подписан советско-германский договор о ненападении сроком на 10 лет. Он означал резкий поворот во внешней политике Советского Союза, оказал значительное воздействие на военно-политическую ситуацию в мире, а также в некоторой степени повлиял на внутреннюю жизнь в СССР.

Что же побудило советское руководство после долгих колебаний в конце концов пойти на сближение с Германией и заключение с ней договора? Какие цели преследовались при этом?

Прежде всего, следует иметь в виду, что в условиях тех систем управления, которые тогда существовали в СССР и Германии, договор был делом в первую очередь двух «вождей» — Сталина и Гитлера. Фактически все решения принимались ими единолично, а инициатива исходила от Гитлера, которому договор был необходим для срочного решения польского вопроса. Для Гитлера договор был лишь тактическим шагом, был нужен ему для решения ближайшей задачи в нацистских планах завоевания мирового господства — порабощения Польши. После выполнения этой задачи Гитлер уже не нуждался в срочном союзе с СССР. С точки зрения стратегических целей Советский Союз продолжал оставаться противником фашистской Германии, и Гитлер не скрывал этого в кругу своих сподвижников.

Для Сталина, в отличие от Гитлера, договор с Германией имел как ближайшие, тактические цели, так и перспективные, стратегические. Ближайшие цели состояли в том, чтобы в условиях неизбежной войны Германии против Польши обеспечить Советскому Союзу большую безопасность за счет ограничения продвижения немецких войск на восток и отказа Германии от использования Прибалтийских государств в антисоветских целях. В соответствии с договором Советское правительство добилося от Германии обязательства в ходе продвижения ее войск в Польшу не переступать линию рек Ныса, Нарев, Буг, Висла, Сан.

Учитывал Сталин и то обстоятельство, что в условиях начавшейся войны за передел мира Советский Союз мог по договоренности с Германией решить свои территориальные проблемы. Для СССР, полагал Сталин, было важно возвратить такие территории, как Западная Украина, Западная Белоруссия, Бессарабия и другие, отторгнутые от Советской Республики насильственным путем после первой мировой войны.

При принятии Сталиным решения на заключение договора с Германией сыграл роль и японский фактор. Япония была открытым противником СССР и находилась в союзе с фашистской Германией. Для Советского Союза существовала явная угроза войны на два фронта, если не в 1939 г., то в более поздний период. Но это не меняло сути дела. Договор с Германией, по мнению Сталина, избавлял СССР от такой угрозы.

Одной из дальних, стратегических целей Сталина при заключении договора с Германией было, хотя об этом открыто и не говорилось, столкнуть между собой две враждующие империалистические группировки и, таким образом, сохранить для Советского Союза мир если не на все время, то на достаточно длительный срок. Договор с Германией о ненападении предоставлял для СССР больше возможностей стоять в стороне от войны, чем договор с Англией и Францией о взаимной помощи, так, в случае его подписания Советское правительство вынуждено было бы включиться в войну с Германией сразу после ее нападения на Польшу. Война с Германией была для СССР опасной даже при наличии таких союзников, как Англия и Франция. Причем особой уверенности в этих союзниках у советского руководства не было. Ему были памяты события 1938 г., связанные с Чехословакией, когда Франция отказалась от союзнических обязательств по защите Чехословакии и предпочла вместе с Англией пойти на сговор с Гитлером, полностью проигнорировав интересы Советского Союза.

Решение правительства СССР заключить с Германией договор о ненападении было вынужденным, но вполне логичным в тогдашних условиях. В сложившейся обстановке у Советского Союза не было другого выбора, поскольку не удалось добиться подписания договора о взаимной помощи с Англией и Францией, а до намеченного заранее срока нападения Германии на Польшу оставались считанные дни. «Пакт о ненападении СССР — Германия 23 августа,— говорил М. С. Горбачев,— если твердо стоять на реалистических позициях, был неизбежен»¹. Вынужденность и правомерность действий СССР в августе 1939 г. признают и некоторые западные авторы. «Для Советского Союза,— отмечают западногерманские исследователи М. Барч, Х.-Ф. Шебеш и Р. Шеппельман,— ситуация 1939 г. была тяжелой. Он находился в полной изоляции, окруженный открыто враждебными соседями. К тому же он был в состоянии войны... с Японией, опаснейшей великой державой на Востоке».

С моральной точки зрения Советский Союз, заключив договор о ненападении с Германией, понес определенный урон в мировом общественном мнении, а также в международном коммунистическом движении. Неожиданное изменение политики СССР в отношении с фашистской Германией показалось прогрессивно на-

¹ Интеллигенция перед лицом новых проблем социализма. Встреча М. С. Горбачева с представителями польской интеллигенции М., 1988. С 74.

строенным людям противоестественным. Они не могли знать всего того, что было известно Советскому правительству. Многие из них просто заблуждались, не поняли смысла заключенного между СССР и Германией договора. Подписание между СССР и Германией пакта о ненападении было использовано для раздувания антисоветской истерии в «демократических странах». «...Здесь нашлись люди, даже не враждебные СССР,— вспоминал советский посол в Англии И. М. Майский,— которые не сумели правильно понять его действия и делали ошибочные выводы в отношении нашей политики»¹.

Однако постепенно друзья страны социализма осознавали обоснованность предпринятого Советским Союзом дипломатического шага и логичность в тех исторических условиях заключения этого договора, поскольку другого пути не было.

Неоднозначным было отношение к пакту советских людей. Они доверяли своему правительству и считали, что оно поступило правильно. «Нет никаких доказательств возможного недовольства среди советского населения поворотом советской внешней политики, несмотря на то что в течение многих лет велась пропаганда против фашистских агрессоров»,— сообщал из Москвы 25 августа 1939 г. корреспондент английской газеты «Манчестер гардиан». Вместе с тем не всем был понятен внезапный поворот в отношениях с фашистской Германией. Многие представлялось необъяснимым. Некоторые советские люди, особенно те, кто сражался против фашистов в Испании, чувствовали определенное замешательство, даже смущение и неловкость перед нашими единомышленниками в других странах, которые видели в Советском Союзе главную опору в борьбе с мировым фашизмом. «Что-то тут невозможно было понять чувствами,— отмечал в своих воспоминаниях свидетель событий Константин Симонов.— Может быть, умом — да, а чувствами — нет. Что-то перевернулось и в окружающем нас мире, и в нас самих. Вроде бы мы стали кем-то не тем, чем были; вроде бы нам надо было продолжать жить с другим самоощущением после этого пакта»².

Если заключение пакта о ненападении в сознании советских людей оправдывалось необходимостью избежать войны, а ее никто не хотел, то подписание 28 сентября 1939 г. договора о дружбе и границе между СССР и Германией было совсем непонятно. Никакой дружбы к германским фашистам никто не испытывал. И. В. Сталин в ходе переговоров Молотова и Риббентропа о заключении договора о ненападении, отвечая на вопрос последнего, как свидетельствует работник МИД Германии Ф. Гаус, заявил: «Не может быть нейтралитета с нашей стороны, пока вы сами

¹ Майский И. М. Воспоминания советского дипломата. 1925—1945 гг. М., 1987. С. 431. (Следует признать, что реакция мирового общественного мнения и международного коммунистического движения на советско-германский договор освещена у нас очень слабо и нуждается в дальнейших исследованиях.)

² Симонов К. М. Глазами человека моего поколения//Знамя, 1988. № 3. С. 35.

не перестанете строить агрессивные планы в отношении СССР». Затем уточнил: «Мы не забываем того, что вашей конечной целью является нападение на нас»¹. Спрашивается, если Сталин даже по поводу пакта о ненападении так высказывался, то чем же можно объяснить его решение о заключении договора о дружбе и границе? С полным основанием можно сказать, что его заключение следует считать крупной ошибкой тогдашнего руководства СССР. Договор и все, что последовало за ним в средствах массовой информации, разоружало советских людей духовно, усыпляло их бдительность. Они ненавидели фашизм, понимали, что это — величайшее зло не только для нашей страны, но и для всего человечества; а официальная наша пропаганда в какой-то степени призывала примириться с этим злом. Касаясь советско-германского договора от 28 сентября 1939 г. и заявлений Молотова в этой связи, М. С. Горбачев писал: «...мы считаем это не только политической ошибкой с тяжелыми последствиями и для нас, и для других стран, для коммунистического движения, но прямым и вызывающим отступление от ленинизма, попранием ленинских принципов»².

С середины 30-х годов в СССР проживало значительное количество антифашистов, прибывших из Германии и аннексированных ею территорий. Как свидетельствуют их воспоминания, пакт о ненападении они восприняли с пониманием. Некоторые из них по заданию Коминтерна выступали на собраниях советских трудящихся в различных городах страны и разъясняли, как с помощью пакта СССР избежал войны. Однако подписание, по словам Леопольда Грюнвальда, бежавшего в марте 1939 г. из Чехословакии в СССР, «договора о дружбе со смертельным врагом социализма и мира» проживавшие в Советском Союзе антифашисты встретили отрицательно³. Это еще одно свидетельство ошибочности заключения этого договора.

Недовольство среди антифашистов, проживавших в СССР, вызвали и отдельные недружелюбные действия советского руководства по отношению к некоторым из них. В начале 1940 г. германским властям было передано несколько групп немецких и австрийских антифашистов, которые были репрессированы в 30-х годах и находились в СССР под следствием или в заключении. Особенно печально то, что в большинстве случаев это делалось вопреки воле передаваемых.

¹ Цит. по: Канун войны: март 1938 г.— октябрь 1939 г.//Аргументы и факты. 1987. № 37. С. 5.

² Интеллигенция перед лицом новых проблем социализма. Встреча М. С. Горбачева с представителями польской интеллигенции. С. 75.

³ Известный публицист Э. Генри, оценивая позицию Сталина, по его мнению, до последнего дня верившего в то, что Гитлер будет твердо соблюдать договор о ненападении, пишет: «Так выполнил ли Гитлер «пакт о ненападении»? Или подлейшим образом обманул Сталина и вместе со Сталиным весь Советский Союз? Обманул. Гитлер издевался над Сталиным» (Ответ неответившему. Продолжение темы, поднятой 23 года назад в письме к И. Г. Эренбургу)//Московская правда. 1988. 18 мая.

Невольно задаешь себе вопрос, было ли заключение с Германией договора о ненападении и других соглашений в 1939—1941 гг. наилучшим вариантом решения Советским правительством назревших к тому времени проблем? Ответить на этот вопрос не просто. С позиций сегодняшнего дня, когда нам стало известно многое из того, чего тогда не знали даже руководящие государственные деятели, можно с уверенностью сказать, что наиболее оптимальным в тех условиях было бы принятие советских предложений о коллективной безопасности, подписание англо-франко-советского договора о взаимной помощи и соответствующей военной конвенции. Это привело бы к созданию единой антигитлеровской коалиции, предотвратило бы агрессию и, возможно, вторую мировую войну. К такому выводу приходят сейчас не только советские, но и многие западные исследователи новейшей истории.

Именно к объединению всех миролюбивых сил и стремился Советский Союз в предвоенные годы. Не он несет главную ответственность за то, что такая возможность не была реализована. На пути к объединению встали в первую очередь идеологические предрассудки, которые не были преодолены даже в условиях опасности, угрожавшей всему человечеству. Эгоистические, корыстные, классовые интересы государств оказались выше интересов общечеловеческих.

После подписания советско-германского договора о ненападении события стали развиваться вопреки планам правящих кругов западных держав. С их стороны были сделаны энергичные попытки срочно сговориться с Германией, отдать ей Данциг и Польский коридор, заключить с ней соглашение, аналогичное мюнхенскому. Однако фашистская Германия уже ни с кем не хотела делить мир и рвалась к безудержному господству. Своих планов Гитлер менять не хотел. 1 сентября 1939 г. германские войска с трех сторон вторглись в пределы Польши. Гарантии, предоставленные ей Англией и Францией, ничем, кроме дипломатических жестов, подкреплены не были. Чемберлен и Даладье спешно обратились к Муссолини с просьбой о посредничестве, в который раз рассчитывая путем уступок Гитлеру за счет третьих стран достичь с ним соглашения. Но и эта попытка окончилась безрезультатно. Англия и Франция оказались вынужденными объявить войну Германии. Началась война в Европе.

Польша стала первым государством, вступившим в вооруженное противоборство с фашистской Германией. Война со стороны Польши с самого начала была оборонительной, справедливой, антифашистской. И это следует особо подчеркнуть, так как по этому поводу в нашей литературе можно еще иногда встретить противоречивые суждения.

Борьба польского народа против германских фашистов встретила сочувственное отношение со стороны простых советских людей. Они желали ему победы, надеялись, что немецко-фашистским войскам не удастся достичь успеха. Эти надежды были подкреплены вступлением в войну Англии и Франции на стороне

Польши. Оказалось, однако, что никакой действенной помощи эти державы не оказали. Польша быстро потерпела поражение. Польские рабочие, крестьяне, солдаты, лучшие представители интеллигенции грудью встали на защиту своей родины от фашистских захватчиков. Однако события разворачивались трагически. Используя превосходство в силах, особенно в танках и самолетах, германская армия сумела осуществить стратегию блицкрига («молниеносной войны»). Уже через неделю после нападения немецкие войска глубоко вклинились в польскую территорию и вышли на подступы к Варшаве. 17 сентября польское правительство бежало в Румынию, бросив страну и народ на произвол судьбы. Но и после этого польский народ не сложил оружия. До 2 октября сражалась с фашистскими агрессорами старинная крепость Модлин, где рядом с солдатами дрались народные ополченцы. 20 дней продолжалась героическая оборона Варшавы, где вместе с частями гарнизона сражалась рабочая бригада, руководство которой осуществляли левые социалисты и вышедшие из подполья коммунисты.

В боях с фашистскими агрессорами польский народ проявил мужество и стойкость, показал непреклонное стремление отстоять свою национальную независимость и свободу. На злодеяния гитлеровцев трудящиеся Польши ответили вооруженной борьбой.

К сожалению, в первые недели фашистской оккупации польской территории в советской печати появлялись материалы, в том числе высказывания официальных лиц, носящие оскорбительный для народа Польши характер. К числу такого рода заявлений относится, например, глубоко ошибочная трактовка польского государства как «уродливого детища Версальского договора», развалившегося при первых же ударах германских войск. Эта оценка была дана в докладе Председателя Совета Народных Комиссаров и наркома иностранных дел В. М. Молотова на внеочередной, пятой сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. Ставить на одну доску и, по существу, проводить знак равенства между антисоветской политикой реакционных кругов Польши и судьбой польского государства, его народа — это значило войти в противоречие с принципами ленинской внешней политики, с фактами истории и здравым смыслом¹.

Оправдать подобные оценки нельзя, даже если они прежде всего были продиктованы конъюнктурными соображениями, ответной реакцией на антисоветскую внешнюю политику буржуазно-помещичьего правительства Польши. Его враждебность к Советскому Союзу, нежелание идти ни на какие соглашения с социалистической страной были одной из главных причин, способствовавших провалу советских усилий по созданию военного союза неагрессивных государств для отпора фашистской агрессии и заставивших Советское правительство искать другие пути для обеспечения безопасности своей страны.

¹ См. *Смирнов Г* Возвращение к урокам//Новое время. 1987 № 35 С 21.

Договор о ненападении между СССР и Германией в сложившейся тогда обстановке был одним из таких путей. История наглядно подтвердила, что он оказал значительное воздействие на международную обстановку, привел к обострению межимпериалистических противоречий, сыграл положительную роль в борьбе Советского Союза против фашизма во второй мировой войне.

Чего же конкретно добились наша страна в результате заключения договора?

Во-первых, Советский Союз избежал войны на два фронта, а такая опасность ему реально угрожала. Договор между СССР и Германией был заключен в разгар боев между советскими и японскими войсками на Халхин-Голе. В этих боях с каждой из сторон участвовало до 100 тысяч человек. Таким образом, в августе 1939 г. «первый фронт» для СССР уже существовал — он был на Дальнем Востоке. На Западе нам угрожала фашистская Германия. Надо ли доказывать, что представляла бы собой для Советского Союза война на два фронта в условиях капиталистического окружения и внешнеполитической изоляции? Касаясь этой проблемы, английский историк Дж. Грензилл пишет: «Заключив 23 августа 1939 г. советско-нацистский пакт о ненападении, Сталин избежал втягивания в войну против Германии. Военная неподготовленность сделала бы войну в 1939 г. более катастрофической для России, чем в 1941 г. ...У Сталина в 1939 г., конечно, не было желания спасти западные демократии. Он стремился защитить Россию».

В результате заключения советско-германского договора о ненападении образовалась серьезная трещина в антикоминтерновском пакте. Для японского руководства, ориентировавшегося на военную солидарность с фашистской Германией, ее договор с Советским Союзом явился полной неожиданностью. Япония связывала большие надежды с нападением Германии на СССР и рассчитывала в связи с этим на успех своих операций на Дальнем Востоке. Предпринятые Берлином без согласования с Токио действия по улучшению отношений с СССР вызвали разочарование у японского руководства, подорвали веру японских правителей в надежность Германии как своего стратегического союзника. Сотрудник управления разведки и контрразведки верховного командования вермахта (абвера) Х. Гроскурт в конце августа 1939 г. сделал в своем дневнике следующую запись: «Японцы серьезно обеспокоены. Весь антикоминтерновский пакт зашатался».

Возникшее тогда между Японией и Германией недоверие не было преодолено до конца второй мировой войны и сказывалось на отношении Японии к СССР. Становится во многом ясно, почему Япония решила действовать на Дальнем Востоке самостоятельно, заключила в апреле 1941 г. пакт о нейтралитете с Советским Союзом и не пошла на его нарушение, хотя со стороны Германии не раз высказывалось желание иметь Японию в качестве союзника, воюющего против СССР.

Во-вторых, заключив договор о ненападении с Германией, Советское правительство нанесло решительный удар по планам создания империализмом единого антисоветского фронта. Были сорваны все замыслы европейских «мюнхенцев» объединить Германию, Англию и Францию в планах, направленных против СССР. А подобные планы вынашивались влиятельными кругами не только западных держав, но и фашистских государств. Так, в Германии большие надежды на достижение англо-германского соглашения на антисоветской основе возлагал руководитель абвера адмирал В. Канарис. Вторая мировая война началась как война между двумя империалистическими группировками, а не как война фашистского блока, действующего при поддержке всего империалистического лагеря, против Советского Союза.

В-третьих, с событиями лета 1939 г., с предпринятыми в то время Советским правительством дипломатическими шагами непосредственно связан выход СССР из внешнеполитической изоляции в 1941 г., после нападения на него фашистской Германии. Если до начала второй мировой войны западные державы срывали все усилия СССР по созданию направленного против фашизма объединения неагрессивных капиталистических государств с социалистическим, то в ходе войны в силу объективных обстоятельств эти государства оказались по одну линию фронта. У них был общий враг, и они, несмотря на имевшиеся серьезные противоречия, сумели довести войну до полной победы над германским фашизмом и японским милитаризмом. Наличие у социалистического Советского государства сильных союзников из числа капиталистических стран облегчило ему достижение победы в Великой Отечественной войне.

В-четвертых, в результате заключения договора о ненападении с Германией Советский Союз избежал войны в 1939 г. и получил около двух лет времени для укрепления своей обороноспособности. Возникает лишь вопрос: достаточно ли эффективно было использовано предоставленное Советской стране время?

В нашей литературе содержится немало утверждений, что было сделано якобы все возможное. Подчеркивается, что было увеличено военное производство, возрос выпуск оружия и военной техники, увеличилась численность вооруженных сил, укрепилась обороноспособность страны. Все это верно. Но следует подчеркнуть, что качественному совершенствованию вооруженных сил в целом тогдашнее политическое и военное руководство уделяло недостаточно внимания, допускало определенные просчеты. Основываясь прежде всего на количественных показателях, советское командование переоценивало возможности своих войск, считало, что они не только сумеют отразить нападение вермахта, но и быстро его разобьют в случае необходимости. Это мнение всячески популяризировалось средствами массовой информации. В результате оказалось, что предоставленное договором о ненападении время было использовано Советским Союзом менее эффективно, чем фашистской Германией. За истекшие 22 месяца

она в большей степени повысила свой военный потенциал, чем СССР. Если в начале 1939 г. военно-политическое руководство Германии оценивало Красную Армию как противника очень сильного, вооруженное столкновение с которым было нежелательным, то в начале 1941 г. оно уже отмечало слабость Вооруженных Сил СССР, особенно их командного состава.

Вот что говорилось в секретном докладе о состоянии Красной Армии, подготовленном разведывательным отделом генерального штаба сухопутных войск Германии 15 января 1941 г.: «В связи с последовавшей после расстрела летом 1937 года Тухачевского и большой группы генералов «чисткой», жертвой которой стало 60—70 процентов старшего начальствующего состава, имевшего частично опыт войны, у руководства «высшим военным эшелоном» (от главнокомандования до командования армиями) находится совсем незначительное количество незаурядных личностей... На смену репрессированным пришли более молодые и имеющие меньше опыта лица. Преобладающее большинство нынешнего высшего командного состава не обладает способностями и опытом руководства войсковыми объединениями».

В советской исторической и мемуарной литературе встречаются утверждения, что, заключив договор о ненападении с Германией, Советское правительство «не рассчитывало... на верность гитлеровцев своим обязательствам»¹. Оно, конечно, допускало возможность нарушения фашистской Германией договора. Но в то же время у советского руководства, особенно у И. В. Сталина, была сильна вера в то, что Германия, исходя из опыта первой мировой войны, не осмелится напасть на СССР, пока полностью не разделается с Англией. Эта позиция, в частности, видна из переписки между Сталиным и Гитлером в начале 1941 г. Когда Советскому правительству стало известно о концентрации на территории Польши германских войск, Сталин направил Гитлеру личное послание, в котором указывал, что создается впечатление о намерении Германии начать войну против СССР. На это Гитлер ответил, что в Польше действительно сосредоточиваются крупные контингенты немецких войск, но они не направлены против СССР. Как глава государства, он клятвенно заверял Сталина, что будет твердо соблюдать советско-германский договор о ненападении. Хотя это была явная ложь, Сталину она показалась правдоподобной. Адмирал И. С. Исаков рассказывал К. Симонову, что, когда Германия напала на СССР, Сталин был очень потрясен случившимся. Он категорически не допускал возможности войны. В то, что гитлеровцы могут начать войну без всяких поводов с нашей стороны, при наличии пакта, Сталин до самого конца не верил², говорил маршал А. М. Василевский.

¹ *Бережков В. М.* Страницы дипломатической истории. С. 18. Об этом см также *Сиполс В. Я.* Внешняя политика Советского Союза 1936—1939 гг. С. 327—328 и др.

² См. *Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения // *Знамя* 1988 № 5 С. 76, 83.

Это была ошибка Сталина, роковым образом повлиявшая на начальный период Отечественной войны.

Многие историки и публицисты сравнивают заключение советско-германского пакта о ненападении с подписанием Брестского мира, указывают на сходство между ними в свете ленинского положения о возможности использования коммунистами компромиссов с буржуазией и межимпериалистических противоречий в интересах социализма. Действительно, с этой точки зрения сходство между ними имеется. Оба они были заключены в исключительно сложной и опасной для нас обстановке и имели своей целью укрепление позиций социалистического государства в условиях капиталистического окружения. Но имеется и существенное различие между этими двумя дипломатическими актами Коммунистической партии и Советского правительства. Во-первых, обсуждение вопроса о подписании Брестского мирного договора с Германией проходило в нашей партии открыто, были сторонники и противники договора, все решалось демократическим путем. Пакт о ненападении с Германией заключался в период, когда в партии и стране господствовали административно-командная система руководства и культ личности. Все важнейшие вопросы фактически решались единолично Сталиным. Никаких иных мнений не высказывалось. По имеющимся данным, даже многие члены Политбюро ЦК ВКП(б) узнали о пакте только после его подписания. Во-вторых, В. И. Ленин подчеркивал, что, пойдя на компромисс с германским империализмом и подписав Брестский мирный договор, «нигде грани, подрывающей или порочащей социалистическую власть, мы не перешли...»¹. Совсем по-иному складывалась обстановка после заключения пакта о ненападении. Эта грань была перейдена, когда Советский Союз подписал с Германией еще договор о дружбе и наша пропаганда резко изменила отношение к фашизму от критического к нейтральному. В результате Советское государство и социализм как система понесли серьезные идеологические потери.

* * *

Вглядываясь через годы в советско-германский договор о ненападении и связанные с ним события с позиций сегодняшнего дня, можно подтвердить многие уже утвердившиеся положения советской историографии и одновременно отметить кое-что новое, что раньше нашими историками игнорировалось.

Прежде всего обращает на себя внимание исключительная сложность международной обстановки к лету 1939 г. Обе империалистические группировки относились к СССР враждебно. Каждая из них хотела получить выгоду за счет Советского Союза. Капиталистические державы никак не хотели рассматривать СССР как равноправного партнера, проводили антикоммунистическую, антисоветскую политику, яро выступали против любого сотрудни-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42 С. 57.

чества с СССР в деле отпора фашистской агрессии. Да и сейчас идейные противники на Западе не прочь извратить ситуацию кануна войны, правду перемешивают с полуправдой, стремятся поставить все с ног на голову. «Говорят, что решение, которое принял Советский Союз, заключив с Германией пакт о ненападении,— отмечал М. С. Горбачев,— не было лучшим. Возможно, и так; если руководствоваться не жесткой реальностью, а умозрительными абстракциями, вырванными из контекста времени. И в этих условиях вопрос стоял примерно так же, как во время Брестского мира: быть или не быть нашей стране независимой, быть или не быть социализму на Земле... Нам удалось отсрочить схватку с врагом, таким врагом, который оставлял и себе, и противнику один выбор — победить или погибнуть»¹. Этот суровый экзамен советский народ, социалистический строй выдержали. Годы войны — одна из самых славных и героических страниц в жизни нашей партии, нашего народа.

Советско-германский договор о ненападении позволяет сделать вывод: необходимо предотвратить развязывание новой мировой войны, создать безъядерный мир, освободить цивилизацию от страха уничтожения, а для этого сформировать новый образ взаимоотношений между государствами, новый нравственный климат доверия и уважения партнеров, а не противников на мировой арене. Общая тенденция уже вырисовывается, и она не может не привести к достижению взаимовыгодного результата, который будет на пользу всему человечеству.

Вопросы истории КПСС. 1988. № 8 С. 81—96

Н. Г. Павленко

НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ ВОЙНЫ

22-е число июньского календаря — особо памятная нам дата, неизбежно побуждающая к размышлению о минувшей войне, и прежде всего о крайне тяжелом, драматическом для нас ее начальном периоде. Воссоздание исторической правды требует вскрыть корни военных просчетов и неудач, через которые и вопреки которым советский солдат донес знамя Победы до Берлина.

Ни в одной области человеческой деятельности не стоит столь остро вопрос о качестве руководства людьми, как в вооруженной борьбе. Это обусловлено главным образом тем, что в такой борьбе за все приходится расплачиваться кровью — и за успехи, и за неудачи. Причем за неудачи, просчеты и ошибки зачастую более дорогой ценой, нежели даже за крупные достижения стратегического масштаба. Вот почему руководить войсками в боевой

¹ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается С 23—24, 25.

обстановке методом «проб и ошибок» не только недопустимо, но и преступно.

Как показывает военная история, максимально избежать просчетов можно лишь при высоком профессионализме командных кадров, глубоком знании ими боевого опыта и способов действий противника. Именно таких кадров и не хватало нам в начальный период войны. Массовые репрессии в вооруженных силах страны в 1937—1938 гг. лишили ее более 40 тысяч командиров, политработников, военных инженеров и специалистов. «Без тридцать седьмого года,— отмечал в этой связи маршал А. М. Василевский,— возможно, и не было бы вообще войны в сорок первом году. В том, что Гитлер решился начать войну в сорок первом году, большую роль сыграла оценка той степени разгрома военных кадров, который у нас произошел. ...Был ряд дивизий, которыми командовали капитаны, потому что все, кто был выше, были поголовно арестованы»¹. Хотя в последующие годы урон, нанесенный кадрам, и был восполнен численно, в качественном отношении этого не произошло. Многие командные и штабные должности заняли недостаточно опытные и подготовленные люди. Оказавшись в тяжелейших условиях начального периода войны, они, естественно, допускали немало промахов.

Но надо признать и другое. Наиболее крупные ошибки, порой трагического характера, совершались в стратегическом звене руководства войсками. И многие из них — лично И. В. Сталиным, который, по оценке маршала Г. К. Жукова, и перед войной, и в начале ее имел весьма смутное представление о военном деле. Тем не менее на протяжении свыше полутора лет (начиная с весны 1941 г.) он мало считался с мнениями военных специалистов, полагая себя единственным стратегом. Только суровая действительность осени 1942 г. поубавила его амбиции «полководца».

В нашей военно-исторической литературе нередко говорится о том, что в начале Великой Отечественной войны при создании чрезвычайных органов — Государственного Комитета Оборона (ГКО) и Ставки Верховного Главнокомандования (ВГК) — учитывался опыт периода гражданской войны. Есть, однако, основания считать, что чрезвычайные органы в этих войнах весьма сильно различались, равно как и методы их деятельности. Главной особенностью Совета Рабочей и Крестьянской Оборона времен гражданской войны было то, что он не заменял и не подменял собой органов партийных и правительственных. Принципиальные вопросы ведения боевых действий рассматривались тогда и на заседаниях Совнаркома, и на Политбюро и пленумах ЦК, и на съездах РКП(б). В Великую Отечественную никаких пленумов, а тем более съездов партии не проводилось, все кардинальные военные вопросы решались в ГКО, а если говорить точнее, — лично Сталиным. Поэтому трудно согласиться с утверждением, будто ГКО во главе со Сталиным имел прообразом Совет Рабочей и Крестьянской

¹ Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. // Знания 1988 № 5. С. 81

Обороны, находившийся под руководством В. И. Ленина, как сказано, например, в Военной энциклопедии¹.

Существенно отличалась как по структуре, так и по методам работы от действовавшего в гражданскую войну Реввоенсовета Республики и Ставка Верховного Главнокомандования. Это отличие восходит, с одной стороны, к специфическим особенностям обстановки, а с другой — к субъективным позициям и взглядам политических руководителей государства в обеих войнах.

Ленин, будучи главой правительства и Председателем Совета Рабочей и Крестьянской Обороны, не считал возможным брать на себя функции руководства военным ведомством, а тем более обязанности главнокомандующего вооруженными силами. В годы гражданской войны главнокомандующими вооруженными силами страны являлись крупные военные специалисты — вначале И. И. Вацетис, затем С. С. Каменев, которые одновременно были и членами Реввоенсовета Республики. В своей практической работе они руководствовались директивами ЦК РКП(б), указаниями Ленина и Реввоенсовета. Главнокомандующие пользовались доверием Советского правительства и всецело посвящали свою деятельность руководству вооруженной борьбой. В их распоряжении находился Полевой штаб РВСР во главе с его начальником. И надо отметить, что подобная организация руководства фронтами в гражданскую войну полностью себя оправдала. Задачи, возникавшие перед вооруженными силами, решались обычно успешно и на высоком профессиональном уровне.

Сталин фактически отбросил опыт гражданской войны в области организации стратегического руководства вооруженными силами. Хотя в Ставке и числилось в разные периоды от шести до восьми членов, на деле в ней работали два-три человека. Вот как характеризовал деятельность Ставки, ее взаимодействие с ГКО Г. К. Жуков на встрече военных историков осенью 1966 г. в редакции «Военно-исторического журнала», о чем сохранилась сделанная тогда запись: «Трудно было разобрать, где кончается Государственный Комитет Обороны и где начинается Ставка, и наоборот. Это происходило и потому, что Сталин был председателем Государственного Комитета Обороны и одновременно возглавлял Ставку Верховного Главнокомандования. Бывало, придешь к Сталину и не знаешь, куда ты прибыл: то ли на заседание ГКО, то ли на совещание в Ставку — одинаково ругали. На практике получалось так: Сталин — это Ставка и Государственный Комитет Обороны — тоже Сталин. Он командовал всем, он дирижировал, его слово было окончательным и обжалованию не подлежало».

А вот как оценивал Ставку маршал А. М. Василевский: «За более чем 30-месячный период моей работы в должности начальника Генерального штаба, а в дальнейшем и в бытность членом Ставки она полностью в утвержденном ее составе при Верховном Главнокомандующем ни разу не собиралась». По свидетельству

¹ См.: Советская военная энциклопедия М., 1976. Т. 2. С. 622

Василевского, Сталин придавал мало значения принадлежности тех или иных военачальников к Ставке.

Как известно, в период Великой Отечественной войны Сталин занимал ряд важнейших партийных и государственных постов. Он являлся Генеральным секретарем ЦК ВКП(б), Председателем Совета Народных Комиссаров СССР, Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами и наркомом обороны СССР. Помимо того ему отводились и другие высшие руководящие функции: возглавлять Транспортный комитет, почти ежедневно заниматься наркоматами, ответственными за производство вооружения и боеприпасов, решать с наркоматами и конструкторами вопросы совершенствования военной техники и т. д. Естественно, такая перегрузка Верховного Главнокомандующего не могла не сказываться отрицательно на качестве его собственно военной деятельности, мешала ему вникать в сущность проблем. «Ежедневно решая сотни больших и малых дел,— вспоминал в беседе со мной бывший начальник Главного управления тыла Советской Армии А. В. Хрулев,— Сталин подчас давал самые противоречивые указания, взаимно исключаящие друг друга. Поскольку обычно никаких стенограмм и протоколов при этом не велось, некоторые его распоряжения оставались невыполненными. Конечно, те, кто в силу различных причин рисковал идти на это, всегда имели наготове лазейку, чтобы свалить вину на другого...»

Оценивая качество стратегического руководства войсками в начальный период войны, мы вновь и вновь возвращаемся к ее кануну. Ведь тогда в числе различных тревожных фактов были и такие, с которыми просто нельзя было не считаться. Например, участвовавшие перелеты немецкими самолетами наших границ и переброска на территорию СССР диверсионных и разведывательных групп. Или же массовое выселение германскими властями поляков из приграничных районов, подвоз понтонных средств к рекам, выгрузка боеприпасов на грунт и снятие проволочных заграждений. Такого рода факты всегда служили сигналом о том, что до нападения врага остаются уже не недели, а дни и даже часы.

Исходя из ошибочной оценки намерений фашистского руководства, Сталин запретил советскому военному командованию выполнить необходимые мобилизационные мероприятия, осуществить перегруппировку войск в приграничных округах и привести их в боевую готовность. Контроль за строгим исполнением указаний Сталина возлагался на Берия и его аппарат.

Маршал Б. М. Шапошников, еще в бытность начальником Генерального штаба, на основе анализа исторических, географических и оперативно-стратегических факторов сделал вывод, что в случае войны с Германией ее командование будет наносить главный удар на смоленско-московском направлении. Этот вывод Сталин отбросил «с порога». Он заявил, что для ведения войны Германии нужен хлеб. Поэтому, мол, главный удар может быть нанесен на Украине. Понятно, что мнение Сталина стало директивным для нашего военного командования.

Весной 1941 г. основные силы немецко-фашистской армии (в том числе три танковые армии из четырех) сосредоточились на рубежах к северу от Полесья. Стало очевидным, что главный удар противника последует все же через смоленские «ворота». Никто, однако, не рискнул докладывать Сталину о его просчете. Но «в рабочем порядке» решили перебросить часть сил с Украины в район Смоленска. «Сталин требовал от нас наступать, — отмечал Г. К. Жуков на упомянутой встрече 1966 г. — Он говорил: если у вас сегодня нет результата, завтра будет, тем более вы будете ско- вывать противника, а в это время результат будет на других участ- ках. Конечно, эти рассуждения — младенческие... В итоге жертв было много, расход материальных средств большой, а общестрате- гического результата — никакого. А если бы имевшиеся у нас в то время силы и средства были использованы на Западном направ- лении, то итог был бы иной».

В марте 1942 г. состоялось новое совещание у Сталина, где обсуждался возможный характер действий Красной Армии на летний период. Ввиду превосходства противника и отсутствия второго фронта начальник Генерального штаба Шапошников в обстоятельном докладе предложил в ближайшее время ограни- читься активной обороной. Основные стратегические резервы, не вводя их в дело, сосредоточить на центральном направлении и частично в районе Воронежа, где, по мнению Генштаба, могли разыгаться главные события. Рассматривая план командования Юго-Западного направления по разворачиванию Харьковской на- ступательной операции, Шапошников попытался обратить внима- ние на трудности ее организации. Как свидетельствует Жуков, Ста- лин, прервав начальника Генштаба на полуслове, заявил: «Не сидеть же нам в обороне сложа руки и ждать, пока немцы нане- сут удар первыми! Надо самим нанести ряд упреждающих ударов на широком фронте и прошупать готовность противника». Сове- щание закончилось указанием Верховного подготовить и про- вести в ближайшее время частные операции в Крыму, на харьков- ском направлении и в ряде других районов.

В соответствии с этим указанием на обширном фронте, простиравшемся от Баренцева моря до Крымского полуострова, ор- ганизуется множество наступательных операций. Карельскому фронту ставится задача очистить от противника советскую тер- риторию на своем участке и восстановить государственную гра- ницу. 7-я армия должна была захватить плацдармы по северному берегу реки Свирь. Ставятся также задачи деблокировать Ле- нинград, ликвидировать демянскую группировку врага, разгро- мить ржевско-вяземскую, орловскую и харьковскую группировки. На юге планируется операция по освобождению Крыма. Как видно из перечня этих задач, из разумного и взвешенного плана Гене- рального штаба получился, по сути, новый план, предусматривав- ший целый ряд разрозненных наступательных операций.

Большинство из них, будучи слабо обеспеченными в мате- риально-техническом отношении, не достигло поставленных целей.

Более того, операции на харьковском направлении и в Крыму завершились для нас катастрофически, что положило начало новым поражениям. В результате этих неудач, а затем и поражения наших войск под Воронежем противник захватил стратегическую инициативу и повел стремительное наступление к Волге и на Кавказ. Советским войскам пришлось приложить чрезвычайные усилия, чтобы задержать вражеское наступление в предгорьях Главного Кавказского хребта и на берегах Волги и Дона.

Поражения Красной Армии на южном крыле советско-германского фронта не могут быть объяснены особенностями обстановки, как это в какой-то мере служит оправданием наших поражений летом 1941 г. Главной причиной провала летней кампании 1942 г. явилось ошибочное решение Верховного Главнокомандующего «подвести» к стратегической обороне многочисленные частные наступательные операции на всех фронтах. Это привело к разбросу сил, преждевременному расходованию стратегических резервов, что заведомо обрекало сталинский план на неудачу.

В результате отступления советских войск к берегам Волги и предгорьям Кавказа на территории, временно оккупированной фашистами, оказалось более 80 миллионов человек. Страна лишилась крупнейших промышленных и сельскохозяйственных областей, производивших свыше 70 процентов чугуна, 58 процентов стали, 63 процента угля, 42 процента электроэнергии, располагавших 47 процентами всех посевных площадей. Это означало, что отныне Советское государство могло использовать в войне с гитлеровской Германией и ее союзниками фактически лишь половину своего экономического потенциала.

К осени 1942 г. появились первые признаки того, что стиль и методы стратегического руководства стали меняться. Сталин назначил заместителем Верховного Главнокомандующего Г. К. Жукова. Надо сказать, что и Жуков теперь уже не смотрел на Сталина как на воплощение мудрости и способного найти выход из самых трудных положений. Обогатившись опытом сражений, он смелее отстаивал перед Сталиным не только свои предложения, но и позиции Генерального штаба, что оказало благоприятное влияние на способы выработки решений.

Это стало заметно уже при подготовке контрнаступления под Сталинградом осенью 1942 г. Сталин гораздо более внимательно прислушивается в тот период к мнениям военных специалистов и помощников. Раньше же это случалось лишь в экстремальных, критических ситуациях, как, например, в период битвы под Москвой. Тогда, по свидетельству маршала Жукова, «он был весьма внимателен к советам, но, к сожалению, иногда принимал решения, не отвечающие обстановке. Так было с выводом в резерв 1-й ударной армии, с развертыванием наступления всех фронтов».

Говоря о тяжелейшем для нас первом периоде войны, нельзя не воздать должное мужеству и героизму советского солдата, показавшего беспримерные образцы стойкости и несокрушимости морального духа. Нельзя не воздать должное командирам и по-

литработникам, славной плеяде советских полководцев и военачальников, сумевших в самые критические моменты сохранить боевую мощь армии, выправить стратегическое положение и обеспечить перелом в дальнейшем развитии событий.

В истории второй мировой войны было мало государств, которые смогли после крупных поражений начального этапа преодолеть ситуацию и выйти на победные рубежи. С учетом огромной разницы в условиях ведения вооруженной борьбы к таким государствам относятся СССР и США. Конечно, степень тяжести нанесенных им ударов была крайне неодинакова. Но различным был и подход государственного руководства к причинам поражений.

В США к расследованию причин катастрофы в Пёрл-Харборе приступили спустя 10 дней после начала войны. Разумеется, американцам было несравненно проще решать такие задачи: боевые действия разворачивались вдали от их берегов. Важно другое: вскрылись просчеты и ошибки ответственных военных деятелей в Вашингтоне, а из отчетов комиссий были сделаны надлежащие выводы относительно военного строительства, улучшения управления вооруженными силами сверху донизу и т. д.

По-иному к причинам поражений Красной Армии в начале войны подошел Сталин. Чтобы отвести вину за них от себя, он и его ближайшее окружение организовали судилище. На основании сфальсифицированных приговоров была осуждена и казнена большая группа генералов. Среди них — командующий войсками Западного фронта Д. Г. Павлов, начальник штаба того же фронта В. Е. Климовских, командующий войсками 4-й армии А. А. Коробков и другие военачальники.

В условиях жесткого контроля за различного рода «разговорами» те военачальники, которые пытались разобраться в причинах поражений, попадали под подозрение и подвергались репрессиям. Так, за доверительные беседы с сослуживцами о возможных ошибках командования в стратегических вопросах крупный военный исследователь, автор капитального труда о стратегическом развертывании генерал В. А. Меликов был обвинен в «пораженчестве» и заключен в тюрьму, где и погиб.

Наряду с репрессиями за попытки анализа причин поражений усиленно распространялась версия о внезапности нападения врага и прочая полуправда. Но если во время войны и вскоре после нее замалчивание истины как-то объяснимо, то с развенчанием культа личности Сталина, казалось бы, правда о начальном периоде войны, об ответственности за промахи и неудачи должна быть сказана сполна. Однако еще и сегодня мы встречаемся с искаженными представлениями на этот счет не только в обыденном сознании, но и в отдельных трудах по истории Великой Отечественной войны.

Характерно, что в некоторых из них старательно обходится слово «репрессии», заменяемое, как правило, более скромным — «обвинение». Так, во 2-м томе двенадцатитомной «Истории второй мировой войны 1939—1945» читаем: «В 1937—1938 гг. вследствие

необоснованных обвинений из армии было уволено значительное количество командиров и политработников»¹. Далее указывается, что жалобы уволенных якобы были рассмотрены и ошибки в значительной степени исправлены, и нет даже намека на физическое уничтожение огромного числа командиров, на гибель ряда выдающихся полководцев. Текст обработан так, что тяжчайшие преступления Сталина выглядят невинными ошибками.

Приведенный пример — типичное отражение так называемого «преодоления перекосов» в оценке культа личности, протаскивавшегося в военно-историческую науку в течение двух десятилетий, начиная с 1965 г. Приверженность многих исследователей утвердившимся в этот период схемам и стереотипам, неотмененные запреты на доступ к целому ряду источников и материалов — все это отбросило историографию Великой Отечественной войны далеко назад. Остается лишь сожалеть о том, что время потеряно, многие участники и свидетели событий ушли от нас и самые существенные проблемы начального периода войны приходится изучать, по сути, заново.

Сейчас разворачивается работа по созданию нового капитального труда по истории Великой Отечественной войны. С учетом печального опыта ряда прошлых исследований она должна вестись профессиональными историками. Хотелось бы, чтобы эта летопись трагических и героических дней военного лихолетья отразила всю правду истории. Такая задача может быть успешно решена лишь в том случае, если военные историки будут, в отличие от прошлого, руководствоваться не конъюнктурными поветриями, а подчинят свою исследовательскую работу воссозданию исторической реальности и извлечению из нее необходимых уроков.

Коммунист 1988 № 9 С 88—94

В. М. Кулиш

Ниже приводятся три объединенные общей темой публикации, подготовленные В. М. Кулишом. Тема эта — годы предвоенные и военные.

Первая из публикаций — сокращенный текст статьи в журнале «Наука и жизнь» (1987, № 12), содержащей ответы на письма читателей, присланные в редакцию журнала в связи с предыдущими статьями, где рассматривалось влияние вызванных культом личности И. В. Сталина репрессий 1937—1938 гг. на неготовность страны к войне.

Основой второй публикации: «У порога войны» — является помещенная в «Комсомольской правде» 24 августа 1988 г. беседа ее корреспондента А. Новикова с В. М. Кулишом. Для данного издания текст автором существенно дополнен.

Великой победе советского народа в Отечественной войне посвящена третья публикация, подготовленная автором для данной книги.

¹ История второй мировой войны 1939—1945. М., 1974. Т. 2. С 206

ОБ УРОКАХ И ПРАВДЕ ИСТОРИИ

Кульť личности Сталина — это правда, горькая правда, причинившая столько страданий нашему народу, что о ней нельзя молчать.

Хотелось бы напомнить, что впервые обстоятельный разговор о происхождении и сущности культа Сталина состоялся на XX съезде КПСС (постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий», принятое в 1956 г.) и на XXII съезде. Шел он во весь голос и в литературе, опубликованной в первое десятилетие после XX съезда партии. Кратко напомним, о чем тогда говорилось.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РЕПРЕССИИ

Кульť личности Сталина сложился на основе роста его авторитета в партии и стране. Претворение в жизнь ленинского плана построения социализма в нашей стране было сопряжено с политической и идейной борьбой, которой под влиянием Сталина, особенностей его характера придавалась крайняя острота, непримиримость. Играло существенную роль также то, что строительство социализма проходило в стране с многоукладной экономикой и многочисленной мелкой буржуазией. Психологии последней присуща тоска по «сильной личности». Очень быстро успехи и в строительстве социализма стали связываться не столько с руководством партии, его коллективным творчеством, сколько с личностью Сталина, беспредельным преклонением перед ним, наделением его сверхчеловеческими достоинствами и силой, непогрешимостью и способностью гениального предвидения. Авторитет Сталина постепенно перерос в его кульť. Имя Сталина стало символом, олицетворяющим социализм.

И. В. Сталин располагал большой властью и влиянием в партии. Однако, не обладая способностью убеждать несогласных с ним, разрешать возникающие разногласия и противоречия демократическими, присущими социализму партийными методами, он стремился к установлению своей единоличной власти, используя усиление своего авторитета. По мере того как укреплялась его власть, ограничивалась, а в ряде случаев и свертывалась демократия, утверждалась в партийном строительстве и хозяйственной работе чрезмерная централизация управления, что неизбежно вело к процветанию бюрократизма, применению методов голого администрирования, открытого насилия и подавления. Такая система порождала аллилуйщиков, подхалимов, очковтирателей, массовое замазывание недостатков, лакировку действительности, поощряла бездумное подчинение в иерархии партийного руководства и аппарата Советской власти.

Постепенно Сталин отошел от ленинских методов коллективного руководства и выработки решений и уже лично принимал решения по важнейшим политическим, хозяйственным и военным

вопросам. Он поставил себя над партией, ее Центральным Комитетом и Политбюро, вышел из-под их контроля и полностью огради себя от критики. Аппарат партийного руководства, Советской власти и хозяйственного руководства стал комплектоваться по принципу личной преданности. При этом преданность делу социализма опосредовалась или даже подменялась преданностью лично «великому вождю всех времен и народов», как стали именовать Сталина. Положение каждого члена в партийной, советской и хозяйственной иерархии, его судьба зависели от отношения к нему вышестоящего начальства и в конечном счете от Сталина. Такая система создавала благоприятные условия для безнаказанного произвола и злоупотреблений властью в центре и вопиющего беззакония на местах.

Краткое изложение проблемы может создать впечатление, что утверждение культа личности Сталина проходило гладко и без конфликтов. Это далеко не так. Против культа боролась старая партийная гвардия, люди, прошедшие школу борьбы за социализм под руководством В. И. Ленина, активные участники Великой Октябрьской революции и гражданской войны, верные ленинской традиции и сохранению ее в партии. Для «убеждения» противников режима личной власти были избраны средства политического и идеологического подавления и репрессии.

Таким образом, когда речь идет о культе личности Сталина, то имеются в виду не только его прославление и преклонение перед ним, его авторитет, но и та деформация социализма, принципов партийных, социальных и экономических отношений, присущих природе социализма, установление единоличной власти, произвола и беззакония.

«КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ!»

Избрав в качестве борьбы с противниками культа личности подавление и репрессии, Сталин нуждался в убедительном обосновании и оправдании их, хотя бы в правдоподобных аргументах. Сталин выдвинул глубоко ошибочную концепцию: по мере продвижения к социализму классовая борьба усиливается. Она послужила основным аргументом в пользу необходимости усиления карательных функций Советского государства. Вполне обоснованная классовая бдительность превратилась во всеобщую подозрительность, исчезла гласность, нагнеталась напряженность, везде стали мерещиться массовые измены и заговоры, получил распространение термин «враг народа».

Объективных оснований для этого не было. По словам Сталина, на XVII съезде была «выявлена... необычайная идейно-политическая и организационная сплоченность рядов нашей партии». Несколько ранее, 23 февраля 1933 г., в докладе «15 лет Красной Армии» нарком обороны К. Е. Ворошилов заявил, что «мы вырастили свои молодые командные кадры. В нашей командирской большевистской среде мы растворили целый ряд военных специалистов

старой армии, которые честно и добросовестно с начала гражданской войны не за страх, а за совесть служат делу революции». При этом он сообщил, что все командующие округами и командиры корпусов — члены партии. Среди других категорий командного состава, от командиров батальонов и соответствующих им подразделений разных родов войск, члены партии составляли от 72 до 95 процентов, а среди среднего комсостава (взвод, рота) — 69 процентов.

Однако при помощи фальсифицированных документов эти люди попали в категорию «врагов народа», шпионов иностранных разведок, к ним были отнесены люди, допускавшие идейные отклонения от ленинизма, а затем и верные ленинцы, беззаветно преданные делу социализма. Было уничтожено более половины участников XVII съезда партии: 1108 из 1966. Из 139 членов и кандидатов в члены ЦК партии, избранных на съезде, было погублено 98 человек. С каждым годом репрессии усиливались. Им подвергались миллионы людей, реальных и потенциальных противников единоличной власти Сталина. Ленинские кадры партии, честные хозяйственные руководители, ученые, командиры и политработники Красной Армии, рядовые коммунисты и советские граждане, а также многие члены коммунистических партий других стран, которые работали в аппарате Коминтерна или по каким-либо причинам находились на территории Советского Союза.

Данные генерал-лейтенанта А. И. Тодорского (ныне покойного) свидетельствуют, что из общего числа 733 высших командиров и политработников (начиная с комбрига и бригадного комиссара и до Маршала Советского Союза) было репрессировано 579 и осталось в Красной Армии только 154. По другим данным, с мая 1937 г. по сентябрь 1938 г. подверглись репрессиям около половины командиров полков, почти все командиры дивизий и бригад, все командиры корпусов и командующие войсками военных округов, большинство политработников корпусов, дивизий и бригад, около трети комиссаров полков. Среди безвинно погибших командиров и политработников были крупнейшие опытные военачальники: М. Н. Тухачевский, В. К. Блюхер, А. И. Егоров, И. Э. Якир, И. П. Уборевич, А. И. Корк, Е. И. Ковтюх, И. Ф. Федько, И. С. Уншлихт, П. Е. Дыбенко, Р. П. Эйдеман, Я. Б. Гамарник (покончил жизнь самоубийством) и многие другие. Таких потерь командного состава в столь короткий срок наша армия не несла даже в период войны.

В результате к началу войны только 7 процентов командиров наших Вооруженных Сил имели высшее военное образование, а 37 процентов не прошли полного курса обучения даже в средних военно-учебных заведениях¹. Состояние командного состава того времени усугублялось еще и тем, что большинство из репрессированных военачальников хорошо знали немецкую военную организацию и военное искусство, а заменившие их кадры не обладали

¹ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. М., 1965 Т. 6. С. 125.

такими знаниями. И это было известно политическому и военному руководству фашистской Германии. Начальник генерального штаба сухопутных сил фашистской Германии генерал Ф. Гальдер, выслушав доклад вернувшегося из Москвы в мае 1941 г. германского военного атташе полковника Кребса, записал в своем дневнике: «Русский офицерский корпус исключительно плох. Он производит худшее впечатление, чем в 1933 г. России потребуется 20 лет, пока она достигнет прежней высоты»¹. Это был серьезный просчет немецкого генерального штаба относительно перспектив укрепления советского офицерского корпуса. Но бесспорно, что нашей стране фактически пришлось воссоздать офицерский корпус уже в условиях начавшейся войны.

Репрессии причинили огромный вред советской военной науке, которая в предыдущие годы быстро и интенсивно развивалась. Она правильно определила влияние новой военной техники и вооружений, а также созданных социализмом условий на ведение войны в защиту социалистического Отечества, разработала соответствующую тактику, оперативное искусство и стратегию, организацию Вооруженных Сил. Результаты военно-научных исследований составили основное содержание Полевого устава Красной Армии 1936 г., который более соответствовал характеру войн того времени, чем уставы зарубежных армий и другие боевые уставы. Однако разработка военной истории и теории во второй половине 30-х годов приостановилась. Было прекращено изучение теоретического наследия Ленина вообще и в особенности военного. Многие крупные советские военные теоретики и историки были репрессированы. Среди них такие выдающиеся, как М. Н. Тухачевский, А. И. Егоров, И. П. Уборевич, А. А. Свечин, Я. Я. Алкснис, С. М. Белицкий, А. М. Вольпе, А. В. Голубев, Г. С. Иссерсон, В. А. Меликов, А. И. Корк, Н. Е. Какурин, Р. П. Эйдеман, А. Н. Лапчинский, А. И. Верховский, Г. Д. Гай и многие другие.

Труды репрессированных военных ученых изымались из пользования как «вражеские». Учитывая то, что погублены были и многие военачальники, которые усвоили советскую военную науку, образовался своего рода обрыв как в разработке военной науки, так и в ее усвоении. Достоянием военных кадров, готовившихся непосредственно перед войной и во время войны, становилось лишь то, что было закреплено в уставах. Изъятие трудов репрессированных военных ученых сдерживало развитие военного мышления у командиров всех рангов. Оно обогащалось в основном эмпирически в процессе боевой практики.

В период войны делалось много в области изучения и обобщения военного опыта. Но так как теоретический уровень людей, занимавшихся этим, был невысок, публиковавшиеся тогда работы носили прикладной характер, были преимущественно описательными. Им была присуща преувеличенная оценка роли «полководческой» деятельности И. В. Сталина, его высказываний по вопро-

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. Т. 6. С. 125

сам военного дела. Культ Сталина сковывал инициативу военных исследователей, способствовал распространению догматизма и начетничества. Он вынуждал их ждать его указаний и высказываний, теоретические выводы делались не столько на обобщении жизни и военной практики, а на основе готовых формулировок и цитат. «Исследование» проводилось по следующей методике: бралась цитата из высказывания Сталина, к ней присоединялись два-три примера из опыта войны, подтверждавшие смысл цитаты, и таким путем создавался «научный» труд.

Все это не могло не оказать отрицательного влияния на подготовку офицерского состава и на методы управления войсками в бою. При этом надо иметь в виду, что на должности командиров взводов и рот в стрелковых войсках — как наиболее многочисленных — были выдвинуты десятки тысяч рядовых бойцов и сержантов, проявивших в боях способность командовать подразделениями. К концу войны в Красной Армии командовали полками 126 офицеров, начавших войну рядовыми и сержантами.

Несет ли ответственность И. В. Сталин за репрессии, ослабившие возможности нашей страны в войне, снизившие боеспособность Советских Вооруженных Сил, в особенности в 1941 и 1942 гг.? Конечно, Сталин лично не проводил их. Он действовал через карательные органы. Для этого он вывел аппарат госбезопасности из-под контроля партии и правительства и лично сам, через специально подобранных людей, направлял его деятельность. Эти органы были превращены в орудие массовых репрессий. Во главе стояли Ежов, а затем Берия. Прикрываясь авторитетом Сталина, они искореняли чекистские традиции, организовывали истребление честных людей, вносили в деятельность органов госбезопасности чуждый им дух огульного недоверия и подозрительности к советским людям, поощряли беззаконие и карьеристские тенденции. Была учинена расправа с чекистами, прошедшими славную школу Ф. Э. Дзержинского. Подверглись репрессиям многие тысячи работников госбезопасности, выступавшие против беззакония и произвола. Истреблены были многие руководители этих органов, среди них И. А. Акулов, Я. К. Берзин, Е. Г. Евдокимов, М. С. Кедров, Я. К. Ольский, Я. Х. Петерс, С. В. Пузицкий, многие другие. В угоду Сталину А. Я. Вышинский выдвинул теоретическую концепцию, обосновывавшую грубейшие нарушения социалистической законности и оправдывавшую массовые репрессии: для привлечения к уголовной ответственности достаточно только признания обвиняемого, независимо от того, какими средствами оно получено; свидетельских показаний и других объективных доказательств не требовалось. Будучи Прокурором СССР, он требовал привлекать к ответственности за «политические преступления» не только самих обвиняемых, но и членов их семей и знакомых.

«Нам история отвела ограниченное время...» Так ли?

На «историю» можно валить все, она выдержит. Но это не избавляет нас от необходимости выяснить, хотя бы для себя, в чем

повинна «безответная» история, а в чем делающие ее люди. Я не встречал еще такого генерала или офицера, который сказал бы, что имеющихся в его распоряжении сил и оружия достаточно для выполнения задачи и что времени на подготовку боевых действий было с лихвой. К сожалению, приходится решать задачи войны, прежде всего защиты страны, теми силами и средствами, которыми государство и военное командование располагают, а не теми, которые желательно было бы иметь. Известно, что наша страна тщательно и длительное время готовилась к обороне, были накоплены большие запасы вооружений, боевой техники и материальных припасов. Анализ состояния обороноспособности страны показывает, что сил и материальных средств было достаточно для оказания мощного отпора немецко-фашистскому вторжению. Все дело упиралось в умение распорядиться ресурсами, созданными трудом советского народа, использовать с максимальной эффективностью имевшиеся реальные возможности.

Известно теперь, что директива о приведении войск западных военных округов в боевую готовность и занятии ими боевых рубежей была отдана недопустимо поздно, что она была получена в войсках, когда уже война началась. Этот важнейший, определяющий элемент стратегического управления Вооруженными Силами фактически отсутствовал. Неудивительно, что управление войсками Прибалтийского и в особенности Белорусского военных округов было расстроено, они не могли оказать организованное сопротивление врагу. Пришлось все организовывать уже в ходе войны под ударами превосходящих сил противника. Важнейшей причиной этого, конечно, было опоздание с отдачей директивы. Но за этим кроется другая, более важная причина, по отношению к которой все, о чем сказано выше, представляется следствием.

Был допущен просчет в определении времени нападения фашистской Германии на СССР. Сталин, единолично принимавший решения по важнейшим государственным военным вопросам, считал, что гитлеровское руководство не решится в ближайшее время нарушить заключенный с Советским Союзом договор о ненападении. Он продолжал настаивать на своем, несмотря на то что в июне 1941 г. Германия и ее союзники в Восточной Европе завершили стратегическое развертывание своих вооруженных сил для нападения на Советский Союз. Все сведения об этом, добываемые советской политической и военной разведками (кстати, многие разведчики подверглись репрессиям), он рассматривал как провокационные, подбрасываемые Советскому правительству с целью заставить его предпринять такие действия, которые дали бы гитлеровскому руководству возможность обвинить СССР в нарушении договора и тем оправдать развязывание им войны.

Трезво рассуждая, можно было бы сделать вывод, что меры Советского правительства по повышению боеготовности войск приграничных округов никак не могли провоцировать нападение Гитлера, так как вопрос о нем уже был решен гитлеровским правительством. Наоборот, неготовность Красной Армии к войне, к

отражению немецкого нападения побуждала гитлеровское руководство использовать создавшуюся благоприятную обстановку, напав, как только завершится развертывание армий. Побуждали его не тянуть с началом войны с СССР также низкая боеспособность и слабость Красной Армии, проявившиеся в войне с Финляндией зимой 1939/40 г., обезглавливание Красной Армии и ослабление ее офицерского корпуса репрессиями. Гитлеровское руководство хорошо понимало, что откладывать начало войны — это значит дать Советскому Союзу время исправить допущенные ошибки и повысить свою обороноспособность.

В значительной мере ответственность за то, что Красная Армия оказалась неподготовленной к отражению нападения врага и не смогла дать ему решительный отпор, вынуждена была отступать к Москве и Волге, лежит на Наркомате обороны СССР и Генеральном штабе, на их руководителях — С. К. Тимошенко и Г. К. Жукове. Они плохо разобрались в военно-стратегической обстановке, не смогли сделать из нее правильные выводы о характере военных действий по защите страны и принять необходимые меры по повышению боеспособности и боеготовности нашей армии. Г. К. Жуков, мужественный человек, выдающийся стратег, способный также признавать свои ошибки и просчеты, писал в своих мемуарах, что Генеральный штаб и Наркомат обороны СССР не предвидели характера первоначального удара немецких армий во всем его объеме¹. Они не предполагали, что немецкое командование осуществит переход в наступление одновременно всеми силами, заранее развернутыми. Они не рассчитывали, что противник сможет сосредоточить такую массу танковых и моторизованных войск и бросит их в бой в первый же день войны мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения рассекающих сокрушительных ударов. По-моему, в этом проявилось плохое знание организации и военного искусства немецко-фашистской армии. Ведь именно такой метод ведения войны, хотя и меньших размеров, был применен ею в войне против Польши в 1939 г. и в войне против Франции в 1940 г.

Далее Г. К. Жуков указывает и на ошибки в расположении войск Белорусского и Киевского военных округов. Их расположение позволяло противнику уже в первые дни войны осуществлять глубокие охваты и окружения значительных группировок советских войск. Так были расположены войска обоих округов еще в 1939 и 1940 гг., и в их дислокацию не было внесено необходимых изменений и тогда, когда война с Германией стала реальностью, когда Жуков стал начальником Генерального штаба.

Для понимания событий того времени представляет интерес замечание Г. К. Жукова, что ошибки, допущенные политическим руководством, «не снимают ответственности с военного командования всех степеней за оплошности и просчеты... Войска и их

¹ См. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления М., 1969 С. 263

командиры в любой обстановке в соответствии с уставом должны всегда быть готовыми выполнить боевую задачу. Однако накануне войны, даже в ночь на 22 июня, в некоторых случаях командиры соединений и объединений, входивших в эшелон прикрытия границы, до самого последнего момента ждали указаний свыше и не держали части в надлежащей боевой готовности, хотя по ту сторону границы был уже слышен шум моторов и лязг гусениц¹. Нужно сказать, что здесь сработала установленная система жесткой централизации управления и бездумного подчинения, которая сковала инициативу командующих войсками и командиров частей, ограничила возможности выполнения ими своих обязанностей.

Верно и то, что внедрение нового оружия в производство происходило недопустимо медленно и что к началу войны его было мало в войсках. Причины этого были разные. Во-первых, руководящие работники Наркомата обороны СССР, выдвинутые на высокие посты после 1938 г., не понимали настоящей необходимости оснастить Советские Вооруженные Силы новейшей военной техникой и не могли правильно оценить тактико-технические свойства представленных на их рассмотрение новых образцов оружия. Заместители наркома обороны Г. И. Кулик, Л. З. Мехлис и Е. А. Щаденко, ответственные за оснащение Вооруженных Сил новой военной техникой, снимали с производства устаревшие образцы оружия, но подолгу не решались одобрять новые. Например, Г. И. Кулик доказывал, что автоматы не имеют никакого значения для ведения войны, что это — «оружие полиции». Руководство Наркомата обороны не имело твердого мнения о танках КВ и Т-34, хотя танки были приняты на вооружение, и из-за этого задержалось их промышленное производство. По тем же причинам сократилось производство пушечной артиллерии, новых пулеметов, недостаточно производилось противотанковой и зенитной артиллерии и других вооружений.

Во-вторых, уже в 1938 г. давали себя чувствовать бюрократические методы руководства промышленностью, вообще народным хозяйством. Нарушались требования объективных экономических законов, серьезные вопросы нередко решались субъективистски, волевыми решениями, без необходимого научного анализа и обоснования. Были репрессированы многие руководители промышленности, инженерно-технические кадры. (Возглавлявший оборонную промышленность Б. Л. Ванников писал свои предложения по организации военного производства — на период войны — находясь в тюрьме.) В результате во время, непосредственно предшествовавшее войне, резко замедлились темпы роста производства некоторых ведущих отраслей промышленности — электроэнергетической, металлургической, станкостроительной. Все это отрицательно сказалось на внедрении новых образцов оружия в производство и, как следствие, на темпах перевооружения. К этому необходимо добавить, что репрессиям подверга-

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. С. 262.

лись и некоторые ведущие конструкторы военной техники, например, А. Н. Туполев, С. П. Королев, И. Т. Клейменов, Г. Э. Лангемак, В. П. Глушко, П. И. Гороховский, Н. Н. Поликарпов, А. А. Архангельский, П. О. Сухой и другие. Так что морально-этическая атмосфера, созданная репрессиями 30-х годов, оказывала негативное влияние на область создания нового оружия, его внедрение в производство и в конечном счете на перевооружение Красной Армии. Еще предстоит выяснить размеры ущерба, причиненного культом личности нормальному развитию производительных сил и укреплению обороноспособности страны накануне войны, и усилий, которые затратил народ, чтобы возместить этот ущерб в войне.

Тем не менее значительного отставания в новом вооружении Красной Армии не было. Например, в западных приграничных округах имелось 1800 тяжелых и средних танков (из них новейших Т-34 и КВ—1475) против 1634 немецких средних танков (Т-III и Т-IV). В отечественной литературе при подсчете соотношения сил с немецкой стороны учитываются все танки (3582 танка и штурмовых орудия), развернутые к 22 июня 1941 г., включая и около 1700 танков устаревшей конструкции (Т-I, Т-II, чешский Т-38), а с нашей аналогичные танки не учитываются вовсе, хотя их производилось начиная с 1935 г. более 3 тысяч единиц в год и к началу войны они не были сняты с вооружения. Только с января 1939 г. по 22 июня 1941 г. Красная Армия получила более 7 тысяч танков. С боевыми самолетами дело обстояло хуже. Наше отставание в этой области выявилось у нас еще во время гражданской войны в Испании, но уравнивать положение удалось только в 1942—1943 гг. И все же войска приграничных военных округов, хотя они и уступали противнику по своей численности, располагали необходимыми возможностями для отражения его нападения уже в начале войны.

Время — объективная категория, и история дарит его всем с одинаковой щедростью. Выигрывает тот, кто способен рационально и эффективно использовать его.

Советскому политическому и военному руководству не удалось это сделать. Опоздание с приведением войск приграничных военных округов в боевую готовность и другие серьезные просчеты привели к тому, что уже в первый день войны 900 наших боевых самолетов были уничтожены на аэродромах, в 1941 г. противник захватил в плен 3,9 миллиона человек (к июню 1941 г. Советские Вооруженные Силы насчитывали в своем составе около 5 миллионов человек), огромное количество оружия всех видов, боеприпасов, продовольствия и другие припасы, сосредоточенные в западных районах страны. Советские войска вынуждены были оставить огромную, густонаселенную, развитую в промышленном и сельскохозяйственном отношении территорию — Прибалтийские республики, Белоруссию, Украину и западные области РСФСР. Значительных объективных причин для этого не было. Это был еще один акт трагедии, поставленной культом личности.

Выдержать такие военные потери, преодолеть их последствия и добиться решительной победы над блоком фашистских государств смог только советский народ. Как известно, Франция, понесшая гораздо меньшие военные потери, капитулировала в 1940 г. перед Германией.

ЕДИНОВЛАСТИЕ ИЛИ ЕДИНСТВО РУКОВОДСТВА?

Единовластие И. В. Сталина действительно установилось окончательно во второй половине 30-х годов. Уже тогда Сталин нарушал нормы партийной жизни, многие важнейшие решения партии и постановления правительства принимались по его указанию без достаточного коллективного обсуждения. Нарушалась внутрипартийная демократия. Во время войны съезды и конференции партии не созывались. В октябре 1941 г. члены ЦК ВКП(б) были вызваны на пленум. Однако пленум не состоялся, так как Сталин не захотел его проводить, сославшись на занятость руководством армией, да, по-видимому, и сказать ему на пленуме выгодного для себя было нечего. Только в 1944 г. собрался первый и единственный за всю войну Пленум ЦК партии. Но вопросы, непосредственно связанные с ведением войны, и экономические задачи, стоявшие перед страной, на нем не обсуждались. Не проводились выборы в Верховный Совет СССР и Верховные Советы республик. Были проведены только три сессии Верховного Совета СССР: в 1942, 1944 и 1945 гг.

В начале войны была учреждена Ставка Верховного Главнокомандования, в которую входили высшие руководители Вооруженных Сил и несколько членов Государственного Комитета Обороны. Но она так и не стала подлинно коллективным органом руководства вооруженной борьбой. Высшее военное руководство было полностью сосредоточено в руках Сталина, который одновременно с постом Верховного Главнокомандующего занимал посты наркома обороны СССР, Генерального секретаря ЦК партии, Председателя Совета Народных Комиссаров, Председателя Государственного Комитета Обороны. Такое сосредоточение власти в руках одного человека обеспечивало максимальную централизацию управления страной и Вооруженными Силами, но лишало его гибкости, так необходимой во время войны. На решение важных вопросов уходило много времени. Распределение обязанностей среди многочисленных заместителей Сталина (только по Наркомату обороны их было 16) не придавало четкости управлению, так как все они были исполнителями и ни одному из них не было дано права принимать окончательные решения по важным вопросам.

Директивы Ставки, как правило, не утверждались Ставкой и редко обсуждались ею; они утверждались Сталиным и скреплялись подписью начальника Генерального штаба.

Отказ Сталина от созыва высших руководящих органов партии и государства, от коллективного обсуждения политики и вы-

работки решений по вопросам ведения войны отрицательно влиял на боевые действия армии, да и на народное хозяйство. Это мешало полному проявлению инициативы партийных организаций, советских, хозяйственных и военных органов, отдельных людей. О том, как такой метод руководства повлиял на решение вопроса о приведении войск западных приграничных округов в боевую готовность, говорилось выше. Примером волевого решения была директива № 3 от 22 июня 1941 г., предписывавшая войскам первого стратегического эшелона перейти к контрнаступательным действиям и разгромить силы противника там, где они нарушили советскую границу. Это разительный пример принятия стратегического решения без знания обстановки на фронте, состояния наших войск и действий противника. Трагические последствия для советских войск под Киевом в 1941 г. имело запрещение Сталина нашим войскам оставлять столицу Украины, хотя ее уже невозможно было оборонять. В результате она была оставлена, но с большими и неоправданными потерями. Показательно в этом смысле также решение Сталина провести в летнюю кампанию 1942 г. несколько фронтовых наступательных операций, хотя для этого не было ни благоприятных стратегических условий, ни материальных предпосылок. Наступление наших войск на ленинградском направлении, в районе Демянска, не достигло цели и было остановлено. Наступление Крымского фронта также не имело успеха, войска перешли к обороне и затем были разгромлены противником на Керченском полуострове, а несколько позже полностью потеряны Крым. Успешно начавшаяся операция советских войск в районе Харькова завершилась тяжелым поражением почти трех армий Юго-Западного и Южного фронтов. Немецкие войска получили возможность развивать наступление на кавказском и сталинградском направлениях. На южном участке советского фронта сложилась критическая обстановка. Чтобы спасти положение, пришлось срочно принимать жесткие меры, включая и приказ № 227 от 28 июля 1942 г.

Только позже, начиная со Сталинградской битвы, характерным для Ставки стал метод разработки оперативно-стратегических планов и директив на основе предварительных соображений Генерального штаба и предложений военных советов фронтов. Большинство директив наркома обороны и Верховного Главнокомандования по вопросам военного строительства также готовилось Генеральным штабом, главными и центральными управлениями Наркомата обороны. Эти планы и директивы были в значительной мере плодом коллективного творчества, а не единоличного волевого решения. Условиями войны в некоторой степени смягчалась жесткость централизации управления и открывались определенные возможности для проявления инициативы коллективного творчества, а не единоличного волевого решения. Известно, что именно в период войны члены ЦК, советские военачальники взяли в свои руки некоторые участки деятельности в тылу и на фронте, самостоятельно принимали решения и своей организа-

торской, политической, хозяйственной и военной работой вместе с местными и партийными и советскими организациями обеспечивали победу советского народа в войне.

Отход Сталина от ленинских принципов руководства состоит в том, что В. И. Ленин рассматривал коллективное решение вопросов как высший принцип руководства. Ленин твердо придерживался такого подхода независимо от сложности обстановки, в которой оказывались партия и страна. В годы гражданской войны и иностранной интервенции, когда партия решала задачи защиты революции в более сложной обстановке, чем в Великой Отечественной войне, за три года войны состоялось три съезда партии и две партийные конференции, восемь Всероссийских съездов Советов, регулярно проводились заседания ЦК РКП(б), совещания Советского правительства и Совета Рабочей и Крестьянской Обороны, на которых принимались коллективные решения по всем важнейшим вопросам ведения войны, хозяйственной и партийной работы, внешней и внутренней политики. Главнокомандование Красной Армии находилось под контролем ЦК партии и Советского правительства, Ленина, но никогда не подменялось ими.

АВТОРИТЕТ ВОЖДЯ И ПРАВДА ИСТОРИИ

Известно давно, что если бы истина лежала на поверхности, то не нужно было бы никакой науки. Познание истины — сложный и трудный процесс. Открыть истину в общественных науках, включая и историю, — это требует огромного труда, способности в процессе исследования явлений и событий увидеть истинное, а не кажущееся истинным. Высказать это публично и, более того, защитить — требует еще и проявления силы воли и мужества. В особенности когда приходится преодолевать сложившиеся стереотипы в понимании политических и общественных отношений. Исследователю нередко приходится отказываться от своих убеждений, сложившихся у него в процессе обучения и воспитания, опыта работы и жизни или под влиянием определенных кругов, заинтересованных в выгодном для них истолковании исторических событий и явлений, и при этом выслушивать упреки («когда ему можно верить?») и обвинения в конъюнктурщине и т. д. Об этом убедительно свидетельствует и отношение к феномену культа личности И. В. Сталина. Нам не следует забывать, что большинство людей, в особенности старшие поколения, воспитывались и формировали свое мировоззрение под могучим влиянием этого культа и его последствий. Но одни находят мужество понять антисоциалистическую, мелкобуржуазную сущность этого явления и дать ему соответствующую оценку, даже переменяя свои взгляды, другие предпочитают оставаться в плену прежних своих представлений и чествуют тех, кто пересматривает свои взгляды. Это относится и к историкам, и к писателям, и вообще к людям.

Наши противники внимательно следят за нашими делами и зорко подмечают все, что у нас плохо, чтобы использовать это в борьбе против социализма. Факт написания истории многих периодов под давлением, в особенности советского, отрицать нельзя. Оно осуществлялось в различных формах — идеологических, моральных, методологических, административных и репрессивных. Оно начало осуществляться еще в 30-е годы. Начало ему положила «борьба» против школы Покровского, в полном виде она развернулась после выхода в свет «Истории ВКП(б). Краткий курс». Именно в то время для насаждения культа личности И. В. Сталина активно использовались и средства исторической науки. Путем искажения исторических событий была создана концепция двух равных создателей и вождей Коммунистической партии — Ленина и Сталина. Сталин был представлен как единственный организатор и руководитель побед на фронтах гражданской войны и «великий полководец», основоположник марксизма-ленинизма наравне с Марксом, Энгельсом и Лениным. Все наиболее яркие достижения советского военного искусства, победы на фронтах гражданской и Великой Отечественной войн, все лучшие творения нашей военно-научной мысли, являвшиеся результатом труда и жертв многих людей, коллективных усилий, преподносились как результат творческого «гения» Сталина. Историческими средствами «доказывалось», что контрнаступление есть «особый вид наступления», что миролюбивые государства обычно бывают менее подготовленными к войне, чем агрессивные, и, таким образом, представлялись поражения, оборона и отступление Красной Армии до Ленинграда, Москвы, Волги и Кавказа как закономерные и даже неизбежные явления. Тот же, кто был убежден в другом, не мог высказать свою точку зрения, его бы просто не опубликовали и вдобавок к тому еще и сурово наказали.

Решения XX съезда КПСС и начавшаяся перестройка изменили условия для творческой разработки истории социалистического общества. К сожалению, продолжавшийся почти два десятилетия период застоя в развитии социализма в нашей стране ограничил возможности творческого развития исторической науки. Методы давления на историков не только не были устранены, но и нередко применялись. Застой не нуждался в правдивом освещении исторических событий и явлений, оно мешало парадности и самолюбованию, кичливости успехами и достижениями. Из наследства недавнего прошлого в методологии исторической науки сохранялось как раз то, отказаться от чего призывали решения XX и XXII съездов партии. Был снова ограничен доступ исследователей к архивам и другим источникам. Была вновь принята «на вооружение» концепция «выгодной» и «невыгодной» правды. В одной из бесед в 1966 г. со мной в присутствии бывшего главного редактора «Военно-исторического журнала» генерала Н. Г. Павленко начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал А. А. Епишев выразил эту концепцию следующим образом: «Там, в «Новом мире», говорят, подавай им

черный хлеб правды, а на кой черт она нам нужна, если она невыгодна». Практически это нашло выражение в том, что «Военно-историческому журналу» Главпуrom было запрещено сообщать о причинах смерти реабилитированных военачальников, репрессированных в 1937—1938 гг. и другое время.

Начавшаяся в последние годы перестройка требует разработки научной истории социализма, более глубокого изучения закономерностей его развития. Суровые уроки правды, преподанные XXVII съездом КПСС, оживили общественный интерес к нашему прошлому.

У ПОРОГА ВОЙНЫ

23 августа... В этот день 1939 г., 49 лет назад, СССР и Германия подписали пакт о ненападении. Не очень радостный юбилей и не очень круглая дата, но они дают основание поговорить о внешней политике Советского государства в те годы. Об этом — беседа с доктором исторических наук, ветераном Великой Отечественной войны В. М. Кулишом.

— *В последнее время с исторической карты нашей страны постепенно начинают стираться «белые пятна», но все равно их еще хватает. Одним из пробелов является внешняя политика СССР в предвоенный период.*

— Часто высказывается такое мнение, что в 30-е годы были подготовлены условия для нашей победы в войне. Это верно. Страна сделала много для обеспечения своей безопасности: создана мощная индустрия, развито машиностроение, развита оборонная промышленность, развернуты вооруженные силы, накоплены материальные запасы, советские люди воспитаны в духе советского патриотизма, любви к своей Родине и готовности встать на ее защиту. Но, к сожалению, в те же годы сложились и серьезные предпосылки поражения Красной Армии в первый период войны, трагическое для страны развитие военных событий. После XX съезда партии в нашей литературе принято ссылаться на то, что причины неудач Красной Армии лежат в просчете И. В. Сталина в определении срока нападения фашистской Германии на СССР. Да, просчет был, но что это — случайная ошибка? Или, может быть, всего лишь звено в цепи ошибок? Какова роль нашей внешней политики в этом, ведь ее важнейшая задача — создать наиболее благоприятные внешние условия для обеспечения безопасности страны?

Давайте поразмышляем.

30-е годы, в особенности вторая их половина. Приход фашизма к власти в Германии. Япония предпринимает агрессивную войну на Дальнем Востоке, Италия — в Северной Африке. Январь 1934 г. — доклад Сталина на XVII съезде партии, где он говорит о том, что обстановка обострилась, на первый план выдвигаются партии воинствующего империализма, партии войны и реванша,

что дело явным образом идет к новой войне. Слова вроде бы правильные, но это всего лишь констатация фактов, а имела ли место более углубленная оценка создавшегося в мире положения и какие были сделаны выводы о том, как мы должны действовать, чтобы обеспечить надежность нашей безопасности?

По этим вопросам в 30-е годы произошло размежевание в руководстве партии и страны. Господствовавшая группа политических и военных деятелей — И. В. Сталин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов, Л. М. Каганович, Г. М. Маленков, С. М. Буденный, Л. З. Мехлис — исходила из тезиса, что капиталистическое окружение сплошь враждебно Советскому Союзу, рассматривала фашизм как одну из разновидностей империализма, а сложные процессы в буржуазных странах и социал-реформистском движении однозначно оценивались как фашизация. Опасность фашизма, прежде всего германского, его военная угроза Советскому Союзу, а также странам буржуазной демократии недооценивалась. В докладе на XVII съезде партии Сталин говорил: «...мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной». Вместе с тем переоценивалась революционность рабочего класса капиталистических стран. Каждое более или менее значительное событие в классово-вой борьбе расценивалось как симптом революционного кризиса. По аналогии с первой мировой войной считалось, что новая мировая война будет способствовать созданию революционной ситуации в капиталистических странах.

В том же докладе на XVII съезде Сталин говорил, что война «наверняка развяжет революцию» и поставит под вопрос само существование капитализма в ряде стран, как это имело место в ходе первой империалистической войны. ...И пусть не пеняют на нас господа буржуа, если они на другой день после такой войны недосчитаются некоторых близких им правительств, ныне благополучно царствующих «милостью божией». Последняя фраза вызвала гром аплодисментов. Мысль о том, что, боясь революций, империалисты не пойдут на развязывание мировой войны, была повторена и в 1939 г. на XVIII съезде партии. Из этого, в свою очередь, делались уже самые различные выводы — в отношении и внешней политики, и определения характера будущей войны. Например, С. М. Буденный еще в 1929 г. выдвинул такой тезис: «Основным стержнем в нашей войне с кольцом буржуазных государств будет стремление превратить войну СССР, как государства, в войну гражданскую между всемирным пролетариатом и мировой буржуазией» (подчеркнуто автором).

Другое направление в политическом и военном мышлении представляли Н. И. Бухарин, М. М. Литвинов, М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич, А. И. Егоров и другие. Н. И. Бухарин сформулировал тезис о том, что фашизм в Германии — это качественно новое политическое явление в системе империализма. В речи на

XVII съезде партии он заявил, что фашистская идеология проповедует «открытый разбой», «открытую скотскую философию» и «поножовщину», что практикуется в самой Германии. Антибольшевизм Гитлера, его требование жизненного пространства для Германии за счет России и призыв «разбить» Советское государство выражают предельно ясно его внешнеполитические намерения. В этом же выступлении Бухарин сказал, что фашизм противопоставил себя умеренным буржуазным демократиям и только в союзе с ними можно предотвратить фашистскую агрессию. В ряде своих статей в газете «Известия» в 1934—1936 гг. он настойчиво проводил мысль о неизбежности немецко-фашистской агрессии против Советского Союза и «политики безопасности», проводимой Советским Союзом вместе с государствами буржуазной демократии.

Но фактическая власть в стране была у первой группы, она определяла внешнеполитическую деятельность. Вот несколько примеров. Уборевич представил наркому обороны Ворошилову доклад, в котором показал военную опасность со стороны Германии Советскому Союзу. На этом докладе Ворошилов начертал: «Чепуха!» В докладе в Наркомате обороны в 1936 г. Тухачевский на основе исследований наращивания военной мощи Германии, развертывания ее военной промышленности и вооруженных сил делал вывод, что Германия может развязать войну в 1939—1940 гг. в Европе, что будет нападение на СССР и что опасность эта существует не только для Советского Союза, но и для Англии и Франции. Он также делал вывод о необходимости заключения новой Антанты против фашистской Германии. Это усилило неприязнь Сталина к Тухачевскому, Уборевичу и другим, а может быть, и ускорило расправу с ними.

— *Но ведь в тридцатых годах все же предпринимались шаги — и немаловажные — для создания системы коллективной безопасности в Европе.*

— Да. В этом нашло отражение то, что международная обстановка того времени создавала возможности для различных вариантов проведения внешней политики Советского Союза, находящихся в широком диапазоне — от открытой, последовательной и решительной борьбы против фашистских и других агрессоров до сближения с ними. Такие возможности нашли отражение и в показанных мною различиях внешнеполитического мышления советских руководителей, и в практической внешней политике Советского государства. В декабре 1933 г. ЦК ВКП(б) принял постановление о развертывании борьбы за создание эффективной системы коллективной безопасности в Европе в целях сохранения мира и предотвращения агрессии. В соответствии с этим постановлением Наркоминдел разработал план создания такой системы. План был одобрен Политбюро ЦК ВКП(б). В 1934 г. СССР вступил в Лигу Наций, в 1935 г. был заключен договор с Францией о взаимной помощи против возможного нападения агрессора, в том же году — аналогичный договор с Чехословакией, в мар-

те 1936 г. — договор с Монгольской Народной Республикой о взаимной помощи, в августе 1937 г. — договор о ненападении между СССР и Китаем.

VII конгресс Коминтерна (июль — август 1935 г.) своим решением поставил в центр политики всех коммунистических партий общедемократические, гуманистические цели сохранения мира, отпора фашизму, борьбы за создание единого рабочего и широкого народного фронта, за свержение фашистских диктатур и установление режимов народного фронта или подобных им антифашистско-демократических режимов. Политика Коминтерна, как и новейшая политика создания системы коллективной безопасности, была направлена на обеспечение сотрудничества, совместных действий всех революционных, демократических и антивоенных сил в борьбе за сохранение мира, укрепление международной безопасности и социальный прогресс.

Но это было в первой половине 30-х годов, когда культ личности Сталина и связанная с ним административно-командная система управления только набирали силу, когда еще в какой-то мере существовали демократия и гласность в нашей стране. Позже здравая внешнеполитическая линия Советского правительства сменилась, все больше укреплялся курс на сближение с фашистской Германией. Конечно, этому послужил и мюнхенский сговор 1938 г. Англии и Франции, с одной стороны, и Германии и Италии — с другой, в результате которого Чехословакия была отдана на растерзание Германии и поощрялись агрессивная политика германского фашизма, а также то, что эта агрессия усилиями правительств Англии, Франции (да и США) канализировалась на восток, против Советского Союза. Но главную роль, конечно, сыграла позиция Сталина в отношении фашизма, провозглашенная открыто на XVII съезде партии. Став единовластным правителем, он ее реализовал через внешнюю политику Советского государства.

— *Есть еще одна позиция, которая нуждается в разъяснении. Выступая на сессии Верховного Совета 31 мая 1939 г., Ворошилов заявил, что Советское правительство приняло предложение Англии и Франции открыть переговоры с целью укрепления отношений между этими тремя странами и организации фронта мира против дальнейшей агрессии. Иными словами — против гитлеровской Германии. 11 августа в Москву прибыли английская и французская военные миссии. Однако их руководители не имели мандатов на подписание договора, переговоры непрерывно буксовали и в результате окончились ничем.*

Возникает вопрос: почему Англия и Франция, прекрасно понимая военную опасность со стороны Германии, тем не менее всячески увиливали от того, чтобы заключить союз с СССР и таким образом создать прочный заслон перед Гитлером?

— Вопрос закономерен. Эти переговоры отражали важнейшие тенденции в мировой политике более конкретно, возможность создания антифашистского фронта и системы коллективной безопас-

ности в Европе. Союз СССР, Англии и Франции (а к последним примыкали еще Нидерланды и Бельгия, бывшие тогда довольно обширными колониальными империями) создал бы громадное превосходство его сил над Германией, и, по-видимому, даже такой авантюрист, как Гитлер, не решился бы начать войну в подобных условиях. Идею такого союза высказал М. Н. Тухачевский вскоре после прихода фашизма к власти в Германии. Но этого не случилось. В чем же дело?

Дело в том, что, как я уже отметил, политика правительств Англии и Франции в этом вопросе не была последовательной. Они не хотели связывать себя конкретными обязательствами действий против Германии, если последняя нападет на Советский Союз, но настаивали на том, чтобы такие обязательства взял на себя Советский Союз в случае войны Германии против них. К тому же правительство Польши отказывалось пропустить Красную Армию через свою территорию в случае войны против Германии. На переговорах предстояло еще долго и упорно торговаться.

Немалое воздействие на ход переговоров оказало и то, что политика репрессий привела к ослаблению нашей страны. Ведь репрессиям подверглись экономисты, научная и техническая интеллигенция, руководители сельского хозяйства, политические деятели, дипломаты, военные руководители, писатели и другие работники культуры, многие простые труженики. Были репрессированы миллионы людей. А ни одно государство, как известно, не может рисковать, заключая договор о совместных действиях — тем более в войне — с заведомо ослабленным партнером.

Нужно иметь в виду и другое: сталинское руководство СССР считало, что Англия и Франция окажутся не по зубам Гитлеру, и не очень-то стремилось к союзу с ними, заняло выжидательную позицию. Как-то в разговоре уже после войны Ворошилов сказал: «Мы все-таки думали, что если Германия нападет на Англию и Францию, то она там завязнет надолго. Поди ж ты, знай, что Франция развалится за две недели!» Кроме того, к 1939 г. были устранены из нашего руководства все сторонники линии на союз с Англией и Францией против Германии и на создание системы коллективной безопасности. В мае 1939 г. последним был снят с поста наркома иностранных дел М. М. Литвинов и заменен В. М. Молотовым.

Когда в Москве велись советско-франко-английские переговоры, Гитлер 20 августа 1939 г. направил Сталину телеграмму, в которой говорилось, что в отношениях Германии и Польши «может каждый день разразиться кризис»¹, в который будет вовлечен и Советский Союз, если он безотлагательно не согласится на заключение с Германией договора о ненападении. Гитлер писал: «Поэтому я еще раз предлагаю Вам принять моего министра иностранных дел во вторник 22 августа, самое позднее — в среду 23 августа. Имперский министр будет облечен всеми чрезвычай-

¹ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 2. С. 282.

ными полномочиями для составления и подписания пакта о ненападении». Такое предложение, хотя оно было составлено в ультимативной форме, совпадало с намерениями Сталина и в какой-то мере соответствовало его оценке фашизма еще на XVII съезде партии. И, несмотря на то что английские и французские представители все еще сидели в Москве, советское руководство приняло Риббентропа и договор о ненападении был подписан.

— Судя по всему, с этого момента изменение курса Сталина в сторону Германии стало очевидным. Во время визита Риббентропа он произнес тост: «Поскольку немецкий народ так любит своего фюрера, выпьем за здоровье фюрера». А официально эту новую линию обнародовал Молотов, заявив 31 августа на сессии Верховного Совета: «Вчера еще фашисты Германии проводили в отношении СССР враждебную нам внешнюю политику. Да, вчера еще в области внешних отношений мы были врагами. Сегодня, однако, обстановка изменилась и мы перестали быть врагами». Через несколько часов немцы вторглись в Польшу.

— Тогда же, в августе, было намечено, что находящиеся под властью Польши западные области Украины и Белоруссии должны отойти к Советскому Союзу...

—...И так оно и произошло. 17 сентября Молотов заявил по радио о внутренней несостоятельности польского государства и о том, что «...Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии». Красная Армия выполнила приказ и в короткие сроки заняла обширные территории к западу от границы. Немецкие войска в это же время продвигались с запада на восток.

А 28 сентября в Москве был подписан договор о дружбе и границе между СССР и Германией.

— В этот период был сделан еще ряд заявлений. Так, 17 сентября СССР заявил о нейтралитете в войне, а 19 сентября было опубликовано советско-германское коммюнике, в котором говорилось, что перед советскими и германскими войсками поставлена задача «восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом польского государства». Заявляем о нейтралитете и тут же, буквально через два дня, объявляем себя союзниками Германии в отношении поверженной Польши для наведения там порядка. А 31 октября, выступая на сессии Верховного Совета с обоснованием необходимости договора о дружбе и границе, Молотов дал германскому фашизму совершенно иную характеристику, нежели прежде.

— Я позволю себе процитировать. Сначала Молотов сказал о том, что «оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем — Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора». Затем он заявил: «Идеологию гитлеризма... можно признавать или отрицать... Но любой человек поймет, что идео-

логию нельзя уничтожить силой... Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за «уничтожение гитлеризма», прикрываемая фальшивым флагом борьбы за «демократию». Кстати, в этой же речи Молотов радикально переставил прежние политические акценты, сказав: «Теперь... Германия находится в положении государства, стремящегося... к миру, а Англия и Франция... стоят... против заключения мира». Таким образом, агрессором оказался не Гитлер, а Англия и Франция...

— Заявление Советского и германского правительств на эту тему было опубликовано еще 29 сентября в связи с подписанием договора о дружбе и границе. Оно содержало призыв к прекращению войны между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой стороны. «Если, однако,— говорилось там,— эти усилия... останутся безуспешными, то, таким образом, будет установлен факт, что Англия и Франция несут ответственность за продолжение войны, причем в случае продолжения войны Правительства Германии и СССР будут консультироваться друг с другом о необходимых мерах». А Риббентроп перед отъездом из Москвы заявил корреспонденту ТАСС, что если в Англии и Франции «возьмут верх поджигатели войны, то Германия и СССР будут знать, как ответить на это».

— Что же, выходит, Сталин не исключал возможности вступления в войну на стороне Гитлера?

— Этого никто не знает. Но я не думаю, что Сталин намеревался идти так далеко. Одно дело — сближение с Германией в интересах осуществления своей политики, а совершенно другое — военный союз с фашизмом. Он отдавал себе отчет в том, что такой союз для него невозможен по политическим, идеологическим и военно-стратегическим причинам.

— Но ведь Сталин в декабре тридцать девятого заявил о том, что крепла «дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью». А что же Гитлер, насколько искренне он относился к этому сближению?

— Это высказано Сталиным в его стиле: говорить не то, что он думает. Став фактически диктатором, Сталин в области внешнеполитической деятельности руководствовался не столько научными оценками международной обстановки и тенденций ее развития, высказанными советскими политическими и военными деятелями, учеными-международниками, военными теоретиками, многие из которых были репрессированы, а их труды изъяты из пользования, а стремлением подчинить своей воле развитие международных процессов, «сыграв» на противоречиях империализма. Этим можно объяснить сближение СССР с фашистской Германией в конце 30-х годов, которое вопиюще противоречило советской политике создания коллективной безопасности в Европе. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков говорил относительно политики Сталина, что «вначале у него (Сталина.— В. К.) была уверенность, что именно он обведет Гитлера вокруг пальца в результате заклю-

чения пакта. Хотя потом все вышло как раз наоборот»¹. В таком же духе высказывался и Маршал Советского Союза А. М. Василевский².

Гитлер выступал 23 ноября 1939 г. с речью перед руководителями вермахта, в которой охарактеризовал нашу страну как ослабленное внутренними процессами государство, которое не представляло для Германии серьезной военной опасности. Договор с СССР о ненападении он отнес к разряду договоров «перестраховки», который, по его мнению, будет соблюдаться его участниками до тех пор, пока он целесообразен. «Фактом,— сказал он,— остается, что русские вооруженные силы в настоящее время имеют низкую боеспособность. В ближайшие один или два года сохранится нынешнее положение». При этом добавил: «Мы сможем выступить против России лишь после того, как освободимся на Западе». Тем не менее «перестраховочный» договор в значительной мере способствовал избавлению фашистской Германии от «кошмара» войны на два фронта в 1939—1941 гг. В 1940 г. Гитлер направил главные силы — около 135 дивизий — против Англии, Франции, Нидерландов и Бельгии, а на границе с Советским Союзом оставил четыре пехотные дивизии и шесть дивизий охраны тылов. В 1941 г. он бросил против Советского Союза основные силы, оставив в Западной Европе лишь оккупационные войска. В принятии таких решений сыграли свою роль и неудачи наших войск в войне против Финляндии.

— *Кстати, как вы оцениваете финскую кампанию?*

— Этот вопрос надо еще изучить. Во всяком случае, оправдать ее невозможно.

Но, с другой стороны, нет плохого без хорошего. Война с Финляндией показала не только Гитлеру, но и Сталину слабость нашей военной системы. До этого Сталин не думал, что проведенные им репрессии подорвут армию до такой степени, что она даже не сможет быстро справиться с маленькой страной. После войны были приняты решительные меры по реорганизации, перевооружению и боевой подготовке Красной Армии.

Все это дает основания сделать вывод, что внешняя политика сталинского руководства во второй половине 30-х годов не решала своей главной задачи — обеспечить безопасность Советского Союза. Более того, она позволила Германии как можно скорее решить свои «задачи» в Европе и подготовиться для нападения на Советский Союз.

— *А как же быть с тезисом о том, что внешняя политика Сталина, в частности договор о ненападении, помогла отсрочить нападение Германии на полтора года?*

— Эта отсрочка — не заслуга договора. Германское руководство осуществляло свой план войны в Европе: сначала разгромить Польшу, оккупировать или включить в свою коалицию государства

¹ Маршал Жуков: каким мы его помним М., 1988. С. 98

² См.: Знамя. 1988. № 5. С. 83.

Северной, Южной и Юго-Восточной Европы, разделаться с Францией и по возможности с Англией, «освободиться» на Западе, укрепить союз с Италией и Японией. Для этого и потребовались полтора года. Предпринять нападение на Советский Союз осенью 1939 г., когда Германия имела около 110 дивизий, из которых более 43 дивизий были развернуты на Западе, было бы авантюрой, хотя Гитлер и считал Советский Союз ослабленным. В ходе войны были развернуты немецкие вооруженные силы. К началу войны против СССР германская армия имела в своем составе 208 дивизий, из которых 152 были брошены против нашей страны. Судите сами, кому на пользу была эта «отсрочка». Ведь главное требование при заключении любого договора — это обеспечение гарантий его выполнения. А советская сторона не приняла мер к тому, чтобы гарантировать «ненападение» фашистской Германии.

— Известно, что Сталина предупреждали о готовящемся нападении Германии, называли сроки. Даже германский посол в СССР граф Шуленбург откровенно сообщил, что скоро начнется война. Неужели Сталин не верил в это?

— Сталин имел подробнейшую информацию и о подготовке фашистской Германией нападения на СССР, и о сроках его начала, да и о силах агрессии. И в то же время он словно специально закрывал глаза на реальности, утверждая, что Гитлер не пойдет на нарушение договора. Сталин прямо говорил, что разведчикам нашим верить нельзя, и за короткий срок — с 1936 по 1940 г. — пять начальников Главного разведывательного управления Генерального штаба были репрессированы и расстреляны: С. П. Урицкий, Я. К. Берзин, С. Г. Гендин, А. Г. Орлов, И. И. Проскуров. Именно за то, что давали «неудобную» ему информацию о том, что готовится нападение. В июле 1940 г. этот пост занял Ф. И. Голиков, который уже писал так, как Сталину хотелось: нет, летом 1941 г. Германия на Советский Союз не нападет. Мне кажется, здесь — не столько неверие Сталина, сколько его нежелание верить в то, что должно случиться. И это нежелание было вызвано еще тем, что он осознал неготовность страны к войне против Германии. Сравните: с одной стороны, наши неудачи в Финляндии, а с другой — молниеносное поражение Германией Франции, которая считалась наиболее авторитетной военной державой со времен первой мировой войны. Было чего бояться!

Зато, не желая прислушиваться к своим, Сталин позволял убаюкивать себя врагам. В 1941 г. он направил Гитлеру конфиденциальное письмо, где поставил вопрос о военных приготовлениях Германии вблизи наших границ. В ответ Гитлер заверил его честью рейхсканцлера, что его страна не готовит нападения на СССР. А то, что войска отведены в Восточную Европу, близко к границам СССР, Гитлер объяснил необходимостью подготовить их к вторжению в Англию вне досягаемости английской авиации. И это — около 130 дивизий! Сказочка для детей...

Видимо, в глубине души понимая это, Сталин делал все, чтобы никоим образом не спровоцировать нападение, чтобы Гитлер не

заподозрил нас в желании нарушить договор. Реорганизация и перевооружение нашей армии, активно предпринятые в 1940 г., были не закончены; из-за всяких проволочек, плохой организации, бюрократических методов управления промышленность работала плохо, не давала нужного количества оружия. Кроме того, не было, как таковой, военной доктрины. Та, которая была сформулирована в 20-х годах (над ней много работал Фрунзе), фактически не пересматривалась. Были выдвинуты лишь тезисы о том, что мы будем вести войну на чужой территории, малой кровью и превратим ее в войну гражданскую — мирового пролетариата с мировой буржуазией.

Из-за того, что мы готовились воевать на чужой территории, больше половины наших запасов — оружия, боеприпасов, обмундирования, техники, горючего — было складировано вблизи границы. И за первую неделю войны 25 тысяч вагонов боеприпасов (30 процентов всех запасов), 50 процентов всех запасов горючего и продфуража было либо уничтожено, либо захвачено противником. Вот наглядные последствия близорукой политики.

Боясь спровоцировать нападение Германии, Сталин делал труднообъяснимые шаги. Так, по требованию немцев было дано официальное разрешение на «розыск могил» немецких солдат, погибших в первую мировую войну и захороненных на нашей территории. И вот на всех направлениях — от Балтийского моря и почти до Черного — по тылам наших войск ходили группы немецких разведчиков под видом «розыска могил». Второй факт. Немецкая авиация свободно нарушала наше воздушное пространство, углублялась на большие расстояния в глубь советской территории и активно вела разведку, причем сбивать немецкие разведсамолеты нашим войскам ПВО было категорически запрещено. Более того, когда немецкие самолеты из-за поломок бывали вынуждены садиться на наши аэродромы, их ремонтировали, заправляли горючим и с миром отправляли домой. До самого последнего момента — 3 часов утра 22 июня 1941 г. — наши эшелоны с хлебом, рудой и т. д., согласно договору, регулярно отправлялись в Германию, хотя Германия еще с начала 1941 г. прекратила ответные поставки нам, особенно машин и станков. Немцы показывали нашим приемщикам готовые станки, те их принимали, но до нас эти станки не доходили.

— Однако мы с вами зашли уже в лето сорок первого, а круг нашего разговора очерчен предвоенным периодом. Поэтому я хотел бы вернуться в 1939 год и вспомнить еще один безнравственный сталинско-гитлеровский документ — соглашение о взаимной репатриации, подписанное осенью того же года. В соответствии с ним Германии было выдано множество немецких патриотов и коммунистов. Вот случай, рассказанный мне недавно одним из наших историков — В. И. Дашичевым. В 1937 г. в СССР вместе со своей женой приехал Нойман — член Политбюро Германской компартии, второй человек в ГКП после Эрнста Тельмана. Сразу же по приезде в Москву он бесследно исчез, очевидно был рас-

стрелян, а его жена была брошена в лагерь. В 1940 г. в соответствии с соглашением о репатриации эта женщина была переправлена в Германию и из советского лагеря напрямую попала в фашистский концлагерь. Кстати, приехав в СССР, за решеткой или расстрелянными оказались и многие болгарские, польские коммунисты.

— Да, многие коммунисты, принадлежавшие к руководству компартий, которые находились в Москве, в Коминтерне, были репрессированы. Например, совершенно без всяких оснований — как «ревизионистская» — была распущена Компартия Польши. Много погибло людей...

Всех репрессированных не перечислить — это не один и не два, это десятки, сотни, тысячи людей. Такая же участь, например, постигла Бела Куна, был расстрелян один из создателей Болгарской компартии — Х. Раковский.

Еще одна непростительная ошибка Сталина — это его линия на то, что основной противник коммунистов — социал-демократы. Она разъединила рабочий класс, ослабила его, все антивоенные и антифашистские силы.

— Мне хотелось бы вспомнить в этой связи опубликованное в журнале «Дружба народов» письмо известного советского публициста Эрнста Генри писателю Илье Эренбургу. Вспомнив, как еще в 1924 г. Сталин призвал к смертельному бою с социал-демократией, он писал: «Слова Сталина были таким же приказом Коминтерну, как его указания Красной Армии или НКВД. Они разделили рабочих друг от друга как бы баррикадой... Старые социал-демократические рабочие повсюду были не только оскорблены до глубины души, они были разъярены. Этого коммунистам они не простили. А коммунисты, стиснув зубы, выполняли приказ «о смертном бое»... Везде, как будто снятив с ума, социал-демократы и коммунисты неистовствовали друг против друга на глазах у фашистов. Я... никогда не забуду, как сжимали кулаки старые товарищи... как теория социал-фашизма месяц за месяцем, неделя за неделей прокладывает дорогу Гитлеру... Отказался Сталин от теории социал-фашизма только в 1935 г., но было уже поздно... Укрепив свой тыл в Германии и во всей Западной Европе, со злорадством наблюдая, как антифашисты грызли друг друга глотки, Гитлер мог начать войну. И он ее начал. Его фронт и тыл были усилены политикой «советского Макиавелли». Вместо того чтобы накануне решающей исторической схватки объединять и собирать, Сталин разъединял, дробил, отпугивал»¹.

Скажите, Василий Михайлович, как все это объяснить? Ведь создается впечатление, что Сталин и его режим целенаправленно разрушали и подрывали страну — ее экономику, науку, культуру, безопасность. Они добрались даже до международного коммунистического и рабочего движения, дискредитировали сами идеалы коммунизма!

¹ См.: Дружба народов. 1988. № 3. С. 234.

— Для нормального человека это совершенно необъяснимо. Вот, читаю из доклада Сталина на XVIII съезде партии: «В своей внешней политике Советский Союз опирается... на свою растущую хозяйственную, политическую и культурную мощь...» И в то же время уничтожаются хозяйственники, инженеры, техники, ученые, работники культуры, подрывается названная им мощь. Дальше: «...на морально-политическое единство нашего советского общества...» Сталин сделал нормой общественных отношений всеобщую подозрительность, доноительство, добивался того, чтобы каждый видел в другом потенциального врага народа, шпиона и саботажника. Какое тут могло быть «морально-политическое единство»? «...На дружбу наших народов страны...» Уничтожение целого ряда руководителей автономных и союзных республик, переселение целых народов, зачисление их в разряд предателей — сразу, скопом... Дальше: «...на свою Красную Армию и Военно-Морской Флот». Около 40 тысяч командиров было репрессировано в 1937—1938 гг. — около 37 тысяч в армии и 3 тысячи во флоте. Могло это укреплять вооруженные силы? Для того чтобы подготовить майора Генерального штаба, нужно потратить как минимум 10—12 лет. А командарма? 20 лет. А их почти всех уничтожили. Ведь даже Жуков в начале войны по своей подготовке никак не равнялся Тухачевскому или Егорову. Опирались «на моральную поддержку трудящихся всех стран... на благоразумие тех стран, которые не заинтересованы... в нарушении мира». Договоры с Германией 1939 г. поставили Советский Союз в положение изоляции со стороны других стран, дезориентировали коммунистические партии капиталистических стран, трудящихся всех стран, были использованы реакционными силами для усиления антисоветских и антисоциалистических настроений в своих странах.

Ставка вроде бы делается на моральную поддержку всех народов, и в то же время подрывается авторитет коммунистов в других странах, проводится политика против социал-демократов. Сталин бросает призыв: «...соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками...» Меры, направленные на соблюдение договора о ненападении, не могли не спровоцировать нападение Германии. Страна была поставлена в тяжелые условия ведения войны. На нее была свалена вся тяжесть войны против фашистского блока, и Англия, Франция и США «загребали жар» нашими руками. Казалось бы, этот человек должен был делать все, чтобы укрепить наше государство, его безопасность. И на словах все действительно было замечательно. А на практике все делалось наоборот. Как объяснить все это? Будучи в здравом уме, — никак. А если все же искать какое-то объяснение, то оно, я думаю, лежит в узурпации власти, в маниакальном стремлении сохранить свое единовластие, отсутствии контроля и критики деятельности высшего партийного и советского руководства.

— И последний вопрос. Сейчас в адрес историков, писателей, журналистов нередко раздаются такого рода упреки: занимаются

очернительством, перечеркивают все наше прошлое, словно в истории у нас нет ни одного светлого пятнышка. Как вы относитесь к такой позиции?

— Как видите, я постарался показать, что наша внешняя политика в 30-е годы имела разные стороны. Одно время был взят правильный курс на создание системы коллективной безопасности... Но что же можем сделать мы, историки, если потом все это было повернуто в другую сторону и привело к тем трагедиям, которые мы пережили в первые годы войны! Огромные затраты, человеческие жертвы... При чем же тут очернительство? Задача исследователя заключается в том, чтобы рассматривать процесс таким, каким он был, а не таким, каким его хотелось бы видеть, и не заниматься взвешиванием: что перевесит в нем — положительное или отрицательное, и «выравниванием» их в пользу украшения. Исследование не должно быть апологетическим, оно должно быть правдивым. И этим мы не обидим тех людей, которые погибли и сражались на фронте, которые героически трудились в тылу. Они-то и выручили страну, они своей грудью заслонили ее.

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

К опыту и итогам второй мировой войны, ее центрального события — Великой Отечественной войны — люди обращаются вновь и вновь. И это определяется не только тем, что разгром фашистского блока государств привел к образованию новой мировой структуры. Наиболее далеко идущим ее влиянием является вызванное войной ускорение мирового прогресса, закономерность которого проявилась прежде всего в форме образования мировой социалистической системы. Вторая мировая война ослабила империализм, его способность противостоять национальным и интернациональным силам прогресса в ряде стран и тем облегчила достижение победы многих социальных революций. Война ослабила мировые империи, привела к поражению новых претендентов на мировое господство — фашистской Германии и милитаристской Японии — и тем создала благоприятные условия для победоносного развития национально-освободительной борьбы народов колониальных и зависимых стран. В короткий исторический срок колониальная система империализма полностью была разрушена, народы многих стран Азии, Африки и Латинской Америки освободились от колониальной зависимости и встали на путь самостоятельного развития.

Ведущая революционизирующая роль в свершении этого прогресса принадлежит Советскому Союзу, который фактически один на один выстоял под ударами фашистского блока, а затем наголову разгромил его. В минувшей войне социализм проявил себя как наиболее жизнеспособная, прогрессивная и перспективная социальная и политическая система в истории.

Война подвергла крайне опасному испытанию Советский Союз, его социалистический строй, само существование как суверенной страны. От его способности выдержать натиск агрессивных сил, дать им отпор и добиться победы в войне зависело не только будущее нашей страны, но и сами судьбы народов как нашей страны, так и других стран мира. Возникла альтернатива: победит фашистская Германия — мир вернется к самым мрачным временам прошлого, порабощению и истреблению многих народов; победит Советский Союз — человечество будет избавлено от ужасной судьбы, уготованной ему фашизмом, и перед ним откроется путь дальнейшего прогресса. В таких условиях Советскому Союзу оставалось только одно: противопоставить силе агрессора свою мощь и во что бы то ни стало добиться победы.

Война создала смертельную угрозу всему советскому народу и каждому человеку в нашей стране в отдельности. Тем самым она вызвала морально-политический подъем советского народа, невиданный даже в годы предвоенных пятилеток, огромный энтузиазм масс и личную заинтересованность абсолютного большинства советских людей в осуществлении справедливой, освободительной цели войны. Все это явилось источником массового героизма советских людей на фронте, трудового подвига в тылу, повсеместного проявления инициативы и творчества. Война вместе с тем потребовала мобилизации всех сил и средств страны, высокой дисциплины и подчинения всех сторон жизни и деятельности советских людей достижению главной цели — победы над объединенными силами фашистского блока. Морально-политический подъем советского народа, энтузиазм масс и личная заинтересованность людей в победе, с одной стороны, и организаторская деятельность Коммунистической партии и органов Советской власти — с другой, позволили в короткий срок в сложной обстановке, созданной поражением Красной Армии в первые месяцы войны, провести реорганизацию политического, экономического и военного руководства страной, перестроить экономику на военный лад, развернуть многомиллионные вооруженные силы и обеспечить их всем необходимым для ведения войны. Лозунг «Все для фронта, все для победы!» получил конкретное духовное и материальное содержание. Война Советского Союза против объединенных сил фашистского блока с самого начала стала подлинно всенародной войной.

Огромен вклад рабочего класса в дело достижения победы в войне, и его масштаб тем более велик, что осуществлялся он в исключительно сложных и трудных условиях. Более трети рабочих и служащих было призвано в Советские Вооруженные Силы и с оружием в руках защищало страну. Среди нового пополнения рабочих и служащих преобладали женщины и молодежь, не обладавшие производственным опытом, но имевшие достаточную общеобразовательную подготовку, что позволило им в короткие сроки приобрести профессиональные навыки. На заводы и фабрики возвратились многие пенсионеры. Те рабочие и служащие,

которые не успели эвакуироваться, остались на временно занятой врагом территории. Здесь они показали образцы высокой сознательности, организованности и самоотверженности в борьбе против оккупантов. Они спланировали советских людей вокруг Коммунистической партии, были ведущей силой в партизанском движении и подпольной борьбе. В связи с эвакуацией промышленных предприятий 30—40 процентов кадровых рабочих, инженерно-технического персонала, занятых на этих предприятиях, переместились на Урал, в районы Средней Азии и там, на новом месте, в трудных и непривычных климатических и крайне стесненных бытовых условиях при ограниченном снабжении продовольствием наладили производство. В таких условиях Советский Союз, имея в 3—4 раза меньше станков, металла, угля, электроэнергии, временно потеряв огромную территорию, на которой до войны проживало 45 процентов советских людей, где производилось 33 процента валовой продукции промышленности и 54 процента валовой продукции сельского хозяйства, произвел в годы войны оружия и военной техники в 2 раза больше, чем фашистская Германия.

Не менее важен вклад в достижение победы советского крестьянства. Большинство мужского населения деревни было мобилизовано в армию. Резко уменьшилась численность трудоспособного крестьянского населения, в особенности число квалифицированных специалистов — трактористов, механиков, комбайнеров. Основная тяжесть работы в сельском хозяйстве легла на женщин, подростков и стариков, составлявших четыре пятых всех работавших в колхозах и совхозах. В связи с этим снизилась и техническая вооруженность труда в сельском хозяйстве. Многие колхозники ушли на фабрики и заводы. Значительная часть крестьян оказалась на захваченной врагом территории. И, несмотря на трудности военных лет, колхозы и совхозы обеспечивали армию и страну необходимым продовольствием, а промышленность сырьем. Крестьяне, оказавшись на захваченной врагом территории, включались в борьбу против оккупантов и вместе с рабочими и служащими сражались в партизанских отрядах, осуществляли саботаж и диверсии, сопровождавшиеся уничтожением живой силы и материальных средств врага, создавали для вражеских войск невыносимую обстановку, подрывали их моральный дух.

В решение крупных научно-технических проблем включались научные силы страны. В августе — сентябре 1941 г. Академия наук СССР определила главные направления научной работы, в основу которых были взяты следующие проблемы: совершенствование военной техники и создание новых средств борьбы с врагом, научная помощь промышленности в организации и наращивании военного производства, изыскание и использование новых сырьевых ресурсов страны, сокращение производственных циклов в металлургии, химической промышленности, совершенствование технологии. Решение всех задач в значитель-

ной мере способствовало быстрому наращиванию военной мощи Советского Союза. Советская наука и техника достигли высокого уровня, что имело решающее значение для быстрого развития экономики страны, которая после снижения темпов роста и даже падения в 1941—1942 гг. снова начала расти и к концу войны почти достигла довоенного уровня по важнейшим видам производства.

В результате огромных усилий и активной деятельности масс советских людей, соединения их энтузиазма и личной заинтересованности в победоносном исходе войны, организаторской деятельности Коммунистической партии, Советского правительства, советских, общественных, военных, научных и других организаций в ходе войны удалось локализовать негативные последствия административных методов управления и обеспечить создание единой, хорошо слаженной системы действия всей страны, всего народа. В рамках этой системы было обеспечено единство фронта и тыла. В соответствии со стратегическими планами тыл направлял на фронт необходимое для их осуществления оружие, боеприпасы, военную технику, продовольствие и обмундирование, а также пополнения для войск; и наоборот, планирование и проведение операций на фронте, в особенности начиная с осени 1942 г., основывалось на фактических материальных и людских ресурсах, подготовленных всей страной.

Созданная система ведения войны позволила Советскому Союзу в процессе непрекращающихся ожесточенных сражений на всем фронте от Баренцева до Черного моря добиться изменения стратегического соотношения сил в свою пользу. С одной стороны, Советские Вооруженные Силы в сражениях изматывали и обескровливали силы врага и тем истощали возможности Германии и ее союзников, а с другой — шел процесс развертывания и наращивания военной мощи нашей страны.

В начале войны Красная Армия, потерпев поражение, вынуждена была отступать в глубь страны, неся тяжелые потери в людях, вооружении, материальных средствах и оставив обширные, наиболее развитые в экономическом и социальном отношении территории. Но и в ходе отступления она в значительной мере измотала силы противника и остановила их наступление. Соотношение сил на фронте несколько улучшилось для Красной Армии, хотя противник все еще превосходил ее и по численности, и по количеству вооружений, всех типов, кроме боевых самолетов, по которым установилось примерное равенство. В таких условиях советское командование создало ударную группировку сил на московском направлении, которая перешла в наступление 6 декабря 1941 г. И хотя эта группировка уступала противнику в силе, кроме превосходства в количестве самолетов, она добилась значительного успеха. Противостоявшая группировка немецких войск была разгромлена и отброшена на различных участках на 150—400 километров. Была ликвидирована угроза захвата противником Москвы, и сорваны его планы овладеть Ленинградом. Противник понес огромные потери в живой силе и технике. Под

Москвой фашистский блок потерпел первое стратегическое поражение с начала второй мировой войны.

Однако закрепить и развить этот успех не удалось. Во-первых, немецко-фашистское командование располагало возможностями наращивать свои силы на советско-германском фронте. Во-вторых, советское командование переоценило результаты зимнего контрнаступления и предприняло ряд наступательных операций, не располагая для этого ни необходимыми силами и средствами, ни благоприятной стратегической обстановкой. Советские войска южнее Харькова и в Крыму были разгромлены противником, и последний добился благоприятных условий для наступления на юге в сторону Кавказа и Сталинграда. Для Советского Союза сложилась не менее тяжелая и опасная обстановка, чем год назад. Советские Вооруженные Силы уже более года вели непрерывные военные действия против главных сил фашистского блока. Их численность, количество вооружений и боевой техники, а также боевой опыт, боеспособность и мастерство постоянно росли. Но и напряженность непрерывных сражений и боев также не могла не вызвать у них некоторой усталости. Повлияли на их состояние и поражения на южном участке советско-германского фронта летом 1942 г. Советские войска вынуждены были отойти еще на 650—1000 километров к Большому Кавказскому хребту и к Волге. От страны и Вооруженных Сил потребовалось новое серьезное напряжение всех сил.

Летом и осенью 1942 г. обе стороны интенсивно наращивали свои силы на фронтах. В этот период еще более заметно проявились преимущества страны социализма. Она в условиях напряженных боев и сражений на обширном фронте смогла не только восполнить потери своих войск, но и ликвидировать отставание от противника в численности и оснащении своей действующей армии. Контрнаступление под Сталинградом Красная Армия предприняла уже при примерном равенстве сил на всем советско-германском фронте. В короткий срок были окружены и полностью уничтожены две армии противника. Эти действия переросли в общее наступление Красной Армии, которое развернулось на 1200-километровом фронте. Кроме того, советские войска прорвали блокаду Ленинграда и провели наступательные операции на ряде других направлений. Разгром войск противника на Волге — крупнейшее военно-политическое событие второй мировой войны. Еще никогда в истории германская армия не переживала разгрома столь крупной группировки своих войск. Для Советского Союза и других государств антифашистской коалиции, всего свободолюбивого человечества итоги действий Красной Армии в 1942 г. и в начале 1943 г. означали изменение всего хода второй мировой войны. Для Советских Вооруженных Сил они явились серьезнейшим испытанием их боевых и моральных качеств. После тяжелых неудач и поражений они смогли подготовить и осуществить грандиозное наступление, вновь захватить стратегическую инициативу и не терять ее до конца войны.

Бесславный конец гитлеровской Германии и всего фашистского блока уже тогда был предreshен. Международный престиж Советского Союза значительно поднялся, что способствовало укреплению и расширению антифашистской коалиции и сплочению антифашистских сил во всем мире. Это стимулировало дальнейший подъем освободительного движения народов оккупированных фашистскими агрессорами стран. Поражение армий фашистского блока на советско-германском фронте оказало гнетущее влияние на моральное состояние немецкой армии и немецкого народа. Разгром Красной Армией итальянских, венгерских и румынских войск на Волге и Дону отрезвляюще подействовал на правящие круги союзных фашистской Германии государств. Они уже не проявляли особого желания направлять новые дивизии на советско-германский фронт вместо разгромленных. Отношения между участниками фашистского блока значительно ухудшились. Японские правители отложили свои планы активных действий против СССР. Позиция Турции и ряда других нейтральных государств изменилась в пользу антифашистской коалиции.

Попытка гитлеровского руководства изменить ход войны в свою пользу, предприняв еще одно стратегическое наступление в районе Курска летом 1943 г., провалилась полностью. Советские войска, отразив удары противника, без малейшей паузы перешли в контрнаступление, которое переросло в общее наступление, охватившее более половины всей протяженности советско-германского фронта, и продолжалось до конца весны 1944 г. Теперь уже советская сторона диктовала условия и последовательность ведения войны. В начале 1944 г. впервые за всю войну наступил такой момент, когда Германия уже не была в состоянии восполнить потери своих вооруженных сил на фронте и формировать новые соединения наряду с решением других экономических и политических задач, определявшихся условиями ведения войны. И хотя Германии все еще удавалось наращивать производство вооружений и боевой техники на протяжении почти всего 1944 г., она далеко отставала в этом виде производства от СССР, не говоря уже обо всех странах антифашистской коалиции, вместе взятых. Они превосходили ее по военному производству в 3,5—4 раза. Неизбежность полного разгрома фашистского блока становилась все более очевидной и для друзей и союзников СССР, и для его врагов. И это был главный и решающий итог развития военных событий, достигнутый в результате напряженной и ожесточенной борьбы Советского Союза фактически один на один против главных сил фашистского блока в Европе. И хотя руководство фашистской Германии стремилось всеми силами выиграть время, чтобы избежать безоговорочной капитуляции, и ему удалось затянуть войну еще почти на полтора года, Германия уже не могла избежать полного поражения.

В 1944 г. Красная Армия развернула наступление на всем советско-германском фронте. Наступательные операции следовали одна за другой то на одном, то на другом участке фронта.

В результате советские войска полностью освободили от врага советскую территорию и восстановили западную границу СССР, а затем начали освобождать от фашистских оккупантов восточно-европейские страны — Румынию, Болгарию, Польшу, Венгрию, Чехословакию, северо-восточные районы Норвегии. Из войны была выведена Финляндия. В 1945 г. Советские Вооруженные Силы провели наступление одновременно на всем фронте от Балтийского моря до Балкан без каких-либо значительных пауз на глубину до 800 километров. Они завершили освобождение Польши, Венгрии, Чехословакии, восточных районов Австрии, заняли территорию Восточной Пруссии, Восточной и Западной Померании, Силезии, Центральной Германии. Советская Армия штурмом заняла столицу гитлеровского рейха Берлин. Война была завершена, фашистская Германия безоговорочно капитулировала.

Следует отметить, что в 1944—1945 гг. Красная Армия на своем фронте сражалась вместе с союзными армиями — польскими и чехословацкими. Бывшие союзники Германии — Румыния, Болгария, Финляндия и Венгрия — объявили ей войну, и их войска действовали против немецко-фашистских армий. Народно-освободительная армия Югославии при поддержке и непосредственном участии советских войск освободила свою страну.

6 июня 1944 г. с Британских островов и 15 августа на юге Франции началось вторжение союзных армий на континент Западной Европы. Второй фронт против фашистской Германии после длительных отсрочек был наконец открыт. Две крупнейшие капиталистические державы — США и Англия — более четырех лет накапливали и готовили вооруженные силы, оружие всех видов, боевую технику, другие материальные средства. Они расходовали лишь мизерную часть их в ограниченных по размаху и результатам операциях, проводившихся в районах, далеко отстоявших от жизненно важных стратегических центров Европы, но имевших ключевое значение для реализации колониальных интересов британского империализма и экспансионистских целей американских монополий. Теперь они выставили на западе Европы против стоявшей накануне краха фашистской Германии внушительные по составу и техническому оснащению союзные экспедиционные силы, в состав которых были включены канадские, французские, польские и другие войска. Наступление этих сил ускорило разгром фашистской Германии.

Главный итог Великой Отечественной войны состоит в том, что советский народ добился всемирно-исторической победы над блоком фашистских государств.

Война еще более очевидно, чем годы мирного социалистического строительства, показала, что именно человек с его потребностями, интересами, инициативностью — не «винтик», не «колесико» в сложном общественном механизме, а определяющая движущая сила, носитель неиссякаемой энергии, приводящей этот механизм в действие, придающей ему способность совершенствоваться и развиваться. Победа в войне не дарована нашему

народу какой-то сверхъестественной силой, великой личностью или счастливым случаем. Она добыта кровью, потом и безвозмездными жертвами советских людей. Отмечая эту особенность минувшей войны, Г. К. Жуков написал в своих мемуарах: «...прежде всего мы должны поклониться до земли нашему советскому человеку, который, отказывая себе в самом необходимом, в питании и сне, делал все от него зависящее, чтобы выполнить задачи, которые ставила перед народом Коммунистическая партия в целях организации победы над врагом»¹. В другом месте он добавил: «Где бы ни находился этот человек — на фронте, в тылу страны, в тылу врага, в фашистских лагерях, на подневольном труде в Германии,— всюду и везде он делал все от него зависящее, чтобы приблизить час победы над фашизмом»².

Эта победа спасла народы Советского Союза и все человечество от угрозы фашистского порабощения. В ходе войны социально-политическая и экономическая система социализма выдержала тяжелейшее испытание, вышла победоносно из войны и тем показала свою жизнеспособность и перспективность. Война вместе с тем выявила слабость и бесперспективность административно-бюрократических методов управления. В ходе войны их влияние было в значительной мере локализовано энтузиазмом и инициативными действиями народных масс, партийных организаций, органов Советской власти и др., но она не потерпела краха. Победа в войне была использована сторонниками административно-бюрократической системы управления для того, чтобы реабилитировать эту систему, представив дело так, что якобы жесткая централизация и административно-командные методы управления не подвели страну к грани поражения, а, наоборот, спасли ее от поражения и обеспечили достижение победы. Созданные этой системой беззаконие и произвол сохранились еще на ряд лет, а командно-бюрократические методы руководства дают себя чувствовать и до сих пор.

Победа СССР в войне открыла путь многим народам для свободного, демократического развития, для всестороннего прогресса и процветания. Тем самым советский народ проявил свою интернациональную солидарность с трудящимися всех стран мира.

Победа Советского Союза в войне значительно укрепила его международное положение. Она привела к созданию нового соотношения и расстановки сил в Европе и во всем мире и продемонстрировала все возрастающую роль социализма, Советского государства в демократическом разрешении международных проблем. Если в довоенный период капиталистические державы вынуждены были считаться с Советским Союзом при решении международных проблем, то после нашей победы в войне стало уже невозможно решать ни одну серьезную проблему без его непосредственного участия, не считаясь с позицией СССР и других социалистических государств.

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. С. 298.

² Там же. С. 729—730.

ПОСЛЕВОЕННОЕ СОРОКАЛЕТИЕ

Е. Ю. Зубкова

ОПЫТ И УРОКИ НЕЗАВЕРШЕННЫХ ПОВОРОТОВ 1956 и 1965 гг.

1956 и 1965 годы. Сначала их назовут решительным поворотом, рубежом больших перемен, потом — временем нереализованных возможностей и не вполне оправданных надежд. Интерес к событиям этих лет растет и становится тем заметнее, чем глубже развиваются процессы современной перестройки. Интерес этот столь же закономерен, сколь закономерно стремление идти вперед, учитывая опыт прошлого и не повторяя его ошибок. Сейчас приходится возвращаться к многим проблемам, поставленным еще в 50-е и 60-е годы, но не дошедшим в свое время до стадии практического решения или решенным непоследовательно, половинчато, некомплексно¹.

Многое надо переосмыслить и переделать. А переделывать, перестраивать порой сложнее, чем строить заново. Причем не только в конкретно-вещественном плане, но и психологически. Думается, мы еще не оценили в полной мере силу инерции недоверия к повторным шагам, когда кажется, что «все это уже было» и «ничего нельзя изменить». Своеобразное переплетение новых и старых задач, старых проблем и новых подходов к их решению — одна из особенностей и одновременно сложностей перестройки. Понять ее место в общем историческом процессе можно только на основе уяснения того, что же в действительности было тогда, в середине 50-х и в середине 60-х годов, почему начавшееся общественное обновление было в конечном итоге «заморожено», а многие замыслы этих лет так и не стали реальностью.

Исторический поворот — всегда момент разрешения противоречий общественной жизни. Глубина и характер этих противоречий определяют характер и форму развития поворота. Он может быть эволюционным или революционным, осуществляться с помощью последовательных реформ или в результате решительной ломки, выступать как законченный процесс или остаться незавершенным. И еще. Это всегда момент поиска, выбора, сопоставления альтернатив. Это такая критическая точка действительности, в которой сталкиваются объективный и субъективный факторы

¹ См. Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988. С. 40.

истории: объективная необходимость назревших перемен, осознание этой необходимости партией и народом, готовность к практическим шагам. Противоречия объективной реальности, ее «болевые точки» — своеобразные ориентиры, помогающие обществу выбрать верное направление своего дальнейшего движения. Собственно выбор, его конкретизация в программе практических действий зависят уже от степени «включенности» в процесс субъективного фактора, уровня его зрелости и готовности к предстоящим переменам. «Подключение» субъективного фактора начинается с осознания места и глубины поворота, что во многом определяет и логику развития всех последующих событий, и отношение к требованию «идти *непрерывно дальше*»¹, к которому призывал В. И. Ленин.

XI съезд РКП(б). Ленин оценивает создавшуюся в стране в связи с поворотом к нэпу ситуацию: «За этот год мы доказали с полной ясностью, что хозяйничать мы не умеем... Либо в ближайший год мы докажем обратное, либо Советская власть существовать не может»².

«Иначе нас сомнут!» — так обосновывалась И. В. Сталиным необходимость поворота конца 20—начала 30-х годов.

Быть или не быть социализму — аналогичную альтернативу поставил и 1941 год.

«Такой коренной поворот необходим, ибо другого пути у нас просто нет. Отступать нам нельзя и отступать некуда»³. Такой вывод был сделан в апреле 1985-го и подтвержден январским (1987 г.) Пленумом ЦК КПСС.

Повороты 1921, 1929, 1941 и 1985 гг. В их основе — решение судеб социализма, проблема, которая может возникнуть не только в переходный период или при столкновении с внешней агрессией, но и на том этапе, когда социализм вполне упрочился и развивается в условиях мира. Альтернатива «быть или не быть» вырастает, как правило, из кризисной ситуации, из реальной опасности существованию социализма или формируется под угрозой его серьезных деформаций. Она может возникнуть и в условиях, когда кризиса в полном смысле слова еще и нет, но налицо симптомы его возможного появления. В обстановке предкризисной ситуации, которая сложилась, например, на рубеже 20—30-х годов, подведение под фундамент поворота жесткой альтернативной основы тоже имело свое обоснование. Тогда альтернатива социализму не могла быть снята просто в силу незавершенности переходного периода и вопрос «кто — кого» по-прежнему стоял в повестке дня. Кроме этого действовал еще один фактор: за годы строительства социализма удалось в целом овладеть механизмом «крутой ломки», свойственной периодам «штурма и натиска»,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 196.

² Там же. Т. 45. С. 80.

³ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года. М., 1987. С. 15.

в то время как методы и приемы «осады», то есть последовательных «реформационных» перестроек, оказались освоенными в значительно меньшей степени. Этот фактор имеет особое значение — в данном случае не столько для понимания «приемлемости» тех или иных методов осуществления поворота 1929 г., сколько для определения места и роли событий середины 50—середины 60-х годов с точки зрения развития механизма поворотов в целом. В тот период была предпринята фактически первая попытка овладения механизмом «реформационных» поворотов, которые — в случае их завершенности и верности первоначальным целевым установкам — выводят общество на качественно новый уровень развития. И в этом смысле по своему характеру, по своей конечной направленности они могут рассматриваться как революционные, что не только не противоречит «реформационной» форме их развития, но и представляет собой, думается, одну из закономерностей социалистического прогресса.

Поворот 1956 г. вырос из общей экономической и политической ситуации, сложившейся в стране на рубеже 40—50-х годов. Послевоенный восстановительный период закончился — об этом говорили не только показатели развития народного хозяйства, но и утверждение мирного настроения в общественной жизни в целом, связанное с оформлением социально-психологического перехода от войны к миру. Произошла известная переоценка ценностей, в том числе стимулов и факторов подъема трудовой активности. Принцип работы «любой ценой» все более утрачивал свою оправдательную функцию (последствия войны, трудности восстановления и т. д.). Чем дальше отодвигалась война, тем отчетливее в сознании современников зрело понимание того, что вместе с ней должны уйти в прошлое вызванные экстремальной военной обстановкой бытовые лишения и напряженность труда. Вопрос ставился жестко: «Закончилась война, тяготы войны мы все пережили и прекрасно знаем: наступил период мирного строительства. Сколько можно спать на козлах»¹. Так обыденное сознание, по существу, зафиксировало один из рубежных моментов в развитии советского общества, особенность которого состояла в необходимости поворота к социальным программам. Потребность в поиске, построенном на осмыслении противоречий действительности, становилась все более общественно необходимой.

Усиливалась волна критических выступлений снизу, направленных против недостатков в организации производства, неустроенности быта, различных злоупотреблений. «Кто виноват?» — этот вопрос (и именно в такой форме) чаще всего сопровождал поиск причин существования общественного «зла». «Зло», таким образом, выступало в строго персонифицированной форме, а проблема ответственности в общем сводилась к определению круга непосредственных «виновников» тех или иных неполадок, сбоев,

¹ ЦГАОР СССР, ф 7676, оп. 9, д. 888, л. 237

трудностей. Так методы «борьбы с недостатками» переходного периода переносились в день сегодняшний, а логика этой борьбы воспринималась как нечто абсолютное и настолько «усвоенное», что становилась частью общественной психологии. Опыт прошлого превращался в своего рода резервуар, единственный кладёзь, хранящий ответы на все вопросы действительности.

Некритическое отношение к методам и формам управления общественными процессами переходного периода приводило к их известной абсолютизации. Абсолютизация же, придающая ограниченно верному способу действий универсальный характер, всегда служит основой заблуждений¹. Перерастание относительных аспектов социалистической практики в абсолютные сыграло свою роль и в развитии концепции социализма, которая сложилась в основном еще в 30-е годы. Согласно этой концепции социализм все более мыслился как непрерывное поступательное, достаточно непротиворечивое движение общества к вершинам коммунизма. Эта теория в основе своей опиралась на возникшие еще в первые послереволюционные годы представления о том, что все трудности социалистического строительства объясняются отсутствием опыта и исторических предпосылок, «что по истечении определенного времени все пойдет как по маслу: задачи хозяйственного и социального строительства будут решаться намного проще, без хлопот и различного рода издержек»². Реальный социализм в этой теории становился простой суммой «пережитков прошлого» и «ростков будущего»; первые предполагалось искоренять, вторые всемерно поддерживать и развивать. Идеальный и упрощенный образ социализма вошел в теорию и стал во многом определять и общественную практику, которая как бы «копировалась» с него, а все, что не вписывалось в заданную структуру, относилось к разряду «чужеродного», «пережиточного», «не нашего». Замороженные товарно-денежные отношения, усеченный хозрасчет, практически тотальная централизация управления и др. — это результат схематичного подхода к действительности, при котором идеальный образ заслоняет реальный мир. Когда же состояние реального социализма сигнализировало о некоторых неблагоприятных в созданной системе, его идеальный образ слегка «корректировался», обновлялся. Речь при этом всегда шла не столько о качестве, сколько о мере необходимых преобразований. Направление вносимых изменений (и в теории, и на практике) определялось на основе выделения узких мест, то есть тех проблем, которые лежали на поверхности, воспринимались как первоочередные. Отсюда — стремление действовать только в одном направлении с помощью отдельных рычагов и частных поправок.

¹ См.: Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории М., 1984. С. 45.

² Ципко А. С. Некоторые философские аспекты теории социализма М., 1983. С. 5.

Поиск нового подхода, основанного на отказе от принципа «разовых действий» и переходе к комплексным программам общественного обновления, займет в целом весьма длительный период и в конечном счете подведет к концепции современной перестройки. В конце 40— начале 50-х годов успешное развитие этого поиска сдерживали условия, в которые он был поставлен. Его направление изначально оказалось как бы «заданным», ограниченным достаточно узкими рамками. Эти рамки определял авторитаризм. Давление силы авторитета, прежде всего авторитета И. В. Сталина, сковывало развитие общественного сознания, общественной мысли — этого политического интеллекта общества, призванного вести поиск путей разрешения противоречий общественной жизни. Имя Сталина нередко использовалось как «щит», как тот самый аргумент из аргументов, который ставит последнюю точку в любом споре и решает исход любой дискуссии. Позиция оппонента подчас не просто осуждалась, а подвергалась обязательному «разгрому» с последующим запретом права на существование (первое, что приходит на память в этой связи, — сессия ВАСХНИЛ 1948 г.). В результате сложилась, казалось бы, парадоксальная ситуация: необходимость перемен постепенно стала ощущаться на всех уровнях общественного сознания (о чем свидетельствовал рост критического настроения), но при этом современники старались упорно обходить проблемы современности (не последнюю роль здесь сыграл принцип «как бы чего не вышло»). Этот «порочный круг» необходимо было порвать. Единственной альтернативой авторитаризму могла стать демократизация общественной жизни.

«Оттепель» — так символично обозначился в сознании людей период, непосредственно предшествующий XX съезду партии. «...1954—1955 годы кажутся затянувшимся прологом в книге бурных походов, неожиданных поворотов, драматических событий, — вспоминал И. Эренбург. — Это, однако, не так. В моей личной жизни то время отнюдь не было тусклым: сердце оттаивало, я как бы начинал заново жить. Названные годы не были бледными и в жизни нашей страны. Начало справедливой оценки несправедливостей прошлого не было случайностью, оно не зависело ни от добрых намерений, ни от темперамента того или иного политического деятеля. Просыпалась критическая мысль, рождалось желание узнать об одном, проверить другое»¹. А вслед за этим — 1956 год, XX съезд, осуждение культа личности, курс на широкую демократизацию общества. Обновление. Поворот.

Альтернатива тех лет воспринималась следующим образом: «...Или партия открыто, по-ленински осудит допущенные в период культа личности И. В. Сталина ошибки и извращения, отвергнет те методы партийного и государственного руководства, которые стали тормозом для движения вперед, или в партии возьмут верх силы, цеплявшиеся за старое, сопротивлявшиеся

¹ Эренбург И. Люди, годы, жизнь//Огонек. 1987. № 22. С. 23

всему новому, творческому»¹. Следовательно, альтернатива получала главным образом политический характер.

Процесс обновления, затронувший в 50-е годы разные сферы общественной жизни, начался прежде всего с восстановления демократических основ деятельности партии, ленинских норм партийной жизни, коллективности руководства. Был налажен регулярный созыв партийных съездов и пленумов ЦК, стало широко практиковаться обсуждение партийных и государственных документов в печати и на собраниях трудовых коллективов. По важнейшим вопросам развития тех или иных отраслей народного хозяйства стали созываться совещания с привлечением широкого круга специалистов. Уточнялись функции партийных организаций: последние освобождались от задач оперативно-хозяйственного руководства и передавали их специальным органам управления народным хозяйством. Партия получала возможность сосредоточиться на выработке стратегических программ социально-экономического развития страны, выборе приоритетных направлений и средств их выполнения. Одновременно активизировалась деятельность Советов, профсоюзов, комсомола в направлении развития самостоятельности и инициативы. Основным требованием перестройки работы этих органов и организаций было требование их решительного поворота лицом к народу. Рожденная XX съездом атмосфера поиска, в которой раскрепощалась общественная мысль, получали развитие новые идеи и подходы, стала благоприятной почвой для обновления науки, литературы, искусства.

Курс на демократизацию общественной жизни должен был найти свое адекватное продолжение и в экономике. Все экономические перестройки второй половины 50—начала 60-х годов (по замыслу) были призваны решить проблему демократизации управления: расширить хозяйственные права союзных республик путем передачи в их ведение вопросов, которые раньше решались в центре; приблизить управление к местам; сократить управленческий аппарат и др. Особенность же всех хозяйственных реорганизаций 50—первой половины 60-х годов заключалась в том, что на развитии их в большой степени сказался «политический детерминизм» поворота 1956 г. Многие экономические проблемы тех лет пытались решать чисто политическими приемами и методами. И тогда уже партийность хозяйственного руководителя определялась по его отношению к посевам кукурузы, а рост урожайности ставился в прямую зависимость от уровня политической сознательности. «Если в отдельных районах страны кукуруза внедряется формально, колхозы и совхозы снимают низкие урожаи, то в этом виноват не климат, а руководители,— говорил Н. С. Хрущев.— Там, где кукуруза не родится, есть «компонент», который не содействует ее росту. Этот «компонент» надо искать

¹ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17—31 октября 1961 года. Стенографический отчет М., 1962. Т. 1 С 102.

в руководстве... Надо заменять тех работников, которые сами засохли и сушат такую культуру, как кукуруза, не дают ей возможности развернуться во всю мощь»¹. Путем использования испытанных приемов непосредственной апелляции к сознательности, энтузиазму, самоотверженности решались задачи освоения целины и сибирских строек. Движение за коммунистический труд — заметное событие тех лет — родилось в первую очередь на волне политического подъема, на той же базе сознательности и энтузиазма. И в то же время первые попытки реально связать энтузиазм и экономический интерес (начало бригадного подряда) воспринимались главным образом как явления «стяжательства», «рвачества» и чуть ли не «капитализма» в экономике.

Представляется, что созданный в сознании людей образ коммунизма, построение материально-технической основы которого было обещано через 20 лет, оказывал на экономическую и социальную политику конца 50—начала 60-х годов гораздо большее влияние, нежели анализ тогдашней экономики и ее проблем. Именно в силу этого попытки «обогнать время» в тот период окончились в целом неудачей. Но вместе с тем они в немалой степени способствовали созданию такой обстановки, которая побуждала к поискам, дерзаниям, стремлению выйти за пределы возможного. Прорыв человечества в космос — событие, неотделимое от той эпохи. Успешное решение приоритетных научно-технических проблем только оттеняло недостатки состояния «обыденной экономики». Поиск велся и в этом направлении. Его вектор был задан в общем верно: отказ от излишней централизации, расширение хозяйственной самостоятельности, использование цены, прибыли, кредита и других экономических рычагов в хозяйственной практике, переход на хоздоговорные отношения между предприятиями и т. д. Эти вопросы обсуждались в ходе экономических дискуссий, которые, начавшись еще в середине 50-х годов, то на время затухая, то возрождаясь вновь, продолжались уже на протяжении всего последующего десятилетия. В результате этих дискуссий постепенно отрабатывались основные положения будущей хозяйственной реформы. И что не менее важно — они способствовали формированию экономического мышления, готовили общественное мнение к предстоящим переменам. Люди приучались за «нерадивостью» отдельных хозяйственников видеть недостатки системы хозяйствования, несовершенство хозяйственного механизма в целом. Но со временем содержание дискуссий, охвативших вначале широкий аспект экономических проблем, все более сужалось — сначала до спора о показателях (по которым должна была оцениваться деятельность предприятий), потом о «главном» показателе и, наконец, приобрело ярко выраженный «антиваловой» характер. Таким образом, «стартовые» возможности хозяйственной реформы уже оказались заниженными. В не-

¹ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17—31 октября 1961 года. Стенографический отчет. Т. I. С. 80.

малой степени это было связано и с изменением общей политической ситуации в конце 50-х годов, с особенностями развития процессов демократизации в этот период.

Глубину процессов демократизации можно «измерить» на основе отношения критики прошлого к критике настоящего. Каждый новый этап общественного развития закономерно начинается с оценки пройденного пути, с его критического осмысления. Справедливая, во многом мужественная оценка прошлого, с которой выступил на XX съезде Н. С. Хрущев, придала серьезный импульс процессу общественного обновления. Осуждение культа личности, его негативных последствий для судеб народа и страны, сам факт откровенного разговора о наболевших проблемах действительности стали для современников потрясением — независимо от того, были для них данные на съезде оценки прошлого открытием или давно ожидаемой данью справедливости. Со времени смерти И. В. Сталина тогда уже прошло три года. За этот период были преданы гласности многие факты произвола по отношению к честным советским гражданам, осужден Л. П. Берия, началась массовая реабилитация. Вместе с тем тот самый момент, когда появившееся несколько ранее понятие «культ личности» получило персональный адрес, а оценки роли и места Сталина в жизни партии и страны начали обретать объективность и взвешенность, оказался для миллионов людей слишком резким поворотом и требовал определенной перестройки массового сознания.

Если признание факта личной ответственности Сталина за допущенные нарушения принципов социалистической справедливости, его ошибок на первом этапе Великой Отечественной войны, а также критика нравственной стороны ряда его действий в общем могли быть приняты сразу, то та быстрота, с какой поменялись прежние оценки на противоположные, недавнее почти божество превратилось в «злого гения» истории (а позднее ссылкой на культ личности стали оправдывать все и вся), не могла не настораживать и, во всяком случае, заставляла думать. Поставленная в такой исключительно персонифицированной форме, проблема ответственности за «ошибки прошлого» объективно сужала основу анализа создавшихся противоречий, тем более что многие из них в результате критики культа личности так и не были сняты. Да и вопрос: «А судьи кто?» — в тот период звучал отнюдь не риторически. Партийная этика всегда была частью партийной политики. Критика прошлого и решение в результате ее вопроса об ответственности за допущенные просчеты — одна из сторон проблемы доверия к авангарду, на котором и строится связь партии с массами. Одно дело — смело указывать на чужие ошибки (хотя для этого подчас действительно нужна смелость), и совсем другое дело — иметь мужество признать свои собственные, разделить меру ответственности.

Отношение к проблеме партийной и государственной ответственности политического руководства 50-х годов уже достаточно ясно обозначилось в июне 1957 г., когда прошел Пленум ЦК,

осудивший «антипартийную группу» В. М. Молотова, Л. М. Кагановича, Г. М. Маленкова и других, поведение которых после XX съезда КПСС в значительной мере связывалось с фактом персональной ответственности этих лиц за произвол и беззакония периода культа личности¹. С осуждением «антипартийной группы» вопрос об ответственности за прошлое как бы сам собой закрылся. А вместе с тем и политическое руководство страны было выведено из зоны критики.

Постепенно изменилось отношение и к поискам «правды жизни» в искусстве — на основе возрождения догматически понимаемого принципа «единомыслия». Вызвавший огромный читательский интерес роман В. Дудинцева «Не хлебом единым» был объявлен «клеветническим сочинением», в котором автор «умышленно сгущает краски, злорадствует по поводу недостатков»². Роман Б. Пастернака «Доктор Живаго» тогда не дошел до массового читателя, что, однако, не помешало его всеобщему организованному осуждению и исключению автора из числа членов Союза писателей СССР. Казалось, возвращаются еще не забытые времена борьбы с «космополитизмом». «Нападки на писателей были связаны не с критикой литературных произведений, а с изменением политической ситуации, — поделился своими наблюдениями И. Эренбург. — Люди старались не вспоминать о XX съезде и, конечно, не могли предвидеть XXII. Молодежь пытались припугнуть, и студенты перестали говорить на собраниях о том, что думали, говорили между собой. Страх, заставлявший людей молчать при Сталине, исчез. Он заменился обычными опасениями... если много кричать, пошлют на работу подальше от Москвы»³.

До тех пор пока процесс общественного обновления не стал необратимым, наличие колебаний и даже прямых отступлений в его развитии является в известном смысле закономерным — как естественное отражение борьбы между сторонниками и противниками перемен. Возможность «реванша» со стороны последних делает поворотный процесс «уязвимым», подверженным влиянию различных привходящих факторов — внутренних или внешних. В судьбе поворота середины 50-х годов, думается, не последнюю роль сыграл «урок» венгерского кризиса 1956 г. Контрреволюция под лозунгом «демократического социализма», раскол в руководстве правящей партии, усиление ревизионистских течений и — как итог — октябрьско-ноябрьский мятеж — в свете этих событий яснее становятся факты нашей собственной истории 1957—1958 гг. И хотя Венгрия в тот момент находилась, в общем, только в начале своего социалистического пути, а в нашей стране социализм как общественный строй существовал

¹ См.: XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17—31 октября 1961 года. Стенографический отчет. Т. 1. С. 105.

² Хрущев Н. С. За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа М., 1957 С. 22, 25

³ Эренбург И. Люди, годы, жизнь//Огонек 1987 № 24. С. 28.

уже 40 лет, венгерский «урок» был фактически понят как поддержка абсолюта собственного пути. А вместе с тем изменилась и общая оценка прошлого, его критика получала новые акценты.

В иной тональности зазвучала проблема авторитетов — прошлых и настоящих. Справедливая критика, «невзирая на авторитеты», по-прежнему признавалась важным инструментом воспитательного воздействия. Но при этом все чаще выражалось сожаление, что-де редко можно прочесть доброе слово о директоре предприятия, председателе райисполкома, других руководителях¹. Считалось, что при подобном подходе «у незрелых людей рождается пренебрежительное отношение к руководителям вообще, недоверие к ним: мол, все они такие! Бывает и так: стоит заговорить об авторитетах, как обыватели начинают шептаться: «Опять культ, возвращаемся к старым временам»². Позиция, согласно которой «народу, строящему коммунизм, нужны авторитеты»³, не нуждается в полемическом обсуждении в силу своей бесспорности. Но тот факт, что в обывденном сознании 50—начала 60-х годов понятие авторитета нередко идентифицировалось с понятием культа личности, требует определенных размышлений. Обывденное сознание обычно легко отражает и фиксирует внешнюю, поверхностную связь событий и явлений, соотносит их с полученными ранее и устоявшимися понятиями, представлениями, образами. Такой относительной устойчивостью обладало понятие культа личности, которое и в реальной жизни, и, следовательно, в сознании людей долгое время практически исчерпывало проблему авторитета. Смещение акцентов в критике прошлого и недостаточно критическое восприятие действительности стали серьезным препятствием на пути дальнейшей демократизации советского общества. Задачи развертывания критики были отнесены к свойствам «особых» периодов — периодов «разборки и расчистки», своеобразных подготовительных этапов, предвещающих начало нового «наступления». «Разборка и расчистка», начатая в 1953 г., к концу этого десятилетия считалась уже законченной»⁴. Процесс демократизации, понятый скорее как предпосылка общественного обновления, нежели его основа, его дух, его внутренняя необходимая сущность, стал чем-то вроде «клапана», который можно открыть полностью, приоткрыть или просто закрыть. Такой подход в немалой степени помешал выработке принципиально новой долговременной стратегии социально-экономического развития страны с учетом не только опыта прошлого, но и неудач настоящего. Политическое руководство тех лет, по существу оставшись вне критики, лишило себя пространства

¹ См.: Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. 18—21 июня 1963 года. Стенографический отчет М., 1964. С. 76.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См. Хрущев Н. С. К новым успехам литературы и искусства. М., 1961 С. 9, 10

выбора и оценки собственных шагов. Однозначно положительная заданность принимаемых в тот период решений, восприятие их в качестве безальтернативных и конечных (разрешающих проблему раз и навсегда), неумение соотнести промежуточные успехи (первый эффект) с неизбежностью возникновения новых проблем — все это не могло не привести к серьезным просчетам в практике хозяйственного и политического руководства.

Но главное, что ограничения в развитии и углублении демократического процесса не позволили полностью блокировать активность консервативных сил.

Вторая половина 50-х и начало 60-х годов прошли под знаком борьбы демократической и консервативной тенденций в развитии общественной жизни. В конце этого периода демократическая тенденция стала ослабевать главным образом в силу непоследовательности действий сверху, увеличивалась опасность волюнтаризма и администрирования, что впоследствии послужило прямой предпосылкой для укрепления позиций административно-командной системы. Это произошло не сразу: процессы демократизации к середине 60-х годов набрали положительную инерцию, переключившись из сферы политической в сферу экономическую, точнее — продолжаясь в сфере экономики. Развитие поворота 1965 г. находилось поэтому под влиянием двух разнонаправленных тенденций: если хозяйственные решения второй половины 60-х годов фактически продолжили и углубили поиски предшествующего десятилетия, то политическая ситуация после 1964 г. складывалась в целом «вразрез» с основными принципами демократического курса XX съезда партии.

Главное содержание и прогрессивную направленность поворота, намеченного в середине 60-х годов, определила хозяйственная реформа. К этому времени в партии, в обществе в целом созрело понимание ограниченности практики частных поправок и отдельных улучшений, а вместе с тем и необходимости выработки системы мер. Эта мысль ясно прозвучала на XXIII съезде партии¹. Через преодоление волюнтаристских тенденций в руководстве страной партия выходила на проблему обеспечения новых подходов в практике управления, ставящих ее на научную основу. Эти новые подходы были разработаны мартовским и сентябрьским (1965 г.) Пленумами ЦК партии. Мероприятия середины 60-х годов, направленные на совершенствование системы и принципов управления народным хозяйством, были самой крупной за весь послевоенный период попыткой перестройки экономики в соответствии с новыми требованиями времени. В отличие от предшествующих попыток решения 60-х годов затронули сразу несколько отраслей: промышленность, строительство, сельское хозяйство.

¹ См. XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза 29 марта — 8 апреля 1966 года. Стенографический отчет. М., 1966. Т. I С. 53—54.

В качестве главной формы государственного планирования утверждался пятилетний план, предусматривалось расширение сферы действия хозрасчета на предприятиях и в отраслях, намечались мероприятия по совершенствованию системы стимулирования и т. д.¹ Наиболее существенные изменения претерпела система управления промышленностью и строительством. Сократилось число планируемых предприятию сверху показателей; основой оценки деятельности предприятий стал показатель реализованной продукции, пришедший на смену «вала»; образовывались специальные поощрительные фонды. Предприятия, перешедшие на новую систему, в целом улучшали показатели своей работы по сравнению с предприятиями и производствами, где действовала еще старая система. Однако со временем эта разница становилась все менее заметной. Пока на новых принципах работало сравнительно небольшое число предприятий, они находились в более выгодном положении — и в смысле направления государственных капитальных вложений, и в смысле использования собственных резервов. По мере развития реформы многие предприятия, формально работавшие по старым принципам, перенимали отдельные элементы новой системы и улучшали, таким образом, свои производственные показатели². Это одновременно означало, что реформа пока не пошла вглубь, не затронула основ хозяйственного механизма. «Мы подняли только то, что можно было поднять, не нагибаясь, — говорилось в одной из корреспонденций журнала «Коммунист». — Пора идти к главным резервам роста эффективности производства»³.

«Не дать реформе остановиться» — таков лейтмотив наиболее конструктивных выступлений по проблемам экономической реформы в конце 60-х годов. Опасения были не напрасны: вновь созданная система экономического управления сдавала позицию за позицией (участились корректировки планов, ограничивались права предприятий, усилился диктат центра и т. д.). Реформа как бы остановилась посередине, на уровне предприятия, не дойдя до конкретного рабочего места, с одной стороны, и не затронув эшелоны управления — с другой. Попытки двинуть реформу вниз вылились в целое движение экономического экспериментирования.

Между тем первые успехи экономической реформы, придавшие импульс творчеству снизу, совсем по-иному повлияли на действия центрального руководства: здесь они послужили своеобразным обоснованием «достаточности» принятых мер. Нельзя и тут не учитывать «подключение» внешнего фактора. В середине 60-х годов практически все европейские социалистические страны приступили к экономическим реформам, аналогичным нашей. Наибо-

¹ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 5 С. 606—609, 658—685.

² См. Румянцева А., Филиппов В. Новая система планирования и экономического стимулирования промышленного производства // Хозяйственная реформа в СССР. М., 1969. С. 17.

³ Коммунист. 1966. № 18. С. 71

лее радикальные мероприятия были проведены в Югославии, Чехословакии, Венгрии (в этих странах почти полностью была отменена система директивных показателей, предприятиям предоставлены достаточно широкие права в распределении полученных доходов, введена гибкая система цен и т. д.)¹. В Чехословакии экономические противоречия тесно переплелись с политическими. Следствием обострения этих противоречий стал кризис 1968—1969 гг. Чехословацкие события того времени, безусловно, нуждаются в самом обстоятельном анализе. А он важен. Что касается нашей страны, «нужны были новые кардинальные перемены в обществе и, конечно, соответствующая политическая воля, — так оценивается сегодня сложившаяся в те годы ситуация. — Ни того, ни другого не хватило. И даже многое из того, что было решено, осталось на бумаге, повисло в воздухе. Темпы нашего развития серьезно замедлились»². В силу этого поворот середины 60-х годов так и не смог в полной мере реализовать свой потенциал. Демократические процессы, исчерпав запас положительной инерции 50-х, по сути дела, оказались заблокированы силами бюрократического консерватизма, которые, образно говоря, ждали «своего часа» еще с 1964 г. Поворот 1965 г. не смог поэтому довести до конца традицию 1956 г., хотя логически и исторически был продолжением поворота середины 50-х годов.

Перед нами, таким образом, внутренне единый, но дискретный в своем развитии процесс, своего рода один поворот, в котором события 1956 и 1965 гг. представляют собой как бы две его составляющие — линию на демократизацию общества и линию на экономическую перестройку. Разделил их 1964 год. И эта дискретность, осложненная непоследовательностью действий, стала одной из причин разрушенного единства, незавершенности поворотов в целом.

Умение не только предпринять практические шаги, но и видеть их ближайшие и отдаленные последствия, постоянная готовность к решению вновь возникающих проблем — необходимое условие осуществления социально-экономических поворотов. А поэтому главным уроком любого поворота по-прежнему остается ленинский — «идти *непрерывно* дальше...» — как в смысле последовательности осуществления программы революционных реформ, так и особенно в смысле развития процесса демократизации. Таков лейтмотив выводов, которые, формируясь постепенно в недрах народа и его партии, привели наше общество к современной концепции перестройки, к выработке нового политического мышления на основе марксистско-ленинской диалектики и учета уроков исторического опыта.

Вопросы истории КПСС 1988. № 4

¹ См.: Экономические реформы в социалистических странах Европы. Вып. 6. М., 1969. С. 13, 25—36.

² Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. С. 29.

Н. Н. Разуваева

ПРОТИВОРЕЧИЯ И ТРУДНОСТИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ СССР

В 1961—1985 гг.

Новые требования, выдвигаемые перестройкой перед преподаванием истории, ставят задачу с особой ответственностью подойти к изучению жизни советского общества и деятельности партии в 60-е, 70-е, первой половине 80-х годов.

Это один из наиболее сложных периодов в истории нашей Родины. С одной стороны, это были годы дальнейшего развития социализма, напряженного труда миллионов советских людей, руководимых Коммунистической партией, с другой — время накапливающихся нерешенных проблем и застойных явлений в жизни общества и партии, приведших к предкризисной ситуации. Диалектическую противоречивость периода зафиксировала и новая редакция Программы КПСС¹.

Долгое время в исторической науке практиковался описательный подход, а не всестороннее раскрытие общественных явлений и процессов в эти годы. Характерным было неумение показать всю сложную диалектику развития. Львиную долю изложения в научных трудах составляло комментирование решений съездов и пленумов. Слабо раскрывались трудности, противоречия и просчеты в политике по реализации этих решений. И преподавание истории часто не носило проблемно-концептуального характера, то есть не было подчинено тому, что составляло стержень общественных процессов, определяло главную логику развития событий в тот период.

В настоящее время необходимо решительно преодолеть упрощенчество и схематизм, отказаться от облегченных трактовок жизни общества в эти годы, усилить диалектический подход к анализу истории.

Анализ позитивного и негативного опыта деятельности партии в этот период должен помочь молодежи осознать всю сложность процессов, происходивших в обществе, огромную роль субъективного фактора, партии в жизни общества, понять тот непростой путь развития, который прошла страна в последнюю четверть века. Нужно показать существо негативных явлений в экономической и социальной жизни, причины возникновения механизма торможения. Без этого молодежь не сможет правильно ориентироваться в сегодняшней обстановке и понять, что мешает успеху перестройки, от чего следует отказаться в жизни общества и партии. Огромное значение в этом плане имеет осмысление уроков, вытекающих из практики партийного руководства обществом в 1961—1985 гг.

¹ См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 139.

Перед преподавателями стоят трудности при раскрытии данной темы. И одна из таких трудностей состоит в том, что пока отсутствуют твердо устоявшиеся и однозначные трактовки по многим вопросам, которые требуют дальнейшей всесторонней разработки.

В партийных документах, в выступлениях руководителей партии и правительства дана принципиальная оценка нашего недавнего прошлого. Однако с учетом новых подходов во всей своей полноте и противоречивости ни 60-е, ни 70-е, ни 80-е годы, по существу, не изучены.

Исследователи только приступают к выяснению сложнейшего вопроса, какие процессы в жизни общества и партии ослабляли развитие социализма. Нет полного представления и обо всех тех деформациях, негативных явлениях, которые проявились в разных сферах общественной жизни, нет полной картины механизма торможения в экономике, социальном, политическом и духовном развитии.

Предстоит еще выявлять глубинные корни застойных явлений и истоки механизма торможения, продолжавшиеся в 60—70-х годах. Много противоречивого в оценках попыток совершенствования механизма хозяйствования, предпринимавшихся партией с конца 50-х и в 60-е годы. Предстоит еще со всей глубиной осмыслить уроки, вытекающие из опыта партийного руководства обществом в рассматриваемый период.

По этим и многим другим вопросам исторического развития страны и партии идут сейчас оживленные дискуссии, проводятся «круглые столы», специальные теоретические семинары и конференции. Преподаватели должны стремиться вовлечь аудиторию в обсуждение недостаточно изученных, дискуссионных вопросов, нацелить ее на упорную работу мысли, на самостоятельный, вдумчивый анализ.

Сложные дискуссионные вопросы, связанные с причинами формирования и проявления в общественном развитии негативных явлений, раскрываются в книге «Механизм торможения: истоки, действие, пути преодоления»¹. При этом в поле зрения исследователей очень широкий спектр вопросов развития партии, экономической, социальной, политической и духовной жизни страны в 70—80-е годы. Эту публикацию можно порекомендовать преподавателям для подготовки к занятиям и организации оживленной полемики на семинаре.

При подготовке занятий преподавателю важно по-новому, преодолевая сложившиеся стереотипы, подойти к имеющимся пока в распоряжении историческим источникам, стенографическим отчетам съездов, выступлениям партийных и государственных деятелей того периода, периодической печати и данным статистических сборников. Теперь надо взглянуть на эти материалы шире и более диалектично, с учетом уроков, которые извлекла партия

¹ См. Механизм торможения//Истоки, действия, пути преодоления. М., 1988. Статья о механизме торможения публикуется в данном сборнике (см. с 626).

из предшествующего периода деятельности, с учетом новых оценок.

Учитывая, что в настоящее время отсутствуют всесторонне обоснованные оценки рассматриваемого периода, данная консультация не может претендовать на полное освещение проблемы, на истину в последней инстанции. Автор ставит своей задачей обратить внимание преподавателей на наиболее значимые, на наш взгляд, стороны темы, дать некоторые ориентиры в проведении занятий.

* * *

Прежде всего есть необходимость высказать определенную общую оценку рассматриваемого этапа деятельности КПСС.

Преподавателю следует четко выделить в лекции, что было главным во внутриполитическом курсе партии в 1961—1985 гг. В эти годы важнейшее место во внутренней политике в целом стали занимать поиски путей продвижения вперед. Характеризуя эту стержневую линию деятельности партии, М. С. Горбачев в докладе, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, отмечал, что «были сделаны попытки сломать утвердившиеся в 30—40-х годах командно-бюрократические методы управления, придать социализму больше динамизма, подчеркнуть гуманистические идеалы и ценности, возродить творческий дух ленинизма в теории и практике»¹, изменить приоритеты экономического развития, ввести в действие стимулы, связанные с личной заинтересованностью. Были намечены новые подходы в руководстве экономикой, больше внимания стало уделяться всему, что связано с удовлетворением потребностей человека.

Однако на протяжении 1961 — первой половины 1985 г. развитие социализма шло неравномерно. В публикациях последнего времени в рамках рассматриваемого периода выделяют два этапа. Рубежом между ними некоторые ученые считают начало 70-х годов². На первом этапе характер, масштабы и интенсивность деятельности по поиску путей обновления общественной жизни были гораздо более значительными. На втором произошло заметное ослабление новаторских устремлений, консервация принципов и форм общественного устройства. На определенном отрезке времени, отмечал XXVII съезд КПСС, в силу не только объективных факторов, но и причин прежде всего субъективного порядка, практические действия партийных и государственных органов отставали от требований времени, от самой жизни. Проблемы в развитии страны нарастали быстрее, чем решались. Инертность, застылость форм и методов управления, снижение динамизма в работе, нарастание бюрократизма — все это наносило немалый

¹ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается М., 1987. С. 27—28.

² См.: Вопросы истории КПСС 1988. № 4. С. 58

ущерб делу. В жизни общества начали проступать застойные явления¹. «Произошло ослабление партийного руководства, была упущена инициатива в некоторых важных общественных процессах»².

Этап 70 — начала 80-х годов характеризуется как застойный. Преподаватель может отметить, что, принимая во внимание нарастание в эти годы серьезных негативных, застойных явлений и деформаций, замедление темпов движения вперед, важно видеть и понимать общую тенденцию общественного развития. Остановки на пути социалистического строительства не произошло. Развитие страны продолжалось³. «Честно трудились десятки миллионов советских людей, активно, в интересах народа действовали многие партийные организации...»⁴

В центр внимания занятий по данной теме, на наш взгляд, можно поставить следующие аспекты проблемы:

— Поиск и разработка партией и правительством путей совершенствования механизма хозяйствования в 60-е годы. Реформа 1965 г. — первый шаг на пути формирования новых форм и методов управления.

— Разработка экономической и социальной политики в 70-е — первой половине 80-х годов. Расчеты и просчеты в политике.

— Нарастание негативных явлений и трудностей. Причины складывания механизма торможения.

Одна из наибольших трудностей в раскрытии темы состоит в том, чтобы найти правильное соотношение позитивного и негативного в осмыслении данного этапа деятельности партии, в анализе социально-экономического развития.

Сегодня мы не можем не учитывать, что молодежь в значительной мере черпает информацию из газет, журналов, причем не только научных, но и общественно-политических, литературно-художественных. Часто эта информация дает одностороннее, а потому не всегда объективное представление о тех или иных этапах развития, событиях и явлениях. Отображаются лишь отдельные стороны исторического процесса. Такое одностороннее формирование исторического сознания молодежи опасно. Без осмысления процессов и этапов развития во всей их целостности, диалектическом единстве объективного и субъективного, позитивного и негативного невозможно добиться марксистской методологической культуры анализа общественных явлений. Нельзя забывать важнейшую воспитательную задачу — формировать убежденных в правоте и силе социализма людей. Анализ наших достижений, равно как и трудностей, больших вопросов исторического развития,

¹ См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 4.

² Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. С. 17

³ См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января. 1987 года. С. 7.

⁴ Там же.

требует от преподавателя большой взвешенности в суждениях, а также умения не поддаваться эмоциям и конъюнктуре.

Попытаемся дать определенные ориентиры преподавателю для анализа позитивного и негативного опыта общественного развития и деятельности КПСС в 1961—1985 гг.

60-е годы обогатили общество опытом постановки крупномасштабных задач, связанных с дальнейшим упрочением и совершенствованием общественных отношений, поиском и разработкой новых форм и методов управления народным хозяйством. Такое внимание к этой сфере общественного развития не было случайным. Партия и правительство исходили из учета изменившихся внутренних и внешних условий, во многом новой социально-экономической ситуации в стране.

Со второй половины 50-х годов стало ясно, что механизм хозяйствования, которым располагало наше государство, в значительной степени устарел. Он сложился в конце 20-х — в 30-е годы в чрезвычайных, во многом экстремальных обстоятельствах. Партийные документы и выступления руководителей партии и государства свидетельствовали, что именно так ситуация тогда и рассматривалась. Возникшая в годы первых пятилеток система хозяйствования оказалась необходимой в годы Великой Отечественной войны. Определенный эффект дала она и в послевоенных, также очень сложных условиях восстановления народного хозяйства.

Однако с 50-х годов перестали действовать чрезвычайные факторы, сложилась во многом новая экономическая ситуация. Резко изменились масштабы советской экономики. Так, к 1966 г. промышленность СССР имела уже более 300 отраслей. В стране насчитывалось примерно 47 тысяч промышленных предприятий, 13 тысяч строительных организаций, 12 тысяч совхозов и 37 тысяч колхозов¹. Число комбинаций различных хозяйственных связей измерялось астрономическими цифрами. В этих условиях стало экономически нецелесообразным, да и технически невозможным осуществлять управление методами прямого административного воздействия, регламентировать, как и прежде, деятельность предприятий. Нарастали трудности в управлении. Прежний уровень централизации оказался чрезмерным. Все более остро вставал вопрос о расширении хозяйственной самостоятельности предприятий.

Произошли изменения и в кадровом потенциале. Если раньше значительная масса высококвалифицированных специалистов была сосредоточена в системе управления, то в 50—60-е годы она в большей мере переместилась в сферу производства. Вырос образовательный и профессиональный уровень рабочего класса и крестьянства. Жизнь требовала создать условия для более полного и эффективного использования опыта и знаний трудящихся, дать больше самостоятельности на местах.

Новая экономическая ситуация определялась начавшейся в

¹ См.: Коммунист. 1968. № 5. С. 95.

стране научно-технической революцией. Она была связана с овладением ядерной энергией, освоением космоса, развитием химии, автоматизацией производства. К 1965 г. в промышленности СССР действовало уже около 6 тысяч автоматических и 43 тысячи механизированных поточных линий¹.

Однако существовавший механизм хозяйствования, практика планирования сдерживали техническое перевооружение производства, предприятия не были в достаточной мере заинтересованы в снятии с производства устаревших изделий и замене их более совершенной техникой. В такое положение попадали многие фабрики и заводы².

Сложилось серьезное противоречие между достигнутым уровнем развития производства, возможностями, которые открывал научно-технический прогресс, новыми явлениями в экономике, с одной стороны, и изжившими себя административно-командными формами и методами управления, старой практикой планирования, мелочной регламентацией деятельности предприятий — с другой. Вследствие этого в экономике страны стали проступать негативные явления. Произошло снижение эффективности промышленного производства. Если основные производственные фонды страны увеличились в 1959—1965 гг. примерно в 2 раза, то объем промышленной продукции вырос лишь на 84 процента³. Следовательно, отдача фондов снизилась, что было показателем снижения эффективности. Сократились темпы роста производительности труда⁴. Не были выполнены задания семилетнего плана в области сельского хозяйства.

В Центральном Комитете КПСС, в правительстве страны учитывались и анализировались все эти обстоятельства, необходимость скорейшего совершенствования механизма хозяйствования. С конца 50-х годов все более активным становится поиск новых подходов в экономической политике.

В 50-е — первой половине 60-х годов было осуществлено немало организационных перестроек управления народным хозяйством. Одной из реорганизаций была проведенная с 1957 г. перестройка управления отраслями по территориальному принципу, создание системы совнархозов. Как известно, на первых порах совнархозы дали определенный положительный эффект, в рамках экономических районов расширились возможности специализации и кооперирования; хозяйственники стали лучше «видеть» друг друга, улучшилась организация материально-технического снабжения и проч. Однако вскоре начался спад, усилились местнические тенденции. Регионы как бы замкнулись в себе, теряя обще-

¹ См.: Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный статистический ежегодник М., 1977. С. 150

² См.: Бейлина Е. Э. Экономическая политика КПСС и ее осуществление в условиях развитого социализма. М., 1980. С. 27

³ См. XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 29 марта — 8 апреля 1966 года. Стенографический отчет М., 1966 Т. I. С. 48

⁴ См. там же С. 53.

союзный рынок сбыта, создавали мелкие, но зато собственные предприятия. Но самое главное — нарушилось руководство отраслью как единым целым. Терялась отраслевая перспектива в области научных разработок, технического перевооружения. Это ослабляло возможности осуществления единой технической политики в стране. Попытки преодоления отмеченных недостатков путем укрупнения в 1962 г. совнархозов, образования в РСФСР, УССР, КазССР республиканских совнархозов, Совета народного хозяйства СССР, а также путем создания госкомитетов по отраслям промышленности не дали желаемых результатов.

В 1962 г. была осуществлена перестройка партийных органов, которые были разделены на промышленные и сельскохозяйственные. Негативные последствия этого сказались быстро. Производственный принцип лишал партийные организации согласованности действий в решении социально-экономических и политических вопросов. Произошло раздувание партийного аппарата. Это разделение было ликвидировано в конце 1964 г.

Оценивая усилия и поиски по совершенствованию управления, предпринимавшиеся в нашей стране в конце 50 — начале 60-х годов, следует отметить следующее. С одной стороны, этот поиск, широкое обсуждение экономических вопросов, попытки демократизации управления были адекватным продолжением того обновления общественной жизни, которое наметилось после XX съезда КПСС. Но, с другой стороны, расчет был в основном на эффект организационных перестроек, имели место многочисленные субъективистские импровизации в ущерб научности руководства. Самое главное, проводимые мероприятия по улучшению руководства экономикой не предусматривали крупных радикальных преобразований, затрагивающих глубинные пласты экономических связей и отношений, а частичное совершенствование отдельных элементов хозяйственного механизма не могло дать и не дало необходимого эффекта.

* * *

На октябрьском (1964 г.) Пленуме ЦК КПСС произошла смена руководства партии и страны, были «приняты решения, направленные на преодоление волюнтаристских тенденций и перекосов... Партия стремилась добиться известной стабилизации в политике, придать ей реалистические черты и основательность»¹.

После октябрьского и ноябрьского (1964 г.) Пленумов ЦК КПСС усилилось внимание партии к вопросу научности руководства, более тщательному учету объективных экономических законов, использованию экономических рычагов в управлении. К этому времени в партии и обществе созрело понимание ограниченности практики частичных изменений, понимание необходимости глубокой

¹ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. С. 28.

экономической реформы. Эта мысль явно прозвучала на XXIII съезде КПСС¹.

Поиск новых форм управления получил дополнительный импульс. В течение 1964—1965 гг. более чем на ста предприятиях страны были проведены эксперименты, проверены отдельные элементы предлагаемой учеными реформы хозяйственного механизма².

Мартовский и сентябрьский (1965 г.) Пленумы ЦК КПСС наметили новые подходы в руководстве экономикой³. В соответствии с их решениями во второй половине 60-х годов началось осуществление хозяйственной реформы.

Полезно дать аудитории некоторое разъяснение существа задуманных мер по совершенствованию системы управления народным хозяйством.

Главное, что предполагалось изменить в экономической политике на селе,— это порядок планирования и материального стимулирования. Каковы были результаты нового курса? На первых порах, пока действовали установки мартовского (1965 г.) Пленума, задуманные меры дали определенные результаты. Показатели, достигнутые сельским хозяйством в 1966—1970 гг., были намного выше, чем в предшествующий период. Производительность труда в среднем в год росла в этот период на 6,5 процента, что было в 2 раза больше, чем в 1961—1965 гг. Фонд оплаты по труду за 1965—1975 гг. вырос в 1,5 раза. В 1966—1970 гг. государство закупило почти на треть зерна больше, чем в предыдущее пятилетие⁴.

В соответствии с установками партии в промышленности была упразднена территориальная система управления. Руководство отраслями передавалось созданным министерствам. Были образованы Госкомитет по науке и технике СССР, Госснаб СССР, Госкомцен СССР. Все это должно было создать лучшие условия для развития научно-технического прогресса.

Хозяйственная реформа придала определенный импульс экономическому развитию страны. Она развязала на какое-то время инициативу предприятий, стимулировала появление производственных объединений, внутри которых на более высоком уровне решались вопросы технического перевооружения, совершенствования организации труда и производства, социальные проблемы.

Экономисты называют восьмью пятилетку «золотой». «По всем важнейшим социально-экономическим параметрам...— отмечает «Коммунист»,— период 1966—1970 годов был лучшим за последние 30 лет»⁵.

¹ См.: XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. С. 53—54.

² См.: Марков Н. Т. Партийная работа и экономическая реформа. Тула, 1972. С. 14.

³ См.: Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. С. 28

⁴ См. История СССР. 1972. № 1. С. 23; 1975. № 2. С. 16, Экономика сельского хозяйства. 1974. № 9. С. 10

⁵ Абалкин Л. Опираясь на уроки прошлого//Коммунист. 1987 № 16. С. 10.

Меры, намеченные хозяйственной реформой, были первым шагом на пути формирования концепции механизма управления, соответствующего новым условиям. Идеи, положенные в основу реформы, во многих своих чертах оказались правильными, созвучными потребностям нового этапа¹.

Пожалуй, одна из наибольших трудностей, встающих перед преподавателями, состоит в том, чтобы дать оценку экономической политике 70-х — первой половины 80-х годов. В литературе, как уже отмечалось, пока отсутствует соответствующий новым подходам, всесторонне обоснованный ее анализ. Тем не менее преподаватель не может совершенно обойти вниманием этот вопрос или же охарактеризовать проблему только негативно. Да, многие вопросы экономического и социального развития, поставленные в 70-е — первой половине 80-х годов, остались лишь директивой, не были реализованы или выполнялись частично. Сказался разрыв между словом и делом, когда, как отмечалось на XXVII съезде КПСС, «призывов и разговоров... было немало, а дела практически стояли на месте»². Установки XXIV, XXV и XXVI съездов в значительной степени носили ограниченный, некомплексный, половинчатый характер. Это была лишь часть проблем, которые уже давно надо было решать. К тому же имели место и прямые недоработки, просчеты в политике³.

Вместе с тем нельзя не учитывать, что в те годы была проделана немалая работа по выявлению и постановке крупномасштабных проблем, новых кардинальных вопросов социально-экономического развития. В решениях партии и правительства можно проследить и определенную преемственность, и новаторские идеи, в какой-то степени перекликающиеся с сегодняшними требованиями партии и открывающие, казалось, пути более эффективной экономической и социальной политики.

Была выдвинута задача интенсификации, эффективного хозяйствования. Один из важнейших поднятых тогда вопросов — вопрос об органическом соединении достижений научно-технической революции с преимуществами социализма, о развитии присущих социализму форм соединения науки с производством. Немало идей, развивавших и углублявших концепцию реформы 60-х годов, было выдвинуто в области совершенствования управления, в частности очень важными были положения об ориентации в управленческой деятельности на конечные народнохозяйственные результаты, о необходимости ослабить диктат производителя, с тем чтобы дать потребителю больше возможности влиять на производство.

Впервые в эти годы в качестве главной задачи экономического развития была выдвинута задача обеспечения благосостояния

¹ См.: Вопросы истории КПСС. 1988. № 4. С. 85

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза С. 23.

³ См.: Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. С. 18.

советских людей, повышения материального и культурного уровня трудящихся. Сравнивая решения XXIV, XXV и XXVI съездов КПСС в социальной области, можно заметить расширение круга тех проблем и задач, которые ставились.

Почему же намеченные крупномасштабные меры в социально-экономической области не были воплощены в практические дела? Какие причины лежат в основе того, что политика, проводимая в эти годы, не была эффективной? В силу каких обстоятельств усиливалось несоответствие между растущими возможностями социализма и практической реализацией его огромного потенциала?

Материалы XXVII съезда КПСС, документы партии последнего времени, прежде всего юбилейный доклад М. С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается», его доклад на XIX Всесоюзной конференции КПСС «О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки», материалы Пленумов ЦК КПСС 1987—1988 гг., содержат ясную концепцию обновления социализма и дают преподавателю возможность разъяснить эти сложнейшие вопросы, по-новому оценить политику того периода. При этом необходимо органически соединить изучение прошлого с задачами осмысления современности. Анализ причин, затормозивших наше продвижение вперед, должен подвести молодежь к пониманию важнейших механизмов и условий сегодняшнего ускорения социально-экономического развития, перестройки и обновления. Было бы целесообразно в ходе рассмотрения этих проблем вооружить молодежь и определенными выводами мировоззренческого, методологического характера, вытекающими из уроков негативного опыта развития в эти годы.

Какие моменты, на наш взгляд, необходимо здесь выделить?

Практика развития социализма, исторический опыт свидетельствуют, что главной причиной складывания механизма торможения, неудач многих преобразований была недостаточная включенность трудящихся в процессы управления, ослабление социального творчества масс и, как следствие этого, деформация и ослабление политико-управленческой деятельности в обществе.

В публикациях последнего времени можно найти определенный фактический материал, раскрывающий в соответствии с новыми подходами сложности развития демократии в 60-е — первой половине 80-х годов. Начавшийся после XX съезда процесс восстановления ленинских норм партийной и государственной жизни, демократизации общества не был доведен до конца, не пошел вглубь, а со второй половины 60-х годов фактически приостановился. Демократическая тенденция в дальнейшем ослабела, силы бюрократии и консерватизма не только одержали верх, но и еще больше укрепились¹. «Существующая политическая система, — отмечалось на XIX партийной конференции, — оказалась неспособной предохранить нас от нарастания застойных явлений в хозяйст-

¹ См.: Вопросы истории КПСС. 1988 № 4. С. 57—88.

венной и социальной жизни в последние десятилетия и обрекла на неудачу предпринимавшиеся тогда реформы... Провозглашение демократических принципов на словах и авторитарность на деле, трибунные заклинания о народовластии, но волюнтаризм и субъективизм на практике, говорильня о демократических институтах и реальное попрание норм социалистического образа жизни, дефицит критики и гласности — все это довольно широко распространилось, укоренилось в жизни общества»¹.

В то время весьма упрощенно толковались ленинские идеи о социалистической государственности, народовластии, богатстве его форм. О развитии демократии судили в значительной степени по формальным, количественным показателям. Между тем принципиальное значение имела ленинская постановка вопроса о демократизме как сути социалистического строя, когда человек чувствует себя хозяином и творцом. «Мы должны, — подчеркивал Ленин, — следовать за жизнью, мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам»². Чрезвычайно важна в методологическом отношении ленинская мысль о генеральном направлении политики в области демократизации, о переходе от организации «управления для трудящихся» к организации «управления через трудящихся»³, то есть о развитии социалистического самоуправления масс.

Однако в 70-е — первой половине 80-х годов система управления через аппарат государственной власти становилась все более разветвленной и сильной, а проблемы самоуправления, развития прямой, непосредственной демократии отодвигались на второй план. Данные проведенных в начале 80-х годов социологических обследований участия трудящихся в управлении производством, то есть там, где их интересы должны выражаться в наибольшей степени, показывали весьма тревожную картину. Лишь 3,5 процента опрошенных имели общественные поручения, связанные с участием в организации производства и совершенствовании хозяйственной деятельности. На вопрос: «Можете ли вы влиять на решение проблем развития вашего коллектива?» — утвердительно ответили лишь 16 процентов⁴. В этих условиях усилилась социальная пассивность, произошло снижение интереса трудящихся к политике. Социологические обследования показали, что до 40 процентов опрошенных не знали, кто представляет их в Советах⁵.

Особенно тяжелые последствия имело ограничение самостоятельности хозрасчетных прав объединений и предприятий, нарушение социалистических принципов оплаты по труду, социальной справедливости. Это подрывало основы материального стимулиро-

¹ Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 года. С. 36—37.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35 С. 27

³ Там же. Т. 38 С. 170.

⁴ См. Миккульский К. И. Роговин В. З., Шаталин С. С. Социальная политика КПСС. М., 1987. С. 153.

⁵ См.: Коммунист 1987 № 6 С. 83

вания, препятствовало достижению высоких конечных результатов, вело к снижению трудовой активности людей, падению дисциплины и порядка, отчуждению трудящегося человека от общественной собственности.

Недооценка демократизации и роли человеческого фактора, необходимости постоянной опоры на массы привела к тому, что практические действия партийных и государственных органов стали отставать от требований времени, произошло определенное ослабление партийного руководства. Общество становилось все более неуправляемым. Подлинная забота о людях, условиях их жизни и труда, социальном самочувствии нередко подменялась политическим заигрыванием, массовой раздачей наград, званий, премий. Все чаще нарушались принципы равенства членов партии перед Уставом КПСС и советскими законами. Многие коммунисты, занимавшие руководящие посты, оказались вне контроля и критики, что привело к провалам в работе, серьезным нарушениям¹. Произошло «ослабление роли партийных собраний и выборных органов, что лишало возможности коммунистов активно участвовать в обсуждении жизненно важных вопросов и в конечном счете реально влиять на обстановку в трудовых коллективах и обществе в целом»². Преподавателю следует подвести аудиторию к осмыслению важнейшего урока, вытекающего из анализа негативного опыта общественного развития в рассматриваемый период: успешно осуществлять перестройку можно лишь используя демократические методы работы. Только демократизация общества обеспечит в полной мере включение человеческого фактора в глубокие преобразования всех сторон жизни. Только через демократизацию и гласность можно покончить с глубоко укоренившейся апатией и дать мощный импульс социально-политической активности трудящихся. Только через заинтересованное и сознательное участие их самих во всех делах общества возможна реализация гуманистических целей социализма.

Экономическая реформа 60-х годов, а также намеченные КПСС в 70-е — первой половине 80-х годов меры социально-экономического характера не сопровождались преобразованиями в политических структурах, в социальном и духовном развитии общества, а потому окончились неудачей. В новых условиях, когда все сферы общественной жизни становятся тесно взаимосвязанными, особое значение приобретает вопрос о комплексном характере преобразований, единстве политики. Партийные и государственные решения не носили такого комплексного характера, были ограниченными, касались главным образом экономического базиса и слабо охватывали надстройку.

Недостаточное вовлечение трудящихся в процессы управления и контроля привело к прогрессирующей бюрократизации управле-

¹ См.: Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. С. 17—18

² Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года С. 13.

ния. Классики марксизма неоднократно указывали на опасность разрастания бюрократии для дела трудящихся, на необходимость рабочему классу защищать свои интересы, обезопасить себя от своих собственных чиновников¹. Что же было у нас? «...Управленческий аппарат, разросшийся почти до сотни союзных и восьмисот республиканских министерств и ведомств, практически стал диктовать свою волю и хозяйству и политике. Именно ведомства и другие управленческие структуры держали в руках исполнение принятых решений, своими действиями или бездействием определяли, чему быть, а чему нет. Советы, а во многом и партийные органы оказывались не в состоянии контролировать напор ведомственных интересов»². Налицо были многочисленные факты, когда местные ведомственные интересы прямо противоречили общегосударственным³.

Это наглядно проявилось в сопротивлении сил бюрократического консерватизма проведению в жизнь реформы середины 60-х годов. В министерствах и ведомствах, да и в руководстве предприятиями проявилось тяготение к привычным, устойчивым, ранее проверенным централизованным, административным формам управления. Возобладали инерция, сиюминутные интересы, стремление отмахнуться от того, что не укладывалось в привычные схемы⁴. Многие кадры управленцев были недостаточно компетентны. Они не только не хотели, но и не могли быстро перестроиться на работу в новых условиях. Министерства и ведомства по инерции продолжали предъявлять к предприятиям старые требования. Хозрасчетные права и самостоятельность предприятий все больше ущемлялись. Экономические методы сплошь подменялись администрированием⁵.

Силам бюрократического консерватизма, некомпетентности, ведомственности и местничеству могло быть противопоставлено развертывание инициативы и контроля масс. Однако этого не произошло.

Блокировка и свертывание реформы 60-х годов силами бюрократического консерватизма были одним из первых ощутимых проявлений того механизма торможения, который отчетливо выступил позднее⁶.

В 70-е годы — первой половине 80-х годов «возникла целая система ослабления экономических инструментов власти, ...сдерживания прогрессивных преобразований, позволяющих раскры-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 199—201; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 170; Т. 44. С. 337, 429 и др.

² Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 года. С. 36.

³ См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 27—29.

⁴ См. Смирнов Г. Революционная суть обновления // Правда. 1987. 13 марта

⁵ См. Коммунист. 1972. № 1. С. 32.

⁶ См.: Механизм торможения // Истоки, действие, пути преодоления, Валовой Д. Экономика в человеческом измерении. М., 1988.

вать и использовать преимущества социализма»¹. Это было важнейшим проявлением механизма торможения в экономике. По инициативе министерств и ведомств планы обрастали различными дополнениями отраслевого и регионального характера, причем часто не учитывались реальные народнохозяйственные возможности. Имела место несбалансированность планов, их нестабильность, не хватало научной обоснованности, нацеленности на решение стратегических задач. Огромное преимущество социалистического хозяйствования — плановость — использовалось неэффективно.

Ослабление экономических инструментов власти проявлялось в недооценке многих других рычагов экономического развития, серьезных просчетах в товарно-денежных отношениях, недооценке кооперативной формы ведения хозяйства, ослаблении экономического контроля за использованием социалистической собственностью и пр.

Бюрократическая, командно-административная система управления сдерживала прогрессивные преобразования. Хозяйственный механизм мало поощрял даже новаторов. Можно привести немало примеров из нашей жизни тех лет².

Известен опыт Щекинского химического объединения «Азот». Впервые на комбинате была внедрена система стимулирования высокопроизводительного труда, обеспечивающая значительное увеличение выпуска продукции, рост производительности труда при одновременном уменьшении численности работающих. Однако распространение щекинского метода шло с большим трудом, так как органы управления осуществляли по отношению к коллективам, последовавшим примеру щекинцев, многочисленные изменения условий эксперимента, что снижало экономическую заинтересованность предприятий в высвобождении персонала, в техническом перевооружении и поиске резервов. Щекинское объединение «Азот» в результате этих изменений потеряло 1,2 миллиона рублей, которые по первоначальным условиям могли бы быть перечислены в фонд материального поощрения³.

Каковы последствия всех этих серьезных деформаций в управлении хозяйством?

В 1971—1985 гг. налицо была отрицательная динамика роста по важнейшим экономическим показателям. Темпы роста национального дохода составляли в восьмой пятилетке — 41 процент, в девятой — 28, в десятой — 21, в одиннадцатой — 17 процентов. Рост производительности труда в восьмой пятилетке был 37 процентов, в девятой — 25, в десятой — 17 процентов⁴. Тип экономи-

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года. С. 10.

² См.: Экономика и организация промышленного производства. 1982 № 1 С. 104—105.

³ См.: Коммунист. 1979 № 11. С. 44.

⁴ См.: Вопросы экономики 1986. № 2. С. 16, Рабочий класс и современный мир 1986. № 6 С. 42.

ческого развития продолжал оставаться экстенсивным. По подсчетам экономистов, за десятую и одиннадцатую пятилетки доля интенсивных факторов в развитии общественного производства увеличилась лишь с 33 до 40 процентов¹. Затянувшееся экстенсивное развитие вело к нарастанию противоречий в экономической и социальной сферах. Поэтому преподаватель не может уйти от анализа этой сложной и важной в мировоззренческом отношении проблемы.

* * *

На занятиях целесообразно обратить внимание на состояние теоретической мысли в рассматриваемый период. Весь комплекс теоретических построений о социализме не нацеливал на глубокий анализ достигнутого в сравнении с возможностями. В рамках концепции развитого социализма реальный социализм 70-х годов трактовался как высшее для того времени достижение социального прогресса. Отмечалось, что реальный развитой социализм открывает полный простор для действия законов социалистического общества, для выявления его преимущества во всех сферах жизни, характеризовались его органическая целостность и динамизм. Имели место абсолютизация гармонии общества и представления о нарастающем единообразии процессов по мере движения к коммунизму (все более полное развитие государственной собственности, неизменность политических структур, стирание социальных различий и т. п.).

Естественно, такой подход не оставлял места для анализа трудностей и противоречий. Они, как правило, констатировались в самом общем виде. Теория не давала полноты анализа происходящих процессов и противоречий реальной жизни. Это не могло не сказаться на практике управления. Принимаемые решения часто не учитывали всей сложности и противоречивости развития, носили половинчатый, ограниченный характер. Какие же просчеты и недоработки в политике имели место?

Так, например, уже в ходе осуществления реформы 60-х годов вскрылись значительные недостатки перевода на новую систему хозяйствования. Он шел чрезвычайно неравномерно, по группам предприятий и отраслям. В ряде отраслей (в торговле, коммунальном хозяйстве, снабжении, сбыте) реформа осуществлялась в виде опыта на группах предприятий. Действительная, глубокая перестройка всех элементов хозяйственного механизма была характерна лишь для передовых предприятий. Имела место недостаточная последовательность перевода на новые принципы хозяйствования отраслей и предприятий. А экономические связи в народном хозяйстве требовали общности условий функционирования. Слабо оказались затронуты реформой такие участки экономики, как финансы, ценообразование и пр. В результате глубокие ее резервы не были приведены в действие. Кроме того,

¹ См.: Политическое самообразование 1986 № 5 С. 30

осуществление реформы как бы остановилось посередине, на уровне предприятий. Реформа не захватила эшелоны управления. Материальное стимулирование в органах управления практически не зависело от результатов работы отраслей. Хозрасчет не дошел и до конкретного рабочего места.

Проявились и недоработки отдельных элементов новой системы управления. Так, выявилось, что не были достаточно отлажены механизм экономического контроля за улучшением качества продукции, методы экономического воздействия на ускорение научно-технического прогресса, на усиление заинтересованности предприятий в более высоких плановых показателях. Требовалось уточнить механизм хозрасчетных отношений между предприятиями и отраслями с учетом их специфики¹.

Существенные упущения проявились в аграрном секторе. Хотя в изучаемый период было приложено немало усилий, направленных на стабилизацию положения в сельском хозяйстве, аграрная политика проводилась с постоянными отступлениями и искажениями. Новые формы управления, задуманные в соответствии с решениями мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, не были внедрены. В 70-е — первой половине 80-х годов противоречия и трудности в развитии сельского хозяйства приобрели еще более острый характер. Сложная ситуация в этой сфере экономики не анализировалась со всей глубиной. Проблемы пытались решать путем увеличения капиталовложений. Только в 70-е годы они составили почти 228 миллиардов рублей². Однако затраты колхозов и совхозов на средства производства, на приобретение промышленной продукции, на сельскохозяйственное строительство и оплату услуг Сельхозтехнике, Сельхозхимии и пр. все увеличивались. Не были оправданы и масштабы процесса преобразований колхозов в совхозы, поскольку по уровню интенсификации производства колхозы шли впереди совхозов.

Хроническое отставание культурно-бытовой и другой инфраструктуры села толкало население на уход в город. Особенно обезлюдели деревни в Нечерноземной зоне РСФСР. Все эти упущения в политике усилили дестабилизацию экономического положения в деревне, привели к снижению темпов роста сельскохозяйственной продукции в стране, обострили продовольственную проблему, несмотря на то что за последние 17 лет капиталовложения в сельское хозяйство составили 680 миллиардов рублей³.

Серьезные просчеты имели место в деле ускорения научно-технического прогресса. Машиностроению, являющемуся основной базой развития экономики, не было придано приоритетного значения. Темпы развития этой отрасли в 1971—1985 гг. стояли на

¹ См.: Материалы XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза С. 167.

² См.: Народное хозяйство СССР в 1980 г. Статистический ежегодник М., 1981. С. 337.

³ См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 29 июля 1988 года. М., 1988 С. 20.

уровне темпов роста всей промышленности¹. Недостаточные меры предпринимались в области реконструкции, повышения технического уровня этой отрасли. Как отмечалось на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, в результате неправильной структурной политики «машиностроение оказалось в запущенном состоянии»².

В целом из-за недостатков в научно-технической политике прогресс развивался вяло, связь науки с производством оставалась слабым звеном экономики. Шел постоянный процесс старения производственного оборудования³.

Не были продуманными до конца и многие решения в социальной области.

Как известно, главным направлением в политике роста благосостояния была политика заработной платы. Партия взяла курс на опережающее повышение денежных доходов низко- и среднеоплачиваемых категорий трудящихся. В девятой пятилетке минимальный размер зарплаты был поднят до 70 рублей, в десятой — до 90 рублей. Одновременно увеличивались ставки и оклады среднеоплачиваемых категорий трудящихся. В девятой пятилетке эти меры охватили свыше 50 миллионов человек, в десятой — 31 миллион человек. Происходило регулирование заработной платы по отраслям и регионам страны. Повышение заработной платы одновременно большим группам трудящихся, несомненно, имело значение для роста их благосостояния. За 25 лет реальные доходы на душу населения увеличились в 2,6 раза⁴. Однако постепенно вскрылись отрицательные стороны и серьезные противоречия такого пути роста доходов. Линия на сближение уровней заработной платы различных категорий работников привела фактически к относительному снижению оплаты более сложного квалифицированного труда большой армии инженеров, а также врачей, учителей. При такой системе повышения заработной платы не учитывались и трудовой вклад работника, качество, производительность его труда. Порочная практика хозяйствования в условиях старого экономического механизма гарантировала получение доходов при любых результатах труда.

Дефицит трудовых ресурсов, вызванный затянувшимся экстенсивным развитием, огромным объемом ручного, малоквалифицированного тяжелого труда, также пытались восполнить повышением оплаты труда и различными социально-компенсаторскими мероприятиями. Как следствие, шел спонтанный рост оплаты мало-квалифицированного труда. Уравнительные тенденции имели

¹ См.: Материалы XXIV съезда КПСС С. 251, 253, 259; Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. С. 139—142; Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 152—162.

² Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25—26 июня 1987 года. М., 1987. С. 39

³ См.: Рыжков Н. И. О Государственном плане экономического и социального развития СССР на 1986—1990 гг. М., 1986. С. 15.

⁴ См.: Коммунист. 1986. № 5. С. 24.

место и при распределении премий, различных льгот, распределении жилья и пр. Нарушения принципа распределения по труду приводили к потере материальной заинтересованности работников в результатах своей трудовой деятельности, снижали трудовую активность, вели к распространению различных не контролируемых государством приработков. Существующая система распределительных отношений пришла в резкое несоответствие с экономическими и социальными целями нашего общества.

Недостаточно глубокий анализ происходящих процессов и реальных противоречий жизни был причиной того, что были допущены отставание и остаточный принцип выделения средств по ряду важных направлений и пр. При этом производство товаров народного потребления, организация снабжения продовольствием, развитие сферы услуг, торговли, транспорта, индустрии отдыха и культуры, медицинского обеспечения и строительной индустрии не поспевали за новым уровнем потребностей трудящихся. Партийные, государственные, советские органы в центре и на местах допускали определенную недооценку этих участков социальной жизни¹.

На основе анализа просчетов и недостатков в политике в 1961—1985 гг. преподаватель может подвести аудиторию к осознанию важнейшего урока негативного исторического опыта общественного развития. «Вскрывать, анализировать противоречия, понимать их природу и на этой основе выстраивать систему политических, экономических, социальных, организационных и идеологических мер — таким должен быть наш подход»², — отмечал М. С. Горбачев.

В ходе занятия преподавателю важно добиться понимания роли субъективного фактора, политики, политического руководства в судьбах социализма. Все процессы при социализме развиваются под огромным воздействием политико-управленческих отношений. Слабости и деформации в политико-управленческих отношениях оказывают особое влияние на развитие всех общественных процессов. Необходимо, чтобы студенты четко представляли те стороны партийной работы, которые ослабляли ее практическую деятельность по руководству страной. Это просчеты в деятельности партийного руководства, не сумевшего осознать всю остроту и неотложность общественных перемен, отсутствие у него решительности и целеустремленности в практических делах, благодущие и самоуспокоенность.

В связи с этим преподаватель может оценить роль Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева, о чем опубликовано немало статей, других материалов в нашей периодике.

В рассматриваемый период КПСС росла быстрыми темпами, постоянно пополнялась свежими силами. Она выросла с 1961 г. более чем на 9 миллионов человек и объединяла к XXVII съезду

¹ См.: *Микульский К. И., Роговин В. З., Шаталин С. С.* Социальная политика КПСС С. 136.

² *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка революция продолжается С. 41.

КПСС свыше 19 миллионов коммунистов¹. Однако было много просчетов в вопросах улучшения качественного состава партии, в подборе и воспитании руководящих партийных кадров. Существовали многочисленные бюрократические разнарядки и подходы при приеме в партию, слабо учитывалось мнение трудового коллектива в отношении вновь вступающих, недостаточное внимание уделялось аттестации коммунистов, особенно среди руководящих работников, процессу самоочищения партии. Были ослаблены демократические начала в кадровой политике, роль органов контроля. Но вместе с тем надо учитывать, что именно в партии возникли и развились новые позитивные тенденции, вызрели зерна сегодняшнего обновления.

* * *

Итак, механизм торможения возник потому, что в силу деформаций и слабости в политико-управленческой деятельности не был своевременно осуществлен исторический поворот к обновлению.

В этой связи хотелось бы обратить внимание преподавателей еще на одну важную для мировоззренческого развития молодежи проблему — вопрос о соотношении преемственности и новаторства в деятельности Коммунистической партии. Сочетание преемственности и новаторства в политике — это источник авангардной роли партии, жизненности ее курса, прогресса социализма. На основе сознательно используемых партией преемственности и новаторства происходит определенное регулирование общественного развития, выявляется, что нужно использовать, а от чего отказаться.

Но в истории были и есть переломные моменты, когда в силу определенных условий Коммунистическая партия должна отдать приоритет новаторству. В самой преемственности курса на первый план выступает критический анализ прошлого, той его части, которая становится отягчающим грузом для новаторских решений и действий.

Ленин отмечал: «Сила наша была и будет в том, чтобы совершенно трезво учитывать самые тяжелые поражения, учась на их опыте тому, что следует изменить в нашей деятельности»².

Перед нашей партией, перед обществом в целом и перед молодым его поколением стоит ответственнейшая задача — глубоко и детально разобраться, от какого наследия прошлого следует решительно отказаться и в то же время на какие реальные достижения социализма мы должны сегодня опираться в практических делах.

Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 123—138

¹ См.. Материалы XXII съезда КПСС М., 1961. С. 99; Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 77.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 205.

КТО РАЗВЯЗАЛ «ХОЛОДНУЮ ВОЙНУ»...

Не только история, но и отношение к ней знает крутые повороты, обозначающие качественные этапы политического, социального, нравственного развития человеческого сообщества. С достаточной степенью надежности можно прогнозировать: когда цивилизация перешагнет через силовые поверья, все согласится с тем, что «холодная война» — одна из самых печальных глав XX столетия — явилась порождением прежде всего людских несовершенств и идеологических предрассудков. Ее вполне могло не быть. Ее не было бы, если бы поступки людей и действия государств соответствовали их словам и декларациям. Всегда и во всем.

Тем не менее «холодная война» обрушилась на человечество. Поистине уникальный шанс строительства прочного мира для многих поколений, дававшийся после разгрома агрессоров во второй мировой войне, остался неиспользованным. Может быть, страны антигитлеровской коалиции переоценили собственные потенции? Или на пути к незыблемому миру неожиданно для них самих возникли обстоятельства, которых СССР, США и Англия не знали в Тегеране, Ялте и Потсдаме?

На каждый из этих и им подобных вопросов возможен категоричный ответ: «холодная война» разразилась, поскольку ее очень желали. Желали те, кому не терпелось заместить только что выбитых из седла претендентов на мировое господство и сделать Землю «по крайней мере на 85 процентов» (выражение Г Трумэна) похожей на американский эталон.

Законно спросить: как же так, едва убедившись, сколь дорого обходится небрежение возможностями сотрудничества во имя мира, вчерашние боевые союзники вдруг превратились во врагов, которым тесно на одной планете? Что побудило их гипертрофировать прежние ошибки и добавить к ним множество заново изобретенных! Это не вязалось со здравым смыслом, не говоря уже о союзническом долге и элементарных понятиях порядочности.

Все верно, если не принять во внимание, что «холодная война» разразилась не вдруг. Как ни парадоксально это прозвучит, она родилась в горниле «горячей войны» и наложила на ход последней весьма заметный отпечаток. Увы, очень многие в США и Англии восприняли взаимодействие с СССР в борьбе с агрессорами как вынужденное, противное их привязанностям и интересам и втайне, а кое-кто и явно мечтали о том, что сражения, наблюдателями которых долго были Лондон и Вашингтон, истощат силы и Германии, и еще больше Советского Союза.

Нет, не просто мечтали, но отработывали за плотно прикрытыми дверями варианты стратегии и тактики в расчете на обретение «решающего преимущества» на финальной прямой войны, когда пробьет час подводить итоги, и на активное использование

этого преимущества против СССР, которого адмирал У. Леги (приближенный Ф. Рузвельта и доверенное лицо Г. Трумэна) с 1943 г. именовал в «своем кругу» не иначе как «новым агрессором». В 1944 г. руководители американских вооруженных сил начали настраиваться на «неизбежную» третью мировую войну с «тоталитарным государством-агрессором» и сообразно прикидывали состав войск для будущей оккупации, в особенности Германии.

Г. Гопкинс, советник Ф. Рузвельта, записал в 1945 г., что кое-кому за океаном «очень хотелось, чтобы наши (американские) армии, пройдя через Германию, начали войну с Россией после поражения Германии». И кто знает, как в реальности сложились бы дела, если бы карты не путала неоконченная война с Японией и потребность в помощи Красной Армии, чтобы, как тогда высчитывали, «сэкономить до миллиона американских жизней».

Наверное, полное раскрытие архивов в чем-то восполнит изображение, уточнит трактовку конкретных событий прошлого. Но черное останется черным, белое — белым. Нам, разумеется, придется также — и не раз — задаваться вопросом — всегда ли соразмерной была советская реакция на актуальные и потенциальные вызовы, бросавшиеся нашему государству? Здесь есть над чем поразмыслить, не предаваясь, однако, соблазну искать истину «посередине», делить метафизически надвое вину за все пред- и послевоенные осложнения, перипетии, трагедии, а то и вовсе якобы ради «размежевания» с прошлым принять и сии грехи на Сталина и сталинизм. Такой метод не прибавит знаний и политической мудрости. В оптимальном случае он подменит одну полуправду другой, пожалуй, еще менее достойной.

1

Итак, термин «холодная война» был пущен в оборот в 1947 г. Им стали обозначать состояние политической, экономической, идеологической, «полувоенной» и прочей конфронтации между государствами и системами. Один из главных теоретиков и практиков «холодной войны», Джон Фостер Даллес, проповедовал в качестве вершины стратегического искусства для США «балансирование на грани войны». А в одном правительственном документе Вашингтона той поры для ясности записано: «холодная война» суть «настоящая война», ставка в которой — «выживание свободного мира».

На войне как на войне. Тут запреты либо не существуют, либо девальвируются и превращаются в ритуальные условности. Как условным бывает выполнение союзнических договоренностей и обязанностей, если мыслями и поступками партнера движет голый расчет. Чтобы было понятно, о чем речь, придется вернуться назад.

С июня 1941 г. Советский Союз в тягчайшем единоборстве перемалывал сухопутные и военно-воздушные силы нацистской Гер-

мании. «Самой большой опорой» называл президент Ф. Рузвельт «русский фронт».

Великое сражение на Волге, по признанию биографа Рузвельта и его помощника Роберта Шервуда, «изменило всю картину войны и перспективы ближайшего будущего. В результате одной битвы — которая по времени и невероятному количеству потерь была фактически равна отдельной крупной войне — Россия стала в ряд великих мировых держав, на что она давно имела права...». Советская победа на Курской дуге развеяла у Вашингтона и Лондона все сомнения в исходе войны. Крах гитлеровской Германии был теперь лишь вопросом времени.

Но время не нейтрально. Его можно использовать по-разному. В коридорах власти на Темзе и Потомаке воинствующие политики и политиканы-военные, ведущие идеологи и политологи все чаще обращаются к щекотливой теме: не исчерпала ли себя антигитлеровская коалиция, не пробил ли час трубить антикоммунистический сбор?

Известный британский авторитет в области стратегического планирования Лиддел-Харт в секретной записке (октябрь 1943 г.) докладывал У. Черчиллю: по иронии судьбы мощь, которую англичане намерены смять, так как она громадной преградой стоит на их пути к победе, одновременно является самой мощной опорой западноевропейского здания. Лиддел-Харт призывал выйти «за рамки ближайшей задачи, в сущности уже достигнутой (наступательный потенциал Германии сломлен), и позаботиться о том, чтобы длительный путь к последующей цели был расчищен от опасностей, уже довольно отчетливо вырисовывающихся на горизонте».

Упражнения в риторике? Лиддел-Харт с некоторым, правда, запозданием подкреплял позицию тех деятелей, кого страшил демократический разворот второй мировой войны. А насколько все обстояло серьезно, говорит документ Управления стратегических служб (УСС) США, представленный вниманию Квебекской конференции Ф. Рузвельта и У. Черчилля (август 1943 г.). УСС выдвигало три варианта действий:

«1. Немедленно предпринять попытку урегулировать наши расхождения с Советским Союзом и сосредоточить внимание на общих интересах, которые мы имеем с этой державой.

2. Америка и Великобритания продолжают в течение некоторого времени стратегию и политику, независимо в самом важном от стратегии Советского Союза, в надежде добиться тем самым как поражения Германии, так и укрепления своих позиций через урегулирование некоторых противоречий с Россией.

3. Попытаться повернуть против России всю мощь непобежденной Германии, пока управляемой нацистами или генералами».

Авторы меморандума делали многозначительную оговорку о том, что измена, если предпочтение будет отдано «третьей альтернативе», не пройдет гладко. Почему? Во-первых, было бы непросто убедить общественность Англии и США в необходимости разрыва с СССР. Во-вторых, коль удастся «победить Советский Союз толь-

ко силой», англосаксонским державам позже придется «взяться еще раз и без помощи России за трудно- и, может быть, невыполнимую задачу нанесения поражения Германии».

В квебекском протоколе мы читаем, что участники заседания генералы Маршалл и Арнольд, адмиралы Леги и Кинг (США), военные руководители из Англии Брук, Паунд и Портал примеряли, «не помогут ли немцы» вступлению англо-американских войск в Германию, «чтобы дать отпор русским». Независимо от решения — оно было, к счастью, отрицательным — сам факт обсуждения вопроса о способах и времени измены союзнику, делу антигитлеровской коалиции говорит за себя. От предательства воздержались. Не потому ли, что, как предвещали эксперты Вашингтона и Лондона, СССР окончательно исчерпает свои наступательные ресурсы к весне — лету 1944 г.? К моменту предполагавшейся высадки в Европе.

Вскоре нашим союзникам пришлось принять один-другой холодный душ. Открыв в июне 1944 г. второй фронт, они наконец не в теории, а воочию смогли представить масштабы военных тягот, которые нес три бесконечно долгих года советский народ. Одних это наполнило восхищением и благодарностью, в других опять всколыхнуло давние страхи, подозрения и неприязнь к СССР.

2

На заключительном этапе войны соперничество двух тенденций в политике США и Англии резко обострилось. Подняли забрало круги, жаждавшие сепаратного замирения с «консервативной» Германией и окончания войны, прежде чем «русские войдут в Европу». Готовились специальные рейды для установления западного военного контроля над Австрией, Венгрией, Болгарией и Румынией. «Я очень хотел,— вспоминал после войны Черчилль,— чтобы мы опередили русских в некоторых районах Центральной Европы».

Показателен в этом контексте конфликт вокруг «дела Вольфа» — переговоров эмиссаров США и Англии в Швейцарии с обергруппенфюрером СС Карлом Вольфом (март — апрель 1945 г.). В западной литературе «дело Вольфа» нередко квалифицируют как «первую операцию «холодной войны». По расчетам Аллена Даллеса, который договаривался с нацистским представителем, германское командование сдало бы с рук на руки США и англичанам Австрию и некоторые другие «территории». Если бы снежный ком покатился, как задумано, то за капитуляцией группировки вермахта в Италии последовало открытие англо-американским войскам всего западного фронта при сохранении и усилении сопротивления наступлению Красной Армии.

Можно добавить, что «дело Вольфа», вернее «Вольфа — Даллеса», было наиболее крупной операцией против Ф. Рузвельта и его курса, начатой еще при жизни президента и призванной расстроить выполнение Ялтинских соглашений. Выступая перед объединенной

сессией конгресса 1 марта 1945 г., Рузвельт подчеркивал: «Мир, который мы строим, не может быть американским или британским миром, русским, французским или китайским миром. Он не может быть миром больших или миром малых стран. Он должен быть миром, базирующимся на совместных усилиях всех стран». Должен прийти, говорил президент, «конец системы односторонних действий, замкнутых блоков, сфер влияния, баланса сил и всех этих и подобных методов, которые использовались веками и всегда безуспешно». Мир, начертанный Ф. Рузвельтом, абсолютно не устраивал набиравшую силу в Вашингтоне реакционную фракцию.

12 апреля 1945 г. президент Ф. Рузвельт скоропостижно скончался. Буквально на следующий день либерализм и готовность принимать в расчет чужие интересы стали в Вашингтоне предсудительными качествами.

На совещании в Белом доме 23 апреля 1945 г. преемник Рузвельта поставил под сомнение полезность любых соглашений с Москвой. «Это (советско-американское сотрудничество. — Л. Б., В. Ф.) нужно ломать сейчас или никогда...» — заявил он. Трумэн полагал, что «русские» только мешают США и последние вполне обойдутся без взаимопонимания с СССР. Дж. Маршаллу и другим военным стоило труда урезонить своего нового главнокомандующего. Сошлись на том, что союзные отношения с СССР будут прекращены после капитуляции Токио.

Заметим, Г Трумэн проявил свой пылкий темперамент до того, как его посвятили в тайны «манхеттенского проекта». О работах над атомной бомбой президент узнал 25 апреля из устного доклада военного министра Г Стимсона и администратора проекта генерала Л. Гроувса. Встреча длилась 15 минут, и президент схватил суть следующим образом — США располагают средством, которое позволяет им монопольно вершить мировые дела. В эти четверть часа, отмечает американский исследователь, бомба превратилась в «доминанту послевоенного планирования» Вашингтона.

3

Сегодня у нас есть возможность восстановить по дням и даже по часам хронологию селекции правительством Трумэна семян «холодной войны», давших немало ядовитых всходов. Обратимся к подлинным американским документам — к дневникам президента Г Трумэна, «длинной телеграмме» Дж. Кеннана из Москвы в Вашингтон, разработкам объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ) и его подразделений — объединенного разведывательного комитета (ОРК), объединенного комитета военного планирования (ОКВП), а также учрежденного в 1947 г. совета национальной безопасности (СНБ).

Начало 1945 г. Еще жив Рузвельт. ОКНШ возглавляет адмирал Леги, который часто расходится с президентом, особенно в вопросах отношений с СССР. И все же в аналитическом документе «Возможности и намерения СССР в послевоенный период» (ОРК

80 от 6 января 1945 г.) фиксируется: СССР будет отдавать высший приоритет экономическому восстановлению и ограничится «классической целью» создания, избегая международных конфликтов, «пояса безопасности» вокруг своих границ. Эти оценки повторяются в фундаментальном документе ОРК 250/1 от 31 января 1945 г. Советский Союз, подчеркивается в нем, «должен и будет, по меньшей мере до 1952 г., избегать конфликтов с Великобританией и США», ибо после окончания военных действий в Европе у СССР нет «ни ресурсов, ни, что касается определяющих экономических факторов, возможностей вести авантюристическую внешнюю политику, которая с точки зрения советских лидеров может вовлечь СССР в конфликт или в гонку вооружений с великими западными державами».

Пройдет всего несколько месяцев. 9 октября 1945 г. ОКНШ (документ 1545) бьет тревогу: Советскому Союзу приписывается «способность захватить всю Европу сейчас или к 1 января 1948 года», бросив на это «40 дивизий». Заодно с Европой Москве ничего не стоит включить «в сферу своего влияния» Турцию и Иран. Заказчик требует до предела сгустить драматические тона. Пожалуйста. Послушные исполнители наделяют СССР потенциалом, позволяющим одним броском достичь Пиренеев и перевалить за них, а в Азии — захватить Китай.

Читаем дальше и обнаруживаем, как составители меморандума смакуют «слабости» СССР, напирая на затяжные сроки их преодоления:

а) Военные потери в людской силе и промышленности, откат назад от развитой промышленности (15 лет).

б) Отсутствие технических сил (5—10 лет).

в) Отсутствие стратегических ВВС (5—10 лет).

г) Отсутствие ВМФ (15—20 лет).

д) Плохое состояние железных дорог, военного транспорта — систем и оборудования (10 лет).

е) Уязвимость нефтяных источников, жизненно важных промышленных центров для бомбардировщиков дальнего действия.

ж) Отсутствие атомной бомбы (5—10 лет, возможно раньше).

з) Соппротивление в оккупированных странах (в течение 5 лет).

и) Численная военная слабость на Дальнем Востоке, особенно ВМС (15—20 лет)».

Как свести концы с концами? Проще простого — слабый может стать сильным. Зачем ждать? Почему не упредить гипотетически тревожное развитие, пока намеченная жертва уязвима?

Вчитаемся в документ ОКНШ 1496/2 от 19 сентября 1945 г. Он составлен через две недели после безоговорочной капитуляции Японии: «Когда станет ясно, что против нас готовятся выступить войска потенциального противника, мы не сможем позволить себе, чтобы из-за наших ложных и опасных идей о недопустимости собственных агрессивных действий нам был бы нанесен первый удар!» Должны быть «приняты все подготовительные меры к нанесению первого удара (США), ежели он будет необходим».

Упреждающий, превентивный, разоружающий первый удар становится навязчивой идеей. Чтобы удар был роковым, составляются дьявольские комбинации параллельного применения атомного, радиологического, химического, бактериологического оружия. В директиве СНБ 68 (14 апреля 1950 г.) этот (без преувеличения) злодейский замысел оправдывается тем, что «в эпоху современных систем оружия военное преимущество возможного первого удара приобретает все большее значение, и это означает для нас (США) необходимость быть в таком состоянии готовности, чтобы, когда мы подвергнемся нападению, ударить всей силой и, если возможно, еще до того, как фактически будет произведен советский удар».

Готовность к агрессивной войне, настрой на ядерную вакханалию превращается в способ существования. Идет бурный процесс милитаризации экономики, идеологии, психологии общества. Понятия терпимости, равенства, обоюдной выгоды становятся изгоями. Вашингтон погружается в великодержавный транс, втягивая в него другие страны Запада.

4

Первым документом в обширной серии разработок, прямо нацеленных против СССР, являлся меморандум ОРК за номером 329. Он сочинен 4 сентября 1945 г., то есть на следующий день после официального завершения второй мировой войны. В меморандуме ставилась задача:

«Отобрать приблизительно 20 наиболее важных целей, пригодных для стратегической атомной бомбардировки в СССР и на контролируемой им территории».

Намеченные цели, указывалось в пояснении, «представляют собой ряд смешанно-индустриальных районов, на которые приходится высшая концентрация научных и исследовательских центров, специализированных промышленных предприятий, основной правительственный и управленческий аппарат. Этот выбор обеспечит максимальное использование возможностей атомного оружия». Далее шло перечисление — Москва, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Ленинград, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Тбилиси, Новокузнецк, Грозный, Иркутск, Ярославль. На гибель обрекалось 13 миллионов советских людей. В перечне, заметьте, нет Киева, Минска, Харькова, Сталинграда — к тому времени они уже были превращены в руины, правда не американцами.

Наметки уточнялись и дополнялись в планах 329/1 (3 декабря 1945 г.) и 432/д (14 декабря 1945 г.), причем в последнем без обиняков заявлялось, что у американской стороны «решающее» преимущество, поскольку «в настоящее время СССР не располагает возможностью причинить аналогичные разрушения промышленности США».

Планы войны приобретали от месяца к месяцу все более изощренный вид по мере разрастания американских арсеналов. Вот кодовые названия, которые получал дамоклов меч, занесенный над Советским Союзом и «контролируемыми им территориями»: «Пинчер» (1946 г.), «Бройлер» (1947 г.), «Граббер», «Эразер», «Даблстар», «Хафмун», «Фролик», «Интермеццо», «Флитвуд», «Сиззл» (все 1948 г.), «Дропшот» и «Оффтэкл» (1949 г.).

Несколько слов о некоторых из них. Экспериментальный план «Пинчер». Он (в числе прочего) предусматривал, что нападение на СССР будет совершаться с использованием баз в третьих странах — Турции, Италии, Китае. Понятно, не посвящая правительства в намерения Вашингтона.

План «Бройлер». Масштабы агрессии ширятся, и сообразно этому в операции вовлекаются базы в Англии, Египте, Индии, на островах Рюкю.

План «Дропшот» — вся планета поле боя. Похоже, его составители тешили себя иллюзией, что не последнего.

Если в документах серии ОРК 329 предусматривалась бомбежка 20 советских городов, то в 1948—1949 гг. ориентировались уже на уничтожение 70 городских центров. Планом «Дропшот» 300 атомных бомб и 29 тысяч тонн «обычных» бомб привязывались к 200 целям в ста городах, с тем чтобы за один прием превратить в пепел 85 процентов советской промышленности. 75—100 атомных бомб отпускались на выведение из строя на аэродромах советской стратегической авиации.

Для облеченного в форму букв, цифр, схем человеконенавистничества «варварство» — слишком мягкое обозначение. Столь же плохо вписываются «Пинчеры», «Эразеры», «Оффтэклы» и «Дропшоты» в обычную интерпретацию термина «холодная война». С превеликой натяжкой можно совместить с состоянием мира также психологическую войну, которую США развязали с 1945 по 1947 г. против СССР, мирового рабочего движения, против национально-освободительной борьбы. Вспомним, американский конгресс ежегодно демонстративно выделял сотни миллионов долларов для «подрывной работы на территории СССР». В дополнение к десяткам миллиардов на те же цели, которые тратились нелегально.

Трудно отделаться от впечатления, что Вашингтон во множестве расставлял нам провокационные силки в расчете — допустит Москва короткое замыкание, и налицо повод задействовать один из державшихся наготове планов «сознательно вовлечь Советский Союз в войну в ближайшем будущем», в расчете на «возможное достижение победы на раннем этапе войны» (директива СНБ 68 от 14 апреля 1950 г.).

Президента смущало слово «возможно». Он требовал двойных, тройных, десятикратных гарантий. Так родились замысел «Дропшота» и срок приведения «свободного мира» в полную готовность к войне 1 января 1957 г. Ну а до тех пор блокады, использование наемников, террористов, организация мятежей и волнений.

Причем деятельность подрывных элементов «планируется так, — предписывает директива СНБ 10/2 (1948 г.), — что внешне не заметен ее организатор — правительство США, а в случае разоблачений правительство США может правдоподобно отрицать всякую ответственность за нее». Пока Соединенные Штаты «не достигнут определенного уровня своего потенциала», надлежит «при любом обновлении политики и принятии мер подчеркивать их принципиально оборонительный характер и заботиться о том, чтобы, насколько это возможно, оказывать сдерживающее влияние на нежелательные реакции внутри страны и за рубежом» (меморандум СНБ 68).

«Холодная война» затевалась под антикоммунистический клет, и идеологический залп был в ней на авансцене. Американская государственная мысль даже обогатила милитаристский каталог таким модернизмом, как «война по идеологическим мотивам» (документ ОКНШ от 9 апреля 1947 г.). И все-таки «холодная война» не исчерпывала себя в идеологии. Правителей США не устраивало существование Советского Союза само по себе. Из-за чрезмерно больших размеров нашего государства. Неудовольствие вызвали «русский дух» и вообще все делавшее СССР великой державой с собственным голосом на международной арене.

Мы упоминали «длинную телеграмму» Дж. Кеннана, направленную им из Москвы 22 февраля 1946 г. Восемь тысяч слов понадобилось посланнику, чтобы «вычислить намерение» СССР «разрушить гармонию нашего (американского) общества». «Эта политическая сила, — продолжал Кеннан, — опирается на глубокий и мощный поток русского национализма». Под стать замаху и предложения — превратить Советский Союз в пугало, свернуть до минимума всякие отношения с нашей страной.

Вскоре Дж. Кеннан обострит и разовьет свои соображения в статье, опубликованной под псевдонимом Мистер Х в журнале «Форин аффес». Мистер Х был против удержания лишь статус-кво в ожидании лучших времен. Действовать, звал автор статьи, «Соединенные Штаты в состоянии в гигантской степени нарастить нагрузки, которые будут обременять советскую политику, навязывать Кремлю гораздо большую умеренность и осторожность, чем (он проявляет) в последние годы; таким образом, могут быть поощрены тенденции, которые в конечном счете приведут либо к развалу, либо к постепенному размыванию Советской власти».

Публикуя этот манифест «холодной войны», Дж. Кеннан знал, что президент созрел к провозглашению политики «сдерживания» и «отбрасывания». Особенно поусердствовал в «просвещении» Г Трумэна совет национальной безопасности.

В меморандуме СНБ 7 (март 1948 г.) предлагалось объявить, что «разгром сил мирового коммунизма, руководимого Советами, имеет жизненно важное значение для безопасности Соединенных Штатов». «Этой цели, — записано в меморандуме, — невозможно достичь посредством оборонительной политики. Соответственно

Соединенные Штаты должны взять на себя руководящую роль в организации всемирного контрнаступления во имя мобилизации и укрепления наших собственных сил и антикоммунистических сил несоветского мира, а также в подрыве мощи коммунистических сил».

Какие же необоронительные методы считались подходящими для достижения «жизненно важных целей» США? В частности, для недопущения советского влияния на «потенциал Европы». Методы «ниже порога войны» и война. В сочетании они образовывали «стратегию холодной войны».

Среди поводов для стирания грани между войной «холодной» и «горячей» мы находим: приобретение СССР технической возможности для «нападения на США или создания обороны против нашего (американского) нападения»; установление советского контроля над районами, из которых США или их союзники могли бы атаковать непосредственно СССР; политические, социальные, экономические или иные «осложнения» внутри любого государства, объективно полезные Советскому Союзу, независимо от причастности или непричастности внешних кругов к этим «осложнениям»; если время будет работать на «потенциального противника» и вообще когда нападение покажется лучшей обороной.

В директиве 20/1 от 18 августа 1948 г. СНБ повышает ставки в «балансировании на грани войны». Рекомендуются «отбрасывание Советской власти», превращение СССР в государство, «слабое в политическом, военном и психологическом отношении по сравнению с внешними силами, находящимися вне пределов его контроля...».

«В худшем варианте,— читаем мы далее,— то есть при сохранении Советской власти на всей или почти всей нынешней советской территории, мы должны потребовать:

а) выполнения чисто военных условий (сдача вооружения, демилитаризация ключевых регионов и т. д.), с тем чтобы на долгое время обеспечить военную беспомощность;

б) выполнения условий, которые должны вызвать существенную экономическую зависимость...

Все условия должны быть жесткими и унижительными для коммунистического режима. Они могут напоминать Брест-Литовский мир 1918 года».

Отчего такой неприкрытый колонизаторский жаргон? На взгляд СНБ, по всей России нет людей, сведущих в «демократии». Придется завозить. «В настоящее время есть ряд интересных русских эмигрантских группировок... Любая из них куда больше подходит, с нашей точки зрения, для управления Россией, чем Советское правительство». И уточняется, для чего «подходит»: чтобы чужими руками «окончательно расправиться» с силами сопротивления американским агрессорам «традиционными методами русской гражданской войны».

В документе объединенного комитета военного планирования 496/1 определены этапы завоевания СССР и его расчленения.

Параграфов много. Позвольте привести их содержание в фрагментарном виде:

«Нынешняя концепция войны с СССР, рассчитанная на ближайшие три года, основана на возможно раннем развертывании воздушного наступления, до предела использующего разрушительную силу и психологический эффект атомной бомбы, соединенного с бомбежкой обычными средствами тех элементов национального потенциала, от которых зависит способность к продолжению военных действий... Союзники должны вести в СССР и на оккупированной им территории политическую, психологическую и подпольную войну. Психологическая деятельность должна максимально использовать страх перед атомной бомбой, дабы ослабить волю народа СССР к продолжению военных действий и укрепить волю диссидентских групп».

Читателя, наверное, заинтересует, какими силами США собирались нас оккупировать. Вот точные данные: две дивизии и две авиагруппы посылались для умирения Москвы, по одной — в Ленинград, Архангельск, Мурманск, Горький, Куйбышев, Киев и другие города. Всего в оккупационное войско отряжалось 22 дивизии и 22 авиагруппы.

Вера в неотразимое «превосходство» еще долго будет гипнотизировать руководителей США. Эксперты Пентагона даже высчитали, что для подавления воли советского народа к сопротивлению в первые полчаса войны должно быть «выведено из строя» 65 миллионов человек. Ради «удобства планирования» («план «Дропшот»») исходили из того, что в момент удара («день Д» — 1 января 1957 г.) у Соединенных Штатов будет «количественное преимущество 10:1» по атомному оружию и некоторое опережение Советского Союза по «созданию как наступательного, так и обычного оружия».

Это трудно далось Советскому Союзу, но он позаботился о том, чтобы США не получили «удобного» превосходства 10:1, а потом и вообще им пришлось довольствоваться паритетом. Тут отгадка, почему, несмотря на множество детализированных вариантов превентивных ударов по «потенциальному противнику», Вашингтон в конце концов удержался от непоправимых шагов.

5

Такова реальная, а не пропагандистская картина линии руководства США в эпоху «холодной войны». Такова в общих чертах летопись «холодной войны», ее истоков и заката. Но и этой «скорописи» достаточно, чтобы понять, каким насущным, а не умозрительным испытаниям подвергался Советский Союз. «Холодная война» не была нашим выбором. Она не могла быть выбором СССР после жесточайшей войны и огромных жертв, принесенных народом, чтобы остаться самим собой и жить по своему усмотрению.

Почему приходится об этом говорить сейчас? По ряду причин. Мы снова сталкиваемся с попытками исказить смысл и последовательность событий в последние полвека. Но это не все. Не перевелись на Западе сторонники сверхострых ощущений, готовые пуститься во все тяжкие. Одни из них доказывают, что «холодная война» никогда не прекращалась. Другие ратуют за то, чтобы, опираясь на опыт первого издания «холодной войны», развернуть второе издание — на сей раз до победного конца или конца всего живого на Земле. На худой конец, чтобы воздвигнуть завалы оздоровлению международной обстановки, утверждению в отношениях между государствами Востока и Запада, Севера и Юга нового мышления, пионером которого выступает Советский Союз, торжества политики разума над политикой силы.

Недавно американский журнал «Нью-перспектив куотерли» опубликовал беседу с Дж. Кеннаном. Один из соавторов «холодной войны», он стал ее критическим исследователем, о чем свидетельствует и заголовок беседы: «Некролог по «холодной войне». На вопрос, когда же кончится эта война, Кеннан сказал: страхи и конфликты былых времен теряют смысл, куда большее значение приобретает сотрудничество между СССР и США.

Кто же впереди в преодолении мышления «холодной войны»? — был следующий вопрос. Дж. Кеннан ответил: «Советы сломали психологию «холодной войны». Теперь очередь за нами сделать то же самое».

Пусть США, начав «холодную войну» первыми, закончат ее хоть последними. Во имя мира для всех и каждого, «мира, базирующегося на совместных усилиях всех стран».

Правда 1988 29 авг

ДВА ВЗГЛЯДА НА ОДНУ ПРОБЛЕМУ

Дж. Л. Геддис (США)

О ПРОШЛОМ ВО ИМЯ БУДУЩЕГО

Термин «попятное движение» применяется в астрономии для обозначения движения в направлении, обратном ожидаемому. Недавно читатели «Правды» получили напоминание о том, что не только звезды и планеты порой движутся «попятно». Подобную тенденцию можно увидеть и в интерпретации событий прошлых лет.

Статья Льва Безыменского и Валентина Фалина «Кто развязал «холодную войну»... Свидетельствуют документы»¹ являет собой пример «попятного движения» в области истории. Рассматривая вопрос о том, на ком лежит ответственность за возникновение «холодной войны», авторы статьи заверяют, что «черное останется черным, белое — белым» независимо от содержания архивных

¹ Правда. 1988. 29 авг.

документов. Советский Союз, утверждают они, не развязывал «холодной войны» и никак не мог преднамеренно пойти на такой шаг. Наоборот, она явилась результатом сознательного выбора «очень многих» в руководящих кругах Англии и Соединенных Штатов.

Такая точка зрения «попятна» прежде всего потому, что она не допускает возможности, что ни та, ни другая сторона в 1945 г. не желала «холодной войны». Слишком часто в исторических событиях между делаемым и действительным пролегает пропасть. Путь от намерений к последствиям долог, изобилует предательскими ловушками и нередко скрыт от взора. Зато мы знаем примеры, гораздо более близкие к нашему времени, чем начальный период «холодной войны», когда попытки государств укрепить свою безопасность приводили к появлению новых врагов и, стало быть, к снижению безопасности. Вполне естественно предположить, что по окончании второй мировой войны и Соединенные Штаты, и Советский Союз заботились в первую очередь о собственной безопасности. Трагедия заключалась в том, что добивались они своей цели в одностороннем порядке, вместо того чтобы действовать сообща.

Статья Безыменского и Фалина «попятна» еще и потому, что в ней в виде доказательств приводятся лишь американские и английские источники: о советских документах не говорится ни слова. Это нечестный прием. Адвокату не нужно быть гением, чтобы выставить на суде своих оппонентов в дурном свете, если он имеет возможность читать их самые конфиденциальные документы, не предоставляя им аналогичных привилегий.

Авторы статьи пользуются тем фактом, что любой советский историк, да и вообще любой советский гражданин может запросто зайти в Национальный архив в Вашингтоне или в Общественный архив в Лондоне и попросить, чтобы ему показали или даже скопировали некогда сверхсекретные дипломатические или военные документы первых лет «холодной войны», причем эта просьба будет удовлетворена в считанные минуты. В то же время западные ученые лишены аналогичного доступа к советским архивам того же периода. Более того, складывается впечатление, что лишены такого доступа к советским архивам в большинстве своем и советские историки. Представление лишь одной стороны дела в суде не есть подлинное правосудие. Точно так же тактика ссылок на документы противной стороны при замалчивании своих собственных источников должна быть ниже достоинства серьезных критиков.

Третья причина, обуславливающая «попятность» статьи Безыменского и Фалина, связана с тем обстоятельством, что они, очевидно, не разобрались в приводимых ими американских и английских документах. Авторы статьи в «Правде» обильно цитируют на первый взгляд подлинные планы военной агрессии против Советского Союза, один из которых относится еще к 1943 г. При этом они, однако, умалчивают о том, что речь идет о планах

действий при различных вариантах обстановки, которые в обычном порядке разрабатываются в любой профессиональной военной организации.

Подобные планы составляются заранее на случай войны и вовсе не означают, что разрешившие их разработку правительства решили начать войну. Безыменский и Фалин усматривают нечто весьма зловещее в такого рода деятельности, но неужели они таким образом хотят создать впечатление, будто советские военные не разрабатывали аналогичных планов в период, о котором идет речь? Если разрабатывали, то трудно понять, какое отношение к «холодной войне» имело военное планирование, происходившее также в Лондоне и Вашингтоне? Если же нет, остается только заключить, что советское военное командование было профессионально некомпетентно, хотя ни один из известных мне западных ученых не счел бы подобный вывод заслуживающим внимания.

Еще один «попятный» аспект статьи Безыменского и Фалина состоит в том, что они опираются лишь на военные планы, пренебрегая другими широко известными документами, которые могли бы поставить под сомнение их главный тезис. Так, хорошо известно, что американские военные в числе последних в Вашингтоне забеспокоились насчет послевоенных намерений Советского Союза, но об этом невозможно узнать из приводимых документов.

Ходатайствуя во время войны о получении прав на создание военных баз в послевоенный период, они исходили исключительно из возможности новой войны с Германией или Японией, но отнюдь не с СССР. Из приводимых авторами статьи документов невозможно узнать, что президент Трумэн в течение долгого времени после Потсдамской конференции оптимистически смотрел на перспективы заключения соглашений со Сталиным или что в сентябре 1946 г., когда его надежды на сотрудничество окончательно рухнули, он распорядился засекретить доклад своего помощника по военно-морским делам Кларка Клиффорда с весьма критической оценкой того, как Советский Союз относился к своим обязательствам по соглашениям военного времени. Из приводимых Безыменским и Фалиным документов нельзя узнать, что в период между 1945 и 1947 гг. личный состав американских вооруженных сил был сокращен с 12 миллионов до 1,6 миллиона, или что в течение того же периода американские военные ассигнования были урезаны с 81,6 миллиарда долларов до 13,1 миллиарда, или что еще в конце 1949 г. в американском ядерном арсенале не было достаточно бомб, чтобы в случае возникновения войны поразить все намеченные цели. Учитывая ограниченное число атомных бомб и бомбардировщиков, находившихся в их распоряжении, ВВС Соединенных Штатов в том же году пришли к выводу, что не могут гарантировать победу даже при условии, что у Советского Союза не было аналогичного оружия. Все эти общие заключения основаны на американских и английских документах, доступных

Безыменскому и Фалину, равно как и всем историкам, в том числе и советским, занимающимся изучением указанного периода. Остается лишь гадать, чем руководствовались авторы статьи, умалчивая об этих фактах.

Нельзя сказать, что статья Безыменского и Фалина «попятна» во всех отношениях. Авторы считают, что не следует возлагать всю ответственность за наступление «холодной войны» на Сталина и сталинизм «якобы ради «размежевания» с прошлым». Не будем спорить. Запад тоже допускал ошибки во время войны и в послевоенные годы: отрицать или оправдывать их бессмысленно. В числе наиболее существенных ошибок следует упомянуть то обстоятельство, что ни Рузвельт, ни Черчилль не удосужились разъяснить общественности своих стран, на какие территориальные и политические уступки Советскому Союзу они готовы пойти в Восточной Европе и Северо-Восточной Азии. Сюда же относится преувеличение Вашингтоном масштабов послевоенной советской угрозы, проистекавшее из хронической переоценки советских военных возможностей, равно как и неспособности предвидеть реакцию встревоженной Москвы на «план Маршалла», создание НАТО и образование независимого западногерманского государства. Не подлежит сомнению, что в те годы многие на Западе, не разобравшись в природе международного коммунистического движения, приписывали Кремлю действия компартий таких стран, как Китай, Греция и Югославия, которыми двигали в первую очередь националистические мотивы. Не подлежит сомнению и то, что после нападения Северной Кореи на Южную в 1950 г. на Западе возникло нечто вроде паники, за которой последовало наращивание военной мощи в масштабах, в ретроспективе представляющихся чрезмерными.

Но, признавая за Западом частичную ответственность за «холодную войну» как результат упомянутых ошибок, мы не должны упускать из виду и ошибки, допущенные советской стороной, а это неизбежно вновь приводит нас к вопросу о Сталине и созданной им политической системе. Сталин, мягко говоря, не страдал чрезмерной доверчивостью, и в дни, когда «культ личности» находился в зените, эта черта его характера не могла не отразиться на советской дипломатии. У Запада были законные основания для тревоги, когда Сталин после июня 1941 г. настаивал на сохранении контроля над территориями, приобретенными им в результате пакта 1939 г. с нацистской Германией. У Запада были основания для тревоги, когда свободные выборы в Польше, обещанные Сталиным на Ялтинской конференции, так и не состоялись. У Запада были основания для тревоги, когда в 1945 г. коммунистические партии по всей Европе внезапно отказались от линии на сотрудничество с Западом, которой они придерживались во время войны. И безусловно, у Запада были основания для тревоги, когда выяснилось, что в течение всей войны в Англии и США действовала разветвленная шпионская сеть, созданная и направлявшаяся Советским Союзом. В то же время не было и нет доказа-

тельств того, что американцы или англичане пытались в те годы вести аналогичные шпионские операции против СССР.

История редко бывает столь проста, чтобы ее можно было представить в категориях «белого и черного». При рассмотрении такого сложного вопроса, как истоки «холодной войны», нелогично и неразумно пытаться полностью обелить одну сторону и возложить всю вину на другую. Между прочим, американские и английские историки давно уже признают частичную ответственность своих стран за то, что произошло после 1945 г. А некоторые из них, в особенности ныне практически полностью дискредитировавшие себя американские «новые левые», стояли на грани того, чтобы возложить ответственность на свою страну. Но мало кто из них сегодня согласится с Безыменским и Фалиным, которые, по-видимому, стремятся убедить нас, что возврат к примитивным «попятным» схемам и есть ключ к пониманию событий прошлого.

В речи по случаю 70-й годовщины Октябрьской революции Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев подчеркнул, что при оценке прошлого исключительно важно не утрачивать чувства исторической ответственности и исходить из исторической правды. И, как недавно указал министр иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе, история советской внешней политики полностью подлежит такому анализу. Более того, он призвал особенно внимательно исследовать вопрос о том, в какой степени отклонения от ленинских принципов во внутренней политике отрицательно сказались на взаимоотношениях Советского Союза с остальным миром. Профессор Вячеслав Дашичев из Института экономики мировой социалистической системы в статье, опубликованной в мае в «Литературной газете», поставил вопрос очень остро: «Неужели можно всерьез считать, что, допуская крупные ошибки во внутреннем развитии, мы сумели все 70 лет избегать их на международной арене? Но ведь так не бывает. Людям свойственно ошибаться. Важно знать свои ошибки и уметь учиться на них»¹.

Вот именно. Потому-то на Западе и был с таким удивлением воспринят тот факт, что «попятным» взглядам Безыменского и Фалина, которые, как видно, не признают за Советским Союзом никакой ответственности за «холодную войну», была предоставлена столь высокая трибуна. Остается надеяться, что их статья отражает лишь одну из точек зрения в начинающихся в Советском Союзе дебатах по вопросу об истоках «холодной войны» — дебатах, к которым будут привлечены и западные ученые, — а отнюдь не возвращение к замшелому догматизму. Ибо понять прошлое можно, только изучая его честно, откровенно и не закрывая глаза на истинные свидетельства документов. Ибо только с таким пониманием мы можем сообща взяться за преодоление тяжелого наследия прошлого.

¹ Дашичев В. Восток — Запад: поиск новых отношений, о приоритетах внешней политики Советского государства // Литературная газета. 1988. № 20. 18 мая.

Напомним читателям, что статья Л. Безыменского и В. Фалина рассказывает предысторию возникновения «холодной войны» на основе строго документированного анализа политики правящих и военных кругов США. Американский историк, признавая в своем комментарии «частичную ответственность за «холодную войну», хотел бы создать впечатление, что США были втянуты в конфронтацию чуть ли не помимо их воли. И ввиду отсутствия доказательств этой гипотезы дает волю чувствам. В данном случае они не приблизят нас к истине ни на шаг.

Можно согласиться с Дж. Геддисом, что проблема истоков и причин «холодной войны» — это не только вопрос о политике США, но и вопрос о политике СССР, точка зрения, которую, впрочем, разделяют и советские авторы.

Для прояснения вопроса есть немало фундаментальных источников. Тема послевоенных отношений между союзниками по антигитлеровской коалиции была в центре внимания советской внешней политики и вырабатывалась совместно с Великобританией и США на высшем уровне — конференциях глав союзных держав в Тегеране (1943 г.), Ялте и Потсдаме (1945 г.). Дискуссии на этих форумах, процесс сближения точек зрения, его возможности и пределы, достигнутые компромиссы и сегодня служат примером выработки многосторонних обязательств, отвечающих интересам всех народов и мира в целом.

В переломный период от войны к миру, который, надо сказать, слабо изучен, происходили крупнейшие изменения в расстановке сил на международной арене и на политической карте мира. Не только в странах Европы и Азии, но и далеко за их пределами начинал свой путь новый, более справедливый мир. Рушилась колониальная система империализма.

Экстремистские круги — и не только Соединенных Штатов, к тому времени самой мощной капиталистической державы, — открыто требовали внешнеполитической экспансии, проведения жесткого курса в отношении революционно-демократических и национально-освободительных сил в мировом масштабе. Этот политический курс, получивший название «холодной войны», был «официально» провозглашен У. Черчиллем в присутствии президента США Г. Трумэна 5 марта 1946 г. в г. Фултоне (США). Черчилль призвал к созданию англо-американского союза для борьбы с «мировым коммунизмом, возглавляемым Советской Россией». В экономической сфере это была программа установления жесткой блокады социалистического мира, в идеологической — антикоммунизм, распространение мифа о «советской военной угрозе» и создание в лице СССР «образа врага»; в военной — форсированная подготовка США и их союзников к войне против СССР в расчете на атомную монополию и военно-экономическое превосходство США. Этим целям были подчинены политика,

экономика, стратегия, дипломатия, подготовка вооруженных сил, деятельность разведывательных служб.

Уже с весны 1945 г. маятник политического механизма США резко метнулся вправо. Совпавший по времени приход к власти Г. Трумэна был использован для перехода к политике открытой конфронтации с СССР. Д. Флеминг, один из основателей историографии «новых левых», был глубоко прав в своем выводе о том, что действия Трумэна «перечеркнули годы работы Рузвельта, когда были заложены основы взаимопонимания с советскими руководителями».

20 апреля на встрече с В. М. Молотовым американский президент в неприемлемой форме потребовал от СССР изменить свою внешнюю политику в удобном США духе. Менее чем через месяц без каких-либо объяснений были прекращены поставки в СССР по ленд-лизу. В сентябре США поставили Советскому Союзу неприемлемые условия для получения ранее обещанного займа. Как писал в одной из своих работ профессор Дж. Геддис, от СССР требовали, чтобы «в обмен на американский заем он изменил свою систему правления и отказался от сферы влияния в Восточной Европе».

Начальник штаба армии США генерал М. Тейлор впоследствии так характеризовал смысл внешней политики США того периода: «Ужасающая разрушительная сила атомных бомб породила точку зрения, что наши военно-воздушные силы теперь обладают решающим оружием, которое отныне позволит Соединенным Штатам установить политический контроль над миром и навязать ему своего рода «Пакс Американа» («Мир по-американски». — О. Р.)».

Наперекор трезвому мышлению в политике и стратегии ведущее место заняла концепция вседозволенности, основанная на монопольном владении атомным оружием.

Можно согласиться с Дж. Геддисом, что на Западе опубликовано больше документов о «холодной войне» и что доступ к советским архивам организован еще не лучшим образом. Но не выдерживают соприкосновения с исторической правдой его ключевые тезисы: первый — что американские планы войны против СССР носили абстрактный характер штабных разработок, и второй — что США развернули подготовку к войне с целью защиты национальной безопасности.

Некорректность первого тезиса раскрывают политические цели войны и конкретные пути их достижения, содержащиеся в планах, разработанных в Пентагоне и Белом доме; второго — отсутствие в те годы какой-либо военной угрозы для США, их союзников и сателлитов.

Рассмотрим первый тезис на основании тех же американских документов, над которыми работали советские авторы и, которые, бесспорно, известны Дж. Геддису. «Наиболее серьезную угрозу безопасности США, — указывалось в них, — представляет сама природа социалистического строя». Цель войны — «унич-

тожение корней большевизма» путем разгрома СССР и его союзников. Завершающий этап войны (после того как будет «выведено из строя» 65 миллионов человек и СССР капитулирует) предусматривал оккупацию территории СССР и его расчленение на четыре «сферы контроля» с центрами в Москве, Киеве, Омске и Хабаровске. В отдельные «районы контроля» превращались другие социалистические государства. Дивизии оккупантов намечалось разместить в Москве, Ленинграде, Минске, Таллинне, Каунасе, Мурманске, Владивостоке и 18 других городах СССР, а также в Берлине, Гданьске, Варшаве, Праге, Будапеште, Бухаресте, Констанце, Белграде, Загребе, Тиране, Сеуле. Общая численность американских оккупационных войск должна была составить около миллиона человек.

Завершить «уничтожение корней большевизма» должно было создание на территории СССР «нескольких гражданских правительств» и полное уничтожение Советского государства. В дальнейшем намечалось захватить Китай и всю Юго-Восточную Азию, разгромить «прокоммунистические» силы в Индокитае, Малайе, Бирме и «других районах» — то есть подавить национально-освободительное движение во всем мире. Если учесть, что «ожерелье» американских баз, которые предусматривалось использовать в войне против СССР, разместилось на многих континентах, а Индия, Пакистан, страны Ближнего Востока рассматривались либо как союзники США «по доброй воле», либо «по принуждению», то становится ясным, что в орбиту войны втягивался весь мир.

Противоестественно само допущение, что такие планы «в обычном порядке разрабатываются в любой военной организации».

Во всяком случае, у СССР подобных целей и соответственно планов, скроенных под эти цели, не было. Советская политика диктовалась прежде всего внутренними факторами, необходимостью восстановления гражданской экономики, создания условий для ликвидации вызванных войной разорения и неустроенности миллионов советских людей, постепенного подъема благосостояния народа.

Ни одна страна ни в одной войне не имела таких потерь и разрушений, как Советский Союз. Гитлеровцы разрушили и разграбили 1710 городов и поселков городского типа, сожгли более 70 тысяч сел и деревень. Они уничтожили полностью или частично около 32 тысяч промышленных предприятий, разрушили 65 тысяч километров железнодорожных путей, разграбили 98 тысяч колхозов, около 5 тысяч совхозов и МТС, уничтожили десятки тысяч больниц, школ, техникумов, вузов, библиотек. Материальные потери составили около 2600 миллиардов рублей (в довоенных ценах).

В связи с окончанием войны и ликвидацией фашистской военной угрозы были сокращены и реорганизованы вооруженные силы. 23 июня 1945 г. двенадцатая сессия Верховного Совета СССР приняла первый Закон о демобилизации из армии

и флота, которая началась 5 июля 1945 г. и завершилась в 1948 г. Всего из армии и флота, которые насчитывали 11 365 тысяч человек (по данным на май 1945 г.), было уволено 33 призывных возраста. Численность Вооруженных Сил уменьшилась до 2 874 тысяч человек. Был упразднен Государственный Комитет Обороны, прекратила свою деятельность Ставка Верховного Главнокомандования. Количество военных округов сократилось в 1945—1946 гг. с 33 до 21.

В период сокращения армии осуществлялась также передислокация войск из зарубежных стран на территорию Советского Союза. В сентябре 1945 г. наши войска были выведены из Северной Норвегии, в ноябре — из Чехословакии, в апреле 1946 г. — с острова Барххольм (Дания), в мае — из Маньчжурии (Китай) и Северного Ирана, в декабре 1947 г. — из Болгарии. В конце 1948 г. был полностью завершен вывод советских войск из Кореи.

В то же время американские власти отказались выполнить просьбу Верховного народного собрания Кореи о выводе своих войск из Южной Кореи, что явилось одной из главных причин войны 1950—1953 гг.

Значительно сократилось количество советских войск, оставленных в Восточной Германии, Польше, Румынии, в районах Порккала-Удд и Порт-Артура. Военные расходы были сокращены с 43 процентов бюджета в 1945 г. до 17,9 процента в 1948 г.

О какой «советской военной угрозе» могла быть речь? Советский Союз следовал в своей внешней политике соглашениям, достигнутым в Ялте и Потсдаме, в том числе и в части, касающейся западных границ СССР. Собственно, и Дж. Геддис не усматривает их нарушений, за исключением выборов в Польше, которые, как известно, состоялись в 1947 г.

Советские военные планы отражали национальные интересы и возможности страны, реалии того времени. Планом обороны страны на 1947 г. перед Вооруженными Силами ставились следующие основные задачи:

— обеспечить надежное отражение агрессии и целостность границ на западе и востоке, установленных международными договорами после второй мировой войны;

— быть готовым к отражению воздушного нападения противника, в том числе с применением атомного оружия;

— Военно-Морскому Флоту отразить возможную агрессию с морских направлений и обеспечить поддержку действий в этих целях сухопутных войск.

Советские внешнеполитические решения периода возникновения «холодной войны» носили в основном ответный характер и определялись логикой борьбы, а не логикой сотрудничества. В острие против острия, наверное, были перехлесты, которые в конечном счете нам же стоили дороже, втягивая страну в водоворот гонки вооружений, замедляя социально-экономическое развитие общества, чего, собственно, и добивался Вашингтон. Нет, «отбрасывание коммунизма» не было невинным штабным

баловством. «Отбрасывание» явилось основой «национальной политики» США. Соответствующие документы Пентагона и совета национальной безопасности утверждались американским президентом, в том числе и план «Дропшот», тот самый, что программировал расчленение СССР и превращение нашей страны в несколько бесправных протекторатов — резерваций.

Изучение истории и уроков «холодной войны» нужно и важно. Не для того, чтобы расставить отметки той или другой стороне в черно-белой манере. Еще меньше проку от изобретения «попятных схем», от риторики, непременно вводящей в оборот сюжеты из области шпиономании. Кстати, Дж. Геддис мог бы вспомнить не только об А. Даллесе, У. Доноване и С. Мензисе, но и о принятии на службу нацистских спецов типа Гелена и т. д. Преодолеть тенденциозность взглядов помогут только документы и факты, их объективный анализ, уважение к мнению оппонентов, а не ярлыки и оскорбительные стереотипы.

Целесообразно, на наш взгляд, подготовить совместный советско-американский труд по истории возникновения «холодной войны» с ориентацией поиска альтернативных решений, направленных на укрепление отношений между СССР и США и международной безопасности.

Правда 1988 31 окт

Бернд Грайнер (ФРГ)

НЕ ВСЕ КОШКИ СЕРЫ

Западногерманский историк
об истоках «холодной войны»

Напомним, что толчком для дискуссии послужила статья видных советских публицистов Л. Безыменского и В. Фалина «Кто развязал «холодную войну»... Свидетельствуют документы» (Правда. 1988. 29 августа), на которую откликнулись американский историк Дж. Л. Геддис и вступивший с ним в полемику советский историк О. Ржешевский (Правда. 1988. 31 окт.). Приставив свою статью, д-р Грайнер сообщил, что более развернутый ее вариант будет опубликован в ближайшем номере журнала фонда «1999».

Споры относительно «холодной войны» стали чем-то обыденным. Нам известны эти дебаты по академическим семинарам или статьям в «Нью-Йорк таймс». Однако полемика в «Правде» привлекает особое внимание. Самим своим предметом: дело касается военных планов против СССР, которые разрабатывались американскими военными с лета 1945 г. Насколько весомы были эти планы в свое время? Имеет ли смысл разбираться в них сегодня? Или историкам, может быть, лучше помолчать с оглядкой на политиков на Востоке и Западе, которые хотят окончательно сдать в архив «холодную войну»?

Лев Безыменский и Валентин Фалин не захотели молчать. В статье, опубликованной «Правдой» 29 августа 1988 г., они предостерегают против того, чтобы свалить ответственность за все и вся в истекшие 50 лет на Сталина и сталинизм, а под сурдинку забыть «грехи других». Развязывание «холодной войны» не может быть вменено в вину Советскому правительству. Безыменский и Фалин приводят американские военные планы в доказательство того, что западная сторона желала «холодную войну» и спровоцировала ее без всякого понуждения. «Черное остается черным, а белое остается белым».

Возражение последовало сразу. Взяли слово Джон Льюис Геддис, наиболее влиятельный в данный момент американский историк, и О. А. Ржешевский, сотрудник Института всеобщей истории АН СССР.

Выдвигая тезис о «попятном движении», Геддис полемизирует не только с Безыменским и Фалиным. Он пользуется поводом, чтобы в очередной раз свести счеты с «новыми левыми» историками в США и Западной Европе, критика которых в адрес послевоенного курса Вашингтона объявляется политической пропагандой. Геддис хотел бы закрыть главу «военные планы» и обратиться к «более важным темам».

Протестую, господин профессор! И в трагедиях актеры играют различные роли. Правда, эти роли редко бывают «черными» или «белыми», преобладают полутона. Но тем не менее в исторической ретроспективе далеко не все кошки серы.

МАНИЯ СИЛЫ ПЕНТАГОНА

В то время как Красная Армия сражалась в Сталинграде, американские стратеги примеряли за зеленым столом планы «третьей большой войны». У Пентагона, казалось, были на то уважительные причины: кто станет оспаривать, что Америка не была больше крепостью? Оба океана не предоставляли защиты от управляемого оружия и бомбардировщиков дальнего действия. Чертежи невиданного оружия массового поражения уже поступили к техникам и инженерам. Итак, полагали военные, напрашивалась необходимость разработки также новой военной доктрины и стратегии.

Планирующие штабы всех родов оружия уже в 1944 г. составили ясное представление о мире будущего. Иллюзия — стремиться к миру посредством международной кооперации и взаимопонимания. Без «силы» не может быть никакого мира. США должны стать сильнейшей военной державой мира и располагать решающим военным преимуществом перед другими государствами и (или) военными союзами. Химеры «американского века» и гегемонии США определяли «духовный настрой» в Вашингтоне. Считалось, что потенциальных противников следовало запугать угрозой блицкрига.

Большинство военных было убеждено в выгоде «первого удара»: враг был бы сразу обезоружен или парализован с минимальными потерями для США. Почему бы не выиграть таким образом и атомную войну? В Пентагоне собрались единомышленники, уверовавшие в догму «первого удара» и находившиеся под властью бредовой идеи — применение атомного оружия поддается контролю и способно принести победу. 1944 год заканчивался, когда был заложен краеугольный камень новых военных планов.

Геддис прав, что на тот момент Пентагон еще не присягнул антисоветскому «облику врага». Но были ли поэтому военные «аполитичными»? Ни в коем случае. Они прекрасно знали, чего хотели. Франклин Делано Рузвельт ни при каких обстоятельствах не должен был определять вехи послевоенной политики. Президент ведь рассчитывал сохранить антигитлеровскую коалицию и после победы. Нет условий для реализации на этом свете военного превосходства США и их способности к нанесению «первого удара»; в этом мире США не смогут диктовать свои условия; мир, считал президент, обеспечат политические средства. Борьба против Рузвельта означала, таким образом, предоставление слова политике конфронтации. Ведущие американские военные форсировали сползание в сторону «холодной войны», хотя в 1944 г. в своих меморандумах еще избегали того, чтобы называть Советский Союз будущим «врагом номер один».

Пока Рузвельт был жив, они воздерживались от антисоветской риторики. Но когда в апреле 1945 г. Гарри Трумэн пришел в Белый дом, военные также почуяли новые политические веяния. В «Большой коалиции» с консервативными демократами и республиканцами они во всеуслышание потребовали смены политического курса. Успех не заставил себя ждать. Уже осенью 1946 г., полтора года спустя после смерти Рузвельта, левые либералы были вытеснены с ключевых политических позиций. Они потеряли влияние на политику по отношению к Германии и Европе, на курс в отношении Москвы. Поворот свершился.

«ОРУЖИЕ ПОБЕДЫ»

«Холодная война» объявила о себе буквально оглушительным грохотом. Взрывы первых атомных бомб летом 1945 г. открыли в глазах американских консерваторов новые перспективы. Атомная бомба, прикидывали они, разом решит все проблемы. Можно кончать войну с Японией, не прибегая к помощи Советов, можно держать Германию под военным контролем, не прося Красную Армию о помощи. Впервые заговорили об «обуздании» с помощью бомбы германского милитаризма и использовании его на службе американской глобальной стратегии.

Расчет казался предельно простым: западные зоны оккупации превращаются в политическом и экономическом отношении в бастионы против коммунизма и одновременно ставятся под

контроль Вашингтона. Немцы должны волей-неволей склониться перед американской атомной силой и в будущем не рискнут более на «сепаратные поступки». На этих условиях можно в ближайшем будущем перевооружить западные зоны. Немцы наверняка станут «надежным партнером» в борьбе против социализма. И наконец, в атомной бомбе виделась лучшая оснастка на «любой крайний случай»: даже если бы дело дошло до «горячей войны» с СССР, она явилась бы «оружием победы».

Такова была основа, на которой сформировалась «холодная война». «Новые левые» среди американских историков подвергались осмеянию и хуле за то, что в 60-х годах впервые указали на эти взаимосвязи. Их работы шельмовались как «примитивные», «односторонние» и «ненаучные». Двадцать лет спустя «Нью-Йорк таймс» шепотком призналась в ошибочности подобных эпитетов. Труды «новых левых», в особенности исследование Гара Альперовица об атомной бомбе, заслуживают уважения.

Как оказалось, во многих случаях именно они определили направление последующих работ. Тем удивительнее, что О. А. Ржешевский в своей реплике на выступление Безыменского и Фалина пишет, что эти американские историки «сегодня имеют дурную репутацию». Ржешевский в своей полемике проходит мимо сути дела. «Новые левые» не хотят делать США всецело ответственными за каждый эпизод «холодной войны». Это было бы действительно примитивно. Речь шла (и идет) об ответе на вопрос: кто был заинтересован в «холодной войне» и кто дал ей старт?

Находящиеся в нашем распоряжении документы говорят ясным языком. С лета 1945 г. американское правительство (энергично поддержанное Лондоном) свело на нет антигитлеровскую коалицию. «Холодная война» не была «трагедией», разыгравшейся помимо намерений ее участников, как пишет Геддис, но следствием рассчитанного и сознательно нагнетавшегося вызова Советскому Союзу. Если Ржешевский полагает, что Запад был «обеспокоен» забастовками итальянских и французских коммунистов или действиями советской разведки, то он вступает на тонкий лед. Разве Сталин не учитывал имперские интересы Великобритании, когда отказывал в помощи оппозиционно настроенным грекам? Действительно ли в 1946 г. было сказано последнее слово в восточноевропейских государствах? И как должны были реагировать в Москве на политику американской разведки, которая вывезла в августе 1945 г. немецких генералов и ракетчиков в Вашингтон, дабы они помогли Пентагону? Как бы то ни было, Запад сам расставил себе «предательские ловушки», о которых говорит Геддис.

Не надо обладать пророческим даром, чтобы отважиться на прогноз: наше представление о ранней фазе «холодной войны», в особенности о 1945—1949 гг., не придется пересматривать. Его вновь и вновь критикуют за «односторонность». Но разве оно может быть иным, если решающие импульсы действительно исходили

только от одной стороны? В Вашингтоне принимались односторонние решения, ибо там хотели получить навар из единственного в своем роде преимущества: обладания атомной бомбой, мнимым «оружием победы».

ПУТЬ К «ТОТАЛЬНОМУ УНИЧТОЖЕНИЮ»

В Вашингтоне имелась группа, коей было совершенно безразлично, что думают и делают СССР или Сталин. Это — разработчики военных планов. Самое позднее с лета 1945 г. они твердо знали своего врага и серийно выпускали военные планы. В 1948—1949 гг., к примеру, считалось возможным покончить с Советским Союзом, уничтожив атомными бомбами его 70 городов и индустриальных центров. С маниакальной точностью были расписаны все детали: нападению подвергнутся 1947 объектов, в течение 30 дней намечалось 2,7 миллиона человек убить и 4 миллиона ранить. В марте 1954 г. командование стратегических ВВС видело себя на пике могущества. В случае необходимости оно бралось обрушить со всех сторон света на СССР 750 бомб и в течение двух (!) часов превратить его в «дымящиеся радиоактивные руины». Заметим, что по этому сценарию США никак не пострадали бы.

Известны десятки таких планов. Историки проанализировали и прокомментировали их, подкрепив иногда документами. Но до сих пор лишь немногие восприняли все это вполне серьезно.

Джон Льюис Геддис подчеркивает, что США в период с 1945 по 1949 год не имели ни войск, ни вооружения для войны против Советского Союза, не говоря уже о том, чтобы выиграть ее.

Безыменский и Фалин не выделили данную сторону дела. Тем не менее их вывод не теряет от этого убедительности: военные в Вашингтоне располагали большим политическим влиянием и внесли решающий вклад в «холодную войну». Да, в первые послевоенные годы они не смогли получить желаемых и ожидаемых денег. Но зато им удалось опять-таки посредством «большой коалиции» с политиками обеих партий заблокировать все инициативы по контролю над вооружением. После атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки многие требовали запрещения атомного оружия. Все заинтересованные стороны знали, что «международный контроль над атомной энергией» является наиважнейшей внешнеполитической проблемой, несмотря на германский вопрос, раздор в Восточной Европе и брожение в Азии. Здесь решалось будущее американо-советских отношений.

И США очень быстро приняли решение. Атомная монополия должна была быть удержана любой ценой. Одни смотрели на нее как на средство политического давления и дипломатического шантажа. Другие исходили из того, что война с СССР неизбежна и она может быть доведена до «победы» только с помощью атомного оружия.

Военные оказались в эти годы прожженными политиками. Они умело проталкивали свои военные планы, чтобы навязать широкое вооружение. Из года в год список целей, подлежащих «обязательному» уничтожению в СССР, становился все длиннее. Из года в год слышались жалобы на то, что имеющегося и заказанного оружия для этого недостаточно. Из года в год возникали все новые «дыры», которые «срочно» требовалось закрыть.

Разработчики планов никогда не были довольны. Когда было достаточно бомб, они еще больше увеличивали число целей. И вся игра начиналась сначала. Вот пример 50-х годов: в 1956 г. командование стратегических ВВС наметило 2997 целей, в 1957 г. их было уже более 3 тысяч, а в конце 1959 г.—20 тысяч. Атомное «сверхуничтожение» было запрограммировано.

В 1948—1949 гг. конгресс и общественность открыли «зеленую улицу» для широкого атомного вооружения. Военные могли лелеять надежду, что вскоре они получают средства для своих планов. О. Ржешевский ошибается, связывая этот перелом с реакцией на корейскую войну. Жребий был брошен много раньше.

Кто берется за эти темы, тот, согласно Джону Льюису Геддису, сходит с почвы серьезной науки. Они в его глазах любители, «плохо ориентирующиеся в историческом материале». Чем полемичнее Геддис аргументирует, тем больше напрашивается вывод о давно назревшей необходимости системной оценки в определении места американских военных планов в современной истории. Столь же назревшей, как и раскрытие советских военных архивов.

ВОЕННЫЕ ПЛАНЫ — «НОВАЯ РУТИНА»?

Многие историки не видят ничего нового или особенного в «планах Армагеддона». Как только военные получили ядерное оружие, они сразу же начали разрабатывать планы его применения. Это — обычное дело и входит в профессиональную компетенцию каждой бюрократии. Разве в истории случалось, спрашивают нас, чтобы военные не воспользовались технологическими новшествами?

Но американские военные ни в коем случае не рассматривали свою работу как «рутинную». В ходе обучения и тренировки особое значение придавалось ими политическому аспекту ведения атомной войны. Война против СССР не считалась «нормальной войной», как, например, против Германии и Японии. Она вписывалась в рамки особых политических предначертаний. Уже в 1944 г. была найдена подходящая формулировка: будущая война есть «идеологическая война», или «крестовый поход» под сенью атомной бомбы. В таком «крестовом походе» ставится задача не предотвратить ущерб для собственной страны или победить противника, а уничтожить врага.

Советский Союз должен, если бы война началась, исчезнуть с карты мира, поскольку он является социалистическим государством. Любого другого противника надо было бы только поставить на колени. СССР же надлежит испепелить, поскольку он олицетворяет другую общественную систему. «Непримиримый враг» требует особо эффективных форм ведения войны с ним. Поэтому военные настаивали на нанесении «первого удара», по возможности на самом раннем обезоруживании противника и максимальном широком использовании (атомных) бомб.

Политические цели войны также были сориентированы на особые условия идеологической войны. Совет национальной безопасности и комитет начальников штабов разработали в период с 1948 по 1955 г. следующие инструкции на случай войны: «Декоммунизация СССР», то есть ликвидация Коммунистической партии и социалистических структур в экономике и обществе; разрушение Советского государства и расчленение его на множество малых государств; насаждение нового общественного порядка во всех социалистических государствах вне СССР; разгром международного коммунистического движения.

Здесь не идет речь о квалификации подобных представлений. Они говорят сами за себя. В этом контексте важно другое: говорить о «военной рутине» — абсурд. Военные вели дискуссии о военных целях не между собой. С самого начала к ним подключилось политическое руководство, представляемое Белым домом, и совет национальной безопасности. Без согласия последних военные не могли бы реализовать своих военных целей. Рутинна? Только в том смысле, что американское правительство с редким упрямством годами держалось за такого рода идеи.

ВОЛЯ К ВОЙНЕ?

Мы знаем, что совет национальной безопасности многократно благословлял предлагавшуюся Пентагоном военную стратегию. Тем не менее позволителен вопрос: было ли готово американское правительство начать атомную войну и при каких условиях? Или оно провоцировало СССР на такую войну? Думали ли когда-нибудь военные развязать атомную войну? Тем самым мы подходим к существу спора между Безыменским и Фалиным, с одной стороны, и Геддисом — с другой. Советские авторы допускают, что правительство США на определенных этапах было готово пойти на риск войны. Тот, кто утверждает подобное, возражает в моральном гневе американец, не хочет видеть реалий и действует злонамеренно, если не примитивно.

Как и по другим поводам, Геддис приводит неоспоримые факты, отказываясь, однако, касаться ядра проблемы. Ни один историк не станет всерьез утверждать, что в Вашингтоне имелось большинство, выступавшее за внезапное ядерное нападение на Советский Союз. И все же почему велись дискуссии о «первом ударе» и «применении первыми» ядерного оружия? Геддис ушел

от ответа на этот вопрос, что вполне понятно. В противном случае он доводил бы свою аргументацию до абсурда.

Напрасно искать у него указаний и ссылок на меморандум совета национальной безопасности со «сценариями, ведущими к войне». В 1948 г., например, предполагалось, что американское давление, возможно, загонит СССР в «безнадежную» оборону и война станет для него последним шансом. Через два года говорилось о том, что осуществляемая США гонка вооружений вполне может вызвать непредсказуемые осложнения и в конечном счете войну. Атомная эскалация представлялась возможной без того, чтобы СССР сделал первый выстрел, без того, чтобы совершалось нападение на США и (или) на его союзников; а также тогда, когда вначале не было бы применено ядерное оружие. «Воля к применению силы в случае необходимости так же важна, как и обладание этой силой», — заявил Джон Фостер Даллес, выступая на сессии совета НАТО в Париже 23 апреля 1954 г.

Оставались эти соображения только на бумаге или США на деле подводили к «краю пропасти»? Были ли конфликты, чреватые перерасти в атомную войну? Исторические анализы причин и хода кризисов в годы «холодной войны» оставляют желать много лучшего. Но это ни в коем случае не причина, как это делает Джон Льюис Геддис, игнорировать результаты новых исследований. Безыменский и Фалин обнаруживают большую информированность.

Пока известны три документально доказанных случая, в которых американская политика брала курс на войну. В каждом из них Вашингтон сознательно рисковал атомной войной: во время корейской войны, в конфликте за китайские острова Куэмой и Мацзу и в кубинском кризисе.

Три раза в течение одного десятилетия Вашингтон подходил к краю бездны. Это не означает, что американцы во что бы то ни стало хотели войны против СССР и целенаправленно искали для нее повода. США — не гитлеровская Германия, а Вашингтон — не Берлин. Тем не менее в трех случаях американские великодержавные интересы были поставлены выше сохранения мира. Исторический анализ, который игнорирует эти кризисы, ведет к ошибочным заключениям. Конечно, в анализе этих кризисов существует немало «белых пятен», и историки ждут с нетерпением открытия советских архивов. Но уже теперь можно констатировать, что национальная безопасность Соединенных Штатов ни в 1953, ни в 1955, ни в 1962 гг. не подвергалась угрозе. Советский Союз ни в коем случае «не загонял США в угол». Напротив, само правительство в Вашингтоне сжигало за собой мосты. Войну удалось предотвратить благодаря тому, что кто-то другой в последний момент нажимал на аварийный тормоз — Чжоу Эньлай в апреле 1955 г. или Никита Хрущев в октябре 1962 г.

Почему Вашингтон намеренно шел на этот огромный риск? Мотив в его ядерном превосходстве? Или в наличии военных планов, обещавших «победу в атомной войне»? Или политики и

военные в США считали себя вправе кому угодно угрожать и кого угодно запугивать? Рассчитывали на то, что другие государства в любое время и беспрекословно подчинятся? Вероятно, было всего понемногу. И в силу одного этого нет никаких оснований игнорировать планы военных, нацеленные на войну.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И «НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ»

Джон Льюис Геддис в своих книгах и статьях достаточно ясно показал, что он отрицает данный подход к «холодной войне». Не конфликты, кризисы и военная опасность характеризуют, по его мнению, эпоху, а прорыв к «новой стабильности». Если следовать Геддису, то великие державы проводили после 1945 г. «политику равновесия», уважали зоны влияния и власти друг друга, опасались ядерного самоубийства и потому придерживались здравого смысла, отмежевывались от политических авантюристов, держали солдат в казармах и ограничивались идеологическими стычками, пытаясь в конфликтах придерживаться «правил игры». Короче, в 1945 г. был заложен краеугольный камень «длительного мира».

За рамками научного диспута здесь проступают политические различия между Геддисом и советскими авторами. Геддис спрашивает: зачем обновлять и «думать по-новому», если старое совершенно? Американец говорит по этому поводу: «От добра добра не ищут». Кто хочет строить будущее, должен опираться на достигнутое, на мудрость 50-х и 60-х годов. По Геддису, «новое мышление» годится для советской внутренней политики; в международной политике в нем нет необходимости, весьма вероятно, оно даже вредно. Так из историка Геддис вдруг превращается в политического наставника, американского консерватора, который призывает к осторожности и сдержанности в общении с СССР.

Нет никакой неожиданности в том, что консерваторы не хотят перестраиваться. Понятно, что в исторических анализах они расставляют свои акценты. Но это совсем не причина для того, чтобы брать в скобки критические вопросы к истории и оставлять прозябать важные документы в архивах или безучастно взирать, когда перекраивают историю. Как отмечалось выше, именно в «холодной войне» не все кошки были серы. Это доказывают не в последнюю очередь военные планы Пентагона.

ПЕРЕСТРОЙКА НАЧАЛАСЬ...

М. С. Горбачев

**БУДУЩЕЕ СТАНЕТ ТАКИМ,
КАКИМ МЫ ЕГО СОЗДАДИМ**

«Советский народ хочет ясной перспективы Демократии полной и безоговорочной Законности без изъятий. Гласности во всем — в большом и малом. Братства и товарищества в отношениях. Уважения к трудолюбию и таланту, верному служению делу и общественному долгу.

Мы убеждены в жизненности марксистско-ленинского учения, научно обосновавшего возможность построения общества социальной справедливости, цивилизации свободных и равноправных людей. Этим мы и руководствуемся в ходе революционной перестройки», — заявил Генеральный секретарь ЦК КПСС в докладе на XIX Всесоюзной партийной конференции.

Публикуем выдержки из доклада.

РЕШИТЕЛЬНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Оценивая советскую внешнюю политику в послевоенный период, мы не забываем, что империализм создал вокруг нас и наших союзников фактически чрезвычайную ситуацию. Западный военный блок во главе с США вел себя по отношению к социализму откровенно агрессивно. Военная угроза стала для нас постоянной величиной. Не снята она и до сих пор. Советский Союз вместе со своими союзниками просто не мог на это не реагировать, так же как и на целенаправленную психологическую войну против социалистических стран.

Тем не менее, извлекая уроки из прошлого, нельзя не признать, что командно-административные методы не обошли и внешнеполитическую область. Случалось, даже важнейшие решения принимались узким кругом лиц, без коллективного, всестороннего рассмотрения и анализа, а иногда и без должного совета с друзьями. Это приводило к неадекватной реакции на международные события и политику других государств, а то и к ошибочным решениям. К сожалению, не всегда взвешивалось, во что обойдется народу и чем может обернуться тот или иной вариант действий.

В ответ на брошенный нам и всему социалистическому миру ядерный вызов необходимо было добиться стратегического паритета с США. И это было сделано. Но, сконцентрировав на военном аспекте противодействия империализму огромные средства и внимание, мы не всегда использовали для обеспечения безопасно-

сти государства, для снижения напряженности и взаимопонимания между народами политические возможности, которые открывались в связи с фундаментальными изменениями в мире. В результате дали втянуть себя в гонку вооружений, что не могло не сказаться на социально-экономическом развитии страны и на ее международном положении.

Между тем гонка вооружений приближалась к критической отметке. На этом фоне наша традиционная политическая и общественная деятельность в пользу мира и разоружения начала терять свою убедительность. А если сказать острее — не переломив логики такого развития, можно было действительно оказаться на грани военной конфронтации.

Вот почему потребовалось не просто совершенствование, а решительное обновление внешней политики.

Для этого нужно было новое политическое мышление. И основы его заложены апрельским Пленумом ЦК, XXVII съездом партии. Они дали философское обоснование нашей международной деятельности в условиях перестройки. Новое мышление — не закрытая и законченная доктрина. Оно диалектично, что позволяет постоянно совершенствовать и развивать политику в соответствии с ходом живой жизни. И, разумеется, — в соответствии с нашим социалистическим выбором, с ленинскими принципами.

ПРИОРИТЕТ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦЕННОСТИ

С позиций современности, для которой характерно нарастание ядерной угрозы, обострение других глобальных проблем, усиление интернационализации всех процессов в мире — все более целостном и взаимозависимом при всей его противоречивости, — мы постарались более глубоко осмыслить изначально заложенную в марксизме идею взаимосвязи пролетарски-классового и общечеловеческого интересов. Это привело нас к выводу о приоритете общечеловеческих ценностей в наш век. Здесь сердцевина нового политического мышления.

Оно позволило нам масштабнее оценить жизненное значение для современных международных отношений нравственных ценностей, которые на протяжении столетий вырабатывались народами и обобщались, отчеканивались великими умами человечества.

В ходе анализа фундаментальных изменений в мире преодолеваются многие стереотипы, которые сковывали наши возможности и в известной мере давали поводы тем, кто занимался искажением наших действительных намерений.

Большую роль сыграл наш выход на широкие контакты с представителями других стран — от глав государств и правительств до простых граждан, с общепризнанными авторитетами в науке, культуре, выдающимися писателями, руководителями

и делегациями политических партий, общественных организаций и движений, с профсоюзными и социал-демократическими лидерами, религиозными деятелями и парламентариями.

Такая насыщенность непосредственного общения как бы заново «открывает» Советский Союз для внешнего мира. А мы со своей стороны получили возможность лучше видеть и понимать окружающий мир, участвовать в обсуждении его проблем и в поисках подхода к их решению, извлекать полезное из идей, идущих от иных культур и духовных традиций, что нашло, например, отражение в Делийской декларации 1986 года. С помощью этой «обратной связи» легче стало находить взаимопонимание и по вопросу о значении таких ценностей, как свобода, демократия.

Все это придало динамизм советской внешней политике, позволило выдвинуть целый ряд крупных инициатив.

Ключевое место в новом мышлении занимает концепция свободы выбора. Мы убеждены в универсальности этого принципа для международных отношений, когда главной, обобщающей всемирной проблемой стало само выживание цивилизации.

Концепция эта обусловлена беспрецедентным и растущим многообразием мира. Мы являемся свидетелями такого феномена, как активное включение в мировую историю миллиардов людей, веками остававшихся за ее пределами. Эти миллиарды выходят на сцену самостоятельного исторического творчества в совершенно новых условиях. И в обстановке повсеместного роста национального самосознания они еще скажут свое слово в поисках собственного выбора пути.

В этой ситуации навязывание извне — любыми средствами, не говоря уже о военных, — социального строя, образа жизни, политики — это опасные доспехи прежних лет. Суверенитет и независимость, равноправие и невмешательство становятся общепризнанными нормами международных отношений, что само по себе является крупным завоеванием XX столетия. Противиться свободе выбора — значит противопоставлять себя объективному ходу самой истории. Вот почему политика силы во всех ее формах и проявлениях исторически изжила себя.

Словом, мы глубоко убеждены, что новое мышление и основанная на нем политика правильно отразили назревшие потребности и императивы современного мира. Они возродили надежду, открыли путь к качественным изменениям в сознании человечества.

УДАЛОСЬ ЛИ ОТОДВИНУТЬ
УГРОЗУ ВОЙНЫ?

На главный вопрос, который больше всего беспокоит советских людей и по которому они хотят услышать оценку итогов работы за три года, — удалось ли отодвинуть угрозу войны? — мы можем ответить: да, безусловно.

В чем это выразилось? Прежде всего в том, что ось международной жизни смещается от конфронтации к сотрудничеству,

взаимопониманию, к переговорам с перспективой достижения конкретных результатов, в первую очередь в отношении оружия массового уничтожения. Улучшились советско-американские отношения. Заключен договор о ликвидации части ядерных вооружений. Оживился общеевропейский процесс — на межгосударственном и особенно — общественном уровне.

Женевские соглашения и начавшийся вывод нашего воинского контингента из Афганистана стали важной международной вехой в деле политического урегулирования региональных конфликтов, таящих в себе опасность для мира в целом, тормозящих прогресс народов.

С трибуны нашей партийной конференции от имени партии и народа позвольте еще раз выразить глубокую признательность солдатам и офицерам, гражданским специалистам — всем, чьей судьбы коснулась и кого опалила эта война. Наши воины уходят из Афганистана по велению Родины, которая проявила мудрость; обрета за эти годы новый политический и нравственный опыт, более глубокое понимание современного мира, его противоречий и трудностей на пути в будущее.

В целом, товарищи, анализ уже существующих реальностей позволяет предположить: если эти реальности удастся укрепить и развить, то мир на рубеже XX—XXI веков будут определять следующие тенденции:

— Постепенная демилитаризация и гуманизация международных отношений, когда наконец разум, знание и нравственные нормы, а не эгоистические устремления и предрассудки будут двигать государствами при разрешении многочисленных противоречий в мире и достижении баланса интересов, когда будет признано право каждого на свободу выбора.

— Обеспечение безопасности государств все больше будет перемещаться из сферы соотношения военных потенциалов в сферу политического взаимодействия и строгого выполнения международных обязательств; будет складываться всеобъемлющая система международной безопасности, главным образом через повышение роли и эффективности Организации Объединенных Наций.

— Колоссальный рост научно-технического потенциала будет использоваться более цивилизованно для совместного, на пользу всему человечеству решения глобальных экономических, экологических, энергетических, продовольственных, медицинских и иных задач.

— Многообразное и добровольное общение независимых государств и народов будет надежно служить их взаимообогащению — материальному и духовному, укреплять структуру всеобщего мира.

Нет ли тут иллюзий? Разве империалистические истоки агрессии и войн исчезли? Нет. Мы не забываем об угрозе миру со стороны империалистического милитаризма и считаем, что пока еще не сложились гарантии необратимости начатых позитивных

процессов. Новое политическое мышление как раз и позволяет видеть и находить новые возможности противостоять политике силы на более широкой, чем раньше, политической основе. Укрепляют эти возможности и новые объективные факторы, возникшие во второй половине нынешнего века.

Советская внешняя политика, несмотря на некоторые ошибки и просчеты в прошлом, в целом имеет огромные заслуги перед страной, социализмом, перед всем человечеством. Перестройка потребовала от нее нового качества — и по существу, и по форме. Так же как и внутренняя, она должна на деле вбирать в себя коллективную мысль партии и народа. Оперативно учитывать не только идущие, но и предсказуемые изменения. Объективные процессы в мире и наши возможности должны стать предметом постоянных научных и публичных обсуждений с участием общественности и ее организаций. Нужно на порядок поднять качество информации по международным вопросам. В рамках реформы политической системы предстоит создать действенный конституционно-полномочный механизм делового и квалифицированного обсуждения вопросов международной политики.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕС СОВЕТОВ

Ни один государственный, хозяйственный или социальный вопрос не может решаться помимо Советов. Политика партии — экономическая, социальная, национальная — должна проводиться прежде всего через Советы народных депутатов как органы народовластия.

В полной мере назрела необходимость реорганизации руководства местными делами на принципах самоуправления, самофинансирования и самообеспечения.

Нужно установить полную ответственность и самостоятельность Советов в решении проблем развития подведомственной территории, увеличить отчисления в их бюджет части прибыли предприятий, независимо от их подчиненности.

Советы должны иметь солидные, основанные на долгосрочных нормативах источники доходов, включая поступления от всех предприятий, расположенных на их территории, накапливать средства для осуществления крупных задач.

В интересах правильного разграничения функций, усиления контроля представительных органов за деятельностью исполкомов многими участниками дискуссии высказывалось предложение иметь в местных органах власти постоянно действующих председателей Советов и президиумы Советов.

Поскольку в современных условиях ставится задача — поднять роль выборных органов, депутатов, представляется обоснованным мнение тех товарищей, которые считают, что с учетом новых задач очень важно подкрепить роль Советов как представительных органов народа авторитетом партии. Но делать это нужно на строго правовой основе.

Наиболее реальный здесь путь — рекомендовать на посты председателей Советов, как правило, первых секретарей соответствующих партийных комитетов. Возглавляя Советы и их президиумы, они будут самым активным образом содействовать улучшению всех сторон деятельности органов народного представительства.

Рекомендация партийных руководителей на посты председателей Советов поставит их под более действенный контроль трудящихся, поскольку избрание будет происходить на сессиях тайным голосованием. А это значит, что мандат партийного руководителя, который ему вручают коммунисты, будет каждый раз как бы проверяться и подтверждаться представителями народа на всех ступенях системы Советов.

Лучшему разграничению полномочий между представительными и исполнительными органами должно послужить установление правила, согласно которому члены исполкома и руководители его отделов и управлений не могут входить в состав депутатов соответствующего Совета. Они сейчас, являясь депутатами Советов, заседают и сами себе дают поручения. Ясно, что они заинтересованы, чтобы поменьше и послабее были эти поручения. Такой принцип целесообразно распространить на судей, прокуроров, арбитров, а в Союзе ССР, союзных и автономных республиках — и на членов правительства, и руководителей ведомств.

Назрела необходимость ввести также ряд демократических ограничений на занятие выборных должностей. Опыт прошлого показывает, что отсутствие этих ограничений было одной из главных причин злоупотребления властью и в центре, и на местах.

Если в Тезисах ограничение сроков отнесено лишь к выборным должностям, то многие участники дискуссии предлагали распространить его и на работников, назначаемых и утверждаемых Советами. На наш взгляд, это правильное замечание и его следует поддержать.

Непременное условие подъема деятельности Советов — реальный политический вес народного депутата, а это напрямую связано со всем процессом формирования представительных органов власти. Отсюда — необходимость решительного обновления нашей избирательной системы.

На этот путь мы уже вступили, выполняя решения XXVII съезда партии.

В общем, товарищи, отныне депутатский корпус у нас должен формироваться не по разнарядке, а прежде всего на основе живого, свободного волеизъявления избирателей.

Как мы понимаем, в обществе есть согласие по вопросу уменьшения численного состава местных Советов.

При обсуждении Тезисов ЦК и конференции широкую поддержку встретило предложение установить для всех Советов один срок полномочий — пять лет.

ЦК КПСС вносит на рассмотрение конференции следующие предложения.

Значительно расширить представительство трудящихся в высшем эшелоне государственной власти.

Для этого существующее сейчас территориальное представительство всего населения в Совете Союза и представительство наций и народностей в Совете Национальностей дополнить непосредственным представительством от общественных организаций, входящих в нашу политическую систему. Таким образом, 1500 депутатов избирались бы, как и сейчас, от территориальных и национальных округов, а примерно еще 750 депутатов избирались бы на съездах или пленумах центральных органов партийных, профсоюзных, кооперативных, молодежных, женских, ветеранских, научных, творческих и других организаций. Перечень этих организаций и нормы представительства можно будет определить в Конституции.

Взятые вместе, все депутаты, избираемые сроком на пять лет, составили бы новый представительный верховный орган государственной власти — Съезд народных депутатов СССР. Он собирался бы на свои заседания раз в год, решая самые важные конституционные, политические и социально-экономические вопросы жизни страны.

Для обсуждения и решения всех вопросов законодательного, распорядительного и контрольного характера, направления работы подотчетных органов и нижестоящих Советов Съезд народных депутатов избрал бы из своего состава сравнительно небольшой по численности (скажем, 400—450 человек) Верховный Совет СССР, состоящий из двух палат. Это был бы постоянно работающий высший орган власти, подотчетный Съезду народных депутатов. Таким образом, вся работа по законодательству и контролю будет сосредоточена непосредственно в Верховном Совете и его комиссиях, что станет новым шагом на пути демократизации высших государственных структур. Можно подумать и о периодическом обновлении части состава Верховного Совета СССР.

ЛИДЕР ПАРТИИ И ВЫСШАЯ ВЛАСТЬ

Одни считают правильным вернуться к практике, которая существовала при В. И. Ленине, когда лидер партии был одновременно главой правительства. Другие говорят о нежелательности вообще совмещения партийных и государственных постов. Третьи высказываются за учреждение поста президента СССР. Четвертые указывают на несоответствие концепции правового государства такого положения, когда Генеральный секретарь ЦК КПСС фактически выполняет роль высшего представителя страны.

По мнению ЦК КПСС, повышению роли высших представительных органов и всей системы Советов народных депутатов, укреплению правового характера власти, лучшему представительству Советского Союза в мировых делах отвечало бы учреждение поста Председателя Верховного Совета СССР. Следует устано-

вить, что он избирается и отзывается путем тайного голосования Съездом народных депутатов СССР, полностью перед ним ответствен и подотчетен. В условиях общего повышения роли представительных органов Председатель Верховного Совета СССР должен быть наделен достаточно широкими государственными полномочиями. Он мог бы, в частности, осуществлять общее руководство подготовкой законов и важнейших социально-экономических программ, решать ключевые вопросы внешней политики, обороноспособности и безопасности страны, возглавлять Совет обороны, вносить предложения о кандидатуре Председателя Совета Министров СССР, а также выполнять ряд других обязанностей, традиционных для такого поста в государстве.

Мы полагаем, что в структуре высшей власти следует иметь также Президиум Верховного Совета СССР, который будет работать под руководством Председателя Верховного Совета.

Целесообразно укрепить статус постоянных комиссий высшего органа власти, которые формировались бы из числа членов Верховного Совета и депутатов Съезда народных депутатов. Они могут создаваться как раздельно по палатам, так и совместно (объединенные комитеты).

Полномочия комиссий и комитетов с учетом новых задач следовало бы существенно расширить. В частности, предусмотреть, что только после их предварительного обсуждения могут приниматься решения по крупным вопросам внутренней и внешней политики, назначения на посты руководителей министерств и ведомств, других должностных лиц. Следовало бы более широко пойти на открытые слушания в комиссиях и комитетах, создание специальных депутатских групп для изучения проблем, вызывающих острый общественный интерес.

Встает вопрос и о создании в структуре верховной власти такого органа, как Комитет конституционного надзора, избираемый Съездом народных депутатов СССР. Он следил бы за соответствием наших законов и других правовых актов Основному Закону страны и был бы наделен для этого достаточными полномочиями. Кстати, существование этого комитета явилось бы дополнительной гарантией демократического контроля за деятельностью всех должностных лиц, включая занимающих самые высшие посты.

НОВАЯ СТРУКТУРА ПАРТИЙНОГО АППАРАТА

О выборных органах партии. Тут мы должны изменить многое, притом кардинальным образом. Прежде всего восстановить авторитет выборных органов как полномочных представителей коммунистов. И секретари, и бюро, и уж тем более партийный аппарат должны находиться под контролем выборного партийного органа.

В связи с повышением роли выборных коллегий, разграничением функций партийных и государственных органов в практическую плоскость выдвинулся вопрос об изменениях в структуре

и составе партийного аппарата. Нам придется отказаться от нынешнего дробления аппарата ЦК КПСС и соответствующего дробления аппарата и нижестоящих партийных органов по отраслям управления, перестроить его структуру в соответствии с функциями партии в современных условиях и уменьшить численность.

Видимо, с учетом обсуждения на конференции и формирования общей нашей позиции по этим вопросам можно было бы уже в ближайшее время приступить к созданию новой структуры партийного аппарата.

Сейчас, в процессе восстановления истины и справедливости, отказа от всего, что деформировало социалистическую идеологию и практику, разрушения стереотипов и догм, некоторые утверждают, что это — якобы размывание принципов, основ социализма, очернение его истории. С этим нельзя согласиться, товарищи. Нельзя категорически! Мы не имеем права допустить, чтобы перестройка споткнулась о камни догматизма и консерватизма, о чьи-то предрассудки и личные амбиции. Речь идет о судьбе страны, о судьбе социализма. И мы обязаны разъяснить остроту ситуации тем, кто еще не осознал ее. В этом главном для всех нас вопросе компромиссов быть не может.

КАКИМ МЫ ВИДИМ СОЦИАЛИЗМ

Социализм мы видим как строй подлинного, реального гуманизма, при котором человек на деле выступает «мерой всех вещей».

Социализм мы видим как строй эффективной и динамичной экономики, опирающейся на лучшие достижения научно-технического прогресса и обеспечивающей наивысшую производительность труда; экономики, непосредственно подчиненной удовлетворению потребностей общества, гибко приспособляющейся к ним.

Социализм мы видим как строй социальной справедливости, сочетающий социальные гарантии жизненно важных потребностей человека в труде, охране здоровья, образовании, жилье, социальном обеспечении с последовательным проведением принципа распределения по труду, искоренением любых форм уравнительности и социального паразитизма. Это общество, в котором выше всего ценятся и достойно вознаграждаются материально и морально способности человека, его плодотворный труд, мастерство и талант.

Социализм мы видим как строй высокой культуры и морали. Он наследует и приумножает лучшие достижения духовного развития человечества, его богатый нравственный опыт.

Социализм мы видим как строй подлинного народовластия, при котором всем трудящимся обеспечивается полная возможность для выражения своих потребностей и интересов, участие в управлении общественными процессами, преодолевается отчуждение человека от власти. Это — общество социалистического

самоуправления народа, глубокого и последовательного демократизма в управлении экономикой, социальными процессами, законности, открытости и гласности.

Социализм мы видим как строй подлинного равенства всех наций и народностей, их социального, духовного расцвета и взаимообогащения, где нет места любым проявлениям межнациональной розни, националистическим и шовинистическим предрассудкам, где торжествуют интернационализм и братство народов.

Наконец, социализм мы видим как строй, природе и интересам которого органически присуще стремление к миру, к укреплению сотрудничества и взаимодействия с братскими социалистическими странами, налаживанию нормальных цивилизованных отношений между всеми народами и государствами на основе демократических принципов равноправия, невмешательства в дела друг друга, признания суверенного права народов самим определять свою судьбу.

Именно такой демократический, гуманный облик социализма мы имеем в виду, говоря о качественно новом состоянии нашего общества как важной ступени в движении к коммунизму.

Грядущие годы определяют будущее нашей страны, судьбу советского строя. Для нас это будущее станет таким, каким мы его создадим. Мы сами — никто за нас или вместо нас.

Новое время. 1988. № 27

Ю. С. Аксенов

МЕХАНИЗМ ТОРМОЖЕНИЯ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПЕРЕСТРОЙКА ¹

Сломать механизм торможения...
эта задача и сегодня остается главной

М. С. Горбачев

Механизм торможения — это совокупность устаревших, консервативных, изживших себя институтов, взглядов, стереотипов практического действия, укоренившихся в самых различных сферах общественного бытия и сознания. Они сковывают потенциал социализма, мешают, а порой и активно препятствуют в полной мере использовать его огромные возможности, тяжелым грузом лежат на путях перестройки.

На XIX Всесоюзной конференции КПСС отмечено, что наряду с реальными успехами, достигнутыми страной и обществом после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК, изменением всей общественной атмосферы процессы перестройки идут противоречиво, трудно, встречают сопротивление старого. В чем это проявляется?

¹ По материалам книги: Механизм торможения//Истоки, действие, пути преодоления М., 1988; см. также: Политическое образование. 1988. № 15

Не преодолены глубинные причины торможения. Механизмы социально-экономического обновления практически еще не действуют; многие качественные показатели по двенадцатой пятилетке не выполняются. Экономика продолжает во многом движение по экстенсивному пути. Структура экономики сохраняет в основном затратный характер. Медленно разворачивается научно-технический прогресс, не выполняются планы по увеличению национального дохода. Нет заметного улучшения качества продукции. Сохраняется напряжение в снабжении продовольствием, товарами народного потребления. Продолжает оставаться острой жилищная проблема. По-прежнему в хозяйственном механизме управления преобладают командно-приказные методы. Серьезным препятствием интенсивного развития экономики остаются уравнильность и иждивенчество. Новые демократические методы руководства, открытость и гласность с трудом пробивают себе дорогу, наталкиваются на бюрократизм, консерватизм и инертность. Дееспособность многих партийных организаций еще не на уровне задач перестройки.

Сдерживающее влияние на процессы перестройки оказывает, таким образом, тяжелое наследие периода застоя. В речи М. С. Горбачева при закрытии партконференции отмечено: «Если говорить об узловых, опорных моментах... после конференции нам надо основательно заняться доведением до конца работы по демонстражу механизма торможения»¹.

Несколько слов к истории постановки проблемы. Как известно, понятие «механизм торможения» было введено на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС в качестве категории, помогающей раскрыть причины застойных явлений в экономике и социальной жизни, особенно получивших распространение на рубеже 80-х годов и приведших к предкризисному состоянию общества. «По сути дела возникла целая система ослабления экономических инструментов власти, образовался своего рода механизм торможения социально-экономического развития, сдерживания прогрессивных преобразований, позволяющих раскрывать и использовать преимущества социализма»².

Было также определено, что «корни этого торможения — в серьезных недостатках функционирования институтов социалистической демократии, в устаревших, а подчас и не отвечающих реальностям политических и теоретических установках, в консервативном механизме управления»³. Поэтому «перестройка — это решительное преодоление застойных процессов, слом механизма торможения, создание надежного и эффективного механизма ускорения социально-экономического развития советского общества»⁴.

¹ Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 года. С. 153.

² Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года. С. 10.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 15.

Механизм торможения, сложившийся в социально-экономической и политической жизни нашего общества, не преодолен и поныне. Негативные тенденции, накапливавшиеся в период застоя, — а корни их уходят в далекие 30-е годы — являются серьезнейшим препятствием на пути революционной перестройки и обновления общества. Позиции бюрократической, командно-административной системы управления еще достаточно сильны.

XIX партийная конференция определила, что ныне общество находится на переломном рубеже, на втором этапе перестройки, когда ее общая концепция должна войти в сознание всего народа и претвориться в практические дела миллионов. В этих условиях еще выше поднимается роль и ответственность обществоведов. Преодолевая догматизм и схоластику, стирая «белые пятна» нашей истории, они должны активно помогать партии в преодолении всех застойных явлений, так или иначе связанных с механизмом торможения, в активизации человеческого фактора — решающей силы перестройки. Поэтому глубокое изучение уроков недавнего прошлого, анализ содержания и форм проявления механизма торможения во всех сферах жизни общества являются весьма актуальной задачей. Историкам партии, всем обществоведам предстоит большая работа по исследованию и осмыслению периода застоя. И откладывать ее на будущее нельзя — слишком велик сейчас социальный запрос на эту тему. Для того чтобы глубже осознать жизненную необходимость революционных преобразований, нужно знать всю правду о негативных явлениях в истории нашей страны, которые сдерживали поступательное развитие социализма. Важно до конца осознать, что новая экономическая и социальная стратегия партии, начатая апрельским (1985 г.) Пленумом ЦК КПСС, явилась *единственным выходом из создавшейся предкризисной ситуации*, что иной альтернативы не было.

Рассматривая различные аспекты действия механизма торможения в период застоя, следует отметить, что его истоки уходят к рубежу 30-х годов, когда начала складываться административно-бюрократическая, командно-приказная система управления всей жизнью общества. Питательной почвой для нее стал режим личной власти Сталина. Тогда начались искажения и деформации ленинской концепции социализма, повлекшие столь трагические последствия в политической и государственной сферах, в самой партии. Командно-административная система укреплялась в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны, в ходе послевоенного восстановления, когда оправдывала себя максимальная централизация руководства. А усиление культа личности Сталина практически не оставляло возможности демократической альтернативы. Попытки поломать эту систему предпринимались после XX съезда КПСС до середины 60-х годов, однако они были обречены на неудачу в силу своей непоследовательности, половинчатости, а главное, не опирались на основу основ строительства социализма, завещанную В. И. Лениным: самое широкое и непосредственное

участие широких масс трудящихся в управлении всеми делами государства. В. И. Ленин предупреждал: «Социализм не создается по указам сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс»¹. Действия Н. С. Хрущева слегка поколебали, но не сломали эту систему, тем более что сохранялись ее кадры. Эти силы сделали все, чтобы при Л. И. Брежневе и К. У. Черненко сохранить в основных чертах прежнюю сталинскую структуру политической власти и государственно-бюрократического управления.

Структура механизма торможения создавалась на протяжении длительного времени, с отдельными, временными ее прорывами, но с неуклонным накапливанием застойных, чуждых социализму явлений, мешающих его динамичному развитию.

Причины и корни негативных, предкризисных явлений в социально-экономическом и политическом развитии общества кроются в догматизации теоретического мышления. «Формы и методы социалистического строительства, — отмечает М. С. Горбачев, — вынужденные обстановкой, отражавшие конкретно-исторические условия нашей страны, были канонизированы и идеализированы, возведены в ранг общих непреложных догм»².

Тормозящее воздействие на развитие не только теоретической мысли, но и на практику социалистического строительства оказывала господствовавшая в годы застоя концепция «развитого социализма». Как известно, положение о «развитом социализме» было введено в политический и научный оборот в конце 60-х годов. Определение степени зрелости социалистического общества имело значение при выработке стратегии и тактики на ближайшие годы и более отдаленную перспективу. Тем более что в ходу были тогда легковесные представления о времени построения коммунизма (третья Программа КПСС). «...Тезис о развитом социализме получил распространение у нас как реакция на облегченные представления о путях и сроках решения задач коммунистического строительства»³.

Однако на протяжении 70-х годов акценты в определении уровня социализма стали постепенно смещаться, терялась объективная оценка состояния советского общества. Дело начало сводиться к констатации только успехов, а по существу, к отрыву от действительности со всеми ее сложностями и противоречиями, к смазыванию остроты возникавших углов. Многие животрепещущие проблемы, связанные с переводом экономики на рельсы интенсификации, ускорением научно-технического прогресса, преодолением негативных явлений в социальной сфере, обходились, умалчивались. Догматизирование концепции «развитого социализма», ее

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 57.

² Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. С. 42.

³ XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 25 февраля — 6 марта 1986 года. Стенографический отчет М., 1986. Т. 1. С. 117.

«творческая» разработка все далее уводили общественные науки, прежде всего экономическую, от жизненных реалий.

Особенно болезненно механизм торможения проявился в экономике — главном направлении деятельности партии. Предкризисное состояние в определяющей сфере общества определялось такими признаками: тенденция к замедлению роста основных показателей развития народного хозяйства, а в ряде его отраслей — и стагнация; отставание в научно-техническом и технологическом прогрессе от передовых капиталистических стран; неэффективное использование имевшихся материальных и трудовых ресурсов и задержка перехода к интенсивным методам производства; инфляционные процессы, товарный дефицит и огромный отложенный спрос.

Здесь хотелось бы выделить один аспект действия механизма торможения. Еще с середины 50-х годов со всей очевидностью выявилась необходимость крутого поворота нашей экономики к всестороннему использованию возможностей научно-технической революции, органическому ее соединению с преимуществами социалистической плановой экономики. Впервые этот вопрос был поставлен на июльском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС. Позже этот вопрос также оставался в центре внимания партии. Показательно, что в Отчетном докладе ЦК XXIV съезду партии впервые был выделен специальный раздел «Научно-техническая революция. Соединение науки с производством». В 70-е годы было принято ЦК КПСС около 40 (!) постановлений по реализации этой проблемы. Однако расхождения между словом и делом особенно отчетливо сказались именно в этом, решающем звене возможности ускорения социально-экономического развития страны, перевода экономики на путь интенсификации.

Несколько примеров. Одной из ключевых задач развития тяжелой индустрии было и всегда остается более полное удовлетворение возрастающих потребностей народного хозяйства в металле. К концу десятой пятилетки Советский Союз производил 148 миллионов тонн стали (к началу 70-х годов — 116 миллионов тонн¹). Однако нехватка металла продолжала нарастать. Причиной этому было медленное осуществление качественных изменений в самой металлургии, отставание с освоением новых технологических процессов в основных отраслях — потребителях металла, а также прямое разбазаривание, неудовлетворительное хранение, использование не по назначению. Недопустимо большими были отходы металла в машиностроении, в металлообработке, строительстве. Примерно каждая четвертая тонна выплавленной стали в конечном итоге шла в отходы.

Другой важный фактор торможения в условиях НТР — нарастающее отставание в области машиностроения, основы перевооружения всего народного хозяйства. Особенно это проявилось в станкостроительной и инструментальной промышленности,

¹ См.: Народное хозяйство СССР в 1985 г. С. 140

в приборостроении, производстве средств вычислительной техники. В 1979—1980 гг. была проведена оценка технического уровня около 20 тысяч машин и оборудования, выпускаемых машиностроением. Примерно треть из них нуждалась в снятии с производства. Росло отставание от высокоразвитых капиталистических стран, где в широких масштабах началась структурная перестройка экономики с упором на ресурсосбережение, использование новейших технологий и других достижений науки и техники. Именно в годы застоя обнаружилась невосприимчивость нашего народного хозяйства к техническим нововведениям. Показательно, что в стране ежегодно регистрировалось около 200 тысяч законченных научных исследований, в том числе выдавалось почти 80 тысяч авторских свидетельств на изобретения. Внедрялось же в производство не более 25 тысяч изобретений, из них 12 тысяч — только на одном-двух предприятиях¹. Значительная часть разработок, выполняемых ведомственными институтами, не соответствовала мировым научно-техническим достижениям, а созданная на их основе техника по своему уровню и экономическому эффекту уступала лучшим мировым образцам.

Складывающаяся ситуация по проблемам научно-технического прогресса беспокоила работников как на местах, так и в центре. Чувствовалась острая необходимость в глубоком комплексном подходе и осмыслении самого курса на интенсификацию. Возникла необходимость в пленуме ЦК КПСС, специально посвященном научно-техническому прогрессу. Партийные организации проделали большую подготовительную работу в этом направлении. Однако пленум так и не состоялся ни в первой половине 70-х годов, ни во второй².

Предкризисное состояние наметилось в социальной сфере. К его признакам можно отнести: засилье технократических подходов, остаточный принцип выделения средств на социальные нужды, а в итоге — недостаточное овеществление социального, гуманистического потенциала нашего строя; преобладание уравнительности в распределении и частые нарушения социальной справедливости; прогрессирующее рассогласование интересов различных общественных слоев и групп, обострение противоречий в национальных отношениях; нарастание таких негативных явлений, как пьянство и алкоголизм, наркомания, спекуляция, коррупция и т. д.

Остановимся на отдельных позициях подробнее. Несмотря на ряд осуществленных в те годы социальных мероприятий, в целом задания пятилетних планов в области повышения уровня жизни народа оставались невыполненными. Ниже плановых были темпы роста реальных доходов населения. Важно и другое. При невыполнении плановых заданий пятилеток по росту производительности

¹ См.: Ефимов К. А., Селин И. И., Троицкий Е. Е. Экономические проблемы научно-технического прогресса. М., 1986. С. 9

² См.: Коммунист. 1987. № 4 С. 20.

труда отчисления в фонд заработной платы систематически превышали плановые. В целом это создавало нездоровую ситуацию в сфере производства и распределения материальных благ.

Сложилось ненормальное положение в социальных отношениях, связанное с различными искажениями важнейшего принципа социализма — распределения по труду. Нередко ущемленным в оплате оказывался высококвалифицированный труд. Уравниловка в оплате труда без строгого учета реальных, конечных результатов подрывала материальные стимулы к росту его производительности, порождала иждивенческие настроения. В итоге искажался принцип социальной справедливости, что неблагоприятно отражалось на состоянии трудовой активности всего общества.

С другой стороны, неблагополучно складывалось положение с обеспечением растущего платежеспособного спроса населения и его материальным покрытием. В то же время многие виды продукции не находили сбыта и накапливались на базах и складах. В связи с этим на руках у населения оказался быстро увеличивающийся остаток неизрасходованных денег, часть из которых вкладывалась в сберегательные кассы. Сумма этих вкладов в девятой пятилетке увеличилась в 2,6 раза по сравнению с ростом продажи товаров народного потребления, в десятой пятилетке — в 3 раза.

Преобладание остаточного принципа распределения ресурсов для социальной области проявилось и в усиливающемся обострении жилищной проблемы, в сооружении социально-бытовых объектов, в решении транспортных проблем для населения, в сфере быта и коммунальных услуг. Застойные и негативные явления наращивались и в области здравоохранения. Ослабление внимания к вопросам охраны здоровья привело к уменьшению доли расходов на здравоохранение в государственном бюджете, устарелости его материально-технической базы. Качество медицинского обслуживания вызывало обоснованные нарекания населения. Хроническими стали нехватка детских садов, зданий для школ и вузов, театров и кинематографа, слабое оснащение больниц и поликлиник новейшим оборудованием. В провозглашенном в партийных документах тех лет обществе «развитого», «зрелого» социализма наша страна к началу 80-х годов оказалась на 35-м месте в мире по продолжительности жизни. Почти 50 стран имели более низкую детскую смертность. Словом, социальная направленность экономики («все для блага человека!»), особенно на рубеже 80-х годов, оказалась ослабленной, появилась ярко выраженная глухота к социальным нуждам советских людей.

Усилилось действие механизма торможения и в политической области. В чем (в суммарном виде) оно проявлялось? Прежде всего в неспособности прежнего руководства страны осуществить назревшие перемены или даже просто осознать их необходимость; в бюрократизации управленческого аппарата, в недемократических способах принятия решений и проведения их в жизнь;

в многочисленных нарушениях социалистической законности со стороны тех, кто был призван ее обеспечивать; в отсутствии гласности по важнейшим вопросам государственной и общественной жизни; в пассивности и апатии масс, частичной утрате ими доверия к традиционным политическим институтам.

В годы застоя нарастали тенденции административно-командного стиля партийного руководства, неоправданной концентрации руководящих функций в системе партийных органов, снижения ответственности за исполнение принятых решений, ослабления опоры на массы. Негативные явления, проникшие в сферу партийной и государственной жизни, неизбежно становились слагаемыми механизма торможения.

В эти годы еще более широкое распространение получило отчуждение значительной части трудящихся от политической власти. В результате складывалась такая ситуация, при которой усиливалась социальная апатия, а посредственность нередко одерживала верх над разумом и талантом. Отчуждение постепенно проникало во все сферы общественной жизни. Напомним нарастание этого процесса в историческом ракурсе в сфере производства, а именно: начавшееся еще в 20-е годы и неуклонно нараставшее отчуждение труженика — хозяина обобществленных средств производства от непосредственного и действенного участия в управлении производством. В силу сложившихся исторических условий развития нашей страны быстрыми темпами рос удельный вес государственной формы собственности, высокой степени достигли централизация и концентрация в управлении производством, что препятствовало приобщению трудящихся к выполнению хозяйских функций. Основными хозяевами стали фактически выступать наркоматы (министерства), число которых со времени нэпа постоянно увеличивалось: с 11 в 1924 г. до 40 в 1940 г. В 1957 г. в СССР было 37 министерств, в 1974 г. — более 60, в 1977 г. — 80, а к началу 1987 г. — более 100 министерств и приравненных к ним ведомств. Расширение масштабов социалистической экономики, создание новых ее отраслей вызвали необходимость появления соответствующих административно-ведомственных учреждений. Но, естественно, не в таком количестве. К этому следует прибавить и административные ведомства союзных республик, дублирующие и построенные по образцу ведомств союзного значения.

Устранение работника от управления производством, превращение его в простого исполнителя чьей-то воли неизбежно вели к таким негативным явлениям, как социальная апатия, безразличие к общественному труду, отчуждение сознания от общественной собственности. К примеру, опыт развития колхозов и совхозов в период застоя показал, что, когда жизненные интересы человека не удовлетворяются общественным производством, когда он безразличен к последнему, тогда никакие капитальные вложения, никакие технические средства не способны двинуть дело вперед.

В 70-е годы все больше стала проявляться тенденция, способствующая бюрократизации всей политической системы, и прежде всего государственного механизма, что сдерживало, тормозило развитие демократии, расшатывало правопорядок и законность. Реальные рычаги власти все в большей мере сосредоточивались в руках партийно-государственного аппарата. Советы оказались отодвинутыми на второй план. Сессии Советов проводились по заранее подготовленным сценариям, на них, как правило, единогласно принимались резолюции, также заранее подготовленные. Партийный аппарат все более расширял свои командные функции, брал на себя решение повседневных текущих вопросов управления, подменяя советские и хозяйственные органы. Аппарат становился практически неуправляемым. Вновь актуализировалось положение из ленинских заметок о пороке советской бюрократии, «комчванстве» и т. д. В одной из записей В. И. Ленина, относящейся к декабрю 1922 г., есть такие слова: «*Ч а с т о*: не нам принадлежит этот аппарат, а мы принадлежим ему!!»¹. Это глубокое ленинское беспокойство перекликается с тем, что говорил М. С. Горбачев на январском (1987 г.) Пленуме ЦК: «Сплошь и рядом встречаются попытки работников аппарата командовать членами партийных комитетов, других общественных организаций, депутатами Советов»².

На внеочередной двенадцатой сессии Верховного Совета СССР был сделан вывод, что ускорение нашего развития невозможно без совершенствования политических институтов, без возрождения Советов как представительных органов власти и самоуправления народа.

Торможение, затухание процессов демократии негативно сказались и в сфере правопорядка и законности. Падение престижа Советов привело к снижению авторитета закона, который стал подменяться многочисленными подзаконными актами. К концу 70 — началу 80-х годов только в управлении народным хозяйством накопилось до 200 тысяч различных приказов, инструкций и иных подзаконных актов, которые опутывали своими сетями каждый шаг хозяйственников, сковывали их инициативу.

В период застоя негативные тенденции резко проявились в самой партии. Еще на январском (1987 г.) Пленуме с ленинской партийной принципиальностью и откровенностью было признано, что главная причина сложившейся в период до апрельского (1985 г.) Пленума ЦК ситуации состоит в том, что ЦК КПСС, руководство страны прежде всего в силу субъективных причин не смогли своевременно и в полном объеме оценить необходимость перемен, опасность нарастания кризисных явлений в обществе, выработать четкую линию на их преодоление, на более полное использование возможностей, заложенных в социалистическом

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 441.

² Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года. С. 47

строе. При выработке политики и в практической деятельности возобладали консервативные настроения, инерция, стремление отмахнуться от всего, что не укладывалось в привычные схемы, нежелание решать назревшие социально-экономические вопросы. Этот субъективный фактор в значительной степени способствовал складыванию и функционированию механизма торможения.

К складыванию механизма социально-экономического торможения, возникновению кризисных ситуаций самое непосредственное отношение имело положение, сложившееся в партии. На январском Пленуме ЦК М. С. Горбачев говорил, что в тот период «честно трудились десятки миллионов советских людей, активно, в интересах народа действовали многие партийные организации и наши кадры»¹. Вместе с тем далеко не все партийные организации смогли удержаться на принципиальных позициях, вести решительную борьбу за строгое соблюдение ленинских норм и принципов партийной жизни, против негативных явлений. Не всюду центр тяжести был перенесен на живую работу с людьми, на развитие их творческой инициативы и самостоятельности.

Партийные организации зачастую брали на себя не свойственные им административные, чисто хозяйственные функции, что снижало их роль как органов политического руководства. Живое дело порой подменялось бумаготворчеством, заседательской суетой, а реалистическая оценка положения — укоренившейся привычкой обходить острые углы. Поиск нового во многом сдерживался стереотипами мышления, привычными схемами и формулами, хотя они уже не отвечали требованиям времени.

Распространялись настроения самодовольства, вседозволенности, стремление приукрасить действительное положение дел. Парадность, фразы временами подменяли конкретное дело. Забывалось указание В. И. Ленина: «Не фразы, а дело нам нужно»², игнорировались ленинские уроки борьбы с бюрократизмом. Между тем значение этих уроков еще больше возросло. Бюрократизм — заклятый враг новаторства, инициативы, социалистической предприимчивости, творчества масс. Косность, застой, бюрократизм становились все более нетерпимыми во всех сферах общественной и государственной жизни.

Стремление обходить острые углы было связано с непомерным восхвалением тогдашнего руководства. Почти каждое выступление на съездах партии в 70-х и начале 80-х годов все чаще и все пышнее сопровождалось елейным славословием в адрес Л. И. Брежнева. С его именем связывались и заявления о том, что в жизни и деятельности партии прочно утвердился подлинный ленинский стиль руководства, хотя, как мы сейчас знаем, во многих случаях нарушались ленинские нормы и принципы партийной жизни и социалистического строительства.

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года. С. 7.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 108.

Некоторые реальные пути поиска демонтажа механизма торможения, первые попытки начать этот процесс связаны с 1982—1983 гг., когда здоровые силы в партии все более настоятельно осознавали необходимость переломить нарастание негативных явлений. Тогдашний Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов заявил на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС: «Мы в своем общественном развитии подошли... к такому историческому рубежу, когда не только назрели, но и стали неизбежными глубокие качественные изменения в производительных силах и соответствующее этому совершенствование производственных отношений»¹. Но тогда были предприняты отдельные попытки как-то навести порядок в обществе, — решительный перелом наступил позже, с апреля 1985 г.

Исторические решения XIX партийной конференции стали крупным этапом в развитии ленинской линии апрельского (1985 г.) Пленума ЦК, XXVII съезда партии, в углублении теории и практики перестройки. В резолюциях конференции определены конкретные пути окончательного слома механизма торможения, преодоления хронических болезней, обеспечения углубления перестройки и гарантий ее необратимости. Намечены неотложные меры по практическому осуществлению радикальной реформы политической системы, демократизации общества. Конференция в своих документах, в выступлениях делегатов, выражавших волю партийных организаций, проявила непоколебимую решимость продолжать и углублять экономическую реформу — фундамент перестройки. В усилении демократизации общественной и партийной жизни, в широком развитии гласности, критики и самокритики, реальном вовлечении трудящихся масс в управление обществом партия видит главные направления и рычаги решительного, действенного наступления на позиции бюрократизма, до сих пор выступающего тормозом общественного развития. Необратимость революционной перестройки и обновление социализма — в повседневных делах каждого коммуниста, каждого труженика нашего общества, в реальном претворении в жизнь политики партии на современном этапе.

Г. Л. Смирнов

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ИНТЕРЕС И ИНТЕРЕСЫ КЛАССОВ

Даже не слишком философски искушенный человек хорошо усвоил, что все в мире меняется, в одну и ту же реку нельзя войти дважды. Сегодня это банальность. Но за истинность и этих утверждений, за идею развития мира пришлось бороться с теми,

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 года. М., 1983 С. 9.

кто был заинтересован в неизменности мирового порядка. И так было всегда: политика, идеология, теология в высшей степени безразличны к интересам людей. Еще Гельвеций довольно образно отметил, что «если физический мир подчинен закону движения, то мир духовный не менее подчинен закону интереса. На земле интерес есть всемогущий волшебник, изменяющий в глазах всех существ вид всякого предмета».

Истины вроде бы и простые, но их как сложно оказывается их нахождение при анализе современных ситуаций.

ЧТО ЖЕ ПРОИСХОДИТ СО «ВСЕМОГУЩИМ ВОЛШЕБНИКОМ»?

Да, люди за всю историю достаточно насмотрелись на могущество «его величества» интереса. Убеждались, что этот волшебник не просто всемогущ, но и коварен, не только велик, но и мелок, порой благороден, а иной раз и просто гнусен. В общем, всякий.

Все видят: что-то очень серьезное и значительное происходит с интересами в наше время, в нашем меняющемся с исключительной быстротой и глубиной мире. Причем ряд изменений носит неблагоприятный и даже грозный характер. Проблема в том, чтобы понять их суть. И не только понять, но и найти противодействие опасным тенденциям: утопающему мало знать, что он тонет, важнее знать, как спастись.

Мир, кажется, уподобился одинокому пловцу, которому не на кого надеяться, кроме как на самого себя. Человечество своими руками создало смертоносное термоядерное оружие, способное несколько раз уничтожить все живое на Земле; людям катастрофически угрожают экологические последствия индустриализации; большая часть мира все еще нуждается в индустриализации и живет на грани нищеты и хронического бедствия; пропасть между развитыми и большинством развивающихся стран не сокращается; земные недра и растительный мир, пресная вода — источник всего живого на Земле — показывают границы своих возможностей.

Источники сырья, энергии становятся предметом обострения борьбы, преодоление экологических бед пока еще остается в основном заботой отдельных стран, хотя масштабы этих бедствий таковы, что они требуют совместных усилий всех или по крайней мере многих государств. В процессе длительных переговоров по сокращению вооружений достигнуты лишь первые обнадеживающие результаты. Иначе говоря, в этой части общечеловеческих отношений налицо обострение и рост напряженности интересов.

На историческую арену выступили новые нации и государства — сотни миллионов людей, политические партии, общественные движения — под знаменами различных, часто противоположных идеологий. Так реализуется могучий интерес к независимости, демократии, социальной справедливости.

Довольно мрачная картина складывается из переплетения межгосударственных, социально-классовых, межнациональных, индустриальных, экологических проблем, каждая из которых может послужить детонатором для всеобщего взрыва. Это, к счастью, понимают многие политики в разных странах мира. Но — увы! — в решении новых проблем все еще преобладают старые политические подходы, основывающиеся на устаревших философских стереотипах. Страх друг перед другом — одна из важнейших причин, которая держит тормоза разоружения и перехода к новым отношениям в мире.

Что же получается: «всесильный волшебник» Гельвеция перестал быть всесильным? Или в мире нет такого интереса, который бы властно объединил людей? Думается, в поисках ответа на этот вопрос огромную роль уже сыграли и будут играть идеи кардинального поворотного характера, имеющие общемировое значение, которые выдвинуты М. С. Горбачевым в речи на сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

МЕДЛЕННОЕ ОСОЗНАНИЕ НЕБЫВАЛОЙ ОПАСНОСТИ

Сильные антивоенные движения имеют не такую уж длинную историю. Они активизировались к концу XIX в., затем после первой и второй мировых войн. Но страх перед потрясением, предсказание апокалипсиса сопровождают человеческое существование, человеческую психику издревле.

Как это ни парадоксально, осознание грозной опасности термоядерной войны, несмотря на опыт Нагасаки и Хиросимы, шло очень медленно. Понадобились новые потрясения, особенно такого рода, как Чернобыль, чтобы заставить людей еще и еще раз вздрогнуть, задуматься.

Понимание того, что люди Земли действительно все в одной лодке — а лодка не так уж и велика, и если что, то погибнем мы все вместе, — способствовало осознанию небывалой опасности. А это, в свою очередь, стимулировало борьбу за мир, которая, хотя и волнообразно, развивалась и постепенно набирала силы.

Известно, что Ф. Энгельс, В. И. Ленин еще до первой мировой войны предупреждали об опасности для жизни человечества гонки вооружений, развязывания истребительных войн между развитыми странами. Но корыстные интересы экономического и политического господства, расовая ненависть брали верх и бросали в горнило истребительной войны миллионы людей.

И лишь когда возможность глобальной катастрофы человечества в результате термоядерной войны стала реальной, начало вызревать убеждение, что в такой войне победителей не будет.

К этому времени развилось и приобрело сильное влияние экологическое движение. Оно выразилось в появлении в различных европейских странах и завоевании широкого авторитета партий «зеленых». Значительный общественный вес получили Пагуошское движение, «Врачи мира за предотвращение ядерной войны».

Под воздействием движения широких масс, выступлений научной интеллигенции состоялось заметное продвижение вперед и политического мышления. Рубежной стала встреча М. С. Горбачева и президента США Р. Рейгана в Женеве в 1985 г., давшая сильный импульс осознанию новых реальностей современного мира.

КАК ЗАГОВОРИЛИ ПОЛИТИКИ

Коммунистов разных стран, естественно, особенно беспокоил вопрос: не утонет ли политическая борьба за социально-классовые интересы в широком демократическом движении. Нужен был новый анализ не только социально-классовых, но и общедемократических позиций, соотношения сил на мировой арене.

После апреля 1985 г. в КПСС были предприняты новые энергичные усилия по анализу ситуации, сложившейся в мире к тому времени. Остро осознавалась необходимость оценок новых явлений в мире и в стране, потребность в новых политических акциях.

Как известно, Советский Союз 15 января 1986 г. выдвинул программу построения безъядерного мира. Она включила в себя целый комплекс предложений, в том числе о 50-процентном сокращении стратегических наступательных вооружений, о ликвидации ракет средней и меньшей дальности в Европе, о ликвидации химических вооружений, о необходимости конструктивных переговоров о сокращении обычных вооружений, особенно в Европе.

Значение этих предложений переоценить невозможно. Дело не только в том, что они отвечают надеждам и чаяниям людей во всем мире. Самое привлекательное в них — они реалистичны. Об этом наглядно свидетельствовали заключение, а затем и реализация Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Вступили в новую фазу переговоры о запрещении производства и применения химического оружия, о сокращении обычных вооружений. И самые заядлые скептики уже не могут презрительно бросить: «Э, все равно ничего не выйдет!» Теперь уже нельзя всерьез отрицать, что важные договоренности возможны.

Но к этому надо было пройти большой и трудный путь, осуществить творческий поиск, особенно взаимоприемлемых способов контроля за разоружением. А главное, сформулировать убедительную философскую платформу для достижения договоренностей, найти идеологические и психологические основы доверия.

Принципиальное, ключевое значение имело в этом отношении заявление XXVII съезда КПСС. Тогда впервые была сформулирована идея о том, что ход истории, общественного прогресса все настоятельнее требует налаживания конструктивного, созидательного взаимодействия государств и народов в масштабах всей планеты... Через борьбу противоположностей трудно (в известной мере как бы на ощупь) складывается противоречивый, но взаимозависимый, во многом целостный мир.

Советский Союз предпринимает новые и новые шаги к открытости и доверию. Они нашли выражение в конкретных предложениях, переговорах, практических делах. Последовал ряд крупных инициатив стран социалистического содружества, направленных на практическое созидание системы международной безопасности.

И все-таки недоверие и настороженность остаются, хотя решительный шаг в их преодолении был сделан на Женевской встрече М. С. Горбачева и Р. Рейгана, когда оба руководителя пришли к единому выводу: «Ядерная война недопустима, и в ней не может быть победителей!» Это заявление лучше, чем что-либо иное, показало возможность договоренностей.

Все большее признание стала получать концепция целостного, взаимосвязанного, хотя и противоречивого, мира, в которой на первое место выдвигаются общечеловеческий интерес в сохранении мира, идея приоритета общечеловеческого интереса над интересами классовыми, национальными, государственными и др. Ленинская идея приоритета общественного интереса начинает обретать новый смысл и значение.

ПАРАДОКСЫ СОВРЕМЕННОГО МЫШЛЕНИЯ

Если говорить без обиняков, то суть проблемы такова: каким образом можно и можно ли вообще примирить тезис марксистов о том, что империализм — это канун социалистической революции, империализм — это война, и тезис буржуазной пропаганды, утверждающий, что коммунизм — это гибель свободы, а Советский Союз — это «империя зла». И правомерно ли вообще с коммунистических позиций выдвигать вопрос о приоритете общечеловеческих интересов над классовыми?

В наше время классовым содержанием учения Маркса — Ленина пытаются запугать неискушенных людей или использовать классовые аспекты нашего учения, чтобы свалить на «классовость» все прегрешения и ошибки конкретных исторических деятелей.

Представим себе такую картину. Собрались три коммуниста и заспорили между собой, вроде некрасовских мужиков, только посерьезнее и посуровее, потому как спор зашел о судьбах мира, судьбах социализма и капитализма. Спорят заинтересованно и страстно. При этом, как водится нередко, спорящие обвиняют друг друга в отступлении от основных истин марксизма-ленинизма, исторического материализма и научного социализма. Звучат слова обвинения в консерватизме, догматизме, ревизионизме и т. д.

Спор, как читатель понимает, идет прежде всего и главным образом об истолковании сути общечеловеческого интереса и классовых интересов, их соотношении. Один из спорящих считает, что признание приоритета общечеловеческого интереса и вытекающих отсюда политических позиций глубоко современен и крайне важен, так как речь идет о спасении человечества. Другой утверждает, что сторонники упомянутой точки зрения игнорируют интересы классовой борьбы внутри стран, а также ведущую тенденцию

современности — борьбу социализма и капитализма. Наконец, третий полагает, что признание первенства классовых интересов над общечеловеческими ценностями есть источник всех наших бед, поскольку именно классовый подход к оценке общественных явлений создал в истории нашей страны чудовищное напряжение в отношениях с большинством крестьянского населения, пострадавшего потому, что оно выступало будто бы против социалистического строя. Именно гипертрофия классового подхода способствовала-де развязыванию ожесточенной гражданской войны и красного террора.

Парадоксальность такого столкновения в том, что все спорящие при всей противоречивости их точек зрения опираются на те или иные положения Маркса, Энгельса, Ленина. И каждый считает себя правым безусловно.

Что ж, такое в истории общественной мысли бывало не раз. Но никогда ранее подобные споры не имели столь непосредственного значения для судеб человечества вообще, судеб социализма.

Обратимся к Ленину, которого никто не может заподозрить в отступлении от классовых интересов и классовых позиций и который вместе с тем является автором тезиса о приоритете общественных интересов перед классовыми.

Известно, что Ленин настойчиво подчеркивал неразрывность социалистических и демократических задач пролетариата, невозможность борьбы за социалистическое дело без политической борьбы за свободу рабочего класса, без свержения абсолютизма¹. Противопоставление демократии социализму уже в то время было неправильным, поскольку ослабление демократического движения вело к ослаблению социалистической борьбы. Социалистическая революция в России могла победить в теснейшем единстве демократических и социалистических сил. Поэтому, рассматривая задачи борьбы пролетариата в России, Ленин указывал на необходимость прежде всего свержения абсолютизма и завоевания политических свобод не только в интересах рабочего класса, но и в интересах всего общественного развития. И далее: «Такое указание необходимо и в теоретическом отношении, ибо, с точки зрения основных идей марксизма, интересы общественного развития выше интересов пролетариата,— интересы всего рабочего движения в его целом выше интересов отдельного слоя рабочих или отдельных моментов движения...»²

В современных условиях борьба за демократические свободы, борьба против эксплуатации, милитаризма, нищеты, безработицы, за решение экологических проблем, являясь делом всех прогрессивных сил общества, выступает первостепенным интересом рабочего класса. По Ленину, «последовательная демократия, с одной стороны, превращается в социализм, а с другой... она требует социализма»³.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 450.

² Там же. Т. 4. С. 220.

³ Там же. Т. 33. С. 78.

Такой ленинский подход очень важно иметь в виду сейчас, когда условия жизни изменились в корне, когда первостепенное значение приобретает спасение жизни человечества. Сегодня именно рабочий класс, коммунистическое движение, мировой социализм призваны активнее выступать за сохранение мира на Земле, спасение рода человеческого, исходя из того, что без этого никакой социальный прогресс вообще невозможен.

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ИНТЕРЕС — ДОМИНАНТА СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

К осознанию новых реальностей теоретическая и политическая мысль подходят широким фронтом. Но принципиальный шаг в этом отношении сделан в уже упоминавшейся речи М. С. Горбачева в ООН.

Многие отмечают беспрецедентные предложения по одностороннему сокращению вооружений, предложения, обещающие далеко идущие последствия. Но еще больше наблюдателей на первое место ставят ее философское содержание, трактовку сути новой эпохи и движущих сил мирового прогресса, так сказать, доминанты современной эпохи.

Из явлений и процессов, в общем-то известных и тревожных, приковавших к себе внимание людей во всем мире, оратор сумел сделать глубокие и захватывающие воображение выводы. И прежде всего вывод о том, что мир, в котором мы живем, продолжает меняться во всех своих составных частях и что, изменяясь, таким образом, мы вступаем в совершенно новую эпоху, когда в основе прогресса будет лежать общечеловеческий интерес, и в мире сложились силы, побуждающие к вступлению в мирный период.

Многие проблемы, с которыми мы прежде имели дело как с региональными, превратились в ходе современного этапа НТР в глобальные; международное общение небывало упростилось и облегчилось; сегодня едва ли возможно сохранение «закрытых» обществ; мировое хозяйство становится единым организмом, вне которого не может развиваться ни одно государство, к какой бы общественной системе оно ни принадлежало. А все это ставит в повестку дня выработку принципиально нового механизма функционирования мировой экономики, новой структуры международного разделения труда.

Отсюда вывод: было бы наивно думать, что проблемы, терзающие современное человечество, можно решить средствами и методами, которые применялись или казались пригодными прежде. Ослабляются или смещаются различия и противоположности, но появляются новые; утрачивают значение некоторые прежние разногласия и споры, их место занимают конфликты иного рода; отбрасываются привычные стереотипы, происходит освобождение от иллюзий, меняется само представление о характере и критериях прогресса. И рассчитывать на старые средства просто невозможно. Опыт накоплен действительно богатый, но он уходит в прошлое.

И в этом состоит переломный характер нынешнего этапа истории.

До последних десятилетий мир развивался под воздействием двух великих революций: французской 1789 г. и российской 1917 г. Они радикально изменили ход мировой истории, сформировали образ мышления, который превалировал в общественном сознании. В этом сознании отразился тот факт, что история человечества была историей почти повсеместных войн, возникавших из столкновения социальных и политических интересов, национальной вражды, идеологической или религиозной несовместимости. И это рассматривалось как движущая сила исторического процесса, в наибольшей мере — в марксистской теории.

Если в основе прогресса должен быть общечеловеческий интерес: приоритет общечеловеческих ценностей, то формула развития «за счет других» изживает себя. Подлинный прогресс невозможен ни за счет ущемления прав и свобод человека и народов, ни за счет природы. Чтобы сохранить цивилизацию, надо развивать сотрудничество как «сотворчество» и «соразвитие». Все это становится возможным, ибо в мире сложились условия и социальные силы, которые способны направить человечество на длительный, если не вечный, мирный путь развития.

Эта констатация новой ситуации и теоретические выводы из нее — новое слово в марксизме-ленинизме.

Вряд ли можно утверждать, как иногда встречается, у Маркса и Ленина было уже все сказано о приоритете общечеловеческих интересов над классовыми и чуть ли не о новом политическом мышлении. В этом утверждении — знак уважения по отношению к основоположникам научного социализма, но по сути оно неточно. Напомню хотя бы о том, что глобальные проблемы со всей их остротой появились относительно недавно. На рубеже XIX и даже в начале XX в. новые тенденции лишь угадывались. И вообще мир был иным.

ВЕРХОВЕНСТВО ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИДЕИ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Сегодня перед нами со всей неотступностью встают вопросы: а в состоянии ли общечеловеческий интерес утвердить свое верховенство над множеством центробежных сил? Хватит ли у людей мудрости и воли обуздать милитаризм и предотвратить ядерную войну? Какие правовые или нравственные нормы и санкции заставят людей уважать требования общечеловеческого интереса?

Никто не может игнорировать того факта, что соревнование двух систем, борьба между капитализмом и социализмом не исчезают, как и классовая борьба внутри отдельных стран за свои классовые интересы. Но все политические силы, если они хотят действовать на основе подлинных реалий, должны проникнуться пониманием, что решение классовых интересов может быть лишь с учетом приоритета общечеловеческого интереса.

Вопрос, конечно, непрост, и решаться он будет сложно. Потребуется и опыт, и новые механизмы международного регулирования. Но человечеству никуда не уйти от того, что теперь баланс интересов является условием его выживания и прогресса. Это и есть основа оздоровления международной ситуации и структуры нового мира, в котором сила и угроза силой ядерного оружия не могут быть средством политики.

Но как же совместить, найти способы взаимодействия общечеловеческих интересов и интересов особых, своеобразных, в том числе классовых? Коль скоро ядерное оружие не может быть средством политических решений, тогда главным выступает принцип свободного выбора пути развития. Отрицать свободу выбора образа жизни, образа мысли — значит посягать на то неустойчивое равновесие в мире, которого с трудом удалось добиться и которое является условием его сохранения. Ведь очевидно, что многовариантность капиталистического и социалистического развития не просто факт. Она возрастает, и ее не остановить. А это требует терпимости, уважения, умения жить бок о бок, оставаясь разными и не во всем согласными друг с другом.

И кроме того, в наше время достижение новых целей после революционных переворотов становится невозможным без использования достижений окружающего мира, возможностей более развитых стран.

Отсюда вытекает еще одно условие мирного развития человечества — деидеологизация межгосударственных отношений. Мы не отказываемся от наших убеждений, нашей философии, традиций и не призываем никого поступаться своими. Иначе говоря, мы за социализм, его совершенствование, гуманизацию, демократизацию. Пусть каждый доказывает преимущества своего строя, своего образа жизни, своих ценностей на деле. Это и будет то, что можно назвать честной идеологической борьбой, то есть борьбой интересов — классовых, национальных, государственных.

Итак, верховенство общечеловеческого интереса над центробежными интересами — веление времени, исторический императив. Его спасительная миссия и положительная роль — вне сомнения и вне конкуренции. Но само его существование и осуществление возможны как добровольное соединение сил, представляющих самые многообразные интересы людей, классов, наций, государств. Для рабочего класса эта общечеловеческая задача становится вместе с тем и задачей классовой. Такова диалектика сегодняшнего развития.

Конечно же неминуемо встает самый важный, самый ключевой вопрос: если даже все новейшие тенденции и закономерности зафиксированы правильно, если обобщения сделаны точно, если прогнозы сформулированы на основе реальных процессов и с должной научной обоснованностью — смогут ли люди разных убеждений пойти друг другу навстречу. Объективные условия мирового развития не содержат непреодолимых препятствий для осуществления стремления человечества к мирному разви-

тию. Но, очевидно, потребуются усилия, чтобы преодолеть взаимное недоверие и найти взаимоприемлемые пути, способы решения вопросов разоружения, укрепления международной безопасности и сотрудничества.

ИНТЕРЕСЫ И ПЕРЕСТРОЙКА

Картину сдвигов на мировой арене невозможно понять до конца, если не обратиться к перестройке в СССР. Огромный интерес к ней проявляют самые различные круги за рубежом. Конечно, интерес этот весьма неодинаков. Тут и сопереживания единомышленников — коммунистов, тут и заинтересованность в экономическом, научном и культурном сотрудничестве, тут и озабоченность дальнейшими судьбами разоружения. Конечно, особый интерес проявляют критики социализма, антикоммунисты.

В значительной мере внимание сосредоточено на том, как будет развиваться социалистическая природа нашего общества, ибо все хорошо знают, что для нас перестройка и социализм неотделимы.

За рубежом также хорошо известно, что у нас в процессе горячих дискуссий история страны и партии подвергалась скорее бурному, эмоциональному, нежели тщательному и глубокому рассмотрению. Хотя и сделано тоже немало. В центре дискуссий, естественно, оказался вопрос о социализме: какой социализм мы построили и почему мы его сейчас перестраиваем? Нашлись люди, которые вообще отрицают социалистический характер нашего общества, обвиняя в этом то лично Сталина, то марксизм-ленинизм в целом. Нельзя просто отбросить эти суждения. Нельзя игнорировать трагические страницы и многие бедствия на пути социалистического строительства.

Непосредственными источниками деформаций, на мой взгляд, явились два основных фактора: сталинская жесткость в борьбе за власть, глубокое отступление от ленинских заветов, от ленинских представлений об экономических методах ведения хозяйства, ленинского понимания роли социалистической демократии.

Создание командно-административной системы управления, засилье бюрократизма привели к лишению инициативы и самостоятельности предприятий, отчуждению трудящихся от средств производства, от власти, крестьян — от земли. И второе — это давление капиталистического окружения, которое вынуждало правительство направить на индустриализацию и создание оборонной промышленности гигантские средства, оставляя на низком уровне развитие легкой, пищевой промышленности, сельского хозяйства и сферы услуг.

И даже тогда, когда уже был достигнут военно-стратегический паритет между двумя блоками и открылись новые возможности в развитии отраслей подразделения «Б», руководство страны в период застоя проявило беспомощность в решении задач повышения народного благосостояния. Отсюда хронический дефицит,

отсюда спекуляция, хищение; а затем, в застойный период, — рост теневой экономики, фактически подпольного капиталистического производства с куплей-продажей рабочей силы, прибавочной стоимостью, сопровождаемый всяческой уголовщиной. Все это нанесло огромный ущерб делу социализма.

Но этим не исчерпывалось содержание исторического развития в СССР. В ходе социалистических преобразований в стране утвердились общественная собственность на средства производства и плановое руководство хозяйством, была ликвидирована эксплуатация человека человеком, в основу распределения был положен принцип «От каждого — по способностям, каждому — по труду», сформировались равноправие и дружба наций и народностей, осуществлен подъем культуры народов. Конечно, все эти процессы были деформированы под воздействием командно-административной, бюрократической системы управления, развиваемой Сталиным и его окружением в ущерб демократии и активности народа.

Но в чем истоки сталинизма? Некоторые ученые видят их... в самой доктрине научного социализма. Представляемое им бестоварное централизованное общество будто бы исключало его демократическое развитие. Такое общество якобы не могло быть ничем иным, как подобием казарменного социализма.

Такое примерно утверждение мы находим у доктора философских наук А. С. Ципко. Задавшись благой целью — выявить идейные истоки преступного поведения Сталина, он на протяжении четырех номеров журнала «Наука и жизнь» (№ 11, 12 за 1988 г. и № 1, 2 за 1989 г.) пытается доказать, что причины многих наших бед — в самой доктрине марксизма, в особенности в классовых принципах его учения. Сталин же всего лишь последователь марксизма.

Статьи А. С. Ципко настолько обширны, многоаспектны, порой противоречивы, категоричны, что их внимательный разбор требует особого места и времени. Мы затронем здесь лишь несколько моментов.

Во-первых, уж если выводить недемократизм марковского учения из непризнания им товарного производства, то надо признать, что демократизм кончается на капитализме — самом товарном производстве. Во-вторых, если говорить об отношении основоположников научного социализма к демократии, то почему бы не обратиться к их собственным положениям о демократизме, без которого они социализм не мыслят, да и сами, как говорится, вышли из демократов. В-третьих, В. И. Ленин, как известно, был тем учителем социализма, который признал неизбежность товарного производства при социализме, хотя взгляды его на демократию отнюдь не определялись отношением к товарному производству. В-четвертых, Ленин, как никто из теоретиков социализма, подчеркивал значение привлечения крестьян к социалистическому строительству и хорошо знал цену дифференциации крестьян. Но его классовые оценки крестьянства не мешали ему видеть

социализм как строй цивилизованных кооператоров. И такое же видение крестьянства (крестьянин-собственник, крестьянин-труженик) не помешало «марксисту» Сталину отступить от ленинских заветов, повести себя по отношению к крестьянству как экстремист почти что нечаевского толка.

Руководство КПСС, раскрывая деформации, извращения, преступления, признает социалистический характер тех основных преобразований, которые у нас произошли. С этих позиций понятна суть перестройки как обновление социализма на основе ленинских положений, очищение социализма от чуждых ему сталинских наслоений и деформаций, подъем советского общества на качественный уровень.

Социалистическая революция и социалистическое строительство имели, безусловно, классовую направленность, хотя при этом решались многие задачи буржуазно-демократической революции, чем объясняется широкая социальная база ее. Конечно, в ходе их было наделано немало ошибок, несправедливостей, жестокостей. За этим часто стояли либо слепая классовая ненависть масс, либо политическая месть, либо невежество, либо сведение личных счетов, либо разгулявшаяся анархия. Но объективная тенденция была такова, что социальная база социалистической революции все больше расширялась. Расширялась до тех пор, пока Сталин, подавив своих политических противников, не обрушил карающий меч на сотни тысяч ни в чем не повинных людей, используя как идеологическое прикрытие теорию обострения классовой борьбы. Но разве в этом была классовая необходимость? Разве в этом повинен классовый принцип марксистской доктрины? Здесь, скорее, видно извращение классовых принципов подхода к оценке явлений и людей.

В 20-е годы и отчасти в 30-е годы нашей стране пришлось пережить время поисков и создания «новых» социалистических форм взаимоотношений, образа жизни. Это выразилось в попытках отменить рукопожатия, в «классовой», партийной оценке ношения шляп, галстуков, одежды и т. д. и т. п. Классовый подход затем был распространен на целые сферы естественных и технических наук. Под запрет попали генетика, кибернетика, социальная психология, социология и др. Но разве это был научный, классовый подход? В действительности это означало вульгаризацию классового подхода. И нанесло огромный ущерб развитию культуры, науки и техники в стране.

Было время, когда пролеткультовские усилия направлялись на изгнание из обихода достижений предшествующей («дворянской», «купеческой») культуры. Третировали А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, классическую музыку, живопись и т. п. Но надо отдать должное руководству партии: рапповским влияниям был положен конец, хотя это и не означало конца строгой политической цензуры и вздорных, квазиидейных требований ко многим произведениям литературы и искусства. Но при восстановлении правды истории сейчас, мне кажется, создается еще одна

полуправда. Утверждается, например, что вообще советская культура не восприняла достижений культур предшествующих, в том числе дворянской и буржуазной, что у нас не изучались и не почитались Достоевский и ряд других авторов, осталось без внимания учение Льва Толстого, что мы не воспринимали культуры зарубежных стран и т. д. Хотя все это в той или иной степени было, как я уже писал, но надо разбираться конкретно с каждым явлением. Нельзя, например, говорить, что подрастающие предвоенные поколения не знали литературы XIX в., не читали иностранную классику и т. п. Как раз выпускники предвоенной средней школы были широко начитанными людьми.

Умение различать, где начинается классовый подход и где он кончается, где существуют простые нормы нравственности, общечеловеческие интересы, такие категории, как совесть, порядочность, честность,— это умение, если хотите, является условием успешного развития социалистических отношений, социалистического сознания. Общество и новые общественные отношения социалистическими называются потому, что в основе их лежат обобществление средств производства, господство коллективистских, интернационалистских принципов, но вовсе не потому, что все человеческие отношения сводятся только к классам и классовым отношениям.

Даже когда мы говорим о системе социалистической идеологии — она, будучи классовой по своей сути, содержит в себе многие моменты общечеловеческого характера и только в сопоставлении с ними может быть охарактеризована как явление классовое. Переходя, скажем, к морали, мы уже из социалистической морали выделяем простые нормы нравственности, которые не носят идеологической окраски, но без которых отношения между людьми немыслимы.

МНОГООБРАЗИЕ ИНТЕРЕСОВ

И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА

Оценивая, таким образом, перестроечные процессы с точки зрения взаимодействия интересов, мы обязаны видеть, что перестройка преследует цель интеграции коренных интересов классов, наций, общественных групп. С другой стороны, имеется в виду поднять экономическую и политическую активность масс именно посредством учета, поощрения специфики интересов групп, коллективов, организаций, личностей. Эта линия получила выражение в формуле: «Больше демократии, больше социализма». Центральной идеей обновления выступает идея демократизации и гуманизации общества.

Единство социалистического общества — вовсе не нивелировка общественной жизни, социализм развивает все многообразие интересов классов, наций, народностей, других общественных групп, интересов, потребностей, способностей людей, активно поддерживает самостоятельность общественных организаций,

выражающих это многообразие. Более того, социализм нуждается в таком многообразии, видя в нем необходимое условие дальнейшого подъема творческой активности людей, инициативы, соревнования умов и талантов, движения вперед.

Ныне, как никогда, велика прогрессивная роль социалистического плюрализма мнений. Плюрализм мнений стал у нас реальностью, он работает, оказывает влияние, развивается.

Теперь на практике мы ощущаем, какой это мощный резерв для развития демократии. В нем выражается не только представительство различных интересов общества, общественных групп, коллективов, индивидуумов. В плюрализме отражается борьба различных интересов и соревнуются разные мнения о том, как лучше осуществить один и тот же интерес. В процессе сопоставления множества точек зрения, полемики по спорным вопросам создаются условия для поиска и нахождения истины, выработки наиболее эффективных решений.

В каком направлении пойдет дальнейшее развитие плюрализма, предсказать трудно. Но практика уже показывает, что вряд ли все ограничится сферой сознания, полемикой. Коль скоро есть мнение, да еще и коллективное, да еще и консолидированное, — значит, будет и соответствующее поведение. Мы говорим о «правых» и «левых» силах, влияющих на ход перестройки. Недооценивать их нельзя. Но дело в том, что атаки на ЦК КПСС, о которых говорил М. С. Горбачев на встрече с деятелями науки и культуры, не ограничиваются только теорией и политикой перестройки. Под сомнение ставится не только социалистический характер советского общества, но и его социалистическое будущее, реализм и жизнеспособность самой марксистской доктрины социализма. Все это, разумеется, под флагом поиска истины. В ряде выступлений дается трактовка истории социалистического строительства, которая не только подвергает критике преступления Сталина, деформации, ошибки, но в целом перечеркивает прогресс советского народа на пути социализма.

Что это значит? Это значит, что плюрализм не удерживается в рамках социалистической мысли. Я вижу, как благотворно сказывается свободное обсуждение научных и политических проблем и на деятельности наших учреждений, и на умонастроении советских людей, как раскрываются таланты и способности их в общественной деятельности. Но я за активизацию теоретической социалистической мысли. Не скажу о журналах, но на страницах центральных, в том числе партийных, газет явно недостает теоретических выступлений по тем вопросам, по которым идет острая полемика. Боюсь, что это делается под сомнительным предлогом: не мешать свободному волеизъявлению. Но когда критике, порой весьма не обоснованной, подвергаются политика партии по принципиальным вопросам, социалистические ценности, такая созерцательная позиция означает сдачу идейно-политических позиций. Да и плюрализм начинает терять свое важное свойство — борьбу мнений. Игра, как говорится, идет в одни ворота.

Главное же состоит в том, чтобы социалистический плюрализм способствовал конструктивной работе по исследованию жизненно важных проблем, в том числе таких, как ленинская концепция социализма, современные формы социалистического устройства общества, общественные формы собственности и подъем экономической активности, взаимодействие социальной справедливости и экономической эффективности, план и рынок, цены и ценообразование, система заработной платы при социализме, осмысление сложных этапов нашей истории, изменение роли партийных комитетов и Советов, борьба против бюрократизма, развитие новых форм хозяйствования (аренда, подряд), кооперации и т. д. Все это, конечно, на основе терпеливого, конструктивного сопоставления аргументов спорящих, на основе тщательного изучения реальных процессов. Это тем более важно, что социализм немыслим без демократии, а демократия — без плюрализма и гласности.

Правда. 1989. 28 февр. и 1 марта

Г. К. Крючков

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АВАНГАРД ОБЩЕСТВА: ЕГО МЕСТО И РОЛЬ В ПЕРЕСТРОЙКЕ

Вопрос о месте и роли партии в политической системе советского общества, о кардинальной перестройке всей деятельности на поворотном этапе в развитии страны находился, как известно, в центре внимания XIX Всесоюзной конференции КПСС.

В нашей истории уже были периоды, когда обстановка требовала крупных перемен в деятельности политического авангарда по руководству обществом, переделки, говоря ленинскими словами, самого *типа* партийной работы¹.

После завершения гражданской войны и разгрома иностранной военной интервенции, когда страна приступила к мирному социалистическому строительству, В. И. Ленин, выступая с заключительной речью на XI съезде РКП(б), говорил: сейчас «...по-новому ставится вся задача нашей политики».

Весь гвоздь теперь в том, чтобы авангард не побоялся поработать над самим собой, переделать самого себя, признать открыто свою недостаточную подготовленность, недостаточное умение. Весь гвоздь в том, чтобы двигаться теперь вперед несравненно более широкой и мощной массой...»².

Вступление СССР в этап революционной перестройки всех сфер жизни советского общества, инициатором и движущей силой которой является КПСС, решение судьбоносных для страны и социализма проблем этого этапа по-новому поставили все задачи

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 420.

² Там же Т. 45 С. 137.

партийной политики, обусловили необходимость дальнейшего повышения руководящей и направляющей роли партии, выработки новых подходов и критериев оценки выполнения ею этой роли. Встала задача — переосмыслить роль самой партии в плане реализации ее функций как политического авангарда.

Для этого необходимо было объективно, реалистически оценить состояние общества и самой партии, «иметь смелость признать откровенно то, что есть»¹; уточнить некоторые принципиальные позиции, руководствуясь ленинским положением о том, что, «кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натекать» на эти общие вопросы. А натекать слепо на них в каждом частном случае значит обрекать свою политику на худшие шатания и беспринципность»². В соответствии с новыми условиями и задачами требовалось внести коррективы в формы внутрипартийной жизни, в содержание, стиль и методы ее руководящей деятельности.

Путь, пройденный нашей партией и советским народом, был непростым, нелегким, подчас трагическим. Были на этом пути и выдающиеся победы, и серьезные ошибки, глубокие деформации, которые задержали на целые десятилетия развитие нашего общества, привели к огромным человеческим жертвам и неисчислимым нравственным и идейным потерям. На этом основании высказываются сомнения: а можно ли вообще говорить о том, что партия осуществляла руководящую роль на определенных этапах нашей истории?

Фактом, однако, является то, что все эти годы, несмотря на грубейшие ошибки, вопреки произволу, репрессиям партия действовала, бесперебойно осуществляла руководство страной, вела советский народ по пути социалистического строительства. «Главный, определяющий смысл нашей истории заключается в том, — говорил М. С. Горбачев в докладе о 70-лети Великой Октябрьской социалистической революции, — что все 70 лет наш народ жил и трудился под руководством партии во имя социализма...»³

XIX Всесоюзная партийная конференция особо отметила факт, имеющий принципиальное значение: в непростых — объективных и субъективных — условиях миллионы партийцев, тысячи партийных работников, многие руководители-хозяйственники и специалисты, ученые, деятели культуры честно выполняли партийный и гражданский долг, достойно несли знамя революции. Именно в партии сформировались силы, которые смогли после мартовского и апрельского (1985 г.) Пленума ЦК совершить крутой поворот в политике, вывести страну на путь перестройки, обновления.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. I С. 407.

² Там же. Т. 15. С. 368.

³ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. С. 30

КПСС — и это тоже свидетельство ее силы, честности, глубокого понимания долга перед советским народом — взяла на себя ответственность за прошлое, за создавшееся положение, сознательно вызвала на себя общественную критику.

В резолюции XIX Всесоюзной партийной конференции «О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки» отмечается, что «КПСС никогда не допустит впредь повторения чего-либо подобного тому, что связано с периодами культа личности и застоя»¹.

Партия исходит из того, что культ личности, другие извращения ее политики не были неизбежными, что они не только не обусловлены природой социалистического строя, но являются чуждыми его природе, представляют собой отступление от основополагающих принципов социализма. Тем важнее разобраться, почему такая партия, как КПСС, с ее огромным опытом, традициями, кадрами, не смогла воспрепятствовать деформациям, связанным с культом личности Сталина, предотвратить застой, что надо сделать, чтобы не допустить подобного впредь.

Дать верные ответы на эти жизненно важные вопросы можно было, только глубоко и объективно проанализировав процессы, происходившие в обществе и в самой партии в последние десятилетия. Такой анализ — по-ленински мужественный; честный и бескомпромиссный — был сделан партией на XXVII съезде и особенно на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС. XIX партийная конференция углубила этот анализ, сделала крупный шаг в осмыслении диалектики развития партии, выработке механизмов, обеспечивающих ее функционирование как подлинно демократической организации, движущей силы и гаранта революционного обновления нашего общества.

Анализ показал, что главная причина происшедших деформаций — в серьезных отступлениях от ленинских принципов партийного строительства и норм партийной жизни, игнорировании ленинских положений о назначении и характере политического руководства, формах и методах его осуществления, имеющих непреходящее значение.

Был нарушен прежде всего основополагающий принцип партийного строительства — принцип демократического централизма. В значительной степени он был подменен централизмом бюрократическим. Утрачивались многие демократические традиции большевизма, изначально присущие КПСС, закладывавшиеся многолетними усилиями Ленина и его соратников: атмосфера партийного товарищества, равенство всех членов партии перед Уставом партии, их выдержка, бескорыстие, подвижничество, постоянная готовность подчинить личные интересы общественным, непримиримость к недостаткам, к обывательщине, подхалимству, рвачеству, любым проявлениям чуждой нам идеологии

¹ Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 года. С. 116.

и морали. В партийную среду вошли такие нетерпимые, несовместимые с природой нашей партии явления, как деление на начальников и подчиненных, чинопочитание, чванство, угодничество.

Многие партийные организации стали утрачивать боевитость, не смогли удержаться на принципиальных позициях, противостоять растущей коррупции, круговой поруке и вседозволенности, бюрократизму, стихии стяжательства, ослаблению дисциплины, распространению пьянства и алкоголизма, напору ведомственности и местничества, националистическим проявлениям.

В значительной степени это было порождено тем, что коммунисты, по существу, отстранялись от реального участия в определении политики партии, обсуждении коренных вопросов партийной деятельности, проведении принятых решений в жизнь. Была ослаблена роль выборных партийных коллегий, реальная власть фактически переходила к исполнительным органам — бюро, секретариатам партийных комитетов, а зачастую к аппарату, роль которого на всех уровнях непомерно возросла.

Логика утвердившейся — начиная с 30-х годов — командно-административной системы приводила к тому, что партийные комитеты принимали на себя многие текущие, оперативно-распорядительные функции по управлению хозяйством, социальной сферой, все больше втягивались в решение конкретных управленческих задач, в их практике возобладали командно-нажимные методы и подходы. А это приводило — и не могло не приводить — к ослаблению политического характера партийного руководства, снижению внимания партийных комитетов к вопросам идеологической работы, внутрипартийной жизни, национальных отношений, проблемам молодежи и т. д.

Многие негативные стороны в практике работы партийных комитетов обусловлены технократическим подходом к кадровой политике. На руководящую партийную работу, в аппарат выдвигались преимущественно специалисты промышленности и сельского хозяйства. При этом далеко не всегда учитывалось наличие у них качеств политических руководителей. А между тем многие партийные работники не умели действовать политическими методами, работать с людьми, убеждать, вести дискуссии, полемику, анализировать, извлекать политические выводы из анализа, предвидеть социальные и воспитательные последствия принимаемых решений и действий. Отсюда — тяга к командному стилю, к администрированию, запретительству, неправильное реагирование на критику.

В свое время Ленин отмечал, что «неразвитость и непрочность формы не дает возможности сделать дальнейшие серьезные шаги в развитии содержания, вызывает постыдный застой, ведет к расхищению сил, к несоответствию между словом и делом»¹. Именно это можно было сказать относительно сложившейся в прошлые годы структуры партийного аппарата с ее узкоотраслевой

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 378.

направленностью. Такое построение аппарата прямо вело к дублированию, толкало на подмену. Командные методы, упрощенные подходы глубоко проникли во всю партийную жизнь.

Это касается прежде всего отбора партийного пополнения. Многие годы регулирование приема в КПСС осуществлялось путем выдачи анкет, доведения «разнарядок», установления «лимитов», заданий по приему и т. п. Такая практика не гарантировала от проникновения в партийные ряды недостойных. В то же время она нередко закрывала дорогу в партию инициативным, преданным ее делу людям. Укоренились формально-номенклатурные подходы и в кадровой работе, что привело ко многим серьезным проблемам.

Несомненный вред нанесла проводившаяся многие годы линия на выдвижение к руководству, как правило, членов партии. Это сужало кадровые возможности, ущемляло в конституционных правах беспартийных, а самое опасное — деформировало работу по пополнению партийных рядов, порождало карьеристские устремления при вступлении в КПСС. Такая практика противоречила ленинской постановке вопроса. Как известно, еще в первые годы Советской власти Ленин настойчиво требовал широко и смело выдвигать на руководящие посты способных организаторов из числа беспартийных рабочих, крестьян, представителей интеллигенции, сохраняя необходимый контроль и направление за коммунистами, «проверять *беспартийными* работу партийных»¹.

Искажение ленинских принципов кадровой политики, прежде всего попрание принципа подбора кадров по политическим, деловым, нравственным качествам, способствовало проникновению в кадровую работу протекционизма, распространению практики выдвижения работников по земляческим, приятельским, клановым соображениям.

Программный принцип систематического обновления состава руководящих органов и преемственности руководства практически перестал действовать, естественный процесс смены кадров был нарушен. Многие руководители, считая себя «непогрешимыми», «незаменимыми», «несменяемыми», выходили из-под контроля, отрывались от масс, морально перерождались, становились на путь стяжательства и злоупотреблений. Факты политического и нравственного падения таких «деятелей» теперь широко известны.

В то же время в основном звене нашего общественного организма — на уровне предприятий,строек, колхозов и совхозов — происходила подчас настоящая кадровая чехарда. Нанесла вред выдвинутая в свое время формула о том, что руководящие кадры на местах выдвигаются главным образом из числа местных работников, а из центра направляются в виде исключения. Это привело к фактическому прекращению обмена кадрами между центром

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 81.

и местами, между республиками и регионами. Игнорировались интенсивные процессы интернационализации общественной жизни, ослаблялась идейная, интернациональная закалка кадров.

В итоге в жизни партии появились и нарастали деформации, противоречия, которые отрицательно сказывались на боеспособности партийных организаций, партии в целом, на уровне партийного влияния.

Прежде всего налицо было несоответствие между ростом численности партии, увеличением партийной прослойки и эффективностью партийного влияния на многих участках, между ростом уровня образованности, подготовленности партийцев и определенной девальвацией звания члена партии.

После XXIV съезда КПСС (1971 г.) ряды партии увеличились на 35,5 процента. В настоящее время в КПСС насчитывается 19,5 миллиона коммунистов — на 5,1 миллиона больше, чем было в 1971 г.¹ К слову, население страны за это же время увеличилось на 16,7 процента, то есть ряды партии росли относительно в 2 раза быстрее роста численности населения.

Высшее, незаконченное высшее и среднее образование в 1971 г. имели 56,3 процента коммунистов, теперь — 80,5 процента. Специалистов в партии было 5,9 миллиона, теперь — 11,5 миллиона, что составляет 58,9 процента от общего количества партийцев.

В партии ныне состоят каждый десятый взрослый и каждый девятый работающий гражданин страны, примерно каждый пятый инженер и техник, каждый четвертый специалист сельского хозяйства, примерно каждый шестой учитель и врач, 70 процентов докторов наук, 52 процента кандидатов наук, более половины писателей, треть композиторов, 38,7 процента кинематографистов. В министерствах и ведомствах большинство работающих — члены партии. В то же время уровень партийного влияния далеко не везде отвечает возможностям партийных организаций.

В КПСС крепло рабочее ядро. В 1971 г. рабочих по социальному положению среди членов партии было 40,1 процента, сейчас — 45,5 процента. Но именно в эти годы многими коммунистами, партийными организациями в значительной мере была утрачена классовая, пролетарская нетерпимость к отступлениям от социалистических принципов, принципов пролетарского, партийного товарищества.

Партийное руководство по своей сущности — руководство политическое. С ним ни в коей мере не согласовывалась практика командования, администрирования, запретительства, дублирования и подмены партийными комитетами государственных и хозяйственных органов, получившая широкое распространение.

Расхождение между принципами, провозглашавшимися лозунгами и реальной практикой приводило к коррупции, разложению, перерождению части кадров, нарастанию бюрократизма. Во многих местах не давался отпор проявлениям национальной ограни-

¹ Здесь и далее данные по КПСС на 1 января 1988 г.

ченности, чванству, ведомственности, местничеству. А это порождало безразличие, пассивность коммунистов, социальную апатию людей, питало националистические настроения, обостряло многие проблемы общественного развития.

Совершенно очевидно, что без преодоления углублявшихся противоречий, устранения негативных сторон в жизни и деятельности партии, без возрождения ленинских подходов и принципов, без включения в активную деятельность почти 20-миллионной армии партийцев невозможно обеспечить повышение руководящей роли партии, чего настоятельно требует жизнь, требуют новые задачи.

И не случайно перестройку партия начала с мужественной, самокритичной оценки положения дел в своем доме, с наведения порядка в партийных рядах, в кадровом корпусе, с преобразования самой себя, обновления внутривнутрипартийной жизни, с повышения ответственности и самоочищения, ужесточения спроса с коммунистов за соблюдение принципов партийности и нравственности. Содержание этой работы определяется установками новой редакции Программы КПСС, Уставом партии, принятыми XXVII съездом Коммунистической партии.

За два года после XXVII съезда КПСС из партии исключено и выбыло почти 327 тысяч человек — на 41,3 тысячи больше, чем исключено и выбыло за два предыдущих года. В том числе количество исключенных за пьянство увеличилось в 1,8 раза.

Большие изменения произошли после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС в кадровом корпусе. За три года сменилось почти две трети секретарей обкомов, крайкомов партии, ЦК компартий союзных республик, около 70 процентов первых секретарей горкомов и райкомов партии. Практически полностью обновился за это время состав работников аппарата партийных комитетов.

Важнейшая задача состояла в том, чтобы наполнить новым, отвечающим требованиям нынешнего этапа содержанием принципиальное для нас понятие — руководящая и направляющая роль партии, придать всей ее деятельности больший динамизм, эффективность в проведении курса на перестройку. Для этого необходимо было овладеть ленинской методологией анализа, проникнуть в лабораторию ленинской мысли, найти правильные ответы на многие принципиальные вопросы, открывающие путь к решению конкретных задач партийного строительства в новых условиях.

В сущности, проблема заключалась в том, чтобы возродить во всей полноте и с учетом современных условий ленинскую концепцию партии как политического, идейного и нравственного авангарда рабочего класса, всех трудящихся, вооруженного самой передовой революционной теорией, четкой программой действий, сплоченного на основе высокой сознательности своих членов, тесно связанного с массами и воздействующего на них идейно-политическими методами, постоянно проверяющего и обогащающего

свой опыт опытом народных масс, организующего всю свою внутреннюю жизнь и руководящую деятельность на демократических началах, при строжайшем соблюдении советских законов. Такая задача и поставлена в решениях XIX Всесоюзной партийной конференции.

Представляется необходимым выделить некоторые принципиальные вопросы, связанные с раскрытием и воплощением в жизнь ленинской концепции партии. Прежде всего это вопрос о том, *нужна ли* руководящая роль партии на этапе перестройки, в условиях всесторонней демократизации общества. В наши дни этот вопрос стал предметом острых дискуссий. Не случайно и на партийной конференции — в докладе М. С. Горбачева и его речи при закрытии конференции, в выступлениях многих делегатов, в принятых резолюциях — об этом шла речь.

В средствах массовой информации высказывались разные суждения. Появились сомнения: а не произойдет ли ослабления руководящей роли партии в новых условиях, после отказа от командно-приказных методов? На одном из совещаний в ЦК КПСС, отмечалось, что «...сейчас есть прямые попытки под флагом и лозунгом демократии, подчас очень хорошими, растворить партию в народе, в каких-то других организациях»¹. Растворить партию — значит подорвать ее руководящую роль, по существу, выхолостить содержание этого понятия, лишить КПСС таких мощных рычагов проведения ее курса, какими являются кадровая политика, средства массовой информации. В этой связи можно сослаться на слова Ленина из речи на XI съезде РКП(б): «...если у ЦК отнимается право распоряжаться распределением людей, то он не сможет направлять политику»². Дискутируется вопрос и о том, какой должна быть наша политическая система — однопартийной или многопартийной. Высказываются предложения о создании других партий или политических структур с функциями, подобными партии, даже отстаивающих те же принципы, что и КПСС, но противостоящих ей («еще одной коммунистической партии», «партии экономического возрождения», «крестьянской (колхозной) партии» и даже «беспартийной партии перестройки»)

Однопартийная система в нашей стране сложилась исторически, еще при Ленине. Это объективный факт. Другие партии, как известно, отказались участвовать в управлении страной, нести ответственность за судьбы государства и сошли со сцены.

Ныне нет социально-классовой базы для создания другой партии как части класса. Нельзя не учитывать и того, что создание любой другой партии или подобных ей политических структур, конкурирующих с КПСС, будет раскалывать общество, разоб-

¹ Через демократизацию — к новому облику социализма. Встреча в ЦК КПСС с руководителями средств массовой информации, идеологических учреждений и творческих союзов 7 мая 1988 года М., 1988 С 9

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45, С. 123.

шать социальные силы, затрудняя тем самым решение задачи, которая сегодня является одной из главных,— консолидации, сплочения нашего общества на принципах перестройки, на идеях обновления. Выступивший на конференции академик Е. М. Примаков справедливо обратил внимание и на то, что «идеями многопартийности могут в первую очередь воспользоваться националистические, догматические элементы всех мастей. А это было бы страшным ударом по перестройке»¹.

Вопрос этот — при всей его, казалось бы, очевидности — не простой. Ведь предложения о создании параллельных партий или политических структур чаще всего бывают продиктованы искренней заботой о том, чтобы не допустить застоя, загнивания, перерождения партии, повторения всего того неприятного, что в прошлом так сильно ударило по авторитету КПСС. (Мы здесь не касаемся призывов создать оппозиционные партии с другими идейными позициями, которые прямо противостояли бы КПСС. Такие попытки, как известно, тоже предпринимаются. Неприемлемость их в принципе очевидна.)

И здесь исключительное значение имеет вывод XIX партконференции о том, что в партии и обществе нужен постоянно действующий механизм сопоставления взглядов, критики и самокритики, что завоевания политики гласности (а они несомненны) необходимо закрепить и умножить. Постоянный, конструктивный политический диалог, культура дискуссий, широкая информация по вопросам внутренней и внешней политики, изучение и учет общественного мнения призваны стать неотъемлемыми чертами жизни партии. Однопартийная система, которая исторически сложилась и утвердилась в нашей стране и органически сочетается сегодня с процессами демократизации,— это вопрос жизненного значения.

Выступая на XXVII конференции Московской городской организации КПСС 21 января 1989 г., М. С. Горбачев говорил: «Мы живем в стране с однопартийной системой — так исторически сложилось. Некоторые считают, что для того, чтобы общество динамично развивалось, нужна многопартийная система. Анти-советчиков я в расчет не беру. Но есть люди, которые выступают за это, поскольку искренне обеспокоены тем, чтобы процессы в стране шли активно, динамично. Однако они правы лишь в том отношении, что нужно искать такой механизм, который бы поддерживал активную общественную жизнь, обеспечивал контроль, чтобы не было закрытых зон, чтобы все было на виду, чтобы народ участвовал в перестройке. Все это как раз то, чего и добивается партия через политическую реформу, через механизмы демократии, гласность и критику.

Эту линию мы будем держать твердо, несмотря на возникающие издержки»². КПСС считает необходимым последовательно

¹ Правда. 1988. 2 июля.

² Правда. 1989. 24 янв.

и решительно проводить принцип — в партии никто не может быть вне контроля, вне критики.

Условия однопартийности, сложившейся в нашей стране, горький опыт прошлых лет выдвигают в качестве одной из актуальных и очень острых проблему самоконтроля и самокритики в партии. На ее решение направлено предстоящее создание в соответствии с установками XIX партийной конференции Центральной контрольно-ревизионной комиссии (на базе Центральной Ревизионной Комиссии КПСС и Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС), а также соответствующих контрольных органов нижестоящих партийных организаций, которые должны избираться на партийных съездах и конференциях и быть им подотчетны.

В связи с разграничением функций партии и государства некоторые товарищи считают, что партия вообще не должна руководить государственной жизнью, что «Советскую (народную) власть необходимо отделить от партийного руководства». Только тогда, мол, можно разграничить функции партийных и советских органов.

Думается, что здесь принципиальная сторона дела — необходимость политического руководства — смешивается с другим, тоже очень важным вопросом: какими методами это руководство должно осуществляться, каковы функции политического руководства.

XIX Всесоюзная партийная конференция дала на эти вопросы ясный и убедительный ответ: и на этапе перестройки руководящая, направляющая роль партии не только не может быть поставлена под сомнение, напротив, ее роль в совершенствовании социалистического общества, осуществлении глубоких преобразований еще больше возрастает, повышается ее ответственность за революционное обновление общества.

Почему необходима руководящая роль партии в современных условиях?

Дело в том, что у нас и нет другой политической силы, кроме Коммунистической партии, которая могла бы на научной основе выработать стратегию развития общества и тактику действий, сформулировать политику, отвечающую интересам всего советского народа, задачам упрочения социализма, и трансформировать ее во все сферы общественной жизни, возглавить процесс формирования в обществе социалистического сознания.

Только Коммунистическая партия в состоянии гарантировать социалистическое содержание преобразований в стране. Особенно это необходимо сейчас, когда так важно определить, какие ценности, новшества, входящие в нашу жизнь, следует считать действительно социалистическими, а какие — неприемлемыми для социализма, когда следует отобрать и поставить на вооружение общества то, что служит перестройке, продвигает нас по пути социализма, а не к каким-то чужим, «заемным», целям, к которым толкают различного рода экстремистские элементы.

Только КПСС может в условиях ставшего фактом социалистического плюрализма мнений, интересов и потребностей осуществить предельно широкую и глубокую интеграцию общества, консолидацию народа на основе принципов социализма, без чего невозможно решить историческую задачу вывода нашего общества на качественно новый уровень развития.

Только партия способна создать необходимую политическую и нравственную обстановку, морально-психологическую атмосферу, соответствующий идеологический климат в стране.

И возрастание ответственности партии за дела в стране, за полную реализацию социалистических принципов, повышение ее роли в обществе — закономерный процесс, неперенное условие нормального функционирования и развития социалистического общества.

Всей своей деятельностью в послеапрельский период КПСС убедительно подтверждает, что именно она является носителем программных целей общества, выступает как политическая сила, способная повести страну по пути обновления, прочно держит в руках политическую инициативу. От ее работы в определяющей мере зависит и успех реформы политической системы, осуществляемой на основе решений XIX Всесоюзной партийной конференции.

В полном соответствии с ленинским пониманием сущности политического руководства конференция четко определила функции партии как политического авангарда общества.

Партия, располагающая огромным теоретическим и кадровым потенциалом, основываясь на марксистско-ленинском учении, обеспечивает теоретическую разработку важнейших вопросов развития страны, стратегии, основных направлений внутренней и внешней политики. Она вырабатывает идеологию перестройки, социалистического обновления, вооружает общество надежными политическими и идеологическими ориентирами. Через идеологическую, политическую и организаторскую работу в массах партия вдохновляет и воодушевляет их, дает правильное, социалистическое направление движению вперед всего нашего многонационального общества. Партия осуществляет кадровую политику, обеспечивая рациональную расстановку кадров через демократические механизмы преобразованной политической системы.

Руководящая роль КПСС в нашем обществе — объективный факт. Но эта роль не дана партии кем-то свыше и на вечные времена. Она завоевана упорной, настойчивой борьбой ряда поколений коммунистов. И сегодня задача партии, всех ее организаций, кадров — утверждать, завоевывать право на руководство обществом, подтверждая его бескорыстным, самоотверженным служением интересам народа.

Это принципиальное положение представляется ключевым для понимания нашего нового подхода к вопросу о роли партии. Партия, ее кадры не вправе рассчитывать на декретирование, на «данность» руководящей роли, на автоматизм в ее осуществле-

нии, не должны страдать «комплексом непогрешимости». Они призваны следовать ленинскому завету: «...завоевывать себе своей энергией, своим идейным влиянием (а не своими званиями и чинами, конечно) руководящую роль...»¹

Перестройка, демократизация, гласность, реформа политической системы, изменение функций партии и в этом плане создают принципиально новую ситуацию, подвергают авторитет партии серьезному испытанию. В речи при закрытии XIX Всесоюзной конференции КПСС М. С. Горбачев говорил по этому поводу: «Руководящая роль партии в новых условиях будет всецело определяться тем реальным авторитетом, который предстоит каждый раз заново доказывать конкретными делами. Вот почему нам просто жизненно необходимо преодолеть малейшую пассивность членов партии. Каждый коммунист должен стать борцом за перестройку, революционное обновление общества. Пусть это будет самым главным наказом нашей конференции»².

Из сказанного следует еще один принципиальный вывод: в практической деятельности партии в полной мере должно быть воплощено положение о том, что партийное руководство — руководство политическое. А с политическим руководством несовместимы доминирование, диктат, командно-нажимные подходы, приказной стиль, бездумное исполнительство; ориентация преимущественно на запретительные методы; практика дублирования, подмены партийными комитетами советских и хозяйственных органов, стремление за всех решать, всем диктовать.

Решительно отказаться от этой практики, внести коренные изменения во всю нашу партийную работу — ключевой, принципиальный вывод XIX партконференции, в сущности, центральная задача перестройки нашей политической системы. В резолюции конференции «О демократизации советского общества и реформе политической системы» сказано: «Конференция выдвигает как задачу сегодняшнего дня бесповоротный отказ от командно-приказных методов работы партийных органов, строжайшее соблюдение демократических принципов, требований Конституции СССР и других законов. Именно по способности проводить партийную политику по-новому, методами идейно-политической и организаторской работы в массах следует определять уровень деятельности каждой партийной организации, зрелость партийных работников»³.

Проблема разграничения функций партии и государства существует столько, сколько КПСС является правящей. Но, к сожалению, практика подмены партийными комитетами советских и хозяйственных органов не была преодолена. И дело не только в силе привычки, в последствиях технократического подхода в кадровой работе, в партийной работе вообще. Главная причина —

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 363—364.

² Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 года. С. 151—152.

³ Там же. С. 124.

в утвердившихся повсеместно командно-административных методах, присвоении партийными комитетами управленческих, оперативно-распорядительных функций.

Предстоящая реформа политической системы призвана в числе других задач обеспечить четкое разграничение функций партийных и государственных органов, исходя из ленинских принципов: свою политическую линию КПСС проводит через коммунистов, работающих в государственных и хозяйственных органах, в общественных организациях и трудовых коллективах — во всех сферах жизни общества; партия, все ее организации действуют в рамках Конституции и советских законов.

В условиях, когда наша экономика переходит на новые методы хозяйствования, когда трудовым коллективам предоставляется полная самостоятельность, развивается самоуправление, командные методы становятся просто недопустимыми.

В стране сложилась обстановка широкой гласности, возможности свободно высказывать свое мнение, открытого столкновения идей и позиций. Налицо — углубляющаяся консолидация общества на платформе перестройки, рост сознательности людей, их общественной активности, интереса к политике, все более обостренное восприятие всех вопросов, касающихся социальной справедливости, возросшая непримиримость к любым отступлениям от социалистических принципов. В то же время еще не преодолено до конца сопротивление консервативных, антиперестроечных и псевдоперестроечных сил.

Важно повсеместно создавать условия для постоянного, конструктивного диалога с людьми, обеспечивать высокую культуру дискуссий, внимательно прислушиваться к общественному мнению, активно влиять на его формирование.

Разумеется, дискуссии плодотворны только на почве социализма и во имя социализма. Они не должны сопровождаться навешиванием ярлыков, сведением счетов, стремлением удовлетворить личные амбиции, вести к политической конфронтации, к разобщению социальных сил. На состоявшейся 6 января 1989 г. встрече в ЦК КПСС с деятелями науки и культуры подчеркивалось, что сегодня особенно важны и необходимы ответственность в суждениях, высокая культура дискуссий, решительный отказ от групповщины, от недоброжелательности и ожесточенности, консолидация общественных сил на принципиальной основе, в интересах перестройки.

Что касается проблемы разграничения функций, то реальная основа, фундамент для ее решения создается тем, что полными органами народного представительства становятся Советы народных депутатов, им передается решение всех вопросов жизни людей на подведомственных территориях, создаются необходимые материально-финансовые предпосылки для осуществления их полномочий. Этому будет служить закон о местном самоуправлении и местном самофинансировании. XIX партконференция признала необходимым исключить принятие партийных решений,

содержащих прямые указания в адрес государственных и хозяйственных органов, а июльский (1988 г.) Пленум ЦК КПСС потребовал не допускать впредь принятия совместных постановлений партийных комитетов и исполнительно-распорядительных органов Советов, решительно пресекать попытки работников партийного аппарата вмешиваться в осуществление полномочий советских органов.

Отказ от командно-нажимного стиля, от подмены советских и хозяйственных органов конечно же не означает, что первичные партийные организации, партийные комитеты могут стоять в стороне от жизненно важных вопросов, связанных прежде всего с реализацией крупных экономических и социальных программ. Опыт показывает: как только влияние партийных организаций на ход их осуществления ослабевает, неизбежны сбои. Добиваться, чтобы каждый коммунист, каждый советский человек честно, самоотверженно выполнял свои задачи, — святая обязанность партийных комитетов, первичных партийных организаций.

Первоочередной задачей остается преодоление организационной рыхлости, вялости, беспомощности многих первичных партийных организаций, их растерянности перед новой обстановкой.

Сейчас, когда трудовым коллективам предоставлена полная самостоятельность, партийные организации должны стоять на страже их прав и полномочий, которые определены Законом о предприятии (объединении); Законом о кооперации. Но с такой же решительностью и бескомпромиссностью они обязаны вести борьбу с местничеством, ведомственностью, бюрократизмом, нейтрализовать тенденции группового эгоизма, стоять на страже общегосударственных, общенародных интересов.

С учетом повышения роли партии как политического авангарда, разделения функций партийных комитетов и государственных, хозяйственных органов осуществлены крупные меры по совершенствованию структуры и состава партийного аппарата. Здесь основополагающей является ленинская установка о том, что «аппараты партийный и советский следует размежевать»¹. В то же время Ленин говорил, что «как правящая партия, мы не могли не сливать с «верхами» партийными «верхи» советские, — они у нас слиты и будут таковыми»²... Конкретным воплощением этого ленинского положения в современных условиях является решение XIX Всесоюзной партконференции о целесообразности рекомендовать на должности председателей Советов народных депутатов — в целях повышения роли представительных органов, — как правило, первых секретарей соответствующих партийных комитетов.

Аппарат — неотъемлемая составная часть организационной структуры партии, инструмент, с помощью которого выборные партийные органы осуществляют свои политические, организаци-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 122.

² Там же. Т. 43. С. 15

онные и воспитательные функции. В постановлении июльского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС «Об основных направлениях перестройки партийного аппарата» подчеркнуто, что реорганизация аппарата должна быть проведена так, чтобы его новая структура целиком отвечала задачам усиления политического руководства, осуществляемого партийными комитетами, соответствовала функциям партии в новых условиях, целям нового этапа перестройки.

Из структуры партийного аппарата устранено то, что объективно создает возможность подмены, дублирования, работы на параллельных курсах с государственными, хозяйственными органами, усилены те подразделения, которые выражают политический характер деятельности партийного комитета. Решено отказаться от дробления аппарата по отраслям управления. Речь идет не просто об изменении структуры аппарата, а о пересмотре его функций, методов, способа действий, повышении эффективности его работы. Значительно сокращена численность работников, повышается качество их состава.

В документах конференции особо подчеркнута необходимость неукоснительного соблюдения принципа строгого подчинения и подотчетности партийного аппарата выборным органам партии. Аппарат играет служебную роль, является проводником партийных решений. Важнейшие направления его работы: анализ процессов, происходящих в экономике, социальной и духовной жизни, в сфере межнациональных отношений, разработка на этой основе конкретных предложений по улучшению дела; осуществление контроля за реализацией политических установок и решений партии, важнейших социально-экономических задач; организация работы по подготовке и переподготовке кадров, их воспитанию; эффективное использование всего интеллектуального и духовного потенциала; изучение и обобщение опыта работы по-новому в условиях перестройки. Из партийного аппарата решительно искореняются элементы бюрократизма, проявления нескромности, комчванства, угодничества.

Принципиальное значение имеет то, что теперь неперенным условием при выдвижении работника в партийный аппарат является рекомендация первичной партийной организации, которая, рекомендуя коммуниста на партийную работу, имеет право поставить вопрос об отзыве его с занимаемой должности, если он не оправдал доверия.

Партия, провозгласившая политику перестройки, существо которой сводится прежде всего к глубокой, всесторонней демократизации жизни общества, сама должна жить по тем законам, которые положены в основу перестройки, показывать пример демократической организации своей внутренней жизни и деятельности, быть примером, образцом, высшей формой самоуправления политической организации, постоянно заботиться о том, чтобы стиль, методы ее работы, формы организации отвечали требованиям времени, решительно выступать против консерватизма, инертности, фразерства и демагогии, администрирования.

В принятом январским (1989 г.) Пленумом ЦК КПСС Обращении Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза «К партии, советскому народу» говорится: «В обновлении общества должна действовать обновленная партия — такова логика перестройки. Высвобождаясь из-под гнета текущих хозяйственных дел, партия получает возможность сосредоточиться на разработке актуальных проблем теории социализма, внутренней и внешней политики, на политической, организаторской и идеологической работе в массах»¹.

Речь идет о том, чтобы во внутрипартийной жизни, во всей работе партии был осуществлен крутой поворот в сторону демократизации, чтобы партийная жизнь была решительно очищена от всего наносного, оказанного, заформализованного, чтобы коммунисты были по-настоящему, на деле хозяевами в своих партийных организациях. Это сегодня — ключевая проблема, одна из гарантий необратимости процессов обновления, развернувшихся в обществе.

«Главная особенность переживаемого нами исторического момента, — подчеркивается в резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС «О демократизации советского общества и реформе политической системы», — заключается в том, чтобы не только по содержанию, но и по методам деятельности КПСС в полной мере соответствовала ленинской концепции руководящей роли партии в обществе»².

По каким направлениям разворачиваются процессы демократизации внутрипартийной жизни и руководящей деятельности партии?

Прежде всего в полной мере восстанавливается ленинское понимание демократического централизма, согласно которому обеспечиваются свобода дискуссий на стадии обсуждения вопросов и единство действий после принятия решения большинством. В каждой партийной организации должна быть возрождена атмосфера открытости, подлинной коллективности, свободного выражения мнений, широкого обсуждения всех актуальных вопросов политики и практической деятельности партии, сознательной дисциплины и личной ответственности.

Иными словами, надлежит последовательно реализовать установки XXVII съезда КПСС об обеспечении в каждой партийной организации полнокровной жизни, характеризующейся открытостью, гласностью замыслов и решений, человечностью, взаимной требовательностью коммунистов, их неустанной заботой об общем деле. Незыблемое правило в партийной работе — «называть вещи своими именами, судить обо всем начистоту, объективно информировать вышестоящие партийные органы и массы,

¹ Правда. 1989. 14 янв.

² Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 года. С. 124.

всегда и во всем проявлять высокую требовательность и честность...»¹

Дискуссии, свободное деловое обсуждение насущных проблем, коллективный поиск наиболее эффективных путей их решений должны стать нормой нашей внутрипартийной жизни. Конечно, дискуссии необходимо подчинять единой цели — лучшему обеспечению перестройки, более полному воплощению в жизнь принципов социализма. Разнообразие мнений, терпимость к инакомыслию не должны приводить к образованию фракций в партии. Дискуссии возможны и после принятия решения — о том, как лучше его выполнить, руководствуясь ленинским положением, что «*после* решения компетентных органов мы *все*, члены партии, действуем как один человек»².

Высказываются мнения, что партия должна отказаться от демократического централизма как руководящего принципа организационного строения, жизни и деятельности партии, поскольку он-де препятствует процессам демократизации в партии и обществе. Так, группа коммунистов одного из факультетов Университета дружбы народов имени П. Лумумбы обратилась в ЦК КПСС с предложением изъять из Устава партии положение о демократическом централизме и заменить его «принципом демократического внутрипартийного плюрализма». Подобные требования содержатся и в отдельных публикациях — например, говорится о необходимости допустить существование фракций в партии, принимать в ее ряды всех желающих, без каких-либо ограничений. Один из доводов: «Нелогично закрывать или ограничивать вступление в партию положительно показавших себя людей — и в то же время запрещать создание других политических организаций. Человеку невозможно запретить заниматься политической деятельностью. Поэтому, чтобы лучше направлять ее, партия должна широко открыть двери для желающих активно участвовать в перестройке». Иными словами, если нельзя создавать другие партии или политические организации, то пусть те, кто хотел бы их создать, идут в ряды КПСС и там проповедуют свои взгляды, ведут соответствующую политическую деятельность, консолидируют сторонников на почве своих платформ.

Спрашивается: что же тогда останется от единства и монолитности партийных рядов, укрепление которых КПСС считает своей первостепенной задачей? Разве не ясно, что принятие подобных предложений, внедрение в КПСС «механизма платформ» нанесло бы серьезный удар по ее идейной и организационной сплоченности — по тому, что, как сказано в нашей партийной Программе, является важнейшим источником ее силы и непобедимости партии³.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза С. 114.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 14 С. 128

³ См. Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция. Принята XXVII съездом КПСС. М., 1986. С. 78.

XIX Всесоюзная конференция с новой силой подтвердила: КПСС совершенствуется и будет совершенствовать свои внутрипартийные отношения на основе испытанного принципа демократического централизма, всемерно разветвляя и углубляя внутрипартийную демократию и одновременно уделяя неослабное внимание укреплению сознательной партийной дисциплины.

Что касается нарушений демократических начал, деформаций внутрипартийной жизни, то тут виноват не демократический централизм, а то, что Ленин называл «смешение демократического централизма с бюрократизмом и шаблонизацией»¹. В процессе развития внутрипартийной демократии, коренной перестройки всей партийной работы восстанавливается роль и значение выборных органов — партийных собраний, конференций, пленумов партийных комитетов. Они становятся по-настоящему полноправными, постоянно работающими руководящими органами партии, которым всецело подчинены исполнительные органы — бюро, секретариаты и конечно же аппарат.

Многое тут меняется, особенно в деятельности Центрального Комитета. Известно, какое важное значение имели проведенные в конце 1987 — начале 1988 г. пленумы партийных комитетов и собрания коммунистов первичных партийных организаций с отчетами выборных органов по руководству перестройкой. В большинстве своем они прошли в требовательной, принципиальной, остро критической атмосфере. Только в первичных парторганизациях было отозвано коммунистами более 89 тысяч членов партийных комитетов и бюро, в том числе 20,5 тысячи секретарей партийных организаций, которые не в полной мере справлялись с порученными обязанностями.

XIX партийная конференция признала необходимым сделать нормой регулярное проведение отчетов исполнительных органов с предоставлением партийным коллегиям права частичного или полного переизбрания бюро и секретариатов. Должна получить дальнейшее развитие практика заслушивания отчетов членов выборных органов на заседаниях бюро, пленумах партийных комитетов, на партийных собраниях. Центральный Комитет КПСС поддержал и высказывавшиеся многими коммунистами предложения установить, что первичная партийная организация, в которой находится на учете член выборного партийного органа, имеет право поставить вопрос об отзыве его из этого органа, если он скомпрометировал себя, утратил доверие парторганизации.

Расширению участия членов партийных комитетов в деятельности выборных органов способствует создание из их числа комиссий по актуальным вопросам партийной работы. Такие комиссии по различным направлениям внутренней и внешней политики уже созданы в Центральном Комитете и партийных комитетах на местах. Намечается также регулярно заслушивать отчеты и информации Политбюро на пленумах Центрального Комитета

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 152.

партии. Более широкое развитие должна получить практика отчетов членов партийных комитетов на местах.

Особенно следует сказать о расширении открытости, гласности в работе всех партийных организаций, их руководящих органов, включая ЦК КПСС. В этом направлении в последние годы предприняты важные шаги. Стала системой публикация сообщений о заседаниях Политбюро ЦК КПСС, о вопросах, которые на них рассматриваются. Расширена публикация постановлений Центрального Комитета партии по наиболее значимым вопросам. Достоянием общественности становятся многие ранее засекреченные сведения.

На конференции вопрос был поставлен так: партия призвана быть примером инициативы в развертывании гласности. В резолюции «О гласности» слагаемыми открытого характера политики КПСС, укрепления ее связей с обществом названы: широкая информированность коммунистов и населения о работе руководящих органов КПСС и местных партийных организаций, их комитетов, о деятельности руководящих кадров; открытость партийных форумов и собраний, свободное обсуждение вопросов партийной жизни, партийного руководства социалистическим строительством; внимательный подход к рассмотрению критических замечаний, мнений и предложений трудящихся; обнародование и обсуждение проектов решений по крупным вопросам партийной и общественной работы.

Важным шагом в реализации этих задач стало издание «Известий ЦК КПСС» — нового партийного журнала, призванного способствовать укреплению живой связи между руководством партии и многомиллионной армией коммунистов, всеми трудящимися, помочь трудовым организациям, коммунистам и беспартийным осознанно (на основе точной информации) судить о многогранной работе высших кругов партии по руководству перестройкой. Журнал призван активно формировать общественное мнение, служить делу консолидации рабочего класса, крестьянства, интеллигенции в достижении высшей цели революционного обновления.

Обязанностью партийных руководителей всех уровней, членов выборных партийных органов являются их систематические выступления перед партийными организациями, трудовыми коллективами, населением с информацией и отчетами о работе.

Важнейшее значение имеют решения партийной конференции о совершенствовании механизма выборности в партии.

Как известно, конференция поддержала предложение об установлении единого срока полномочий — пять лет для выборных партийных органов, от ЦК КПСС до райкомов партии, а также об ограничении сроков пребывания на выборных должностях, что должно стать важнейшей гарантией от застоя в кадровом корпусе партии.

Введено в действие принятое партконференцией положение об ограничении пребывания на одной и той же выборной должно-

сти в партийных органах двумя пятилетними сроками. Отсчет сроков начался с отчетно-выборной кампании, проходившей в конце 1988 — начале 1989 г. Следует при этом иметь в виду, что коммунисты вправе рассмотреть и решить вопрос о каждом руководителе персонально, независимо от того, сколько времени он проработал на данном посту, а принимая во внимание, как справляется с порученными обязанностями, способен ли добиться качественно-улучшения дел.

Это очень важные правила. Существенно и то, что они дополняются нормами, направленными на то, чтобы коммунисты, трудящиеся имели бы возможность в любое время отозвать работника, потерявшего доверие.

Демократизируется и сам выборный процесс. Партийная конференция признала это вопросом первостепенного значения. Установлено, что при выборах членов и секретарей всех партийных комитетов, вплоть до ЦК КПСС, должны обеспечиваться широкое обсуждение кандидатур и тайное голосование, возможность включения в избирательные бюллетени большего числа кандидатов, чем имеется мандатов. Партийным организациям предоставлено право одновременно с выборами делегатов на конференцию или съезд вносить предложения по кандидатурам в состав вышестоящего партийного органа, имея в виду, что последнее слово остается за делегатами конференции или съезда. Эти положения закреплены в утвержденной ЦК КПСС Инструкции о проведении выборов руководящих партийных органов и были опробованы в ходе минувшей отчетно-выборной кампании.

Состав районных и городских комитетов партии обновлен примерно на 60 процентов, а обкомов и крайкомов — более чем наполовину. Одна треть секретарей первичных партийных организаций избрана впервые, каждый второй из них избирался на альтернативной основе. Из нескольких кандидатур избрано 1117 секретарей горкомов и райкомов партии, ряд секретарей обкомов, включая первых. Делегаты предъявляли высокие требования к кандидатам, и в ряде случаев секретари, в том числе даже первые секретари, были забаллотированы.

Большое значение конференция придала повышению роли первичных парторганизаций как боевых проводников политики партии, курса на перестройку, демократизацию их жизни. «Партия, — говорил М. С. Горбачев на встрече в МГК КПСС 9 января 1989 г., — не сможет реализовать свой потенциал политического авангарда, если не изменится роль и положение первичной парторганизации, коммунистов. Вот это я поставил бы в качестве первоочередной главной задачи»¹. Предстоит серьезно укрепить авторитет секретарей первичных партийных организаций, выборных партийных органов, создать условия для их плодотворной работы. Должно быть покончено с мелочной регламентацией деятельности первичных партийных организаций (а также и местных

¹ Правда. 1989. 10 янв.

партийных органов), сковыванием их по мелочам, в частности с навязыванием сверху повесток дня собраний, пленумов, активов. Партийные органы сами должны определять формы обсуждения и способ действий по выполнению решений вышестоящих органов.

Намечается существенно расширить права первичных партийных организаций, местных партийных органов. Одна из конкретных мер в этом направлении — передача ЦК компартий союзных республик, крайкомам и обкомам партии решения штатно-структурных вопросов в соответствии с выделяемым фондом заработной платы.

Принимаются меры для устранения ненужного бумаготворчества, которое зачастую предписывалось сверху, задавалось действовавшими ранее инструкциями.

Поставлена задача — основательно изменить практику формирования состава партии, решительно устранив бюрократические извращения в регулировании приема в КПСС.

Возникает, в частности, такой вопрос: до каких пределов должна расти партия? В. И. Ленин говорил, что «число членов организации не должно подниматься свыше определенного минимума для того, чтобы влияние ее на массу было широко и устойчиво!»¹. Думается, что эта ленинская мысль не потеряла своей исключительной актуальности и в наши дни. Центральный Комитет КПСС решительно высказался против форсирования приема и против приема «под выдвижение».

Главное, чтобы коммунистами становились убежденные бойцы, подлинные энтузиасты перестройки. И сегодня актуальны ленинские слова: «Лучше, чтобы десять работающих не называли себя членами партии (действительные работники за чинами не гонятся!), чем чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом партии»².

Сейчас важнейшая задача — изжить практику регулирования приема путем разнарядок. Думается, и здесь надежный путь достижения цели — демократизация процесса отбора в партию, учет мнения более широкого круга людей. Одна из эффективных форм — обсуждение заявлений о приеме сначала на собраниях трудовых коллективов, а затем на открытых партийных собраниях, о чем сказано в резолюции XIX Всесоюзной партийной конференции³. Конечно, более жестким должен быть спрос с членов партии за объективность рекомендаций.

За последние годы многое сделано для очищения партийных рядов от недостойных. Однако в партии еще немало людей, которые по своим личным качествам, по образу жизни не отвечают требованиям, предъявленным партийцам. Это вызывает озабочен-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 210.

² Там же. Т. 7. С. 290.

³ См. Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 года. С. 125.

ность многих коммунистов и беспартийных. Именно на этой почве и рождаются предложения о проведении чистки партийных рядов, рассуждения о «балласте» в партии и т. п.

Действительно, в рядах партии немало людей пассивных, не принимающих активного участия в жизни партийных организаций. Но относить их к «балласту» несправедливо. Известно, что сама обстановка ставила порой коммунистов в такое положение, что они не могли принимать деятельного участия в партийных делах. Сейчас складывается другая ситуация, и она способствует более быстрому включению коммунистов в процесс перестройки. Для этого есть уставные гарантии, должен четко и безотказно действовать механизм самоочищения партии.

Серьезный вопрос — обновление кадровой политики, перемены в ее проведении. Совершенно очевидно, что работа с кадрами в условиях демократизации должна строиться по-новому. Высказываются предложения отказаться от номенклатуры. Что формально-номенклатурный подход к отбору кадров изживает себя, однозначно сказано в документах партконференции. Но вот когда говорят, что надо отказаться от номенклатуры, потому что «нас за нее критикуют на Западе», и на этом ставят точку, невольно возникает вопрос: все ли здесь договаривается? Ведь порой за этой фразой кроется стремление добиться, чтобы партийные органы вообще не занимались кадровой политикой.

Как известно, к числу функций политического руководства, осуществляемого партией, относятся воспитание и расстановка кадров. И это всецело отвечает ленинскому положению о том, что подбор кадров — один из главных рычагов осуществления руководящей роли партии. Если у Центрального Комитета отнять право распоряжаться расстановкой кадров, то «в чем же будет состоять тогда политическое руководство? — спрашивал Ленин. — Кто же руководит, как не люди, и как же руководить, как не распределять?»¹.

Известно, что Центральный Комитет, партийные органы на местах непосредственно занимаются подбором и расстановкой кадров на посты, имеющие ключевое значение для проведения политики партии в масштабах страны, города, района, другого региона.

Вот в этом смысле — в смысле определения круга работников, расстановкой которых непосредственно занимается партийный комитет, — и можно говорить о номенклатуре как сфере компетенции партийного органа при подборе кадров.

Главное в другом — как должны проводиться кадровые решения. В документах XIX партконференции на этот счет сказано, что «...основным методом работы партийных комитетов в этой области должны стать организация подготовки и переподготовки кадров, их воспитание с учетом возможной рекомендации на руководящие посты в соответствии с демократическими

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 263.

процедурами. Окончательное решение кадровых вопросов должно определяться результатами выборов»¹.

Отсюда следует, что прежние методы, когда дело сводилось к принятию партийными органами решений по кадровым вопросам, порой даже к навязыванию кандидатур, не подходят. Теперь центр тяжести в кадровой работе перемещается на изучение кадров, на выяснение мнения о них общественности, на выработку позиции партийного комитета и на проведение его рекомендаций в жизнь — через коммунистов, путем убеждения, агитации, силой аргументов. В кадровой работе должна обеспечиваться широкая и полная гласность.

Таким образом, проблема сводится к вооружению руководящих кадров умением работать в условиях углубляющейся демократии, широкой гласности, вести дискуссию, диалог с людьми, отстаивать свои убеждения, не уходить от острых вопросов, считаться с общественным мнением, правильно реагировать на критику.

XIX Всесоюзная партийная конференция убедительно продемонстрировала мощный потенциал нашей ленинской партии. Она еще раз подтвердила, что КПСС выступает подлинно движущей силой перестройки, ее инициатором и признанным лидером, отражающим коренные интересы народа и социализма. И это — наиважнейший политический итог конференции. Воплощение в жизнь ее политических установок, утверждение новых подходов в политической, экономической, социальной сферах — стержень работы партии, всех государственных и общественных организаций.

Вопросы истории КПСС. 1988 № 10

¹ Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 года. С. 126.

БИБЛИОГРАФИЯ *

1 ОБЩИЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза.— М.: Политиздат, 1986

Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза 28 июня — 1 июля 1988 г.— М.: Политиздат, 1988.

Горбачев М. С. Учить по-новому мыслить и действовать: Речь на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений 1 октября 1986 г. // *Избранные речи и статьи.*— Т. 4.— М.: Политиздат, 1987.— С. 110—116

Горбачев М. С. Твердо идти дорогой перестройки и углубления демократии. Речь на встрече с партийным, советским и хозяйственным активом Латвийской ССР 19 февраля 1987 г. // *Избранные речи и статьи.*— Т. 4.— М.: Политиздат, 1987.— С. 393—409.

Горбачев М. С. Партия революции — партия перестройки. Речь на встрече с ветеранами партии, участниками революционных событий, ударниками пятилеток, активом Ленинградской партийной организации 13 октября 1987 г. // *Избранные речи и статьи.*— Т. 5.— М.: Политиздат, 1988.— С. 351—370

Горбачев М. С. Октябрь и перестройка. революция продолжается. Доклад на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в Кремлевском Дворце съездов 2 ноября 1987 г. // *Избранные речи и статьи.*— Т. 5.— М.: Политиздат, 1988.— С. 386—436

Перестройка и молодежь. время действий. Встреча М. С. Горбачева с молодежью Москвы и Подмосквья // *Правда.*— 1988.— 1 ноября.

Принципы перестройки. революционность мышления и действий // *Правда.*— 1988 — 5 апреля

Лисичкин Г. Мифы и реальность. Нужен ли Маркс перестройке? // *Новый мир.*— 1988.— № 10 — С. 160—187

Гегтер М. Я. Россия и Маркс // *Рабочий класс и современный мир.*— 1988.— № 4 — С. 152—170; см. также *Коммунист.*— 1988 — № 18 — С. 93—104

Историческая наука в условиях перестройки: «Круглый стол» // *Вопросы истории.*— 1988.— № 3 — С. 3—58

Афанасьев Ю. Перестройка и историческое знание // *Наука и жизнь.*— 1988.— № 9 — С. 46—49

Касьяненко В. И. Об обновлении исторического сознания // *Новая и новейшая история.*— 1988.— № 4 — С. 3—12.

Афанасьев Ю. Социальная память человечества // *Наука и жизнь.*— 1987.— № 9.— С. 56—59.

Наумов В. П., Рябов В. В., Филиппов Ю. И. Об историческом пути КПСС в свете нового мышления // *Вопросы истории КПСС.*— 1988.— № 9.— С. 3—18; № 10.— С. 33—57.

Бутенко А. Как подойти к научному пониманию истории советского общества // *Наука и жизнь.*— 1988 — № 4 — С. 46—53

Что нам мешает воссоздать объективную историю партии // *Аргументы и факты.*— 1988 — № 21 — С. 1

Лацис О. Перелом // *Знамя.*— 1988 — № 6.— С. 124—178.

* Библиография составлена старшим научным сотрудником НИИ содержания и методов обучения АПН СССР, кандидатом педагогических наук А. Е. Сейненским.

Библиография охватывает главным образом публикации 1988 г. в периодической печати. Последовательность расположения статей в разделах в основном соответствует школьной программе по истории

- Селюнин В.* Истоки//Новый мир.— 1988.— № 5.— С. 162—189.
- Актуальные задачи изучения советского рабочего класса: «Круглый стол»//Вопросы истории.— 1988.— № 1 — С. 3—23.
- Маньковская И. Л., Шарапов Ю. П.* Культ личности и историко-партийная наука//Вопросы истории КПСС — 1988 — № 5.— С. 57—70
- Маслов Н. Н.* «Краткий курс истории ВКП(б)» — энциклопедия культа личности Сталина//Вопросы истории КПСС.— 1988.— № 11 — С. 51—67.
- Знать прошлое во имя будущего. Беседа с историками О Волобуевым и С Кулешовым//Политическое образование.— 1988.— № 15 — С. 72—79
- Дискуссия о периодизации истории советского общества//История СССР — 1988.— № 3.— С. 127—142.
- Ким М. П.* О периодизации истории советского общества В порядке постановки проблемы//Вопросы истории — 1988 — № 6.— С. 115—130
- Барсуков Н. А.* О переломных рубежах, основных периодах и этапах истории КПСС//Вопросы истории КПСС.— 1987 — № 6.— С. 92—105
- Спирин Л. М., Берхин И. Б.* К вопросу о периодизации истории КПСС//Вопросы истории КПСС.— 1987.— № 9 — С. 80—99.
- Историки и писатели о литературе и истории советского общества: Материалы конференции//Вопросы истории.— 1988 — № 6.— С. 3—114
- История — процесс? История — драма? О мере свободы и мере необходимости в политической истории нашей страны. Материалы обсуждения в Институте научной информации по общественным наукам АН СССР//Знание — сила — 1988 — № 7.— С. 23—31, 74
- Леонова Л.* Историзм против стереотипов//Правда — 1988.— 19 июля
- Ильин В., Разумов А.* Догматизм теории — дефицит ответственности Философия и некоторые уроки прошлого//Коммунист.— 1988.— № 12 — С. 60—72.
- Теория социализма История и современность «Круглый стол» редакции//Политическое образование — 1988 — № 12.— С. 33—48
- Международный обмен мнениями по проблемам социализма: Международный симпозиум на тему «Борьба за более эффективное экономическое и социально-политическое развитие социализма: опыт и проблемы» (В. Г. Веряскин)//Вопросы истории КПСС — 1987.— № 9.— С. 143—150.
- Сахаров А. Н.* История Советского Союза под пером консервативных советологов 80-х гг //История СССР — 1988 — № 2 — С. 185—207
- Ануфриев Е.* Человеческий фактор//Политическое образование.— 1988.— № 14 — С. 47—55.
- Усачев И.* Общечеловеческое и классовое в мировой политике//Коммунист.— 1988 — № 11.— С. 109—118.
- Фролов И.* Человек, наука, гуманизм//Коммунист.— 1988.— № 11.— С. 74—86
- Козлов В.* Социалистическая революция и человек. Заметки историка//Коммунист — 1988.— № 4 — С. 104—114
- Гордон Л., Клопов Э.* Главная сила революционных преобразований. О рабочем классе, его роли в истории страны//Коммунист.— 1987.— № 16 — С. 18—27.
- История — революция — человек: Подборка документов о людях — участниках революции и социалистического строительства//Коммунист — 1987 — № 16.— С. 63—82
- Попов Г.* Об эволюции бюрократизма и путях его преодоления//Наука и жизнь — 1988.— № 10 — С. 22—31
- Золотин П.* Ленинское отношение к политическим ошибкам//Политическое образование — 1988.— № 14 — С. 36—43
- Федосеев П. Н.* Роль истории и литературы в обществе//Новая и новейшая история — 1988 — № 5 — С. 3—14
- Социализм и история: Из истории взаимоотношений Советского государства с церковью//Коммунист.— 1988 — № 4 — С. 115—123
- Всероссийские, всесоюзные: Хроника партийных конференций//Политическое образование.— 1988 — № 9.— С. 37—40
- Соловьев А. А.* Общепартийные конференции в жизни и деятельности КПСС//Вопросы истории КПСС — 1988.— № 6.— С. 79—92.
- Виноградов Н. Н., Иванов В. М.* К истории общепартийных конференций//Вопросы истории.— 1988.— № 5 — С. 3—13.

II. ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И ПЕРВЫЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ

В. И. Ленин о Великой Октябрьской социалистической революции.— М.: Политиздат, 1987.

«Мы — противники национальной вражды»: Высказывания В. И. Ленина по национальному вопросу. Фрагменты из ленинских трудов//Агитатор — 1988. — № 22. — С. 5—6.
В. И. Ленин О защите социалистического Отечества. — М.: Воениздат, 1975.
В. И. Ленин и Советские Вооруженные Силы. — 3-е изд., доп. — М.: Воениздат, 1980
Ленин В. И. Военная переписка. 1917—1922 гг. — М.: Воениздат, 1987.
Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается//Избранные речи и статьи — Т. 5. — М.: Политиздат, 1988 — С. 386—391

Бавыкин В. И. Проблемы перестройки исторической науки и вопрос о «новом направлении» в изучении социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции//История СССР — 1988. — № 5 — С. 67—100.

Смирнов Н. Н. Обсуждение проблем революционного процесса в 1917 году: Симпозиум «Рабочий класс России, его союзники и политические противники//Вопросы истории. — 1988 — № 4. — С. 93—96

Октябрьская революция и гражданская война в зеркале советской истории: «Круглый стол»//Знание — сила. — 1988. — № 11. — С. 1—11

Медведев В. А. Великий Октябрь и современный мир//Коммунист. — 1988. — № 2 — С. 3—18

Минц И. И. Октябрьская революция — переломное событие всемирной истории//История СССР — 1987 — № 5. — С. 3—18.

Канищев В. В., Прохоров В. П. Великий Октябрь — торжество идей марксизма-ленинизма: Всесоюзная конференция//История СССР. — 1987. — № 5 — С. 214—218.

Капустин Б. О ленинской идее победы социалистической революции в одной, отдельно взятой стране//Политическое образование. — 1988. — № 9. — С. 41—48.

Булдаков В. На пути к Октябрю: ленинская теория социалистической революции — основа стратегии и тактики большевиков//Политическое образование — 1987 — № 5. — С. 47—56

Булдаков В. П. Ленинская теория социалистической революции и Великий Октябрь//Преподавание истории в школе. — 1987 — № 3 — С. 10—17.

Тадеевские Э. В. И. Ленин об общем, особенном и единичном в историческом опыте Октября//Политическое образование. — 1987. — № 8. — С. 62—70

Грунт А. Я. Историческое творчество народных масс в трех российских революциях//История СССР — 1987 — № 1. — С. 69—91

Соболев Г. Л. Россия 1917 год: революционный процесс и революционное сознание//История СССР — 1987 — № 5. — С. 18—36

Лаврычев В. Я. К вопросу о материальных предпосылках Великого Октября//История СССР — 1987 — № 2 — С. 80—95

Рабинович А. Большевики и массы в Октябрьской революции//Вопросы истории. — 1988 — № 5. — С. 14—27

Астрахан Х. М. Партийность населения России накануне Октября (По материалам выборов в городские думы в мае — октябре 1917 г.)//История СССР — 1987. — № 6. — С. 134—155

Тарновский К. В. Преддверие Октября//Наука и жизнь. — 1987 — № 10. — С. 74—81
В апреле 1917 года: Миллер В. Комментарий — Бонч-Бруевич В. Ленин в России//Наука и жизнь. — 1987 — № 4. — С. 26—32.

В мае 1917 года: Миллер В. Большевики против наступления на фронте — Денисенко В. «Пусть в бой идут господа...» — Коковихин Н. Из солдатской почты//Наука и жизнь — 1988. — № 5 — С. 12—15

В июне 1917 года: Миллер В. Комментарий — Лацис М., Подвойский Н., Шульга С. Из дневника событий//Наука и жизнь — 1988 — № 6 — С. 25—29

В июле 1917 года: Миллер В. Комментарий — Лацис М. Из дневника агитатора — Раскольников Ф. Провокация — Невский В. «Военка» после июльских событий//Наука и жизнь — 1987 — № 7 — С. 10—15

В августе 1917 года: Миллер В. Крах корниловщины — Верховский Н. Накануне. — Боборыкин И. В дни мятежа — Леонидов Б. На лысой горе//Наука и жизнь — 1987. — № 8 — С. 26—32.

В сентябре 1917 года: Миллер В. Комментарий. — Антонов-Овсеенко В. На демократическом совещании//Наука и жизнь — 1987 — № 9 — С. 11—15

В октябре 1917 года: Миллер В. Комментарий. — Коллонтай А. Ленин в Смольном. — Тарасов-Родионов А. Петроград, Петропавловская крепость. — Малянтович П. 25—26 октября. Последние часы Временного правительства. — Спундз А. 25—26 октября в Смольном//Наука и жизнь. — 1987 — № 10 — С. 2—9

Страницы истории Октября//Новый мир — 1987. — № 11 — С. 189—222.
Дни решающего штурма: Хроника событий в документах и воспоминаниях//Политическое образование. — 1987. — № 11 — С. 31—39

Из воспоминаний участников Великого Октября. Восстанавливая память истории//Вопросы истории КПСС — 1987 — № 11 — С. 108—121

Мухина Г. З., Наумов В. П. 1917-й. Октябрьское восстание//Правда — 1988 — 3 июня

Старцев В. И. Вопрос о власти в октябрьские дни 1917 года//История СССР — 1987 — № 5 — С 36—55

ЦК РСДРП(б) — штаб Великого Октября Август — октябрь 1917 г Хроника//Политическое образование — 1987. — № 9. — С 46—52

Яковлев Е. Первое правительство//Известия — 1987. — 11 июля.

Утро новой эпохи: Протоколы заседаний Совнаркома РСФСР в ноябре 1917 г Комментарии к протоколам//Вопросы истории КПСС — 1987 — № 10 — С 29—34, № 11 — С 3—11; 1988 — № 2. — С. 59—73; № 4 — С 92—105.

Алексеева Т. А. В. И Ленин и ВЧК//Вопросы истории КПСС — 1988 — № 5 — С 147—148

Ерофеев Н., Николаев С. Ультиматум демократизму. к истории одного конфликта в первом Советском правительстве//Советская Россия — 1987. — 2 августа.

Спириц Л. М. Итоги выборов во Всероссийское учредительное собрание в 1917 году//История СССР. — 1988 — № 2 — С. 90—101.

Брестский мир (Из стенограммы VII съезда РКП(б))//Советская Россия — 1988 — 8 марта.

Бокарев В. На пути к Брестскому миру О работе VII экстренного съезда РКП(б)//Коммунист Вооруженных Сил — 1988. — № 5. — С. 27—31

Ахтамзян А., Канченко Н. Перелом (Брест в исторической ретроспективе)//Международная жизнь. — 1988. — № 3 — С. 28—41

Велидов А. Шестое июля//Советская Россия — 1987. — 9 сентября.

Краснов В. Г. Участие зарубежных интернационалистов в Великой Октябрьской социалистической революции//Военно-исторический журнал — 1987. — № 11 — С. 11—15

Ганелин Р. Ш., Ирошников М. П., Соболев Г. Л. Публикации документов по истории Великого Октября и гражданской войны//Вопросы истории — 1987. — № 10. — С 21—36.

«Круглый стол» редакции На страже интересов социалистического Отечества Страницы истории и современность (О деятельности КПСС по созданию и руководству Советскими Вооруженными Силами)//Политическое образование — 1988 — № 3 — С 52—62

Молодцыгин М. А. Великий Октябрь и некоторые вопросы советского военного строительства (октябрь 1917 г — 1920 г.)//История СССР — 1987 — № 2 — С 3—19

Сорокин А. И 70 лет на защите завоеваний Великого Октября//Вопросы истории КПСС. — 1988. — № 2. — С 34—45

На защиту революции 1918 год. Первые шаги строительства Красной Армии. Малоизвестные документы//Коммунист Вооруженных Сил — 1988 — № 2 — С 33—35.

Молодцыгин М. А. Рабочие и крестьяне на защите Октября (К вопросу о формировании вооруженных сил диктатуры пролетариата)//История СССР — 1987 — № 4 — С 49—65

Влодавец Л., Шаров А. Февраль под Псковом и Нарвой О чем свидетельствуют архивные документы//Коммунист Вооруженных Сил. — 1988. — № 4 — С 53—56.

Мальцев В. Н. Военная деятельность Совета Труда и Обороны во главе с В. И. Лениным//Военно-исторический журнал — 1988. — № 2. — С 13—18

Савушкин Р. А. Зарождение и развитие советской военной доктрины//Военно-исторический журнал — 1988 — № 2 — С 19—26

Азовцев Н. Н. В. И. Ленин — основоположник советской военной науки//Военно-исторический журнал. — 1988. — № 4 — С. 15—22.

Морозов Ю. « Не терпит отлагательства ни на минуту»: (По следам ленинских документов)//Коммунист Вооруженных Сил. — 1988. — № 8 — С 14—16.

Данилов В. Октябрь и аграрная политика партии//Коммунист. — 1987 — № 16 — С 28—38

За каждое слово Программы. Из стенограммы VIII съезда РКП(б)//Советская Россия — 1988. — 20 марта

Казанский А. Л. К середняку с ленинским наказом Рассказывают ветераны партии//Вопросы истории КПСС. — 1987. — № 12. — С. 111—115

Горелик Я. М. Документальные публикации по истории гражданской войны//История СССР — 1987. — № 4 — С. 65—72.

III. ДВАДЦАТЫЕ — ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ

В. И. Ленин о социалистическом строительстве — М Политиздат, 1986.

Ленин и комсомол. Ответы В. И. Ленина на вопросы делегатов III Всероссийского съезда РКСМ 2 октября 1920 г.. Публикацию подготовил В. И. Десятерик//Вопросы истории КПСС — 1988 — № 10 — С 10—15, см. также Комсомольская правда — 1988 — 2 октября

Горбачев М. С. Октябрь и перестройка. революция продолжается//Избранные речи и статьи — Т. 5 — М: Политиздат. — 1988. — С 391—403

Советский Союз в 20-е годы: «Круглый стол» редакции//Вопросы истории — 1988 — № 9 — С 3—58

Бордюгов Г., Козлов В. История 20—30-х годов и современная общественная мысль// Правда.— 1988 — 30 сентября, 3 октября

Гордон Л., Клопов Э. Тридцатые — сороковые//Знание — сила — 1988.— № 2.— С 28—34, 56; № 3.— С 1—7, № 4.— С 22—31; № 5.— С. 46—52.

Реализм политического искусства Ленина: О ленинских работах 1918 г., посвященных вопросам социалистического строительства: Диалог доктора исторических наук В. Логина и экономиста О. Михайлова//Коммунист.— 1988.— № 6.— С 52—59

Продвижение к правде: О составах ЦК и Политбюро ЦК РКП(б) в 20-е годы, «Письме к съезду» В. И. Ленина: Беседа доктора историч. наук Д. Шелестова и журналиста К. Елютина//Огонек.— 1987.— № 47.— С 2—3.

Составы Оргбюро Центрального Комитета Коммунистической партии//Политическое образование.— 1988.— № 14.— С 88—90.

Шелестов Д. Тогда, в начале двадцатых.. О ЦИК СССР и Совнарком СССР, их составе//Неделя.— 1988.— № 16

Старцев В. И. Политические руководители Советского государства в 1922 г.— начале 1923 г //История СССР.— 1988.— № 5.— С. 101—122

Дайнес В. О Подавление кронштадтского антисоветского мятежа//Военно-исторический журнал — 1988.— № 3.— С. 86—90.

Кулышев Ю. Кронштадтский мятеж //Диалог — Ленинград, 1988.— № 7.— С 10—15, № 8.— С. 12—18

Воскресенский Л. 1921 год: урок правды//Знание — сила — 1988.— № 10.— С. 18—26
Дангулов С. Ленин Генуя. Новая дипломатия//Коммунист.— 1987.— № 17.— С. 81—91.

Николаев А. Развитие дипломатических связей Советского государства//Политическое образование.— 1988.— № 12.— С. 90—94.

Хаммер А. Ленин: политический деятель и человек. Россия в начале 20-х годов. Встреча с В. И. Лениным//Коммунист.— 1988.— № 2 — С. 65—67.

Косолапов Р. В. И. Ленин, 1922 год: политико-экономические идеи//Экономические науки.— 1988.— № 11 — С 78—88.

Наумов В., Курин Л. Нэп. Суть. Опыт. Уроки//Правда — 1988 — 15 июля.

Попов В. Чему учит нэп//Молодой коммунист — 1988.— № 11.— С. 58—67.

Филимонов В. Я. Взаимоотношения между городом и деревней в 1921—1925 годах. Обзор литературы//История СССР.— 1988.— № 1.— С. 106—117.

Журавлев В. В., Ненароков А. П., Ильин А. А. В. И. Ленин: «Вместе и наравне» Страницы истории: образование СССР//Правда — 1988.— 8 июля

Рябов В. В. В дни всенародной скорби ... По страницам «Отчета Комиссии ЦИК СССР по увековечению памяти В. И. Ульянова (Ленина)»//Вопросы истории КПСС.— 1988.— № 5 — С. 98—108

Бухарин Н. И. Политическое завещание В. И. Ленина: Доклад на траурном заседании, посвященном пятилетию со дня смерти Ленина//Коммунист — 1988.— № 2.— С. 93—102.

Борисов Ю. «Завещание» Ленина — политическая альтернатива и зигзаг истории//Слово лектора — 1988.— № 4.— С. 4—14.

Плимак Е. Последние работы В. И. Ленина: завещание партии и народу//Политическое образование.— 1988.— № 4.— С. 33—43.

Дмитриенко С. Ленинское «Письмо к съезду»: правда и вымыслы//Политическое образование.— 1988 — № 8.— С 32—45

Морозов Л. Ф. Ленинская концепция кооперации и альтернативы развития//Вопросы истории КПСС — 1988.— № 6.— С. 101—115.

Ивницкий Н. А. Ленинский кооперативный план и коллективизация сельского хозяйства СССР//Преподавание истории в школе.— 1988.— № 5.— С. 22—30.

Ципко А. Кооперация. Размышления о причинах исторической устойчивости//Знание — сила — 1988.— № 4 — С. 1—5.

Козлов В. А., Бордюгов Г. А. Год 1929-й: как и почему был «свернут» нэп?//Преподавание истории в школе — 1988.— № 5 — С. 12—22.

Деревня: путь к социализму//Правда.— 1987.— 9 августа.

Данилов В. У колхозного начала//Советская Россия.— 1987.— 11 октября.

Кушлин В. И. Научно-техническая революция в СССР: история и современность: (Экономический аспект)//История СССР — 1988.— № 5.— С. 3—21.

Данилов В. П. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932—1933 гг и «демографической катастрофе» 30—40-х годов в СССР//Вопросы истории.— 1988.— № 3.— С 115—122.

Советский Союз в 30-е годы: «Круглый стол»//Вопросы истории.— 1988.— № 6.— С. 3—30.

Гордон А. А., Клопов Э. В. Зерна и плевелы: Размышления о предпосылках и итогах преобразований 1930-х гг //Рабочий класс и современный мир.— 1988.— № 2.— С 105—121.

Коржихина Т. В. И. Ленин о борьбе с бюрократизмом//Политическое образование — 1988 — № 1.— С. 59—66

Суриков В. Бесценные уроки партийной демократии и гласности: Факты жизни и деятельности В. И. Ленина//Коммунист.— 1988.— № 7.— С. 35—38.

Шмелев Г «Не смей командовать»: Об экономическом развитии страны в 20—30-е годы//Октябрь.— 1988 — № 2 — С 3—26.

Кляжкин И. Была ли альтернатива Административной системе?//Политическое образование — 1988.— № 10 — С 55—65.

Гудков Л, Левада Ю, Левинсон А, Седов Л Бюрократизм и бюрократия: необходимость уточнений//Коммунист — 1988.— № 12.— С. 73—84.

Бовин И Вожди и массы//Новое время.— 1988 — № 19.— С 26—27

Васецкий Н Сталин: Борьба за лидерство в партии//Аргументы и факты — 1988 — № 24 — С 5—6; № 26.— С. 4—7

Волкожинов Д Сталин, его триумф и трагедия//Проблемы мира и социализма — 1988 — № 3 — С 88—90.

Волкожинов Д Триумф и трагедия Политический портрет И В Сталина//Октябрь — 1988 — № 10 — С. 3—55; № 11.— С 16—129; № 12 — С. 46—166

Волкожинов Д Шанс совести существует всегда//Книжное обозрение — 1988.— № 33 — С. 3, 8—9.

Гейфтер М Я «Сталин умер вчера .»//Рабочий класс и современный мир.— 1988.— № 1 — С. 113—129

Козлов А. Сталин о чем умалчивали биографы//Политическое образование — 1988 — № 16.— С 91—97.

Симонов К М Глазами человека моего поколения Размышления об И В Сталине: Вступительная статья и подготовка текста Л Лазарева//Знамя — 1988.— № 3 — С. 33—66; № 4 — С 49—121; № 5 — С. 69—96

Старков Б Честь партии: О боях ленинской гвардии, выступивших против режима личной власти И В Сталина//Знание — сила.— 1988 — № 10.— С 79—85.

Герои из 37-го О военных прокурорах, которые пытались оказать сопротивление сталинскому произволу: Беседа с генерал-лейтенантом юстиции в отставке Б. А. Виктор-вым//Комсомольская правда — 1988.— 21 августа

В Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов//Правда.— 1988.— 6 февраля

Истина против клеветы: О работе Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов//Правда.— 1988.— 19 августа.

Скориков Г. П Командарм 2-го ранга Я. И. Алкснис//Военно-исторический журнал — 1987 — № 1 — С 87—89

Амлинский В. «На заброшенных гробницах »: О репрессиях 30-х гг., Н. И. Бухарине//Юность — 1988 — № 3.— С. 50—61.

Бордюгов Г, Козлов В. Николай Бухарин. Эпизоды политической биографии//Коммунист.— 1988.— № 13.— С. 91—109.

Возвращение правды О Н И. Бухарине: Беседа с доктором историч наук Л. Ф Морозовым//Неделя — 1988 — № 39.— С 8—9.

Горелов И, Осипов А Николай Иванович Бухарин//Агитатор.— 1988.— № 5.— С. 21—25.

Журавлев В, Морозов Л, Наумов В. Литературное наследие Н. И. Бухарина: Беседа о значении трудов Н. И. Бухарина и необходимости их издания//Партийная жизнь — 1988 — № 21 — С 77—80

Медведев Ф. Правда всегда современна: О Н. И. Бухарине. Включен текст его письма-завещания «Будущему поколению руководителей партии»//Огонек — 1988.— № 17 — С. 30—31.

Николай Бухарин. страницы жизни: Отрывки из книги С. Козна «Бухарин и большевистская революция»//За рубежом — 1988.— № 15.— С. 16—19; № 16 — С. 15—19.

Павлов Н. В., Федоров М. Л. Николай Иванович Бухарин//Вопросы истории КПСС — 1988 — № 10 — С 73—87

Шкаренков Л К Николай Иванович Бухарин//Вопросы истории.— 1988.— № 7 — С. 59—78.

Шмелев Г. Н. И Бухарин: Политико-экономические воззрения//Политическое образование — 1988 — № 10.— С. 39—47

Викторов Б А. Возвращение имени: О том, как шла реабилитация Н. Вавилова и С П. Королева//Наука и жизнь.— 1988.— № 5.— С. 78—82.

Дяченко С Уроки Вавилова//Коммунист — 1987 — № 14 — С. 84—95

Енкен В Встречи с Вавиловым «Дорофеев И. Задание важное и ответственное — Шанс Н. В Аризоне//Наука и жизнь — 1988.— № 7.— С. 80—91.

Почему они не вернулись?: Из истории развития генетики и сельскохозяйственной науки в СССР, о выдающихся советских ученых: Беседа с чл.-корр АН СССР С. Г. Инге-Вецетомовым//Знание — сила.— 1988.— № 11.— С 14—24

Иоаким Иоакимович Вацетис. Автобиография и краткая биографическая справка//Военно-исторический журнал — 1988 — № 12 — С 86—87.

Азовцев Н Н. Комкор Г Д Гай//Военно-исторический журнал.— 1987.— № 2.— С 85—87

- Ерошек З. Отцы и дети: О Я Б Гамарнике//Комсомольская правда.— 1988 — 14 мая
- Жохов М. Ян Гамарник//Коммунист Вооруженных Сил.— 1988 — № 17.— С. 38—43
- Дайнес В. Стали жертвами клеветы О политработниках Красной Армии, репрессированных в 1937—1938 гг.//Агитатор армии и флота — 1988.— № 21.— С 15—18
- Чутко И Загадка комдива Гроховского: О выдающемся военном авиаконструкторе П. И. Гроховском//Молодой коммунист — 1989.— № 1.— С. 57—64
- Хромов С. С. Ф Э Дзержинский как руководитель народного хозяйства страны//Вопросы истории — 1987.— № 12.— С. 51—58.
- Шелестов Д. Г. Григорий Зиновьев: жизнь и борьба//Неделя.— 1988.— № 29 — С 11.
- Петряков Г. Л. Б Каменев//Агитатор.— 1988.— № 23.— С. 43—46
- Апрелков А. В. Командарм 2-го ранга Н. Д. Каширин//Военно-исторический журнал.— 1988.— № 2.— С 48—52
- Кириллина А. С. М. Киров в Ленинграде. Год первый и год последний//Политическое образование.— 1988 — № 18.— С. 47—56.
- Горелик Я. М. Август Корк//Вопросы истории — 1987 — № 7.— С 173—178.
- Нагаева И. М., Тархова Н. С. Командарм 2-го ранга А. И. Корк//Военно-исторический журнал.— 1987.— № 8.— С 88—91
- Песиков Ю. «Я весь в... борьбе». О В. В. Куйбышеве//Огонек — 1988 — № 23 — С 26—27.
- Шейнис З. С. Первые шаги дипломатической деятельности М. М. Литвинова//Новая и новейшая история.— 1988.— № 2.— С. 152—169.
- Шейнис З. С. М. М. Литвинов: возвращение в строй и последние годы жизни//Новая и новейшая история — 1988.— № 4.— С. 116—136.
- Пономарев А. Н. Пример беззаветного служения народу О В. П. Ногине//Вопросы истории КПСС.— 1988.— № 2 — С. 98—101.
- Быков Н. По праву памяти: О большевике-ленинце В В Оболенском (Н Осинском)//Огонек.— 1987.— № 24.— С. 6—7
- Окунев И. Флагман флота: О командующем Тихоокеанским флотом Г. С. Окуневе//Московский комсомолец.— 1988.— 20 апреля.
- Донков И. П., Петровский Л. П. Страницы героической жизни: О Г. И. Петровском//Вопросы истории КПСС.— 1988 — № 2 — С. 93—97.
- Осадчая А. И. Его жизнь и сегодня дает нам вдохновляющие примеры: О П. П. Постышеве//Вопросы истории КПСС.— 1987 — № 12.— С 130—134
- Постышев Л. «Нельзя правду предавать ни при каких обстоятельствах»: О П. П. Постышеве//Советская Россия — 1988.— 5 июня.
- Ганев Г. Х. Раковский — боец ленинской гвардии//Проблемы мира и социализма.— 1988.— № 6.— С. 95—96
- Аджубей А. Непримируемый: О Я. И. Рудзутак//Литературная газета — 1987.— 12 августа
- Сухомлинов В. Жизнь, отданная революции: О Я. И. Рудзутак//Правда.— 1987.— 15 августа
- Трукан Г. Ян Эрнестович Рудзутак//Агитатор — 1988.— № 8 — С 25—27.
- Сенин А. С. Алексей Иванович Рыков//Вопросы истории — 1988 — № 9.— С. 85—115.
- Ваксберг А. Как живой с живым...: Очерк о коммунисте М. Н. Рютине, реабилитированном 13 июня 1988 г.//Литературная газета.— 1988 — 29 июня
- Разгон Л. Наконец!. Жизнь и реабилитация М. Н. Рютин//Московские новости — 1988.— 26 июня — С. 11
- Выступление Н. И. Бухарина, посвященное памяти И. И. Скворцова-Степанова: Вступительная статья и комментарии Б. В. Левшина//Вопросы истории — 1988 — № 5 — С. 75—84
- Ненароков А., Врачев И. «Никто не имеет права лишать нас инициативы...» Об И. П. Смилге//Наука и жизнь — 1988 — № 6.— С. 81—85
- Генис В. Л. Григорий Яковлевич Сокольников: О соратнике В. И. Ленина, первом наркоме финансов//Вопросы истории.— 1988.— № 12.— С. 59—86.
- Глазунов М., Митрофанов Б. Нарком юстиции Петр Иванович Стучка//Человек и закон — 1987 — № 11 — С 28—36
- Куликова И. С., Хазанов Б. Я. Михаил Павлович Томский//Вопросы истории — 1988 — № 8.— С 64—83
- Васецкий Н. Л. Троцкий: мифы и реальность//Аргументы и факты — 1988 — № 34 — С 5—7
- Волкогонов Д. Демон революции О Л. Д. Троцком и его взаимоотношениях с И. В. Сталиным//Правда — 1988 — 9 сентября
- Васецкий Н. Ликвидация: Кто и почему убил Троцкого? свидетельства и версии разных лет//Литературная газета — 1989 — 4 января
- Васецкий Н. А. «Я не гожусь на вторые роли...». Штрихи к портрету Троцкого//Комсомольская правда — 1989 — 18 мая.

Пфафф И. Прага и дело о военном заговоре: О «заговоре» Тухачевского//Военно-исторический журнал.— 1988.— № 10.— С. 44—53, № 11.— С. 47—56, № 12.— С. 61—69
Викторов Б. «Заговор» в Красной Армии//Правда.— 1988.— 24 апреля.
Костерин С. «Дело» Тухачевского//Советская Россия.— 1988.— 18 сентября
Тухачевская Е Н В тени монумента: Рассказ о брате — маршале М. Н. Тухачевском//Огонек.— 1988.— № 12.— С. 20—21.
Хорев А Командир Уборевич// Красная звезда.— 1988 — 13 августа
Кабанов В В Александр Васильевич Чаынов//Вопросы истории — 1988 — № 6 — С. 146—167.

Балезин В Возвращение Об А В Чаынове//Октябрь.— 1988 — № 1 — С. 146—171.
Никонов А. Наследие Чаынова//Знание — сила — 1988.— № 5 — С. 55
Пэнэжко П. Как ударили по «чаыновщине»//Огонек.— 1988 — № 10 — С. 6—8.
Шляпников И. А. Правда об А. Г. Шляпникове; *Ефимов Н. А* Положить конец измышлениям о реввоенсовете Каспийско-Кавказского фронта//Вопросы истории — 1988 — № 3.— С. 88—105.

Нарком труда: Работа на этом посту выпала В. В. Шмидту по мандату революции
Мандат отобрал сталинизм. Рассказ Т. Шмидт//Комсомольская правда.— 1988.— 6 ноября.

Апресян З Послесловие к овам: Из истории ВЛКСМ 20—30-х годов//Молодой коммунист — 1988 — № 11.— С. 47—57.

Поколение первой пятилетки: Страница истории комсомола//Коммунист.— 1988 — № 15.— С. 43—50

Епифанцева С Наше общее дело: Из истории Ленинского комсомола ВЛКСМ и Советская Армия//Коммунист Вооруженных Сил.— 1988 — № 20 — С. 10—17.

Криворученко В Комсомол и перестройка. уроки истории//Молодой коммунист — 1987 — С. 9—14.

Головков А. Не отрекаясь от себя: Из истории комсомола 30-х годов Репрессии против комсомольских вожаков О Н. И. Ежове, М. Д. Багирове, Л. П. Берии//Огонек.— 1988 — № 7.— С. 26—29.

Съезд продолжает свою работу: О I съезде РКСМ 1918 г., о председателях ЦК комсомола Е. Цетлине и О. Рывкине//Комсомольская правда.— 1988 — 12 апреля

Съезд уходит на фронт. Из стенограммы II съезда комсомола 1919 г.//Комсомольская правда — 1988.— 20 мая

Этот неизвестный съезд: О III съезде комсомола 1920 г.//Комсомольская правда — 1988.— 26 июня.

Понять свое место в борьбе. О работе и решениях IV съезда комсомола 1921 г. О секретаре ЦК РКСМ Л. Шацкине//Комсомольская правда.— 1988 — 2 сентября

Молодость на переломе истории: О V съезде комсомола 1922 г. О первом секретаре ЦК РКСМ П. Смородине//Комсомольская правда.— 1988.— 13 октября

Берегите знамя Ленина Из истории комсомола. Материалы VI съезда РЛКСМ 1924 г. Первый секретарь ЦК комсомола Н. П. Чаплин//Комсомольская правда — 1988 — 28 октября.

Долгов В., Хорева В Верой и правдой: О первом секретаре ЦК РКСМ П. Смородине//Смена — 1988 — № 10 — С. 1

Клюкин В. Секретарь ЦК: О генеральном секретаре ЦК ВЛКСМ М. А. Мильчакове//Комсомольская правда — 1988 — 11 июня.

Полякова Д., Хорунжий В. «Совесть моя чиста»: О генеральном секретаре ЦК ВЛКСМ А. Косарева//Комсомольская правда — 1988.— 17 марта.

Косарева А Вожак О секретаре ЦК ВЛКСМ А. Косарева//Юность.— 1987.— № 4 — С. 2—5.

Руденко И. Одна жизнь и два портрета Николая Островского//Комсомольская правда.— 1988.— 14 июля.

Яковлева Т. Первый редактор; «Могу вспомнить не таясь...». О первом редакторе «Комсомольской правды» А. Слепкове//Комсомольская правда — 1988 — 24 мая, 9 июля.

История ВЛКСМ: на перекрестках судеб. О вожаках комсомола С. Богачеве, А. Косарева, А. Мильчакове, В. Чедокине и др.//Московский комсомолец — 1988.— 16, 30 августа; 13, 23 сентября, 4, 18 октября.

Галазан А., Ручкин Б. Власть и безвластие: Из истории комсомола Родословная бюрократизма в документах и фактах//Комсомольская правда.— 1988.— 19 апреля.

Долгов В Без ретуши Троцкий и молодежь. Одна из малоизвестных страниц в биографии комсомола//Комсомольская правда.— 1988 — 22 октября.

Бабич Г Л., Пархоменко Е. А Идеино-политическая борьба в Коминтерне и ВКП(б) «Круглый стол» в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС//Вопросы истории КПСС.— 1988.— № 11.— С. 36—41

Фирсов Ф., Шириня К. Коминтерн: Опыт деятельности//Коммунист — 1988.— № 10.— С. 105—115.

Фирсов Ф. Сталин и проблемы политики единого фронта//Политическое образование — 1989.— № 1 — С. 77—85

Фирсов Ф Расскажут архивы Коминтерна//Проблемы мира и социализма.— 1989 — № 1 — С. 52—57

IV. ГОДЫ ПРЕДВОЕННЫЕ И ВОЕННЫЕ

Горбачев М. С. Бессмертный подвиг советского народа. Доклад на торжественном собрании в Кремлевском Дворце съездов, посвященном 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, 8 мая 1985 г. // Избранные речи и статьи — Т. 2 — М.: Политиздат, 1987 — С. 186—206.

Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается // Избранные речи и статьи — Т. 5 — М.: Политиздат, 1988 — С. 403—407.

Великая Отечественная война: факт и документ в исторических исследованиях и художественной литературе. Беседа историков и писателей за «круглым столом» // История СССР. — 1988. — № 4. — С. 3—44

Ржешевский О. Некоторые проблемы истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Слово лектора. — 1988 — № 5. — С. 4—10.

В поисках заблудившейся правды о прошлом. Советские историки о некоторых острых проблемах международных отношений конца 30 — начала 40-х годов // Московские новости — 1988 — № 36.

Ковалев Ф., Ржешевский О. Так начиналась война // Правда. — 1988. — 1 сентября. *Мещеряков М. Т.* Советский Союз и антифашистская война испанского народа (1936—1939 гг.) // История СССР. — 1988. — № 1. — С. 22—40.

Советско-германский договор 1939 года: взгляд через полвека «круглый стол» редакции // Коммунист Вооруженных Сил — 1988. — № 21. — С. 34—42.

Чубарьян А. В преддверии второй мировой войны: Заметки историка // Коммунист. — 1988 — № 14. — С. 103—112.

Якушевский А. Когда началась вторая мировая? // Красная звезда — 1988. — 7 октября.

Ржешевский О. Можно ли было предотвратить вторую мировую войну? // Слово лектора — 1988 — № 11 — С. 14—21, № 12 — С. 19—26

Можно ли было не допустить второй мировой войны? (Интервью полковника, французского военного историка П. Ле Гуайэ, взятое репортером М. Леклерком) // Огонек — 1988 — № 18 — С. 25—30

Хлевнюк О. XVIII партконференция: время, проблемы, решения // Коммунист — 1988 — № 1 — С. 27—35.

Волкогонов Д. Накануне войны // Правда. — 1988 — 20 июня.

Перечнев Ю. Г. О некоторых проблемах подготовки страны и Вооруженных Сил к отражению фашистской агрессии // Военно-исторический журнал — 1988. — № 4 — С. 42—50

Данилов В. Д. Советское главное командование в преддверии Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история — 1988 — № 6. — С. 3—20

Хорьков А. Г. Техническое перевооружение Советской Армии накануне Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. — 1987 — № 6 — С. 15—24.

Ванников Б. Л. Из записок наркома: (О развитии военной промышленности в конце 30-х — 40-е годы) // Новая и новейшая история. — 1988 — № 1. — С. 83—114

Роцин А. В. Наркоминделе накануне войны // Международная жизнь — 1988 — № 4 — С. 120—126.

Ежов В. Перед войной // Молодой коммунист. — 1988 — № 6 — С. 51—58

Анфилов В. А. Завтра была война // Советская Россия — 1988 — 19 июня

Великий подвиг армии и народа: (О Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.) // Коммунист Вооруженных Сил — 1988 — № 6. — С. 69—73

Кириян М. М. Начальный период Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал — 1988 — № 6 — С. 11—17

Микоян А. И. Москва. Октябрь 1941 г. // Новая и новейшая история. — 1988 — № 3 — С. 88—92

Приказ народного комиссара обороны Союза ССР № 227 от 28 июля 1942 г.: Приказ И. В. Сталина «Ни шагу назад!» Другие документы. Комментарии к ним // Военно-исторический журнал. — 1988 — № 8 — С. 72—80.

Лазарев В., Туганова О. Патриотизм простой и «военный»: По поводу статьи одного военного философа: (О советских военнопленных, их судьбе) // Век XX и мир — 1988 — № 5 — С. 36—38

Ищенко С. Г. «Я из заградотряда» (О значении приказа наркома обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 г. и заградительных отрядах) // Военно-исторический журнал — 1988 — № 11 — С. 57—61

Алисова Л. П. Провал плана и стратегии «блицкрига» на советско-германском фронте // Вопросы истории — 1987. — № 5 — С. 22—37

Куницкий П. Т. Если оборона прорвана. (К восстановлению прорванного стратегического фронта обороны на Юго-Западном направлении 1942 г.) // Военно-исторический журнал — 1988 — № 12. — С. 3—10.

Самсонов А. М., Ржешевский О. А. О коренном переломе во второй мировой войне // Вопросы истории — 1987. — № 4 — С. 70—81

- Ивановский Е. Ф.* Выдающаяся победа Советской Армии. (О Сталинградской битве) // Военно-исторический журнал — 1987. — № 11 — С. 44—53
- Журавлев А.* Крепче брони: (О сражении на Курской дуге, подвигах бойцов, командиров, политработников 1-й танковой армии) // Коммунист Вооруженных Сил — 1988 — № 13. — С. 64—68
- Андреанов В.* Всегда в рядах атакующих. О партийно-политической работе в бою (О подвиге коммунистов, политработников одного из воинских соединений: По архивным документам) // Коммунист Вооруженных Сил. — 1988 — № 5. — С. 59—63
- Крутые повороты. Страницы истории.* (Воспоминания Адмирала Флота Н. Кузнецова) // Правда — 1988 — 29 июля.
- Жуков Г. К.* Подвиг тыла в Великой Отечественной войне // Новая и новейшая история. — 1987. — № 5. — С. 94—109.
- Симонов К.* Уроки истории и долг писателя. Заметки литератора: (Публикация и комментарий Л. Лазарева) // Наука и жизнь. — 1987. — № 6. — С. 42—48
- Симонов К.* Уроки правды: (Из дневников о Великой Отечественной войне) // Наука и жизнь — 1988. — № 4. — С. 16—25.
- Симонов К. М.* Заметки к биографии Г. К. Жукова: (Из неопубликованных рукописей) // Военно-исторический журнал — 1987 — № 6 — С. 47—54; № 7 — С. 45—56; № 9. — С. 48—56; № 10 — С. 56—63, № 12 — С. 40—46
- Павленко Н. Г.* Размышления о судьбе полководца. Записки военного историка (О Г. К. Жукове) // Военно-исторический журнал — 1988 — № 10 — С. 14—20; № 11. — С. 19—27; № 12 — С. 29—37.
- Самсонов А.* Главное в истории есть правда (О заметках К. М. Симонова о прошлом страны) // Наука и жизнь — 1987. — № 6 — С. 49—51
- Овчинникова Л.* Пишу перед боем .. (Письма с войны, хранящие голоса солдат Великой Отечественной) // Комсомольская правда. — 1988 — 9 мая.
- Салтыков Н. Д.* Подвиг (Корпус офицеров — представителей Генерального штаба в Великой Отечественной войне) // Военно-исторический журнал — 1988 — № 12 — С. 23—28
- Платонов Н. А.* Деятельность Коммунистической партии и Советского правительства по созданию и укреплению антигитлеровской коалиции в период Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал — 1987. — № 9 — С. 57—62
- На пути к антигитлеровской коалиции.* (Интервью с доктором исторических наук В. М. Бережковым) // Коммунист Вооруженных Сил. — 1988. — № 9. — С. 42—49.
- Штолер М.* Второй фронт в стратегии и дипломатии союзников: август 1942 — октябрь 1943 // Новая и новейшая история. — 1988. — № 5 — С. 58—76
- Исаев С. И.* Ордену Отечественной войны — 45 лет // Военно-исторический журнал — 1987 — № 5. — С. 92—93

V. ПОСЛЕВОЕННОЕ СОРОКАЛЕТИЕ

- Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается // Избранные речи и статьи. — Т. 5. — М. Политиздат, 1988. — С. 406—410
- Логинов А.* Кто был во главе партии и правительства после смерти Сталина, с марта по сентябрь 1953 г. // Аргументы и факты. — 1988. — № 13.
- Составы Политбюро (Президиума в 1952—1966 гг.) Центрального Комитета Коммунистической партии* // Политическое образование — 1988. — № 9 — С. 77—84.
- Опенкин Л. А.* Были ли повороты в развитии советского общества в 50-е и в 60-е годы? // Вопросы истории КПСС. — 1988. — № 8. — С. 52—65.
- Рошкин А. А.* Годы обновления, надежд и разочарований. 1953—1959 гг.. (Воспоминания советского дипломата) // Новая и новейшая история. — 1988. — № 5. — С. 127—147.
- Кугультинов Д.* «От правды я не отрекался». (Факты деформации в национальной политике, о восстановлении государственности Калмыкии) // Огонек — 1988. — № 35 — С. 24—25
- Русинов И. В.* Аграрная политика КПСС в 50-е — первой половине 60-х годов: опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. — 1988. — № 9. — С. 35—49.
- За широкой благополучия: Проблемы застоя в обществе 70-х годов* // Знание — сила — 1988. — № 6. — С. 19—25.
- Бутенко А. П.* Механизм торможения, его сущность и пути устранения // Рабочий класс и современный мир. — 1988. — № 2. — С. 122—131
- Шмелев Н.* Авансы и долги // Новый мир. — 1987. — № 6 — С. 142—158.
- Шмелев Н.* Новые тревоги // Новый мир. — 1988. — № 4. — С. 160—175.
- Капустин М. П.* От какого наследства мы отказываемся? // Октябрь. — 1988. — № 4 — С. 176—193; № 5. — С. 149—175.
- Бунич П. Г.* Новые ценности // Октябрь. — 1987 — № 12 — С. 144—157.
- Белов В.* Ремесло отчуждения. Бюрократия и экология // Новый мир. — 1988. — № 6 — С. 152—181

Бурлацкий Ф. Хрушев: Штрихи к политическому портрету//Литературная газета.— 1988.— 24 февраля.

Дробизhev В. Н. С. Хрушев как политический деятель//Аргументы и факты — 1988 — № 12

Медведев Р. А. Н. С. Хрушев Год 1957-й — укрепление позиций Год 1964-й — несожиданное смещение//Аргументы и факты — 1988.— № 25, 27.

Хрушев С. Пенсионер союзного значения//Огонек — 1988 — № 40 — С. 26—30, № 41 — С. 26—29; № 42 — С. 26—29, № 43 — С. 25—28

Медведев Р. Л. И. Брежнев: набросок политического портрета//Рабочий класс и современный мир — 1988 — № 6 — С. 142—161

Бережков В. М. Американцы и мы Встречи Эпизоды Размышления//Новая и новейшая история.— 1988 — № 2 — С. 123—147.

VI. ПЕРЕСТРОЙКА НАЧАЛАСЬ.

1985—1989 гг.

Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза.— М.: Политиздат, 1986

Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня — 1 июля 1988 г. — М.: Политиздат, 1988.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 апреля 1985 г.— М.: Политиздат, 1985.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 г. — М.: Политиздат, 1987.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 17—18 февраля 1988 г. — М.: Политиздат, 1988.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 29 июля 1988 г. — М.: Политиздат, 1988.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 10 января 1989 г. — М.: Политиздат, 1989.

К партии, советскому народу: Обращение Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза: Принято на Пленуме ЦК КПСС 10 января 1989 года//Правда.— 1989 — 13 января.

Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: с изменениями и дополн., внесенными Законом СССР от 1 декабря 1988 г. на внеочередной двенадцатой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва.— М.: Известия Советов народных депутатов СССР, 1988

Закон Союза Советских Социалистических Республик о выборах народных депутатов СССР — М.: Известия Советов народных депутатов СССР, 1988.

Горбачев М. С. Молодежь — творческая сила революционного обновления Выступление на XX съезде Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи 16 апреля 1987 г.//Избранные речи и статьи.— Т. 5 — М.: Политиздат, 1988 — С. 11—31.

Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира.— М.: Политиздат, 1988.

Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается//Избранные речи и статьи.— Т. 5 — М.: Политиздат, 1988 — С. 386—436.

Горбачев М. С. Революционной перестройке — идеологию обновления: Речь на Пленуме ЦК КПСС 18 февраля 1988 г.; Постановление Пленума ЦК КПСС — М.: Политиздат, 1988.

Перестройка и молодежь время действий: Встреча М. С. Горбачева с молодежью Москвы и Подмоскoвья//Правда — 1988.— 1 ноября.

Горбачев М. С. Выступление на совещании первых секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии в г. Орле 15 ноября 1988 г.//Правда.— 1988.— 16 ноября.

Горбачев М. С. Выступление в Организации Объединенных Наций 7 декабря 1988 г. // Правда — 1988.— 8 декабря

Горбачев М. С. Нарастивать интеллектуальный потенциал перестройки: Выступление на встрече с деятелями науки и культуры в ЦК КПСС 6 января 1989 г. //Правда.— 1989.— 8 января.

Шеварднадзе Э. А. XIX Всесоюзная конференция КПСС: внешняя политика и дипломатия//Международная жизнь.— 1988 — № 9.— С. 3—35.

Социальная переориентация экономики — стержень практических дел перестройки: Выступление Н. И. Рыжкова на предвыборном собрании представителей партийных и общественных организаций, трудовых коллективов Кемеровской области//Правда — 1989 — 12 марта

Великий Октябрь и перспективы социальных перемен Международный симпозиум «Великий Октябрь и узловые проблемы современности». Прага, ЧССР//Проблемы мира и социализма — 1987.— № 11 — С. 29—34.

Смирнов Г. Л. Исторический опыт Октября и перестройка//Вопросы истории КПСС.— 1988.— № 2 — С. 15—33; см также: Преподавание истории в школе — 1988 — № 5.— С. 2—12.

Революция, перестройка, гуманизм. Передовая//Коммунист — 1988 — № 15.— С. 5—11

Политика партии — политика обновления//Коммунист.— 1988.— № 14.— С. 3—13.
Медведев В. К познанию социализма: Ответы на вопросы журнала «Коммунист»//Коммунист — 1988 — № 17.— С. 3—18

Коротич В. С позиций правды//Слово лектора — 1988.— № 10 — С. 4—13.
Аганбегян А. Слагаемые перестройки//Наука и жизнь.— 1988 — № 3 — С. 2—15.
Больше социализма!. «Круглый стол» обществоведов//Огонек — 1988.— № 12 — С. 4—5, 18—20; № 14 — С. 5—7

Разумовский Г. Демократизация внутрипартийной жизни//Коммунист — 1988.— № 13 — С. 3—15

Легостаев В. Стратегия реформы. О перестройке политической системы советского общества//Политическое образование.— 1988.— № 15 — С. 39—47

Рябов А. О партии и обществе (Вехи истории. Пути борьбы за новое)//Слово лектора — 1988.— № 6 — С. 2—6

Абалкин Л. Опираясь на уроки прошлого//Коммунист.— 1987 — № 16.— С. 9—17
Ксаянченко В. И. Исторические уроки и обновление образа жизни//Вопросы истории КПСС.— 1987 — № 12.— С. 3—20.

Бовин А. Новое мышление — новая политика//Коммунист — 1988 — № 9.— С. 115—125.

Кто против? О расстановке сил в процессе перестройки, их отношении к переменам: Беседа Г. Х. Попова и В. Выжutowича//Огонек.— 1988.— № 18 — С. 4—6.

Амбарцумов Е. Возрождая ленинские ценности социализма//Проблемы мира и социализма.— 1988.— № 5.— С. 64—68.

Бестужев-Лада И. В Человеческий фактор его сущность и пути активизации//Научный коммунизм — 1988 — № 4.— С. 42—50.

Миедлов М. П. Проблемы нравственного воспитания в условиях перестройки//Вопросы истории КПСС.— 1988 — № 3.— С. 3—17.

Гельман А. Возвращаясь к нравственным истокам//Коммунист — 1988.— № 9.— С. 17—21.

Аганбегян А. Г. Человек и экономика//Огонек — 1987 — № 29.— С. 2—5; № 30.— С. 12—15

Абалкин Л. Новое экономическое мышление — потребность времени//Наука и жизнь.— 1988.— № 7 — С. 2—7

Абалкин Л. Перестройка и экономический рост//Политическое образование — 1988.— № 13 — С. 55—63

Иванов Л. Экономика и экономисты//Октябрь.— 1988.— № 7 — С. 166—180

Гордон Л., Клопов Э., Петров Т. Новая техническая реконструкция: Современные проблемы в свете исторического опыта//Политическое самообразование — 1987.— № 2.— С. 3—11.

Бунич П. Госзаказ или приказ?//Огонек — 1988.— № 44.— С. 14—17.

Попов Г. Х. Побеседуем в духе гласности. (Перестройка. Социально-экономические проблемы страны)//Огонек — 1988.— № 33 — С. 6—7, 30

Попов Г. Перестройка экономики и индивидуальный труд//Наука и жизнь.— 1987 — № 9.— С. 2—10, 78—79

Заславская Т. О стратегии социального управления//Наука и жизнь.— 1988.— № 9 — С. 36—39.

Ляховчук В. Размышляя о перестройке//Проблемы мира и социализма.— 1988 — № 8.— С. 36—40.

Гейфтер М. Перестройка или перепутье?//Век XX и мир.— 1988 — № 7.— С. 34—39.

Ионин Л. Конец бюрократической утопии?//Знание — сила.— 1988.— № 10.— С. 1—5
Социализм — это просто культурная жизнь...: Интервью с публицистом Леном Карпинским//Век XX и мир.— 1987.— № 7.— С. 36—43.

Колтуг В. Экология: от обеспокоенности — к действенной политике//Коммунист — 1988 — № 7.— С. 24—33.

В начале пути: Беседа с председателем Государственного комитета СССР по охране природы Ф. Т. Моргуном//Комсомольская правда.— 1988.— 8 ноября.

Бестужев-Лада И. В. Современные социальные проблемы молодежи: (К историко-социологической постановке вопроса)//История СССР.— 1988.— № 2.— С. 21—38.

Макленнан Г. Советская перестройка — стимул для всех: (Статья Генерального секретаря Коммунистической партии Великобритании)//Проблемы мира и социализма — 1988.— № 5.— С. 8—11.

Коммунисты в современном мире: с кем идем и во имя чего? Материалы коллективного обсуждения в журнале//Проблемы мира и социализма — 1988.— № 3 — С. 52—64.

Гелбрайт Д. К., Меньшиков С. Капитализм и социализм взгляд в завтра: Диалог между советским и американским экономистами//Проблемы мира и социализма.— 1988.— № 1 — С. 42—48

442

* * *

В процессе подготовки книги к изданию был опубликован ряд статей по тематике данного сборника. Ниже в принятой последовательности расположения библиографических сведений приводятся дополнительные данные о публикациях.

I. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Волобуев О. В., Кулешов С. В. Очищение. История и перестройка: Публицистические заметки — М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1989.— 288 с.

Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было?: Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30—40-е годы.— М.: Политиздат, 1989 — 319 с.

Иного не дано: Судьбы перестройки. Вглядываясь в прошлое. Возвращение к будущему (Под ред. Ю. Н. Афанасьева).— М.: Прогресс, 1988.— 680 с.

Историки отвечают на вопросы: Сборник/Сост. А. Н. Свалов.— М.: Московский рабочий, 1988 — 240 с.

Историки спорят. 13 бесед/Под ред. В. С. Лельчука.— М.: Политиздат, 1988 — 510 с.

Переписка на исторические темы: Диалог ведет читатель/Сост. В. А. Иванов — М.: Политиздат, 1989.— 494 с.

Проблемы истории и современность: «Круглый стол» редакции//Вопросы истории КПСС.— 1989.— № 2.— С 47—67

Самсонов А. М. Знать и помнить. Диалог историка с читателем — М.: Политиздат, 1988 — 368 с.

Страницы истории КПСС. Факты. Проблемы. Уроки/Сост. В. К. Горев и др. Под ред. В. И. Купцова — М.: Высшая школа, 1988.— 704 с.

Урок дает история/Под ред. В. Г. Афанасьева, Г. Л. Смирнова, Сост. А. А. Ильин — М.: Политиздат, 1989 — 414 с.

II. ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И ПЕРВЫЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ

Волобуев П. Обращаясь к великому опыту: современные задачи и методология изучения Октября//Коммунист — 1988 — № 16.— С 90—101

Первые съезды Советов: О I и II Всероссийских съездах Советов, 3—24 июня, 25—27 октября 1917 г. Беседа журналистов Е. Манько и А. Черняка с доктором исторических наук Г. С. Еськовым//Правда — 1989.— 19 мая.

Съезды Советов на крутых переломах: О III—X Всероссийских съездах Советов. 1918—1922 гг. Беседа с учеными-историками В. М. Шапко и Н. Н. Виноградовым//Правда — 1989 — 22 мая

Коржихина Т. Советское правительство в первые месяцы Октября//Политическое образование.— 1988 — № 12 — С. 83—90

Поликарпов В. Командиры, рожденные Октябрем//Знание — сила.— 1988 — № 2 — С 12—18

Евланов В. А. Золотое оружие — особый вид боевой награды//Военно-исторический журнал — 1988.— № 9 — С 83—85

III ДВАДЦАТЫЕ — ТРИДЦАТЫЕ

Плимак Е. Политическое завешание В. И. Ленина: Истоки, сущность, выполнение — М.: Политиздат, 1988.— 142 с.

Политическое завешание В. И. Ленина/Рубцов А., Разумов А.— М.: Московский рабочий, 1989.— 160 с.

Пияшев Н., Сазонов В. Товарищ. Учитель. Вождь. Бухарин о Ленине и ленинизме//Политическое образование — 1989 — № 5 — С 20—27.

Садуль И. Встречи в Советской России: Воспоминания французской общественной деятельности о поездке в Россию в 1920 г., о встречах с В. И. Лениным//За рубежом — 1989 — № 17.— С 16—17.

Вьюницкий В. В. И. Ленин о советском социалистическом федерализме//Политическое образование.— 1989.— № 3.— С. 21—25

Митяева О. «Укреплять Союз Социалистических Республик...»: О письме В. И. Ленина «К вопросу о национальностях или об «автономизации»//Политическое образование — 1989 — № 7 — С 29—36

Коржихина Т. Из истории Наркомата по делам национальностей РСФСР 1917—1923 гг.//Политическое образование — 1989 — № 7 — С. 85—90.

Гречиго С. Генуя: первый диалог. У истоков мирного сосуществования // Политическое самообразование. — 1987. — № 8 — С 55—61

Ленин и Коминтерн. Беседа с науч. сотрудниками Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Л. М. Минаевым, Ф. И. Фирсовым, К. К. Шириня // Правда — 1989 — 3 марта.

Коминтерн время испытаний: Беседа с науч. сотрудниками Института марксизма-ленинизма Ф. И. Фирсовым и К. К. Шириня // Правда. — 1989 — 7 апреля.

Вилкова В. П. Ленинский призыв О ленинском призыве в партию 1924 г // Правда — 1989. — 5 мая

Петрушов А. О партийном билете. Из истории партбилета // Правда — 1989 — 3 марта
Бестужев-Лада И. Была ли альтернатива сталинизму? О диалектике объективного и субъективного в истории советского общества // Политическое образование. — 1989 — № 3. — С 39—47

Шмелев Г. Перед поворотом: О некоторых проблемах истории так называемого «правого уклона» в конце 20-х годов // Правда. — 1989. — 3 февраля

Экономика и политика в уроках «великого перелома»: «Круглый стол» экономистов и историков // Коммунист — 1989 — № 5. — С. 96—104

Ойков Л. А. Ленинский принцип жизни партии // Правда. — 1989 — 10 марта.

Еськов Г. Всесоюзные съезды Советов. 1922—1936 гг // Политическое образование — 1989 — № 3. — С 26—30.

Данилов В. Феномен первых пятилеток // Горизонт — 1988 — № 5 — С 28—38

О так называемом антисоветском правотроцкистском блоке: Справка Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС // Известия ЦК КПСС — 1989 — № 1 — С 122—131.

Дело о так называемой «антисоветской троцкистской военной организации» в Красной Армии. Записка КПК при ЦК КПСС, КГБ СССР, Прокуратуры СССР и ИМЛ при ЦК КПСС // Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 4 — С 42—62.

Разуваев В. «Московские процессы» — удар по левым силам во Франции // Новое время — 1989. — № 20 — С 42—43.

Возвращенные имена: Сборник публицистических статей в 2-х книгах / Сост. А. Прокурин — М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1989. — 336 с., 320 с.

Реабилитирован посмертно Вып 1—2. — М.: Юридическая литература, 1988 — 336 с.; 368 с. Серия «Возвращение к правде»

Журавлев В., Наумов В. Возвращение к правде: О Н. И. Бухарине // Правда — 1988. — 9 октября

Васецкий Н. Г. Е. Зиновьев // Аргументы и факты — 1988 — № 42 — С 4—6, № 43. — С 7.

Подболотов П., Старков Б. Лев Борисович Каменев // Политическое образование. — 1988 — № 15 — С. 80—87

Медведев Р. Каменев: Штрихи к политическому портрету // Литературная газета — 1989 — 3 мая

Кунецкая Л., Девятков С. За правду истории: Н. К. Крупская: с Ильичем и об Ильиче // Политическое образование — 1989. — № 6 — С. 19—24

Ульянова О. Светлое имя — Надежда: О Н. К. Крупской // Правда — 1989 — 24 февраля

Жаворонков Г. И единожды не солгавший: О большевике-ленинце О. А. Пятницком // Московские новости — 1988. — № 15 — С 16

Коваленко Ю. Время и судьба Федора Раскольникова // Неделя — 1988. — № 33 — С. 9—10

Раскольников Ф. Открытое письмо Сталину // Неделя. — 1988 — № 26. — С. 6—7

Колодежный В., Тепцов Н. Предсовнаркома Рыков // Неделя — 1988. — № 18. — С. 6—7.

Анфертьев И. Неустрашимый Рютин: история и судьба // Красная звезда — 1988. — 23 июля

Горелов О. М. Томский, лидер советских профсоюзов // Аргументы и факты — 1988. — № 35. — С 6—7

Шаповалова Л. Д. М. П. Томский. Материалы к биографии // История СССР. — 1989 — № 2. — С 82—96

Кораблев Ю. Почему Троцкий? Л. Д. Троцкий на военных постах // Политическое образование. — 1989 — № 2 — С. 57—62

IV ГОДЫ ПРЕДВОЕННЫЕ И ВОЕННЫЕ

Сиполс В. За несколько месяцев до 23 августа 1939 года // Международная жизнь — 1989. — № 5. — С. 128—141.

Шмидт П. Дни накануне. Из воспоминаний переводчика МИД фашистской Германии: О советско-германских переговорах накануне второй мировой войны // За рубежом — 1989. — № 2. — С 16—18.

Байдаков А. По данным разведки. Из архивов органов госбезопасности СССР. О деятельности советской разведки накануне и в годы Великой Отечественной войны // Правда — 1989 — 8 мая

Сергеев Ф. Нацистская разведка против СССР: «дело» Тухачевского, операция «Щепелин»//Новая и новейшая история — 1989 — № 1.— С. 114—132
Кузнецов И. Генералы 1940 года//Красная звезда — 1988 — 27 августа
Однокосенко О. Нарком Кузнецов: Об Адмирале Флота, Герое Советского Союза Н. Г. Кузнецове//Красная звезда — 1988 — 21 мая
Бережков В. Первая встреча в верхах О Тегеранской конференции трех союзных держав антигитлеровской коалиции 1943 г //Проблемы мира и социализма.— 1988.— № 12 — С 90—92

В. ПОСЛЕВОЕННОЕ СОРОКАЛЕТИЕ

О так называемом «ленинградском деле». Справка КПК при ЦК КПСС и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС//Известия ЦК КПСС.— 1989.— № 2 — С. 134—137.

Афанасьев А. Победитель. О «ленинградском деле» и первом секретаре Ленинградского обкома и горкома партии А. А. Кузнецове//Комсомольская правда.— 1988 — 15 января.

Гай Д. Конец «дела врачей»//Московские новости — 1988 — № 6 — С. 16.

Ибрагимбеи Х.-М. Сказать правду о трагедии народов: О переселении в 1943—1944 гг. с родных земель чеченцев, ингушей, балкарцев и других народов; о восстановлении в 1957 г. их национальной автономии//Политическое образование.— 1989.— № 4.— С. 58—63

О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева XX съезду КПСС 25 февраля 1956 г.//Известия ЦК КПСС.— 1989.— № 3.— С. 128—170.

Первый удар: К истории выступления Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС с докладом «О культе личности и его последствиях. Беседа с доцентом Московской высшей партийной школы Ю. Аксютиним»//Молодой коммунист — 1989 — № 4 — С. 39—49

Волкогонов Д. Секретный доклад о Сталине//Новое время.— 1989 — № 16 — С. 26—29

Никита Сергеевич Хрушев: Материалы к биографии (сост. Ю. В. Аксютин).— М.: Политиздат, 1989.— 367 с

Гейтлер М. Судьба Хрущева. История неусвоенного урока//Октябрь — 1989.— № 1 — С. 154—181.

Данилов В. Клим Ворошилов. Портрет при свете правды//Комсомольская правда.— 1989.— 12 февраля.

Миф и быль: О К. Е. Ворошилове: Беседа ученых-историков А. М. Самсонова, Н. Г. Павленко, Ю. А. Геллера//Неделя — 1989.— № 9 — С. 8—9

Ивановский И., Дзенiskeвич А. Суд памяти: Об А. А. Жданове//Комсомольская правда — 1988 — 12 августа.

Небогин О. Б., Сланская М. Д. «.. Нельзя оставить в рядах партии». О Л. М. Кагановиче//Вопросы истории КПСС — 1989.— № 5 — С. 91—102.

Медведев Р. Они окружали Сталина. Судьба сталинского наркома Лазаря Кагановича//Юность.— 1989 — № 5 — С. 68—75

Медведев Р. Человек из свиты. О М. И. Калининe//Неделя — 1989.— № 9.— С. 8—9

Медведев Р. А. И. Микоян. политическое долголетие//Аргументы и факты — 1989.— № 19.— С. 5—6

Амлинский В. Тень: О В. М. Молотове//Литературная газета.— 1988.— 7 сентября.

Медведев Р. Они окружали Сталина: Об одном московском долгожителе: В. М. Молотов//Юность — 1989 — № 3 — С. 66—81.

Медведев Р. М. Сулов и его время//Аргументы и факты.— 1989.— № 16.— С. 5—6.

VI ПЕРЕСТРОЙКА НАЧАЛАСЬ. 1985—1989 гг

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25 апреля 1989 г — М.: Политиздат, 1989

Горбачев М. С. Об аграрной политике КПСС в современных условиях: Доклад на Пленуме ЦК КПСС 15 марта 1989 г.— М.: Политиздат, 1989

Горбачев М. С. На переломном этапе перестройки. выступление на встрече в ЦК КПСС с руководителями средств массовой информации, 29 марта 1989 г.— М.: Политиздат, 1989

Руководящие органы Центрального Комитета КПСС. Краткие биографии членов Политбюро ЦК КПСС, кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарей ЦК КПСС и Председателя КПК при ЦК КПСС//Известия ЦК КПСС — 1989 — № 1 — С. 9—31

Минаев Л. М. Демократия, политика и плюрализм мнений: ленинские уроки//Вопросы истории КПСС.— 1989 — № 1 — С. 3—17

Бернар Г. Четыре года перемен: Французский журналист о некоторых итогах первых лет перестройки в СССР//За рубежом — 1989 — № 18 — С. 5—6

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. <i>А. Кинкулькин</i>	3
ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА	7
В ЦК КПСС	—
<i>Г. Л. Смирнов.</i> К вопросу о ленинской концепции социализма	8
<i>Ю. А. Поляков.</i> Исторический процесс многомерен	22
ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И ПЕРВЫЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ	42
<i>П. В. Волобуев.</i> Обращаясь к великому опыту	—
<i>Ю. И. Кораблев</i> Гражданская война 1918—1920 годов: новые подходы	56
ДВАДЦАТЫЕ — ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ	88
<i>В. П. Наумов.</i> Ленинское завещание	—
<i>Ю. С. Борисов.</i> Эти трудные 20—30-е годы	121
<i>Л. А. Гордон, Э. В. Клопов.</i> Форсированный рывок конца 20-х и 30-х годов: исторические корни и результаты	157
<i>В. С. Лельчук.</i> Курс на индустриализацию и его осуществление	173
<i>В. П. Данилов.</i> Коллективизация: как это было .	228
ГОДЫ ПРЕДВОЕННЫЕ И ВОЕННЫЕ	254
<i>А. С. Якушевский.</i> Советско-германский договор о ненападении: взгляд через годы .	—
<i>Н. Г. Павленко</i> На первом этапе войны	273
<i>В. М. Кулиш.</i> Об уроках и правде истории	280
У порога войны	281
Великая победа	294
	306

Е. Ю. Зубкова.

Опыт и уроки незавершенных поворотов 1956 и 1965 гг.

—

Н. Н. Разуваева

Противоречия и трудности социально-экономического развития СССР в 1961—1985 гг. .

327

Л. А. Безыменский, В. М. Фалин.

Кто развязал «холодную войну»...

346

Два взгляда на одну проблему

357

Дж. Л. Геддис (США)

—

О. А. Ржешевский (СССР)

362

Б. Грайнер (ФРГ)

Не все кошки серы

366

ПЕРЕСТРОЙКА НАЧАЛАСЬ...

375

М. С. Горбачев.

Будущее станет таким, каким мы его создадим

—

Ю. С. Аксенов.

Механизм торможения и революционная перестройка

384

Г. Л. Смирнов.

Общечеловеческий интерес и интересы классов

394

Г. К. Крючков

Политический авангард общества: его место и роль в перестройке

408

БИБЛИОГРАФИЯ

431

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Факты, проблемы, люди

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*

Редактор *Л. С. Макарова*

Младший редактор *Т. А. Ходакова*

Художник *Л. Г. Рябыкина*

Художественный редактор *О. Н. Зайцева*

Технический редактор *Ю. А. Мухин*

ИБ № 8575

Сдано в набор 11.04 89 Подписано в печать 11 07 89. А 00065. Формат 60×90¹/₁₆ Бумага книжн
журнальная офсетная Гарнитура «Литературная» Печать офсетная Усл печ л. 28 Усл кр
отт. 28,5 Уч.-изд л 31,50 Тираж 540 000 420 001—540 000) экз. Заказ № 4968. Цена 1 р. 60 к

Политиздат 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7

Типография издательства «Горьковская правда» 603006, г Горький, ГСП-123, ул Фигнер, 32

